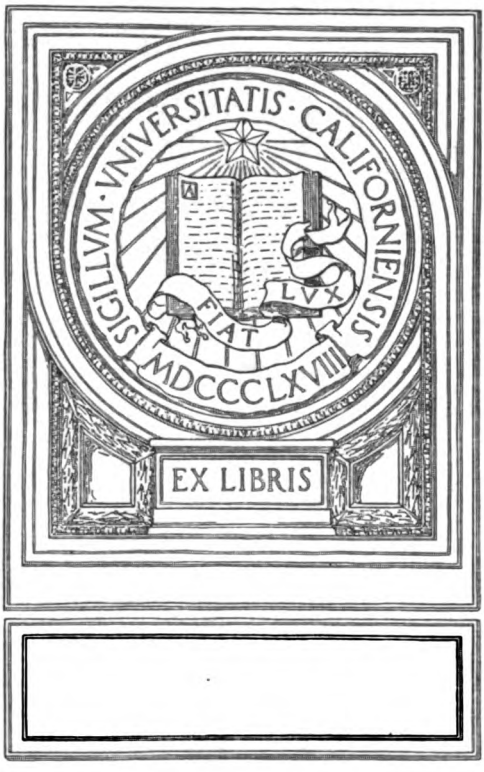
UC-NRLF
$B 598 664


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

60945

МАРТЪ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. **Л. Кржвицкаго.** (Продолженіе). 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДУМЫ И ОТКЛИКИ. **П. Я.** 19
3. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть первая. **И. Потапенко**. 20
4. СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ. **Н. Сперанскаго.** (Продолженіе) 50
5. РАЗСКАЗЫ МАТИЛЬДЫ СЕРАО. Переводъ съ итальянскаго. 82
6. МОРСКОЕ ДНО. **Проф. А. П. Павлова.** (Окончаніе). 92
7. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Конецъ первой части). 120
8. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. Академика **А. Фаминцына** (Продолженіе). 167
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛѢТНЕЮ НОЧЬЮ. (Изъ М. Конопницкой). **А. Колтоновскаго.** 200
10. В. М. ВАСНЕЦОВЪ И ВЛАДИМІРСКІЙ СОБОРЪ. **Сергѣя Маковскаго.** 201
11. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова.** 220
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ГУСИ. **А. Колтоновскаго** 266

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Спирька» г. Елпатьевскаго.—Народническая схема капитализма.—Невѣрное и устарѣлое освѣщеніе вопроса въ разсказѣ г. Елпатьевскаго.—Образчики народнической критики. **А. Б.** 1

Годъ VII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

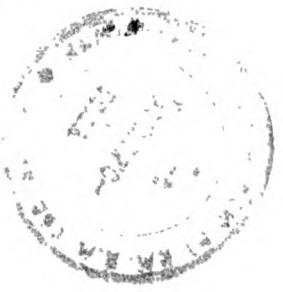
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

60945



МАРТЪ

1898 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

Дозволено цензурою 24-го февраля 1898 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1895:3
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. КАПИТАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. **Л. Крживицкаго.** (Продолженіе). 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДУМЫ И ОТКЛИКИ. **П. Я.** 19
3. ДВА СЧАСТЬЯ. (Романъ въ трехъ частяхъ). (Продолженіе). Часть первая. **И. Потапенко.** 20
4. СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ. **Н. Сперанскаго.** (Продолженіе) 50
5. РАЗСКАЗЫ МАТИЛЬДЫ СЕРАО. Переводъ съ итальянскаго. 82
6. МОРСКОЕ ДНО. **Проф. А. П. Павлова.** (Окончаніе). 92
7. ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА. (THE CHRISTIAN). Романъ **Холль Кэна.** Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.** (Конецъ первой части). 120
8. СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ. **Академика А. Фаминцына** (Продолженіе). 167
9. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛѢТНЕЮ НОЧЬЮ. (Изъ М. Конопницкой). **А. Колтоновскаго.** 200
10. В. М. ВАСНЕЦОВЪ И ВЛАДИМІРСКІЙ СОБОРЪ. **Сергѣя Маковскаго.** 201
11. ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ. Часть третья. (Продолженіе). **Ив. Иванова.** 220
12. СТИХОТВОРЕНІЕ. ГУСИ. **А. Колтоновскаго** 266

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Спирька» г. Елпатьевскаго.—Народническая схема капитализма.—Невѣрное и устарѣлое освѣщеніе вопроса въ разсказѣ г. Елпатьевскаго.—Образчики народнической критики. **А. Б.** 1

884297

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Изъ деревень.—Крестьянское общество попеченія о народномъ образованіи.—Сельскіе учителя въ Тульской губ.—Курьезный проектъ.—Странникъ Антоній. 7
15. МОЯ ДУМСКАЯ ПРАКТИКА. (Очеркъ изъ быта рабочаго населенія въ Петербургѣ). Женщины-врача **М. И. Покровской.** 17
16. **За границей.** Эмиль Зола передъ судомъ присяжныхъ.—Булувайо.—Политическій клубъ въ Парижѣ.—Миссъ Вилляръ—апостолъ трезвости. 28
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Review of Reviews».—«Fortnightly Review».—«Cosmopolis». 35
18. ШКОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. **В. Францова.** 37
19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О жизни и смерти. (Нѣкоторые взгляды и гипотезы послѣднихъ 15 лѣтъ). **В. Г.** 45
20. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія:** 1) Полное солнечное затменіе. 2) Оптическое доказательство отсутствія на Марсѣ морей. **Физика:** 1) Какіе цвѣта лучше видны на далекомъ разстояніи. 2) Выстрѣлы въ озерахъ. **Геологія:** 1) Рельефъ земной коры. 2) Новое ископаемое. 3) Доисторическая битва. **Біологія:** 1) Благодѣтельная роль мухъ, комаровъ и москитовъ въ уничтоженіи вредныхъ микробовъ. 2) Температура тѣла у низшихъ млекопитающихъ животныхъ. 3) Замерзаніе растеній и вліяніе крайне низкихъ температуръ на сѣмена. 4) Оригинальныя гнѣзда. 5) Періодическое выпаденіе зубовъ у нѣкоторыхъ рыбъ. 6) Измѣненіе окраски рыбъ во время сна. 7) Сонливость и ея микробы. **В. Агафонова** 57
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. Беллетристика.—Исторія литературы.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 63
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Великобританскій лордъ и естественный человѣкъ. **Ив. Иванова.** 84
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 104

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. М-ссъ **Е. Войничъ.** Переводъ съ англійскаго **З. Венгеровой.** . 51
25. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. **Гутчисона Маколея Познетта.** Переводъ съ англійскаго **Э. Пименовой** 41

UNIV. OF
CALIF. LIB.

Капитализація земледѣльческой промышленности.

*(Продолженіе *).*

II.

Централизирующее вліяніе рынковъ.

1.

Значеніе большихъ рынковъ.—Они вызываютъ централизацію.—Развитіе большихъ магазиновъ розничной продажи съѣстныхъ припасовъ.—Централизація въ торговлѣ масломъ.

Куплю-продажа въ уѣздномъ городишкѣ происходитъ очень примитивнымъ и незамысловатымъ образомъ. Крестьянка отъ времени до времени приноситъ двѣ, много пять-шесть дюжинъ яицъ; еврей, который арендуетъ деревенскій садъ вблизи города, привозитъ нѣсколько корзинъ плодовъ; въ мѣстной лавкѣ находятся три-четыре пуда сахару и нѣсколько фунтовъ масла. Городишко представляетъ слишкомъ небольшой рынокъ, чтобы купецъ могъ вести розничную торговлю съѣстными припасами въ большихъ размѣрахъ.

Все-таки такая картина заключаетъ въ себѣ уже значительный прогрессъ по сравненію съ прошедшими столѣтіями, когда каждая мѣщанка держала собственныхъ курицъ, плоды же можно было купить лишь во время большихъ осенникъ праздниковъ, когда народъ стекался отовсюду на богослуженіе.

Рынокъ съѣстныхъ припасовъ расширился лишь съ возникновеніемъ большихъ городовъ и фабричныхъ округовъ. Возможность продавать продукты въ большихъ количествахъ вызвала къ жизни соотвѣтственную централизацію въ сферѣ посредничества. Привозъ съѣстныхъ припасовъ принялъ другіе размѣры, вмѣсто мелкихъ продавцевъ появились фирмы, имѣющія въ распоряженіи милліонные капиталы.

Переворотъ отличается такой силой, что даже розничная продажа съѣстныхъ припасовъ не устояла противъ общаго теченія къ централизаціи, хотя это одна изъ наиболѣе рутинныхъ и упорныхъ отраслей. Возникаютъ предпріятія по образцу Лувра и другихъ великановъ

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

розничной продажи галантерейныхъ вещей. Фирма Потена въ Парижѣ принадлежитъ къ самымъ большимъ учрежденіямъ такого рода, ея обороты въ 1894 г. достигли 45 милліоновъ франковъ. Издержки веденія дѣла поглощаютъ лишь 5% этой суммы (въ обыкновенныхъ лавкахъ онѣ возростаютъ до 15%, въ мелочныхъ же еще выше). Такой низкій уровень расходовъ является слѣдствіемъ обобществленія труда и сосредоточія продажи. Купецъ, который въ теченіе цѣлаго дня продастъ муки на нѣсколько гривенниковъ, старается имѣть какъ можно меньше продукта; онъ опасается, что товаръ можетъ испортиться. Онъ покупаетъ товаръ небольшими партіями у оптовыхъ торговцевъ и, разумѣется, платитъ относительно высокую цѣну. Потенъ продаетъ ежедневно почти двадцать тысячъ килограммовъ сахару, т. е. долженъ имѣть въ своемъ магазинѣ громаднѣйшіе запасы этого продукта. Полагаютъ, что запасы, существующіе въ лавкахъ его въ ожиданіи продажи, представляютъ капиталъ въ десять милліоновъ франковъ. Чтобы продавать подешевле продукты, Потенъ самъ производитъ нѣкоторые изъ нихъ, вводя техническія усовершенствованія, возможныя лишь при большой продукціи. Въ заведеніи Потена работаютъ химики; ихъ обязанность изслѣдовать пригодность сырыхъ матеріаловъ, есть даже гастрономы, пробующіе деликатесы. Геніальная фантазія Фурье предсказала эти отношенія. Гастрономическія привычки только потому встрѣчаютъ теперь порицаніе, что для нихъ нѣтъ мѣста въ мелкомъ домашнемъ производствѣ пищи; но когда будутъ приготовлять съѣстные припасы въ большихъ количествахъ, гастрономъ сдѣлается общеполезной личностью, уважаемой всѣми, и займетъ въ общественномъ распредѣленіи труда мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ. Вообще, фирма Потена дѣйствуетъ разрушительно, уничтожая отношенія, которыя до сихъ поръ господствовали въ розничной торговлѣ во Франціи. «При помощи капиталовъ — говоритъ д'Авенель *) — разбросанныхъ по всей странѣ, они (т. е. большіе магазины розничной продажи) ввели таксу, которая регулируетъ цѣну товаровъ, служитъ мѣриломъ въ розничной торговлѣ и производитъ то, что посредникъ добавляетъ лишь небольшую сумму къ цѣнѣ, которую уплатилъ за товаръ. Потенъ далъ толчекъ возникновенію 160 магазиновъ внѣ Парижа, зависящихъ отъ него, такъ какъ они покупаютъ у него часть продуктовъ, и способствуютъ распространенію новаго духа въ отдаленнѣйшихъ городахъ. Мы можемъ оцѣнить ихъ заслугу завистью со стороны конкуррентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ департаментовъ. Борьба тяжела и горяча. Но такъ какъ ученики не измѣняютъ наукѣ учителя въ Парижѣ и продаютъ хорошій товаръ по дешевой цѣнѣ, то побѣда прогрессивныхъ знаній лишь вопросъ времени».

---

*) G. d'Avenel. «*Le Mecanisme de la vie moderne, Les magasins d'alimentation*». «Revue des deux Mondes», томъ CXXIX, стр. 820.

Большіе города вызываютъ централизацію. Сосредоточіе оборотовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше количество ихъ.

Потребитель покупаетъ масло фунтами въ небольшой лавкѣ, имѣющей небольшой кружокъ покупателей и не могущей дѣлать большихъ запасовъ. Лавочники получаютъ товаръ у посредниковъ высшаго разряда, обладающихъ уже болѣе широкимъ кругомъ заказчиковъ и потому ведущихъ дѣло въ большихъ размѣрахъ. Поднимаясь все выше и выше, мы очутимся лицомъ къ лицу съ оптовыми фирмами, привозящими товаръ изъ-заграницы и, благодаря своимъ громаднымъ заказамъ, вызывающими возникновеніе большихъ предпріятій. Значитъ, постепенный ходъ централизаціи посредничества идетъ отъ странъ, которыя ввозятъ съѣстные припасы, къ странамъ экспорта. Въ губернскомъ городѣ, напр., употребляющемъ мѣстное масло, торговля молочными продуктами довольно проста: хозяйства, высылающія этотъ товаръ, привозятъ его лично на базаръ или отдаютъ на продажу въ лавки. Такой образъ дѣйствій невозможенъ въ Лондонѣ, куда отправляютъ масло изъ далекихъ мѣстностей земного шара. Тамъ должны были возникнуть громадныя фирмы, занимающіяся посредничествомъ, а появившись, онѣ повліяли на вывозные рынки.

Въ 1892 г. Англія потребила 6.767 тысячъ пудовъ масла, произведеннаго внѣ ея территоріи. Данія выслала 38% этого громаднаго количества. Вывозъ изъ Даніи въ продолженіе 1889 — 1892 г.г. поднялся съ 1.159 тысячъ пудовъ до 2.757. Такое увеличеніе экспорта повліяло на организацію посредничества. До 1880 г. въ Даніи существовало безчисленное множество сравнительно мелкихъ посредниковъ, которые покупали продукты молочнаго хозяйства для высылки ихъ въ Англію, Но со временемъ возникла въ Копенгагенѣ организація, составляющая зародышъ спеціальной товарной биржи — молочной. Точно такъ же образовывались нѣкогда хлѣбныя биржи: публичное учрежденіе возникло изъ мѣста сходки частныхъ лицъ, занимающихся вывозомъ или ввозомъ хлѣба, смотря по тому, какую страну мы изслѣдуемъ. Биржа молочныхъ продуктовъ существуетъ тоже и въ Англіи въ зачаточной формѣ. Она — нѣчто въ родѣ вольнаго общества фирмъ, ввозящихъ масло. Она-то дала первый толчекъ образованію такого же учрежденія въ Даніи. Вліяніе ея особенно обнаружилось въ томъ, что англійскія фирмы назначаютъ предсѣдателя датской организаціи. Общество, находящееся въ Копенгагенѣ, кромѣ этого предсѣдателя, состоитъ еще изъ четырехъ экспортеровъ, производящихъ громаднѣйшіе обороты масломъ, одного маклера и одного представителя молочныхъ обществъ, которыхъ насчитывается очень много въ Даніи. Почти все масло, отправляемое въ Англію, проходитъ чрезъ это центральное общество, контролирующее качество товара и опредѣляющее цѣны его, —вещь, вполнѣ понятная и возможная, если примемъ во вниманіе, что датскій продуктъ господствуетъ на англійскихъ рынкахъ. Централизація посредничества является въ

данномъ случаѣ передъ нами въ дѣйствительномъ своемъ обликѣ: она властвуетъ надъ экономическими силами на рынкѣ и своимъ дѣйствіемъ уничтожаетъ «святѣйшій» законъ свободной конкурренціи, такъ какъ регулируетъ взаимныя соотношенія предложенія и спроса. Заграничное масло покрываетъ недостатокъ, ощущаемый въ этомъ продуктѣ въ Даніи вслѣдствіе такого громаднаго вывоза. Ввозъ этого продукта въ теченіе 1884—1892 г.г. въ Данію увеличился съ 268 тысячъ пудовъ до 643. Англія, страна болѣе зажиточная, покупаетъ датское масло, считаемое самымъ лучшимъ на международномъ рынкѣ; датчане же, у которыхъ нѣтъ такихъ средствъ, довольствуются низшими сортами, прибывающими изъ Германіи, Швеціи и Норвегіи. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ любопытный фактъ возникновенія и завоеванія рынковъ, впрочемъ, повторяющійся постоянно и уничтожающій всѣ схематическіе выводы тѣхъ, которые строятъ экономическіе рецепты не по явленіямъ жизни, но сообразно «логикѣ» своей головы.

Но волна, вышедши изъ Англіи, не ограничивается одной лишь Даніей. Она распространилась на многія другія страны: на Канаду и Австралію, на Голландію, Францію и Германію, вездѣ вызывая тѣ же самыя послѣдствія. Для примѣра возьмемъ Финляндію. Вывозъ масла изъ Финляндіи возрастаетъ очень быстро. Онъ достигалъ въ 1884 г.—137.000 пудовъ, въ 1888 г.—267.000 пудовъ, въ 1892 г.—433.000 пудовъ. Совмѣстно съ ростомъ вывоза, торговля сосредочивается все въ меньшемъ количествѣ рукъ. Въ настоящее время ее ведетъ 20—30 экспортныхъ домовъ, изъ которыхъ два имѣютъ собственныхъ агентовъ въ Англіи. Ганге—главнѣйшій вывозной портъ: масло доставляется туда по желѣзной дорогѣ изъ нѣсколькихъ меньшихъ центровъ. Вагоны для перевозки масла ходятъ одинъ разъ въ недѣлю, они свозятъ его въ портъ, гдѣ особые пароходы, нагружаемые лишь этимъ продуктомъ, ожидаютъ транспорта.

Международная торговля масломъ обнаруживаетъ и показываетъ вліяніе большихъ рынковъ. Дѣйствіе, выходя изъ центра, распространяется все дальше, какъ бываетъ съ волнами на поверхности пруда, когда въ него бросимъ камень. Волны доходятъ до отдаленнѣйшихъ захолустьевъ по мѣрѣ распространенія средствъ сообщенія и возможности поддерживать постоянныя и правильныя торговыя отношенія. Вліяніе, исходящее изъ большихъ рынковъ, вездѣ и всегда одинаково, оно вездѣ поощряетъ ростъ централизаціи. Въ мѣстахъ вывоза появляются меньшіе центры, увеличивающіеся съ теченіемъ времени въ размѣрахъ и въ стихійномъ развитіи производительныхъ силъ, рождающихъ, въ формѣ частныхъ сотовариществъ и сходокъ, учрежденія, составляющія зачатокъ биржъ. Возникаютъ какъ бы сердца въ организмѣ посредничества. Ихъ сравниваютъ съ кровеносной системой. Подъ давленіемъ большихъ рынковъ появляется связь между отдѣльными со-

судами, механизмъ распространяется на все дальнѣйшія страны, пульсъ центральнаго сосуда чувствуется во всемъ организмѣ.

Мы взяли первый изъ попавшихся продуктовъ. Вмѣсто масла, мы могли бы остановиться на другихъ отрасляхъ международнаго обмѣна съѣстными припасами: на торговлѣ яйцами, хлѣбомъ, мясомъ, плодами. Одни изъ этихъ продуктовъ давнымъ-давно попали во власть централизаціи, другіе находятся въ начальномъ фазисѣ ея возникновенія. Но ходъ развитія вездѣ одинаковъ.

Чтобы получше ознакомиться съ дѣйствіемъ выше разсмотрѣнныхъ факторовъ и представить наглядныя послѣдствія такого переворота, изслѣдуемъ нѣкоторыя явленія въ торговлѣ скотомъ.

2.

Берлинскій *Viehhof*.—Американскія отношенія.—*Stockyards* въ Чикаго.—Централизація торговли вызываетъ концентрацію обработки. — Большія бойни и ихъ устройство.

Мы подъѣзжаемъ по пригородной желѣзной дорогѣ къ берлинскому *Viehhof'y*. Мы проходимъ по длинному мосту, внизу подъ нимъ тянется нѣсколько рельсовыхъ линій, затѣмъ спускаемся по лѣстницѣ въ центръ громаднѣйшихъ построекъ. Ихъ архитектура — изъ желѣза и стекла — свидѣтельствуетъ, что мы находимся у порога далекаго будущаго. Постройки эти во многихъ отношеніяхъ замѣчательны и повторяются въ каждомъ почти зданіи выставокъ, матеріалъ позволяетъ, въ случаѣ надобности, разобрать постройку и перенести ее на другое, иногда очень отдаленное мѣсто. Можетъ быть, онѣ предвѣщаютъ новую эпоху въ исторіи человѣчества, когда нашъ далекій потомокъ, завидуя кочевнику, снимающему шатеръ и отправляющемуся въ другой уголокъ степи, будетъ складывать цѣлые города и переносить ихъ дальше.

Постройки занимаютъ площадь около 75 десятинъ. По одной сторонѣ находится громаднѣйшее зданіе, которое въ состояніи вмѣстить четыре тысячи скота. Подъ это строеніе ушло три десятины. Съ другой возвышается биржа скота, дальше овчарня и свиной дворъ, разсчитанные на громадное количество животныхъ, овчарня, напримѣръ, можетъ вмѣстить въ своихъ стѣнахъ 55 тысячъ овецъ.

Viehhof составляетъ какъ бы глотку Берлина, соединенную при посредствѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ со всѣми важнѣйшими мѣстами продажи скота въ Германіи. Биржа, телеграфная и почтовая конторы доказываютъ, что пульсъ обмѣна здѣсь очень силенъ. Существуетъ цѣлая армія служителей, исполняющихъ разныя функціи, вызванныя къ жизни берлинскимъ скотнымъ дворомъ.

Во главѣ находится 26 чиновниковъ, назначаемыхъ городской думой. Ихъ названія заставляютъ наше воображеніе обратиться къ да-

лекой феодальной старинѣ, когда изъ людей императорскаго лагеря возникали сановники: егермейстеры, сокольники и т. д. На низшихъ ступеняхъ арміи находится 115 мужчинъ и 23 женщины: ихъ обязанности состоятъ въ отопленіи зданій, очисткѣ двора и т. д. Посреди движется громадная толпа погонщиковъ, состоящая изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и подчиняющаяся сотнѣ оберъ погонщиковъ. Кромѣ того, на скотномъ дворѣ существуетъ муниципальная бойня, дающая занятія многимъ спеціалистамъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ мясной промышленности небольшого города, и воздвигаются заведенія, обрабатывающія отбросы, теряющіеся безвозвратно въ бойнѣ мелкаго мясника. Всѣ отдѣленія скотнаго двора и бойни подлежатъ санитарному вѣдомству. Почти четыре сотни человѣкъ находитъ заработокъ въ санитарномъ департаментѣ, въ томъ числѣ мы находимъ до двухсотъ микроскопистовъ. Мы въ правѣ сказать, что первый разъ въ исторіи человѣкъ пріобрѣлъ увѣренность, что потребляетъ здоровое мясо. За это онъ долженъ поблагодарить централизацію производства, это необходимое условіе для санитарнаго контроля.

Появилось уже нѣсколько экономическихъ монографій, задающихся цѣлью описать отношенія берлинскаго *Viehhof*'а. Но все-таки величина его, хотя сама по себѣ значительна, совершенно теряется, если мы сравнимъ его съ размѣрами американскихъ скотныхъ дворовъ.

Около двухсотъ тысячъ рогатаго скота, полумилліона свиней и немногимъ больше овецъ проходитъ ежегодно черезъ каналы берлинскаго *Viehhof*'а. Но эти цифры совершенно незначительны, если мы сопоставимъ ихъ съ величиной обмѣна, производимаго въ Чикаго, Канзасъ-Сити и другихъ центрахъ торговли скотомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ниже приведенныя статистическія данныя дадутъ намъ понятіе о размѣрахъ провоза рогатаго скота въ важнѣйшіе *Stockyard*'ы сѣверо-американской республики:

	Чикаго.	С.-Луисъ.	Канзасъ-Сити.	Омаха.
1865	330.000	94.000	—	—
1875	921.000	336.000	175.000	—
1880	1.382,000	425.000	245.000	—
1885	1.906.000	386.000	507.000	114.000
1889	3.023.000	508.000	1.220.000	468.000

Торговля овцами и свиньями имѣетъ соотвѣтственную величину. Цифры эти производятъ подавляющее впечатлѣніе. Омаха, которая основала скотный дворъ лишь въ 1885 г., по истеченіи четырехъ лѣтъ требуетъ ввоза, превышающаго два раза годичное количество скота на берлинскомъ *Viehhof*'ѣ. Но первое мѣсто принадлежитъ скотному двору въ Чикаго. Лѣсистыя Невада и Монтана, степныя пространства Аризоны и Техаса, прелестная долина рѣки Миссисипи, словомъ, мѣстности, отстоящія на двѣ и три тысячи верстъ, высылаютъ въ Чикаго всякаго рода скотъ десятками тысячъ. Путешествуя по Миннесотѣ, я

видалъ на каждой станціи желѣзной дороги небольшія огороженныя мѣста, отъ которыхъ поднимался мостикъ, прерывающійся на нѣкоторой высотѣ. Особые поѣзда идутъ систематически каждый день, собираютъ скотъ изъ этихъ стоянокъ, какъ наши поѣзда—пассажировъ, и везутъ его къ большимъ центрамъ мясного промысла. Вдоль желѣзной дороги существуютъ громаднѣйшіе склады фуража. Изо дня въ день, сотни вагоновъ подъѣзжаютъ къ *Stockyard*'у въ Чикаго, подвозя огромное количество живого мяса.

Скотный дворъ въ Чикаго можетъ вмѣстить сразу триста тысячъ скота. Посѣтители, желающіе по утрамъ полюбоваться удивительной картиной, поражаются крикомъ и движеніемъ, господствующими на скотномъ дворѣ. Есть дни, когда здѣсь бушуетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рогатаго скота.

Возникновеніе такихъ громадныхъ центровъ продажи и покупки скота повліяло на технику мясного промысла. Централизація, явившись въ сферѣ подвоза, вызвала къ жизни такія же отношенія въ только что названномъ промыслѣ.

Разсматривая средневѣковыя переписи, мы находимъ въ каждомъ посадѣ множество пивныхъ заводовъ. Новогродъ надъ Наревомъ въ Ломжинской губерніи, населеніе котораго не превышало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, насчитывалъ въ 1620 г. четырнадцать такихъ заводовъ, въ Ломжѣ находилось ихъ 68. Цифры эти свидѣтельствуютъ только объ одномъ, именно, что напитокъ приготовлялся домашнимъ образомъ, въ небольшихъ количествахъ. Но эпоха пара уничтожила эту незатѣйливую простоту. Вмѣсто мелкихъ кустарей, кромѣ приготовленія пива занимающихся еще продажей продукта и имѣющихъ небольшой кружокъ потребителей, съ которыми нужно иногда дѣлать пріятельскія попойки, возникли громадные пивные заводы, откуда напитокъ льется ручьями по далекимъ мѣстамъ. Прежніе заводчики обратились въ шинкарей, продающихъ пиво изъ чужихъ пивныхъ заводовъ.

Въ настоящее время всѣ отрасли промышленности, приготовляющей съѣстные припасы, представляютъ картину подобнаго переворота. Наше время уничтожило обычай варить пиво и выдѣлывать другіе напитки дома и поручило эту задачу обособленнымъ заводамъ; сахаръ приготовляется такимъ же образомъ; концентрація теперь измѣняетъ рутинный характеръ мясной торговли, производства сыра и масла, консервовъ и многихъ другихъ предметовъ.

Мелкій ремесленникъ-мясникъ исчезъ изъ берлинскаго *Viehhof'a*. Вмѣсто него явился капиталистъ, убивающій скотъ въ одномъ изъ отдѣленій городской бойни, которое онъ снялъ у муниципалитета, и продающій мясо или довѣряющій его для продажи бывшимъ своимъ товарищамъ по ремеслу, побѣжденнымъ въ борьбѣ. Одинъ изъ авторовъ, написавшій большую монографію объ устройствѣ берлинскаго скотнаго

двора, говоритъ по этому поводу: «Во всемъ промыслѣ мы видимъ громаднѣйшее сбереженіе времени, издержекъ и матеріала. Средне зажиточный мясникъ, который, убивая нѣсколько воловъ или свиней въ день, долженъ былъ содержать прислугу, выигралъ на этомъ переворотѣ. Часть своей работы онъ передалъ большимъ фирмамъ и довольствуется дешевой силой женскихъ рабочихъ рукъ. Онъ свободенъ теперь отъ заботы, какъ продать худшіе куски мяса» *). Авторъ, д-ръ Леви, экономистъ мѣщанскаго направленія, не замѣтилъ, что подъ видомъ мнимаго барыша укрывается фактическая зависимость, а въ дальнѣйшемъ будущемъ полнѣйшее исчезновеніе самостоятельныхъ мясниковъ и переходъ ихъ въ ряды приказчиковъ въ какой-нибудь изъ мясныхъ лавокъ большой фирмы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ мясной промыселъ сталъ вполнѣ большимъ капиталистическимъ предпріятіемъ. Независимый мелкій мясникъ или совершенно исчезъ, или исчезаетъ во всѣхъ городахъ, лежащихъ вдоль сѣти желѣзныхъ дорогъ. Возлѣ скотопригонныхъ дворовъ возникли величайшія фабрики мяса, которыя пустили въ ходъ всѣ возможныя техническія улучшенія. Онѣ носятъ въ Америкѣ названіе *hucking-houses*. Вблизи скотнаго двора въ Чикаго существуетъ ихъ нѣсколько десятковъ, такъ что онѣ составляютъ нѣчто въ родѣ мясного посада. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, три громаднѣйшихъ заведенія, недовольныя продѣлками акціонернаго общества, которому принадлежитъ скотный дворъ, рѣшили перенести свои фабрики въ другое мѣсто, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Чикаго. По разсчетамъ, произведеннымъ одной изъ газетъ, оказалось, что новый посадъ будетъ вмѣщать около 150 тысячъ человѣкъ, зависящихъ непосредственно или косвенно отъ мясного промысла!

Изо дня въ день, въ утренніе часы десятки поѣздовъ приходятъ съ запада, привозя скотъ. Къ вечеру десятки другихъ отходятъ къ востоку, нагруженные мясомъ. Свѣжее мясо отправляется изъ Чикаго въ города, расположенные вдоль Атлантическаго океана и въ Англію. На разстояніи тысячи и болѣе верстъ фабрики, находящіяся въ Чикаго, совсѣмъ уничтожили мясниковъ и вызвали къ жизни новую заботу: если мясной грузъ не будетъ доставленъ въ надлежащее время, данная мѣстность будетъ лишена этого продукта. Заводы Армура и другихъ капиталистовъ приняли соотвѣтственныя предосторожности, построивъ въ важнѣйшихъ городахъ амбары, въ которыхъ можно было бы сохранять большія количества мяса. «Послѣ долгой и упорной борьбы съ желѣзнодорожными обществами, чикагскія скотобойни,—говоритъ М. Серингъ,—высылаютъ теперь свѣжее мясо въ каждый большой и даже средній городъ на сѣверо-американскомъ материкѣ. Здоровое лицо

*) Dr. Levy von Halle «Berliner Viehof» въ «Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung» etc. XVI.

мясника исчезло безвозвратно изъ американскихъ скотопригонныхъ дворовъ, онъ пересталъ быть самостоятельнымъ ремесленникомъ и сдѣлался розничнымъ торговцемъ, получающимъ ежедневно мясо изъ большихъ фабрикъ» *).

Между бойнями, существующими въ Чикаго, первое мѣсто принадлежитъ заводамъ Армура.

Объ ихъ ростѣ даютъ понятіе статистическія цифры, относящіяся къ 1891 и 1892 г.г. и опредѣляющія количество головъ убитаго скота;

Въ 1891 г. убито свиней 1.500.000, воловъ 650.000, барановъ 350.000; въ 1892 г. свиней 1.750.000, воловъ 850.000, барановъ 600.000, т. е. производство въ бойнѣ Армура въ теченіе двухъ лѣтъ увеличилось на цифру больше той, которая представляетъ годичный ввозъ скота на берлинскій Viehhof. Вилькенсъ, описывая устройство фабрикъ, сдѣлалъ ироническую замѣтку, что приступаетъ къ «мясному» эпосу, — столько усовершенствованій введено тамъ, благодаря сосредоточенію орудій производства. Свиней загоняютъ въ узкій проходъ, въ которомъ хватаютъ каждое животное и продѣваютъ чрезъ заднюю лѣвую ногу соотвѣтственнымъ образомъ устроенную цѣпь, затѣмъ, при посредствѣ механическаго аппарата, поднимаютъ вверхъ и въ воздухѣ автоматически переносятъ на мѣсто, гдѣ ловкій спеціалистъ поджидаетъ его, чтобы вонзить кинжалъ въ сердце. Убитое животное виситъ нѣкоторое время въ воздухѣ, истекая кровью, которая по желобу течетъ на фабрику, выдѣлывающую изъ нея краски и другіе продукты. Продолжается это очень короткое время, и еще теплое животное, при помощи автоматическихъ аппаратовъ, погружаютъ въ кипятокъ, откуда оно попадаетъ подъ колеса машины, очищающей кожу отъ щетины. Другіе рабочіе подхватываютъ путешествующую тушу: одинъ дѣлаетъ нарѣзы на туловищѣ, другой подрѣзываетъ горло, десятый вынимаетъ внутренности, его сосѣдъ отрѣзываетъ голову. Вездѣ дѣйствуютъ автоматическіе приборы: цѣлое животное и отдѣльныя части его движутся по наклоннымъ рельсамъ подъ давленіемъ собственной тяжести. Все путешествіе продолжается около десяти минутъ, и кончается тѣмъ, что на нѣсколько часовъ животное отправляется въ ледникъ и подвергается осмотру въ санитарномъ отдѣленіи. И снова начинаются скитанія, пока, наконецъ, сплошная туша не будетъ раздѣлена на части, которыя попадутъ въ разныя части завода. Машины, движимыя паровымъ моторомъ, дѣйствуютъ вездѣ, гдѣ можно ими воспользоваться; онѣ разрѣзываютъ языкъ на части, выдѣлываютъ колбасы и т. д. Благодаря размѣрамъ производства, даже самые ничтожные отбросы получаютъ то или другое утилитарное назначеніе: изъ ногъ получается клей, рога и копыта идутъ на выдѣлку рукоятокъ у ножей, кровь служитъ матеріаломъ для искусственнаго удобренія; изъ органическихъ

*) M. Sering. «Die landwirthschaftliche Konkurrenz Nordamerika's in Gegenvart und Zukunfth» Лейпцигъ 1887.

остатковъ, собираемыхъ при очисткѣ половъ, выдѣлываютъ мазь. Въ общемъ заводъ Армура даетъ работу восьми тысячамъ человѣкъ.

Такая концентрація мясной торговли имѣла огромное вліяніе на сельское хозяйство.

«Уничтоженіе надлежащаго соотношенія между мѣстнымъ потребленіемъ и мѣстнымъ производствомъ, можетъ быть, нигдѣ не обнаруживается такъ сильно, какъ въ продукціи мяса. Спеціальныя экономическія затрудненія возникли по этому поводу въ большинствѣ странъ восточной Европы» *).

3.

Величина фермъ зависитъ отъ размѣровъ рынка.—Централистическія вліянія рынковъ и примѣры возникающей централизаціи.

Величина производства зависитъ отъ величины спроса, т. е. рынка. Въ уѣздномъ городѣ нельзя даже и мечтать объ основаніи паровой прачешной, которая въ теченіе сутокъ можетъ выстирать, высушить и выгладить 80 тысячъ фунтовъ бѣлья, или паровой пекарни, приготовляющей ежедневно нѣсколько десятковъ тысячъ хлѣба. Точно также воздѣлываніе подъ малину или землянику сотни десятинъ земли въ захолустьи было бы величайшей глупостью, если мѣстность не соединена желѣзной дорогой съ центрами общественной жизни.

Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, огородничество, земледѣліе и даже скотоводство имѣли очень незначительные размѣры. Отсутствіе рынковъ не поощряло землевладѣльцевъ расширять производство; если и существовали города, ввозъ былъ затруднителенъ, не было средствъ сообщенія, позволявшихъ скорую, массовую и дешевую перевозку продуктовъ. А. П. Соколовскій говоритъ, что въ Деревской пятинѣ, въ самой плодородной части между Мстой, Ильменемъ и Ловатью, на пространствѣ 31 тысячи квадратныхъ верстъ, въ концѣ XV в. не было ни одного землевладѣльца, который имѣлъ бы болѣе двадцати десятинъ земли въ каждомъ изъ двухъ полей; въ большинствѣ случаевъ хозяинъ засѣвалъ не болѣе 5 десятинъ, пользуясь даровымъ трудомъ столькихъ же рабовъ **). То же самое мы видимъ въ Польшѣ, которая въ XV и слѣдующихъ вѣкахъ во многихъ отношеніяхъ опередила Европу. Отчасти она играла тогда роль Соединенныхъ Штатовъ—была поставщицей хлѣба въ Голландію и Ганзейскіе города. Благодаря этому, шляхетское сословіе получило преобладающее значеніе въ общественной жизни. Латифундіи образуются въ концѣ XVI вѣка, т. е. съ развитіемъ вывоза хлѣба по Вислѣ въ Данцигъ. Но въ Литвѣ развитіе сильно опаздывало и хотя тамъ существовали большія имѣ-

*) D-r Fr. v. Suraschek. «*Uebersichten der Weltwirthschaft* 1885 и 1889», стр. 184,

**) А. П. Соколовскій. «*Очеркъ исторіи общины на сѣверѣ Россіи*». С.-Петербургъ 1879, стр. 21.

нія, но онѣ представляли лишь концентрацію правъ собственности, но не земледѣлія. Магнаты отдавали землю въ аренду мелкой шляхтѣ, которая производила продукты не на продажу, но для собственнаго потребленія.

Обработка земли въ большихъ размѣрахъ возникаетъ съ появленіемъ рынковъ. Лишь въ наше время можно вести хлѣбное хозяйство на 1.000 и болѣе десятинъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ даже на 15 тысячахъ, воздѣлываемыхъ, какъ одно сплошное поле.

Образованіе фабричныхъ округовъ и возникновеніе городовъ повліяло прежде всего на обмѣнъ и развило въ немъ централизацію; съ теченіемъ времени оно начало оказывать дѣйствіе на производство хлѣба, овощей, молока и другихъ съѣстныхъ продуктовъ. Города и фабрики дали толчекъ появленію большихъ фруктовыхъ садовъ, расширили размѣры фермъ, открыли возможность продажи мяса, высылаемаго въ количествѣ милліоновъ фунтовъ изъ степей Америки.

Впрочемъ, наши, даже громаднѣйшія европейскія фермы велики только по виду, но не въ дѣйствительности. Производство очень раздроблено, вслѣдствіе одновременнаго веденія многихъ земледѣльческихъ промысловъ. Но экономическое развитіе въ нѣкоторыхъ странахъ уничтожило эту всесторонность и завело спеціализацію, явились фермы, разводящія лишь скотъ или производящія молоко, возникли хозяйства, высылающія на рынокъ только пшеницу или фрукты. Въ жизни воплощаются отношенія, о которыхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ мечталъ одинъ лишь Фурье. Онъ предсказалъ, что настанетъ эпоха «морей капусты и свеклы», фруктовыхъ лѣсовъ и пшеничныхъ степей. Умники подсмѣивались надъ мечтателемъ, Мюссе написалъ стихотвореніе, въ которомъ трунилъ надъ «остриженнымъ земнымъ паромъ». Но время показало, что именно Мюссе былъ неправъ, такъ какъ въ жизни воплотились отношенія, предвидѣнныя утопистомъ. Въ обрабатывающей промышленности явились «короли»—угля, желѣза. То же самое мы видимъ въ хлѣбопашествѣ, садоводствѣ и скотоводствѣ. Американская пресса щедро раздаетъ большимъ скотозаводчикамъ такія названія: *cattle king*'и, *strawberry-king*'и и др. Существуетъ даже король цыплятъ. Въ штатѣ Нью-Джерси находятся многочисленныя «фабрики цыплятъ». Нѣкоторыя изъ нихъ въ теченіе сезона продаютъ около десяти тысячъ цыплятъ, производя ихъ съ нарушеніемъ всѣхъ обычныхъ правилъ кормленія и воспитанія. Впрочемъ, и въ Европѣ существуютъ такіе вельможи. Владѣлецъ имѣнія Коттбусъ-Пейтъ въ Германіи, «карпій король», ведетъ производство карповъ въ 82 прудахъ.

Вѣроятно, нѣтъ ни одной отрасли земледѣлія, огородничества или скотоводства, въ которой подъ централизующимъ дѣйствіемъ рынковъ не возникли такія отношенія. Особенно колоніальныя страны насчитываютъ много такихъ громадныхъ, спеціализированныхъ фермъ. Чтобы нагляднѣе представить развитіе этого стремленія къ централизаціи и спеціализаціи, приведемъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ

различныхъ отраслей земледѣльческаго — въ самомъ широкомъ значеніи—труда.

Вдоль хребта Скалистыхъ горъ находится множество фермъ, которыя занимаются единственно овцеводствомъ. Даже въ штатѣ Миссури появляются такія предпріятія. Одно изъ нихъ, Патерсона и К°, владѣетъ 450 десятинами, изъ которыхъ лишь десятая часть находится подъ пшеницей и овсомъ, остальное пространство раздѣлено на загороди для овецъ, представляющихъ смѣсь мериноской расы съ тропшайрской. Ферма продаетъ ежегодно около 45—50 тысячъ фунтовъ шерсти и около двухъ тысячъ барановъ. Акціонерное общество затратило 12 тысячъ долларовъ на покупку земель и овецъ, т. е. столько, сколько теперь получаетъ годового дохода. Къ западу фермы этого рода все возрастаютъ. Вмѣсто человѣческой руки, явились автоматическіе помощники: при помощи автоматическихъ приборовъ барановъ стригутъ и моютъ. Смотря по величинѣ машины, одинъ человѣкъ, имѣя при себѣ мальчугана, можетъ вымыть отъ 300 до 3.000 барановъ. Но размѣры американскихъ фермъ, разводящихъ овецъ, ничтожны сравнительно съ фермами, которыя возникли на материкѣ Новой Голландіи; тамъ находятся заводчики, имѣющіе по сту и двѣсти тысячъ овецъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ спеціальныя фермы, выкармливающія лучшіе сорта рогатаго скота. Одна изъ земледѣльческихъ газетъ, издаваемыхъ въ Германіи, назвала ихъ *Thier fabriken*, «Фабрики скота»; въ Америкѣ же такой способъ скотоводства слыветъ подъ именемъ *factory System*, «фабричной системы». Концентрація большого количества скота сдѣлала возможнымъ приложеніе многихъ техническихъ улучшеній: въ хлѣвахъ поддерживаютъ свѣжій воздухъ при помощи вентиляціи и постоянную температуру посредствомъ сѣти согрѣваемыхъ паромъ трубъ. «Кормъ скота,—читаемъ въ одномъ рефератѣ,—производится при помощи машинъ. Автоматическіе мѣха вгоняютъ соотвѣтственно приготовленный фуражъ въ ясли, насосъ наполняетъ ихъ водой. Гидравлическая машина смываетъ навозъ съ полу два раза въ день». *Union Cattle Company* построила хлѣвы, которые въ состояніи вмѣстить каждый 3.750 головъ скота. Предпріятія эти занимаются разведеніемъ самыхъ лучшихъ породъ скота, доставляющихъ первоклассные сорта мяса.

Такая же спеціализація настала въ огородничествѣ и садоводствѣ, создавъ и тамъ такія же громадныя предпріятія.

По ту сторону Атлантическаго океана существуютъ поля клубники, владѣльцы которыхъ продаютъ десятки и сотни четвертей этого продукта. Одинъ изъ капиталистовъ вблизи Нью-Іорка разводитъ этотъ плодъ на пространствѣ около ста десятинъ.

Вблизи Нью-Іорка существуетъ фруктовая ферма, на пространствѣ 180 десятинъ, разводящая лишь грушевыя деревья (въ числѣ 250 породъ). Она продаетъ ежегодно нѣсколько тысячъ бушелей этого продукта. Капиталистъ старается сохранить плоды осенью и зимой и про-

давать ихъ весной, когда цѣна выше. Съ этою цѣлью онъ построилъ амбаръ, температура котораго стоитъ всегда на одномъ и томъ же уровнѣ. На своей фермѣ онъ содержитъ особую породу коровъ, такъ какъ лишь навозъ, получаемый отъ нихъ, пригоденъ для питанія деревьевъ. Ольденская фруктовая ферма еще больше; она занимаетъ около 1.200 десятинъ. Въ 1892 г. она продала 60 вагоновъ грушъ и яблокъ; подъ яблонями вида Бенъ-Девасъ находится 50 десятинъ.

Разсадники и питомники фруктовыхъ деревъ получили такіе же размѣры. Одинъ въ Пенсильваніи занялъ 60 десятинъ, другой вблизи Рочестера (штатъ Нью-іорскій) — 180. Питомникъ въ Пенсильваніи доставляетъ лишь яблоки и персики. Для выкапыванія молодыхъ деревьевъ употребляется спеціальный плугъ, который въ состояніи ежедневно вырывать 5.000 штукъ.

4.

Централизація посредничества и производства влечетъ измѣненія въ сферѣ обработки.—Фабрики масла и сыровъ.—Послѣдствія.

Мы видѣли, какъ централизація, возникшая въ механизмѣ посредничества, вызвала перемѣны въ способахъ производства хлѣба, скота или фруктовъ. Величина предпріятій увеличилась, явились громаднѣйшія фермы, образовались акціонерныя общества. Но дѣйствіе новыхъ факторовъ не ограничилось этимъ. Подъ давленіемъ концентраціи обмѣна и увеличенія размѣра земледѣльческихъ промысловъ, переворотъ постигъ и обработку сырыхъ матеріаловъ: хлѣба въ муку, фруктовъ въ консервы, скота въ мясо.

Возникаютъ фабрики ветчины, вареній, масла, сыра. Технической переворотъ, который начался съ образованіемъ большихъ городовъ и возникновеніемъ обособленнаго ремесла, двигается все дальше, обнимая все новыя сферы производительной дѣятельности.

Разсмотримъ нѣкоторыя проявленія этого переворота, именно тѣ, которыя относятся къ отраслямъ промышленности, считаемымъ у насъ необходимой принадлежностью земледѣлія.

Производство масла и сыра въ Россіи ведется рутиннымъ образомъ: крестьянинъ, пользуясь простыми снарядами, извѣстными искони вѣковъ, выдѣлываетъ изъ молока своихъ коровъ масло и несетъ его въ городъ; дворянская усадьба производитъ большее количество этого товара, но пріемы у нея тѣ же.

Но спросъ на масло на международномъ рынкѣ слишкомъ великъ, чтобы можно было удовлетворить существующую потребность помощью такихъ примитивныхъ способовъ. И само производство продукта на громадныхъ молочныхъ фермахъ тоже слишкомъ громадно, чтобы можно было довольствоваться ручнымъ трудомъ. Техника побѣдила трудности: она изобрѣла машины для добыванія масла и приложила къ нимъ паровые моторы. Такое машинное производство распро-

странилось особенно въ Америкѣ: въ Канадѣ существуетъ около 1.500 фабрикъ масла и сыра; перепись въ 1880 г. въ Соединенныхъ Штатахъ опредѣлила число такихъ заводовъ около 3.932. Мы получимъ болѣе точное понятіе о взаимномъ отношеніи прежнихъ и новѣйшихъ способовъ производства, сравнивъ цифры продукта, выдѣлываемаго на фермѣ ручнымъ образомъ и на фабрикахъ. Въ 1880 г. въ Соединенныхъ Штатахъ произведено тысячъ фунтовъ:

	Масла.	Сыра.
на фермахъ	77.150	27.272
» фабрикахъ	29.428	215.885

Значитъ, сыръ въ Соединенныхъ Штатахъ пересталъ быть продуктомъ земледѣльческаго кустаря и производится главнѣйшимъ образомъ на фабрикѣ. Нѣкоторыя фабрики молочныхъ продуктовъ достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Въ графствѣ Франклинъ (штатъ Вермонтъ) существуетъ фермерскій союзъ, владѣющій акціонерной фабрикой масла, производящей въ день двадцать тысячъ фунтовъ этого продукта.

Эллингтонская фабрика выслала на продажу въ 1892 году около 230 тысячъ фунтовъ масла. На такомъ заводѣ мы напрасно доискивались бы пріемовъ, напоминающихъ наши способы производства. Каждая мелочь обставлена иначе. Если бы мы захотѣли у насъ найти подобнаго рода образцы, мы должны были бы обратиться къ устройству пивныхъ заводовъ. Возьмемъ Амгертскую маслобойню (въ штатѣ Массачузетсъ), которая въ 1888 г.—мы не имѣемъ подъ рукой позднѣйшихъ цифръ—произвела 271 тысячу фунтовъ масла. Привезенныя сливки сливаются въ громадные резервуары, откуда текутъ въ кади, каждая въ шесть тысячъ литровъ, сливки сгущаются при опредѣленной и постоянно поддерживаемой температурѣ; очистка сосудовъ производится паромъ, паровой моторъ приводитъ въ движеніе всѣ машины; при фабрикѣ находится химическая лабораторія, производящая приправу, которая дѣлаетъ масло болѣе вкуснымъ и придаетъ ему болѣе привлекательный видъ.

Часто случается, что такія маслобойни помѣщаются въ одномъ и томъ же районѣ. Вблизи Чикаго, напр., подъ дѣйствіемъ спроса, представляемаго этимъ городомъ, въ окрестностяхъ Эльджина, образовался центръ производства молочныхъ продуктовъ. Существуютъ фабрики конденсированнаго молока, напр., *Illinois condensing C°*, *Elgin condensed Milk C°*, потребляющія ежедневно 45 и 100 тысячъ фунтовъ молока. Есть фабрика масла и сыра, фабрики соотвѣтственныхъ машинъ и снастей, даже упаковки. Маслобойни, сыроварни и коммиссіонерныя фирмы образовали нѣчто въ родѣ биржи. Одна изъ коммиссіонерныхъ фирмъ построила ледники для масла, вмѣщающіе до 160 тысячъ кубическихъ футовъ молочнаго продукта. Издается спеціальный журналъ, дающій цѣны молочныхъ продуктовъ на важнѣйшихъ рынкахъ Соединенныхъ Штатовъ, и даже Англіи, размѣры существующаго предложенія, и т. д.

Подобнаго рода биржи находятся и въ другихъ мѣстахъ Сѣверо-Американскаго союза. Нью-іоркская *Dairy board of trade* въ 1881 г. (послѣдній годъ, изъ котораго мы имѣемъ данныя) произвелъ оборотовъ этими продуктами на сумму 100 милліоновъ долларовъ. Производство молока главнымъ образомъ сосредоточилось въ Приатлантическихъ Штатахъ. Умѣренный и влажный климатъ этихъ мѣстностей, множество луговъ, сочная и питательная трава, словомъ, всѣ условія благопріятствуютъ здѣсь росту молочнаго хозяйства. Возникли молочныя фермы, держащія по нѣскольку сотъ коровъ самой лучшей породы. На этихъ фермахъ сѣютъ лишь растенія, дающія кормъ для скота.

Подобныя предпріятія начинаютъ возникать и у насъ въ Европѣ. На небольшомъ сравнительно пространствѣ въ Шлезвигъ-Гольштиніи дѣйствуетъ нѣсколько сотъ фабрикъ масла и сыра; не въ далекомъ будущемъ каждая община будетъ имѣть здѣсь собственную маслобойню. Первая фабрика возникла лишь послѣ прусско-французской войны; въ 1883 г. находилось уже около сотни такихъ заводовъ, въ 1886 г. прибыло еще 50 и т. д. Изъ всѣхъ обрабатывающихъ промысловъ, соединенныхъ съ земледѣліемъ, производство сыра и масла болѣе другихъ подверглось перевороту. Новые техническіе пріемы распространяются очень энергично и, быть можетъ, по истеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ лишь въ захолустьяхъ восточной Европы мы найдемъ прадѣдовскіе приборы, находящіеся у насъ въ всеобщемъ употребленіи. Центробѣжныя машины въ сравненіи съ тѣми, которыя употреблялись въ 1871 г., представляютъ производительность въ десять разъ большую: въ продолженіи одного часа онѣ передѣлывали прежде 200 литровъ молока, теперь же 2.000, хотя стоятъ онѣ дешевле. Кромѣ того, онѣ дѣйствуютъ лучше: изъ 2.500 килограмовъ молока онѣ даютъ на 12—15 килограммовъ масла больше *).

Спеціализація обработки, особенно же возникновеніе большого производства, становится исходной точкой для дальнѣйшихъ измѣненій.

Товаръ получаетъ однообразный видъ: каждый фунтъ масла изъ фабрики, которая производитъ въ годъ нѣсколько сотъ тысячъ этого продукта, обладаетъ тѣмъ же самымъ цвѣтомъ и вкусомъ. Спеціалисты—гастрономъ и химикъ — стараются, чтобы однообразіе не было нарушено; если естественныя силы природы недостаточны, на помощь приходитъ искусство. Въ торговлѣ появляются постоянныя номенклатуры, по степени понижающагося качества. Оптовый купецъ перестаетъ пробовать товаръ, какъ поступаетъ экономка, покупающая въ городишкѣ масло у крестьянки.

Переворотъ въ обработкѣ, возникнувъ подъ давленіемъ измѣненій въ сферѣ обмѣна и производства, оказываетъ обратное дѣйствіе: слѣдствіе становится причиной. Большія фабрики окороковъ въ Вестфаліи заключаютъ сдѣлки съ крестьянами, доставляющими скотъ: кре-

*) *Deutsche Landwirth Presse.* Jubiläums-Nummer, 1894, стр. 19.

стьяне должны содержать животныхъ породы, указанной заводомъ. Фабрики сыра и масла требуютъ отъ поставщиковъ молока, чтобы они на корму держали лишь лучшія породы рогатаго скота и содержали ихъ по опредѣленнымъ правиламъ. Свеклосахарые заводы смотрятъ за обработкой полей и даже принуждаютъ земледѣльцевъ покупать нарочно выписываемыя сѣмена. Замѣна домашняго производства фабричнымъ способствуетъ улучшенію способовъ земледѣлія и скотоводства, распространенію лучшихъ породъ скота.

5.

Исторія возникновенія капитализма въ земледѣліи.—Совокупность централизирующихъ стремленій.—Централизація—исходная точка зоотехническаго прогресса.

Мы разсмотрѣли одно изъ самыхъ выдающихся явленій экономической жизни—ходъ ея по направленію къ сосредоточію орудій труда и техническихъ пріемовъ. Впрочемъ, мы ограничились лишь тѣми ея сторонами, которыя такъ или иначе связаны съ земледѣліемъ. Города и фабричные округи — это своего рода факторъ, который, возникнувъ и развиваясь, простираетъ свое дѣйствіе на все дальнѣйшія мѣстности, разрушая устои и праотцовскіе обычаи. Это дѣйствіе характерно по своимъ стремленіямъ къ централизаціи; вездѣ, куда оно ни проникнетъ, оно вызываетъ сосредоточіе производства. Возникаютъ громаднѣйшія коммиссіонерныя фирмы, участвующія въ вывозѣ и ввозѣ земледѣльческихъ продуктовъ; появляются предпріятія, занимающіяся скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ и садовничествомъ въ внушающихъ уваженіе размѣрахъ; основываются большіе заводы, обрабатывающіе продуктъ, добытый земледѣльцемъ, какъ-то: свеклосахарные и винокуренные, маслобойни, фабрики консервовъ. Все это — послѣдствія возникновенія большихъ рынковъ. Лишь тогда, когда въ общественной жизни образуются такія мѣста сбыта продуктовъ, капиталы могутъ быть приложены къ земледѣлію. Разумѣется, и въ прежнія эпохи экономической жизни существовали большія помѣстья, но все-таки имъ былъ чуждъ капиталистическій режимъ, требующій производства для продажи. Земельная собственность нѣкогда заключалась въ правѣ повелѣвать надъ извѣстнымъ числомъ людей и пользоваться ихъ трудомъ; феодальный землевладѣлецъ былъ представителемъ судебной и полицейской власти, большая или меньшая величина его имѣній придавала большее значеніе такой его задачѣ. Отсутствовало стремленіе производить хлѣбъ или мясо для продажи. Земледѣліе принимаетъ такой характеръ лишь съ возникновеніемъ рынковъ. Переходу феодальной земельной собственности въ капиталистическую, въ хозяйство, производящее для рынковъ, сопутствуетъ вездѣ въ Европѣ характерное явленіе,—экспропріація крестьянъ. Фермы нѣкогда были незначительны, сообразно съ ограниченными потребностями натуральнаго режима, земля находилась въ рукахъ крѣпостныхъ и подданныхъ. Но когда появленіе рынковъ сдѣлало возможной обработку полей въ

большихъ размѣрахъ, доходъ же, проистекающій изъ продажи земледѣльческихъ продуктовъ, началъ сулить бо́льшіе барыши, нежели оброки, дворяне выбрасываютъ въ Германіи, Англіи и Польшѣ крестьянъ и отбираютъ у нихъ землю. Землевладѣлецъ увеличиваетъ размѣры обрабатываемыхъ пашенъ. Особенно въ Англіи этотъ процессъ производится наглымъ образомъ, цѣлыя деревни исчезаютъ, на ихъ мѣстѣ тянутся поля и пастбища.

Переворотъ, который настаетъ подъ дѣйствіемъ большихъ городовъ, проявляетъ свое вліяніе прежде всего въ сферѣ посредничества. Сфера эта связана непосредственно съ рынками, и поэтому она самая отзывчивая. Чѣмъ рынокъ обширнѣе, тѣмъ болѣе способствуетъ онъ централизаціи. Изъ всѣхъ странъ Англія, представляющая какъ бы одинъ городъ по отношенію къ другимъ странамъ, составляетъ центръ, изъ котораго исходитъ дѣйствіе, проникающее все дальше, въ отдаленнѣйшія захолустья и вездѣ разрушающее обычаи стараго, натуральнаго строя жизни. Даже на самомъ маломъ рынкѣ централизація посредничества, хотя малая и скромная, существуетъ. Въ губерніи находится нѣсколько сотъ или тысячъ помѣщиковъ, но число хлѣботорговцевъ не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ. Посредники дѣйствовали вначалѣ самостоятельно, но со временемъ экспортныя фирмы стараются сговориться между собой и условиться хотя бы насчетъ качества вывозимаго продукта. Возникаетъ стихійнымъ образомъ организація, переходящая современемъ въ биржу. Но вывозящій рынокъ въ данномъ случаѣ лишь продѣлываетъ процессъ, который уже произошелъ на рынкѣ, импортирующихъ странъ, и организація, на немъ появляющаяся, составляетъ лишь новую петлю въ сѣти взаимной зависимости, которая образовалась въ перый разъ въ центрѣ международнаго обмѣна и отсюда распространяется на все новыя страны и даже части земного шара. Степень вовлеченія какого-нибудь земледѣльческаго продукта въ круговоротъ международной торговли мы можемъ мѣрить лучше всего развитіемъ въ этой отрасли биржевой организаціи. Въ сферѣ хлѣбной торговли она устроилась прекрасно, въ торговлѣ молочными продуктами лишь появляется. Биржи—это пульсы образующагося обмѣннаго организма, по нимъ проходитъ „товарный потокъ", размѣры котораго опредѣляются при помощи срочныхъ сдѣлокъ. Вокругъ экспортной биржи возникаютъ меньшіе рынки, какъ бы молодые побѣги; отъ нихъ идутъ развѣтвленія еще мельче. Организація становится все шире и интенсивнѣе.

Возможность оптовой продажи оказываетъ вліяніе на земледѣльческіе промыслы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ говорили, что одинъ помѣщикъ Подольской губерніи думаетъ на пространствѣ 300 десятинъ завести плантацію черешенъ. Правда ли это, не ручаюсь. Но все-таки это возможное дѣло, и возможное лишь въ наше время, когда возникли большіе города, желѣзныя дороги соединили ихъ съ мѣстами

производства и создали массовую, скорую и дешевую перевозку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двѣ-три десятины черешенъ произвели бы столько продукта, что тогдашній рынокъ—сосѣдній городъ—не былъ бы въ состояніи поглотить это количество. 300-десятинный садъ былъ бы въ тѣ времена величайшей нелѣпостью: теперь же, при ловкой администраціи, онъ можетъ оказаться выгоднымъ предпріятіемъ.

Такія отношенія появляются во всѣхъ отрасляхъ земледѣлія; по крайней мѣрѣ, такъ дѣло обстоитъ по ту сторону Атлантическаго океана. Тамъ, въ колоніяхъ, централизующія стремленія обнаруживаются съ бо́льшей интенсивностью: появляются фермы, луга, пшеничныя фермы, скотные заводы, насчитывающіе скотъ сотнями тысячъ. Нѣкогда лишь конные заводы достигали значительныхъ размѣровъ. Съ увеличеніемъ размѣровъ имѣній, они спеціализируются. Въ прежнія времена при помѣщичьей усадьбѣ бывало нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, теперь существуютъ фруктовые лѣса. Въ Калифорніи завели даже плантаціи клубники и турецкихъ орѣховъ. Янки сходитъ иногда съ ума, но всетаки его даже сумасшедшіе порывы отражаютъ въ себѣ духъ новаго времени.

Централизація вторгнулась въ среду обработки. Прежнее сельское хозяйство распадается. Масло производится внѣ фермы, точно такъ же, какъ сахаръ, спиртъ и т. д. Процессъ отчужденія обработки отъ земледѣлія начался съ распаденіемъ страны на городъ и деревню. Наше поколѣніе наноситъ одинъ изъ послѣднихъ ударовъ устарѣлому режиму. Лишь большія имѣнія могутъ сопротивляться этому стремленію, основывая паровыя мельницы, маслобойни и т. д. Впрочемъ, упорствуютъ и крестьяне въ запоздалыхъ странахъ полу-натуральнаго строя.

Однимъ словомъ: возникновеніе фабрикъ, производящихъ съѣстные припасы изъ земледѣльческихъ продуктовъ, централизація земледѣльческаго промысла и обмѣна—вотъ звенья, которыя образуются подъ давленіемъ большихъ городовъ и фабричныхъ округовъ. Переворотъ исходитъ изъ сферы посредничества, во взаимномъ содѣйствіи вліяній, причина и слѣдствіе скрещиваются и перемѣняются мѣстами. То, что сегодня появилось какъ слѣдствіе, завтра становится факторомъ, вызывающимъ новыя измѣненія; земледѣліе, расширившись подъ дѣйствіемъ рынковъ, ищетъ новыхъ каналовъ сбыта, которые, найденные и организованные, начинаютъ вліять на исходную точку.

Въ окончательномъ результатѣ всѣхъ вліяній земледѣліе принимаетъ, по крайней мѣрѣ имѣетъ возможность принять, большіе размѣры. Это послѣдствіе экономическаго развитія дѣлается очень вліятельнымъ факторомъ дальнѣйшаго прогресса; централизація, найдя дорогу въ земледѣльческія предпріятія, становится рычагомъ зоотехническаго переворота и измѣняетъ методы производства.

Л. Крживицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ДУМЫ И ОТКЛИКИ.

I.

Есть ужасныя мгновенья!—
Робкій умъ пугая,
Демонъ скорби и сомнѣнья
Шепчетъ, не смолкая:
Правда, солнышко сквозь слезы
Глянетъ послѣ ночи,
Но, пока-то стихнутъ грозы,
Роса выѣстъ очи...

II.

Смолкъ честный голосъ убѣжденья,
Забылась муза мрачнымъ сномъ;
Позоръ и мерзость запустѣнья
На мѣстѣ нѣкогда святомъ!

Все, все, что̀ свѣтлаго кипѣло
На утрѣ жизни въ ихъ крови,
Исканье правды, жажда дѣла,
Порывы чистые любви,
Живыя слезы о народѣ,
Стремленій лучшихъ гордый пылъ,
Мечты о братствѣ, о свободѣ,—
Все ледъ иронiи покрылъ!
Пророкамъ чести—укоризны,
Хвалы предательству звучатъ;
Уноситъ смерть врага отчизны—
Цвѣты на гробъ ему дарятъ...

Разгулъ и пляска карнавала!..
Затерты славныя стези,
Потушенъ факелъ идеала,
И знамя свѣтлое въ грязи!

П. Я.

ДВА СЧАСТЬЯ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

(Продолженіе) *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VII.

— А я бы на вашемъ мѣстѣ, Вольтовъ, все-таки пошла бы къ этому Спонтанѣеву!—говорила Вѣра Петровна, сидя у окна въ большой комнатѣ и расчесывая роскошныя, но сильно спутанныя кудри старшей дѣвочки.—Не надо у него ни брать денегъ, ни просить, я это всегда говорю; да вѣдь и Владиміръ у него ничего не беретъ и не проситъ; но тамъ всегда бываютъ люди, которые держатъ въ рукахъ искусство.

— Нѣтъ, Вѣра Петровна, никакіе люди не держатъ искусство въ рукахъ!—возразилъ Вольтовъ.—Оно все въ рукахъ художниковъ. Если бы художники прикрикнули на этихъ людей, такъ они ходили бы передъ ними на заднихъ лапкахъ.

— Ну, да, какъ же! А вѣдь деньги-то не у художниковъ, а у нихъ.

— Да, деньги у нихъ, конечно. Да вѣдь художникъ вращается въ области художественныхъ образовъ, а не серебряныхъ рублей. Если бы художники предъявляли къ жизни только истинно-художественныя требованія, а не стремились бы къ квартирамъ о девяти комнатахъ, къ дорогой обстановкѣ и пр... Словомъ, если бы они не ставили себя въ зависимость отъ денегъ, которыя всѣ у этихъ господъ, то дровяники и баньщики не держали бы въ рукахъ искусство...

— Но художники—люди. Имъ тоже хочется жить поудобнѣе, и каждый имѣетъ право на это.

— Нѣтъ, художники не люди, Вѣра Петровна!

— По вашему, это высшія существа?

— Зачѣмъ же высшія? Можетъ быть, высшія, а можетъ быть,

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

и низшія, но только иныя. Художникъ иначе устроенъ, чѣмъ всѣ другіе люди. У него мозгъ другой. У него душа иная. И когда онъ стремится обставить себя такъ, какъ всѣ другіе, то этимъ онъ принижаетъ и насилуетъ свою душу.

— Ну, пусть такъ! Я съ вами не умѣю спорить. А все-таки вамъ безъ нихъ, безъ этихъ людей, у которыхъ деньги, ничего не добиться. Вѣдь вотъ вы, когда кончите вашего Еруслана, хотите пустить его по деревнямъ, по ярмаркамъ, но на это много нужно денегъ... Если у васъ будутъ знакомства, вы это легко устроите, а если нѣтъ, то вашъ проектъ такъ и останется проектомъ, и вы не достигнете цѣли. А когда работаешь, всегда хочешь достигнуть цѣли, иначе и работать незачѣмъ. Что это вы пишете? Ну, иди къ Асѣ, Ася скучаетъ! — прибавила она, кончивъ шевелюру дѣвочки и, поднявшись, отправила дѣвочку черезъ столовую въ другую комнату.

Потомъ она вернулась и подошла къ мольберту, надъ которымъ работалъ Вольтовъ. Небольшой холстъ представлялъ собою, очевидно, этюдъ, сдѣланный уже раньше. Теперь Вольтовъ додѣлывалъ его. У него была странная манера писать. Если смотрѣть вблизи, это была какая-то разноцвѣтная каша, въ которой ровно ничего нельзя было разобрать; но надо было нѣсколько отойти и вглядѣться и тогда рельефно выступали яркія фигуры.

Этюдъ представлялъ что-то похожее на подвалъ, слабо освѣщенный свѣтомъ, падающимъ черезъ маленькое рѣшетчатое окошечко. Люди съ длинными сѣдыми бородами, съ исхудалыми лицами, съ закрытыми глазами, сидѣли на камняхъ, служившихъ имъ скамейками, и какое-то глубокое тупое горе выражалось въ ихъ понуренныхъ головахъ.

— Что это?—спросила Вѣра Петровна.

— Это тюрьма. Вы не читали сказку про Еруслана Лазаревича?

— Когда-то читала, но плохо помню... Помню только, что онъ въ дѣтствѣ, играя съ сверстниками, шутя отрывалъ имъ руки, ноги и головы. Вообще, нельзя сказать, чтобы вашъ Еруланъ былъ джентльменъ.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, онъ былъ истинный джентльменъ. Еруланъ Лазаревичъ, это—народное воплощеніе джентльменства, великодушія. Великодушіе народу представляется сильнымъ, могучимъ, добровольно совершающимъ свои подвиги, изъ благородныхъ побужденій, поэтому народъ олицетворяетъ его въ видѣ богатыря, способнаго побѣждать и сокрушать все.

— По вашему, отрывать руки, ноги и головы, это — великодушно?

— Вовсе нѣтъ. Еруланъ дѣлалъ это въ дѣтствѣ, когда душа

его еще не развилась и не окрѣпла. Потомъ онъ раскаялся въ этомъ. А затѣмъ вся жизнь была посвящена освобожденію угнетенныхъ и всяческой борьбѣ со зломъ. Вотъ на этомъ этюдѣ я изобразилъ тотъ моментъ, когда царь Картаусъ съ отцомъ Еруслана, Лазаремъ, и двѣнадцатью другими богатырями, взятые въ плѣнъ татарскимъ княземъ Даниломъ и ослѣпленные, были посажены въ тюрьму, пока не явился Еруславъ и не освободилъ ихъ.

Потомъ Вольтовъ началъ, очевидно, цитировать нѣсколько болѣе торжественнымъ тономъ:

„Пришелъ онъ къ намъ съ пятью стами тысячъ войска и со множествомъ нечестивыхъ мурзъ, все государство предалъ огню и мечу, разорилъ многіе города и села, камня на камнѣ не оставилъ; всю царскую рать истребилъ, многихъ жителей умертвилъ, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, женъ и дочерей осквернилъ и многихъ увелъ въ плѣнъ. Самого же царя Картауса съ двѣнадцатью богатырями и отца твоего, Лазаря Лазаревича, живыхъ въ полонъ взялъ, выкололъ имъ глаза и посадилъ въ темницу; а супругу княжескую и дочь и мать твою, княгиню Епистимію, злой смерти предалъ. Какъ я-то живъ остался, считаю чудомъ: двѣ недѣли пролежалъ я, отъ страху не ѣвши, не пивши, въ лошадиномъ трупѣ и потомъ, не медля, пошелъ отыскивать тебя“... Такъ разсказываетъ слуга-очевидецъ, встрѣтившись съ Еруславомъ... Я почти всю сказку знаю наизусть... Еслибъ вы знали, какія тамъ есть красоты!..

— Это интересно!—сказала Вѣра Петровна.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы это находите?

— Да... Во всякомъ случаѣ это не шаблонно.

— Вотъ, вотъ. Вся суть въ этомъ, чтобы не было шаблонно!— съ увлеченіемъ воскликнулъ Вольтовъ.—Боже мой, я не могу ходить по нашимъ выставкамъ, я страдаю, когда бываю на нихъ. До какой степени онѣ бѣдны художественной новизной! Знаете, я иногда выхожу изъ себя. „Разлука“, „Свиданіе“ „Встрѣча“, „Письмо“, „Въ больницѣ“, „На пашнѣ“... Десятки, сотни картинъ и все то же, то же, каждый годъ опять повторяются старые сюжеты. Никто не хочетъ думать, искать, никто не хочетъ справляться у народа, во что онъ вѣритъ. Гдѣ, въ чемъ его идеалъ?.. Я не говорю, что именно Еруславъ откроетъ что-нибудь большое, значительное, какую-нибудь эру въ искусствѣ... Но, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ понятенъ не двумъ-тремъ тысячамъ людей, а ста милліонамъ. Это разница.

Въ дѣтской послышался крикъ. Вѣра Петровна должна была идти туда.

— Да, это очень интересно, Вольтовъ! Когда-нибудь вы попробнѣе познакомите меня съ Еруславомъ.

— Это цѣлое море красокъ! Я непремѣнно познакомлю васъ. Я вамъ по своимъ этюдамъ разскажу всю эту замѣчательную исторію.

— Я сейчасъ!—сказала она, кивнула ему головой и исчезла. Но, скоро успокоивъ дѣтей, вернулась. Вольтовъ въ это время уже оставилъ работу. Темнѣло; было уже болѣе четырехъ часовъ.

— Скоро, должно быть, Владиміръ вернется,—сказала Вѣра Петровна.—Его теперь такъ рѣдко можно видѣть дома. Въ десять часовъ утра онъ уходитъ къ брату Спонтанѣева, потомъ у нихъ работаетъ, а вечеромъ тоже часто уходитъ къ товарищамъ. Сегодня вотъ у Спонтанѣевыхъ вечеръ. У нихъ по пятницамъ... Онъ опять уйдетъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти рѣчи, раздался звонокъ. Пришелъ Владиміръ Николаевичъ, но съ нимъ оказался и Скорбянскій.

— Какимъ образомъ вы вмѣстѣ?—спросила Вѣра Петровна.

— Вольдемаръ сдѣлалъ мнѣ честь—зашелъ ко мнѣ!—отвѣтилъ Скорбянскій.

— Развѣ ты сегодня не писалъ портретъ?

— Писалъ, но окончилъ раньше. Намъ помѣшали. Портниха тамъ пріѣхала, что-ли; я ушелъ. У меня было дѣло въ той сторонѣ, гдѣ живетъ Матвѣй Ивановичъ,—надо было краски заказать; вотъ я и зашелъ къ нему.

— Да еще уговорилъ совершить подвигъ!—прибавилъ Скорбянскій. — Пойти сегодня на талантливую пятницу Спонтанѣевыхъ... А вы, кажется, противъ этого, Вѣра Петровна?

— Напротивъ, я вотъ даже Вольтова сейчасъ уговаривала пойти.

— И это, конечно, былъ напрасный трудъ?—иронически замѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— А вотъ я его уговорю,—сказалъ Скорбянскій.—Вотъ увидите. Только не сейчасъ, мы не можемъ при публикѣ. Для этого мы должны удалиться въ какую-нибудь сокровенную клѣть... Ахъ, подлый паръ!—вдругъ воскликнулъ Скорбянскій, остановившись передъ мольбертомъ.—Каково пишетъ! Это все Еруслань? Это темница, царь Картаусъ съ двѣнадцатью богатырями... Такъ, что ли?

— А вы знаете Еруслана?—съ удивленіемъ спросила Вѣра Петровна.

— Какъ же. Вольтовъ соблазнилъ меня и я внимательно прочиталъ.

— Ну, и что жъ? Не правъ развѣ я, что тамъ больше своеобразной поэзіи, чѣмъ во всѣхъ современныхъ романахъ,—сказалъ Вольтовъ.

— Ты хочешь, чтобъ я отвѣтилъ на этотъ вопросъ?.. Такъ поди сюда!—и онъ позвалъ его въ маленькую комнату и даже притворилъ за собою дверь.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Вольтовъ.

— Пойдемъ сегодня съ нами къ Спонтанѣеву.

— Чего я тамъ не видалъ?

— А я чего не видалъ?..

— Это твое дѣло.

— Свинья!

— Почему?

— Потому что это не по-товарищески.

— Товарищи дѣлаютъ много глупостей.

— Э, брось это. Ну, сдѣлай для меня это удовольствіе

— Въ чемъ же тутъ удовольствіе?

— Ну, въ чемъ бы то ни было. Мы съ тобой будемъ тамъ изображать особую партію, партію протеста. Ну, пойдемъ, пойдемъ. Художникъ долженъ видѣть свѣтъ, онъ долженъ изучать людей во всѣхъ положеніяхъ.

— По-просту, ты самъ поддался убѣжденіямъ Бертышева и теперь боишься, что тебѣ будетъ скучно.

— Нѣтъ, не такъ; я, пожалуй, тебѣ открою секретъ. Я пишу повѣсть, гдѣ предстоитъ описаніе журфикса въ родѣ Спонтанѣевскаго, вотъ я и опишу. А ты просто сдѣлай мнѣ удовольствіе, по дружбѣ.

— Ну, это причина. Пожалуй, изволь...

— А!—сказалъ Скорбянскій, отворяя дверь въ мастерскую.— Въ такомъ случаѣ, я готовъ признать, что въ твоемъ Еруслань поэзіи больше, чѣмъ во всемъ Шекспирѣ. Онъ согласенъ!—прибавилъ Матвѣй Ивановичъ, обращаясь къ Бертышеву,—мы ѣдемъ всѣ трое. Подумай, тремя талантами тамъ будетъ больше!

Вѣра Петровна уже организовала обѣдъ. Скоро они пошли въ столовую и тамъ засидѣлись за болтовней часовъ до восьми, затѣмъ начали собираться. Скорбянскій внимательно осматривалъ Вольтова.

— Однако, у тебя кое-что изъ туалета порядочно подгуляло!—сказалъ онъ.—Нельзя ли какъ-нибудь подобрать брюки посвѣжѣе?

— Не желаю,—сказалъ Вольтовъ.—Если я хожу въ такомъ видѣ по улицамъ, гдѣ на каждомъ шагу попадаются люди, гораздо почтеннѣе Спонтанѣева и всѣхъ, кто у него бываетъ, то съ какой стати я буду дѣлать имъ это преимущество?

— А ловко это сказано!—воскликнулъ Скорбянскій, подмигнувъ на Вольтова однимъ глазомъ.—Я думалъ, онъ въ плохихъ брюкахъ ходитъ потому, что у него нѣтъ хорошихъ, а выходитъ— вонъ какая штука! Ну, да ладно! Мы таланты, чортъ возьми! А таланту все прощается,—ѣдемъ!

Они собрались и вышли на улицу. Здѣсь Скорбянскій началъ

уговаривать извозчиковъ, чтобъ согласились везти троихъ, и, наконецъ, это ему удалось. За то и везъ ихъ извозчикъ такъ медленно, какъ будто боялся растрясти.

Вольтовъ, какъ самый легкій, сидѣлъ на колѣняхъ по очереди то у Скорбянскаго, то у Бертышева. Было около десяти часовъ, когда они подъѣхали къ дому Спонтанѣева.

Подъѣздъ былъ ярко освѣщенъ. Швейцаръ любезно поздоровался съ Бертышевымъ, почтительно пропустилъ Скорбянскаго—ему было приказано со всѣми пятничными гостями обращаться почтительно, и съ нѣкоторымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на крылатую накидку Вольтова.

Но когда крылатка была снята, изумленіе его приняло неописуемые размѣры. Лоснящійся сюртукъ, обтрепанные брюки, сильно покосившіеся на сторону сапоги, все это вызвало въ душѣ его сильное сомнѣніе на счетъ того, дѣйствительно ли слѣдуетъ почитать такого рода гостей.

Владиміръ Николаевичъ, какъ человѣкъ, хорошо ознакомленный насчетъ порядковъ дома, предводительствовалъ. Онъ повелъ ихъ наверхъ.

Здѣсь у двери стоялъ лакей во фракѣ. Обычай былъ таковъ, что ему вручались карточки прибывшихъ, онъ относилъ ихъ хозяину. Такъ какъ каждый вечеръ въ домѣ непремѣнно появлялось нѣсколько новыхъ лицъ, то хозяинъ хотѣлъ знать, кого именно онъ встрѣчаетъ и кому радушно улыбается. Нерѣдко эти лица были приглашены не имъ самимъ, а черезъ постороннихъ и Поликарпъ Антоновичъ никогда не видалъ ихъ въ глаза. Между тѣмъ онъ считалъ своимъ долгомъ каждаго самолично встрѣтить, пожать руку и ввести въ общество.

На этотъ разъ карточка оказалась только у Владиміра Николаевича. Скорбянскій не предусмотрѣлъ и не захватилъ съ собой, а у Вольтова ихъ никогда не было. Владиміръ Николаевичъ, конечно, могъ войти и безъ этой процедуры, такъ какъ хозяинъ хорошо зналъ его; но теперь онъ вынулъ карточку и къ своей фамиліи карандашемъ приписалъ Скорбянскаго и Вольтова.

Лакей ушелъ, скоро вернулся и торжественно растворилъ передъ ними дверь. Они вошли. Высокая громоздкая фигура Спонтанѣева уже шла къ нимъ навстрѣчу.

— А, господа, я очень радъ, я очень радъ, что вы сдѣлали мнѣ честь...—говорилъ онъ, обѣими руками пожимая руки Скорбянскаго и Вольтова.—Пожалуйста, прошу васъ... я думаю, вы со всѣми знакомы?.. Конечно! А если нѣтъ, такъ ужъ сами знакомьтесь, у меня такой обычай. Ну, съ вами, Владиміръ Николаевичъ, мы уже сегодня видались. Прошу васъ, прошу васъ.

И онъ повелъ гостей налѣво, гдѣ въ углу, въ центрѣ до-

вольно большой группы сидѣлъ и, очевидно, руководилъ оживленнымъ разговоромъ высокій старикъ съ сѣдыми кудрями, съ коротко подстриженной бородой, худой, съ блѣднымъ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица. У него были большіе, чрезвычайно симпатичные, сѣрые глаза съ тихимъ вдумчивымъ взглядомъ и глуховатый голосъ, которымъ онъ медленно произносилъ слова, а его широкій ротъ при этомъ добродушно улыбался.

Спонтанѣевъ по дорогѣ отсталъ и присоединился къ музыкальной группѣ, стоявшей у рояля. Было еще отдѣльно нѣсколько группъ, но ихъ новые гости не успѣли разглядѣть. Изъ гостиной, въ которой днемъ была мастерская, слышался оживленный говоръ и оттуда въ залу врывался розоватый свѣтъ.

— Ахъ, ахъ!—привѣтливо, почти радостно промолвилъ, увидѣвъ новоприбывшихъ, Евграфъ Аполлоновичъ.—Наконецъ-то я вижу молодежь! Васъ, Матвѣй Ивановичъ, я сто лѣтъ не видалъ. У насъ странные нравы... Живемъ мы какъ-то всѣ особнякомъ, художники почти не встрѣчаются съ писателями... Музыканты мурлычатъ что-то въ своихъ норахъ. Странно это!.. Точно наши области такъ различны, какъ какое-нибудь каретное производство съ фабрикаціей сельтерской воды... А вы, Вольтовъ, таки рѣшились выползти изъ вашей норки! Ну, что, все еще надъ Еруслановъ сидите?

— Мнѣ этого хватитъ на полъ-жизни!—отвѣтилъ Вольтовъ.

— Э, батюшка, такъ нельзя. Нельзя годы сидѣть надъ одной мыслью, надъ однимъ полотномъ. Вонъ мужикъ, такъ тотъ каждый годъ мѣняетъ полосу, чтобъ не истощить землю... А знаете, я много думалъ о вашемъ Еруслановѣ. Идея-то хорошая, да боюсь, какъ бы она васъ не съузила. Еслибъ она вамъ пришла годиковъ черезъ пятнадцать, я бы не боялся. А то бѣда, знаете, если художникъ въ самомъ началѣ дѣятельности, когда талантъ его еще не окрѣпъ, подчинится одной опредѣленной идеѣ. Вы, нынѣшніе, какъ-то обходитесь безъ броженія... Сразу какъ-то на ноги становитесь. Научились держать кисть и въ тотъ же моментъ у васъ готово и міросозерцаніе, и цѣль на всю жизнь, а какъ же можно безъ броженія? Непремѣнно будетъ прѣсно. Все равно, какъ хлѣбъ—безъ дрожжей—прѣсный бываетъ. А безъ хмеля и медъ никуда не годится!

Владиміръ Николаевичъ оставилъ ихъ и пошелъ въ гостиную. Онъ чувствовалъ сильное нетерпѣніе,—ему хотѣлось поскорѣе увидать Вѣру Поликарповну.

Утромъ сегодня у нихъ былъ короткій сеансъ. Вѣра Поликарповна встрѣтила его скорѣе любезно, чѣмъ ласково; въ ней было слишкомъ много сдержанности. Она казалась утомленной и была не въ духѣ. Ни одного слова не было сказано такого, ко-

торое противорѣчило бы вчерашнему, но онъ какъ-то не почувствовалъ сегодня той близости, какая установилась между ними вчера.

Онъ хотѣлъ спросить ее объ этомъ послѣ сеанса. Они принялись работать усердно, но черезъ полчаса явилась Марья Ивановна и, очень извиняясь, потребовала, чтобы Вѣра шла съ нею. Привезли платье для сегодняшняго вечера, надо было примѣрить. И нельзя было отложить, такъ какъ предстояли передѣлки, которыя надо было окончить къ вечеру.

Вѣра Поликарповна протянула ему руку и ушла съ матерью, сказавъ ему на прощанье:

— Вы не перемѣнили рѣшенія быть у насъ сегодня вечеромъ?

Онъ сказалъ, что не думалъ перемѣнять. И она ушла.

Теперь у него было безпокойное чувство. Онъ уже не могъ долго выносить невѣдѣнія относительно ея настроенія.

Онъ вошелъ въ гостиную и сталъ искать ея глазами. Мольбертъ стоялъ въ углу, работа его была плотно обтянута красивой цвѣтной тканью—со всевозможнымъ стараніемъ. Кресло, въ которомъ она позировала, тоже стояло особнякомъ. На небольшомъ кругломъ столикѣ горѣла высокая лампа, прикрытая широкимъ шелковымъ розовато-палевымъ абажуромъ.

Онъ увидѣлъ группу человѣкъ изъ семи, усѣвшуюся полукругомъ, а у самой стѣны, въ какомъ-то клѣтчатомъ платьѣ съ короткими рукавами, сидѣла Вѣра Поликарповна. Шелъ очень оживленный разговоръ,—о чемъ, онъ не могъ разобрать. Кажется, она спорила очень горячо и чуть ли не противъ всѣхъ. Онъ подошелъ и остановился, ожидая, когда она его замѣтитъ. Въ это время онъ разсматривалъ ея собесѣдниковъ. Здѣсь было три уже не молодыхъ художника, пользовавшихся незначительной извѣстностью, одинъ сомнительный музыкантъ, одинъ ученикъ консерваторіи и трое неизвѣстныхъ ему лицъ. Съ знакомыми онъ молча поздоровался.

— Владиміръ Николаевичъ, здравствуйте!—звонкимъ голосомъ промолвила Вѣра Поликарповна и черезъ головы сидѣвшихъ между ними протянула ему руку.—Вотъ кто долженъ защитить меня.

Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно. Онъ хотѣлъ прочитать въ ея глазахъ, какъ она къ нему относится. Но онъ увидѣлъ только, что настроеніе ея нѣсколько повышено, щеки горятъ и глаза неспокойны. Впрочемъ, онъ и раньше замѣчалъ, что на этихъ вечерахъ она всегда волнуется. По всей вѣроятности, на нее такъ дѣйствуетъ многолюдство и необходимость въ качествѣ хозяйки быть всегда на сторожѣ, слѣдить за всѣми и поддерживать оживленіе.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— У насъ споръ и я въ огромномъ меньшинствѣ,—одна противъ семерыхъ. Я говорю, что Торквато Тассо не только теперь

не устарѣлъ, а будетъ новымъ и интереснымъ еще и черезъ тысячу лѣтъ. А они утверждаютъ, что его теперь могутъ читать только дѣти.

— Кто же это говоритъ?—спросилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да вотъ хоть бы я!—отвѣтилъ господинъ небольшого роста съ узенькой, тщательно подстриженной, бородкой, съ широкими скулами и маленькими калмыцкими глазками.

— Вы?—съ откровеннымъ удивленіемъ спросилъ Бертышевъ.— Развѣ вы читали Тассо?

— Почему же вы думаете, что я не читалъ?

— Я не сказалъ этого, я только спросилъ: развѣ вы читали?

— Мнѣ кажется, что вы можете знать только, читали ли вы сами.

— Я не читалъ. Я говорю это прямо!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.— И поэтому самому не могу ни поддержать Вѣру Поликарповну, ни опровергнуть.

— Это жаль!—сказала Вѣра Поликарповна.

— Конечно, жаль, но надо говорить правду.

Споръ какъ-то вдругъ самъ собою затихъ и мало-по-малу прекратился. Спорщики стали переходить въ читальню. Кое-кто вышелъ въ залъ. Минуты черезъ три Бертышевъ оказался вдвоемъ съ Вѣрой Поликарповной.

— Зачѣмъ вы такъ полоснули ихъ?—сказала она.—Я съ самаго начала видѣла, что никто изъ нихъ не читалъ, но ни за что бы этого не сказала; они такъ горячо спорили... А вамъ надо прочитать Тассо.

— Я давно собираюсь!—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Ну, здравствуйте!—она протянула ему руку.—Вы поняли? Когда мы здороваемся при другихъ, это не считается,—такъ?

— Непремѣнно такъ. За что вы утромъ наказали меня?

— За мою вину. Видите, какая я эгоистка! Потомъ разскажу. А теперь у меня множество обязанностей.—Она поднялась.

— Я привелъ Вольтова,—сказалъ Владиміръ Николаевичъ.

— Ахъ, покажите его мнѣ.

— Только ни слова о томъ...

— Вы—сумасшедшій. Неужели вы допускаете мысль, что я могу заговорить съ нимъ о деньгахъ?

— Нѣтъ, но я не разсказалъ вамъ, чѣмъ это кончилось. Это послѣ. И еще: будьте снисходительны къ его внѣшности. И наконецъ: вамъ совсѣмъ не идетъ это платье.

— Вы находите?

— Да.

— Я буду надѣвать его, когда захочу разозлить васъ. Но вы отъ этого не разлюбили меня?

— Увы, нѣтъ!

Она засмѣялась и быстро вышла въ залъ. Владиміръ Николаевичъ остался одинъ въ комнатѣ. Онъ испытывалъ чувство неловкости. Господа, которые окружали Вѣру Поликарповну, когда онъ пришелъ, были люди ничѣмъ не замѣчательные, но вовсе не дурные. Кое-кого изъ нихъ онъ зналъ лично и ему было достовѣрно извѣстно, что литературой они почти не интересовались, были довольно невѣжественны, а ужъ о Торквато Тассо имѣли, конечно, самое смутное понятіе. Но если они поддерживали разговоръ, то, по всей вѣроятности, только потому, что хозяйка начала его. Она начала его потому, что этотъ вопросъ въ самомъ дѣлѣ интересовалъ ее, а они считали своимъ долгомъ поддержать разговоръ изъ вѣжливости. Ни у кого изъ нихъ не хватило характера своевременно прямо сказать: я не читалъ, а потому не могу объ этомъ разсуждать. Это легко понять. Вести горячій споръ въ обществѣ о предметѣ, котораго не знаешь, въ сущности, это не такъ трудно, какъ кажется. Надо только умѣть прицѣпиться къ какой-нибудь частности и перенести вопросъ на общую почву. Онъ самъ не разъ дѣлалъ это и ловилъ себя на этомъ только послѣ того, когда дѣло уже было кончено.

Но почему онъ выступилъ теперь съ такимъ рѣзкимъ отпоромъ противъ пріема, столь обыкновеннаго, ему лично знакомаго? Ужъ, конечно, не изъ возвышенныхъ побужденій справедливости. Просто онъ воспользовался слабостью другого, чтобы выгодно выдѣлиться въ ея глазахъ, унизивъ при этомъ другихъ.

Конечно, онъ не составлялъ и не разрабатывалъ плана и это вышло у него внезапно и почти непроизвольно. Но скверная черта все-таки оставалась и ему было непріятно думать о возможной встрѣчѣ съ товарищемъ.

Затѣмъ онъ сталъ думать объ утреннемъ настроеніи Вѣры Поликарповны. Она удивительно непостоянна. То вдругъ проявляетъ какую-то стремительную близость, доходящую до риска, до того, что она рѣшается искать его, звать въ свою карету; потомъ она встрѣчаетъ его съ нескрываемой радостью, старается продлить время, когда они вмѣстѣ; а затѣмъ вдругъ дѣлается строгой, почти холодной.

Въ эти дни онъ былъ самъ не свой. Не чувствовалъ онъ того прежняго равновѣсія духа, которое ему такъ было свойственно. Онъ испортился въ конецъ. Домой онъ приходилъ какъ будто не къ себѣ, а къ чужимъ людямъ. На Вѣру Петровну смотрѣлъ изподлобья и пробуждалъ въ ней смутную тревогу. Онъ видѣлъ, что она начинала уже страдать и у него не было силы ни успокоить ее, ни сказать правду.

Какъ сказать правду? Какую правду? Развѣ онъ самъ знаетъ

эту правду? Что съ нимъ дѣлается? что это за близость? Какая у нихъ цѣль? Къ чему это приведетъ? Можетъ быть, онъ завтра проснется и вдругъ почувствуетъ, что это былъ сонъ. Такъ развѣ онъ имѣетъ право изъ за какого-то сна омрачать душевный покой Вѣры?

Изъ за сна? А развѣ есть такая вещь, изъ за которой онъ имѣетъ право сдѣлать это?

Онъ терялся и теперь старался найти въ ея глазахъ разрѣшеніе своихъ вопросовъ, но напрасно. Она спѣшила къ гостямъ. Она постоянно переходила отъ одной группы къ другой, а, когда они встрѣчались, то имъ не удавалось больше двухъ минутъ быть вмѣстѣ.

Теперь двѣнадцатый часъ. Тамъ, внизу, Марья Ивановна уже организуетъ длинный столъ и скоро позовутъ туда; тогда все кончится.

Вообще онъ уже чувствовалъ потребность что-то выяснить. Онъ больше не могъ оставаться въ этомъ мірѣ смутныхъ, неопредѣленныхъ, неясныхъ чувствъ и отношеній.

„Ну, хорошо, я сдѣлаю это завтра. Нашъ сеансъ, конечно, будетъ плохъ, но что дѣлать! Я долженъ вернуть себѣ самого себя, котораго я, очевидно, потерялъ“.

Онъ поднялся. Изъ залы раздавались звуки фортепіано. Говоръ замолкъ. Онъ подошелъ къ двери и остановился на порогѣ.

За роялемъ сидѣлъ молодой музыкантъ Зюсманъ, о которомъ теперь много говорили. Это былъ очень молодой человѣкъ съ большими, пламенно горѣвшими глазами, съ большимъ орлинымъ носомъ, съ узкимъ лицомъ, кончавшимся острымъ длиннымъ подбородкомъ. Растительность на лицѣ его только едва зачиналась. Ему не было и двадцати лѣтъ. Онъ игралъ что-то изъ Шопена, ужасно сложное и трудное. Его длинные тонкіе пальцы съ поразительной быстротой бѣгали по клавишамъ.

Владиміръ Николаевичъ смотрѣлъ ему въ лицо и ему казалось, что на его глазахъ совершается какая-то необыкновенная тайна природы. Этотъ невзрачный, некрасивый и даже непріятный Зюсманъ, который при встрѣчѣ производилъ на него всегда отталкивающее впечатлѣніе, человѣкъ, весь ушедшій въ свои квинты и октавы, ограниченный до глупости, неразвитой, какъ семилѣтній мальчикъ, невѣжественный до смѣшного, вдругъ, подъ вліяніемъ какого-то внутренняго чувства, переродился. Въ глазахъ его свѣтится умъ, на губахъ играетъ какое-то загадочное, неуловимое стремленіе... Онъ вдругъ сталъ привлекателенъ, почти красивъ.

И его игра была въ самомъ дѣлѣ вдохновенна. Что-то проникало глубоко въ душу, что-то призывное слышалось въ звукахъ, которые извлекали его длинные, искусные пальцы.

Все замерло. Иногда въ отдѣльныхъ группахъ еще были покушенія не обращать на него вниманія и говорили шопотомъ, но и тамъ замолкли и всѣ слушали съ напряженіемъ.

Онъ кончилъ. Не раздалось ни одного хлопка, нѣсколько секундъ стояла какая-то мертвая тишина, какъ будто онъ своей игрой всѣхъ лишилъ воли и способности движенія. Но затѣмъ всѣ вдругъ зашумѣли стульями, заговорили, захлопали ладонями, ринулись къ Зюсману и стали пожимать ему руки.

Но онъ уже былъ не тотъ,—онъ стоялъ у рояля растерянный, подавленный тѣмъ страшнымъ напряженіемъ, которое сейчасъ вынесли его нервы. Онъ былъ некрасивъ и невзраченъ, какъ всегда.

Владиміръ Николаевичъ обвелъ глазами залъ, разыскивая своихъ друзей. Онъ замѣтилъ Скорбянскаго въ группѣ, гдѣ было нѣсколько музыкантовъ и два актера. Но съ наибольшимъ вниманіемъ взглядъ его остановился на дальнемъ углу, гдѣ Вольтовъ сидѣлъ съ какой-то дамой въ удивительно яркомъ нарядѣ, который среди мужскихъ черныхъ сюртуковъ казался еще ярче. Дамы были большой рѣдкостью на пятницахъ Спонтанѣева. Двѣ-три художницы, одна актриса, которая почти всегда пріѣзжала послѣ спекталя, такъ что поспѣвала лишь къ ужину, очень рѣдко музыкантши, а еще рѣже писательницы. Дамы какъ-то здѣсь не прививались.

Скорбянскій объяснялъ это тѣмъ, что „таланты слишкомъ заняты сами собой и за дамами не ухаживаютъ, а дамы безъ этого не могутъ“.

Спонтанѣевъ дѣятельно разыскивалъ талантовъ въ женскомъ платьѣ и звалъ къ себѣ. Онѣ являлись, но во второй разъ уже не приходили.

Владиміръ Николаевичъ направился въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Вольтовъ съ своей пестрой собесѣдницей и, дойдя до половины зала, замѣтилъ, что у него есть и другая собесѣдница—женщина почтенныхъ лѣтъ, плотная, какъ-то слишкомъ плечистая, одѣтая въ простое темносѣрое платье. Очевидно, яркость наряда другой совершенно затмила ее и она не сразу была замѣчена.

Яркую даму, которая была молода и недурна собой, онъ видѣлъ въ первый разъ, а съ почтенной уже встрѣчался. Ее звали Березовой, она принадлежала къ извѣстному музыкальному семейству и сама писала оперы, до сихъ поръ, впрочемъ, неудачныя.

Владиміръ Николаевичъ до этого времени очень мало съ нею говорилъ, но слышалъ отъ Спонтанѣева, что она живетъ въ деревнѣ и затѣваетъ что-то въ родѣ опернаго народнаго театра. „Вотъ,—подумалъ онъ,—находка для Вольтова. Имъ есть о чемъ поговорить. Но странно, что она молчитъ, а говоритъ Вольтовъ съ пестрой дамой“.

Онъ подошелъ къ нимъ и поздоровался съ Березовой. Вольтовъ даже не замѣтилъ его, до того горячо убѣждалъ онъ въ чемъ-то свою собесѣдницу, которая смотрѣла на него съ выраженіемъ легкаго изумленія. Онъ говорилъ и глаза его при этомъ блестѣли.

— Позвольте, я понимаю и настроеніе, я даже думаю, что въ искусствѣ настроеніе, это — все; но поддаваться любому настроенію, первому налетѣвшему на васъ, вѣдь это значитъ просто распускаться. Вся суть въ томъ, что не всякое настроеніе художественно, а предметомъ искусства можетъ быть только художественное. Вы говорите настроеніе! Вы влѣзли въ теплую ванну и у васъ явилось блаженное настроеніе и что же,—вы сейчасъ будете воспѣвать это стихами?. Вы ѣдите куриную лапку и испытываете восторгъ и сейчасъ же поддаетесь вашему настроенію и начинаете пѣть?.. Вѣдь это же дикость! Вы можете испытывать какое угодно настроеніе, это ваше право. Вы — какъ человѣкъ, но какъ художникъ, вы не имѣете права воплощать въ художественные образы это ничтожное обыденное нехудожественное настроеніе, потому что оно ничьего духа возвысить не можетъ...

— Съ кѣмъ это Вольтовъ такъ горячо споритъ?—тихо спросилъ Владиміръ Николаевичъ Березову, подсѣвъ къ ней.

— А вы не знаете? Это извѣстная поэтесса—Крепсина!

— Какъ? Это она?

— Хотите, я познакомлю васъ?

— Нѣтъ, я не хочу перебивать Вольтова, онъ такъ увлекся.

— А кто этотъ молодой человѣкъ?—спросила Березова,—судя по рѣчамъ, онъ большой энтузіастъ. Кажется, художникъ?

— Да, художникъ, и очень талантливый, талантливѣе всѣхъ, здѣсь присутствующихъ, вмѣстѣ взятыхъ.

— Неужели? Это очень интересно! Вы меня познакомьте съ нимъ.

— Ну, вотъ, когда они кончатъ свой споръ, я познакомлю.

— О, они никогда не кончатъ его! Слушайте, Ольга Сергѣевна,—обратилась она къ поэтессѣ,—вы когда-нибудь кончите вашъ споръ?

Крепсина посмотрѣла на нее съ изумленіемъ. Владиміръ Николаевичъ замѣтилъ, что она на все смотритъ съ изумленіемъ, хотя въ сущности ничему не изумляется. Просто у нея была такая манера.

А Вольтовъ котораго Березова прервала своимъ вопросомъ, остановился и посмотрѣлъ на нее недружелюбно. Владиміръ Николаевичъ воспользовался этимъ моментомъ и сказалъ:

— Слушай, Вольтовъ, вотъ Дарья Ѳедоровна Березова хочетъ познакомиться съ тобой.

Вольтовъ всталъ и довольно угрюмо поклонился ей.

— Я слышала о васъ очень интересныя вещи,—сказала Березова, перемѣняя мѣсто и садясь по другую сторону рядомъ съ нимъ и такимъ образомъ совсѣмъ отстраняя отъ него Крепсину.

— Обо мнѣ?—переспросилъ Вольтовъ.

— Да, мнѣ сейчасъ сказалъ Бертышевъ, что вы пишете ваши картины для народа.

— Да, только собираюсь писать. Но до сихъ поръ я не написалъ еще ни одной картины.

— Это все равно. Какіе же сюжеты?

— У меня одинъ сюжетъ. Я хочу въ рядѣ картинъ воплотить Еруслана Лазаревича.

— Это странно!

— Да, это самое я слышалъ уже отъ сотни лицъ. Но это ничего не значитъ. А васъ почему это интересуетъ, то-есть то, что я пишу для народа? Вы этому сочувствуете?

— Конечно. Еще бы!

— Да вѣдь этому всѣ сочувствуютъ, потому что это либерально. Но никто ни въ чемъ не проявляетъ этого сочувствія къ народу.

Оба они, видимо, заинтересовались другъ другомъ. Владиміръ Николаевичъ замѣтилъ это и старался присматриваться къ тому, что изъ этого выйдетъ. Онъ уже по необходимости представился Крепсиной, и у него съ ней завязался нѣсколько вялый разговоръ, позволявшій иногда слышать отрывки изъ разговора сосѣдей.

А между тѣмъ изъ читальни и гостиной всѣ вышли въ залъ и въ немъ стало много народу. Вѣра Поликарповна исчезла. Она очевидно ушла внизъ, гдѣ уже готовъ былъ ужинъ. И вообще на лицахъ у всѣхъ и въ тонѣ рѣчей, и въ движеніяхъ было замѣтно, что всѣ готовы были благосклонно принять приглашеніе къ столу.

Былъ уже первый часъ въ началѣ. Наконецъ, вошелъ лакей и съ озабоченнымъ видомъ отыскивалъ глазами Поликарпа Антоновича. И найдя его, подошелъ къ нему и что-то таинственно сообщилъ.

— Господа, прошу покорнѣйше поужинать!—возгласилъ Спонтанѣевъ.—Прошу васъ внизъ!

Послѣ этихъ магическихъ словъ, замѣчавшееся уже у всѣхъ утомленіе вдругъ прошло. Всѣ получили естественную непринужденность движеній и медленно, какъ бы ненарокомъ, продолжая разговаривать, все больше и больше приближались къ той двери, которая вела на лѣстницу.

— А!—вдругъ раздалось надъ головой Владиміра Николаевича,—вотъ они гдѣ, соколы ясные!

Владиміръ Николаевичъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собой Скорбянскаго.

— Я васъ давно вижу, Ольга Сергѣевна,—прибавилъ Скорбянскій, здороваясь съ Крепсиной.—Смотрю, знаете, поэзія сидитъ... Ну, думаю, она въ мечтахъ обрѣтается! и не сталъ безпокоить. А Вольтовъ, Вольтовъ нашъ какъ разошелся! а? Такъ изъ него слова и катятся, какъ жемчугъ. Ну, однимъ словомъ, Вольдемаръ, прими мѣры, чтобы за ужиномъ мы всѣ трое рядомъ сидѣли. Понялъ? А то, знаешь, если я стану неприлично вести себя, такъ ты меня по крайней мѣрѣ за фалду потянешь, я и опомнюсь.

— Примите и меня къ себѣ,—сказала Крепсина.

— Весьма пріятно,—отвѣтилъ Скорбянскій.—Только это одинъ Бертышевъ можетъ устроить. У него большая протекція въ этомъ домѣ...

Публика стала выходить на лѣстницу. Владиміръ Николаевичъ и Крепсина тихо поднялись. Только Вольтовъ сидѣлъ и продолжалъ горячиться и это задерживало Березову. Скорбянскій подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо.

— Остановись!—сказалъ онъ.—Добрые люди идутъ ужинать, а ты соловья баснями кормишь. Съ нимъ надо строго!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Березовой. – А то онъ, знаете, по цѣлымъ недѣлямъ молчитъ, а потомъ, какъ прорветъ его, такъ никакими запрудами этотъ потокъ не остановишь...

Наконецъ, всѣ перебрались въ столовую и усѣлись за длиннымъ столомъ.

Стукъ ножей, звонъ рюмокъ и стакановъ смѣшивались съ разнообразными оживленными голосами. Владиміръ Николаевичъ осмотрѣлъ присутствующихъ и увидѣлъ такія лица, которыя вовсе не попадались ему наверху. Это были гости, которымъ у Спонтанѣева собственно нравился ужинъ и они весь вечеръ просидѣли въ читальнѣ, дожидаясь, пока позовутъ внизъ.

VIII.

Вѣра Поликарповна сидѣла по правую сторону Владиміра Николаевича, а слѣва отъ него помѣстились Вольтовъ и Березина. Противъ нихъ сѣлъ Скорбянскій, а рядомъ съ нимъ—съ одной стороны Крепсина, а съ другой—молодой человѣкъ съ необыкновенно задумчивымъ лицомъ, на которомъ было такое выраженіе, какъ будто онъ попалъ не на веселую Спонтанѣевскую пятницу, а на панихиду.

Сперва, пока продолжалась закуска, всѣ перекидывались отрывистыми замѣчаніями, потомъ Скорбянскій занялся своей сосѣдкой, Вольтовъ возобновилъ споръ съ Березовой, а угрюмый молодой человѣкъ упорно смотрѣлъ въ тарелку и молчалъ.

— Я не вижу, чтобы ему было весело!—сказала Вѣра Поликарповна, обращаясь къ Владиміру Николаевичу.

Бертышевъ посмотрѣлъ на нее въ первую минуту съ недоумѣніемъ, но по ея глазамъ тотчасъ понялъ, что это относится къ нему и у него мелькнула мысль, которая показалась ему блестящей: въ формѣ бесѣды о какихъ-то постороннихъ двухъ лицахъ можно высказать то, что въ прямомъ разговорѣ не рѣшишься сказать. Онъ отвѣтилъ:

— Развѣ въ этомъ есть что-нибудь удивительное?

— Чему ты удивляешься, Вольдемаръ?—сиросилъ черезъ столъ Скорбянскій, слышавшій его слова.

— Напротивъ,—отвѣтилъ Бертышевъ,—я спрашиваю: развѣ тутъ есть что-нибудь удивительное? Вѣра Поликарповна дала мнѣ прочитать одну книгу, такъ вотъ о ней у насъ и рѣчь.

„Какой онъ умный!“ шепнула ему почти на ухо Вѣра Поликарповна.

— Какая это книжка?—спросилъ Скорбянскій.

— Это романъ одного мало извѣстнаго французскаго автора. Ты его навѣрно не читалъ.

— Да, это весьма вѣроятно, — промолвилъ Матвѣй Ивановичъ,—потому что я давно уже книгъ не читаю,—я ихъ только пишу.

— Вы разочаровались въ книгѣ?—спросила его Вѣра Поликарповна.

— Да видите ли, я слишкомъ хорошо знаю, какъ онѣ дѣлаются. Говорятъ, что кто хоть разъ видѣлъ, какъ мѣсятъ тѣсто для булокъ въ пекарнѣ, тотъ больше не станетъ ѣсть этихъ булокъ.

— А какъ мѣсятъ тѣсто?—спросила Крепсина.

Скорбянскій сталъ отвѣчать ей и на нѣкоторое время это его отвлекло.

— Вамъ, кажется, не понравилась книга?— сказала Вѣра Поликарповна, обращаясь къ Бертышеву.

— Я еще не могу о ней судить, такъ какъ прочиталъ только начало!—отвѣтилъ онъ.

— Какого же вы мнѣнія о героинѣ?

— Она, конечно, прелестна.

— Она сказала бы вамъ на это: merci! Но не находите ли, что она нѣсколько... неосторожна?.. Какъ бы это объяснить? Она слишкомъ ужъ прямо говоритъ ему о своемъ чувствѣ, вмѣсто того, чтобы вызвать съ его стороны признаніе...

— Но это только говоритъ объ ея искренности и непосредственности.

— Вы такъ думаете?

— Да, а что же другое? Развѣ вы думаете иначе?

— Можно дать и другое объясненіе.

— Это очень любопытно.

— Да, но это уже будетъ психологія, а, значитъ, нѣчто произвольное.

— То-есть, такъ, что можетъ быть и не такъ...

— Ну, да... Вотъ видите ли, мнѣ показалось, что героиня сама по себѣ вовсе уже не такая непосредственная натура. Въ ея характерѣ скорѣе преобладаетъ сдержанность.

— Да, да, мнѣ это казалось...

— Такъ, что вы были удивлены той рѣшительностью, съ которой она понеслась впередъ съ своимъ чувствомъ.

— Ну, во-первыхъ, я не нашелъ такой чрезвычайной рѣшительности; а во-вторыхъ, я же сказалъ, что она была искренна.

— Какъ? вы могли ожидать еще большей рѣшительности? Она чуть не прямо признается ему въ любви. Она узнаетъ, гдѣ онъ будетъ, слѣдитъ за нимъ по пятамъ, зоветъ его въ свою карету, чтобы только посидѣть лишній часъ рядомъ съ нимъ? Это по вашему не рѣшительность?

— Вы предъявляете мнѣ счетъ?—тихо сказалъ ей Владиміръ Николаевичъ.— Однако, все-таки не забывайте, что мы ужинаемъ не вдвоемъ.

— Вы трусъ!—также тихо отвѣтила ему Вѣра Поликарповна и продолжала громко.— Чего же вы еще хотѣли бы?

— Однако, на другой день послѣ этого она приняла его холодно.

— Это понятно. Надо же, чтобы и онъ когда-нибудь проявилъ что-нибудь отъ себя. А то вѣдь онъ только откликается на ея призывъ.

— Значитъ, у нея появилась разсудительность?—промолвилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Да, появилась, только не у нея, а у ея чувства...

— Я этого не понимаю.

— Потому что вы ничего не понимаете въ чувствѣ...

— А вы гдѣ учились этой наукѣ?—спросилъ Скорбянскій.— Развѣ дѣвицы понимаютъ что-нибудь въ чувствѣ? По моему, чтобы понимать въ чувствѣ, надо прожить триста тысячъ пертурбацій,— надо любить, быть любимымъ, надо, чтобъ тебѣ измѣнили и чтобы ты измѣнилъ, тебя покинули и ты покинулъ и пр. и пр.

— Это для васъ, для мужчинъ. А женщинѣ это врождено. Женщина понимаетъ всѣ тонкости чувства безъ малѣйшаго опыта... Я продолжаю нашъ разговоръ, Владиміръ Николаевичъ. Я говорю, что это—разсудительность чувства. Ему, чувству, надо было завладѣть имъ во что бы то ни стало. Мнѣ кажется, это тоже говоритъ о его силѣ и искренности.

— Да, я думаю.

— Ну, такъ вотъ. Надо было завладѣть имъ во что бы то ни стало, поэтому оно пустило въ ходъ всю свою энергію. Оно ни передъ чѣмъ не останавливалось, оно даже рисковало своей доброй репутаціей. Не правда ли?

— Да, кажется—это было.

— Навѣрно было. Оно, можетъ быть, даже черезчуръ пускало въ ходъ такое орудіе, какъ кокетство... Вѣдь вы замѣтили, Владиміръ Николаевичъ, что иногда она кокетничала съ нимъ до того, что онъ могъ принять ее чуть ли не за профессіональную кокетку?..

— Я этого не замѣтилъ, но... Вы заставляете меня такъ думать...

— Да, это навѣрно такъ. Присмотритесь къ ея образу дѣйствій. А между тѣмъ она по натурѣ не кокетка, не правда ли?

— Я этого о ней ни разу не подумалъ.

— И не думайте, Владиміръ Николаевичъ. Ей противно кокетство. Она думаетъ, что въ кокетствѣ есть что-то бездушное, холодное, разсчетливое. Но это—кокетство для кокетства, для препровожденія времени, для тщеславія, — чтобы убѣдиться въ лишней побѣдѣ. А ей вѣдь этого не надо. Ея кокетство, это—одно изъ орудій, которое пустило въ ходъ ея чувство, чтобы овладѣть имъ. И это будетъ до тѣхъ поръ, пока она не убѣдится, что онъ побѣжденъ окончательно, что онъ уже безъ нея не можетъ...

— Постойте! Я именно дошелъ до этого мѣста. Мнѣ кажется, что онъ уже побѣжденъ, она уже покорила его совсѣмъ... Онъ уже безъ нея не можетъ... Что же будетъ дальше?

— Читайте, читайте. И увидите, что будетъ дальше.

— Нѣтъ, разскажите, я хочу знать.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра Поликарповна, не разсказывайте ему! Онъ же васъ потомъ бранить будетъ! — опять вмѣшался Скорбянскій. —Это, знаете, господа рецензенты, въ особенности, когда они желаютъ намъ добра, отбиваютъ у насъ читателей. Начнетъ хвалить книгу: прекрасная, говоритъ, книга! великолѣпная книга! презанимательная! Сами посудите... И начинаетъ разсказывать содержаніе и разсказываетъ отъ доски до доски. Ну, читатель это прочиталъ и думаетъ: теперь я содержаніе знаю. Зачѣмъ же мнѣ книжку покупать? Теперь ужъ неинтересно. Не разсказывайте ему; пусть прочитаетъ. Художники народъ лѣнивый на чтеніе. Надо ихъ пріучать.

— Какъ вы успѣваете, Матвѣй Ивановичъ, и насъ слушать, и Ольгу Сергѣевну занимать?—спросила его Вѣра Поликарповна.

— Ольгу Сергѣевну занимать не надо,—она сама занимательная.

— Такъ вы не разскажете? — нетерпѣливо спросилъ Владиміръ Николаевичъ, досадуя на Скорбянскаго за то, что тотъ вмѣшивается въ ихъ разговоръ.

— Что вамъ разсказать, Владиміръ Николаевичъ?

— Вотъ что: во-первыхъ, — ихъ положенія неравны, ни въ какомъ отношеніи. Она очень богата, а онъ очень бѣденъ.

— Вы думаете, что это можетъ имѣть какое-нибудь значеніе?

Она спросила его и какъ-то особенно пытливо посмотрѣла ему въ глаза.

— Да, можетъ... Насколько я могу судить объ ихъ характерахъ...

— Какіе же это характеры такіе?

— Она избалована жизнью; привыкла, чтобъ исполнялась всякая ея прихоть; она не знаетъ, что значитъ работать для чего-нибудь, работать не изъ-за удовольствія, а изъ-за необходимости. А его взгляды на жизнь никогда не позволили бы ему какъ бы то ни было воспользоваться ея богатствомъ, хотя бы они и соединились на всю жизнь.

— Вы хорошо знаете его взгляды?

— О, да. Мнѣ кажется, что я вѣрно понялъ этотъ характеръ.

— Въ такомъ случаѣ это странный характеръ. Странно, когда любишь, раздѣлять женщину на двѣ части: одна, это — она, которую любишь, а другая, это — ея обстоятельства.

— Но развѣ обязательно любить и обстоятельства?

— Да, все, что до нея касается, иначе я не понимаю. Иначе, это — какая-то полулюбовь. Если онъ бѣденъ, а она богата, то это только значитъ, что ему не повезло, а ей повезло. Почему же бы онъ отказался раздѣлить съ нею ея случайное счастье?

— Ну, это вопросъ сложный, Вѣра Поликарповна! Есть и другія вещи, которыхъ я не могу, по началу книги, предусмотрѣть. Напримѣръ, хоть это: она свободна, а онъ вѣдь связанъ; кромѣ того, она свободна не только матеріально, фактически, но и нравственно. Эти натура, любящая свободу, ни въ чемъ не признающая стѣсненія своей личности.

— О, да! Это правда!

— Но какъ же они съ этимъ будутъ?.. Съ тѣмъ, что онъ женатъ...

— Да... Это правда...

И она какъ-то нервно начала рѣзать ножомъ рябчика, который лежалъ передъ нею на тарелкѣ.

— Это вопросъ... И главное — своевременный...

Она сказала это гораздо тише и голосъ ея дрожалъ. Онъ явственно услышалъ это дрожаніе и сердце его заныло. Онъ почувствовалъ, что доставилъ ей огорченіе, сдѣлалъ больно, и проклиналъ свою неосторожность.

Она прибавила:

— Но объ этомъ у нихъ былъ ужъ разговоръ... помните, въ каретѣ? Только... только онъ, очевидно, ничего не понялъ...

— Простите, ради Бога!— совсѣмъ тихо произнесъ Владиміръ Николаевичъ.

— Однако, какъ близко къ сердцу вы принимаете интересы героевъ этой книги! — весело воскликнулъ Скорбянскій, за это время уже пропустившій изрядное количество вина.—Чортъ возьми, если бы у меня были такіе внимательные читатели, я ничего больше не просилъ бы у неба! Нѣтъ,—прибавилъ онъ, какъ-то комически прищуривъ лѣвый глазъ,—вы посмотрите, какое тутъ по сосѣдству съ вами соглашеніе вышло! Вольдемаръ, обрати вниманіе!

Скорбянскій указалъ на Вольтова и Березову. Вольтовъ уже не говорилъ „я“, а „мы“. И это *мы*, очевидно, относилось къ нему и его сосѣдкѣ. Они уже совсѣмъ спѣлись. Минутъ десять раньше можно было слышать предложеніе, которое сдѣлала ему Березова. Она пригласила его къ себѣ въ деревню.

— Тамъ вы будете спокойно работать ваши картины!—сказала она.

Вольтовъ даже ни на одну минуту не задумался. Онъ какъ-то умѣлъ тонко и сразу различать предложеніе, сдѣланное изъ любезности и дѣйствительно отъ сердца, и безошибочно отнесъ это къ послѣднимъ.

Онъ уже разсказалъ ей весь свой планъ и процитировалъ по крайней мѣрѣ половину Еруслана, и теперь онъ говорилъ:

— Вы знаете, что важно? Важно соединить эти два искусства. Вотъ вы пишете оперы,—бросьте. Не надо писать оперъ! Эти ваши оркестры никуда не годятся. Намъ довольно гармоникъ да волынокъ да бубенъ. Вотъ вы увидите, какой это будетъ оркестръ. Вотъ вы и пишите музыку на сюжетъ Еруслана. Представьте себѣ, что появленіе каждой картины сопровождается музыкальной иллюстраціей, вполнѣ доступной народному слуху! Вы понимаете это?

Березова смотрѣла на него съ восхищеніемъ. Идея, которую онъ давалъ, казалась ей прекрасной и удивительно подходящей. И ея затѣя—ставить передъ народомъ „Руслана“ и „Рогнѣду“ все больше и больше блѣднѣла передъ нею.

Дарьѣ Ѳедоровнѣ Березовой было лѣтъ сорокъ пять; но годы не мѣшали ей увлекаться всякой новинкой и уже пылкое воображеніе рисовало ей, какъ изъ ихъ обоюдныхъ усилій выходитъ нѣчто оригинальное и грандіозное. Оригинальность она цѣнила больше всего на свѣтѣ, а идеямъ Вольтова, какъ и ему самому, никакъ нельзя было отказать въ этомъ.

— Такъ вы отнимаете у насъ Вольтова, Дарья Ѳедоровна?— говорилъ Скорбянскій.

— Да, хочу отнять, если онъ согласится. У него чудныя идеи!

— О, да, на счетъ идей онъ у насъ мастеръ! Ну, и кромѣ того талантъ... Впрочемъ, — прибавилъ онъ, иронически ухмыляясь, — здѣсь вѣдь, кромѣ талантовъ, никого и нѣтъ. Не такъ ли?

— Послушайте, — тихо сказала Вѣра Поликарповна Владиміру Николаевичу, — зачѣмъ вы привели къ намъ эту злую собаку?

Это была первая фраза, которую она сказала ему послѣ смущенія, когда Скорбянскій перебилъ ихъ.

— Нѣтъ, это одинъ изъ самыхъ добрыхъ людей! — отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ. — А вы на меня уже не сердитесь?

— Напротивъ, страшно, страшно сержусь... И вы должны оправдаться.

— Я непремѣнно оправдаюсь. Я чувствую въ этомъ потребность.

— Завтра, непремѣнно завтра. Смотрите, не отнѣкивайтесь, не говорите, что не готовы къ этому.

— А! Завтра, значитъ, будетъ у насъ генеральное объясненіе?..

— Скажите лучше, генеральное сраженіе.

— Почему сраженіе?

— Потому что я буду отстаивать свои права во что бы то ни стало.

— Развѣ на нихъ кто-нибудь покушается?

— А вы находите, что нѣтъ?

Онъ промолчалъ. Опять въ это время что-то сталъ говорить имъ Скорбянскій. Потомъ начали открывать бутылки съ шампанскимъ, раздавалось хлопанье пробокъ, стали наливать въ бокалы. Поднялся хозяинъ и провозгласилъ тостъ за гостей. Евграфъ Аполлоновичъ отвѣтилъ тостомъ за хозяина, кто-то очень горячо говорилъ за искусство и пошли тосты безъ конца.

Но вотъ всталъ еще разъ Спонтанѣевъ и промолвилъ: „Искусство, господа, вещь важная, что и говорить! Ужъ, кажется, никто такъ не уважаетъ его, какъ Поликарпъ Спонтанѣевъ! А когда я думаю объ искусствѣ, то не могу иначе представлять себѣ его, какъ въ образѣ картинъ, созданныхъ нашими лучшими, извѣстнѣйшими художниками. Ну, господа, за ихъ здоровье мы уже пили, а вотъ за что я хочу поднять бокалъ съ особеннымъ усердіемъ, такъ это за нашу молодежь, которой отъ души желаю только одного, чтобы она неуклонно шла по стопамъ своихъ учителей“.

Разумѣется, этотъ тостъ тотчасъ же покрыли оглушительные крики и опять зазвенѣли стаканы. Но вдругъ совершенно неожиданно поднялся Вольтовъ. Его раскраснѣвшіяся, въ обыкновенное время блѣдныя, щеки, его горящіе глаза, которыми онъ уже заранѣе строго, почти гнѣвно окатилъ всѣхъ сидѣвшихъ за длиннымъ столомъ, не обѣщали ничего мирнаго. А первые звуки его голоса, нервнаго, рѣзкаго, съ какимъ-то протестующимъ тембромъ, заставили Владиміра Николаевича страшиться за послѣдствія.

— Господа!—громко промолвилъ онъ:—такъ какъ никто изъ молодыхъ не отвѣтилъ на тостъ любезнаго хозяина, то я рѣшаюсь взять на себя эту пріятную обязанность.

— Каковъ нашъ паръ!—воскликнулъ Скорбянскій, подмигнувъ Владиміру Николаевичу, и прибавилъ: — Чего это у тебя такіе испуганные глаза? Ты не бойся! Онъ краснорѣчивъ. Онъ что-нибудь про Еруслана скажетъ...

Вольтовъ продолжалъ:

— Господа! хозяинъ добръ и любезенъ одинаково и къ старшимъ, и къ младшимъ. Это его хозяйская обязанность. Я же — одинъ изъ гостей и буду говорить тоже объ одномъ изъ гостей, такъ любезно принятыхъ въ этомъ домѣ, — объ искусствѣ. За процвѣтаніе его здѣсь пили, и я пилъ за это. Но здѣсь еще сказали, что его будущность въ рукахъ молодежи и къ этому прибавили, что нужно только для блеска этой будущности, чтобы молодежь шла неуклонно по стопамъ стариковъ и тогда, будто бы, будущность искусства обезпечена. Вотъ противъ этого-то неуклоннаго шествія я и хочу поспорить! Господа! здѣсь между нами находится одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей старшаго, лучшаго поколѣнія въ искусствѣ. Съ выступленіемъ его на нашемъ поприщѣ, какъ вы знаете, въ русскомъ искусствѣ зажглась новая заря. Не онъ одинъ зажегъ эту зарю, но его факелъ шелъ впереди всѣхъ,—вы это знаете лучше, чѣмъ я. Я говорю объ Евграфѣ Аполлоновичѣ. (Тутъ раздались апплодисменты и крики: „браво, браво!“) Но спросите же его, пусть онъ самъ скажетъ намъ, шелъ ли онъ тогда неуклонно по стопамъ, протоптаннымъ старшими поколѣніями? Нѣтъ, какъ разъ наоборотъ. Взявъ отъ стараго то, что было у него хорошаго, то поколѣніе круто повернуло въ сторону и пошло своей дорогой и оттого, господа, искусство расцвѣло у насъ и дало такіе большіе и такіе вкусные плоды! Господа! почему же намъ, нынѣшней молодежи, ставятъ въ обязанность непремѣнно неуклонно идти этимъ путемъ, который былъ тогда новымъ, а теперь сдѣлался уже старымъ? Зачѣмъ хотятъ, чтобы мы, войдя въ безконечный лѣсъ родного искусства, непремѣнно шли тою же тропою, которую протоптали они, тогда какъ во всѣ стороны лѣса идетъ чаща и въ гущинѣ этой чащи скрываются милліоны еще не открытыхъ сокровищъ, къ которымъ никто никогда не доходилъ, потому что дороги не было. Нѣтъ, господа, дорога, проторенная нашими предшественниками, хороша; но какая же заслуга, если мы, молодые, полные силъ, станемъ спокойно и безъ риска идти по ней? Нѣтъ, не навязывайте намъ этой печальной роли; не въ этомъ наша обязанность, а въ томъ, чтобы, по примѣру старыхъ поколѣній, мы, рискуя животомъ, прорубали новыя тропинки—вправо и влѣво,

вдоль и поперекъ, не страшась ни гущины лѣса, ни колючихъ кустарниковъ, ни дикихъ звѣрей. И расчищая этотъ дремучій лѣсъ, мы должны работать самостоятельно и тогда только искусство дѣйствительно пойдетъ впередъ и не будетъ топтаться на мѣстѣ. Каждое поколѣніе должно прорубить какія-нибудь новыя тропы! Я предлагаю вамъ выпить за то, чтобы и наше поколѣніе что-нибудь сдѣлало въ этомъ направленіи...

Поднялись одобрительные крики, шумъ, движеніе; всѣ встали и пошли къ Вольтову чокаться. Евграфъ Аполлоновичъ пришелъ къ нему и расцѣловался съ нимъ.

Всѣ были согласны, всѣ говорили о рѣчи Вольтова и имя Вольтова въ этотъ вечеръ въ этомъ кругу сдѣлалось знаменитымъ.

Было уже около трехъ часовъ. Начали вставать. Лица у всѣхъ горѣли отъ хорошаго вина и отъ горячихъ рѣчей.

— Господа,—говорилъ всѣмъ и каждому Спонтанѣевъ,—я такъ благодаренъ вамъ за этотъ вечеръ... Смотрите же, не забудьте, что на каждой недѣлѣ есть пятница и что и на будущей недѣлѣ тоже непремѣнно будетъ пятница.

— До завтра!—сказала Вѣра Поликарповна Бертышеву, крѣпко пожимая его руку и стала затѣмъ прощаться съ гостями. Она тоже должна была каждому сказать любезное слово.

Владиміръ Николаевичъ увелъ съ собой Вольтова и они вмѣстѣ уѣхали.

IX.

— Ты худѣешь съ каждымъ днемъ, Вѣра! Съ чего бы это?—говорила Марья Ивановна, глядя на то, какъ Вѣра Поликарповна въ самомъ дѣлѣ послѣдніе дни видимо худѣла. Развѣ ты нездорова? Можетъ быть, ты чѣмъ-нибудь недовольна?

— Нѣтъ, мама, я и здорова, и всѣмъ довольна...

— А то не слишкомъ ли много ты занимаешься науками?

— Можетъ быть, много... Да, въ самомъ дѣлѣ много... Но это ничего. Мнѣ слѣдуетъ похудѣть; я что-то толстѣть начала.

Вѣра Поликарповна дѣйствительно, можетъ быть, черезчуръ усердно предавалась наукамъ. Гимназію она кончила года полтора тому назадъ. У нея была мысль поступить на курсы, но Спонтанѣевъ сказалъ: зачѣмъ тебѣ это? Гораздо большему научишься, занимаясь дома. Я вѣдь не стѣсняю тебя, мнѣ ничего не жаль...

И онъ пригласилъ профессоровъ давать ей уроки на дому. Вѣрѣ Поликарповнѣ это понравилось. Она могла заниматься въ данное время тѣмъ, что ее интересовало и у нея все утро было посвящено занятіямъ. Она изучала исторію искусствъ и древнюю

литературу. Она занималась греческимъ языкомъ. Ей страстно хотѣлось читать древнихъ авторовъ въ подлинникѣ. Но мѣсяца три тому назадъ у нея явилось желаніе усовершенствоваться въ математикѣ и вотъ съ тѣхъ поръ она занимается высшей алгеброй и дифференціалами. И Марья Ивановна нерѣдко застаетъ ее послѣ полуночи за рѣшеніемъ какой-нибудь головоломной задачи. Кромѣ того она еще училась выразительному чтенію.

Вообще она повиновалась своему прихотливому вкусу, который былъ близокъ къ фантазіи. Но если говорить правду, не будь этихъ занятій, ей некуда было бы дѣвать время. Знакомства ихъ—почти исключительно въ торговомъ мірѣ—ее рѣшительно не могли интересовать и она не отдавала имъ и сотой доли своего досуга. И, конечно, худѣла она не отъ занятій.

Это вышло, какъ всегда, неожиданно. Владиміра Николаевича она знала уже нѣсколько мѣсяцевъ. Еще на прошлогодней выставкѣ, когда она съ любопытствомъ остановилась передъ его небольшой картиной, онъ былъ представленъ ей. Потомъ онъ бывалъ у нихъ по пятницамъ, но не произвелъ на нее значительнаго впечатлѣнія.

Но однажды, только въ послѣднее время, имъ пришлось провести полчаса въ откровенной бесѣдѣ. И только тогда она присмотрѣлась къ его дѣйствительно красивому лицу, къ его глубокимъ прекраснымъ глазамъ, прислушалась къ его симпатичной манерѣ говорить и все это вмѣстѣ произвело на нее впечатлѣніе чего-то чистаго, мягкаго, нѣжнаго, почти трогательнаго. Съ этой бесѣды началось ея чувство.

И какъ-то вдругъ, сразу она почувствовала, что онъ ей совершенно необходимъ, что „безъ него она не можетъ“. Характеръ самостоятельный, довольно сильный, избалованный къ тому же возможностью ни въ чемъ не встрѣчать серьезнаго отпора, она не была способна выжидать, предоставлять обстоятельствамъ устраивать дѣла. Ее охватило страстное желаніе покорить его во чтобы то ни стало. И вотъ она, до сихъ поръ презиравшая кокетство, (она это видитъ), стала кокетничать съ нимъ, какъ только могла. Это дѣлалось не сознательно, а инстиктивно. Она знала его обстоятельства, знала, что у него есть жена и дѣти и что въ будущемъ съ этимъ надо будетъ считаться и что вообще это непремѣнно сдѣлается огромнымъ препятствіемъ. Но разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ она отложила на послѣ. Теперь она переживала только одно страшное напряженіе нравственной силы, все направленное къ тому, чтобы онъ былъ у ея ногъ. А дальше, дальше все должно сдѣлаться такъ, какъ она хочетъ...

Покоряя его, она незамѣтно для себя самой и сама становилась къ нему ближе и ближе и, если въ первое время онъ

былъ ей необходимъ, то теперь она уже не могла отказаться отъ него.

И вотъ наступилъ моментъ, когда надо заняться тѣми вопросами. Раньше они ихъ какъ-то обходили. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что для счастья совершенно достаточно того, что они могутъ быть иногда вдвоемъ. Но это было только наивно. Въ сущности, она не могла допустить мысли, что еще кто-то другой имѣетъ на него какія то права,—какая-то женщина, какія-то дѣти.

И вотъ, когда она подходила близко къ этому вопросу, сердце ея сжималось отъ боли. Она знала, что тутъ встрѣтится непреоборимое препятствіе. Женщина, это—неважно. Разъ онъ ее любитъ, онъ пожертвуетъ всякой другой женщиной. Но дѣти... Это вопросъ. А если дѣти, то позади ихъ непремѣнно станетъ женщина и крѣпко будетъ держать ихъ за руки. Этихъ вопросовъ она разрѣшить одна не можетъ.

Она вовсе не зла. Она не хочетъ дѣлать несчастными никого, а въ особенности дѣтей, но тѣмъ больше себя она несчастной дѣлать не хочетъ.

И теперь, послѣ этого длиннаго шумнаго вечера, она не могла заснуть всю ночь и только на разсвѣтѣ сомкнула глаза. На другой день профессорамъ, являвшимся на уроки, пришлось уйти,—ее не хотѣли будить. Вѣдь она всегда сама вставала въ восемь часовъ и, если не встала сегодня, значитъ—у нея голова болитъ или просто она не выспалась.

Она проснулась около полудня и, вспомнивъ, что ей предстоитъ рѣшительное объясненіе, вдругъ почувствовала себя бодрой и сильной, „готовой отстаивать свое право“.

„Я не уступлю ни іоты!—сказала она себѣ.—Онъ мнѣ нуженъ, значитъ долженъ быть моимъ весь“. Она позавтракала и ждала сеанса. Около двухъ часовъ она вошла въ мастерскую. На ней было обыкновенное домашнее платье; она до того была поглощена предстоящимъ объясненіемъ, что забыла о портретѣ и о костюмѣ, въ которомъ онъ ее писалъ. А минутъ черезъ десять и Владиміръ Николаевичъ подымался по лѣстницѣ. Онъ тоже спалъ плохо. Придя домой, онъ засталъ всѣхъ уже спящими и у него явилось радостное чувство по поводу того, что не надо съ Вѣрой говорить и смотрѣть ей въ глаза. Утромъ онъ сознательно поднялся съ постели позже обыкновеннаго, а вставъ, началъ торопиться къ Авксентію Спонтанѣеву. Ему было страшно при мысли, что Вѣра заговоритъ съ нимъ о чемъ-нибудь серьезномъ; онъ спѣшилъ уйти изъ дому.

У Спонтанѣева онъ работалъ плохо. Мысль о предстоящемъ рѣшительномъ разговорѣ проникала его всего; но въ то же время онъ боялся придти на Офицерскую хоть на пять минутъ раньше.

Онъ вошелъ въ залъ, потомъ въ мастерскую и, увидѣвъ Вѣру Поликарповну въ костюмѣ, не подходящемъ къ портрету, остановился.

— Развѣ мы сегодня не работаемъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... Отчего же? Ахъ, да. Я не одѣта... Да... Я не расположена сегодня. Какъ вамъ спалось?

— Очень плохо. А вамъ?

— Не лучше. Это трогательно, не правда ли?

— Да, очень трогательно. Здравствуйте!

— Ахъ, да, мы забыли поздороваться! Садитесь здѣсь. Вотъ это кресло придвиньте сюда; мы сядемъ другъ противъ друга, чтобъ принимать въ разсчетъ не только слова, но и лица...

Онъ исполнилъ все это. Они сидѣли другъ противъ друга.

— Слушайте. Надо говорить только тѣ слова, которыя выражаютъ дѣло.

— Я только этого и хочу.

— Только скажите совсѣмъ ясно...

— Боже мой! что можетъ быть еще яснѣе? Я безъ ума... Я потерялъ почву подъ ногами. Я...

— Говорите, говорите до конца...

— Я безъ васъ не могу жить...

Она протянула ему руку. Онъ схватилъ ее и осыпалъ поцѣлуями.

— Это правда? — спрашивала она, вся дрожа отъ волненія. Это была важная побѣда. У нея была теперь прочная опора. Первый приступъ не потребовалъ отъ нея большого труда.

— Тише, Владиміръ, не увлекайтесь! Не забывайте, что мы пришли сюда говорить о дѣлѣ.

— О дѣлѣ!—повторилъ онъ.

— Да... Развѣ вы не чувствуете, какія страшныя трудности намъ предстоятъ?

— О, лучше о нихъ не говорить.

— Нѣтъ, о нихъ надо говорить, Владиміръ! Сегодня они должны быть рѣшены. Постойте... Вы меня любите въ самомъ дѣлѣ? Что же это значитъ по вашему?

— Быть всегда съ вами, быть у вашихъ ногъ, дѣлить съ вами мысли, чувства, горе и радость... и жизнь, жизнь... Но...

— А, но... Вотъ ради этого *но* я и пришла сюда... Говорите же, говорите это ваше *но*!

— Вы его знаете...

— Я не хочу его знать...

— Но оно существуетъ...

— Оно не должно существовать.

Она выронила его руку, которую до той минуты держала крѣпко и они молчали съ минуту. Потомъ она опять заговорила.

— Слушайте, Владиміръ, мы должны говорить прямо, ничего не тая. Да, до сихъ поръ мы много играли... Въ нашихъ отношеніяхъ было много ребяческаго; это было мило, красиво, симпатично... Я вела себя... Ну, да, можетъ быть, это было кокетство, но не бездушное... Я люблю васъ, Владиміръ, и люблю такъ, что мнѣ нужно или васъ всего, или совсѣмъ не нужно. Часть, хотя бы и очень большую, я не возьму. Поймите это. Я не могу такъ. Я теперь говорю съ вами безъ кокетства; я говорю то, что чувствую. И во мнѣ говоритъ много разсудка... Потерявъ васъ, я буду страдать ужасно и долго, но потомъ это ослабѣетъ и я какъ нибудь примирюсь. Я не говорю, что я умру отъ этого лишенія. Но дѣлить васъ я ни съ кѣмъ не согласна. Понимаете вы, ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ...

— Значитъ, я долженъ покинуть... Покинуть даже дѣтей?

— Владиміръ, этого вопроса вы могли бы не задавать мнѣ... Неужели вы думаете, что я такъ ужъ проста и шаблонна, что могла бы этого потребовать отъ васъ? Нѣтъ, не это. Это такъ некрасиво, Владиміръ... Когда человѣкъ для другой любви покидаетъ жену и дѣтей... Это некрасиво въ нравственномъ смыслѣ... Нѣтъ, это не могло бы удовлетворить мое самолюбіе. При томъ же это слишкомъ старо. Нѣтъ, этого я не хочу. Я хочу другого. Мы любимъ не для общества, не для свѣта, а для себя. Въ нашемъ счастьѣ не долженъ участвовать никто, ничьего великодушія мы не примемъ, ни чьей жертвы.

— И вы думаете, что это возможно?

— О, я ничего не думаю, я ничего не знаю... Ахъ, Боже мой! когда любишь, то долженъ что-нибудь сдѣлать для этого чувства...

— Постойте, Вѣра, дайте и мнѣ высказаться. Да, я люблю васъ; я это уже знаю навѣрно. И вы правы: чувство мое дошло до той ступени, когда уже нельзя уйти назадъ, нельзя убѣжать, спрятаться... Вы говорите то же о себѣ. И вы знаете, что есть люди, которые имѣютъ право протянуть ко мнѣ руки и потребовать себѣ часть моей души. И вы думаете, что можно устроить такъ, чтобы положить въ эти протянутыя руки милостыню въ видѣ куска хлѣба или монеты, вмѣсто части души. Вы такъ думаете? Но нѣтъ, вы не правы. Ахъ, какъ это ужасно, что вы не правы! Нужно или дать имъ часть души, или взять да и отрѣзать эти руки, чтобы онѣ уже больше не протягивались. И вотъ что страшно. Вѣра, вотъ что ужасно,—что я чувствую себя способнымъ и на это! Понимаете ли вы, до чего я дошелъ въ моемъ чувствѣ? Это—безуміе, это—преступленіе! Но я на это способенъ, я такъ чувствую, я такъ люблю. Вѣра... Ахъ... Зачѣмъ это все случилось?..

— Бѣгите прочь, пока не поздно!—какимъ-то строгимъ голосомъ сказала она,—но ничего враждебнаго, ничего недружелюбнаго не было ни въ этомъ голосѣ, ни въ ея глазахъ.—Бѣгите, Владиміръ, я это говорю вамъ безъ злобы. Я буду несчастна, но... Помните, я уже сказала вамъ, что не хочу брать васъ искалѣченнымъ...

— Это поздно, Вѣра, это поздно, поздно! Это уже невозможно!—воскликнулъ онъ и вдругъ слезы неудержимо полились изъ его глазъ.

— Тише...—промолвила она и положила руки ему на плечи.—Милый, я не хочу, чтобъ вы такъ страдали... И потому... Я боюсь это сказать... не надо слезъ... Ради Бога, не надо! Я боюсь ихъ, потому что онѣ заставятъ меня больше уступить, пойти на компромиссъ. А это нельзя, Владиміръ. Милый, ты понимаешь меня?

Она придвинулась къ нему близко—близко и положила голову ему на плечо. Онъ какъ-то восторженно, порывисто прижалъ ея голову къ своему лицу и вдругъ что-то страшно сильное, крѣпкое, какое-то могучее рѣшеніе наполнило его грудь.

— Вѣра,—сказалъ онъ.—Смотри, я больше не плачу. Я уже не страдаю. Когда у человѣка есть такое счастье, развѣ можетъ онъ страдать отъ чего бы то ни было? Все такъ мелко и ничтожно въ сравненіи съ этимъ счастьемъ. Нѣтъ такого креста, который не показался бы легкой былинкой тому, кто обладаетъ такимъ счастьемъ. Вѣдь мы съ тобой—одно! Мы слились въ одну душу, въ одну жизнь. Но мы не звѣри, мы не хотимъ счастья черезъ страданіе другихъ. Не будемъ говорить объ этомъ. Предоставь мнѣ... Я еще не знаю... Но мое чувство... о, оно такъ сильно, оно должно быть находчиво, оно найдетъ выходъ... Мы должны быть вмѣстѣ, мы должны принадлежать другъ другу; это наше право. Никто не можетъ вырвать у насъ изъ рукъ эту радость.

— Что ты сдѣлаешь?

— Я сейчасъ буду думать вслухъ, а ты слушай... И не будемъ пугаться словъ, не будемъ обходить тѣхъ препятствій, которыя стоятъ на пути; будемъ брать ихъ приступомъ. Слушай, у меня есть жена и дѣти. Ты знаешь, что жену я не люблю, это ясно,—потому что я люблю тебя. Но она хорошій человѣкъ. Она не сдѣлала зла ни мнѣ, ни тебѣ. Она никому не способна сдѣлать зло. Ея чувство ко мнѣ спокойное, почти холодное. Мы съ нею старые друзья съ дѣтства. Но наша дружба никогда не выходила изъ границъ простой обыденной дружбы, какъ у всѣхъ. Мое признаніе больше удивитъ ее, чѣмъ убьетъ, но только при условіи, что въ ея внѣшней жизни не произойдетъ никакихъ перемѣнъ. Нѣтъ, слушай, не перебивай меня, Вѣра. Нужно щадить ея право на привычку къ той жизни, какую она ведетъ. Вѣдь

если мы ей это оставимъ, то это вѣдь такъ немного!.. Я не долженъ разставаться съ ней... Понимаешь? Ты понимаешь... Потомъ она привыкнетъ къ новой мысли, къ неизбѣжности; она тогда сама скажетъ мнѣ: иди отъ меня. Ты не можешь ни мнѣ дать счастья, ни себѣ взять его. Да, такъ, какъ... А дѣти? Дѣти...

— Не говори больше, не надо... Не омрачай!..—воскликнула она, зажимая ему ротъ ладонью, съ выраженіемъ страха, какъ бы чувствуя, что въ этотъ моментъ, когда онъ заговорилъ о дѣтяхъ, ея счастью грозитъ страшная опасность.

— Это потомъ... Это рѣшится какъ-нибудь само... Ты только посмотри мнѣ въ глаза и скажи: Ты, значитъ, не будешь ничьимъ?

— Да... Только твоимъ, Вѣра. Въ этомъ я клянусь тебѣ нашимъ счастьемъ. Да, я сегодня, сейчасъ буду говорить съ нею... И я уже ничей. Да, Вѣра. Ты должна знать это,—я уже ничей съ той минуты, какъ мы съ тобой въ первый разъ поговорили тогда на вечерѣ... Это мнѣ стоило всяческой лжи, ребяческихъ ухищреній; но съ той поры я уже никого не обнималъ. Уже моей женой была ты... на вѣки...

— На вѣки...—повторила она.

— Дай мнѣ глядѣть на тебя, въ твои глаза! Я хочу, чтобы они отразились въ моихъ глазахъ и остались тамъ надолго. Я сейчасъ уйду. Обними меня, дай твои глаза, я ихъ поцѣлую. Я уже имѣю на это право... Ты уже моя, моя...

Онъ притянулъ ее къ себѣ, поцѣловалъ ея глаза, а она, точно вся въ какомъ-то туманѣ, блѣдная, съ сонными глазами, словно потеряла власть надъ собою,—она была въ его рукахъ, какъ покорный ребенокъ.

Онъ усадилъ ее въ кресло и обнялъ.

— Вѣра, прощай!..

— Иди!—сказала она и какъ-то безпомощно протянула ему руки. Онъ опять приблизился къ ней. Она прижалась къ нему, вся дрожащая и нѣмая.

Потомъ она тихо отстранила его и прошептала:

— Иди... Иди... Все равно, ты, вѣдь, ничей... Ты ни чьимъ не можешь быть... ты мой. Ты прикованъ ко мнѣ... Иди... Оставь меня. Иначе я могу умереть отъ счастья!.. Иди!..

Онъ повернулся къ двери и тихо направился въ залъ; а она долго еще сидѣла въ какомъ-то забытьи. Уже шаги его давно замерли; уже онъ спустился внизъ, одѣлся и вышелъ, шатаясь какъ пьяный.

А она все еще жила въ мірѣ очарованій. Но вотъ она открыла глаза и оглядѣлась вокругъ. „Боже!“ Она все вспомнила.

Какая опасная вещь—счастье!.. Она клялась себѣ не уступить ни іоты, и что же?

Но нѣтъ, такъ лучше. Все равно, „онъ безъ меня не можетъ“. Да, она это знаетъ навѣрное. Значитъ, все устроится такъ, какъ надо.

„А зачѣмъ жертвы? Онѣ только — черныя тучи на ясномъ небѣ“... Нѣтъ, пусть ея небо будетъ яснымъ, безъ тучъ. Не надо быть жадной; и такъ уже столько счастья дала ей судьба... Много ли найдется на свѣтѣ людей, у которыхъ было бы столько счастья?

„А дальше... Что будетъ дальше? Зачѣмъ же заглядывать? Отъ этого только жить станетъ скучнѣе... А жизнь и такъ достаточно скучна“...

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКАГО ОВРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Ея исторія, современное положеніе и будущность по новѣйшимъ изслѣдованіямъ германскихъ ученыхъ.

(*Продолженіе* *).

Прежде, чѣмъ перейти къ исторіи нѣмецкой гимназіи въ 40-е и 50-е годы текущаго столѣтія, бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ перемѣны, которыя испыталъ за первую половину нашего вѣка общій складъ умственной жизни въ Германіи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху Гердера и Гёте, мыслящая часть нѣмецкаго общества почти всецѣло жила эстетико-литературными и спекулятивно-философскими интересами. Связанная по рукамъ и по ногамъ бюрократическимъ режимомъ просвѣщеннаго абсолютизма, не имѣя возможности принимать непосредственнаго участія въ направленіи хода народной жизни, въ работѣ надъ удовлетвореніемъ ея временныхъ и мѣстныхъ потребностей, нѣмецкая интеллигенція искала выхода своимъ силамъ въ области отвлеченнаго, въ занятіяхъ общими и вѣчными вопросами бытія. Крушеніе всего стараго порядка въ Германіи за время революціи и наполеоновскихъ войнъ положило конецъ такой отчужденности образованныхъ классовъ отъ общественной жизни, и какъ ни старалась меттерниховская партія въ эпоху реакціи снова привести ихъ въ прежнее дремотно-мечтательное состояніе, всѣ ея усилія остались тщетны. Поколѣніе, выросшее въ пору великихъ внутреннихъ реформъ и войны за освобожденіе нѣмецкаго отечества отъ чужеземнаго ига, живетъ душой уже не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, не въ древней Греціи, а въ объединенной Германіи, наслаждающейся свободными формами правленія. Главнымъ очагомъ подобнаго рода «либеральныхъ» идей, вопреки всѣмъ правительственнымъ строгостямъ ,неизмѣнно оставались университеты; но начавшееся тамъ движеніе скоро распространилось на очень широкій общественный кругъ. Великія техническія открытія конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, въ корень измѣнивъ всѣ условія европейской промышленности, подняли до небывалой высоты значеніе крупной буржуазіи, и такъ какъ нѣмецкія пра-

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь.

вительства въ союзѣ съ дворянствомъ упорно отказывались отвести этому могучему классу соразмѣрную его дѣйствительной силѣ долю правъ въ общественной жизни, то онъ рѣшительно пошелъ за проповѣдниками политической свободы. Съ начала сороковыхъ годовъ борьба эта стала близиться къ развязкѣ, партійныя страсти бурно кипѣли, и въ готовой къ революціи Германіи трудно было признать ту самую страну, гдѣ росли Вольфъ и Нибуръ, Гёте и Гумбольдтъ, Шлеермахеръ и Гегель.

Но въ области чистаго знанія отъ конца прошлаго вѣка до половины текущаго центръ тяжести успѣлъ совершенно перемѣститься. Молодыя дѣти науки, естественно-историческія дисциплины, открываютъ съ начала XIX-го столѣтія свое тріумфальное шествіе, сопровождаемое глубокимъ потрясеніемъ всѣхъ основъ матеріальной и умственной жизни общества. Въ нихъ нашли всѣ виды труда человѣческаго самыхъ могучихъ союзниковъ, въ нихъ-же нашла ортодоксальная теологія и старый философскій идеализмъ самыхъ опасныхъ враговъ. Къ этой научной области и отхлынуло все общественное вниманіе, въ ней и разыгрывались теперь тѣ битвы за основные устои міросозерцанія, полемъ которыхъ служила въ началѣ вѣка спекулятивная философія и гуманистическая филологія.

Наконецъ, и сами историко-филологическія науки за данный періодъ времени измѣнились до неузнаваемости. Въ концѣ XVIII-го вѣка ихъ горизонтъ почти не выходилъ за предѣлы греко-римскаго міра. Къ половинѣ XIX-го онѣ успѣли ввести въ кругъ своего изслѣдованія не только исторію духовнаго развитія германскихъ и романскихъ племенъ, но захватили и культуру Востока, знакомство съ которымъ явилось для европейскихъ ученыхъ своего рода историческимъ откровеніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ работы въ области классической древности естественнымъ образомъ потеряли прежній свой исключительный интересъ въ глазахъ общества. По справедливому замѣчанію Паульсена, Фоссовъ переводъ Одиссеи или Вольфовы Prolegomena, явившіяся въ свое время крупными литературными событіями, врядъ ли бы очень взволновали нѣмецкій читающій міръ, если бы они увидали свѣтъ въ годъ выхода Штраусовской «Жизни Христа». Правда, школьный культъ античнаго міра не остался безъ вліянія на распредѣленіе ученыхъ силъ въ исторической области, и работы по греко-римской древности продолжали привлекать къ себѣ множество выдающихся талантовъ. Но этимъ только ускорена была окончательная гибель «догмата классической древности». Когда изслѣдованіе Греціи сошло съ прежней узкой, эстетико-литературной точки зрѣнія и охватило всю совокупность народной жизни, то передъ глазами наблюдателей вскрылось столько темныхъ, отталкивающихъ ея чертъ, что ни у кого уже не оказалось смѣлости утверждать вслѣдъ за Гумбольдтомъ, будто древній грекъ представляетъ собой «образцовое воплощеніе идеи человѣчности». А послѣ работъ Момсена

только у слѣпыхъ фанатиковъ «филологической школьной религіи» все еще хватало духа воспѣвать гражданскія доблести римлянъ и величіе школьнаго кумира былыхъ временъ, «отца отечества», Марка Туллія Цицерона.

Итакъ, не успѣла преобразованная ново-гуманистами гимназія просуществовать и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, какъ она снова оказывалась явленіемъ переживанія и снова нуждалась въ реформѣ. Но условія политической жизни Германіи въ эту эпоху направили дѣло школьной реформы въ совершенно неожиданную сторону. Въ столкновеніи между нѣмецкими правительствами и передовой частью нѣмецкаго общества, приведшемъ къ революціонному взрыву 1848 года, несчастной классической гимназіи наравнѣ съ народной школой пришлось явиться козломъ отпущенія. Если крупная часть общества враждебно относилась къ ней за ея отсталость, то правительства, съ своей стороны, усмотрѣли въ ней одинъ изъ главныхъ источниковъ «пагубнаго духа времени», и вмѣсто того, чтобы позволить ей сдѣлать шагъ впередъ, твердо рѣшили отвести ее далеко назадъ: они больше слышать не хотѣли о зловредныхъ мечтахъ ново-гуманистической педагогики и бредили возвращеніемъ къ блаженнымъ временамъ Меланхтона и Штурма. Главнымъ полемъ этого болѣзненнаго педагогическаго эксперимента явилась опять-таки Пруссія, на которой для насъ и будетъ достаточно остановиться, такъ какъ ходъ ея развитія съ начала нашего вѣка имѣлъ опредѣляющее значеніе и для всѣхъ другихъ германскихъ государствъ.

Прусскій престолъ въ эту критическую для Германіи пору занятъ былъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, однимъ изъ проницательнѣйшихъ мыслителей и въ то же время однимъ изъ печальнѣйшихъ правителей, какихъ знаетъ исторія. «Новый король,—говоритъ Паульсенъ,—началъ свое царствованіе съ высокимъ представленіемъ о своей задачѣ и о своихъ силахъ. Онъ былъ убѣжденъ, что стоитъ во главѣ своего поколѣнія, не какъ представитель «духа времени», но какъ носитель идей лучшаго будущаго. Ибо къ тому, что всплывало на поверхность современной ему общественной жизни, онъ испытывалъ одно лишь презрѣніе. Всюду вокругъ себя онъ видѣлъ низкопробное просвѣщеніе и дешевенькій французскій либерализмъ; парившая тогда на всѣхъ нѣмецкихъ каѳедрахъ гегелевская философія съ ея абстрактнымъ логическимъ пантеизмомъ являлась для него прямымъ дѣтищемъ этихъ иностранныхъ уродовъ; съ идеями революціи и ложной свободы онъ встрѣчался на каждомъ шагу во всемъ политическомъ мірѣ, начиная съ палатъ и кончая канцеляріями. Положить предѣлъ всему этому царству лжи, вывести заблудившійся общественный духъ на путь истины,—вотъ въ чемъ видѣлъ онъ свое личное призваніе. Истинное христіанство думалъ онъ противопоставить безвѣрной философіи, конкретную историческую жизнь—пустымъ логическимъ отвлеченностямъ, нѣмецкую неиспорченную природу—французскому вырожденію. Онъ глубоко вѣрилъ, что абстрактныя

схемы такъ же мало могутъ оказать сопротивленія живой исторической реальности, какъ тѣни тѣлу. Согласно такому общему его взгляду, въ области политики теперь на мѣсто бумаги, канцеляріи и рѣшенія всѣхъ дѣлъ по счету голосовъ должна была снова стать человѣческая личность, и прежде всего на высшемъ посту въ государствѣ. Не бумажнымъ королемъ собирался онъ быть, не исчезающей за министерствомъ абстракціей величества: онъ намѣревался править, какъ человѣкъ изъ плоти и крови, какъ мужъ, грудью стоящій за свои идеи. Силой своего стремленія къ добру онъ мечталъ пробудить и собрать вокругъ себя всѣ добрыя силы въ народѣ. Бумага и формулы являлись для него ядовитыми грибками, покрывающими плѣсенью государственный строй, и онъ далъ себѣ слово ихъ вывести: живые люди съ зрячими глазами, съ почерпнутыми изъ жизни рѣшеніями должны были при немъ вершить всѣ дѣла. Въ этомъ, полагалъ король, и заключалась тайна той мощности, которой дышала средневѣковая жизнь: не бумага, формулы и канцеляріи, но живые люди, связанные между собой живоощущаемыми отношеніями, создавали тогда государство, право и исторію. Вернуться къ среднимъ вѣкамъ въ этомъ смыслѣ значило только оказать помощь дѣйствительности въ борьбѣ съ обманчивой наружностью, жизни въ борьбѣ съ доктринерствомъ и бумажнымъ правленіемъ.

«Отсюда становятся понятны и взгляды короля на школу и на ея нужды. Главный упрекъ, который онъ дѣлалъ всѣмъ школамъ своего времени, начиная съ университета и кончая народнымъ училищемъ, заключался въ томъ, что онѣ думаютъ только о знаніи, одно знаніе цѣнятъ и о немъ объ одномъ хлопочутъ. Въ глазахъ же короля знаніе, остающееся безъ воздѣйствія на складъ личности и не превращающееся въ живую дѣятельную силу, являлось призракомъ, источникомъ умственной пустоты и надутости. Если гимназія во время господства Шульце и гегелевской философіи подъ именемъ всесторонняго образованія, ставила для своихъ воспитанниковъ обязательною цѣлью знакомство со всѣми науками, то король держался совершенно иного взгляда: не *знать* всевозможныя вещи, но *мочь*, но владѣть хотя бы ограниченнымъ кругомъ предметовъ въ полномъ совершенствѣ—вотъ что нужно, чтобы выработаться въ настоящаго человѣка. Не образованіе, а духовный строй является главнымъ въ жизни: образованіе безъ крѣпкой дѣятельной воли можетъ быть даже опасно. Расходясь съ совѣтниками своего отца во взглядахъ на конечныя цѣли школы, король расходился съ ними и во взглядахъ на средства. Министерство Альтенштейна работало бюрократическими средствами, при помощи указовъ и циркуляровъ, примѣрныхъ плановъ и экзаменовъ, и тому подобныхъ бумажныхъ вещей: Фридрихъ-Вильгельмъ стремился осуществить свои воспитательные идеалы путемъ личнаго воздѣйствія на людей и такого же воздѣйствія онъ требовалъ и отъ своихъ ближайшихъ помощниковъ въ министерствѣ».

Королевская воспитательная программа теоретически была продумана во всѣхъ подробностяхъ. Оставалось найти конкретныя формы для проведенія ея въ жизнь и, главное, отыскать тѣхъ цѣльныхъ людей, которымъ можно было бы ввѣрить все дѣло помимо департаментовъ и буквы законовъ.

За людьми дѣло не стало. Личная проповѣдь монарха производила сверхъестественное дѣйствіе, и едва сдѣлалось извѣстно, что лозунгомъ новаго двора является религія и національность, какъ множество либераловъ французскаго покроя поспѣшили отречься отъ гегелевскихъ заблужденій и обратиться въ новую вѣру. Правящія прусскія сферы насквозь пропитались духомъ ханжества и показного патріотизма, и самъ Фридрихъ-Вильгельмъ съ горечью въ сердцѣ долженъ былъ признать, какъ фальшива и опасна для дѣла роль монарха-проповѣдника. Но попытки практическаго осуществленія королевскихъ принциповъ не замедлили вскрыть и другую слабую сторону проектированныхъ правительствомъ мѣропріятій для кореннаго оздоровленія общества. Дѣйствительная жизнь очень скоро съ безпощадной наглядностью указала, сколько кабинетной премудрости и искусственности заключалось въ рѣшеніи поставить историческую реальность на мѣсто бумажнаго доктринерства. То, что король и его приверженцы именовали съ гордостью вновь найденной ими реальностью, на дѣлѣ оказалось лишь плодомъ игры индивидуальнаго ума, обрывками историческихъ фактовъ.

Министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣсто умершаго Альтенштейна, Фридрихъ-Вильгельмъ назначилъ Эйхгорна. Непосредственное завѣдываніе средними учебными заведеніями перешло при немъ отъ старика Шульце къ нѣкоему Герду Эйлерсу—одному изъ прусскихъ педагоговъ, наиболѣе рѣзко критиковавшихъ идеалъ общаго и всесторонняго образованія. Но, согласно духу новаго царствованія, походъ противъ Шульцевской гимназіи открытъ былъ не правительствомъ, а благонамѣренными лицами изъ самого общества.

Въ 1843 году въ «Litterarische Zeitung», одномъ изъ видныхъ органовъ тогдашней нѣмецкой печати, появилась сенсаціонная статья подъ заглавіемъ «О религіозно-нравственномъ сознаніи филологовъ». Авторъ ея, нѣкій Румпель, начинаетъ съ горькихъ жалобъ на отношеніе гимназіи къ урокамъ религіи. Къ этому предмету, говоритъ онъ, наши педагоги относятся несомнѣнно sine ira et studio въ самомъ печальномъ смыслѣ, какой можетъ имѣть это выраженіе. Для педагогическихъ совѣтовъ въ гимназіяхъ такого предмета какъ будто вовсе нѣтъ. А виной тому является все направленіе хода умственнаго развитія нѣмецкаго общества послѣ Клопштока. Самые крупные люди отвратились отъ христіанства и погрузились въ язычество; сильнѣйшіе таланты посвятили себя возрожденію среди нѣмцевъ языческой древности. Но гуманитарными занятіями да воспоминаніями о спартанской доблести и римскомъ мужествѣ не послужишь дѣлу отечества. Война за освобожденіе

Германіи довольно ярко показала, чего стоитъ въ этомъ смыслѣ филологическое образованіе. Въ то время, какъ богословы и философы проливали свою кровь на полѣ брани, глава нѣмецкихъ филологовъ сидѣлъ въ Берлинѣ и среди пылавшаго національнымъ одушевленіемъ города дулся на всѣхъ изъ за того, что ему не дали желаннаго мѣстечка въ университетскомъ мірѣ. И что же тутъ удивительнаго? Вѣдь героями господъ филологовъ являются вовсе не истинно великіе люди древности, а Горація и Цицероны. Посмѣй замѣтить въ этихъ идолахъ какой-нибудь недостатокъ, посмѣй не признать Горація первымъ лирическимъ поэтомъ въ мірѣ, и тебя обвинятъ въ оскорбленіи святыни, въ варварской грубости. Какъ же и ждать отъ такихъ людей серьезнаго отношенія къ религіи и къ нравственности, этимъ устоямъ всякаго истиннаго воспитанія? Когда филологамъ ставятъ подобные вопросы ребромъ, то они отдѣлываются парою общихъ положеній о Верховномъ существѣ, о добродѣтели, истинѣ и безсмертіи. Они согласны, пожалуй, признавать христіанство очень полезнымъ народно-воспитательнымъ средствомъ, но не болѣе, какъ средствомъ. Высшей, конечной цѣлью жизни является для нихъ образованіе, общее и всестороннее образованіе. «Язычники, жиды и христіане братски подали другъ другу руку въ стремленіи къ этому идеалу. Что же удивительнаго, если онъ такъ скоро сталъ дѣйствительностью, ужасною дѣйствительностью? За рѣдкими исключеніями мы находимъ теперь кругомъ себя только образованныхъ людей—ученыхъ и всесторонне образованныхъ; но кромѣ образованія въ нихъ и нѣтъ ничего; тщетно было бы искать у нихъ прочнаго нравственнаго склада, характера, дѣятельной воли». Статья заканчивалась требованіемъ, чтобы господству филологовъ въ школѣ былъ положенъ предѣлъ, и чтобы все преподаваніе снова ввѣрено было богословамъ.

Въ заинтересованныхъ кругахъ ни для кого не было тайной, что «Litterarische Zeitung» очень близко стоитъ къ министерству, и потому статья Румпеля вызвала въ педагогическомъ мірѣ совершенный переполохъ. Немногіе изъ филологовъ осмѣлились поднять брошенную имъ Румпелемъ перчатку. Почти что одинъ Готфридъ Германъ открыто заявилъ, что между гуманизмомъ и ортодоксальнымъ протестантизмомъ мира, дѣйствительно, быть не можетъ, и въ отвѣтъ на выставленное противъ филологовъ обвиненіе въ безбожіи самъ выразилъ глубокое презрѣніе къ «нечестивому благочестію людей мрака, проповѣдующихъ, будто человѣкъ испорченъ и можетъ спастись только вѣрою». Громадное же большинство университетскихъ и гимназическихъ представителей филологіи поспѣшило отречься отъ стараго Гумбольдтовскаго идеала и заявить, что нападки Румпеля чистая клевета, и что классицизмъ нисколько не мѣшаетъ преподавателямъ древнихъ языковъ оставаться добрыми христіанами и даже вѣрными сынами единой истинной протестантской церкви. Одни ссылались при этомъ на то, что классическая

филологія представляетъ собою чистую науку и такъ же мало можетъ вліять на складъ религіозныхъ убѣжденій, какъ математика, химія или астрономія. Другіе находили, что духъ древности и духъ христіанства вовсе не стоятъ между собою во враждѣ, и что истинный путь къ познанію христіанства неизбѣжно пролегаетъ черезъ Грецію. Но клерикальнымъ противникамъ филологіи не трудно было доказать, какъ слабы оказывались обѣ занятыя филологами позиціи, и они съ благословенія министерства упорно продолжали травлю классической гимназіи въ печати. Эйлерсъ находилъ, что раздраженіе, съ которымъ филологи относятся къ упрекамъ въ безбожіи, само ясно показываетъ, какъ нечиста у нихъ совѣсть, и надѣялся, что внушаемыя министерствомъ статьи принудятъ наставниковъ юношества заняться серьезно труднымъ дѣломъ самоизслѣдованія и самоочищенія.

Но Фридрихъ-Вильгельмъ IV принципіально не допускалъ ничего, что сколько-нибудь пахло бюрократической регламентаціей, и потому министерство не считало удобнымъ предпринимать какихъ-нибудь законодательныхъ измѣненій въ планѣ классической гимназіи. Зато Эйхгорнъ и Эйлерсъ съ согласія короля усиленно занимались очищеніемъ университетскаго и гимназическаго персонала отъ всѣхъ неблагонадежныхъ элементовъ, отъ «Staats- und Kirchenverwüster» и во время своихъ разъѣздовъ по учебнымъ заведеніямъ щедрой рукой разсыпали благіе совѣты и увѣщанія. Духъ, царившій тогда въ министерствѣ, можно оцѣнить по слѣдующему предписанію, данному въ 1843 году учителямъ берлинскихъ гимназій. Министерство настоятельно рекомендовало имъ собираться на ежемѣсячныя собранія «и для взаимной поддержки читать укрѣпляющіе душевный строй рефераты (gesinnungskräftige Vorträge): ибо въ наше надутое знаніемъ время, по взгляду верховныхъ руководителей народнымъ просвѣщеніемъ, важнѣе всего работать надъ духовнымъ складомъ, надъ развитіемъ духа смиренія, ставящаго дѣйствіе благодати неизмѣримо выше личныхъ человѣческихъ усилій».

Отвѣтомъ нѣмецкаго общества на такого рода эксперименты, производившіеся правительствомъ, явилась революція 1848 года. Въ бурную эпоху франкфуртскаго парламента вмѣстѣ со всѣми угнетенными классами и гимназическіе учителя получили, наконецъ, впервые возможность смѣло высказать собственные свои взгляды на нужды ввѣреннаго имъ дѣла. Изъ безконечнаго множества учительскихъ съѣздовъ, засѣдавшихъ въ это время по всѣмъ странамъ Германіи, особый интересъ представляютъ дебаты лейпцигскаго совѣщанія саксонскихъ учителей, гдѣ руководящая роль принадлежала Герману Кѣхли. Получивъ блестящее филологическое образованіе подъ руководствомъ Готфрида Германа, Кѣхли сдѣлался преподавателемъ древнихъ языковъ въ дрезденской гимназіи. Но видъ того, чѣмъ являлась классическая система въ школьной дѣйствительности, глубоко возмутилъ пылкую душу молодого филолога, и онъ рѣшилъ посвятить всѣ свои силы борьбѣ за обновленіе гимназіи.

Еще до революціи ему удалось основать «Союзъ для гимназической реформы», имѣвшій свой особый органъ печати, гдѣ Кёхли началъ излагать основныя черты той программы, которую онъ подробно развилъ передъ лейпцигскимъ съѣздомъ.

Существенные взгляды Кёхли сводятся къ слѣдующему. Если мы возьмемъ латинскую школу стараго типа, говорилъ онъ, то увидимъ, что въ ней было единство: все преподаваніе сосредоточивалось тамъ на латинскомъ языкѣ. При переходѣ латинской школы въ современную гимназію это единство утратилось, и множество преподающихся въ гимназіи равноправныхъ предметовъ доводитъ учениковъ до путаницы въ головѣ и до переутомленія. Чтобы успѣшно бороться съ этимъ зломъ, необходимо снова объединить все преподаваніе вокругъ одного центра. Такимъ новымъ центральнымъ преметомъ долженъ былъ, по мнѣнію Кёхли, явиться родной языкъ: къ нему имѣли примкнуть, съ одной стороны, математическія и естественно-научныя дисциплины, съ другой— историко-этическія, въ томъ числѣ и классическая филологія. Но занятія древними языками должны были получить при этомъ совершенно иной характеръ. Кёхли самымъ горячимъ образомъ настаивалъ на необходимости изгнать изъ гимназіи искусство говорить и писать по латыни, поглощавшее всѣ лучшія силы учениковъ. Общество наше, говорилъ онъ, часто смѣшиваетъ это искусство съ классическимъ образованіемъ. Но это одно изъ грубыхъ педагогическихъ недоразумѣній. На каждомъ шагу мы можемъ встрѣтить отличныхъ латинистовъ, которые не имѣютъ никакого понятія о духѣ древности, и обратно, знатоковъ древности, вовсе не блещущихъ латинскимъ стилемъ. Полнымъ суевѣріемъ являлся для Кёхли и другой ходячій аргументъ въ защиту латинскихъ разговоровъ и сочиненій, по которому этимъ занятіямъ приписывалось благодѣтельное вліяніе на искусство владѣть роднымъ языкомъ. «Пусть намъ назовутъ,—говорилъ Кёхли,—хотя одного крупнаго латиниста, который владѣлъ бы образцово нѣмецкой рѣчью, и пусть докажутъ, что такіе стилисты, какъ Шиллеръ и Гёте, какъ Ранке и Гуцковъ сдѣлались мастерами нѣмецкой рѣчи на латинскихъ разговорахъ». Однако, ратуя противъ господства въ школѣ грамматическаго формализма, Кёхли находилъ съ другой стороны, что пришло время покончить и съ традиціями ново-гуманизма. Гуманистическая идеализація древности должна была уступить мѣсто спокойному историческому отношенію къ ней. Грецію и Римъ, по мнѣнію Кёхли, надо было изучать не какъ образцы для подражанія, а какъ крупныя звенья въ той цѣпи развитія, которая завершается современностью. Кёхли предвидѣлъ, что такая обширная программа можетъ оказаться не по силамъ средней школѣ, но считалъ необходимымъ предоставить рѣшеніе дѣла опыту. Въ случаѣ же, если бы опытъ далъ отрицательные результаты, то, по его мнѣнію, не оставалось ничего дѣлать, какъ совсѣмъ отступиться отъ древнихъ языковъ. Кёхли вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Вольфа, что античную древ-

ность надо изучать основательно, или ею лучше совсѣмъ не заниматься, «ибо поверхностное знакомство съ ней ровно ничего не стоитъ».

Конференція прусскихъ учителей, созванная въ началѣ 1849 года преемникомъ Эйхгорна, Ладенбергомъ, пришла къ нѣсколько иному плану выхода изъ школьнаго кризиса. Она считала невозможнымъ сохранить единство средней школы и предложила такъ-называемую бифуркаціонную систему. Окончивъ курсъ трехклассной прогимназіи съ латинскимъ языкомъ, ученикъ по своему выбору могъ переходить или въ пятиклассную классическую гимназію съ обоими древними языками, или въ пятиклассную же реальную гимназію совсѣмъ безъ древнихъ языковъ. Обѣ гимназіи одинаково должны были открывать своимъ воспитанникамъ доступъ въ университетъ. Что касается постановки преподаванія древнихъ языковъ въ классической гимназіи, то здѣсь прусскіе учителя держались тѣхъ же взглядовъ, какъ Кёхли. Умѣнье владѣть латинскимъ языкомъ исключалось изъ обязательныхъ занятій, и конечной цѣлью преподаванія древнихъ языковъ признавалось историческое знакомство съ духомъ древности.

Ни одному изъ этихъ проектовъ не суждено было увидать въ свое время и начала исполненія. Революція 1848 года пронеслась надъ Германіей, какъ первая весенняя буря. Захваченныя ею врасплохъ правительства скоро успѣли оправиться, мятежники поплатились за свою дерзость смертью, тюрьмой или изгнаніемъ, и надъ Германіей снова нависло тяжелое небо реакціи. Но живое обсужденіе школьнаго вопроса въ кратковременную эпоху свободы не прошло безслѣдно. Общество успѣло за это время дать себѣ ясный отчетъ въ своихъ желаніяхъ, и вмѣстѣ съ этимъ опредѣлилась какъ ближайшая, такъ и дальнѣйшая судьба средней школы. Въ концѣ концовъ всѣ нѣмецкія правительства увидали себя вынужденными преклониться передъ несокрушимой силой сознательнаго общественнаго мнѣнія, и на нашихъ глазахъ революціонная программа Кёхли нашла себѣ новаго поборника въ лицѣ самого германскаго императора. Но ближайшія послѣдствія горячаго протеста революціонной эпохи противъ царившихъ въ нѣмецкой школѣ порядковъ были совершенно иныя. Озлобленныя возстаніемъ нѣмецкія правительства ясно увидали, въ чемъ собственно заключаются пагубныя требованія духа времени, и приложили всѣ усилія, чтобы пойти имъ прямо-наперекоръ. Такимъ мстительнымъ характеромъ дышитъ вся школьная политика Германіи до начала шестидесятыхъ годовъ.

Орудіемъ реакціи въ школьномъ мірѣ Пруссіи явилось министерство фонъ-Раумера, гдѣ прежнее мѣсто Шульце и Эйлерса занято было Людвигомъ Визе. Раумеръ долженъ былъ преслѣдовать тѣ же конечныя цѣли, которыя раньше были поставлены Эйхгорну. Разница между ними заключалась лишь въ томъ, что реакціонная партія при Эйхгорнѣ въ угоду королю старалась дѣйствовать одними духовными средствами, тогда какъ послѣ революціи она не стѣснялась уже пускать въ ходъ

давленіе бумажно-бюрократическаго механизма, считая прежніе принципы короля опасной сантиментальностью. Наиболѣе тяжкимъ гнетомъ обрушилось министерство Раумера на народную школу, гдѣ царилъ извѣстный Штиль, громогласно провозглашавшій циническій принципъ: у учителя есть должность, а потому онъ не въ правѣ имѣть собственныхъ мнѣній. Что касается прусскихъ гимназій и университетовъ, то для нихъ было большимъ счастьемъ присутствіе въ министерствѣ Визе. Глубоко вѣруя въ справедливость многихъ положеній королевской школьной программы, являясь горячимъ поборниковъ религіи и врагомъ стараго идеала образованія, Визе въ то же время, благодаря своей безукоризненной честности и необыкновенно развитому чувству дѣйствительности, постоянно удерживалъ правительство отъ пагубныхъ реакціонныхъ крайностей.

Королевская программа гимназической реформы сводилась, какъ намъ извѣстно, къ терминамъ: христіанизація и концентрація. Примирительный духъ Визе сказался прежде всего въ первомъ же пунктѣ программы, въ опредѣленіи нормальныхъ отношеній между богословіемъ и филологіей. Полемика, начатая по этому поводу Румпелемъ, вспыхнула послѣ революціи съ новою силою. Пасторскіе съѣзды и клерикальная печать открыто возлагали главную вину за революцію на безбожныхъ филологовъ. Въ Штутгартѣ и въ Гютерсло основаны были даже для богобоязненныхъ родителей особыя гимназіи «на основѣ христіанскаго вѣроисповѣданія и въ силѣ христіанскаго духа». Гимназія въ Гютерсло удостоилась королевскаго посѣщенія, при чемъ король произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова. «Въ вашемъ предпріятіи,—сказалъ онъ ея директору, извѣстному намъ Румпелю,—заключается тяжкое обвиненіе противъ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній; но обвиненіе это справедливо и основательно, и его слѣдуетъ непрестанно повторять. Многія изъ этихъ заведеній безвѣрны. Именно въ наше время объ этомъ нельзя умалчивать изъ ложной мягкости. Я всей душой сочувствую вашему предпріятію: оно необходимо должно имѣть поддержку». Визе, однако, не захотѣлъ слѣдовать за королемъ по этому пути. На Эрлангенскомъ съѣздѣ филологовъ (1851 г.) онъ самъ предложилъ защитникамъ классической гимназіи протестовать противъ притязаній Румпеля на исключительную религіозность его заведенія и заявить, «что старая гимназія отнюдь не хочетъ и не можетъ допустить, чтобы у нея было отнято званіе христіанской». Съѣздъ, заключавшій въ своей средѣ почти всѣхъ выдающихся нѣмецкихъ филологовъ того времени, съ радостью принялъ протянутую ему руку и въ подробно мотивированномъ постановленіи заявилъ, что не признаетъ никакого антагонизма между классическимъ воспитаніемъ и ученіемъ протестантской церкви. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы члены Эрлангенскаго съѣзда сильно покривили при этомъ душой: большинство ихъ было дѣйствительно вѣрующими протестантами, у которыхъ въ душѣ не было ни капли чувствъ, одушевлявшихъ Гёте и Гумбольдта. Они сдѣлали свое заявленіе, говоритъ Циглеръ, съ голу-

биной невинностью, которая оказалась въ то же время и змѣиной мудростью, ибо такимъ образомъ классическая гимназія спасена была отъ погрома. Вѣрнѣе сказать, они доказали этимъ, что классическую гимназію не стоило громить, такъ какъ создавшій ее духъ еще при Шульце успѣлъ отъ нея далеко отлетѣть.

Какъ бы то ни было, просьба филологовъ о пощадѣ была уважена правительствомъ и въ «христіанизаціи» гимназіи министерство нашло возможнымъ ограничиться почти исключительно внѣшними мѣрами. Оно выработало облегченныя условія экзамена для кандидатовъ богословія, собиравшихся посвятить себя педагогической дѣятельности, оно рекомендовало профессорамъ богословія читать въ университетѣ особые общедоступные курсы для студентовъ-филологовъ и строго напомнило генералъ-суперинтендентамъ о возложенной на нихъ послѣ Карлсбадскаго съѣзда обязанности наблюдать за религіозными и церковными тенденціями среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Надзоръ за гимназіями со стороны этихъ важныхъ сановниковъ протестантской церкви долженъ былъ заключаться, съ одной стороны, въ посѣщеніи уроковъ по всѣмъ предметамъ и въ контролѣ учебниковъ и ученическихъ записокъ; съ другой же—они должны были тщательно слѣдить за тѣмъ, «доказываютъ ли учебныя заведенія свое нормальное отношеніе къ евангелической церкви регулярнымъ присутствіемъ ихъ учениковъ и учителей при церковномъ богослуженіи, совмѣстнымъ пріятіемъ причастія и участіемъ воспитанниковъ въ отправленіи литургіи».

Несравненно больше трудностей представило министерству исполненіе второй половины преобразовательной программы — замѣна въ гимназіи общаго и всесторонняго образованія «воспитательнымъ обученіемъ». Для Раумера и Визе не было сомнѣнія, что общество право въ своихъ жалобахъ на гимназію, и что переутомленіе гимназистовъ, такъ упорно отрицавшееся министерствомъ Альтенштейна, дѣйствительно существуетъ со всѣми указанными пагубными его послѣдствіями. Раумеръ съ горечью говорилъ, что во всемъ этомъ онъ могъ достаточно убѣдиться въ бытность собственныхъ его дѣтей въ гимназіи. Когда на филологическомъ съѣздѣ, собравшемся въ 1854 г. въ Альтенбургѣ, одинъ изъ участниковъ заявилъ, что гимназисты вовсе не такъ уже заняты, какъ объ этомъ толкуютъ, и что у нихъ остается еще слишкомъ много времени на чтеніе безполезныхъ книгъ, на шлянье по трактирамъ, и т. п., то Визе категорически отвѣтилъ: «На основаніи множества наблюденій я могу положительно утверждать, что наши гимназисты переутомляются. Когда имъ приходится работать для шести или семи преподавателей, каждый изъ которыхъ хочетъ добиться отъ нихъ основательнаго знанія своего предмета, то дѣло нерѣдко доходитъ до полной безжалостности».

Подъ вліяніемъ устава Шульце, писалъ въ это же время одинъ изъ сочувствовавшихъ Визе видныхъ нѣмецкихъ педагоговъ, «гдѣ постав-

лены были на равную ногу почти всѣ гимназическія дисциплины, подъ вліяніемъ школьнаго управленія, которое часто шло въ этомъ духѣ еще дальше устава, подъ вліяніемъ учителей, которымъ часто не хватаетъ пониманія гармоническаго организма учебнаго плана, любовнаго отношенія къ дѣтямъ и умѣнья опредѣлить степень ихъ рабочей способности, и которые нерѣдко грѣшатъ тщеславіемъ и жаждою отличиться, у насъ происходитъ то, что учениковъ заставляютъ одинаково работать по всѣмъ предметамъ и нерѣдко даже больше по тѣмъ, на которые отведено всего меньше учебныхъ часовъ, и гдѣ, слѣдовательно, почти вся тяжесть работы падаетъ на домашнія занятія. Утвержденіе, что чѣмъ больше въ гимназіи оказывается хорошо знающихъ свой предметъ, энергичныхъ и ревностныхъ преподавателей, тѣмъ вѣрнѣе воспитанники ея будутъ до полусмерти замучены множествомъ требованій и кончатъ курсъ съ надорванными силами и съ чувствомъ пресыщенія наукой,—утвержденіе это много теряетъ въ своей парадоксальности для того, кто имѣлъ случай поглубже заглянуть въ тайны школьной жизни».

Для министерства ясны были и средства борьбы съ недугомъ, которымъ страдала классическая гимназія: главнымъ изъ нихъ являлось, какъ мы уже знаемъ, концентрація всего гимназическаго курса на немногихъ предметахъ съ тѣмъ, чтобы въ этой ограниченной области ученики не оставались при поверхностномъ знакомствѣ съ ней, но становились здѣсь полными умственными собственниками. Рѣчь шла лишь о томъ, какіе изъ предметовъ гимназическаго курса достойны были занять такое господствующее положеніе въ средней школѣ.

Гимназія, организованная Шульце, являлась, какъ намъ извѣстно, на половину гуманистическою, на половину реальною. О томъ, чтобы концентрировать преподаваніе на реальныхъ дисциплинахъ, въ прусскихъ правящихъ сферахъ 50-ыхъ годовъ не могло быть и разговора. Теперь нельзя безъ смѣха читать, говоритъ Паульсенъ, какія страсти разсказывались тогда про реальное образованіе классическими филологами, правовѣрными богословами и благонамѣренными политиками. Что оно въ корень должно убивать стремленіе къ прекрасному, представлялось для этихъ господъ еще самымъ малымъ изъ его грѣховъ; хуже считалось то, что оно повсюду пріучаетъ требовать доказательствъ и тѣмъ подрываетъ силу вѣры; но главное постоянно повторявшееся обвиненіе заключалось въ томъ, что естественно-историческія науки возстановляютъ умы противъ авторитета и настраиваютъ ихъ на революціонный ладъ. Съ другой стороны, концентрація преподаванія на древнихъ языкахъ по программѣ, выставленной въ 30-ыхъ годахъ Тиршемъ и другими южно-нѣмецкими гуманистами, послѣ осужденія стараго гуманистическаго идеала за его языческій характеръ, стала вещью невозможною. Планъ поставить въ основу всего гимназическаго курса родной языкъ являлся дѣтищемъ революціонной эпохи, и потому также безпощадно отвергался дѣятелями реакціи. Наконецъ, на попытку снова

сдѣлать главнымъ предметомъ протестантскій катехизисъ не отваживались во второй половинѣ XIX-го вѣка, даже самые заядлые церковники.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ министерскіе педагоги обратились за указаніями къ исторіи, и «наставница жизни» не замедлила преподать имъ благой совѣтъ. По своему неизмѣнному обычаю, она указала имъ, что выходъ изъ положенія лежитъ не впереди, а назади. Въ героическую пору Германіи, когда она породила титаническіе характеры, впервые придавшіе ея умственной жизни міровое значеніе, нѣмецкая школа знала въ сущности только два предмета—богословіе и латинскую грамматику. Въ этомъ могучемъ по свой простотѣ строѣ и слѣдовало, стало быть, искать исцѣленія отъ золъ, порожденныхъ въ гимназіи господствомъ идеала общаго и всесторонняго образованія. Кёхли и другіе видные участники педагогическихъ съѣздовъ эпохи революціи стояли за окончательное изгнаніе искусства говорить и писать по-латыни изъ стѣнъ гимназіи. Для Визе и педагоговъ эпохи реакціи это искусство являлось, напротивъ того, единственнымъ возможнымъ центромъ всего гимназическаго курса. Противъ такого возрожденія Штурмовской гимназіи въ серединѣ XIX-го вѣка можно было, конечно, помимо всего прочаго сказать, что въ эпоху реформаціи всякому образованному человѣку необходимо было свободно владѣть латинскимъ языкомъ, тогда какъ въ XIX-мъ вѣкѣ самый изящный латинскій стиль не могъ принести ни малѣйшей пользы своему счастливому обладателю. Но если царившіе въ гимназіи филологи на Эрлангенскомъ съѣздѣ торжественно отреклись отъ положительныхъ идеаловъ ново-гуманизма, то это нисколько не мѣшало имъ оставаться рьяными поборниками того формальнаго принципа ново-гуманистической педагогики, по которому вопросъ о непосредственной полезности изгонялся изъ обсужденія школьной организаціи. Въ новомъ своемъ положеніи они защищали его даже съ большимъ жаромъ, чѣмъ прежде, доводя его изъ чувства самосохраненія прямо до абсурда. Прусскіе педагоги эпохи Штейновскихъ реформъ стояли за то, что практическая полезность извѣстнаго рода знаній вовсе еще не служитъ достаточнымъ основаніемъ для принятія ихъ въ программу средней школы. Педагоги реакціонеры въ 50-ыхъ годахъ недалеки были отъ того, чтобы считать завѣдомую безполезность какого-либо учебнаго предмета лучшей гарантіей его «идеальнаго» значенія и пригодности для средняго образованія. Съ этой точки зрѣнія за латинскую стилистику, конечно, можно было сказать очень многое, и дѣло дошло до того, что она оффиціально провозглашена была, наконецъ, «палладіумомъ классической гимназіи».

Изъ множества статей и брошюръ, разрабатывавшихъ проектъ реформы гимназіи въ такомъ псевдо-историческомъ духѣ, особою искренностью и талантливостью отличается брошюра извѣстнаго латиниста Зейферта «Das privatstudium». Зейфертъ начинаетъ съ яркой картины

того, чѣмъ являлась внутренняя жизнь современной ему прусской гимназіи: онъ съ негодованіемъ описываетъ, какъ казенщина убила въ ученикахъ и въ учителяхъ всякую самодѣятельность и какъ гнетъ непомѣрныхъ требованій губитъ тамъ здоровье, умъ и волю учащейся молодежи. Онъ спрашиваетъ затѣмъ, что же завело гимназію при Шульце на этотъ ложный путь, и находитъ, что больше всего виноватъ тутъ былъ страхъ филологовъ передъ насмѣшками со стороны реалистовъ. Филологи испугались упрека, что школа ихъ занимаетъ ученика пустой формалистикой, и не снабжаетъ его достаточнымъ количествомъ положительныхъ знаній. Чтобы избѣжать такого обвиненія, они поспѣшили свести занятія формальной стороной древнихъ языковъ до того уровня, который необходимъ для занятій литературой, и объявили знакомство съ этой послѣдней конечною цѣлью гимназическаго курса. При такой постановкѣ дѣла съ дѣтей пришлось требовать, чтобы они читали много авторовъ и въ школѣ и дома, а къ этому учебный планъ прибавилъ еще нѣмецкій языкъ и философію, исторію и географію, естественныя науки и математику. «Чрезмѣрно богатый умственный грузъ пустилъ насъ ко дну, и со стыдомъ и горемъ дошли мы, наконецъ, до признанія той истины, что въ педагогикѣ тоже блаженны лишь нищіе духомъ». Итакъ, чтобы избавиться отъ пагубныхъ послѣдствій безумной погони за призракомъ общаго и всесторонняго образованія, надо смѣло вернуться къ старому, надобно снова отвести въ гимназіи такое же широкое мѣсто формальной сторонѣ древнихъ языковъ, какое она занимала въ старо-гуманистической школѣ. «Одинъ формальный принципъ — единственно и исключительно онъ — сообщаетъ филологіи, какъ орудію средняго образованія, ея вѣчное, ничѣмъ незамѣнимое, универсальное значеніе. Только форма представляетъ чистое достояніе духа. Внѣ грамматики древніе языки мало пригодны для гимназіи, и если уже дорожить знакомствомъ учениковъ съ античной литературой по ея содержанію, то въ этомъ случаѣ слѣдовало бы просто давать имъ въ руки переводы. А чтобы сдѣлать грамматику древнихъ языковъ своей духовной собственностью, вовсе нѣтъ надобности ни много читать, ни много писать: надобно только читать, тихо углубляясь въ форму чужого языка, тонко продумывать каждую прочитанную фразу и заниматься подражаніемъ. Вѣнцомъ такихъ формальныхъ упражненій должно являться латинское стихосложеніе, «либеральнѣйшее изъ всѣхъ образовательныхъ средствъ, жизненный нервъ знаменитыхъ старинныхъ школъ въ Саксоніи и въ Англіи». «Опытъ вѣковъ показалъ, что эта игра, требующая великаго терпѣнія, является лучшею повивальною бабкою генія. Двѣ строки латинскаго дистиха скрываютъ въ себѣ сокровище волшебныхъ силъ, достающееся въ руки каждому, кто научится самъ составлять изъ частей это цѣлое. Въ узкихъ рамкахъ этого простѣйшаго изъ всѣхъ стансовъ наглядно представляются самые основные законы ритма. Этотъ тонъ проникаетъ въ

сердце ребенку, и ребенокъ ликуетъ, когда ему укажешь возможность подражанія». Но, требуя возвращенія къ программѣ старой гимназіи, Зейфертъ требовалъ и возврата царившей тамъ свободы занятій: только въ атмосферѣ свободы, говорилъ онъ, такія либеральныя упражненія могутъ давать свои плоды.

Другой видный поборникъ того же направленія въ педагогикѣ, директоръ Стендальской гимназіи Гейландъ, такъ описываетъ путь, которымъ слѣдуетъ доводить учениковъ до полнаго господства надъ формальной стороной древнихъ языковъ. Прежде всего онъ предостерегаетъ гимназію отъ погони за слишкомъ многимъ: по его мнѣнію, гимназія должна безусловно пожертвовать равноправностью греческаго языка съ латинскимъ, ибо только въ латинскомъ языкѣ, благодаря его относительной легкости, она можетъ довести учениковъ до свободнаго распоряженія устной и письменной рѣчью. «А чтобы воспитанники дѣйствительно его достигали, ихъ надобно всячески заставлять заучивать какъ можно больше словъ и готовыхъ фразъ. Въ младшихъ классахъ имъ надобно диктовать, какъ то водилось прежде, фразы изъ Непота и Цезаря, а въ старшихъ они сами должны составлять себѣ собственные фразеологическіе словари изъ прочитанныхъ въ школѣ или дома авторовъ». Восторжествуй эта программа, говоритъ Паульсенъ, и сбылись бы слова старика Геродота: Κύκλος τῶν ἀνθρωπίων ἐστὶ πρηγμάτων *). Тѣ самыя упражненія, которыя въ половинѣ XVIII-го вѣка были признаны главнымъ источникомъ «школьной дурости» черезъ сто лѣтъ должны были явиться панацеей всѣхъ гимназическихъ золъ.

Но программѣ этой не суждено было осуществиться. Визе, на котораго возложенъ былъ министерствомъ пересмотръ учебнаго плана, какъ теоретикъ являлся однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ защитниковъ концентраціи гимназическаго преподаванія на формальной сторонѣ древнихъ языковъ. Въ благодѣтельномъ вліяніи такой упрощенной школы на умственное развитіе воспитанниковъ его убѣждалъ, между прочимъ, примѣръ Англіи, гдѣ въ его время среднія учебныя заведенія во многомъ еще оставались вѣрны старо-гуманистическимъ традиціямъ. Въ своихъ «Письмахъ объ англійскомъ воспитаніи» онъ такъ отзывался объ англійскихъ и нѣмецкихъ школьникахъ: «Если поставить рядомъ нѣмецкаго гимназиста и ученика англійскаго коллежа, гдѣ кромѣ религіи и латинскаго языка почти что ничего и не преподается, то послѣдній легко можетъ показаться невѣждой, зато первый сравнительно съ англичаниномъ часто оказывается глупъ». Но Визе-администраторъ не рѣшился слѣдовать совѣтамъ Визе-теоретика. Шульце недаромъ утверждалъ въ «Синей книгѣ», что программа гимназіи вовсе не является чьей-либо личной выдумкой, что она создана требованіями времени. И Визе съ своимъ живымъ чувствомъ дѣйствительности по-

*) Жизнь человѣчества идетъ по кругу.

нялъ, что вычеркивать изъ программы гимназіи всѣ реальные предметы, за которые общество стояло горой, было бы худой услугой дѣлу гимназіи. Странное существо человѣкъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Гёте; вещи, которыя идутъ ему во вредъ, онъ способенъ очень долго переносить съ изумительнымъ терпѣніемъ: но попробуй насильно оказать ему благодѣяніе, и онъ начинаетъ протестовать всѣми силами. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Визе. Какъ ни былъ я увѣренъ, говорилъ онъ потомъ, въ благодѣтельности проектированной реформы, но общество не хотѣло оцѣнить нашихъ доводовъ, а вести его къ собственному его благу насильно было, конечно, немыслимо.

Такимъ образомъ, опубликованный министерствомъ въ 1856 году новый учебный планъ классическихъ гимназій далеко не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и опасеній. Скрѣпя сердце, Визе началъ его съ заявленія, что учебный планъ 1837 года, по тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, въ общемъ оказался вполнѣ цѣлесообразнымъ. Лишнимъ въ старой программѣ найденъ былъ только одинъ предметъ — естественная исторія, которая теперь вычеркивалась изъ гимназическаго курса. Освободившіеся такимъ путемъ часы подѣлены были между французскимъ языкомъ и Закономъ Божіимъ.

Признавъ невозможнымъ произвести болѣе существенное сокращеніе программы, министерство вмѣстѣ съ этимъ увидѣло себя вынужденнымъ объяснять твердо установленный имъ фактъ переутомленія гимназистовъ почти такъ же, какъ объяснялъ его Шульце. Въ немъ оказывался теперь виноватымъ не самъ сложный учебный планъ, а недостатокъ внутренняго единства въ этомъ многообразіи. Согласно этому, средствомъ борьбы со зломъ должна была служить «внутренняя концентрація преподаванія», которая имѣла явиться результатомъ полной гармоніи въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ членовъ учительскаго персонала каждой гимназіи. Центральнымъ предметомъ долженъ былъ, конечно, по прежнему оставаться латинскій языкъ, и на искусство писать по-латыни министерство обращало особое вниманіе преподавателей. Но, съ другой стороны, изложенные выше взгляды Гейланда были признаны опасной крайностью и учителямъ воспрещено было подчинять чтеніе авторовъ исключительно грамматическимъ цѣлямъ. Наконецъ, министерство не преминуло прибѣгнуть и къ бюрократической панацеѣ всевозможныхъ золъ: оно строго приказало учителямъ не задавать воспитанникамъ слишкомъ много уроковъ и смотрѣть, чтобы въ гимназіяхъ переутомленія не было.

Учебный планъ 1856 года оставался въ силѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ и почти все это время завѣдываніе гимназіями находилось въ рукахъ самого его автора. Такимъ образомъ, опытъ съ христіанизаціей и внутренней концентраціей гимназическаго преподаванія въ Пруссіи можно считать очень чистымъ. Посмотримъ же, къ какимъ онъ привелъ результатамъ.

Относительно первой части программы, относительно успѣха мѣропріятій, направленныхъ къ наполненію гимназіи истинно христіанскимъ духомъ, всего поучительнѣе для насъ свидѣтельство самого Визе. Въ своихъ любопытныхъ Lebenserinnerungen und Amtserfahrungen, гдѣ онъ съ рѣдкой искренностью и объективностью подвелъ итоги всей своей долголѣтней административной дѣятельности, онъ, не обинуясь, признаетъ, что попытка правительства Фридриха-Вильгельма IV оживить преподаваніе религіи въ гимназіяхъ не привела ни къ чему. Несмотря на всѣ старанія министерства Эйхгорна, уроки Закона Божія, какъ были, такъ и остались чѣмъ-то совершенно чуждымъ организму гимназіи и рѣдко не считались воспитанниками за одну изъ отяготительнѣйшихъ школьныхъ повинностей. Мало того, Визе самъ находитъ, что допущенное тогда принужденіе въ дѣлѣ вѣры оказалось пагубнымъ для истинной вѣры. «Нерѣдко теперь можно слышать отъ разныхъ людей такія заявленія: если я теперь не знаю душевнаго покоя, если я утратилъ свою дѣтскую вѣру, то виновата въ этомъ гимназія съ ея уроками религіи. И, кажется, приходится признать вмѣстѣ съ Роте, что въ общемъ итогѣ школьное преподаваніе религіи идетъ скорѣе во вредъ, нежели въ пользу истинному благочестію». Ссылаясь на собственный долгій опытъ, Визе въ послѣдней изъ своихъ педагогическихъ работъ совѣтовалъ преемникамъ своимъ въ школьномъ управленіи рѣшительно покинуть путь 50-хъ годовъ и поставить преподаваніе религіи въ гимназіяхъ на такія основанія.

1) Послѣ конфирмаціи у воспитанниковъ не должно быть больше по Закону Божію уроковъ въ точномъ смыслѣ слова.

2) Дальнѣйшія занятія, направленныя къ расширенію и углубленію религіознаго образованія, отнюдь не слѣдуетъ вести тѣмъ шаблоннымъ школьнымъ образомъ, какимъ ведутся въ гимназіи занятія по другимъ учебнымъ предметамъ. Они не должны нисколько вліять на переводъ учениковъ изъ класса въ классъ, и по нимъ не должно быть никакихъ отмѣтокъ.

3) Точно также религія должна быть исключена изъ программы экзамена зрѣлости и не должна поминаться въ аттестатѣ зрѣлости

Особенно же Визе совѣтуетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы преподаваніе религіи находилось въ рукахъ дѣйствительно способныхъ и проникнутыхъ религіознымъ чувствомъ людей. Онъ говоритъ, что самъ по своей двадцатипятилѣтней административной практикѣ знаетъ, какъ рѣдки настоящіе преподаватели Закона Божія. Но разъ гимназія не можетъ найти для этого предмета вполнѣ надежную педагогическую силу, то, по мнѣнію Визе, ей не остается ничего дѣлать, какъ исключить его на время изъ программы занятій. «Неумѣлое обхожденіе съ священными истинами гораздо опаснѣе для юныхъ душъ, чѣмъ то обстоятельство, что дѣти останутся на нѣсколько времени совсѣмъ безъ преподаванія религіи: въ послѣднемъ случаѣ ихъ религіозная воспріимчивость можетъ остаться нетронутой».

Не больше дала и концентрація гимназическаго преподаванія. Послѣ выхода въ свѣтъ учебныхъ плановъ 1856 года заниматься въ гимназіи вовсе не сдѣлалось легче и прежнія жалобы общества на гимназическое переутомленіе скоро поднялись съ новой силой. Да и могло ли быть иначе, когда предметы преподаванія остались почти все тѣ же, требованія по нимъ не были уменьшены и правительственный контроль за ходомъ занятій сталъ еще строже и мелочнѣе прежняго? Во время обсужденія школьной реформы нѣкоторые изъ педагоговъ указывали министерству, что однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ борьбы съ переутомленіемъ является отмѣна грознаго экзамена зрѣлости, который какъ кошмаръ давитъ учителей и учениковъ чуть не съ перваго класса. Они замѣчали при этомъ, что съ педагогической точки зрѣнія экзаменъ этотъ ровно ни къ чему не нуженъ. Но министерство отказалось идти по этому пути. Оно заявило, что считаетъ необходимымъ сохранить экзаменъ зрѣлости не ради непосредственной его пользы для гимназистовъ, а какъ средство контроля надъ гимназіями и отдѣльными преподавателями. Мудрено ли послѣ этого, что его предписаніе учителямъ не слишкомъ обременять воспитанниковъ уроками осталось мертвою буквою?

Спросимъ себя теперь: что же покупали прусскіе гимназисты цѣной такой напряженной девятилѣтней работы, которую почти все общество находило для нихъ непосильною? Гумбольдтъ, Зюфернъ и Шульце думали при помощи гимназіи влагать въ юныхъ нѣмцевъ греко-римскую душу. Это оказалось мечтой несбыточной и, какъ прибавляли педагоги 40-хъ и 50-хъ годовъ, вредной мечтой. Раумеръ и Визе преслѣдовали уже болѣе скромную цѣль. Они дорожили только выработкой въ воспитанникахъ сильнаго формальнаго мышленія, «развитіе котораго одно даетъ занятіямъ древними языками ихъ вѣчную, непререкаемую цѣнность». Но, по свидѣтельству всѣхъ знатоковъ дѣла съ Фр. Авг. Вольфомъ во главѣ, этотъ драгоцѣнный результатъ получается отъ изученія древнихъ языковъ лишь тогда, когда хотя одинъ изъ нихъ становится полною духовною собственностью учащагося, когда учащійся доходитъ до умѣнья облекать любую изъ своихъ мыслей въ двоякую форму—современную и античную. Визе отлично это зналъ и ради того, чтобы доставить гимназіи возможность доводить, по крайней мѣрѣ, въ латинскомъ языкѣ, своихъ воспитанниковъ до необходимой степени совершенства, онъ готовъ былъ вычеркнуть изъ программы почти всѣ остальные предметы. Такой радикальный планъ, какъ мы знаемъ, не могъ осуществиться, и Визе пришлось работать надъ поднятіемъ уровня знаній по латинскому языку въ гимназіи, жившей по шульцевскимъ завѣтамъ. Посмотримъ же, къ чему привели всѣ его усилія.

Въ 1864 году на съѣздѣ директоровъ прусскихъ гимназій обсуждался такой щекотливый вопросъ: чѣмъ слѣдуетъ объяснить, что учащаяся молодежь немедленно послѣ сдачи экзамена зрѣлости перестаетъ

заниматься тѣми предметами, которымъ она училась въ гимназіи? Референтъ Шаперъ отвѣчалъ на это такъ: «Корень зла лежитъ въ томъ, что кончившіе курсъ гимназисты въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказываются въ состояніи читать для своего удовольствія хотя бы одного изъ древнихъ писателей. Вообще, наши абитуріенты сами отлично понимаютъ, что они не могутъ правильно составить ни одного гекзаметра, не могутъ какъ слѣдуетъ переводить ни одного автора и не могутъ написать на настоящемъ латинскомъ языкѣ ни одного предложенія». Вопросъ о томъ, какъ съ этимъ бороться, какъ поднять гимназическія знанія по латинскому языку до сколько-нибудь приличнаго уровня, занималъ и всѣ послѣдующіе директорскіе съѣзды 60-хъ и 70-хъ годовъ. Но когда на одномъ изъ нихъ старикъ Лейнгартъ, начавшій свою педагогическую дѣятельность еще при Шульце, внесъ предложеніе признать совершившійся фактъ, объявить искусство говорить и писать по-латыни безвозвратно погибшимъ среди нѣмецкаго общества и соотвѣтственно этому выкинуть его окончательно изъ гимназической программы, то онъ остался при своемъ голосѣ, да голосахъ пяти директоровъ реальныхъ гимназій. Всѣ директора классическихъ гимназій признали, что безъ латинскаго сочиненія классическая гимназія немыслима. Однако время неумолимо брало свое, и когда на Карлсбадскомъ сѣздѣ 1882 года, который особенно ратовалъ за сохраненіе въ гимназіи искусства говорить по латыни, одинъ изъ членовъ предложилъ вести дебаты по этому вопросу на латинскомъ языкѣ, то сами филологи предпочли отклонить такое неосторожное предложеніе.

Послушаемъ теперь отзывы профессоровъ о томъ матеріалѣ, который поставляла университету классическая гимназія. На педагогическомъ съѣздѣ 1873 года Визе въ своемъ вступительномъ словѣ говорилъ такъ: «Профессора университетовъ постоянно жалуются, что уровень научнаго смысла среди поступающей въ университетъ молодежи непрерывно понижается, что она не приноситъ съ собой ни прочнаго интереса къ наукѣ, ни положительныхъ знаній. Они упрекаютъ гимназію, что та совсѣмъ не выучиваетъ самостоятельно мыслить, что ея питомцы лишены всякой умственной эластичности и думаютъ только объ экзаменахъ, дипломахъ и внѣшнихъ жизненныхъ цѣляхъ. Пусть вина въ этомъ падаетъ далеко не на одну гимназію, но гимназіи все же не приходится совсѣмъ слагать съ себя отвѣтственность за такое явленіе». И среди этого хора жалобъ громче всего раздавались голоса профессоровъ филологіи.

Еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ такія свѣтила науки, какъ Лахманъ, Бёкъ, Ритчль, рѣзко высказывались противъ всякаго сокращенія курса древнихъ языковъ въ гимназіи на томъ именно основаніи, что гимназисты и такъ являются въ университетъ съ самой жалкой подготовкой по древнимъ языкамъ. Но то были еще сравнительно блестящія времена. Въ 60-хъ же годахъ извѣстный кёнигсбергскій филологъ Лерсъ

слѣдующимъ образомъ отзывался о положеніи дѣла. «Чѣмъ дольше живетъ гимназія, — говорилъ онъ одному изъ своихъ учениковъ,—тѣмъ больше на мой взглядъ истинное образованіе смѣняется въ ней простой дрессировкой. Разговаривая со студентами-филологами, я пришелъ къ убѣжденію, что ученики не выносятъ изъ гимназіи и тѣни понятія о духѣ тѣхъ великихъ греческихъ произведеній, которыя они изъ подъ палки прочитываютъ въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи. Нерѣдко же они прямо обнаруживаютъ поразительное незнакомство даже съ буквой ихъ содержанія. Разъ, напримѣръ, я попросилъ одного вновь поступившаго слушателя, который былъ мнѣ особо рекомендованъ, назвать дѣйствующія лица въ Антигонѣ, читанной имъ въ послѣднемъ классѣ. Послѣ нѣкотораго раздумья, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Creus, а потомъ еще нѣсколько вѣстниковъ». По мнѣнію Лерса, хорошіе ученики реальныхъ гимназій въ смыслѣ общей гуманистической образованности получали отъ чтенія англійскихъ и нѣмецкихъ классиковъ несравненно больше, чѣмъ воспитанники классическихъ гимназій отъ чтенія древнихъ авторовъ въ оригиналѣ. «Наши гимназіи,—писалъ еще позднѣе гёттингенскій профессоръ Виламовичъ,—свидѣтельствуютъ въ аттестатахъ зрѣлости, что кончившіе курсъ воспитанники знаютъ древніе языки. Но на самомъ дѣлѣ этого вовсе нѣтъ. Въ качествѣ руководителя филологическаго семинарія я только тогда сталъ испытывать душевное удовлетвореніе отъ занятій съ слушателями, когда принялъ за правило не претендовать на вновь поступающихъ студентовъ за самое грубое невѣжество и спокойно объяснять имъ окончанія plusquamperfectum'овъ, условныя предложенія и цезуры въ гекзаметрѣ».

Послѣ такихъ отзывовъ авторитетнѣйшихъ судей намъ не покажется уже простой полемической выходкой тотъ общій приговоръ, который произнесенъ былъ надъ классической гимназіей извѣстнымъ оріенталистомъ и публицистомъ Лагардомъ. «Наше юношество,—говоритъ Лагардъ,—не владѣетъ ни однимъ языкомъ, не знаетъ ни одной литературы, не читало и не продумывало какъ слѣдуетъ даже главныхъ произведеній нашихъ же великихъ поэтовъ. Но оно получило въ формѣ готовыхъ сужденій квинтессенцію всего, что только было въ мірѣ, и къ концу учебнаго времени погибаетъ отъ скуки. Оно начинено всякими «выписками и замѣтками» и въ то же время такъ невоспитано въ умственномъ отношеніи, до того не привыкло къ пріемамъ литературнаго изложенія, что въ университетѣ оказывается совершенно не въ состояніи слѣдить за настоящими, живыми, свободными лекціями, какъ бы тѣ ни были продуманы и ясны. Оттого-то студентамъ и приходится изъ года въ годъ диктовать по всѣмъ систематическимъ курсамъ записки... Три вещи являются плодомъ нашего образованія: больные глаза, смертельное отвращеніе къ тому, что было, и неспособность къ дальнѣйшей дѣятельности».

Въ 1858 году тяжкое психическое разстройство вынудило Фридриха-Вильгельма сложить съ себя правительственныя обязанности, которыя онъ несъ съ такою ревностью и съ такимъ жалкимъ успѣхомъ. Его мѣсто занялъ братъ его Вильгельмъ I, сначала, какъ регентъ, а съ 1861 года, какъ король. Съ первыхъ же шаговъ новаго правительства стало ясно, что торжеству клерикализма наступилъ давно желанный для общества конецъ. «Когда же исполнится тысяча лѣтъ, сатана будетъ освобожденъ отъ темницы своей и выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли» (Апокалипс., 20, 1) — такъ поздравила ультра-клерикальная «Евангелическая церковная газета» прусское регентство съ новымъ, 1860-мъ годомъ.

Смѣясь надъ богословскимъ застращиваніемъ сатаной, правительство Вильгельма I-го не боялось и филологическаго запугиванія реализмомъ. Визе, оставшійся на своемъ посту и при новомъ либеральномъ министрѣ, Бетманъ-Гольвегѣ, давно уже сознавалъ всю ненормальность того существованія, которое влачили всѣ среднія школы безъ древнихъ языковъ, послѣ основанія классической гимназіи, и самъ подалъ министру проектъ учрежденія новаго типа казенныхъ учебныхъ учрежденій — реальной гимназіи. Проектъ этотъ сталъ дѣйствительностью не позже, какъ въ 1859 году. Министерство согласилось, такъ пишетъ объ этомъ самъ Визе, «что ходъ развитія наукъ и промышленности, равно какъ многочисленные запросы практической жизни дѣлаютъ настоятельной необходимостью наряду съ замкнутымъ гимназическимъ планомъ, служащимъ высшимъ образовательнымъ цѣлямъ, признать право на существованіе и за такими школами, которыя даютъ центральное положеніе въ кругу своихъ учебныхъ предметовъ не древнимъ языкамъ, а математикѣ и естественнымъ наукамъ и готовятъ воспитанниковъ непосредственно къ практической дѣятельности». Но при этомъ Визе нисколько не думалъ сводить реальной гимназіи на степень профессіональнаго училища. Указъ, которымъ основаны были реальныя гимназіи, такъ говоритъ объ ихъ цѣли: «ихъ организація опредѣляется не ближайшими потребностями практической жизни: ихъ цѣль—дать ввѣренному имъ юношеству такое развитіе духовныхъ силъ, которое составляетъ необходимое условіе свободнаго и сознательнаго выбора впослѣдствіи опредѣленной профессіи въ жизни. Это не профессіональныя училища: подобно гимназіи, онѣ имѣютъ дѣло съ общимъ образованіемъ и основными научными свѣдѣніями. Классическая и реальная гимназіи не стоятъ, такимъ образомъ, между собой въ антагонизмѣ, но взаимно дополняютъ другъ друга».

Новое правительство собиралось-было приступить къ коренному пересмотру школьнаго законодательства въ Пруссіи, но скоро событія отвлекли его вниманіе въ другую сторону. Прежде всего, извѣстное столкновеніе Бисмарка съ парламентомъ по основнымъ вопросамъ конституціи прекратило на долгій срокъ всякую возможность правильной

законодательной дѣятельности и снова усилило въ министерствѣ народнаго просвѣщенія консервативные элементы. Послѣдовавшія же за нимъ австро-прусская и франко-германская войны, присоединившія къ Пруссіи цѣлый рядъ новыхъ обширныхъ территорій и поведшія къ объединенію Германіи подъ прусскимъ главенствомъ, поставили и школьному вѣдомству въ Пруссіи цѣлый рядъ новыхъ сложныхъ задачъ. Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ проходятъ для него въ работѣ надъ преобразованіемъ школъ, сначала во вновь пріобрѣтенныхъ прусскихъ провинціяхъ, а затѣмъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, и въ переговорахъ относительно объединенія программъ и уравненіи связанныхъ съ образованіемъ правъ по всѣмъ странамъ, вошедшимъ въ составъ новой Германской имперіи.

Такимъ образомъ, только въ концѣ 70-хъ годовъ вопросъ о принципіальной реформѣ строя средняго образованія снова сталъ на очередь въ правящихъ кругахъ Пруссіи. Къ этому времени Визе, крупно разойдясь въ мнѣніяхъ съ вождями знаменитаго Kulturkampf, успѣлъ уже выйти въ отставку, и на его мѣсто былъ приглашенъ извѣстный филологъ Боницъ, доказавшій свои административныя способности успѣшной реформой австрійскаго образованія послѣ революціи 1848 года. Въ Пруссіи Боницъ не былъ, однако, такъ счастливъ, какъ въ Австріи. Стоя между двухъ огней, между требованіями представителей естественныхъ наукъ и медицины, которые находили подготовку гимназистовъ никуда негодною для университетскихъ занятій по указаннымъ предметамъ, и основательными завѣреніями руководителей классической гимназіи, что всякое дальнѣйшее сокращеніе программы древнихъ языковъ сдѣлаетъ занятіе ими полной безсмыслицей, и, будучи въ то же время сторонникомъ единства средней школы, Боницъ, скрѣпя сердце, рѣшился избрать средній путь. Составленный имъ новый учебный планъ классическихъ гимназій, вступившій въ дѣйствіе съ 1882 года, возвратилъ въ гимназіи прежнее мѣсто реальнымъ предметамъ, которые были урѣзаны въ эпоху реакціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что конечной цѣлью занятій древними языками должно являться не одно развитіе формальнаго мышленія, но истинно гуманистическое образованіе человѣка. Иначе говоря, Боницъ открыто вернулся къ старой программѣ Шульце, такъ безпощадно осужденной всѣми педагогами середины столѣтія.

Но наученное горькимъ опытомъ общество рѣшительно отказалось признать такую реформу на старый образецъ истиннымъ рѣшеніемъ жгучаго вопроса о нуждахъ средняго образованія. Желая, по возможности, удовлетворить и филологовъ, и реалистовъ, Боницъ не удовлетворилъ никого. Критика новаго учебнаго плана съ полной основательностью указала, что, удержавъ прежнія требованія по древнимъ языкамъ вплоть до умѣнья писать по-латыни и расширивъ въ то же время программу математики, естественныхъ наукъ, географіи и исторіи, Бо-

ницъ только ухудшилъ положеніе дѣла, и что главное зло средней школы—переутомленіе учащейся въ ней молодежи — при новыхъ планахъ неизбѣжно должно будетъ еще болѣе возрасти. Какъ и въ концѣ 30-хъ годовъ, въ эпоху извѣстнаго намъ Lorinserstreit, самый энергичный протестъ противъ пассивнаго отношенія къ этой язвѣ, въ корень подтачивающей силы молодого интеллигентнаго поколѣнія, вышелъ изъ медицинскихъ круговъ. Рядъ наблюденій, опубликованныхъ видными представителями нѣмецкой медицины начала 80-хъ годовъ относительно вліянія гимназическихъ занятій на здоровье учащейся молодежи, снова принудилъ прусское правительство сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ оффиціальнаго разслѣдованія. Отзывъ спеціально для этого наряженной медицинской коммиссіи звучалъ, правда, въ успокоительномъ тонѣ. Но если коммиссія нашла, что степень переутомленія сильно преувеличивается общественнымъ мнѣніемъ, то она нисколько не отрицала, что самый фактъ переутомленія существуетъ и требуетъ серьезнаго вниманія. Въ виду этого она рекомендовала министерству народнаго просвѣщенія принять мѣры къ тому, чтобы ежедневное количество рабочаго времени у гимназистовъ не превышало 8-ми часовъ—вещь, являвшаяся для прусской классической гимназіи немыслимою безъ серьезнаго сокращенія учебнаго плана. Съ другой стороны, снова обострилъ вопросъ о переутомленіи, учебный планъ 1882 года нисколько не утишилъ и «школьной войны» между поборниками классической и реальной системы образованія. Нѣкоторое расширеніе Боницемъ реальной стороны гимназической программы и ранѣе еще состоявшееся допущеніе учениковъ реальныхъ училищъ съ латинскимъ языкомъ къ слушанію лекцій въ университетѣ по математикѣ и естественнымъ наукамъ было признано реалистами уступками, далеко не отвѣчающими требованіямъ времени, и они съ новымъ жаромъ принялись за агитацію противъ «классической монополіи». Одинъ за другимъ возникали «союзы для реформы гимназіи», каждый съ своей особой программой и съ своимъ спеціальнымъ органомъ печати. Петиція о пересмотрѣ организаціи средняго образованія, поданная однимъ изъ этихъ союзовъ министерству народнаго просвѣщенія въ 1888 году, была покрыта 24.000 подписей, 70% которыхъ принадлежало лицамъ съ высшимъ образованіемъ. Въ виду такой горячей пропаганды сторонники существующей школы тоже сочли нужнымъ сплотиться въ особый союзъ, вступившій въ отчаянную полемику со всѣми врагами освященной преданіемъ классической системы. Показателемъ господствовавшаго при этой борьбѣ возбужденія умовъ можетъ служить число пущенныхъ въ оборотъ проектовъ школьной реформы. Въ 1889 году министръ народнаго просвѣщенія, фонъ-Гослеръ, заявилъ въ парламентѣ, что ему подано всего-на-всего 344 подобныхъ проекта!

Изъ этого множества работъ по вопросамъ воспитанія особое вниманіе общества привлекла на себя своей талантливостью и задушев-

ностью статья Гюсфельдта, «Die Erziehung der deutschen Jugend», откуда я приведу нѣсколько выдержекъ.

«Защитники существующей школы, — говоритъ Гюсфельдтъ,—указываютъ намъ на великое развивающее значеніе занятій древними языками и литературою. Я совершенно согласенъ съ ихъ доводами, но имъ не слѣдуетъ забывать одного: школьникъ имѣетъ дѣло вовсе не съ самой классической древностью, какою она является зрѣлому человѣку, предпринимающему знакомство съ нею, а лишь съ ея отраженіемъ въ школьномъ зеркалѣ.

«Я не забылъ этого отраженія и буду говорить, какъ ученикъ, который глядѣлъ въ зеркало: учитель, который держитъ это зеркало, не можетъ перенестись на ученическую точку зрѣнія. Если мнѣ возразятъ, что у меня, можетъ статься, неважное зрѣніе, и я плохо разбиралъ видѣнное, то я на это отвѣчу, что въ школѣ я принадлежалъ къ почтенной посредственности, съ нѣкоторыми колебаніями то въ ту, то въ другую сторону. А здѣсь дѣло какъ разъ идетъ о среднемъ уровнѣ учениковъ, и мое «я» значитъ при этомъ «одинъ изъ многихъ».

«Итакъ, я долженъ сказать, что изъ сокровищъ греческаго языка мало что перепало на мою долю, несмотря на мою тихую любовь къ нему. Развитіе памяти и мыслительной способности, полученное мною отъ ковырянья классиковъ и топорныхъ греческихъ письменныхъ упражненій, могло бы быть достигнуто и другимъ путемъ, работою надъ болѣе пригоднымъ въ жизни матеріаломъ.

«До наслажденія красотою формы дѣло никогда не доходило, и о просвѣтленіи и возвышеніи души надъ чтеніемъ греческихъ авторовъ не было и помина. Для этого надобно было бы, прежде всего, знать, о чемъ собственно у нихъ идетъ рѣчь; но за всѣми «желательными наклоненіями» это наше желаніе оставалось неисполненнымъ. Мы проводили цѣлыя полугодія надъ чтеніемъ какой-нибудь одной главы, которая трактовалась исключительно съ точки зрѣнія прикладной грамматики, мы должны были до отвращенія часто слушать восторженныя похвалы красотамъ нашего автора, мы были бы очень рады ихъ восчувствовать, но никогда ихъ не чувствовали.

«Мы находились въ положеніи путниковъ, которымъ во время ночного восхожденія по каменистой тропинкѣ, вьющейся по дну ущелья, усиленно воспѣвали бы красоты горнаго пейзажа. Ущелье мало-по-малу выводитъ къ чуднымъ высотамъ. Но чуть начинаетъ брезжить день, и путники достигаютъ пункта, откуда дорога взвивается въ гордыя выси, какъ прогулка обрывается и вмѣстѣ съ крутой тропинкой человѣкъ поминаетъ недобрымъ словомъ и тотъ грандіозный міръ, куда она вела, и который такъ и остался ему неизвѣстенъ. Такимъ пунктомъ является экзаменъ зрѣлости.

«Съ латинскимъ языкомъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; здѣсь, обыкновенно, больше бываетъ практики, такъ какъ на этотъ предметъ

отведено больше учебныхъ часовъ. Сами начертанія буквъ здѣсь болѣе привычны и не отпугиваютъ; латинскія цитаты попадаются и внѣ школы; на общественныхъ зданіяхъ часто встрѣчаются латинскія надписи; запасъ словъ у воспитанниковъ здѣсь гораздо больше; разбираютъ они авторовъ съ меньшимъ трудомъ, нежели греческихъ. Ученики иногда до того доходятъ, что даютъ себѣ отчетъ въ мысляхъ, содержащихся въ разбираемыхъ въ классѣ произведеніяхъ и даже сами пишутъ латинскія сочиненія! Они знаютъ, что латинскій языкъ можетъ имъ понадобиться въ жизни и питаютъ извѣстнаго рода школьное презрѣніе ко всѣмъ взрослымъ людямъ, не знающимъ по-латыни.

«Но въ обоихъ случаяхъ, идетъ ли дѣло о латинскомъ или о греческомъ, тотъ способъ, которымъ эти языки примѣняются для школьныхъ надобностей, совершенно попадаетъ въ разрѣзъ съ требованіями юношеской психологіи. Молодежь мало воспріимчива къ формальной сторонѣ и жадно воспринимаетъ содержаніе. Надобно долго пожить и многое перевидать, чтобы явился вкусъ къ чистой формѣ. Когда дѣло просто идетъ объ усвоеніи хорошихъ манеръ, такъ и то молодежь этимъ тяготится и не понимаетъ, къ чему это; и когда ее учатъ, какъ надо держать ножъ и вилку, то она требуетъ, чтобы ей при этомъ, по крайней мѣрѣ, давали ѣсть.

«А наши уроки латинскаго и греческаго языковъ совершенно похожи на оперный пиръ. Тутъ все есть: столы накрыты, на столахъ блещутъ чаши и кубки, общество предается видимому веселью. Не хватаетъ только одного—кушаній и винъ. А молодежь требуетъ, чтобы ей давали вино и не хочетъ пустого кубка; вынужденное восхищеніе ей претитъ, и она съ восторгомъ швырнула бы кубокъ туда, откуда его подали. Она испытываетъ гнѣвъ и горе, хотя въ послѣднемъ чувствѣ не всегда ясно отдаетъ себѣ отчетъ. Она съ радостью бросилась бы къ гуманистическому образованію, но гуманистическая натаска ее возмущаетъ—и отсюда ея горе».

Кто не припомнитъ здѣсь того опредѣленія, которое далъ прусской классической гимназіи еще въ 40-хъ годахъ Магеръ: «Наша средняя школа одно изъ проявленій той великой лжи, которою страдаетъ вся наша общественная жизнь. Когда на нее глядишь, то кажется, что тамъ идетъ какая-то игра, гдѣ всѣ участники расплачиваются другъ съ другомъ фальшивою монетою».

Но прусское министерство народнаго просвѣщенія въ концѣ 80-хъ годовъ еще меньше соглашалось съ справедливостью упрековъ, которыми общество осыпало излюбленное министерское дѣтище, нежели въ началѣ 40-хъ. Пусть съ первыхъ же своихъ шаговъ классическая гимназія стала вызывать противъ себя горячіе протесты со всѣхъ сторонъ, но она тѣмъ не менѣе просуществовала почти цѣлый вѣкъ и успѣла перейти въ разрядъ освященныхъ временемъ учрежденій. Такимъ образомъ, фонъ-Гослеръ оставался рѣшительно глухъ ко всѣмъ аргумен-

тамъ и петиціямъ въ пользу коренной реформы средняго образованія, пока въ лагерѣ ея сторонниковъ не оказался вдругъ самъ вѣнценосный глава государства.

Почти немедленно по вступленіи своемъ на престолъ молодой императоръ Вильгельмъ II внушительно заявилъ своимъ совѣтникамъ, что онъ считаетъ пересмотръ школьной организаціи одной изъ важнѣйшихъ задачъ своего правленія. Въ виду такого настроенія монарха фонъ-Гослеръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1890 года, счелъ нужнымъ собрать на конференцію наиболѣе видныхъ представителей враждовавшихъ между собой педагогическихъ партій—«для мирнаго обмѣна мнѣніями».

Извѣстіе о созывѣ этой конференціи вызвало въ прусскомъ обществѣ глубокое волненіе. Однако, едва стали извѣстны имена лицъ, приглашенныхъ министерствомъ къ участію въ ней, какъ радость и надежда смѣнились полнымъ разочарованіемъ. Близко стоявшимъ къ дѣлу людямъ довольно было проглядѣть списокъ 44 ея членовъ, чтобы понять, какую цѣль преслѣдовало тутъ министерство. Составивъ подавляющее большинство въ конференціи изъ защитниковъ старой гимназіи, фонъ-Гослеръ, очевидно, ждалъ отъ этого ученаго съѣзда лишь одного—чтобы онъ своимъ авторитетомъ прикрылъ передъ императоромъ и обществомъ консервативную министерскую позицію.

Но тутъ произошло нѣчто, совершенно опрокинувшее всѣ разсчеты министерства. Императоръ неожиданно самъ явился въ кругу съѣхавшихся въ Берлинъ педагоговъ и въ своемъ вступительномъ словѣ обстоятельно изложилъ свой личный взглядъ на положеніе средней школы. Эта рѣчь показала, что наслѣдникъ престола недаромъ провелъ свое дѣтство въ классической гимназіи: онъ говорилъ о ней, какъ человѣкъ, видѣвшій не только фасадъ классической системы образованія, но побывавшій тамъ и за кулисами. Глубокой горечью и раздраженіемъ дышали слова императора, посвященныя воспоминанію о его ученическихъ годахъ.

Въ наши трудныя времена, говорилъ императоръ, школа больше, чѣмъ когда-нибудь, должна была бы помогать обществу въ разрѣшеніи ставящихся ему жизнью задачъ. Но классической гимназіи нѣтъ дѣла до жизни. «Кто самъ побывалъ въ этой гимназіи и могъ заглянуть тамъ за кулисы, тотъ знаетъ, чего ей не хватаетъ. Ей прежде всего не хватаетъ національнаго основанія. Мы должны класть въ основу воспитанія свое, родное: мы должны взращивать юныхъ нѣмцевъ, а не юныхъ грековъ и римлянъ. Мы должны разстаться съ тѣмъ основаніемъ, на которомъ школа стояла въ теченіе столѣтій, съ средневѣковымъ монастырскимъ воспитаніемъ, гдѣ опредѣляющую роль игралъ латинскій языкъ, да было вдобавокъ немножко греческаго. Теперь латинскій языкъ не можетъ имѣть прежняго значенія. Работы по родному языку должны стать теперь центромъ, къ которому должно тяготѣть все преподаваніе». Что касается латинскаго сочиненія, «этого могуществен-

нѣйшаго орудія развитія формальнаго мышленія, этого палладіума гуманистической школы», то, по мнѣнію императора, классической гимназіи давно уже надобно было выкинуть его за бортъ. А въ такомъ архаическомъ характерѣ средней школы, говорилъ императоръ, виноваты не кто другой, какъ господа филологи. Въ качествѣ beati possidentes сидѣли они въ гимназіи и занимались формальной умственной дрессировкой воспитанниковъ, нисколько не заботясь о требованіяхъ жизни, гдѣ нужны положительныя знанія, и еще, можетъ быть, нужнѣе развитіе характера. Филологи же виновны и въ переутомленіи учащейся молодежи, которую они заваливаютъ домашними занятіями. Послѣ такихъ горячихъ нападокъ можно было ожидать, что императоръ выскажется за полное уничтоженіе системы классическаго образованія. Однако, заключеніе рѣчи было иное. Императоръ пожелалъ, чтобы классическая гимназія все-таки была сохранена въ исправленномъ видѣ. Но наряду съ ней онъ требовалъ широкаго развитія и для реальной школы, откуда онъ считалъ нужнымъ изгнать совершенно латинскій языкъ.

Каковы бы ни были чувства, пробужденныя въ сердцахъ собравшихся на конференцію филологовъ императорскою рѣчью, но высказать ихъ никто не посмѣлъ. Не трудно себѣ, однако, представить, какой ходъ приняли занятія педагогическаго съѣзда, собравшагося для того, чтобы доказать полную цѣлесообразность существующаго строя и принужденнаго приступить къ его радикальной реформѣ. Въ дальнѣйшихъ работахъ конференціи нечего искать какой-нибудь руководящей мысли. Спасти отъ классической системы все, что можно было спасти, не входя въ явное противорѣчіе съ высказанными въ императорской рѣчи взглядами, такова была жалкая программа, собравшая вокругъ себя большинство членовъ берлинскаго педагогическаго съѣзда. О путаницѣ, водворившейся при этомъ въ работахъ конференціи, даетъ достаточное представленіе такого рода происшествіе. Конференціи былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли допустить воспитанниковъ реальныхъ училищъ, гдѣ совсѣмъ не преподается латинскаго языка, къ слушанію лекцій въ университетѣ по математикѣ и по естественнымъ наукамъ? Въ виду ясно выраженнаго желанія императора конференція сочла необходимымъ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно. Но когда въ одномъ изъ дальнѣйшихъ засѣданій членамъ съѣзда было предложено обсудить, могутъ ли люди, совершенно не знающіе по-латыни, съ успѣхомъ слѣдить за какими бы то ни было университетскими курсами, то большинство присутствовавшихъ педагоговъ по старой привычкѣ заявило, что считаетъ это вещью немыслимою. При редактированіи постановленій конференціи несообразность эта вышла наружу, и второе рѣшеніе пришлось вычеркнуть.

Въ двухнедѣльный срокъ работы берлинской конференціи пришли къ благополучному окончанію. Ея постановленія были представлены затѣмъ императору, который нашелъ ихъ совершенно согласными съ ука-

занными имъ для гимназіи цѣлями и повелѣлъ министерству народнаго просвѣщенія немедленно приступить къ выработкѣ соотвѣтствующаго новаго учебнаго плана гимназіи. Въ слѣдующемъ году планъ этотъ былъ уже готовъ и съ начала 1892 года вступилъ въ дѣйствіе.

Наиболѣе характерной чертой этого новаго, нынѣ дѣйствующаго учебнаго плана прусскихъ классическихъ гимназій является полный разрывъ съ принципомъ концентраціи преподаванія, который съ такимъ жаромъ защищался педагогическими противниками Альтенштейна и Шульце и при Визе получилъ даже оффиціальную санкцію. Латинскій языкъ утерялъ то главенствующее положеніе, которое онъ занималъ въ учебныхъ планахъ 1837 и 1856 годовъ: число отведенныхъ на него часовъ было сокращено на цѣлую четверть, и искусство писать по-латыни вычеркнуто изъ числа гимназическихъ занятій. Греческій языкъ тоже испыталъ значительный уронъ, но въ меньшей мѣрѣ, нежели латинскій, и такъ какъ цѣлью гимназическаго изученія древнихъ языковъ было признано не формальное развитіе мышленія, а знакомство съ античной литературой, то греческому языку дана была равноправность съ латинскимъ. Сокращеніе программы по древнимъ языкамъ позволило, съ одной стороны, нѣсколько убавить общее количество уроковъ въ гимназіи, и съ другой—расширить программу роднаго языка и рисованія. Такимъ образомъ идеалъ общаго и всесторонняго образованія снова вступилъ въ прусской гимназіи во всѣ свои старыя права, при чемъ въ разверстку учебнаго времени между отдѣльными предметами было внесено гораздо болѣе справедливости, чѣмъ при Шульце. Что касается борьбы съ переутомленіемъ, то средствомъ къ тому явилось, во-первыхъ, помянутое нами общее сокращеніе числа уроковъ—въ каждомъ классѣ чуть не на два часа въ недѣлю—и затѣмъ усиленіе регламентаціи преподаванія. Чтобы неопытные или слишкомъ рьяные преподаватели не могли испортить своими неразумными дѣйствіями благодѣтельныхъ послѣдствій программы, написанной рядомъ авторитетнѣйшихъ спеціалистовъ, у педагогическихъ совѣтовъ гимназій отняты были послѣднія крохи свободы въ распоряженіи учебно-воспитательнымъ матеріаломъ.

«Учебный планъ 1891 года,—говоритъ Циглеръ на заключительныхъ страницахъ своей «Исторіи педагогики»,—относится къ современности, а не къ исторіи, и потому я не буду о немъ распространяться. Но нельзя не замѣтить, что онъ представилъ собой новое разительное доказательство полной неспособности бюрократіи къ творческамъ мыслямъ и дѣйствіямъ. Не даромъ эта бюрократическая реформа рѣшительно никого не удовлетворила, и всѣ партіи смотрятъ на созданное ею положеніе лишь какъ на interim».

Впечатлѣніе, произведенное послѣдней реформой на искреннихъ приверженцевъ системы классическаго образованія, ярче всего отразилось въ рѣчи, которую держалъ извѣстный историкъ О. Іегеръ, на съѣздѣ

рейнскихъ педагоговъ въ апрѣлѣ 1892 года. Онъ началъ ее словами, въ которыхъ преторъ Помпоній возвѣстилъ римлянамъ о пораженіи при Тразименскомъ озерѣ: Pugna magna victi sumus, Quiritus. «Старый гимназическій строй расшатанъ во всѣхъ своихъ основахъ, и нечего скрывать, что мы, преподаватели классическихъ гимназій, находимся въ положеніи разбитой арміи... Если мы проглядимъ новый учебный планъ, то сейчасъ же увидимъ, что греческій и латинскій языки претерпѣли сокращеніе, пошедшее въ пользу энциклопедическаго элемента. Тѣ предметы, которые ранѣе составляли центръ всего преподаванія, теперь сведены на такое ничтожное количество уроковъ, что становится труднымъ и даже, можетъ быть, невозможнымъ достигать на нихъ того, чѣмъ обусловливается весь смыслъ ихъ преподаванія... Мы и при новомъ планѣ будемъ стремиться честно исполнить свой долгъ, но если, какъ я того опасаюсь, дѣло покажетъ, что въ новыхъ условіяхъ гимназія не въ состояніи выполнить истинной своей воспитательной задачи, то намъ останется только апеллировать отъ плохо освѣдомленнаго духа времени къ нему же, лучше освѣдомленному, и потребовать назадъ тѣ вещи, безъ которыхъ намъ немыслимо исполнить свою педагогическую миссію».

Въ іюлѣ того же года, другой видный приверженецъ классицизма, гёттингенскій профессоръ Виламовичъ въ своей актовой рѣчи такъ характеризовалъ современное положеніе средней школы въ Германіи. «Въ нынѣшнемъ году, разъ филологу приходится говорить въ подобнаго рода собраніи, слушатели ждутъ, чтобы онъ высказался по поводу революціи, только что происшедшей въ учебномъ планѣ нашихъ гимназій. Произведена была эта революція въ концѣ концовъ простымъ министерскимъ указомъ, ибо исполнительная власть у насъ въ правѣ принимать такія радикальныя мѣры и считаетъ себя къ нимъ призванною; но она рѣшилась на этотъ шагъ лишь подъ сильнымъ давленіемъ такъ-называемаго общественнаго мнѣнія; и нельзя отрицать, что, несмотря на крупныя разногласія въ другихъ отношеніяхъ, въ этомъ случаѣ всѣ его представители видятъ въ послѣдней реформѣ исполненіе главнаго изъ своихъ требованій: латинскій языкъ вытѣсненъ, наконецъ, изъ своего первенствующаго положенія и греческій сокращенъ еще больше, чѣмъ прежде». Что же изъ этого можетъ выйти? И при старомъ учебномъ планѣ познанія учениковъ гимназіи по древнимъ языкамъ были довольно жалкаго характера. Эта неуспѣшность занятій по главнымъ предметамъ и дискредитировала, прежде всего, классическую гимназію въ глазахъ образованныхъ людей. «Но если нельзя отрицать, что критика гимназіи была во многихъ отношеніяхъ вполнѣ справедлива, то какъ же обострится она теперь, когда школѣ придется давать по древнимъ языкамъ еще меньше, чѣмъ прежде. Въ теченіе нѣкотораго времени можно будетъ обманывать себя и другихъ мечтою, будто при помощи педагогическихъ чаръ можно добыть желанные плоды болѣе дешевою цѣной;

но въ тотъ моментъ, когда всѣмъ станетъ ясно, что такимъ путемъ добываются только незрѣлые плоды, или, вѣрнѣе говоря, плоды, которые начинаютъ гнить еще прежде, чѣмъ ихъ успѣютъ сорвать, буря поднимется съ новою силою и неумолимыя требованія логики вынудятъ общество принять, наконецъ, честное коренное рѣшеніе вопроса. А имъ можетъ тогда явиться лишь полное изгнаніе греческаго языка и сведеніе латинскаго къ элементарному практическому преподаванію».

Съ губъ моихъ, продолжалъ ораторъ, готово сорваться желаніе: «хоть бы этотъ день поскорѣе наступилъ». И если я не высказываю этого желанія, то меня при этомъ удерживаетъ любовно-почтительныя воспоминанія, а отнюдь не страхъ передъ такой рѣшительной постановкой дѣла. Мое желаніе внушено мнѣ не отчаяніемъ, а увѣренностью, что за мракомъ ночи снова наступитъ ясный день. Классическая древность не станетъ чужда нѣмецкому народу; напротивъ, съ уничтоженіемъ принудительныхъ занятій ея элементами въ школѣ любовь къ ней можетъ вспыхнуть съ новою силою. Гнѣвъ на это принужденіе и явился той силой, которая произвела послѣднюю «революцію». Но революція эта не достигла своей цѣли. При новомъ порядкѣ гнетъ не устраненъ, а такъ какъ эти обязательныя занятія древностью поставлены по новому плану въ совершенно невозможныя условія, то гнетъ этотъ дастъ себя еще болѣзненнѣе чувствовать. И такъ будетъ идти дѣло, пока не прекратится, наконецъ, погоня за фантомомъ единства средней школы, и обществу не предоставится полная свобода выбора между различными путями къ образованію.

Но если приверженцы стараго идеала классическаго образованія заявляютъ, что со введеніемъ новаго учебнаго плана прусская гимназія не имѣетъ больше права именоваться классическою, что она въ сущности представляетъ собой реальное училище съ обязательнымъ курсомъ греческаго языка, то поборники реализма тоже отнюдь не желаютъ брать послѣднюю реформу подъ свою защиту.

Школа, удѣляющая изъ общаго числа 252 недѣльныхъ уроковъ, 98 часовъ на древніе языки и только 26 на родной языкъ и 32 на математику, по прежнему представляется имъ уродливымъ остаткомъ средневѣковья на зарѣ XX-го вѣка. Поправки, внесенныя въ старый учебный планъ берлинскою конференціей, являются для нихъ жалкою попыткою заплатать ветхое рубище, и они нисколько не думаютъ прекращать начатую ими борьбу за перестройку школы на новомъ, научномъ основаніи.

Наконецъ, тѣ изъ нѣмецкихъ педагоговъ, которые не записываются ни въ одну изъ враждующихъ партій, искренно сѣтуя на пресловутую «школьную войну» классицизма съ реализмомъ за то, что она своими ядовитыми пререканіями отравляетъ и пагубно съуживаетъ всю работу общественной мысли въ области школьнаго вопроса, тоже не могутъ безъ глубокой горечи говорить о реформѣ 1891 года, объ этой попыткѣ

разрѣшить полувѣковой школьный кризисъ новымъ росписаніемъ уроковъ въ классической гимназіи.

«Какъ могло случиться,—пишетъ одинъ изъ представителей этого направленія, Кауэръ,—что реформа, къ которой было приложено столько доброй воли, въ основу которой было положено столько отзывовъ компетентныхъ лицъ и столько педагогическихъ совѣщаній, привела къ такому печальному результату, что она разорила старое, не поставивъ на его мѣсто ничего жизнеспособнаго?» Одной изъ главныхъ причинъ этого является, по его мнѣнію, какъ разъ чрезмѣрно большое количество лицъ, приглашенныхъ къ сотрудничеству при послѣдней реформѣ; такимъ образомъ остается совершенно неизвѣстнымъ, кто является собственно ея духовнымъ отцомъ и кто за нее отвѣтственъ. «Тщательно изучая новый планъ, приходимъ къ убѣжденію, что мы здѣсь имѣемъ дѣло вовсе не съ единымъ, строго продуманнымъ произведеніемъ мысли: цѣлый рядъ разнородныхъ элементовъ, противорѣчивыхъ идей, желаній, предразсудковъ, сведенъ здѣсь чисто механическимъ путемъ въ одно внѣшнее цѣлое. Благодаря этому все здѣсь полно вопіющихъ несообразностей. Воспитаніе къ самостоятельной свободной дѣятельности объявлено главнѣйшей цѣлью школы; но дѣятельность самихъ преподавателей, которые прежде всего должны дѣйствовать собственнымъ примѣромъ, обставлена со всѣхъ сторонъ предостереженіями, запретами, мѣрами предосторожности. Реальный элементъ въ классической гимназіи получилъ наполовину господство, но въ собственной своей области онъ подвергся прежнимъ стѣсненіямъ, такъ какъ университетъ остался закрытымъ для воспитанниковъ реальныхъ гимназій: «агитація противъ гимназической монополіи сохранила вслѣдствіе этого всю свою остроту. Гимназія объявлена школой, готовящей къ университету, но при этомъ программа первыхъ шести классовъ установлена совершенно независимо отъ такого соображенія. Если новый планъ будетъ прилагаться серьезно, то несостоятельность его для всѣхъ станетъ очевидною. Само по себѣ, можно было бы, конечно, представить еще болѣе разрушительныя мѣропріятія; но нынѣ дѣйствующія до того спеленали жизнь школы, до того сжали въ тискахъ всѣ существующія тамъ силы, что можно глядѣть на теперешнее положеніе какъ на низшую точку въ развитіи средней школы съ начала текущаго столѣтія».

Гдѣ же выходъ изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ блуждала нѣмецкая классическая гимназія въ теченіе всего XIX вѣка, постоянно попадая на свои собственные старые слѣды? Рѣшенію этого вопроса съ чисто объективной, исторической точки зрѣнія посвящена обширная заключительная глава паульсеновской «Исторіи школъ и университетовъ въ Германіи». О томъ, какимъ авторитетомъ пользуются сдѣланные тамъ Паульсеномъ выводы въ нѣмецкомъ педагогическомъ

мірѣ, можно судить по слѣдующему отзыву одного изъ крупнѣйшихъ современныхъ школьныхъ дѣятелей въ Пруссіи, Баумейстера, въ предисловіи къ обширной коллективной работѣ: «Handbuch der Erziehungs und Unterrichtslehre für höhere Schulen». Разсуждать, куда слѣдуетъ вести жизнь при помощи школы, говоритъ Баумейстеръ, значитъ не понимать взаимнаго отношенія между школой и жизнью. Школа вовсе не является путеводительницею народа, или, какъ говорятъ иные, даже всего человѣчества: она можетъ только слѣдовать за путеводными идеями вѣка. «А кому изъ книги Паульсена не стало ясно, куда вѣкъ направляетъ нашу среднюю школу, тому уже ничѣмъ не поможешь». Набросанную мастерскою рукою Паульсена картину того, къ чему жизнь своей всемогущей рукой ведетъ нѣмецкую школу, я и предложу вниманію читателей въ послѣднемъ изъ своихъ очерковъ.

Н. Сперанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ МАТИЛЬДЫ СЕРАО.

Переводъ съ итальянскаго К.

I.

Ожиданіе *).

Была тихая, ясная ночь... Ярко сіяла полная луна. Съ террасы моей гостинницы кругомъ видны были вспаханныя поля, уснувшія подъ мирнымъ луннымъ свѣтомъ. Въ концѣ узкой дорожки, обсаженной молодыми дубами, дремала маленькая станція, вся бѣлая, съ двумя черными окошками. Вдали, за пустыннымъ берегомъ, сверкала широкая полоса Адріатики. А здѣсь, за моей спиной, раскинулась на холмѣ деревня, какъ все кругомъ, погруженная въ дремоту. Невозмутимый, глубокій миръ ночи застылъ въ воздухѣ. Только я одинъ бодрствовалъ, безпокойный и лихорадочно взволнованный, нервно прогуливаясь по террасѣ. То удлинялась, то сокращалась, то совсѣмъ исчезала моя тѣнь. Ничто, ничто не могло меня успокоить.

Вотъ уже три дня, какъ я *ее* ждалъ въ этой захолустной гостинницѣ, на маленькой, никому невѣдомой станціи. Она должна была пріѣхать, провести со мной одинъ день и опять уѣхать. И я ее ждалъ.

Ради этого одного дня я блѣднѣлъ и дрожалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, работая, и смѣясь, и живя подъ властью одной idée fixe. И она, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, трепетала, какъ умирающая птичка. Я это чувствовалъ въ ея безпорядочныхъ письмахъ. Два мѣсяца мы должны были лгать самымъ близкимъ для насъ людямъ. Всѣ поступки, всѣ мысли, всѣ надежды были сосредоточены на этомъ пламенномъ, блестящемъ днѣ! Чтобы уѣхать, я обманулъ другую женщину, мою мать, мою сестру, моихъ друзей. Я сдѣлалъ двадцать часовъ пути и долженъ былъ ждать ее шесть дней. Чтобы пріѣхать, она обманула мужчину, обманула своего отца, братьевъ, родственниковъ, свою свекровь, слугъ и друзей, рѣшилась путешествовать одна, красивая и изящная, среди опасностей, можетъ быть съ опасностью жизни. Но что значило все это? Я любилъ ее и ждалъ, она должна была пріѣхать,

*) «L'attesa». Matilde Serao. Milano, 1897.

потому что любила меня. Вся послѣдняя недѣля передъ этимъ днемъ—была вихрь, перевернувшій насъ. Однако, среди всего этого смятенія и общей путаницы ясно и рѣзко всегда выдѣлялась одна мысль, блестящая и математически точная—о предстоящемъ путешествіи. Я давно зналъ наизусть весь свой маршрутъ, а также и ея, и все-таки твердилъ его вполголоса, какъ будто бы я могъ его забыть! Названія городовъ, станцій, которые придется мнѣ проѣзжать, безпрестанно возвращались мнѣ на память и я машинально повторялъ ихъ. И въ то же время безумный страхъ меня охватывалъ, страхъ—ошибиться въ поѣздѣ, опоздать, совсѣмъ потерять голову. За два часа до отхода поѣзда я уже былъ на вокзалѣ, и дѣлалъ видъ, что читаю, или съ напускною небрежностью пилъ, стаканъ за стакапомъ, воду... чтобъ успокоить свою лихорадку.

Кто были мои спутники? Не знаю. Я смотрѣлъ въ лица, но никого не видѣлъ; я слышалъ шумъ и лязгъ желѣза, звонки и свистки, но не понималъ ничего. Я не спалъ ни минуты, но иногда забывался, почти лишаясь чувствъ отъ страшной усталости слишкомъ долго напряженныхъ нервовъ; но и тогда душа моя продолжала бодрствовать... и по временамъ нервное содроганье меня потрясало. Сколько журналовъ я пробѣжалъ, сколько книгъ перелисталъ? Не помню. Знаю только, что, когда я прибылъ въ городъ, куда она должна была пріѣхать, у меня болѣзненно сжалось сердце... Она можетъ и не пріѣхать!

Могъ ли я это знать? Вѣдь мы полюбили другъ друга такимъ страннымъ образомъ! Такъ странно продолжали любить... Она меня совсѣмъ не знала и я ее не зналъ.. и она, которая не была для меня ничѣмъ, въ теченіе одной минуты сдѣлалась всѣмъ... Что она была за женщина? Вѣдь я ее не зналъ: она могла не пріѣхать... Ее могли задержать... Я напрасно старался побѣдить все возраставшій во мнѣ ужасъ...

Однако, мой хозяинъ, вѣжливый, услужливый человѣкъ, можетъ быть, никогда не видавшій ни одного чужестранца, не замѣчалъ моего состоянія. И правда, хотя я былъ блѣденъ и мои глаза казались разсѣянными и блуждающими, а руки лихорадочно горѣли, я продолжалъ владѣть собою и даже шутилъ и улыбался.

Въ эти три дня я посѣтилъ и осмотрѣлъ деревню, съ ея готической церковью, и шерстяную фабрику надъ рѣчкой; и часто крестьяне оборачивались, чтобы взглянуть на спокойнаго, любознательнаго путешественника. Они ничего не знали о той ужасной борьбѣ, которая неустанно кипѣла у меня въ сердцѣ! Совершая длинныя прогулки въ экипажѣ, я покорно выслушивалъ извозчика, разсказывавшаго мнѣ о своемъ горѣ, о всѣхъ превратностяхъ судьбы; и слуги гостинницы дѣлали мнѣ свои довѣрчивыя признанія, радуясь, что нашли во мнѣ безмолвнаго слушателя. Я соглашался съ ними кивкомъ головы, иногда даже не зная, о чемъ шла рѣчь, всегда томимый и терзаемый только одной, своей собственной мыслью!

Когда наступила ночь, я погасилъ въ комнатѣ огонь, вышелъ на террасу и сталъ глядѣть на полотно желѣзной дороги.

— Она пріѣдетъ оттуда!—думалъ я напряженно. И, вдругъ, какъ въ галлюцинаціи, я услышалъ шумъ и пыхтѣнье подходившаго поѣзда, который впивался въ меня своимъ краснымъ и зеленымъ глазомъ, и почувствовалъ, что какая-то враждебная сила приковала меня къ террасѣ. Я видѣлъ издали, какъ *она*, избранница моего сердца, искала меня, выглядывая изъ окна вагона, и, не найдя, въ отчаяньи падала назадъ. Она уѣзжала обратно, прежде чѣмъ я, освободившись отъ своего горестнаго оцѣпенѣнія, могъ сдѣлать одинъ шагъ или крикнуть... Мучительный кошмаръ сжалъ мнѣ грудь и, наконецъ, я очнулся...

Длинными, вѣчными показались мнѣ часы послѣднихъ трехъ дней. Такъ блѣдно и вяло проходили они передо мной! Но часы послѣ дней ночи, напрасно призываемые и заклинаемые мной, не приходили. Она должна была пріѣхать въ шесть часовъ утра; но уже съ восьми вечера я томился, какъ въ агоніи. Ни письма, ни телеграммы! Впрочемъ, она не могла и не должна была извѣщать меня: мы такъ условились. Ѣдетъ ли она уже ко мнѣ? Гдѣ она въ эту минуту? Высчитавъ, я могъ это знать. А что, если не пріѣдетъ? Какой-нибудь маленькій ничтожный фактъ вдругъ переворачивалъ всѣ мои вычисленія, самыя тонкія, самыя точныя... Я опять прогуливался и курилъ, кусая папироску и, оставляя ее тухнуть, бросалъ на дорогу и зажигалъ новую.

Вечеромъ, одинъ за другимъ начали погасать огни въ деревнѣ. Въ девять часовъ прошелъ поѣздъ прямого сообщенія, не останавливаясь на станціи, въ десять—второй; онъ былъ послѣдній. Эта маленькая, освѣщенная станція служила мнѣ маякомъ, была моей единственной подругой; она, какъ солнечный лучъ, согрѣвала мнѣ сердце. Но, вѣроятно, служащіе очень устали, потому что тотчасъ же потушили огни и разошлись по домамъ. И мнѣ показалось, точно меня покинули одного въ пустынѣ, безъ свѣта и воды.

Я грустно вернулся въ комнату и, стоя передъ слабымъ пламенемъ стеариновой свѣчки, началъ перечитывать ея письма—безпокойныя, возбужденныя, лихорадочныя. Они сводили меня съ ума...

Нѣтъ, она должна пріѣхать! Она пріѣдетъ, царица Савская, въ лазурные дворцы моей фантазіи. Я простиралъ къ ней руки, и она приближалась...

Потомъ я думалъ, достойны ли принять ее эти тѣсныя комнатки гостинницы, меблированныя съ полугородскою, полудеревенскою роскошью? Но вѣдь онѣ освящены моимъ страданіемъ,—я въ нихъ плакалъ, страдалъ, сомнѣвался, отчаявался!..

Я опять вышелъ на террасу.

Нѣтъ, она не пріѣдетъ...

Я сѣлъ въ углу, опершись о стѣну руками и опустивъ на нихъ голову. Спать мнѣ не хотѣлось, не смотря на то, что пузырекъ съ хло-

ромъ, стоявшій на моемъ столѣ, былъ почти пустъ. Я вернулся въ комнату, опорожнилъ его, бросился на постель, но уснуть не могъ. Я взялъ книгу: «Maximes»—Ларошфуко... Печальныя, горькія истины, полныя реализма! Но вѣдь страсти далеки отъ реальной жизни, а я ими волновался ..

Я опять закурилъ... Во рту и въ горлѣ у меня пересохло, щеки горѣли; я взялъ ея душистыя, прохладныя письма и сталъ прикладывать ихъ къ своему лицу, въ надеждѣ хоть немного успокоиться...

Скоро, одѣтый и совершенно готовый, я вышелъ опять на террасу, взглянуть на часы въ полусвѣтѣ заходящей луны и нарождающагося дня, и видѣлъ, какъ одинъ за другимъ отворялись крестьянскіе дома. Въ гостинницѣ всѣ еще спали. Однако, зная, что съ поѣздомъ въ шесть съ половиною часовъ я ждалъ свою жену, тоже скоро поднялись. Я скрылся въ комнату, стыдясь, чтобъ не увидѣли моего нетерпѣнія, но изъ окна продолжалъ смотрѣть на станцію, которая также уже пробудилась; у дверей стоялъ сторожъ, вытянувши руки по швамъ.

И я вышелъ, потому что не могъ больше... Въ сумеркахъ утра служанка, внизу, мела столовую. Я сказалъ ей, что иду прогуляться. Она улыбнулась—я не понялъ этой улыбки: я дѣлался глупымъ. Чѣмъ больше приближался часъ, тѣмъ больше росла во мнѣ увѣренность, что она не пріѣдетъ... «Не пріѣдетъ!.. Не пріѣдетъ!»—бормоталъ я. Я отправился по большой улицѣ, которая шла параллельно полотну желѣзной дороги. Какъ безумецъ, какъ мальчикъ, я спѣшилъ на встрѣчу поѣзду! Далѣе улица заворачивала за уголъ; я повернулъ назадъ и пошелъ на станцію. Здѣсь я выпилъ чашку кофе, потомъ вермута; поговорилъ съ начальникомъ станціи... На небѣ загоралась заря, но блѣдная.

Неужели не выглянетъ солнце? Неужели она не пріѣдетъ?!.

Теперь я уже былъ увѣренъ, что она не пріѣдетъ, и ждалъ поѣзда только изъ добросовѣстности, какъ бы по обязанности. Я могъ бы свободно удалиться, такъ какъ зналъ, что ея не будетъ.

Въ эту минуту вдругъ раздался слабый свистокъ, звонокъ, и я бросился на платформу, какъ разъ въ ту минуту, какъ показался черный поѣздъ, весь влажный отъ утренней росы. Кровь прилила къ моему сердцу, но я все-таки отважился спросить:

— Это—пассажирскій?..

— Нѣтъ, товарный. До пассажирскаго еще три четверти часа.

— Съ опозданіемъ?

— Нѣтъ, во-время.

Она не пріѣдетъ...

Я сошелъ въ станціонный садикъ, гдѣ росли вѣчно цвѣтущія розы и запоздалый малиновый жасминъ. Ящерица смотрѣла на меня своими подозрительными глазами, славная, симпатичная, нервная ящерица. И мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ ней своимъ отчаяніемъ,—что *она*

не пріѣдетъ .. Въ дверяхъ показался жандармъ. Онъ не смотрѣлъ на меня, а мнѣ хотѣлось и ему разсказать о своемъ отчаяніи...

Послѣднія минуты... Прежде чѣмъ подошелъ поѣздъ, мнѣ пришлось пережить ихъ трижды, дойдя до высшей степени напряженія своихъ чувствъ.

Поѣздъ подходитъ... раздается рѣзкій звонокъ, отъ котораго у меня зазвенѣло въ ушахъ... Изъ-за горизонта торжественно выплываетъ солнце, золотя бѣлый дымъ паровоза. Но ея нѣтъ...

Я не трогаюсь съ мѣста и, неподвижный, замираю на ногахъ. Изъ третьяго класса выходятъ крестьяне, изъ второго—старуха, за ней мальчикъ... А ея—нѣтъ.

Вдругъ, вдали, въ дверцахъ предпослѣдняго вагона перваго класса я увидѣлъ блѣдное лицо, которое то показывалось, то исчезало.

Я нашелъ въ себѣ силы подойти и приподнять занавѣску... Маленькая трепещущая ручка оперлась на мою оледенѣвшую руку...

Мы не говоримъ и не смотримъ другъ на друга, мы только идемъ рядомъ... И эти два блѣдныя существа, безпомощныя и дрожащія, какъ дѣти,—тридцатилѣтній мужчина, сильный и смѣлый, и женщина, умная и такая же смѣлая.

Въ дверяхъ я обращаюсь къ ней съ нелѣпымъ вопросомъ:

— Билетъ у тебя есть?

Есть: она мнѣ показываетъ. Идемъ...

Идемъ по пыльной улицѣ, не смѣя подать другъ другу руку. На порогѣ гостинницы стоитъ хозяинъ, улыбаясь намъ... *Она* тоже улыбается глазами, полными слезъ... Я вдыхаю острый запахъ ея перчатокъ... ея запахъ...

II.

Разладъ *).

— ...Такъ вы любите меня? — спросила она.

— Люблю. А вы? — спросилъ онъ.

— Я васъ тоже люблю.

Но почему они не были счастливы послѣ этого признанія? Почему на обоихъ осталось это облако печали?

— Вы очень опоздали... сказать мнѣ это, — прибавила она.

— Очень... Впрочемъ, и вы то же.

— И я, — повторила она. — Отчего же вы такъ запоздали?

— Оттого, что не былъ увѣренъ въ своей любви къ вамъ и не хотѣлъ обмануть ни себя, ни васъ.

— Сомнѣвались? Можетъ быть, я вамъ не нравилась?—сказала она.

*) Matilda Serao. «Dissidio». Milano 1897.

— Вы мнѣ нравились и нравитесь безконечно. Ваши глаза, такіе живые и такъ часто полные грусти, ваши губы, всегда такія свѣжія,— на которыхъ улыбка принимаетъ столько новыхъ и странныхъ формъ,— привлекаютъ меня неотразимо. Я обожаю ваши прекрасныя руки и, когда представлю себѣ, что онѣ могутъ съ медленной лаской пройти по моимъ волосамъ, меня охватываетъ долгій трепетъ. Отъ всего вашего существа вѣетъ обаяніемъ молодого и прекраснаго тѣла, созданнаго для любви; и у меня нѣтъ силъ побѣдить его.

— Ну?

— Ну, и все это иногда исчезаетъ. Наступаютъ дни и цѣлые періоды, когда вы совсѣмъ не нравитесь мнѣ. Ни вашъ взглядъ, ни ваша улыбка не доходятъ до меня: они кажутся мнѣ блѣдными, безжизненными... или, можетъ быть, я ихъ не чувствую, дѣлаюсь глухимъ и слѣпымъ къ ихъ выраженію. Вы кажетесь мнѣ манекеномъ, а не прекраснымъ созданіемъ. Въ такія минуты я могъ бы остаться съ вами наединѣ, вдали отъ шума и суеты,—въ обществѣ, какого страстно желаетъ каждый любовникъ,—и я не взялъ бы вашей руки, чтобъ поцѣловать ее, не сказалъ бы ни одного слова любви.

— Странно... странно... — пробормотала она.

— И еще хуже... Долженъ ли я сказать это худшее? Вы не обидитесь?

— Не обижусь... Говорите.

— Случаются періоды еще хуже,—тогда все въ васъ мнѣ не нравится. Послѣ равнодушія я чувствую отвращеніе, раздраженіе чисто физическое. Ваши глаза кажутся мнѣ нахальными, лживыми, жесткими,— такими, въ которыхъ никогда не можетъ вспыхнуть нѣжность... Въ выраженіи вашего рта, и въ разговорѣ, и въ улыбкѣ, появляется что-то ненавистное, въ высшей степени противное... Всякое ваше движеніе кажется мнѣ искусственнымъ и неловкимъ; вся вы тогда лишены для меня гармоніи, являетесь диссонансомъ, раздражаете мои нервы,—и я долженъ бѣжать, чтобъ не быть грубымъ съ вами...

— Такъ?

— Да.

— А потомъ?

— Потомъ... не знаю, какъ—потому что переходъ отъ меня ускользаетъ—приходитъ такой день и часъ, когда вы, вдругъ, снова являетесь передо мной во всемъ вашемъ обаяніи. Можетъ быть, причиной тому платье, которое особенно идетъ къ вамъ, болѣе нѣжное выраженіе глазъ, что-то кроткое въ улыбкѣ, усталая и трогательно-покорная поза вашего прекраснаго тѣла, бѣглое прикосновеніе вашей милой руки къ моей... не знаю! Но тогда прежняя очаровательница все болѣе и болѣе меня увлекаетъ, и я опять—въ ея власти...

— И только поэтому вы не были увѣрены, что любите меня?

— И по другимъ причинамъ.

— Я васъ слушаю...

— Васъ огорчаетъ это?

— Да... но ничего.

— То же явленіе, что происходитъ между нами въ сферѣ физической, всегда переносится и въ нравственную... Вы знаете, я всегда восхищался вами, потому что въ вашемъ характерѣ есть что-то абсолютно индивидуальное, потому что подъ яркимъ блескомъ ума я открылъ у васъ такое же чувство жизни, потому что ваше сердце, не смотря на заблужденія, казалось мнѣ добрымъ, потому что среди неизбѣжныхъ развращающихъ вліяній вы сохранили столько дѣтской наивности... Это такъ ново въ нынѣшней женщинѣ и такъ неожиданно въ васъ, что я влюбился въ вашу душу... и теперь влюбленъ...

— Но не всегда влюблены?

— Не всегда! Въ иныя минуты, все, что вы ни скажете, кажется мнѣ безцвѣтнымъ и безсмысленнымъ, какъ щебетанье глупой птички, и я себя спрашиваю: дѣйствительно ли за вашимъ бѣлымъ лбомъ... скрывается мысль? Мнѣ кажется, что у васъ умъ самой заурядной неинтеллигентной женщины, что ваша доброта—лишь обычная слабость женскаго сердца, эта вульгарная неспособность ненавидѣть, дѣлать зло, что такъ часто, и несправедливо, смѣшиваютъ съ добротой... Ваша чувствительность мнѣ кажется нелѣпой, а ваша наивность производитъ на меня впечатлѣніе глупаго ребячества...

— Печально!

— Еще не все... А послѣ этого наступаетъ періодъ раздраженія нравственнаго. Тогда... да, тогда я не только сомнѣваюсь въ своей любви къ вамъ, но чувствую, что вы становитесь для меня такъ ненавистны, что все мое сердце возмущается противъ васъ. Во всѣхъ отношеніяхъ я считаю васъ фальшивой: холодной—когда вы взволнованы, лицемѣрной—когда растроганы, злой—когда шутите, коварной—когда откровенничаете, и, вообще, лживой,—лживой въ проявленіи доброты, лживой въ защитѣ справедливости, лживой въ наивности, въ нѣжности, неспособной, неспособной къ правдѣ, никогда!

— Дальше?.. Дальше?..

— И вдругъ—услышу звукъ вашего голоса, одно слово; случайно прочту письмо, посланное вами другому; узнаю цѣль вашей прогулки или визита къ кому-нибудь; увижу слѣды слезъ въ вашихъ прекрасныхъ глазахъ, ваши поблѣднѣвшія губы безъ улыбки... что-нибудь подобное... незначительный и мимолетный фактъ... и я вновь весь отдаюсь прежнему очарованію...

— Но тогда, при такихъ колебаніяхъ, какъ вы дошли до увѣренности въ своей любви ко мнѣ?

— Слушайте. Вы знаете, у меня характеръ чувствительный и темпераментъ влюбчивый. Поэтому любовь играетъ большую роль въ моей жизни. Я любилъ нѣсколько разъ, страстно и глубоко. Я самъ весь принадлежалъ женщинамъ; стоили онѣ меня или нѣтъ, были ли до

стойны такой любви,—я не знаю. Знаю, что имъ и любви я отдавался съ увлеченіемъ... Но, отдавая имъ себя, свои мысли, свои чувства, я замѣчалъ въ тайникѣ моей души уединенную, часто скрытую, но постоянную мысль—о васъ; а когда васъ полюбилъ, то уже другой не любилъ. Нѣтъ... Я занятъ былъ только вами, я слѣдилъ за всѣми перемѣнами въ вашей жизни и ничто въ вашихъ поступкахъ не было для меня безразлично. Бывало, отправляюсь на любовное свиданіе, самое желанное... Встрѣчаю васъ—и тотчасъ дѣлаюсь разсѣянъ... Возвращаюсь со свиданія, спокойный, счастливый и усталый, вижу васъ на улицѣ — и всего меня охватываетъ трепетъ... Переставалъ ли я когда либо думать о васъ? Постоянный интересъ къ вамъ, къ вашей жизни сопровождалъ всѣ мои чувства къ другимъ женщинамъ; въ любви и въ страданіяхъ—я не измѣнялъ этой мысли, этому интересу. И если критерій любви — абсолютная, безусловная преданность, если нужно отдаваться всецѣло, а утаить хотя малѣйшую частицу себя значитъ — быть невѣрнымъ, то я измѣнилъ всѣмъ любимымъ мною женщинамъ—для васъ...

— Только поэтому вы убѣдились, что любите меня?

— Нѣтъ... У вашего сердца тоже были часы страсти, не правда ли?

— Да,—сказала она.

— И ошибки?

— ...Да.

— Какъ я страдалъ въ эти часы, какая упорная, глубокая и страстная ревность—къ вамъ и къ тому, кого вы любили—охватывала меня! Какая пытка, долгая и утонченная, изъ за всякаго новаго подозрѣнія, изъ за всякой новой догадки! Какая тайная мука!... Не тайная, впрочемъ, — потому что развѣ вы не замѣчали? Скажите, вѣдь вы замѣчали??

— Всегда. Каждый разъ, какъ я была близка къ тому, чтобъ полюбить кого нибудь,—мысль, что вамъ это причинитъ страданіе, меня сильно смущала; я отказывалась, потому что чувствовала всю вашу ревность...

— Ужасную! Я угадывалъ, когда вы готовы были сдѣлать новую ошибку, и приходилъ къ вамъ, говорилъ съ вами, помните, иногда очень рѣзко... Это васъ останавливало, я знаю. Но, тотъ разъ—роковой—ничто васъ не удержало, ничто не могло удержать, и мнѣ, который любилъ васъ, пришлось быть свидѣтелемъ вашего паденія... Какъ это ужасно... Какія мучительныя ночи я провелъ, видя васъ униженной, погибшей, опозоренной—не только въ глазахъ общества—это еще не такъ важно—но въ моихъ и въ вашихъ собственныхъ глазахъ... Это—любовь.

— Значитъ, вы меня любите?—спросила она еще.

— Да. А вы?

— Я васъ люблю.

— Давно?... это правда?...—спросилъ онъ.

— Очень давно.

— Почему жъ вы никогда не высказали мнѣ этого?

— Потому что это—вы, а не другой...

— Какъ?..

— Я боялась васъ...

— Боялись?

— Да; я очень боялась, что моя любовь не дастъ вамъ счастья, что сама не буду счастлива съ вами.

— Грустно, грустно,—сказалъ онъ.

— Грустно,—какъ эхо повторила она.—Съ того дня, какъ я васъ узнала, меня постоянно влекло къ вамъ, а я убѣгала, какъ отъ неизвѣстной опасности. Я всегда, съ чувствомъ безграничной нѣжности, таила желаніе принадлежать вамъ, считать васъ своимъ—на всю жизнь, быть вашей любовью, а потомъ, съ годами, вашимъ лучшимъ другомъ, лучшимъ изъ вашихъ друзей, единственнымъ другомъ... Какая мечта!..

— Ну?

— Но всякій разъ, когда мнѣ казалось, что для меня, для насъ, приближается осуществленіе ея, что она принимаетъ форму, начинаетъ воплощаться,—меня охватывалъ непобѣдимый ужасъ...

— Да почему жъ?

— Я вамъ сказала: я ждала, я боялась непоправимаго несчастія для насъ обоихъ. Мы слишкомъ разнимся между собою, а въ иныя минуты — слишкомъ похожи другъ на друга; мы оба слишкомъ требовательны, до придирчивости; оба влюблены и въ тоже время не довѣрчивы; раздражительны и — кто знаетъ — можетъ быть, презрительны другъ къ другу; ревнивы и невѣрны. Вмѣсто гармоніи и взаимнаго пониманія мы пугаемъ и мучимъ другъ друга; мы способны на всякую жертву, но также способны упрекать за нее, грубо и жестоко... Мы оба—съ бурнымъ прошлымъ, съ бурнымъ, — и увы! — воскресающимъ при каждомъ любовномъ кризисѣ; оба—съ сомнительнымъ будущимъ, безъ вѣры въ себя и въ любовь...

— Это—причиной вашего страха!—воскликнулъ онъ.

— Да,—тихо сказала она.

Минута молчанія.

— Какъ же вы побѣдили этотъ страхъ?—спросилъ онъ, прерывая молчаніе.

— Такъ же, какъ вы свое сомнѣніе.

— То-есть?

— Я думаю, что существуетъ рокъ, таинственно соединяющій людей, которые должны любить другъ друга, принадлежать другъ другу; и послѣ долгой и напрасной борьбы съ нимъ, пріятно отдаться ему, уже безъ всякаго сопротивленія, безъ усилій... Я чувствую, что стоитъ рисковать благополучіемъ, идти на встрѣчу страданію, для того,

чтобъ раздѣлить хоть капельку любви съ такимъ именно человѣкомъ, желаннымъ и страстно призываемымъ; чувствую, что не слѣдуетъ умереть, не испытавъ такой именно любви, о которой такъ долго и напрасно мечталось...

— Правда, правда,—сказалъ онъ.

— Не этимъ ли и вы побороли глубокое и упорное сомнѣніе въ своей любви?

— Да.

— Такъ и я поборола свой страхъ,—заключила она.

Но искреннія, откровенныя слова, которыя они произносили, стояли между ними, въ воздухѣ, вокругъ нихъ, въ ихъ мысляхъ, въ ихъ сердцахъ; и то, что никогда не было сказано ими, они знали... И другія слова, болѣе интимныя, болѣе жгучія, болѣе искреннія, наиискреннѣйшія изъ всѣхъ, скрытыя въ тайникѣ сердца—сама истина души, послѣдній ея крикъ—чувствовались имъ въ смутномъ, но горестномъ откровеніи...

И молчаніе ихъ стало мучительнымъ, и невыносимо долго тянулось... Каждый изъ нихъ былъ поглощенъ собственными мыслями; ихъ волненіе дошло до высшей степени; они были нѣмы... Можетъ быть, въ этомъ оцѣпенѣніи, каждый изъ нихъ хотѣлъ заговорить, каждый обвинялъ себя въ напрасномъ раскрытіи печальной тайны своей души... Но слова были сказаны, звучали въ ихъ голосѣ, струились въ воздухѣ; каждый чувствовалъ, какъ они дрожали въ его мозгу... И вернуться назадъ невозможно.

Она первая прервала молчаніе, и ея поразилъ собственный голосъ, какъ будто она никогда его не слыхала. И онъ былъ пораженъ этимъ голосомъ, какъ чѣмъ-то неожиданнымъ.

— Вы... любите меня?—спросила она.

Онъ не отвѣтилъ: онъ думалъ...

— Вы любите меня? любите меня?—снова спросила она быстро.

— Не знаю,—сказалъ онъ.

— Вы не можете этого знать?

— Не могу...

— Вы не можете быть сильнѣе вашего сомнѣнія?

— Нѣтъ... А вы меня любите?

— Можетъ быть,—сказала она,—но я не должна васъ любить...

— Не рѣшаетесь?

— Не рѣшаюсь...

Опять молчаніе.

— Прощайте, Максимъ.

— Прощайте, Марія.

. . . . . .

МОРСКОЕ ДНО.

Проф. **А. П. Павловъ.**

(*Окончаніе* *).

Мы уже познакомились съ однимъ источникомъ того песка и того ила, который отлагается въ прибрежной полосѣ моря. Мы видѣли, что много песка приносятъ морю ручьи и рѣки и что илъ, лежащій на днѣ моря, былъ когда-то тою мутью, которая дѣлаетъ воды рѣкъ во время разлива грязными и непрозрачными. Но не однѣ рѣки доставляютъ морю матеріалъ для его осадковъ; есть и другой источникъ этого матеріала.

Рис. 22.

Если мы находимся на крутомъ морскомъ берегу во время бури или когда море въ сильномъ волненіи (рис. 22), мы можемъ сами наблюдать, какъ морскіе валы одинъ за другимъ съ гуломъ обрушиваются на берега, подтачиваютъ основаніе прибрежныхъ скалъ, переворачиваютъ и перекатываютъ уже ранѣе оторванныя отъ

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

нихъ глыбы и осколки, обтачиваютъ и истираютъ ихъ, превращая въ кучи и гряды красиво округленной гальки, а образующійся при этомъ мелкій песокъ и илъ уносятъ съ собою и распредѣляютъ въ прибрежной полосѣ моря. Намъ понятно станетъ, почему вдоль самой линіи берега мы видимъ окаймляющіе море валы или гряды изъ гальки (рис. 24), то болѣе, то менѣе измельченной и отшлифованной прибоемъ волнъ, почему у подножія крутого скалистаго берега мы видимъ разбросанныя въ хаотическомъ безпорядкѣ каменныя глыбы разнообразной величины и формы, во время отлива

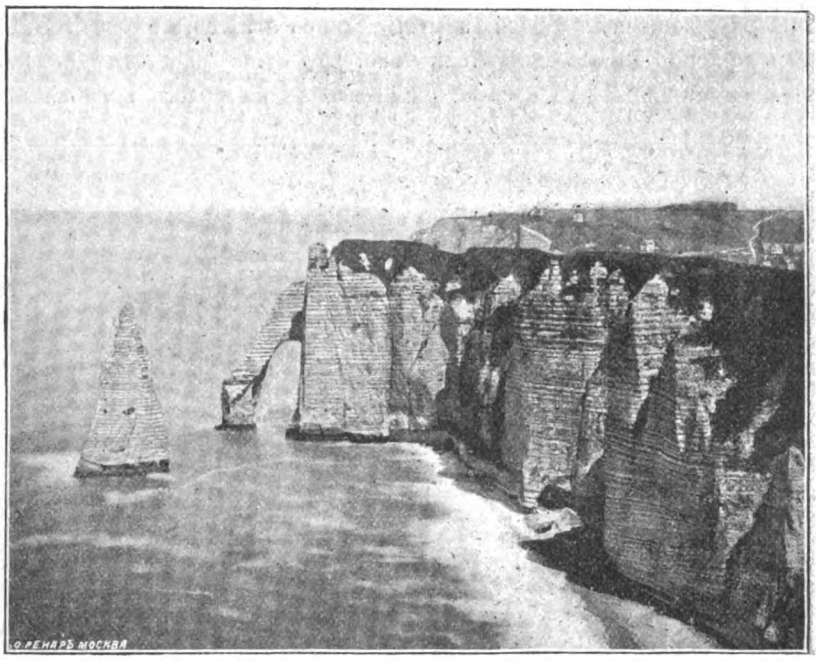


Рис. 23. Морской берегъ у Этретà на берегу Ламанша.

окруженныя галькой, пескомъ или мелкими осколками того же камня, а во время прилива торчащія прямо изъ воды.

Гуляя во время отлива у подножія скалистаго морского берега въ тихую ясную погоду, можно подумать, что эти скалы, образующія берегъ моря, представляютъ собою неразрушимую твердыню, что мы стоимъ тамъ, гдѣ положена вѣковѣчная граница владычеству моря и гдѣ начинается незыблемый каменный материкъ. Но, наблюдая внимательно прихотливыя очертанія береговой линіи и сопровождающія ее груды обломковъ того самаго камня, изъ котораго состоятъ эти скалы, можно догадаться, что твердыня нашей земли не вполнѣ незыблема, что по линіи морского побережья идетъ борьба между моремъ и сушей и что въ этой борьбѣ

море одолѣваетъ, а суша отступаетъ передъ его натискомъ, мѣстами быстрѣе, мѣстами медленнѣе; отдѣльные, болѣе прочные участки берега долго противустоятъ натиску и выдаются мысами въ море. Такой выдающійся въ море выступъ подвергается натиску и съ фронта, и съ боковъ, при этомъ можетъ иногда случиться, что волны пробьютъ въ немъ ворота сбоку и превратятъ его въ натуральную арку, иногда грандіозныхъ размѣровъ (рис. 23).

Когда сводъ такой арки обрушится, выступъ берега превращается въ отдѣльную, поднимающуюся изъ моря скалу. Эта скала, когда-то составлявшая одно цѣлое съ сушей, теперь со всѣхъ сторонъ окружена враждебной разрушительной стихіей, но еще стоитъ, какъ краснорѣчивый свидѣтель того, что суша распространялась прежде дальше и что весьма значительная ея полоса погибла въ

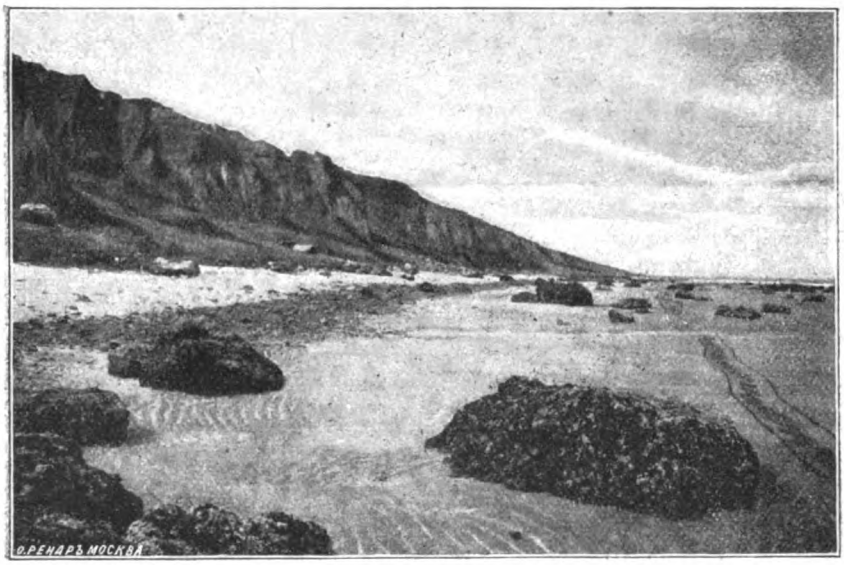


Рис. 24. Морской берегъ южнѣе устьевъ Сены, у г. Виллерсъ.

борьбѣ съ моремъ и сдѣлалась его достояніемъ. Хорошій примѣръ такихъ свидѣтелей минувшаго можно видѣть у Этрета, на берегу Ламанша, сѣвернѣе устья Сены.

Если берегъ моря состоитъ не изъ твердыхъ каменныхъ породъ, а изъ болѣе мягкихъ, напр., глинистыхъ, то разрушительная работа моря идетъ настолько быстро, что съ каждымъ годомъ замѣтная полоса берега въ нѣсколько метровъ шириною, нерѣдко съ постройками, съ деревьями, съ обработанной почвой, становится добычей моря. Рис. 24 представляетъ именно такое мѣсто, гдѣ берегъ сложенъ изъ довольно мягкихъ, преимущественно глинистыхъ породъ, разрушаемыхъ работой моря.

Посмотримъ теперь, изъ чего состоитъ наша суша, по которой

бѣгутъ ручьи и рѣки, несущія морю илъ и песокъ, и которая вдоль берега моря разрушается прибоемъ волнъ.

Мы знаемъ, что на разсѣянныхъ въ океанѣ островахъ и на материкахъ есть вулканы, выбрасывающіе или выбрасывавшіе раньше минеральный пепелъ, а иногда изливающіе лаву, которая становится камнемъ, когда застынетъ; слѣдовательно, этотъ пепелъ и отмытыя частички этихъ вулканическихъ каменныхъ породъ могутъ попадать въ рѣки и приноситься къ морю или прямо попадать въ море, если эти вулканы стоятъ на берегу его; но вѣдь такія мѣста встрѣчаются рѣдко; можно проѣхать по какому-нибудь материку многія сотни верстъ, даже проѣхать этотъ материкъ отъ одного края до другаго, не встрѣтивъ ни одного такого мѣста. Изъ какихъ же еще иныхъ матеріаловъ построены наши материки?

Перенесемся снова на крутой берегъ моря, напр., на тотъ же берегъ Франціи южнѣе Сены, гдѣ мы наблюдали разрушающую работу волнъ, подойдемъ поближе къ крутымъ береговымъ обрывамъ, отъ которыхъ море при каждой бурѣ отрываетъ свою добычу, всмотримся въ эти почти отвѣсные, какъ бы отрѣзанные уступы берега и мы замѣтимъ, что минеральныя массы, изъ которыхъ они состоятъ, не вполнѣ однородны сверху до низу, а располагаются какъ бы слоями, нѣсколько отличающимися одинъ отъ другаго по цвѣту и составу и лежащими почти горизонтально одинъ на другомъ; будемъ бродить у подошвы этихъ обрывовъ и присматриваться къ матеріаламъ, изъ которыхъ состоятъ слоистые береговые обрывы, и къ тѣмъ глыбамъ и галькамъ, которыя море отъ нихъ оторвало, но еще не успѣло раздробить въ мелкій песокъ и илъ. Мы скоро натолкнемся на слѣдующее странное обстоятельство. Между гальками и обломками, передвигаемыми морскимъ прибоемъ, попадаются вмѣстѣ съ простыми камешками, оторванными отъ берега, и раковинами, выброшенными волною изъ моря, еще какіе-то предметы, тоже нѣсколько обточенные прибоемъ, но еще сохранившіе знакомыя намъ формы морскихъ раковинъ или другихъ животныхъ и притомъ такихъ, которыхъ нѣтъ въ ближайшемъ морѣ, а иногда и такихъ, которыхъ и нигдѣ не находятъ живыми (рис. 25).

Не много нужно вниманія, чтобы открыть, откуда взялись эти странные предметы; оказывается, что они вымываются моремъ изъ тѣхъ глинъ или известняковъ, изъ которыхъ состоятъ прибрежныя скалы или вообще крутой берегъ суши. Подойдемъ къ этому берегу, посмотримъ внимательно и немного пороемъ лопаткой или просто карманнымъ ножомъ эти глины, образующія здѣсь берегъ, и мы безъ труда соберемъ въ нихъ цѣлую коллекцію раковинъ и другихъ остатковъ морскихъ организмовъ; между про-

чимъ, мы найдемъ здѣсь чашкообразныя раковины грифей, родственныхъ съ устрицами (въ серединѣ рисунка сверху), найдемъ такъ-называемые аммониты—спирально свернутыя красивыя раковины головоногихъ моллюскъ, родственныхъ нынѣшнему кораблику тропическихъ морей (на рис. 25 двѣ цѣльныя раковины справа и два обломка), найдемъ также массивные известковые шипы, заостренные на одномъ концѣ и съ конической впадиной на другомъ; они составляли когда-то часть внутренняго скелета другихъ головоногихъ моллюскъ, родственныхъ съ сепіями, и нынѣ уже не существующихъ; ученые называютъ ихъ белемнитами, а простой народъ—чертовыми пальцами (два белемнита изображены на на-

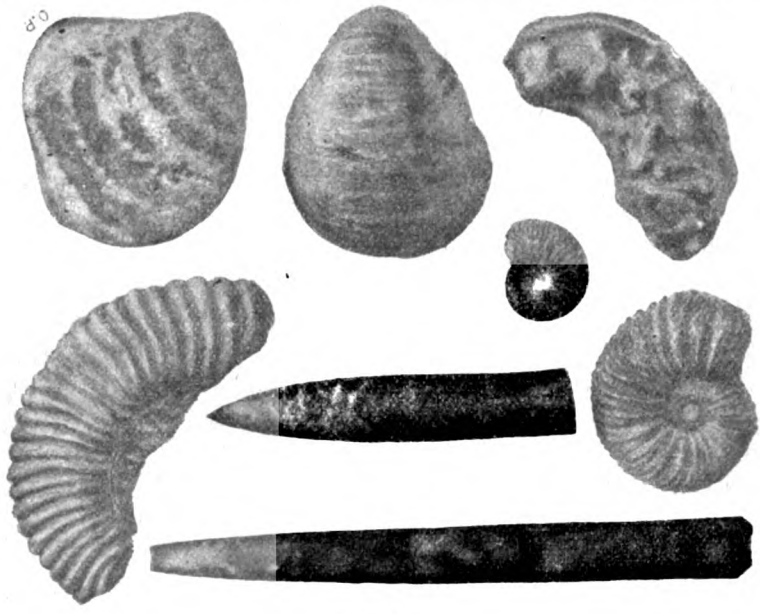


Рис. 25.

шемъ рисункѣ внизу). Въ этихъ крутыхъ глинистыхъ обрывахъ можно замѣтить на разной высотѣ болѣе твердыя каменистыя прослойки или плиты. Свалившіеся внизъ и обмытые волнами куски этихъ плитъ бываютъ иногда сплошь усажены окаменѣвшими раковинами, морскими ежами и другими животными, а иногда на поверхности такихъ плитъ можно замѣтить вѣтвистые отпечатки болѣе темные, чѣмъ самый камень, и по формѣ совершенно напоминающіе морскія водоросли. Мы видимъ здѣсь какъ бы каменный гербарій съ водорослями, сохранившимися, впрочемъ, очень плохо, въ видѣ темныхъ отпечатковъ.

Отломаемъ отъ какого-нибудь выступа берега кусокъ глины, захватимъ его домой и тамъ размочимъ его и, отдѣливъ небольшую пробу получившагося ила, посмотримъ на него въ микро-

скопъ. Мы замѣтимъ, что этотъ илъ очень похожъ на минеральный илъ отлагаемый въ довольно глубокихъ мѣстахъ моря не слишкомъ далеко отъ береговъ. Осторожно промывая порцію глины, завязанной въ кисейный мѣшочекъ, мы можемъ получить множество раковинокъ микроскопическихъ организмовъ, особенно корненожекъ, и убѣждаемся, что передъ нами осадокъ моря, и довольно глубокаго, только этотъ осадокъ нѣсколько уплотненъ и раковины въ немъ однѣ сохранились хорошо, другія сдѣлались очень хрупкими, такъ что распадаются при первомъ прикосновеніи, а иныя отвердѣли и превратились въ камень.

Такимъ образомъ, изучивши свойства и особенности этихъ глинистыхъ породъ, изъ которыхъ сложенъ здѣсь материкъ и познакомившись съ заключающимися въ нихъ органическими остатками, приходится заключать, что тамъ, гдѣ теперь мы видимъ холмы и долины, лѣса и обработанныя поля, было когда-то море, что въ этомъ морѣ отлагался илистый осадокъ и, слѣдовательно, не очень далеко былъ берегъ; на днѣ моря росли водоросли, а въ ихъ зарослях и по дну ютилось разнообразное и богатое морское населеніе.

Въ другихъ мѣстахъ морского побережья, напримѣръ, здѣсь же на берегу Ламанша у Беннервилля или у Трувиля самый берегъ состоитъ не изъ глины, а изъ твердаго камня. Этотъ камень переполненъ остатками морскихъ организмовъ и представляетъ собою окаменѣвшій осадокъ моря съ цѣлымъ міромъ животныхъ, когда то здѣсь жившихъ. Здѣсь мы различаемъ раковины моллюскъ, округлые и покрытые красивыми бугорками панцыри морскихъ ежей, иглы ихъ, прикрѣплявшіяся когда-то къ этимъ бугоркамъ, остатки морскихъ звѣздъ, губки, разнообразные кораллы, мѣстами образующіе всю массу известняка и т. п. (рис. 26).

Эти животныя сильно напоминаютъ намъ населеніе коралловыхъ рифовъ, и мы должны будемъ признать, что было время, когда тамъ, гдѣ мы теперь находимся, были коралловые рифы, которыхъ теперь нѣтъ въ сосѣднемъ морѣ и не можетъ быть, такъ какъ рифовые кораллы—жители тропическихъ морей.

Тамъ, гдѣ камень весь состоитъ почти изъ однихъ коралловъ, ихъ колоніи или полипняки разнообразной формы и размѣровъ явственно выступаютъ на обмываемыхъ дождемъ выступахъ скалъ. Интересно замѣтить, что такія скопленія коралловыхъ полипняковъ обыкновенно наблюдаются лишь на небольшомъ пространствѣ, и нерѣдко можно видѣть, какъ этотъ коралловый известнякъ переходитъ въ слоистый известнякъ съ раковинами, морскими ежами, морскими звѣздами и тому подобными организмами, жившими вблизи бывшаго здѣсь когда-то коралловаго рифа. Въ каменоломнѣ, находящейся въ восточной нагорной части г. Трувиля, ломается

коралловый известнякъ, а на разстояніи всего нѣсколькихъ сотъ саженъ къ востоку отъ этой каменоломни, въ выступахъ известняка мы уже не находимъ кораллovъ, но зато встрѣчаемъ много морскихъ ежей, цѣлыя скопленія иголъ, покрывавшихъ когда-то ихъ панцыри, и множество устричныхъ раковинъ. Самый известнякъ становится замѣтно слоистымъ и пріобрѣтаетъ характеръ уплотненнаго известковаго осадка, отлагавшагося на днѣ моря близъ коралловаго рифа.

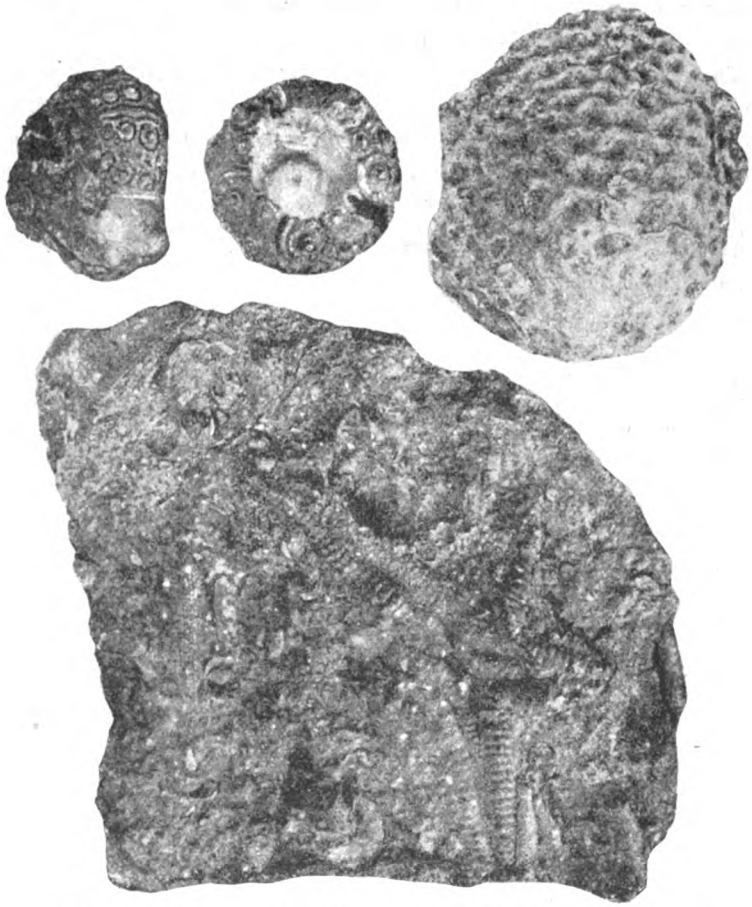


Рис. 26. Органическіе остатки изъ коралловаго известняка.

То обстоятельство, что наша суша оказывается сложенной изъ осадковъ, когда-то отложившихся въ морѣ, наводитъ на мысль, что географія земной поверхности не всегда была такой же, какъ теперь, что нынѣшняя суша находится тамъ, гдѣ когда-то было море, и что самъ матеріалъ, изъ котораго она построена, такъ сказать, созданъ моремъ.

Когда мы разсматривали вопросъ о происхожденіи кораллo-

выхъ атоловъ, намъ пришлось встрѣтиться съ нѣкоторыми указаніями на то, что мѣстами дно моря медленно понижается и море становится глубже. Теперь мы встрѣчаемся съ фактомъ, для объясненія котораго приходится допустить возможность и обратнаго процесса — поднятія морского дна, обмеленія моря и наконецъ, превращенія его въ сушу. Мы вскорѣ увидимъ, что распространеніе этихъ уплотненныхъ или окаменѣвшихъ осадковъ моря чрезвычайно велико и что изъ нихъ-то главнымъ образомъ и построены наши континенты.

Эти глины и известняки представляютъ собою лишь одинъ примѣръ пласовеній морского происхожденія, образующихъ сушу. Мы могли бы взять цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ и, если собрать изъ каждаго населенія болѣе или менѣе значительную коллекцію и сравнить собранные остатки между собою, то мы увидимъ, что въ однихъ наслоеніяхъ они мало отличаются отъ современныхъ животныхъ, а многія раковины даже и отличить нельзя отъ нынѣшнихъ. Такія наслоенія называютъ новыми, образовавшимися въ новую эру исторіи земли. Въ другихъ слояхъ, напротивъ, мы встрѣчаемъ животныхъ, совсѣмъ не похожихъ на нынѣшнія; эти слои называютъ древними, образовавшимися въ древнюю (первичную) эру.

Наконецъ, есть такіе слои, въ которыхъ раковины и другіе остатки животныхъ занимаютъ какъ бы среднее мѣсто между тѣми и другими. Именно такой средній характеръ имѣютъ тѣ остатки, которые мы встрѣтили у морского побережья близъ устья Сены. Всѣ подобныя отложенія называются вторичными или отложеніями средней эры. Мы пока не будемъ говорить объ отложеніяхъ древней эры и остановимъ наше вниманіе на среднихъ и новыхъ.

Мы уже видѣли, что сѣвернѣе устья Сены берегъ моря подтачивается прибоемъ волнъ, причемъ образуются разнообразные выступы, арки, обелиски и т. п. См. рис 23. Эти береговые утесы состоятъ изъ бѣлаго известковаго камня, мѣстами довольно твердаго и явственно слоистаго, мѣстами мягкаго, марающаго пальцы и очень похожаго на мѣлъ, которымъ пишутъ на классныхъ доскахъ; изъ такого мѣлового камня состоитъ берегъ сѣвернѣе того мѣста, которое изображено на нашей картинкѣ, и онъ же образуетъ на значительномъ протяженіи южный и восточный берегъ Англіи. Если взять кусочекъ этого мѣла, погрузить въ стаканъ съ водой и проводить по нему кистью или мягкой щеточкой, отдѣляя отъ него такимъ образомъ мелкія известковыя частицы, то можно получить на днѣ стакана тонкій известковый осадокъ, который очень похожъ на известковый илъ открытаго моря (рис. 27); въ немъ много раковинокъ корненожекъ, какъ живущихъ на днѣ,

*

такъ и свободно плавающихъ океаническихъ формъ и, между прочимъ, есть глобигерины.

Рис. 27. Осторожно отмученный порошокъ мѣла подъ микроскопомъ.

Такое изученіе частицъ, составляющихъ мѣлъ, даетъ намъ право признать его за уплотненный и немного измѣнившійся послѣ своего образованія глобигериновый илъ или за тотъ тѣсно связанный съ глобигериновымъ иломъ известковый осадокъ, который также отлагается на днѣ открытаго моря, но на нѣсколько меньшихъ глубинахъ и содержитъ въ себѣ значительную примѣсь живущихъ на днѣ корненожекъ.

Въ мѣлу попадаются и иногда вымываются изъ него морскимъ прибоемъ

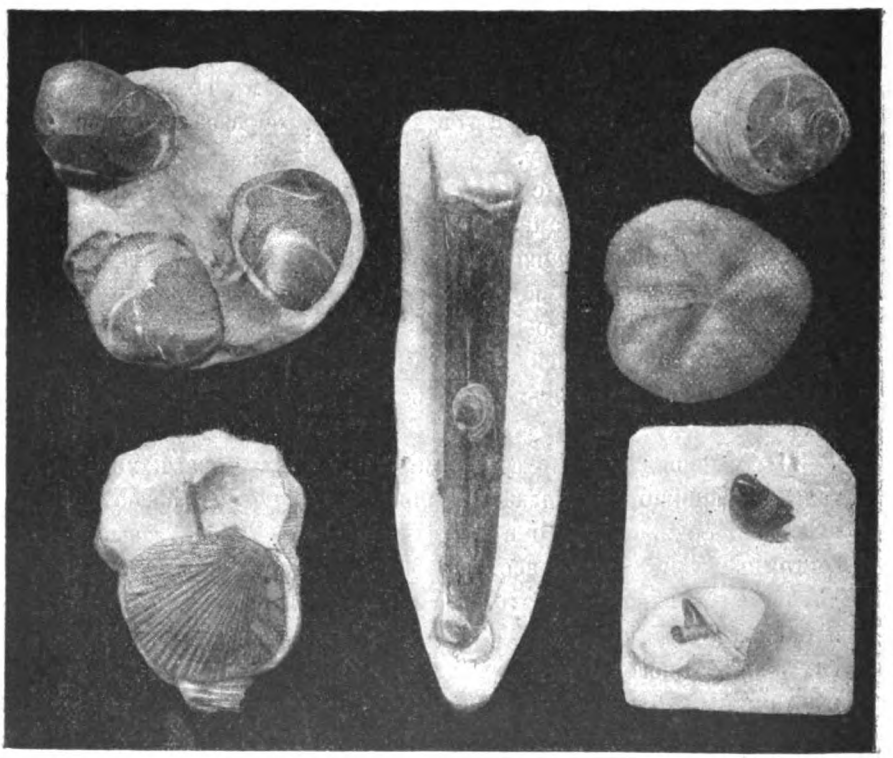


Рис. 28.

панцыри морскихъ ежей, раковины моллюскъ и между прочимъ устрицъ, хотя и не похожихъ на современныя, зубы акулъ, остатки белемнитовъ или близкихъ къ нимъ животныхъ, также родственныхъ нынѣшнимъ сепіямъ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ

животныхъ изображены на рис. 28. Эти животныя, въ общихъ чертахъ родственны съ находимыми въ глинахъ, образующихъ береговые обрывы по ту сторону устья Сены, и, слѣдовательно, мѣлъ и мѣловой камень образовался въ ту же самую среднюю эру исторіи земли, хотя и въ болѣе поздній періодъ этой эры, въ такъ-называемый мѣловой періодъ. Это болѣе позднее образованіе мѣловыхъ слоевъ доказывается тѣмъ, что тѣ глины лежатъ подъ мѣломъ и, стало быть, отложились прежде мѣла. Около г. Гавра, стоящаго у самаго устья Сены, береговые утесы состоятъ изъ мѣлового камня, но, во время большихъ отливовъ моря, обнажаются и лежащія подъ нимъ глины, а южнѣе устья Сены, онъ все выше и выше поднимаются надъ уровнемъ моря и образуютъ уже знакомые намъ береговые обрывы.

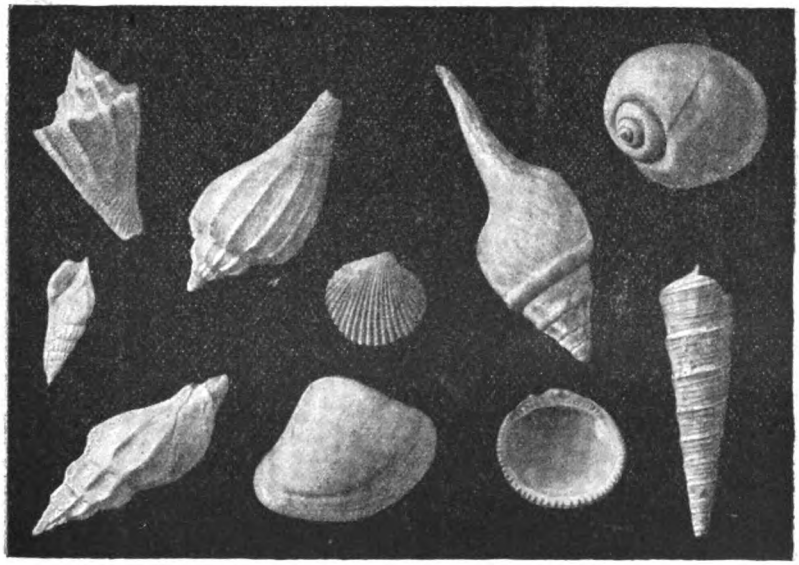


Рис. 29. Раковины изъ третичныхъ отложеній окрестностей Парижа.

Если теперь мы оставимъ берегъ моря и двинемся внутрь страны, обращая вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ можно видѣть разныя наслоенія земли, напр., на крутые обрывы рѣчныхъ береговъ, на ямы для добычи камня или глины и т. п., мы будемъ почти всюду встрѣчать какіе-нибудь слои, отложившіеся въ морѣ и содержащіе въ себѣ остатки морскихъ животныхъ, то очень похожихъ на современныя, то менѣе похожихъ и напоминающихъ тѣ формы, которыя мы находили въ глинахъ, образующихъ берегъ Ламанша. По этимъ различіямъ въ характерѣ ископаемыхъ организмовъ можно распознать, принадлежатъ-ли наблюдаемые нами слои къ отложеніямъ новой эры, или они образовались еще въ среднюю эру земной исторіи. Во многихъ мѣстахъ

центральной Франціи, напр. у самаго Парижа, мы увидимъ значительныя толщи мягкаго бѣлаго мѣла, искусственно обнаженныя на склонахъ холмовъ, и очень богатыя остатками разнообразныхъ морскихъ животныхъ (изображенныя на рис. 28 формы собраны здѣсь въ этомъ мѣлу). Поверхъ мѣла здѣсь обыкновенно лежатъ и болѣе новые слои съ раковинами, похожими на современныя (рис. 29); эти послѣмѣловые слои называются третичными и относятся къ новой эрѣ. Среди нихъ можно встрѣтить мѣстами и слои съ отпечатками древесныхъ листьевъ, и даже пальмъ, указывающихъ на теплый

Рис. 30. Ископаемое млекопитающее Palaeotherium, найденное въ окрестностяхъ Парижа.

тропическій климатъ, и слои съ остатками травоядныхъ, хищныхъ и другихъ животныхъ, сильно отличающихся отъ современныхъ. Эти слои указываютъ, что море, когда-то бывшее тамъ, гдѣ теперь Парижъ и гдѣ течетъ Сена съ ея притоками, по временамъ исчезало и на его мѣстѣ появлялась суша съ большими озерами, по берегамъ которыхъ росла тропическая растительность и бродили оригинальныя, нынѣ не существующія животныя. Многочисленные остатки растеній и животныхъ, населявшихъ материки той эпохи, были добыты изъ этихъ слоевъ и ихъ можно видѣть въ музеяхъ Парижа, а также и во многихъ другихъ музеяхъ.

Подвинувшись еще дальше на востокъ и добравшись до области верховьевъ Сены и ея притоковъ, мы встрѣтимъ тамъ снова знакомые намъ глинистые и известковые слои, какіе видѣли на берегахъ Ламанша, и мѣстами можно видѣть, какъ эти слои выступаютъ наружу изъ подъ покрывающихъ ихъ мѣловыхъ слоевъ. И здѣсь, какъ при искусственныхъ раскопкахъ, такъ и въ при-

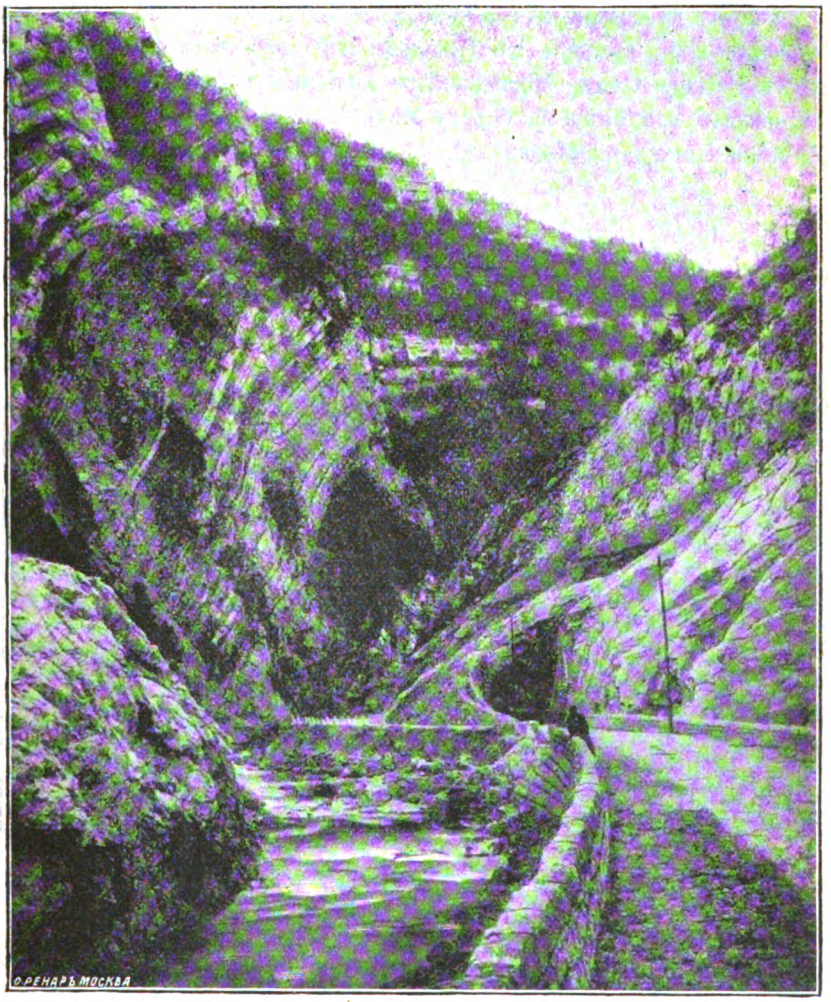


Рис. 31. Видъ въ горахъ Юры.

родѣ, у крутыхъ береговъ рѣчекъ и въ самихъ этихъ берегахъ, мы встрѣтимъ тѣ-же самыя ископаемыя раковины: устрицы, спирально свернутыя головоногія, белемниты и проч. Эти известково глинистые слои, отложившіеся раньше мѣловыхъ, можно прослѣдить далеко на востокъ до границъ Франціи и за ея предѣлами въ Швейцаріи, только здѣсь знакомые намъ слои изгибаются въ

складки и образуютъ горную цѣпь Юры, поэтому-то и самые слои называютъ юрскими, а время ихъ образованія называютъ юрскимъ періодомъ.

Мы видимъ здѣсь, что не только низменныя части нашей суши, но даже и горы состоятъ изъ прежнихъ морскихъ осадковъ, приподнятыхъ, изломанныхъ и нерѣдко изогнутыхъ въ весьма прихотливыя складки разнообразной величины и формы.

Далѣе эти самые слои можно прослѣдить въ южной Германіи, въ восточной Германіи, въ Польшѣ; есть онѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи. Подъ Москвою эти слои хорошо видны у Дорогомиловскаго кладбища на берегу Москвы-рѣки и еще лучше у села Мячкова также на Москвѣ-рѣкѣ, немного выше впаденія въ нее

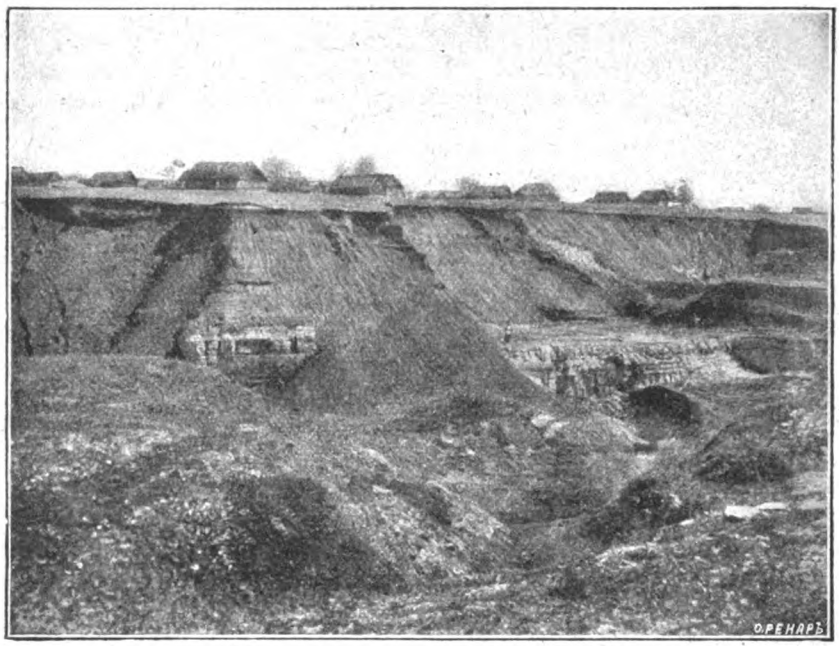


Рис. 32. Искусственно разрытые морскіе слои у с. Мячкова. Сверху сѣрыя юрскія глины, внизу бѣлый известнякъ.

р. Пахры. Здѣсь эти слои сохранились въ видѣ мягкихъ сѣрыхъ глинъ, какъ и на берегахъ Ламанша, и заключаютъ въ себѣ совершенно такіе же, какъ и тамъ, органическіе остатки. Эти глины въ Мячковѣ раскапываютъ и сбрасываютъ съ цѣлью добраться до лежащаго подъ ними бѣлаго известковаго камня, который тамъ обжигаютъ на известь, а также и привозятъ въ Москву какъ строительный камень.

Сѣрыя юрскія глины, подобныя мячковскимъ, можно видѣть и далѣе на востокъ во многихъ мѣстахъ, напр., по берегамъ рѣки

Оки, Алатыря, Суры и многихъ другихъ. На Волгѣ у с. Костычи близъ Сызрани эти глины лежатъ на такомъ же бѣломъ известковомъ камнѣ, какъ и въ Мячковѣ, въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Нижегородской губ. и въ сѣверной части Симбирской они лежатъ на красноватыхъ известково-глинистыхъ слояхъ, въ которыхъ уже нѣтъ такихъ органическихъ остатковъ, какъ въ юрскихъ глинахъ.

Теперь мы оставимъ на нѣкоторое время эти сѣрыя глины—осадки юрскаго моря, прослѣженныя нами отъ Ламанша до Волги, и остановимъ наше вниманіе на лежащемъ подъ ними бѣломъ

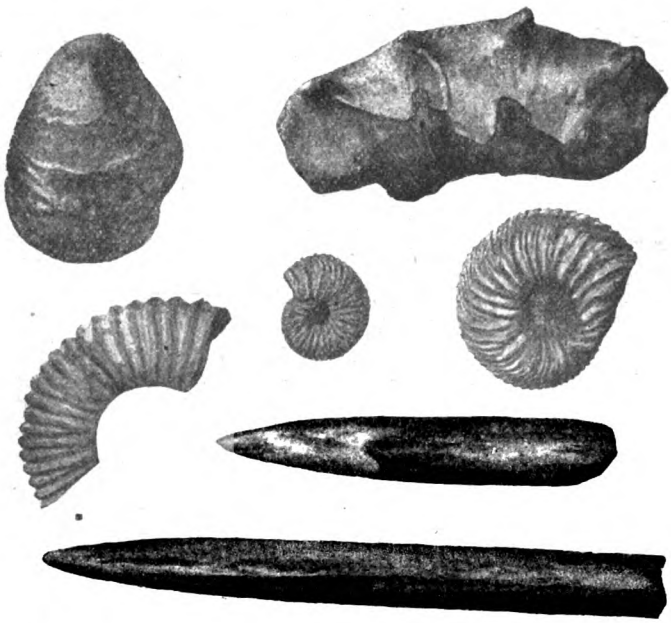


Рис. 33. Ископаемые органическіе остатки, найденные въ юрской глинѣ с. Мячкова.

известковомъ камнѣ, представляющемъ собою наиболѣе древнее образованіе, какое только можно видѣть и въ Подмосковномъ краѣ, и въ Поволожьѣ.

Въ окрестностяхъ Москвы этотъ камень обнажается во многихъ мѣстахъ, напр., за Трехгорной заставой и дачей Студенецъ и на противоположномъ берегу р. Москвы, у Дорогомиловскаго кладбища; еще лучше онъ виденъ въ окрестностяхъ г. Подольска и у вышеупомянутаго села Мячкова. Изъ глыбъ этого известняка можно выбить большую коллекцію раковинъ, кораловъ, морскихъ ежей, морскихъ лилій, зубовъ акулъ и остатковъ другихъ животныхъ, сильно отличающихся отъ современныхъ (рис. 34) и переносящихъ насъ въ очень отдаленныя времена.

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою примѣръ отложенія, относящагося къ древней эрѣ исторіи земли.

Остановимъ теперь вниманіе на самомъ веществѣ камня. Оно то плотно, то имѣетъ зернистый видъ и, если посмотрѣть на него въ увеличительное стекло или даже внимательно присмотрѣться простымъ глазомъ, то мы увидимъ, что вся масса камня (рис. 35) состоитъ изъ правильныхъ зернышекъ, по формѣ похожихъ на

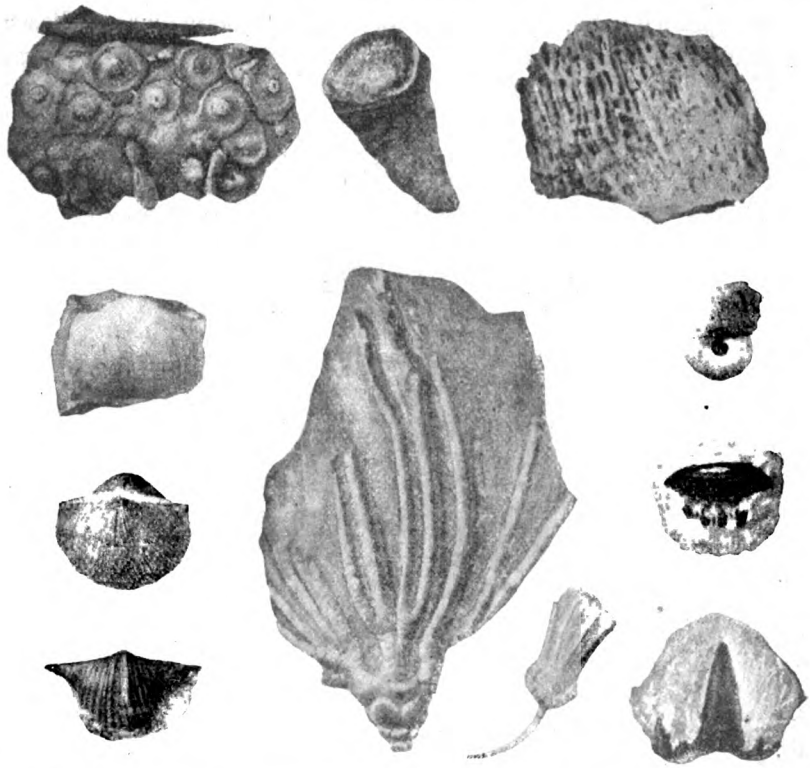


Рис. 34. Органическіе остатки изъ мячковскаго известняка. Сверху остатки морского ежа съ иглами и два коралла, одиночный и колоніальный; подъ ежомъ три раковины плеченогихъ моллюскъ, изъ нихъ средняя называется *Spirifer mosquensis*; вправо отъ нихъ двѣ морскія лиліи; съ правой стороны рисунка внизу два зуба акулъ и надъ ними спирально свернутая раковина брюхоногаго моллюска.

ржаныя зерна; на расколотыхъ зернышкахъ можно разсмотрѣть, что каждое изъ нихъ какъ бы свернуто изъ тонкой известковой пластиночки и имѣетъ сложное внутреннее строеніе, словомъ— это раковинки корненожекъ, правда, такихъ, которыя теперь ужъ не живутъ, но въ ту отдаленную эпоху населяли морскія воды въ такомъ же громадномъ количествѣ, какъ теперь населяютъ ихъ глобигерины. Эти древнія корненожки называются фузулинами.

Что же говоритъ намъ этотъ бѣлый камень? Онъ говоритъ, что въ одинъ изъ періодовъ древней эры средняя Россія представляла открытое и глубокое море, куда не доносился минеральный осадокъ съ суши и гдѣ жили безчисленныя корненожки, отлагавшія известковый илъ, превратившійся впослѣдствіи въ бѣлый известковый камень. Этотъ періодъ называется каменноугольнымъ, и вотъ почему: есть мѣста, напр., у насъ въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ, гдѣ такой же известнякъ съ фузулинами чередуется съ песчанистыми и песчано-глинистыми породами, заключающими въ себѣ прослойки каменнаго угля (донецкій каменный уголь). Въ этихъ породахъ, при раскалываніи ихъ на плиты, нерѣдко находятъ остатки тѣхъ растеній, большія

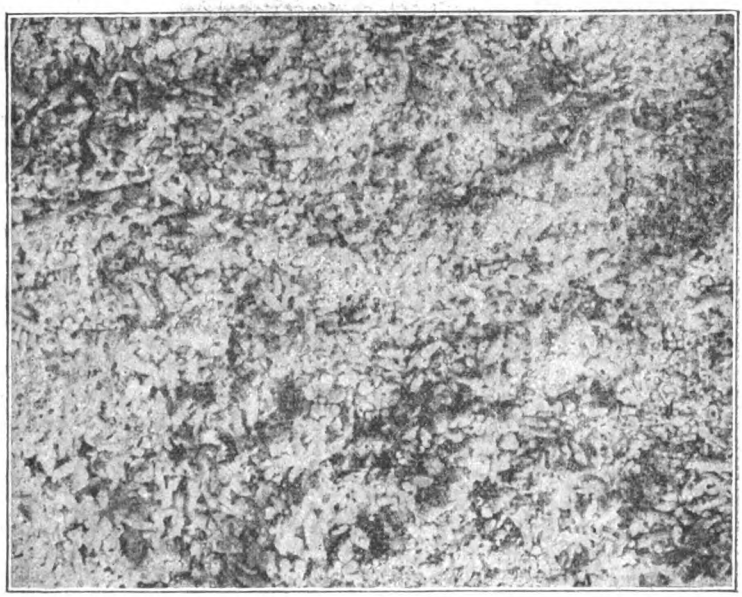


Рис. 35. Видъ мячковскаго известняка при слабомъ увеличеніи въ лупу.

скопленія которыхъ и дали матеріалъ для образованія каменнаго угля (рис. 36). Между этими растительными остатками нерѣдко попадаются прекрасно сохранившіеся отпечатки папоротниковъ и растеній, родственныхъ съ нашими хвощами и плаунами, но имѣвшихъ гигантскіе размѣры.

Такія мѣстности очень важны въ практическомъ отношеніи, такъ какъ доставляютъ минеральное топливо, необходимое для фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ. Это наслѣдство, оставленное намъ прежней, уже исчезнувшей съ лица земли, органической природой, наслѣдство драгоцѣнное, такъ какъ тотъ, кто владѣетъ имъ, располагаетъ запасомъ дешевой и легко доступной механической энергіи, запасомъ силы, обезпечивающей

возможность развитія промышленности и культуры. Богатства Россіи въ этомъ отношеніи далеко уступаютъ богатствамъ многихъ другихъ странъ, а изъ всѣхъ странъ міра самая богатая каменнымъ углемъ—Китай. Можно предсказать, что, въ далекомъ будущемъ, колоссальными запасами китайскаго угля будетъ питаться міровая промышленность въ тѣ еще не близкія времена, когда европейскія богатыя углемъ и промышленныя страны и Сѣверная Америка растратятъ свое пока еще богатое наслѣдіе.

Рис. 36. Глыба песчаника съ отпечаткомъ каменноугольнаго папоротника и хвоща (изъ каменноугольной копи въ Донецкомъ бассейнѣ).

Знакомство съ характеромъ древнихъ наслоеній Донецкаго каменноугольнаго бассейна приводитъ насъ къ выводу, что въ то самое время, когда на обширной площади Средней Россіи и въ Поволожьѣ разстилалось открытое море, на днѣ котораго скоплялись раковинки фузулинъ и образовали известковый осадокъ, въ другихъ мѣстахъ на материкахъ того времени и по низменнымъ побережьямъ во множествѣ росли тѣ растенія, которыя дали матеріалъ для каменнаго угля *).

*) Каменный уголь и остатки растеній, изъ которыхъ онъ образовался, находятъ и ближе къ Москвѣ. въ губерніяхъ Рязанской и Тульской, но эти растенія не вполнѣ одновременны съ подмосковнымъ и приволжскимъ извест-

Въ Поволожьѣ каменноугольный известнякъ образуетъ красивые утесы Жегулей и Царевъ Курганъ; онъ же встрѣчается въ окрестностяхъ г. Сызрани и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ Саратовской губерніи. Въ известнякѣ Царева Кургана попадается особенно много кораллов, такъ что можно думать, что на его мѣстѣ былъ когда-то коралловый рифъ. Кораллы попадаются нерѣдко и въ подмосковномъ каменноугольномъ известнякѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти вся масса известняка представляетъ собою скопленіе разнообразныхъ коралловыхъ полипняковъ. Нѣкоторые изъ этихъ полипняковъ имѣютъ видъ сросшихся между собою шестиугольныхъ ячей, напоминающихъ пчелиныя или осиныя соты, и тѣ, кому не случалось видѣть и изучать нынѣшніе коралловые полипняки, склонны считать эти находки за окаменѣлыя соты.

Отложенія каменноугольнаго времени, къ которымъ относится мячковскій фузулиновый известнякъ, углесодержащіе слои Донецкаго бассейна, Урала и другихъ мѣстъ составляютъ лишь небольшую часть отложеній древней эры, лишь одинъ геологическій періодъ этой эры, какъ выражаются геологи. Вся древняя эра заключаетъ въ себѣ не одинъ этотъ періодъ, а цѣлый рядъ подобныхъ періодовъ, впродолженіе которыхъ отлагались разнообразныя напластованія, нынѣ составляющія земную кору. Одинъ изъ этихъ періодовъ—Пермскій—наступилъ послѣ каменноугольнаго и заканчиваетъ собою древнюю эру. Въ ближайшихъ къ Москвѣ мѣстахъ нѣтъ отложеній, образовавшихся въ этотъ періодъ, но они есть далѣе на востокъ и, между прочимъ, въ Пермской губерніи. Известняки и мергеля *), образовавшіеся въ этотъ періодъ, встрѣчаются тамъ почти повсюду подъ почвой и въ обнаженіяхъ рѣчныхъ береговъ, что и дало поводъ назвать самыя отложенія пермскими. Въ однѣхъ мѣстахъ эти надкаменноугольныя или пермскія отложенія оказываются известняками, похожими на каменноугольные, и заключаютъ въ себѣ остатки животныхъ, родственныхъ съ каменноугольными, но, по большей части, не тожественныхъ; въ другихъ мѣстахъ это глины, мергеля и песчаники, чаще всего краснаго цвѣта и не содержащіе остатковъ морскихъ животныхъ. Можно думать, что они отлагались въ обширныхъ озерахъ, бывшихъ здѣсь въ пермскій періодъ. Известняки и красные мергеля пермскаго періода хорошо видны на правомъ берегу Оки, ниже Мурома, по правому берегу Волги,

---

някомъ, а относятся къ нѣсколько болѣе раннему времени, къ началу каменноугольнаго періода, тогда какъ известнякъ съ фузулинами отложился во вторую его половину.

*) Мергель—непрочный, разсыпающійся на воздухѣ известково-глинистый камень, называемый также рухлякомъ.

между Нижнимъ и Тетюшами, во многихъ мѣстахъ по Камѣ и по многимъ другимъ рѣкамъ восточной Россіи. Мѣстами можно видѣть, что уже знакомыя намъ сѣрыя юрскія глины лежатъ на пермскихъ слояхъ.

Тамъ, гдѣ стоитъ Москва, не было въ этотъ періодъ ни моря, ни большихъ озеръ, въ которыхъ могли бы накопиться илистыя или известковыя отложенія; отъ этого времени исторіи земли въ Подмосковномъ краю не осталось никакихъ памятниковъ.

Въ средней Россіи сравнительно рѣдко показываются на поверхность каменныя породы болѣе древнія, чѣмъ каменноугольный известнякъ; однако, полоса такихъ породъ, относящихся къ еще болѣе раннему девонскому *) періоду, выступаетъ южнѣе пло-

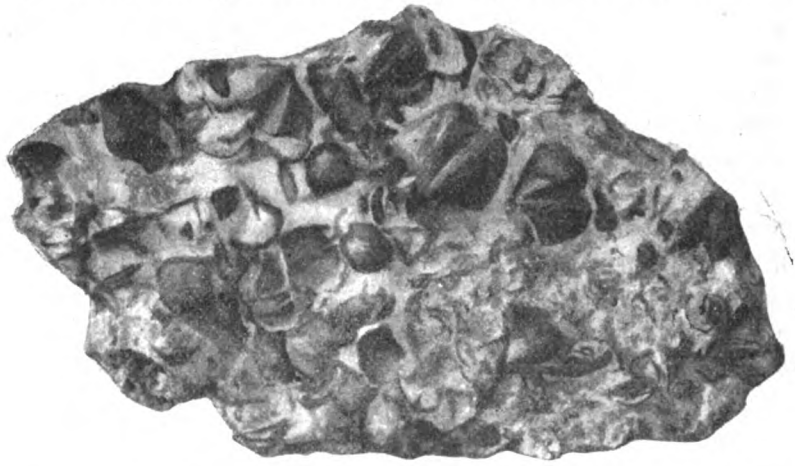


Рис. 37. Плитка девонскаго известняка со Spirifer Archiaci и другими плеченогими моллюсками.

щади московскаго каменноугольнаго известняка и проходитъ черезъ губерніи Орловскую, Рязанскую, Воронежскую до Тамбовской. Рис. 37 изображаетъ плитку девонскаго известняка съ характерными для него органическими остатками, относящимися по большей части къ плеченогимъ моллюскамъ.

Эти же слои развиты въ области Западной Двины, а въ Петербургской губерніи и въ Эстляндіи по побережьямъ Финскаго залива есть и еще болѣе древніе морскіе слои, выступающіе на дневную поверхность изъ-подъ девонскихъ; они относятся къ такъ называемому кембро-силурійскому періоду и образуютъ собою самую древнюю систему слоевъ, въ которой вообще найдены остатки органической жизни. Слои этой системы обнажаются по берегамъ Волхова между Ладожскимъ побережьемъ и пристанью Гостинополь-

*) Названіе заимствовано отъ имени Девонширскаго графства въ Южной Англіи, гдѣ отложенія, относящіяся къ этому времени, давно извѣстны.

ской и во многихъ мѣстахъ къ югу отъ Петербурга вдоль линіи Царскосельскихъ высотъ; они же образуютъ высокіе береговые обрывы Эстляндскаго побережья, напр., у Пейтгофа близъ Силламеги, у Чудлей, въ окрестностяхъ Ревеля и во многихъ другихъ мѣстахъ. Петербургская плита, изъ которой дѣлаютъ въ Петербургѣ тротуары, лѣстницы и фундаменты домовъ, добывается именно въ этомъ осадочномъ наслоеніи. Изъ числа остатковъ жизни этихъ отдаленнѣйшихъ временъ наиболѣе часто встрѣчаются трилобиты—древніе представители того класса животныхъ, къ которому принадлежатъ раки и крабы, ортоцератиты—головоногія родственныя съ нынѣшнимъ корабликомъ, но съ прямою, а не со

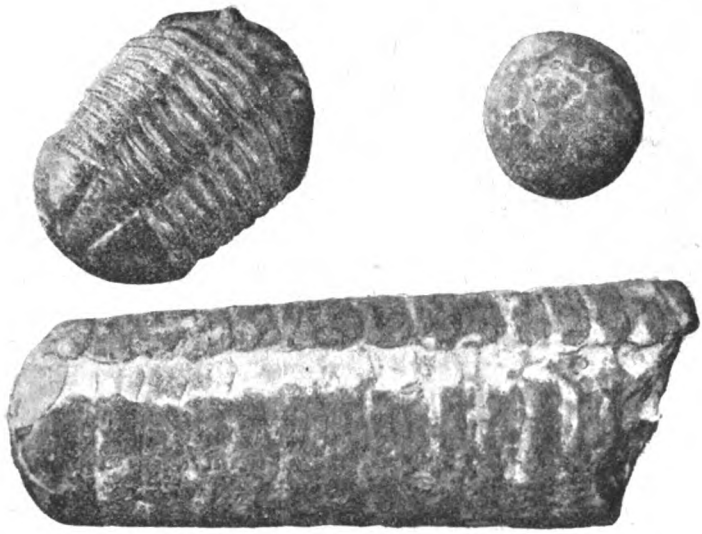


Рис. 38. Органическіе остатки изъ кембро-силурійскаго известняка (петербургской плиты); внизу ортоцератитъ, сверху—трилобитъ Asaphus (слѣва) и эхиносферитъ (справа).

спиральною раковиной (рис. 38 внизу), эхиносферіты—шарообразные панцыри вымершихъ иглокожихъ и многіе другіе.

Но оставимъ эти древнѣйшія отложенія и не будемъ такъ далеко углубляться въ пучины прошедшаго нашей страны. Намъ достаточно замѣтить, что ниже тѣхъ морскихъ отложеній, съ которыми мы встрѣтились на берегахъ моря близъ устья Сены и которыя прослѣдили до Москвы и Волги, покоится еще огромная толща разнообразныхъ, преимущественно морскихъ наслоеній, представляющихъ собою памятники періодовъ еще болѣе древнихъ, образующихъ древнюю эру земной исторіи. Въ приводимой здѣсь таблицѣ эти древніе періоды обозначены въ послѣдовательномъ порядкѣ и выше поименованы всѣ періоды средней и новой эры.

Таблица наслоеній земной коры.

Крупныя подраздѣленія этой таблицы называютъ эрами, когда говорятъ о времени, и группами, когда рѣчь идетъ о самыхъ наслоеніяхъ; подраздѣленія эръ называютъ періодами, говоря о времени, и системами слоевъ, говоря объ отложеніяхъ образовавшихся въ соотвѣтствующій періодъ.

Новая эра. (Нов. группа наслоеній).	Послѣтретичный періодъ.	Послѣтретичн. система слоевъ.
	Третичный періодъ.	Третичная система слоевъ.
Средняя эра. (Средняя группа наслоеній).	Мѣловой періодъ.	Мѣловая система слоевъ.
	Юрскій періодъ.	Юрская система слоевъ.
	Тріасовый періодъ.	Тріасовская система слоевъ.
Древняя эра. (Древняя группа наслоеній).	Пермскій періодъ.	Пермская система слоевъ.
	Каменноугольный періодъ.	Каменноугольн. система слоевъ.
	Девонскій періодъ.	Девонская система слоевъ.
	Кембро-силурскій періодъ.	Кембро-силурск. система слоевъ.

Въ подмосковномъ краѣ до слоевъ болѣе глубокихъ, чѣмъ каменноугольные, добирались только въ буровыхъ артезіанскихъ скважинахъ, которыя и дали возможность измѣрить толщину нашего каменноугольнаго известняка (вмѣстѣ съ небольшими глинистыми прослойками, съ нимъ переслаивающимися). Толщина эта оказалась равною почти 254 метрамъ, т. е. раза въ четыре превосходитъ высоту колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ. Почти столь же глубокая скважина была проведена въ с. Батракахъ, близъ г. Сызрани, на Волгѣ, съ цѣлью поисковъ на каменный уголь, но она не прошла всей толщи каменноугольнаго известняка.

Теперь мы возвратимся опять къ юрскимъ глинамъ и пескамъ, лежащимъ подъ Москвою выше каменноугольнаго известняка и относящимся къ средней эрѣ земной исторіи. Эти глины и пески заключаютъ въ себѣ остатки совсѣмъ другихъ животныхъ, среди которыхъ тоже встрѣчаются формы, чуждыя современнымъ морямъ, но уже довольно много и такихъ, которыя похожи на современныя.

Въ окрестностяхъ Москвы эти юрскіе слои обнажаются весьма часто, они есть и въ самой Москвѣ и часто до нихъ доходятъ при рытьѣ колодцевъ, а при сверленіи артезіанскихъ скважинъ, проходятъ ихъ насквозь и углубляются въ лежащій подъ ними каменноугольный известнякъ.

Есть мѣста, гдѣ эти толщи настолько близки къ поверхности, что текучая вода не только дорылась до нихъ въ оврагахъ, но и разрѣзала ихъ на значительную глубину, а мѣстами прорѣзала и всю ихъ толщу до каменноугольнаго известняка, на которомъ она лежитъ.

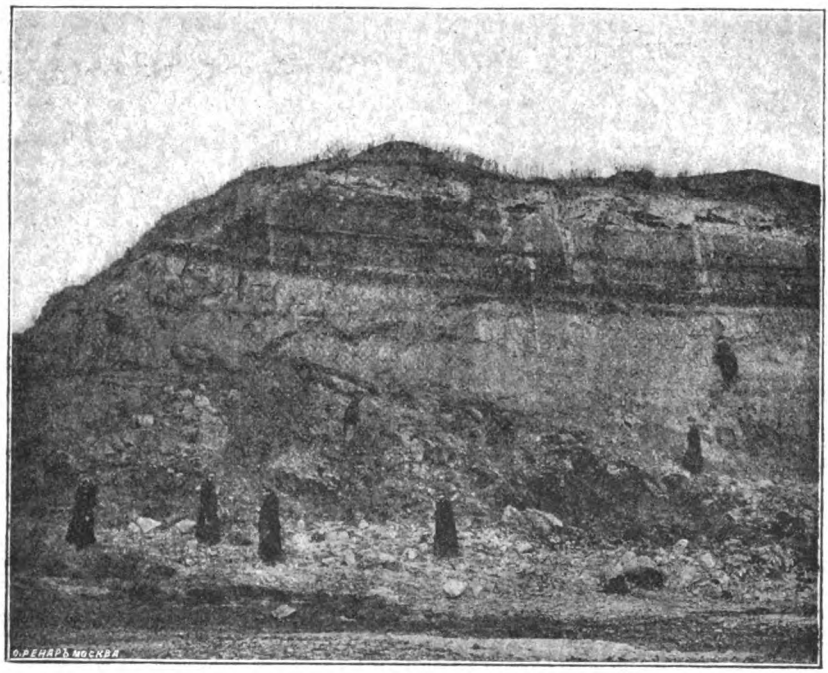


Рис. 39. Обрывъ лѣваго берега Москвы-рѣки между д. Шелепихой и Мневниками, у Студенаго оврага.

Рис. 39 изображаетъ обрывъ на берегу рѣки Москвы, выше города, между деревней Шелепихой и Мневниками, сверху до низу сложенный изъ морскихъ слоевъ юрскаго времени. Гуляя по склону и у подошвы обрыва, мы какъ бы ходимъ по дну моря. Тысячи остатковъ разнообразныхъ морскихъ животныхъ, то похожихъ на нынѣшнія, то непохожихъ, можно здѣсь видѣть и собрать на небольшомъ пространствѣ. Здѣсь встрѣчаются: аммониты, белемниты, устрицы и др. моллюски, зубы акулъ, кости большихъ пресмыкающихся, куски окаменѣлаго хвойнаго дерева (близкаго къ кипарисамъ) и проч.

Въ нижней части обрыва обнажается песчаная глина съ прослойками фосфоритовыхъ сростковъ, выше зеленый глауконитовый

песокъ, похожій на тотъ оригинальный глауконитовый осадокъ, съ которымъ мы познакомились, изучая отложенія современнаго моря, еще выше лежатъ буровато-зеленые и бурые пески, въ которыхъ зеленый глауконитъ измѣненъ дѣйствіемъ атмосферы и пріобрѣлъ бурый цвѣтъ ржавчины. На самомъ верху обрыва лежитъ небольшая толща песковъ съ валунами, представляющая уже не морской осадокъ и относящаяся къ послѣтретичному періоду.

Подобные же очень богатые ограническими остатками юрскіе слои можно наблюдать во многихъ мѣстахъ средней и восточной Россіи, чаще всего по крутымъ берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ, благодаря обваламъ берега, можно видѣть обнаженный на значительную глубину грунтъ, не прибѣгая къ раскопкамъ. Изучивъ

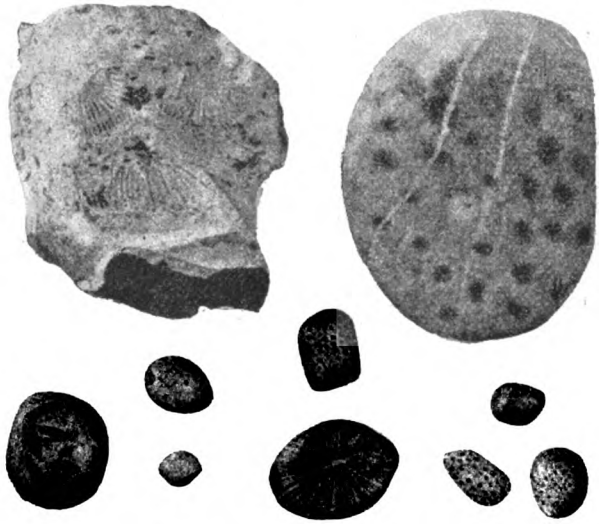


Рис. 40. Крымскій коралловый известнякъ (наверху слѣва) и гальки, выточенныя изъ него морскимъ прибоемъ.

значительное количество такихъ естественныхъ обнаженій, мы должны будемъ придти къ заключенію, что наша страна представляла въ юрскій періодъ море, богато населенное, что подмосковный край лежалъ недалеко отъ берега этого моря, недалеко отъ суши, на которой росли хвойныя деревья, обломки которыхъ по временамъ заносились въ море и попадали въ его осадки.

Интересно узнать, какъ далеко можно прослѣдить морскія отложенія этого времени и вездѣ ли они одинаковы? Оказывается, что нѣтъ, не вездѣ. На берегахъ Донца (въ Харьковской губ.) и въ Крыму, вмѣсто глины и песковъ, мы встрѣчаемъ юрскіе известняки съ кораллами. Море, разрушая крымскій коралловый известнякъ, изъ котораго въ значительной степени сложены горы Яйлы, вытачиваетъ изъ него коралловыя гальки и мѣстами онѣ

нерѣдко встрѣчаются среди галекъ изъ другихъ каменныхъ породъ, образующихъ южный берегъ Крыма. Этотъ известнякъ и выточенныя изъ него гальки разсказываютъ намъ о томъ, что въ юрское время на мѣстѣ Крыма было теплое море и тамъ, гдѣ возвышаются горы Яйлы, поднимался со дна моря коралловый рифъ.

Посмотримъ теперь, имѣются ли въ нашемъ отечествѣ осадки морей, еще болѣе новыхъ, болѣе недавнихъ, чѣмъ море юрскаго времени.

Надъ юрскими песками и глинами лежитъ въ подмосковной мѣстности еще толща породъ преимущественно песчаныхъ прибрежныхъ, то съ морскими организмами, то съ остатками растеній хвойныхъ и папоротниковъ, указывающими на существованіе суши. Эта толща относится уже къ другому періоду — мѣловому, тоже отчасти намъ уже знакомому. Отправившись изъ Москвы на югъ или ю.-в. или ю.-з., мы можемъ попасть въ такія мѣста Россіи, гдѣ, также какъ и по берегамъ Ламанша сѣвернѣе устья Сены и въ центральной Франціи, надъ песками и глинами, относящимися къ началу этого періода, появляется и занимаетъ большія пространства уже знакомый намъ бѣлый мѣлъ, богатый раковинами и панцырями известковыхъ морскихъ организмовъ и особенно корненожекъ. И здѣсь этотъ мѣлъ мѣстами замѣняется болѣе плотными и яснослоистыми мергелями. Этотъ мѣлъ и мергеля доходятъ до Волги и образуютъ берега ея между Симбирскомъ и Самарской лукой и южнѣе луки у Хвалынска, Вольска, Банновки и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ окрестностяхъ Саратова можно видѣть и глинисто-песчаныя породы начала мѣловой системы (они образуютъ Соколову гору), и мергелистыя породы конца мѣловой системы (въ Лысой горѣ), хотя чистаго мѣла среди нихъ здѣсь не наблюдается (онъ замѣщенъ мергелемъ).

Мы вправѣ заключить теперь, что и въ мѣловой періодъ, или по крайней мѣрѣ въ концѣ его, и тамъ, во Франціи, и въ нашей русской мѣловой полосѣ было открытое море, что въ ближайшихъ къ Москвѣ мѣстахъ проходила береговая полоса этого моря, а въ началѣ періода была даже суша или большіе острова, на которыхъ росли хвойныя и папоротники.

Это было послѣднее море, оставившее слѣды въ Подмосковномъ краѣ. Въ болѣе южныхъ частяхъ Россіи море было и въ послѣдовавшій за мѣловымъ третичный періодъ.

Въ этомъ насъ убѣждаютъ тѣ морскіе слои, которые лежатъ выше мѣла и какъ бы вытѣсняютъ его съ поверхности земли. Рис. 41 изображаетъ мѣстность въ средней части Симбирской губерніи, гдѣ видны и мѣловые слои, и покрывающіе ихъ болѣе новые слои, относящіеся къ третичной системѣ. Далѣе къ югу эти надмѣловыя или третичныя толщи достигаютъ большаго раз-

*

витія и на большомъ пространствѣ образуютъ крутой высокій берегъ Волги, напримѣръ, между Вольскомъ и Баронскомъ и ниже Саратова между Банновкой и Царицыномъ. Красивые утесы Столбичей также состоятъ изъ третичныхъ слоевъ.

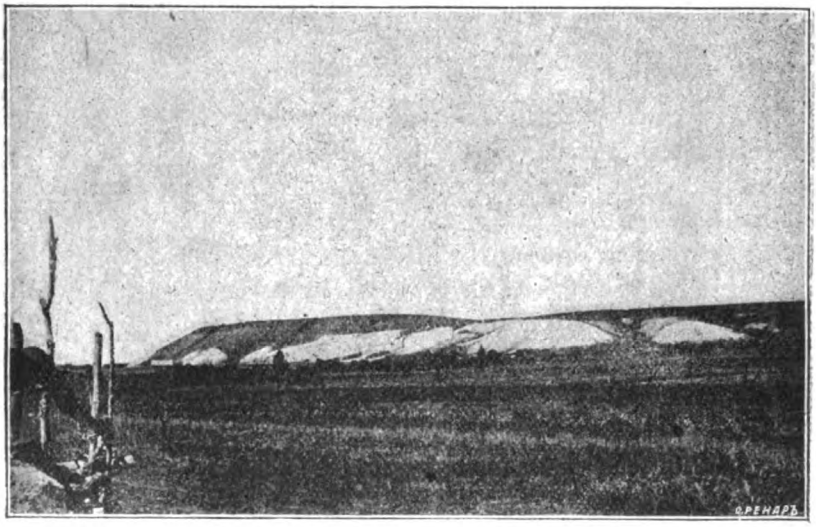


Рис. 41.

Эти слои разнообразны по составу, мѣстами они представляютъ наслоеніе, очень похожее на діатомовый и радіоляріевый илъ и содержатъ множество мельчайшихъ и изящныхъ панцырей этихъ микроскопическихъ организмовъ (рис. 42).

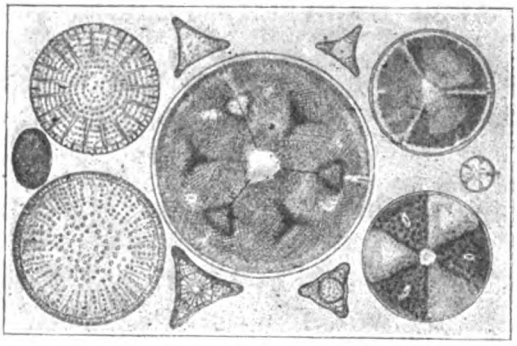


Рис. 42. Морскія діатомеи изъ третичныхъ отложеній Симбирской губ.

Въ другихъ мѣстахъ мы видимъ пески и песчаники, богатые раковинами и, между прочимъ, раковинами устрицъ, образующихъ иногда цѣлыя прослойки между песчаными и песчано-глинистыми слоями (рис. 43) и указывающихъ на малую глубину моря, въ которомъ отлагались эти породы. Наконецъ, есть мѣста, гдѣ верх-

няя часть всей толщи представляетъ пески и песчаники, ломаемые на жернова и содержащіе въ себѣ превосходные отпечатки листьевъ дуба, близкаго къ пробковому, магноліи, камфарнаго дерева и дру-

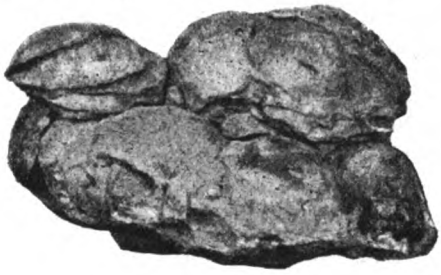


Рис. 43.

гихъ растеній подтропической флоры (рис. 44). Эти остатки показываютъ, что на мѣстѣ третичнаго моря здѣсь возникла суша, что климатъ, какимъ оно пользовалось, былъ влажный и теплый, не похожій на нынѣшній.

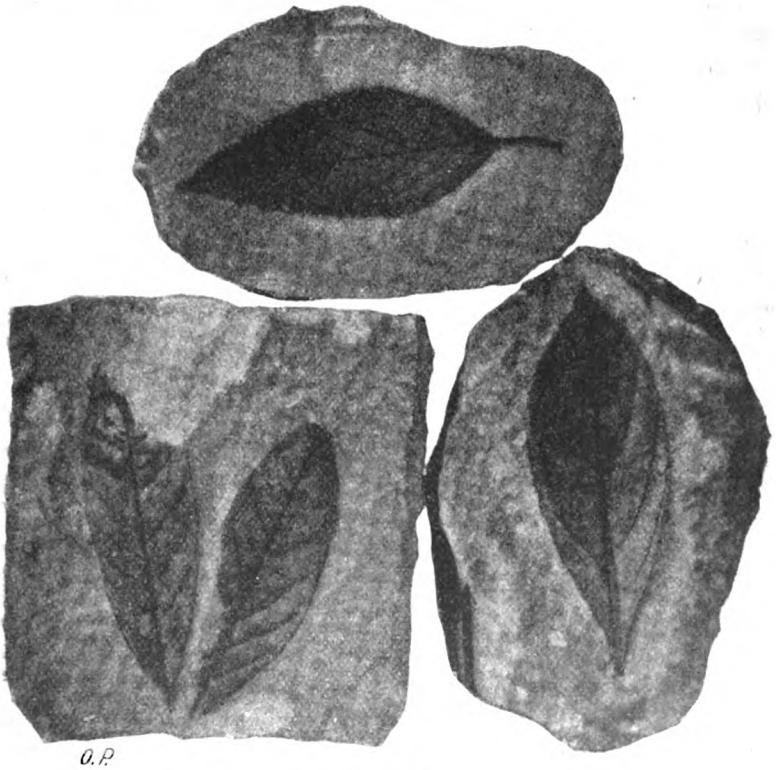


Рис. 44.

Далѣе на югѣ, въ области черноморскаго побережья, калмыцкихъ степей и Устьюрта третичное море оставалось еще долго и пережило тамъ свою длинную и сложную исторію; уровень и

размѣры его не разъ измѣнялись, оно превращалось даже въ рядъ большихъ озеръ съ почти прѣсною водой. Мы уже не будемъ слѣдить за этими измѣненіями моря, покрывавшаго Россію къ концу третичнаго періода; я упомяну только, что въ сравнительно еще недавнее въ геологическомъ смыслѣ время юго-восточный край Россіи, гдѣ теперь разстилаются заволжскія степи, былъ покрытъ водами обширнаго замкнутаго озера-моря; мѣстами затопляло оно и правый берегъ нынѣшней Волги. Это прежнее море, во много разъ превосходившее размѣрами Каспійское и соединившееся на востокѣ съ Аральскимъ, названо Аралокаспійскимъ. Мало-по-малу, усыхая, море это постепенно превратилось въ нынѣшній Каспій; о прежнемъ присутствіи его водъ тамъ, гдѣ нынѣ разстилаются заволжскія степи, мы узнаемъ по оставленнымъ ими глинисто-песчанымъ осадкамъ, содержащимъ въ себѣ раковины тѣхъ видовъ моллюскъ, которые и донынѣ живутъ въ Каспіѣ. Такіе осадки встрѣчаются почти всюду въ киргизской степи; по правому берегу Волги они особенно хорошо видны ниже Царицына. По лѣвому берегу они продолжаются далеко на сѣверъ, были, напримѣръ, найдены въ окрестностяхъ Самары и даже еще сѣвернѣе.

Но довольно объ этихъ моряхъ и осадкахъ, ихъ разнообразіе и безъ того подавляетъ наше вниманіе. Мы видѣли, что много пережила наша суша, пока она не приняла свой современный видъ и не сдѣлалась жилищемъ человѣка и животныхъ, его окружающихъ. Мы не имѣемъ возможности коснуться всѣхъ эпизодовъ исторіи нашей страны, какъ бы они ни были интересны. Подробное изученіе относящихся сюда документовъ и возсозданіе по нимъ прежней исторіи земли составляетъ одну изъ задачъ *геологіи*.

Мы начали наше мысленное путешествіе съ открытаго моря, спустились въ его глубины и, оставивъ почти безъ вниманія дивовинныхъ обитателей подводнаго царства, остановили наше вниманіе на грязи и тинѣ, устилающей морское дно. Теперь мы видимъ, что слои этихъ иловъ, отлагающіеся на днѣ моря, представляютъ какъ бы листы нѣкоторой колоссальной лѣтописи, на которыхъ отмѣчается то, что дѣлается въ морѣ и отчасти на его берегахъ. Мы убѣдились, что и наша земля своею бо́льшею частью представляетъ какъ бы великую библіотеку, на листахъ которой записана ея исторія. Эти листы, эти записи достовѣрнѣе иныхъ исторій, написанныхъ человѣческой рукой, ихъ долгіе — долгіе вѣка писалъ великій труженикъ — океанъ-море и этотъ же труженикъ усердно работалъ надъ созиданіемъ той твердой земли, на которой мы теперь живемъ. Мы кое-что разобрали въ записяхъ моря. Оно разсказало и можетъ еще многое разсказать намъ о тѣхъ животныхъ, которыя въ немъ жили и погибали въ отдаленнѣйшія времена, разсказало кое-что и о бе-

регахъ, какіе оно видѣло, о странахъ, которыя заливало; и большое наслажденіе разбирать этотъ разсказъ, потому что это разсказъ о томъ, что насъ окружаетъ, о мірѣ, частицу котораго мы составляемъ. Наши ежедневные интересы и заботы часто всецѣло поглощаютъ наше вниманіе и мы почти забываемъ, что обитаемый нами міръ представляетъ огромное цѣлое, живущее своею особою жизнью, въ которой исчезаетъ, какъ капли дождя въ морѣ, наше собственное существованіе со всѣми его житейскими интересами, радостями и невзгодами.

Полезно время отъ времени отрѣшиться отъ нашего обыденнаго маленькаго міра и остановить вниманіе на тѣхъ судьбахъ, какія переживала наша земля, прежде чѣмъ мы сдѣлались ея жителями, на величіи и красотѣ того цѣлаго, котораго мы составляемъ лишь ничтожную частицу. Наши практическіе интересы нисколько не пострадаютъ, а, напротивъ, выиграютъ отъ того, что мы поинтересуемся законами, управляющими и управлявшими этимъ чуднымъ міромъ, въ которомъ мы живемъ, часто не подозрѣвая о чудесахъ, которыхъ такъ много тутъ же вокругъ насъ и подъ нашими ногами. Знаніе этихъ законовъ даетъ намъ возможность искать въ природѣ нужныя намъ блага не ощупью въ потемкахъ, а съ яркимъ свѣточемъ и съ открытыми глазами. Правда, что при этомъ свѣтѣ намъ придется нѣсколько сократить наше высокомѣрное понятіе о своемъ собственномъ значеніи въ жизни міра, но за то, на сколько возвышаетъ и облагораживаетъ нашъ духъ это созерцаніе открывающихся передъ нимъ величественныхъ картинъ общей жизни природы, это сознаніе, что, благодаря усиліямъ человѣческаго ума и энергіи, картины эти становятся доступны нашему пониманію.

Въ этомъ величественномъ цѣломъ, именуемомъ природой, морю принадлежитъ не послѣднее мѣсто. Мы теперь знаемъ это, если даже и не видѣли сами его величавой красоты и не слыхали шума его волнъ: наша путеводительница наука немножко насъ съ нимъ познакомила, и, быть можетъ, теперь, вспомнивъ о морѣ и подумавши о его жизни и о результатахъ его дѣятельности, мы лучше поймемъ строки поэта:

Въ лѣсахъ дремучихъ есть источникъ наслажденья,
Восторги есть на дикихъ берегахъ.
Есть съ кѣмъ бесѣду весть въ нѣмомъ уединеньи,
И музыка живетъ въ морскихъ волнахъ.
Люблю я и людей, природой—восторгаюсь,
Въ бесѣдахъ съ ней могу я позабыть,
Что я и чѣмъ я былъ; я съ міромъ всѣмъ сливаюсь,
И чувствъ моихъ нѣтъ силъ ни передать, ни скрыть:
Волнуйся жъ и шуми, ты океанъ глубокій!..

Байронъ.

ВЪ ПОИСКАХЪ СВѢТА.

(THE CHRISTIAN).

Романъ Холль Кэна.

Переводъ съ англійскаго **З. Журавской.**

КНИГА I.

Внѣшній міръ.

(*Продолженіе* *).

XIV.

Черезъ недѣлю Глори въ первый разъ побывала въ театрѣ, въ обществѣ Дрэка, лорда Роберта и Полли Лёвъ. Первый восхищался ея наивностью; второго она забавляла; Полли досадовала, стыдилась своей подруги и выражала свое недовольство разными колкими замѣчаніями.

Когда они вошли въ ложу и капельдинеръ отдернулъ занавѣску, Глори, при видѣ ярко освѣщенной залы, вскрикнула, потомъ закусила губы и густо покраснѣла.

Потупивъ глазки, она усѣлась на указанное ей мѣсто; по правую руку ея сидѣла Полли, по лѣвую—Дрэкъ; лордъ Робертъ сѣлъ позади, прячась за кружевной занавѣской. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Глори не улыбалась, не шевелилась и говорила только шепотомъ. Ею, казалось, овладѣлъ благоговѣйный страхъ; она держала себя такъ, какъ будто находилась въ церкви.

Дрэкъ началъ объяснять ей устройство театра. Внизу — партеръ: кресла и стулья, дальше амфитеатръ. Все равно, что притворъ? Да, пожалуй. Кругомъ ложи, три яруса; нижній—самый нарядный, второй—семейный, тамъ публика попроще, и галлерея. А внизу органъ? Нѣтъ, не органъ; это помѣщеніе для оркестра.

— А это маленькая ризница, гдѣ мы сидимъ?

— Это литерная ложа, гдѣ мы можемъ сидѣть одни и бесѣдовать.

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

При каждомъ новомъ объясненіи Глори тихонько вскрикивала отъ удивленія и восторга; когда же она узнала, что разговаривать не воспрещается, счастью ея не было границъ. Она находила, что театръ красивѣе даже церкви и что актерамъ должно быть рай, а не житье.

Зала быстро наполнялась; Глори внимательно разглядывала входившихъ.

— Какіе всѣ прихожане нарядные!—шепнула она, — т. е. я хочу сказать зрители.

— Вы полагаете?—переспросила Полли, но Глори не слыхала.

Восхитительно было видѣть такое множество оживленныхъ, красивыхъ лицъ и прислушиваться къ ихъ тихому говору, сливавшемуся въ смутный гулъ. Глори чувствовала себя счастливой и готовой всѣхъ любить, потому что всѣ эти люди собрались сюда, чтобы вмѣстѣ наслаждаться. Вдругъ она закивала головой кому-то изъ сидѣвшихъ въ креслахъ, и все лицо ея расцвѣло улыбкой.

— Какъ это мило! Одна дама поклонилась мнѣ изъ притвора. Какіе всѣ здѣсь въ театрѣ любезные?

— Да вѣдь, она кланялась м-ру Дреку,—возразила Полли, и Глори отъ стыда готова была закрыть лицо руками.

— Ничего, Глори,—сказалъ Дрекъ,—въ глазалъ этой дамы вы только выиграете отъ этого маленькаго недоразумѣнія.—Роза,—прибавилъ онъ, поглядѣвъ черезъ плечо на лорда Роберта. Тотъ пригладилъ усы и наклонилъ голову.

Полли при этомъ имени быстро вскинула на него глаза. Дрэкъ объяснилъ, что Роза его другъ, добрая, хорошая женщина, пишетъ въ газетахъ; полное ея имя—миссъ Роза Маккворри. Потомъ онъ повернулся къ Глори.

— Роза на этой недѣлѣ все ломала копья за м-ра Сторма. Вы знаете, на него вѣдь сильно нападаютъ въ газетахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Глори очнулась на мигъ, но сейчасъ же опять стала глядѣть внизъ. На какой скамьѣ, т. е. я хочу сказать, въ какомъ ряду...

Въ это время всѣ повернулись въ одну сторону и захлопали въ ладоши. Кто-то вошелъ въ королевскую ложу, очевидно, важная особа.

— Это мой начальникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, — сказалъ Дрэкъ. Когда апплодисменты стихли и всѣ сѣли на мѣста, великій человѣкъ узналъ своего секретаря и кивнулъ ему головой; вслѣдъ затѣмъ Глори показалось, что всѣ въ залѣ повернулись въ ея сторону и смотрятъ на нее.

Она не уклонялась отъ этого, храбро выдерживала взгляды, только слегка вздрогнула и повела головой, точно боевой конь при первомъ пушечномъ залпѣ, а потомъ, ничего, что называется, глазомъ не моргнула. Въ этой атмосферѣ жилъ Дрэкъ, и она чувствовала къ нему смутную признательность за то, что онъ и ей позволяетъ дышать этой атмосферой.

— Ну, развѣ это не прелесть?—шепнула она Полли, но та спрятала лицо за занавѣску.

Одинъ за другимъ входили музыканты; Глори перегнулась черезъ барьеръ ложи и считала скрипки; Дрэкъ черезъ плечо говорилъ лорду Роберту:

— Я сегодня утромъ видѣлъ у него въ рукахъ статью Розы; онъ, кажется, самъ былъ въ церкви и слышалъ проповѣдь.

— Какого же онъ мнѣнія о ней?

— Почти такого же, какъ и вы. Аффектація и мучительныя потуги быть оригинальнымъ... больше эгоизма, чѣмъ любви и правды и т. д. и т. д.

— И совершенно вѣрно, голубчикъ. Все это самохвальство. Я, дескать, достопочтенный и преподобный мистеръ такой-то, племянникъ перваго министра, а между тѣмъ...

— Я совсѣмъ не согласенъ съ своимъ патрономъ,—возразилъ Дрэкъ,— и такъ и сказалъ ему. Въ этомъ человѣкѣ есть энтузіазмъ, а въ наше время это главное, соль земли. Мы всѣ такіе пессимисты! Слава Богу, что еще находятся люди, способные подогрѣть насъ капелькой вѣры!

Глори тяжело дышала; она только что хотѣла вмѣшаться въ разговоръ, какъ вдругъ раздался оглушительный грохотъ, будто ударъ грома, и она подпрыгнула на мѣстѣ. Но это былъ лишь первый аккордъ увертюры. Она сѣла и разсмѣялась. Въ увертюрѣ было нѣжное andante; послѣ него Глори на время притихла и шепнула Полли:

— Надѣюсь, что маленькому Джонни не хуже сегодня вечеромъ, а то какъ-то грѣшно веселиться, когда онъ, бѣдняжка, такъ страдаетъ.

— Кто это, Джонни?—спросилъ Дрэкъ.

— Мой маленькій паціентъ, мальчикъ, которому отрѣзали ногу.

— Какая смѣшная эта Глори! — дивилась Полли. — Говорить о такихъ вещахъ здѣсь!

— Тсс!—замѣтилъ лордъ Робертъ.—Занавѣсъ подымается.

Черезъ минуту Глори уже смѣялась, потому что всѣ они вдругъ очутились въ темнотѣ.

Давали «Много шума изъ-за пустяковъ». Глори шепнула Дрэку, что она никогда не видала этой пьесы, но читала Макбета и все знаетъ про Шекспира и драму. Съ первой же сцены у нея духъ захватило; все было такъ величественно, такъ роскошно! Декорація изображала красивый барскій домъ. Глори дивилась про себя, думая, сколько времени должны были употребить на его постройку и все это на одинъ вечеръ. Однако, тише! На сценѣ есть люди. Они входятъ въ домъ? Нѣтъ, они предпочитаютъ разговаривать на улицѣ. Ахъ, дѣйствіе происходитъ въ Италіи? Ну, да, конечно, это другое дѣло.

Леонато произнесъ первыя свои слова съ большой энергіей и былъ награжденъ апплодисментами. Глори тоже хлопала въ ладоши и говорила, что для такого дряхлаго старика онъ отлично играетъ.

Тутъ вошла Беатриса. Публика привѣтствовала ее громомъ рукоплесканій. Глори пришла въ недоумѣніе.

— Это Терри,—шепнула Полли и Дрэкъ сказалъ: «Элленъ Терри», но Глори все еще ничего не понимала.

— Какъ же они зовутъ ее «Беатрисой»?—Потомъ она сообразила, въ чемъ дѣло, состроила умное лицо и сказала: — Ну, да, конечно... фамилія актрисы... понимаю, понимаю... Только за что же ей апплодируютъ? Вѣдь она еще ничего не сдѣлала.

Дрэкъ объяснилъ, что артистка, исполняющая роль Беатрисы, любимица публики, что апплодисментами привѣтствуютъ актера, какъ привѣтствуютъ дорогаго гостя, какъ будто говорятъ ему: вы намъ понравились въ прежнихъ роляхъ и мы очень рады видѣть васъ снова. Глори нашла это восхитительнымъ и, любуясь парой блестящихъ глазъ, сіявшихъ изъ-за рампы, сказала:

— Вотъ хорошо бы быть актрисой! — И опять повернулась къ сценѣ, гдѣ все блестѣло и сверкало.

— Какое хорошенькое платье!

— Только со сцены, душечка,—сказала Полли.

— И какіе чудные брилліанты!

— Стразы,—замѣтилъ лордъ Робертъ.

— Тсс!—сказалъ Дрэкъ.

Тутъ вошелъ Бенедиктъ; ему устроили цѣлую овацію. «Ирвингъ», шепнулъ Дрэкъ, и Глори пришла еще въ большее недоумѣніе, чѣмъ давеча.

— Какъ же это? Вы мнѣ говорили, что м-ръ Ирвингъ владѣлецъ театра. Мнѣ кажется, ему слѣдовало бы привѣтствовать...

Лордъ Робертъ, представивъ себѣ Бенедикта, апплодирующаго самому себѣ, при входѣ, расхохотался обычнымъ своимъ холоднымъ смѣхомъ, но Дрэкъ сказалъ ему:

— Успокойтесь, Робертъ!

Глори, какъ ребенокъ, не слушала никого, кромѣ самой себя, и черезъ минуту вся уже была поглощена пьесой. По мѣрѣ того, какъ разыгрывалась веселая война между Беатрисой и Бенедиктомъ, лицо ея становилось серьезнымъ.

— Нѣтъ, это ужасно глупо съ ея стороны,—сказала она наконецъ.— Если, какъ вы говорите, она знаменитая актриса, ей не слѣдовало бы такъ вести себя. Какъ можно такъ разговаривать съ мужчиной! Всякій пойметъ, что онъ ей страшно нравится, хоть она и старается скрыть это. Глупая!—вотъ увидите, онъ раскуситъ ее.

Въ это время занавѣсъ упалъ и зала мгновенно освѣтилась. Сосѣди Глори смѣялись надъ ней, и она сама разсмѣялась.

— Разумѣется, это не настоящее,—заявила она съ важностью.—Я вѣдь понимаю, я много читала о драматическомъ искусствѣ и игрѣ на сценѣ и сама могла бы играть.

— Я увѣрена, что могли бы,—замѣтила Полли, вздернувъ верхнюю губку, но Глори не обратила на это вниманія.

Весь второй актъ она хранила тотъ же важный видъ, внимательно слѣдила за маскарадомъ, но ни разу не позволила себѣ засмѣяться, даже улыбнуться. Свѣтъ, яркіе цвѣта платьевъ, веселыя молодыя лица приводили ее въ восторгъ. Ее тянуло туда, за рампу, но она утѣшала себя: вѣдь это только ея тѣло, съ сверкающими глазами и дрожащими губами, перегнулось черезъ барьеръ ложи, а душа—тамъ, на сценѣ, въ роскошномъ нарядѣ, подъ маской, смѣется и шутитъ съ Бенедиктомъ. На этотъ разъ она выдержала характеръ и, когда занавѣсъ опустился, стала разсуждать объ игрѣ актеровъ.

Она все еще находила, что Леонато превосходно играетъ для такого пожилого джентльмена; когда же Полли стала хвалить Клавдіо, она согласилась, что и тотъ хорошъ, но больше всѣхъ ей нравился Бенедиктъ. Съ Беатрисой она какъ-то слилась всѣмъ своимъ существомъ и почти не говорила о ней.

Въ третьемъ актѣ вся эта напускная мудрость вдругъ измѣнила ей. Посреди баллады: «Не вздыхайте, дѣвы, не вздыхайте, дамы...» она вспомнила о Джонни и стала шепотомъ разсказывать Дрэку, какъ ему не хорошо было, когда они уходили изъ госпиталя. Когда же мальчикъ смолкъ, и Бенедиктъ заявилъ, что пѣсня была плохо спѣта, Глори откинулась на спинку кресла и сказала, что она не понимаетъ, какъ м-ръ Ирвингъ можетъ говорить такія вещи, что, по ея мнѣнію, пѣсня была прекрасно спѣта.

— Но, вѣдь, это авторъ говоритъ, — шепнулъ Дрэкъ. Тогда она опять сдѣла умное лицо.

— Да, я понимаю... Шекспиръ... ну, да, конечно.

Въ это время на сценѣ стали разставлять сѣти влюбленнымъ. Глори объявила, что въ такихъ пьесахъ всегда всѣ влюблены другъ въ друга, потому-то онѣ ей и нравятся, но всѣ эти господа съ своими хитростями очень просты, если думаютъ, что Беатриса не понимаетъ, что она любитъ Бенедикта. Клавдіо и въ другихъ отношеніяхъ упалъ въ ея глазахъ; когда же онъ согласился шпіонить за Геро, она объявила, что это просто стыдъ и срамъ.

— Какая вы смѣшная! — возразила Полли, — вѣдь это же авторъ говоритъ.

— Въ такомъ случаѣ стыдно автору, потому что это несправедливо, жестоко и совсѣмъ не нужно,—отрѣзала Глори.

Занавѣсъ упалъ и мужчины углубились въ споръ объ искусствѣ. Лордъ Робертъ доказывалъ, что искусство не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью, Дрэкъ стоялъ на своемъ, что Глори права, и разубѣдить его не было никакой возможности.

Четвертый актъ окончательно захватилъ Глори. Увидавъ, что декорація изображаетъ внутренность церкви и что имъ предстоитъ при-

сутствовать при вѣнчаніи, она не могла усидѣть на мѣстѣ отъ восторга. Но когда обрядъ вѣнчанія былъ прерванъ, и Клавдіо бросилъ въ лицо Геро тяжкое обвиненіе, она громко заявила, что это совсѣмъ на него похоже и что онъ будетъ наказанъ по заслугамъ, если никто не повѣритъ ему.

— Тише!—сказалъ кто-то возлѣ нихъ.

— Но они повѣрили!—во всеуслышаніе возмущалась Глори.

— Тсс! Тсс!—зашикали съ разныхъ сторонъ.

— Нѣтъ, это позоръ!.. и отецъ туда же...

— Тише, Глори,—шепнулъ Дрэкъ, но она вскочила съ мѣста, и когда Геро упала, громко вскрикнула.

— Что за ужасная дѣвушка!—возмутилась Полли.—Садитесь, всѣ на васъ смотрятъ!

— Вѣдь это же не настоящее, это на сценѣ только, — шепотомъ уговаривалъ ее Дрэкъ.

Глори сѣла.

— Ну, да, конечно, не настоящее. А какъ вы думаете...

Она не договорила; все ея вниманіе было поглощено сценой между Беатрисой и Бенедиктомъ; когда Беатриса сказала: «Убей Клавдіо!» Она подпрыгнула на мѣстѣ и захлопала въ ладоши. Но Бенедиктъ отказался убить Клавдіо,—это было послѣдней каплей. Мѣра негодованія переполнилась. Глори объявила, что она не можетъ считать такого человѣка великимъ артистомъ, что стыдно сидѣть и слушать такія пьесы. Мало ли низостей совершается въ жизни; люди не за тѣмъ ходятъ въ театръ, чтобъ смотрѣть на нихъ; она лучше уйдетъ.

— Какая вы смѣшная!—повторила Полли, но Глори была уже въ корридорѣ, а за ней вышелъ и Дрэкъ.

Въ началѣ пятаго акта она вернулась заплаканная, смущенно улыбаясь, и казалась очень сконфуженной. Во время послѣдняго дѣйствія она много плакала, но не подавала иного признака жизни, пока не упала зеленая занавѣсь. Тогда она сказала:

— Чудо что такое! Заставить человѣка забыть, что это все неправда, вѣдь это самое удивительное, что только можетъ быть!

Лордъ Робертъ стоялъ за стуломъ Полли, прячась за занавѣской и смѣялся надъ энтузіазмомъ Глори, прерывая ея восторженныя рѣчи разными циническими замѣчаніями. Наконецъ онъ спросилъ:

— Хотѣли бы вы поближе познакомиться съ вашимъ волшебнымъ міромъ, Глори?

Глори не поняла; Дрэкъ пробормоталъ: «Придержите свой язычекъ» и, обернувшись къ Глори, кротко пояснилъ: «Онъ спрашиваетъ, не хотите ли вы побывать за кулисами, но я не думаю...»

Глори вскрикнула отъ восторга.

— Конечно, хочу! Больше всего на свѣтѣ?

— Надо будетъ свести васъ какъ-нибудь на репетицію,—сказалъ

лордъ Робертъ, — а потомъ вы обѣ придете къ намъ чай пить, въ номера.

Дрэкъ какъ будто былъ недоволенъ, но Полли, томно закативъ глазки, объявила, что это будетъ очаровательно, а Глори и подавно была на седьмомъ небѣ.

Домой дѣвушки, по собственному ихъ желанію, поѣхали однѣ, въ омнибусѣ. Онѣ сидѣли на разныхъ концахъ и почти не разговаривали между собой. Полли тихонько мурлыкала: «Не вздыхайте, дѣвы...»

Глори все еще не могла придти въ себя. Чудный, свѣтлый, прекрасный міръ открылся передъ нею; она всѣмъ сердцемъ рвалась туда, какія-то смутныя, слѣпыя надежды роились въ ея душѣ. Быть можетъ, то былъ призрачный міръ, но онъ казался реальнѣе самой дѣйствительности. Проѣзжая по Пиккадилли, она даже забыла посмотрѣть на женщинъ, толпившихся на тротуарахъ.

Омнибусъ подвезъ ихъ къ самымъ дверямъ госпиталя; онѣ однимъ духомъ взбѣжали по лѣстницѣ. Въ корридорѣ, ведущемъ въ хирургическія палаты, имъ повстрѣчался Джонъ Стормъ. Онъ шелъ медленно, мѣрнымъ шагомъ; голова его была опущена; повидимому, онъ хотѣлъ въ угрюмомъ молчаніи пройти мимо, но Глори остановилась и заговорила съ нимъ. Полли пошла къ себѣ.

— Вы здѣсь? такъ поздно?

Онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

— За мной прислали—напутствовать умирающаго.

— Маленькаго Джонни?

— Да.

Теперь въ ея глазахъ не было ни слезинки; даже рѣсницы не дрогнули.

— Не привыкнуть мнѣ къ здѣшней жизни,—сказала она раздражительно.—Повсюду возлѣ васъ смерть, каждый часъ, каждую минуту! Нельзя выйти, развлечься, чтобы не...

— Это истинно женское дѣло,—горячо перебилъ ее Джонъ;—настоящее призваніе женщины, самое благородное дѣло, какое она только можетъ найти себѣ.

— Можетъ быть,—сказала Глори, повернувшись на каблукахъ.—Тѣмъ не менѣе...

— Спокойной ночи,—сказалъ Джонъ и тоже круто повернулся, чтобы идти.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ и засмѣялась. Потомъ пошла въ свою комнату и легла въ постель, чувствуя, что какой-то маленькій твердый клубочекъ давитъ ей сердце.

Полли Лёвъ въ сосѣдней комнаткѣ напѣвала, раздѣваясь:

«Не вздыхайте, дѣвы, не вздыхайте, дамы,
«Мужчины были и будутъ лжецами...»

Въ эту ночь Глори снилось, что она дома, въ Пилѣ. Она сидѣла на вершинѣ холма, смотрѣла на корабли, покачивавшіеся на якорѣ въ заливѣ, за стѣнами развалинъ стараго замка, и рвалась уйти съ ними въ море, плыть къ далекимъ большимъ городамъ.

XV.

На слѣдующее утро Джонъ Стормъ сидѣлъ у себя и разсѣянно перелистывалъ книгу, пытаясь читать, когда ему доложили, что его спрашиваетъ дама. То была миссъ Макрэ; она вошла, краснѣя; губы ея дрожали, глаза были заплаканы. Какъ и въ первый разъ, удержавъ въ своей рукѣ протянутую ей руку, она сказала дрожащимъ голосомъ:

— Мнѣ такъ стыдно, что я пришла... Мамаша не знаетъ, что я здѣсь, но я очень несчастна, и если вы можете помочь мнѣ...

— Пожалуйста, сядьте,—сказалъ Джонъ Стормъ.

— Я пришла сказать вамъ...—грустный взглядъ ея скользнулъ по всей комнатѣ и снова остановился на лицѣ Джона.—Дѣло идетъ о лордѣ Робертѣ Юрѣ... Я такая дурная, такая жалкая...

— Скажите мнѣ всю правду, милая барышня, и если я чѣмъ-нибудь могу помочь...

Она все разсказала ему. Обыкновенная, скверная исторія. Мать обручила ее съ лордомъ Робертомъ Юромъ ради его титула (такъ какъ не было другого способа заполучить его); онъ самъ посватался за нее ради ея приданаго. Она его не любила и знала, что онъ пользуется скандальною репутаціей, но ее учили не придавать значенія такимъ пустякамъ, говорили, что это ребячество и сантиментальность; она немножко поборолась и уступила.

— Вы будете упрекать меня за мою слабость?

— Нѣтъ, я васъ не упрекаю,—отвѣчалъ онъ съ разстановкой; — я жалѣю васъ.

— Ну, теперь все кончено, и если я погибла въ мнѣніи свѣта, если мать моя...

— Вы ей сказали, что не можете выйти за него замужъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ кто же я, чтобъ упрекать васъ?

Онъ всталъ и отбросилъ отъ себя книгу.

Темные глаза дѣвушки, блуждавшіе по комнатѣ, снова остановились на лицѣ Джона, и въ нихъ загорѣлся новый свѣтъ.

— Я слышала вашу воскресную проповѣдь, м-ръ Стормъ, и чувствовала себя такъ, какъ будто никого другого не было въ церкви, какъ будто вы обращались ко мнѣ одной. А вчера вечеромъ, въ театрѣ...

— Что такое было въ театрѣ?

Онъ ходилъ по комнатѣ, но при этомъ словѣ остановился.

— Я видѣла его въ ложѣ; онъ былъ съ своимъ пріятелемъ и двумя... двумя дамами...

— Больничными сидѣлками?

Она вскрикнула отъ изумленія.

— Значитъ, вы все знаете, и проповѣдь, дѣйствительно, предназначалась для меня?

Съ минуту онъ не отвѣчалъ, потомъ началъ, какъ-то невнятно выговаривая слова:

— Вы хотите, чтобъ я помогъ вамъ разстроить этотъ бракъ; я попробую. Но если мнѣ не удастся, все равно, что бы ни случилось въ прошломъ, что бы ни ждало васъ въ будущемъ...

— О!—воскликнула она,—еслибъ вы только захотѣли поддержать меня своей силой, я была бы храбра, я бы ничего не побоялась!

— Прощайте, милая барышня,—сказалъ Джонъ Стормъ. Она нагнулась къ его рукѣ и поцѣловала ее, прежде чѣмъ онъ успѣлъ помѣшать этому.

Джонъ Стормъ опять взялся за книгу и нервно теребилъ пальцами страницы, но читать не могъ. Вошелъ м-ръ Галяйтли и сообщилъ, что каноникъ проситъ его къ себѣ въ рабочій кабинетъ.

— Скажите ему, что я самъ собирался идти къ нему.

Преподобный Галяйтли откашлялся и, кланяясь, попятился къ двери.

У каноника въ это утро также была гостья,—сама м-рсъ Макрэ. Она усѣлась въ кресло, покрытое тигровой шкурой, и, сморкаясь въ надушенный платочекъ, принялась изливать всѣ свои горести.

Мерси идетъ противъ матери, знать не хочетъ ея власти надъ собой и во всемъ виноватъ новый викарій, м-ръ Стормъ. Она отказывается выйти замужъ за лорда Роберта, хочетъ взять назадъ слово, и все изъ-за этой ужасной проповѣди. Это возмутительно, это безнравственно! Хорошъ проповѣдникъ, который учитъ дѣвушекъ потакать своимъ капризамъ, не принимая въ разсчетъ желаній родителей.

— Я два года живу въ Лондонѣ, истратила кучу денегъ на эту дѣвчонку, дѣлала для нея, что только могла—и что же? Какъ разъ въ ту минуту, какъ мнѣ удалось ввести ее въ одно изъ лучшихъ семействъ, этотъ молодой человѣкъ. . какой-то викарій... какое-то... ничтожество... Честное слово, это просто грѣхъ и стыдъ!

И смоченный духами платочекъ перешелъ отъ носа къ глазамъ.

— Не огорчайтесь такъ, милѣйшая м-рсъ Макрэ,—возразилъ каноникъ, играя своимъ пенснэ,—не разстраивайте себя. Предоставьте дѣйствовать мнѣ. М-съ Макрэ передумаетъ; мы убѣдимъ ее...

— О, не воображайте, что это такъ легко! Она кротка только по виду. Вы не знаете, какъ она упряма. Если она что заберетъ себѣ въ голову, вы ничѣмъ ее не разубѣдите. Но я тоже буду непреклонна,—я увезу ее назадъ въ Америку; я не истрачу больше ни копѣйки, ни полушки...

— Что же касается м-ра Стормa,—прервалъ ее каноникъ,—здѣсь я беру на себя все уладить. Напрасно вы придаете такое большее зна-

ченіе этой несчастной проповѣди... Знаете, молодость, *esprit fort*... Всѣ мы прошли черезъ это.

По уходѣ м-рсъ Макрэ, онъ дважды позвонилъ и обратился къ вошедшему м-ру Галяйтли:

— Подите, скажите м-ру Сторму, чтобы онъ сейчасъ же пришелъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, сэръ,—отвѣчалъ маленькій человѣчекъ, но медлилъ идти.

— Что это значитъ?—спросилъ каноникъ, поправляя пенснэ.

— Я еще не сказалъ вамъ, сэръ, въ какомъ видѣ я засталъ его когда вы давеча послали меня къ нему въ госпиталь.

— А что?

— Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ католическимъ священникомъ, пришедшимъ навѣстить больного.

У каноника отъ неожиданности свалилось пенснэ; широкое лицо его расплылось въ какую-то странную усмѣшку.

— Я такъ и думалъ, что за всѣмъ этимъ кроются козни римской колдуньи... Надо будетъ извѣстить дядюшку. Или я очень ошибаюсь, или... Ну, да все равно пришлите его сюда.

Джонъ Стормъ въ это утро былъ опять одѣтъ въ свою фланелевую рубашку; онъ тяжелой поступью спустился съ лѣстницы, вошелъ и, не дожидаясь приглашенія, сѣлъ въ кресло, которое только что занимала м-рсъ Макрэ.

Между бровями каноника легли двѣ морщинки.

— Милѣйшій Стормъ,—началъ онъ,—я откладывалъ, пока было возможно, это тягостное объясненіе; теперь оно стало необходимымъ. Дѣло въ томъ, что ваша послѣдняя проповѣдь страшно оскорбила многихъ дамъ, бывшихъ въ церкви; если мы будемъ продолжать въ томъ же духѣ, мы потеряемъ лучшихъ прихожанокъ. Я вовсе не желаю ссориться съ вами,—напротивъ; но, въ качествѣ вашего духовнаго главы и наставника, я желалъ бы поставить вамъ на видъ, что ваши религіозные взгляды совершенно не согласуются съ требованіями и запросами девятнадцатаго столѣтія. Такая вѣра исключаетъ свободу, а помните, что говоритъ св. Павелъ: «Гдѣ духъ Господень, тамъ и свобода». Мало того, что въ теоріи ваши религіозныя воззрѣнія расходятся съ писаніемъ, онѣ оказываются прямо-таки вредными въ примѣненіи ихъ на практикѣ. Ваша вѣра мрачная, любезный Стормъ, а что говорилъ Лютеръ о мрачной вѣрѣ? Что за ней очень легко укрыться дьяволу. Самъ онъ, если припомните, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, игралъ въ шахматы, любитъ смотрѣть, какъ молодежь танцуетъ...

— Я не противъ танцевъ, сэръ,—перебилъ его Джонъ Стормъ,—я только противъ музыки.

— Что вы хотите сказать этимъ?—довольно надменно спросилъ каноникъ, и морщинки между его бровями стали шире и глубже.

— Я хочу сказать, что половину нынѣшней молодежи,—въ особенности свѣтскихъ дѣвушекъ изъ Вестъ-Энда,—заставляютъ танцовать подъ звуки «похороннаго марша».

И онъ заговорилъ о томъ, какую низость продѣлали съ Мерси Макрэ, какъ ее продали и купили, какой дурной славой пользуется человѣкъ, за котораго ее хотятъ выдать замужъ.

— Я пришелъ именно объ этомъ поговорить съ вами, сэръ, просить васъ спасти невинную дѣвушку отъ кощунства надъ святымъ таинствомъ брака. Она уже не ребенокъ, и законъ не можетъ защитить ее, но *вы* можете, потому что за вами власть церкви. Вамъ стоитъ только воспротивиться этой гнусности и сказать...

— Милѣйшій м-ръ Стормъ, — каноникъ снисходительно улыбался, играя своимъ пенснэ,—дѣло церкви освящать браки, а не устраивать ихъ. Но если эта молодая особа обратится ко мнѣ, я скажу ей: «Милая барышня, то, на что вы жалуетесь, встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ вы думаете; отложите въ сторону всѣ вздорныя романтическія бредни, свейте себѣ гнѣздышко поуютнѣе и черезъ годъ приходите поблагодарить меня за совѣтъ».

Джонъ Стормъ былъ уже на ногахъ; кровь бросилась ему въ лицо, въ каждой жилкѣ онъ чувствовалъ біеніе пульса.

— Итакъ, пусть эти господа берутъ себѣ въ жены дочерей бѣдняковъ, а потомъ обращаются къ церкви съ просьбой освятить ихъ многоженство...

Каноникъ поднялъ руку, какъ бы приказывая ему замолчать.

— Мой милый молодой другъ, подобной политикой можно разогнать девять десятыхъ палаты общинъ и совершенно уничтожить палату лордовъ. Практическая религія снисходительна и благоразумна. Всѣ мы люди, хотя и джентльмены, и, если глупенькіе дѣвочки...

Но Джонъ Стормъ былъ уже въ швейцарской и надѣвалъ шляпу, чтобы идти отыскивать Глори.

Глори еще не пришла въ себя, не очнулась отъ волшебнаго сна. Другіе жили сегодняшнимъ днемъ; она—все еще вчерашнимъ. Она вся была полна ощущеніями, пережитыми въ театрѣ; сцена заслоняла дѣйствительность, придавала ей особую, драматическую окраску. Это сдѣлало ее очень мягкосердечной, но плохой сидѣлкой.

Утромъ она дежурила въ амбулаторіи; въ числѣ приходящихъ больныхъ была старуха съ ребенкомъ, прикусившимъ себѣ языкъ. Нужно было зашить ранку и для этого оставить дѣвочку дня на два въ больницѣ. «Позвольте мнѣ уложить бѣдняжку въ постель, — жалобно взмолилась старуха;—она такъ привыкла ко мнѣ, я всегда ее укладываю». «Вы ея мать?»—спросила дежурная сестра.—«Нѣтъ, бабушка».—«Помимо пріемныхъ дней, въ палаты допускаются только матери». Бѣдная старуха заплакала. Глори, которой было поручено снести малютку въ палату, шепнула ей: «Идите сюда», и та пошла за нею. Когда онѣ пришли

въ хирургическое отдѣленіе, Глори сказала дежурной сидѣлкѣ: «Это мать больной дѣвочки; она пришла уложить бѣдняжку въ постель».

Позже, ей пришлось работать въ этой самой палатѣ. Одинъ изъ больныхъ, сильно страдавшій, позвалъ ее: «Сидѣлка, ослабьте, ради Бога, перевязку; эта боль убиваетъ меня». И она ослабила.

Но театръ затронулъ въ ней не однѣ только нѣжныя струны; она всѣмъ существомъ своимъ поддалась его чарамъ. Улучивъ минутку, когда сестры милосердія не было въ палатѣ, она стала представлять Беатрису и Бенедикта, потомъ запѣла, подражая вчерашнему исполнителю: «Не вздыхайте, дѣвы»... Больной, у постели котораго она все это продѣлывала, былъ Кёнигъ, органистъ и хормейстеръ церкви Всѣхъ Святыхъ, низенькій, толстый нѣмецъ, съ длинными усами, которые онъ и въ постели мазалъ фиксатуаромъ и подвивалъ. Глори прозвала его «гиппопотамомъ». Глядя на ея мимику, онъ хохоталъ до того, что просто катался по постели, восклицая:

— Ахъ, Gott! Што за дѣвушка! Никогда, никогда и на сцена не видаль такой хорошей игра. И голосъ! Нэмношко работайтъ съ хорошимъ прэподаватель и тогда... Mein Gott, што говоратъ музыканты— што внутри геніусъ сидитъ кремонскій скрипка, на которой онъ сочиняйтъ свой безсмертный произведеній. Ви также имѣйтъ въ себѣ Кремона, моя дорогая, и я вамъ буду помогайтъ взять ее наружа. Какъ ви думайтъ?

Въ это время тѣмъ изъ больныхъ, кому раарѣшено было читать, приносили газеты, но сегодня газеты были отложены въ сторону: больные не сводили глазъ съ Глори; всѣ хохотали, иные даже апплодировали.

Вошла сестра Олльворзси въ сопровожденіи домашняго врача.

— Что это значитъ?—спросила она.—Что здѣсь происходитъ?

Глори сказала правду и получила строгій выговоръ.

— Кто ослабилъ эту повязку?—спросилъ докторъ.

Больной попробовалъ было вывернуться, но Глори опять-таки сказала правду и снова получила выговоръ.

— А кто позволилъ этой женщинѣ придти въ палату? — спросила сидѣлка.

— Я,—отвѣтила Глори.

— Вы не годитесь въ сидѣлки, миссъ, я непремѣнно заявлю на совѣтѣ, что вы совершенно непригодны къ исполненію этой обязанности.

Глори расхохоталась въ лицо сестрѣ.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ Джонъ Стормъ. Онъ вызвалъ Глори въ коррридоръ и попытался ее успокоить.

— Пожалуйста, не воображайте, что я всю жизнь буду ходить за больными. Можетъ быть, это и хорошее дѣло, и женское, но я-то хочу быть живымъ человѣкомъ, съ душой и сердцемъ, а не машиной, именуемой Долгъ. Я ненавижу, презираю все, что окружаетъ меня! Когда-

нибудь я все это брошу и сбѣгу. Все равно, рано или поздно этимъ кончится.

— Теченіе вашей жизни нарушено, Глори, вотъ почему вы презираете все окружающее. Вчера, вечеромъ, вы были въ театрѣ.

— Кто вамъ сказалъ?.. Ну и была, такъ что же? Развѣ вы изъ тѣхъ, кто находитъ театръ...

— Я не противъ театра, Глори. Я только не хотѣлъ бы, чтобы нарушался строй вашей жизни. Тотъ, кто это сдѣлалъ, не другъ вамъ, а врагъ.

— Вы опять хотите разсердить меня, какъ давеча? — И она прикусила дрожащую нижнюю губку.

— Я пришелъ не за тѣмъ, чтобы сердить васъ, Глори; я пришелъ просить васъ,—больше, умолять, чтобы вы прервали эти гнусныя отношенія.

— Вы совсѣмъ не знаете этихъ... этихъ, какъ вы говорите, отношеній, потому и называете ихъ гнусными.

— Я знаю, о чемъ говорю, дитя мое. Эти люди ведутъ хуже, чѣмъ гнусную жизнь; у меня сердце обливается кровью, когда я вижу, что и вы попали къ нимъ въ сѣти.

— Вы опять унижаете меня. Вы всегда унижаете меня. Другіе стараются дѣлать мнѣ пріятное, вы же... И я вовсе не желаю, чтобы при мнѣ оскорбляли моихъ друзей. Да, это мои друзья. Вчера я была съ ними съ театрѣ и въ первый же свободный день пойду къ нимъ въ гости, пить чай. А потому извольте...

— Глори!

Онъ крѣпко схватилъ ее за руку.

— Пустите! мнѣ больно!

— Вы не переступите порога этого человѣка.

— Пустите меня!

— Вы неопытны, какъ дитя, Глори; мой долгъ защитить васъ отъ васъ самихъ.

— Пустите, говорятъ вамъ!

— Не губите себя. Подумайте, пока есть время, подумайте о своемъ добромъ имени, о своей репутаціи.

— Я буду поступать, какъ мнѣ вздумается.

— Слушайте! Если я сдѣлался священникомъ, это не значитъ, что я всю жизнь провелъ въ пеленкахъ. Дайте мнѣ разсказать вамъ, какую жизнь ведутъ эти господа—лучшіе изъ нихъ, самые лучшіе. Онъ встаетъ въ полдень, прогуливается въ паркѣ, съ кѣмъ-нибудь пьетъ чай, охаетъ и вздыхаетъ съ горя, что ему нужно идти куда-нибудь въ гости обѣдать; съ обѣда спѣшитъ сбѣжать въ театръ, посмотрѣть глупый фарсъ, ужинаетъ въ такъ-называемомъ клубѣ...

— Вы подразумѣваете лорда Роберта, но какое право имѣете вы...

— Право того, кто знаетъ, что это за человѣкъ; онъ хуже, гораздо

хуже, чѣмъ я вамъ описываю. И подобный господинъ считаетъ себя вправѣ играть дѣвушкой потому только, что она бѣдна. Она, можетъ быть, все ставитъ на карту: душу, спасеніе души; а ему что: онъ ничѣмъ не рискуетъ. Сегодня шутитъ съ одной, завтра женится на другой, а первую пошлетъ къ чорту...

— Вы чего-то не договариваете. Что это?

Но Джонъ Стормъ круто повернулся и отошелъ.

Сдавъ дежурство, Глори пошла разыскивать Полли Лобъ, надѣясь найти ее въ ея каморкѣ, но каморка была пуста. Выходя, она увидала на полу какую-то бумажку. Это было тщательно сложенное письмо. Глори подняла его, развернула и прочла, почти не сознавая, что дѣлаетъ: у нея кружилась голова, невыплаканныя слезы подступали къ глазамъ.

«Вы спрашиваете, намѣрена ли я усыновить его? Да, и воспитывать совершенно такъ же, какъ если бы это былъ мой ребенокъ. Надѣюсь, у васъ будетъ здоровый, крѣпкій мальчуганъ, но если родится дѣвочка...»

Глори не понимала, что читаетъ. Чье это письмо? кому писано? Оно было адресовано: «*X. Y. Z.*, контора «*Утренней Почты*».

Послышались торопливые шаги и вошла Полли, не поднимая глазъ, какъ будто отыскивая на полу что-то оброненное ею. Взглянувъ на Глори, она моментально вырвала письмо изъ ея рукъ и вскричала:

— Что вы дѣлаете въ моей комнатѣ? Это вашъ другъ капелланъ выучилъ васъ шпіонить за мной?

Лицо ея было искажено гнѣвомъ. Глори, сгорая отъ стыда, повернулась и вышла, не говоря ни слова.

Придя въ свою комнату, Джонъ Стормъ нашелъ на столѣ письмо отъ каноника:

«Послѣ нашей утренней бесѣды (такъ странно прерванной на полусловѣ),—писалъ каноникъ,—я имѣлъ честь навѣстить вашего милѣйшаго дядюшку, перваго министра. Онъ согласенъ со мной, что усиленные труды во время вашихъ недавнихъ экзаменовъ и волненія, соединенныя съ новыми занятіями, должны были пагубно отразиться на вашемъ здоровьѣ и что вы поступили бы благоразумнѣе, давъ себѣ маленькій отдыхъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что вы свободны на недѣлю, на двѣ, на мѣсяцъ, словомъ, насколько времени вы пожелаете. Я же, глубоко скорбя о вашемъ отсутствіи, постараюсь, насколько могу, возмѣстить незамѣнимую утрату вашего неоцѣненнаго сотрудничества».

Прочитавъ это посланіе, Джонъ Стормъ бросился въ кресло и расхохотался. Долго и горько смѣялся онъ самъ надъ собою, но, когда смѣхъ прошелъ, его охватило чувство глубокаго одиночества. Онъ вспомнилъ о м-ссъ Каллендеръ, пошелъ къ ней, показалъ ей письмо каноника и разсказалъ все по порядку.

— Ложь, ложь, ложь!—повторяла она.

— Ахъ, голубчикъ ты мой! Лгать, знать, что лжешь, знать, что другіе знаютъ, что ты лжешь и все-таки продолжать лгать,—въ этомъ вся наука жизни для модныхъ пастырей и модной паствы. А эта женщина—уфъ! Она развелась съ своимъ мужемъ за два года до его смерти; онъ умеръ на чужой сторонѣ, въ гостинницѣ, одинъ, не имѣя возлѣ себя никого изъ родныхъ и ближнихъ, чтобы облегчить его послѣднія минуты, а теперь она носитъ на груди его волосы въ золотомъ медальонѣ. Вотъ она какова! Ну, да не бѣда, голубчикъ; все хорошо, что хорошо кончается. Отдыхъ тебѣ будетъ полезенъ, а то ты заморилъ себя работой. Не думаешь ли съѣздить домой, на островокъ, а?

Джонъ Стормъ сидѣлъ, заложивъ нога за ногу, упершись локтемъ о колѣно и головой на руку.

— Я проведу это время,—выговорилъ онъ,—въ Убѣжищѣ, у братьевъ въ Бишопсгэтстритѣ.

— Господи, помилуй мою душу! Что это ты задумалъ, парень? Хороша перемѣна воздуха! Это годится для тѣхъ, у кого въ жилахъ течетъ не кровь, а вода. Но у тебя кровь, милый мой, кровь! Берегись, берегись!

XVI.

«Ты права, милая тетя Анна, слова: «авторитетъ» и «повиновеніе» должны быть всякому извѣстны и всѣми чтимы. Но бываютъ случаи, когда питать къ нимъ уваженіе довольно трудно. Знаешь гаданье: опустите пенни въ дырочку, и оттуда выскочитъ предсказаніе? Такъ вотъ здѣшняя дирекція опускаетъ пенни въ дырочку, а предсказанія или, вѣрнѣе, приказы, по крайней мѣрѣ, относительно меня, исходятъ изъ устъ сестры Олльворзси. Я прозвала ее «бѣлой совой». Въ ней пять футовъ десять дюймовъ росту и щеки у нея круглыя, толстыя; мнѣ иной разъ страшно хочется отшлепать ее по щекамъ, какъ это дѣлаютъ мамаши съ провинившимися ребятами.

«Такъ вамъ кажется, что я «не совсѣмъ-то подходящій человѣкъ» для этого дѣла? Какъ сказать? Не думаю, чтобъ я была дурной сидѣлкой, тетя Анна. Больные любятъ меня, при мнѣ они не хандрятъ. Бѣда моя въ томъ, что я не могу соблюдать въ точности правила, и за это мнѣ достается. Сестра Олльворзси уже три раза отчитала меня,—спаси ее, Господи! Три раза мяукнула пестрая кошка, а теперь она грозитъ пожаловаться на меня надзирательницѣ. Эту милую особу, впрочемъ, довольно затруднительно сдвинуть съ мѣста, ибо она погребена подъ Пеліономъ и Оссой жиру. Живетъ она въ Адулламской пещерѣ, на рубежѣ Ада (т. е. анатомическаго театра), въ нижнемъ этажѣ, и вѣчно возится съ презлющей маленькой собаченкой, лишенной чутья; эта собаченка постоянно сидитъ у нея на колѣняхъ и лаетъ на каждаго, кто войдетъ. Я прозвала ее (т. е. надзирательницу, а не со-

баченку) старшимъ маклеромъ при переломахъ и главнымъ распорядителемъ погребальныхъ церемоній; показывается она только разъ въ день, когда обходитъ палаты. Съ ея величествомъ нужно быть почтительной; иначе она можетъ притянуть васъ къ отвѣту,—на еженедѣльномъ засѣданіи дирекціи, записать васъ въ штрафной журналъ и уволить безъ аттестата. Это худшее, что можетъ случиться съ дѣвушкой, избравшей себѣ карьеру сидѣлки; послѣ такого изгнанія, она ужъ никогда не найдетъ себѣ мѣста.

«Ну, да будетъ объ этомъ. Дѣда, милый, можешь себѣ представить, какую штуку выкинулъ нашъ Джонъ Стормъ? Разлившись въ жалобахъ, какъ Іеремія, и напророчивъ намъ всѣ казни египетскія, онъ теперь отправился успокоивать свои взволнованныя чувства, иными словами, удалился отъ міра въ такое «Убѣжище», гдѣ молятся, не переставая, и, не говоря ни слова, по восемнадцати часовъ въ сутки и по шести дней кряду, а то и по шестидесяти. Онъ вернется, насквозь пропитанный святостью, и я буду чувствовать себя передъ нимъ такой жалкой грѣшницей...

«И все же, когда я начинаю серьезно думать объ этомъ, мнѣ хочется плакать, а какъ вспомню, что отчасти это можетъ быть изъ-за меня...

«Дѣло было такъ. Своей «ужасной рѣчью» Джонъ не стеръ главы змія, а только придавилъ ее; каноникъ же (я зову его «свѣтскимъ мудрецемъ»), увидавъ, что его знатныя прихожанки, подобно фарисеямъ, одна за другой вышли изъ церкви, сказалъ нашему бѣдному Джону, что онъ боленъ и нуждается въ немедленномъ отдыхѣ. Оно-таки и правда, на то похоже, и болѣзнь его—нѣчто вродѣ человѣчьяго бѣшенства, въ припадкахъ котораго бѣдная жертва кусаетъ, первымъ дѣломъ, своихъ лучшихъ друзей. Когда онъ пришелъ сюда, у него нижняя губа отвисла, какъ у старой собаки, а я была такъ глупа, что не замѣтила, что онъ и усталъ, какъ собака, что его совсѣмъ загнали, и только возмущалась тѣмъ, что онъ въ послѣднее время такъ распустился и подурнѣлъ. А тутъ еще сестра Олльворзси какъ разъ передъ тѣмъ показала мнѣ свои клыки, я была зла, какъ фурія, и наговорила ему Богъ вѣсть чего. Но онъ же и самъ велъ себя крайне неблагоразумно. Послушать его, такъ можно подумать, что я не смѣю ни выбирать себѣ друзей, ни развлекаться безъ его вѣдома и согласія и что, просиживая цѣлые дни въ нашемъ очаровательномъ госпиталѣ, я еще и по вечерамъ должна прогуливаться вокругъ его стѣнъ, не иначе! Я такая же горячка, какъ и онъ, и потому жестоко поругалась съ нимъ; а на другой день узнаю, что онъ удалился въ «Убѣжище»,—это нѣчто въ родѣ англиканскаго монастыря, гдѣ-то въ центрѣ города,—что тамъ онъ «постарается освободиться» отъ всего, что привязываетъ его къ «міру», и посмотритъ, что ему «слѣдуетъ предпринять дальше». Съ этимъ письмомъ онъ мнѣ прислалъ свое родительское благословеніе, а я ему

въ отвѣтъ послала мое; въ моемъ святости меньше, зато у него хватитъ на двоихъ.

«Я такъ и думала, милая тетя Рэчель, что вы помните мать м-ра Дрэка. Да, онъ тоже блондинъ, и волосы зачесываетъ на бокъ, какъ на портретахъ Наполеона. Онъ и весь немножко похожъ на Наполеона, только бѣлокурый.

«На-дняхъ я была съ нимъ въ театрѣ. Это и есть великое событіе, о которомъ я намедни собиралась вамъ разсказать. Тамъ вполнѣ прилично, и всѣ вели себя благопристойно, кромѣ Глори, которая весь вечеръ глупила, говорила безъ умолку и высказывала свои мнѣнія и притомъ такъ громко, что всѣ оборачивались въ мою сторону и готовы были вывести меня вонъ.

«Нѣсколько дней спустя пріятель м-ра Дрэка, лордъ Бобъ,—онъ, кажется, знакомъ со всѣми актерами, какіе только есть на свѣтѣ,—повелъ насъ «за кулисы», и мы присутствовали на репетиціи. Изъ-за кулисъ сцена смотритъ совсѣмъ иной, чѣмъ изъ залы, но нѣтъ въ мірѣ такой вещи, которая казалась бы одинаковой сзади и спереди, и я нисколько не была разочарована. Мнѣ все казалось восхитительнымъ, романическимъ и забавнымъ, и право, право я не думаю, чтобъ ужъ такъ грѣшно было быть актрисой. А вы?

«Съ нами была моя пріятельница Полли Лёвъ,—Полли тоже на испытаніи, и ея спаленка рядомъ съ моей,—а послѣ репетиціи мы пошли къ нашимъ кавалерамъ въ гости, пить чай. Отсюда слышу, какъ тетя Анна восклицаетъ: «Боже милостивый! ты этого не сдѣлала, дитя!» Ну да, сдѣлала. Въ интересахъ моего пола, надо же мнѣ было посмотрѣть, какъ устраиваются одинокіе молодые люди, живущіе въ номерахъ, и знаете, вѣдь они отлично обходятся безъ женщинъ. Это просто возмутительно! Разумѣется, я была не такъ глупа, чтобъ показать, что я объ этомъ думаю. Я осмотрѣла гостиную, потомъ учинила экзаменъ хозяевамъ, разсмотрѣвъ огромное количество фотографій (большею частью, женскихъ), подержала трубку въ зубахъ,—меня интересовало, какъ это они могутъ курить изъ такихъ огромныхъ трубокъ, а затѣмъ сняла шляпку, накрыла на столъ и заварила чай.

«Тѣмъ временемъ кавалеры наши переодѣлись въ домашній костюмъ и давай собирать чашки, блюдечки, сахарницы. Оказалось, что у нихъ всего-на-всего одна чайная ложка, и когда кому-нибудь надо было помѣшать чай, онъ говорилъ сосѣду: «Не будете ли вы такъ любезны передать нашу ложку!» Вотъ потѣха была! Мы хохотали до слезъ, по крайней мѣрѣ одна изъ насъ, и такъ хорошо хозяйничали, что ухитрились разбить чайникъ и полоскательницу и опрокинуть лампу. Восторгъ, да и только!

«Но самое смѣшное началось послѣ чаю, когда Глори попросили изобразить кого-нибудь изъ лицъ, видѣнныхъ ею въ театрѣ. Разумѣется, не могла же она изображать мужчинъ, будучи въ женскомъ платьѣ, а

такъ какъ она въ этотъ вечеръ была свѣтла, какъ алмазъ и вдвое «безстыднѣе бѣлаго камня» *): въ головѣ ея родилась смѣлая мысль переодѣться въ мужское. Само собой, джентльмены пришли въ восторгъ, такъ что, я надѣюсь, тетя Рэчель не будетъ черезчуръ ужасаться. М-ръ Дрэкъ одолжилъ мнѣ свои панталоны и бархатную жакетку; мы съ Полли отправились въ спальню, и она помогла мнѣ сообразить, какъ что надѣть. Блузка и шляпа остались мои собственныя (теперь я ношу фетровую шляпу, съ перомъ и съ большими полями), чулки и туфли, *разумѣется*, тоже мои; и смѣю васъ увѣрить, изъ меня вышелъ премиленькій мальчугашка. Когда мы были въ спальнѣ, я думала, Полли помретъ со смѣху, но въ гостиной, она все время закрывала лицо и стонала: «Глори, какъ вы можете?!»...

«Боюсь, что я пѣла и дурачилась больше, чѣмъ это полезно для души, но во всемъ виновать м-ръ Дрэкъ. Онъ объявилъ, что у меня удивительный мимическій талантъ и что продолжать служить въ госпиталѣ, значитъ даромъ терять время и зарывать даръ Божій въ землю. И я думаю, что еслибъ понадобилось, случись со мной что-нибудь, онъ бы...

«Представьте себѣ Глори любимицей публики и весь свѣтъ у ея ногъ! А все-таки страшно подумать, какъ это рѣшиться быть актрисой, не правда ли?

«Послѣ такого блестящаго выхода, пришлось возвратиться назадъ въ госпиталь, и тутъ опять начались мои терзанія. Помните моего мальчугана, который все говорилъ, что пойдетъ къ ангеламъ и что тамъ ему будутъ давать свиныхъ хрящиковъ, сколько онъ захочетъ. Онъ на самомъ дѣлѣ ушелъ на небо, и у меня теперь нѣтъ никакой охоты ходить за больными дѣтьми. Ахъ, какъ меня тянетъ прочь отсюда, къ жизни, въ свѣтъ! Какъ хочется блестѣть въ немъ, сдѣлаться великой, прославиться! Я могу этого добиться, право, могу. Во мнѣ есть сила: я увѣрена, что есть. И вотъ, я сижу въ какой-то темной норѣ и плачу отъ тоски по солнцу!

«Какъ это глупо, не правда ли? Совсѣмъ похоже на бредъ. Друзья мои, позвольте вамъ представить нѣкую сумасбродку и сумасшедшую по имени Глори Квэйль».

XVII.

Зала совѣта въ госпиталѣ Виноградника Мареы представляла собой большую, роскошно убранную комнату, съ овальнымъ окномъ въ глубинѣ; обѣ боковыя стѣны были увѣшаны портретами прежнихъ директоровъ и главныхъ врачей. Въ большихъ дубовыхъ креслахъ, за массивными дубовыми столами, покрытыми зеленымъ сукномъ и уставленными письменными принадлежностями, съ трехъ сторонъ засѣдали

*) As impudent, as a while stone—безстыденъ, какъ бѣлый камень; Мэнская поговорка.

члены правленія. Четвертая, обращенная къ входной двери, оставалась свободной. Съ этой стороны подходили больные съ просьбой о пріемѣ, или о выпискѣ, и служащіе въ больницѣ съ еженедѣльными рапортами.

Въ одно августовское утро надзирательница закончила свой докладъ безпримѣрной и поразительной просьбой. Она требовала немедленнаго увольненія одной изъ сидѣлокъ за распутное поведеніе. Обыкновенно, правленіе, порѣшивъ уволить ту или другую сидѣлку, поручало надзирательницѣ частнымъ образомъ отказать ей отъ мѣста, но въ этотъ день въ собраніи предсѣдательствовалъ господинъ вспыльчиваго нрава, съ суровымъ очертаніемъ рта и массивной нижней челюстью.

— Дѣло въ высшей степени серьезно,—сказалъ онъ.—Я полагаю... въ виду того, что госпиталь есть общественное учрежденіе,—я нахожу, господа, что правленіе само должно разслѣдовать это дѣло. Мы должны лично удостовѣриться, что... что этотъ случай единственный въ своемъ родѣ, что въ госпиталѣ нѣтъ другихъ безпорядковъ.

— Съ разрѣшенія вашей свѣтлости,—началъ звучнымъ и мягкимъ голосомъ одинъ изъ членовъ, сидѣвшихъ за боковыми столами,—я позволю себѣ напомнить, что такого рода тяжкіе проступки противъ нравственности непосредственно подлежатъ вѣдѣнію нашего капеллана и что, если онъ выполнилъ свой долгъ по отношенію къ несчастной дѣвушкѣ (какъ оно, безъ сомнѣнія, и было), онъ, вѣроятно, имѣетъ сдѣлать намъ заявленіе по поводу ея.

Говорившій былъ каноникъ Уэльзи.

— Кстати могу сообщить,—прибавилъ онъ,—что м-ръ Стормъ уже вернулся, приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей и въ настоящее время находится въ госпиталѣ.

— Пошлите за нимъ,—сказалъ предсѣдатель.

Когда Джонъ Стормъ вошелъ въ залу совѣта, всѣ замѣтили, что отдыхъ не принесъ ему пользы. Лицо его еще больше вытянулось, глаза ввалились, сквозь смуглую кожу проступала какая-то странная блѣдность.

Ему объяснили, въ чемъ дѣло, и спросили, не имѣетъ ли онъ сдѣлать заявленія относительно сидѣлки, представленной надзирательницей къ увольненію.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—мнѣ нечего сообщить.

— Вы хотите сказать,—вмѣшался предсѣдатель, что ничего не знаете объ этомъ дѣлѣ, что оно слишкомъ обыкновенно и недостойно вашего вниманія, или, можетъ быть, что вы даже никогда не бесѣдовали съ виновной по этому поводу?

— Совершенно вѣрно; я никогда не говорилъ съ ней объ этомъ.

— Такъ вы сдѣлаете это теперь,—сказалъ предсѣдатель, нажимая пуговку колокольчика, стоявшаго возлѣ.

Явился служитель.

— Неужели вы намѣрены допрашивать эту дѣвушку здѣсь?—возмутился Джонъ.

— А почему же нѣтъ?

— Здѣсь столько народу, и все мужчины, кромѣ одной... Надзирательница, конечно, могла бы...

Каноникъ поднялся съ мѣста.

— Мой юный братъ отъ природы чрезвычайно чувствителенъ, милордъ, но я могу увѣрить его, что по отношенію къ подобной особѣ его деликатность совершенно излишня. Онъ забываетъ, что позоренъ самый грѣхъ ея, а не справедливое и необходимое наказаніе.

— Введите ее сюда,—сказалъ предсѣдатель. Надзирательница что-то шепнула служителю, и тотъ вышелъ изъ залы.

— Извините, сэръ,—началъ Джонъ Стормъ,—если вы полагаете, что я стану разспрашивать провинившуюся сидѣлку о ея грѣхѣ, какъ выражается каноникъ, такъ я не могу этого сдѣлать.

— Не можете?

— Ну, не хочу.

— Вотъ какъ вы понимаете свои обязанности капеллана?

— Обязанность надзирательницы, а не капеллана, смотрѣть за...

— Надзирательница! надзирательница! Это вашъ приходъ, сэръ, поймите! вашъ приходъ! Крупному общественному учрежденію грозитъ безславіе, скандалъ, а вы отвѣтственны за его духовное благополучіе...

— Право, господа...

Каноникъ опять поднялся; на губахъ его играла примиряющая усмѣшка.

— Мнѣ кажется, я понимаю нашего молодого друга. Ваша свѣтлость и всѣ мы должны оцѣнить его чувства, хотя бы и не одобряли его воззрѣній. Чье великодушное сердце не найдетъ въ себѣ сочувствія къ деликатности молодого священника, отступающаго передъ зрѣлищемъ вины и грѣха въ женщинѣ, молодой и, быть можетъ, прекрасной? Но, если это затрудняетъ вашу свѣтлость, я самъ готовъ...

— Благодарю васъ,—сказалъ предсѣдатель.

Сестра Олльворзси ввела обвиняемую. Дѣвушка шла съ опущенной головой и старалась закрыть лицо руками.

— Ваша имя?—началъ каноникъ.

— Мэри-Елизавета Лёвъ,—чуть слышно пролепетала сидѣлка.

— Вамъ извѣстно, Мэри-Елизавета Лёвъ, что наша достойная и добрѣйшая надзирательница,—онъ слегка поклонился въ сторону грузной дамы, сидѣвшей у свободной стороны стола,—вынуждена была взять на себя тягостную обязанность представить васъ къ увольненію, что равносильно вашему немедленному удаленію изъ госпиталя. Не могу выразить надежды, что правленіе не уважитъ ея ходатайства, но, быть можетъ, возможно будетъ смягчить вашу характеристику въ аттестатѣ, если вы докажете этимъ господамъ, что печальное уклоненіе отъ правилъ доброй нравственности и цѣломудрія, послѣдствіемъ котораго является ваше настоящее позорное и безславное положеніе, до извѣстной

степени результатъ безпорядковъ, имѣющихъ мѣсто въ стѣнахъ госпиталя, или что вы поддались искушенію со стороны лицъ, близко стоящихъ къ нему.

Дѣвушка заплакала.

— Говорите, сидѣлка. Если вы имѣете что-либо сказать, правленіе готово выслушать.

Плачъ перешелъ въ рыданіе.

— Безполезно!—воскликнулъ предсѣдатель.

— Невозможно!—сказалъ каноникъ.

Кто-то спросилъ, нѣтъ ли у обвиняемой пріятельницы въ госпиталѣ, которая могла бы пролить свѣтъ на это запутанное дѣло. Сестра Олльворзи что-то шепнула надзирательницѣ, та сказала: «Приведите ее»

Лицо Джона Сторма приняло задумчивое и сосредоточенное выраженіе; онъ смотрѣлъ въ сторону, но это не помѣшало ему увидать, какъ въ комнату вошла дѣвушка выше ростомъ, чѣмъ Полли Лёвъ, и какъ будто съ отблескомъ солнечнаго сіянія въ золотисто-рыжихъ кудряхъ.

То была Глори.

Опять пошли перешептыванья; затѣмъ каноникъ началъ допросъ:

— Вы товарка и подруга Мэри-Елизаветы Лёвъ?

— Да,—отвѣтила Глори.

Голосъ ея былъ звученъ и спокоенъ, глаза свѣтились отвагой, и отъ этого красивое дѣвичье лицо казалось еще красивѣе.

— Вамъ, безъ сомнѣнія, знакомы и другіе ея друзья? Быть можетъ вы пользовались ея довѣріемъ?

— Я полагаю, что да.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете сообщить правленію, не имѣетъ ли виновникъ ея настоящаго печальнаго положенія какого-нибудь отношенія къ нашему госпиталю?

— Я полагаю, что нѣтъ.

— Можетъ быть, это кто-нибудь изъ служащихъ, сторожей, студентовъ?

— Нѣтъ.

— Благодарю васъ, этого вполнѣ достаточно, — сказалъ предсѣдатель; и всѣ члены правленія закивали головами и лица ихъ расцвѣли довольной улыбкой.

— За что же вы меня благодарите?

— Вы оказали большую услугу старинному и почтенному учрежденію,—сказалъ каноникъ.—Лучшее, чѣмъ правленіе можетъ отблагодарить васъ за ваше чистосердечіе, это посовѣтовать вамъ впредь избѣгать такихъ подругъ и уклоняться отъ такихъ опасныхъ знакомствъ.

Съ безпечнымъ вызовомъ въ лицѣ, Глори подошла къ громко рыдавшей Полли и обняла ее за талію.

— Есть у этой дѣвушки родственники?—спросилъ предсѣдатель.

Надзирательница справилась въ книгѣ. Полли была круглая сирота;

родители ея давно умерли. У нея есть братъ; онъ недавно лежалъ больной въ госпиталѣ; но братъ этотъ—послушникъ въ англиканскомъ монастырѣ въ Бишопгетъ-стритѣ, и въ данномъ случаѣ полезенъ ей быть не можетъ.

Опять члены правленія зашептались между собою. Не та ли это дѣвушка, которую рекомендовалъ въ сидѣлки судебный слѣдователь? Еще она имѣла какое-то отношеніе къ одному трагическому происшествію, обратившему на себя не такъ давно общее вниманіе? Да, та самая.

— Помнится, я слышалъ, что у нея есть бѣдные родственники, низкаго происхожденія,—замѣтилъ каноникъ;—но они, по всей вѣроятности, сами слишкомъ нуждаются, чтобы помочь ей въ такую минуту.

До сихъ поръ Полли только плакала, но теперь она вдругъ вспылила; гордость ея была задѣта.

— Это неправда!—вскричала она.—У меня нѣтъ бѣдныхъ родственниковъ низкаго происхожденія, и я не нуждаюсь ни въ чьей помощи. Мой другъ джентльменъ, такой же джентльменъ, какъ и всѣ вы; если желаете, я могу назвать его имя, онъ живетъ въ Сентъ-Джемсъ-стритѣ и зовутъ его лордъ...

— Остановитесь!—загремѣлъ каноникъ.—Мы не можемъ позволить вамъ скомпрометировать джентльмена, назвавъ его имя въ его отсутствіе.

Джонъ подошелъ къ одному изъ столовъ и взялъ лежавшую на немъ брошюрку. Это былъ годовой отчетъ госпиталя, съ приложеніемъ списка членовъ правленія и кандидатовъ.

— Эта дѣвушка уволена,—сказалъ предсѣдатель, взялъ разсчетную книжку изъ рукъ надзирательницы, подписался и отдалъ ее обратно.

— Вотъ еще кандидатка въ убѣжище м-рсъ Календеръ,—сказалъ каноникъ. — Съ согласія правленія, я буду просить капеллана немедленно сообщить объ этомъ случаѣ достойной лэди.

Джонъ Стормъ слышалъ, но не отвѣтилъ; онъ перелистывалъ брошюрку.

Каноникъ откашлялся.

— Мэри-Елизавета Лёвъ,—началъ онъ,—своимъ поведеніемъ вы запятнали это почтенное и донынѣ безупречное учрежденіе, но я вполнѣ увѣренъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени, прежде даже, чѣмъ родится вашъ злополучный ребенокъ, вы поймете, что должны быть благодарны намъ за нашу снисходительность и милосердіе. Лично я сознаюсь, чрезвычайно огорченъ тѣмъ обстоятельствомъ, — и, вѣроятно, еще прискорбнѣе видѣть это тому, кто былъ поставленъ пещись о благѣ души вашей—(онъ покосился въ сторону Джона)—что вы какъ будто даже не сознаете всей глубины своего паденія. Насъ учили чтить въ женщинѣ кротость, правдивость и чистоту, видѣть въ ней существо, имѣющее самыя священныя права на наше сочувствіе, достойное нашей нѣжнѣйшей любви, и будетъ только справедливо, — голосъ каноника дрожалъ и прерывался, — только справедливо, го-

ворю я, сказать вамъ открыто, при всѣхъ, хотя, увы! и слишкомъ поздно, что для женщины, оскорбившей этотъ высокій идеалъ, какъ вы его оскорбили, у всѣхъ порядочныхъ и уважаемыхъ людей не найдется другого имени, кромѣ одного—жестокаго, ужаснаго символа презрѣнія и омерзѣнія, имени—*проститутки*.

Смявъ брошюрку въ рукѣ, Джонъ Стормъ шагнулъ къ канонику, но его предупредили. Высоко закинувъ голову и сверкая глазами, Глори встала между плачущей дѣвушкой и безпощаднымъ судьей; видно было, какъ бурно вздымалась ея молодая грудь.

— Какъ вы смѣете!—вскричала она.—Вы говорите, что васъ учили чтить въ женщинѣ кротость и чистоту. Ну, а меня учили, что мужчина долженъ быть силенъ духомъ и мужественъ, нѣженъ сердцемъ и полонъ состраданія ко всему живущему, и болѣе всего къ женщинѣ, когда она заблуждается и падаетъ. Но въ васъ нѣтъ мужества и нѣжности сердца; вы жестоки и трусливы; я презираю и ненавижу васъ!

Члены правленія повскакали съ мѣстъ.

— Вы уволили мою подругу. Можете, если угодно, уволить и меня,—если *посмѣете*! Но я всѣмъ буду разсказывать, что меня уволили за то, что я вступилась за бѣдную дѣвушку, не дала вамъ называть ее жестокимъ и позорнымъ именемъ и топтать ногами лежачаго. И всѣ мнѣ повѣрятъ, потому что это правда; а все что ни скажете вы—будетъ ложь, и весь свѣтъ это узнаетъ!

Тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, къ ней шла надзирательница.

— Какъ вы смѣете, миссъ! Сію минуту отправляйтесь въ палату! Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите?

— О, мнѣ не впервой разговаривать съ священникомъ. Я дочь священника и внучка священника, и я знаю, что такое священникъ, когда онъ добръ и мужественъ, ласковъ и сострадателенъ къ женщинамъ, когда онъ мужчина и джентльменъ, а не фарисей и крокодилъ!

— Выведите эту дѣвушку,—сказалъ предсѣдатель.

Въ одинъ мигъ Джонъ Стормъ очутился возлѣ нея.

— Нѣтъ, сэръ, этого никто не посмѣетъ сдѣлать.

Но Глори уже обезсилѣла отъ волненія, и обѣ дѣвушки, какъ заблудившіяся дѣти, рыдали на груди другъ у друга. Джонъ отворилъ дверь и помогъ имъ выйти.

— Отведите свою подругу въ ея комнату, сидѣлка; я сейчасъ приду къ вамъ.

Затѣмъ онъ обернулся къ предсѣдателю, все еще держа въ рукѣ смятую брошюрку и выговорилъ спокойно и почтительно:

— Теперь, когда вы разсчитались съ женщиной, могу я спросить, что вы намѣрены дѣлать съ мужчиной?

— Съ какимъ мужчиной?

— Я не ставлю себя судьей надъ разбитымъ сердцемъ падшей дѣ-

вушки и не признаю за собой на то права, но случайно я узналъ имя, которое ей запретили произнести, и нахожу его здѣсь, сэръ, — здѣсь, въ спискѣ членовъ и кандидатовъ правленія.

— Ну такъ что же?

— Сэръ, вы вычеркнули изъ списковъ дѣвушку. Прошу васъ вычеркнуть и мужчину.

— Господа,—сказалъ предсѣдатель, вставая,—засѣданіе закрыто.

XVIII.

Джонъ Стормъ написалъ м-рсъ Календеръ, объяснилъ ей, въ какомъ положеніи Полли Лёвъ, и просилъ немедленно навѣстить бѣдную дѣвушку, а самъ пошелъ разыскивать лорда Роберта Юра, по адресу, найденному имъ въ спискѣ членовъ.

Онъ засталъ его одного, но вскорѣ затѣмъ пришелъ Дрэкъ. Лордъ Робертъ привѣтствовалъ его ледянымъ поклономъ, Дрэкъ холодно протянулъ руку; ни одинъ не пригласилъ его сѣсть.

— Мой приходъ удивляетъ васъ, господа, — началъ Джонъ,—но я только что былъ свидѣтелемъ очень тяжелой сцены и счелъ необходимымъ довести о ней до вашего свѣдѣнія.

Онъ разсказалъ, что произошло въ залѣ совѣта, подчеркивая, главнымъ образомъ, стыдъ и униженіе, перенесенные Полли. Лордъ Робертъ, стоя у окна, барабанилъ пальцами по стеклу; Дрэкъ сидѣлъ въ низенькомъ креслѣ, вытянувъ ноги и заложивъ руки въ карманы брюкъ.

— Я только не могу уяснить себѣ, почему вы сочли необходимымъ придти сюда и разсказать намъ все это?—спросилъ лордъ Робертъ.

— Лордъ Робертъ, вы отлично понимаете меня.

— Извините, м-ръ Стормъ, я совершенно не понимаю васъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану васъ спрашивать, считаете ли вы себя отвѣтственнымъ за печальное положеніе этой дѣвушки.

— И не спрашивайте.

— Но я предложу вамъ другой вопросъ, болѣе легкій и простой.

— Какой?

— Когда вы намѣрены жениться на ней?

Лордъ Робертъ повернувшись къ Дрэку, залился ироническимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, эти священники... эта самоувѣренность... знаете... Смѣю спросить ваше преподобіе, какая ваша роль во всемъ этомъ дѣлѣ? вы-то тутъ при чемъ?

— Я капелланъ госпиталя.

— Но вѣдь вы говорите, что ее оттуда выгнали.

— Очень хорошо, лордъ Робертъ. Въ такомъ случаѣ я просто человѣкъ, вступающійся за обиженную женщину.

— Знаемъ мы это!—сухо вскричалъ лордъ Робертъ.—Видали мы та-

кихъ героевъ! Мнѣ извѣстны ваши проповѣди, м-ръ Стормъ, ваши свиданія съ молодыми дѣвицами и т. д.

— А мнѣ извѣстно, какъ вы поступаете съ молодыми дѣвицами. Что вы намѣрены сдѣлать для этой?

— То, что мнѣ заблагоразсудится.

— Берегитесь. Вы знаете, что это за дѣвушка. Именно такія... Въ эту минуту она на краю бездны, лордъ Робертъ. Если случится еще что-нибудь, если она разочаруется въ васъ... теперь она возлагаетъ на васъ надежды, строитъ планы... если она упадетъ еще ниже и погубитъ свое тѣло и душу...

— Любезный м-ръ Стормъ, поймите, пожалуйста, что я сдѣлаю для этой дѣвушки все, или ничего не сдѣлаю, смотря по тому, что найду лучшимъ, но ни совѣтовъ, ни вмѣшательства священниковъ не желаю,— понимаете?

Наступила короткая пауза; затѣмъ Джонъ Стормъ спокойно выговорилъ:

— Лучшаго я и не ждалъ. Но мнѣ нужно было слышать это изъ вашихъ устъ, и я слышалъ. Прощайте.

Онъ вернулся въ госпиталь и спросилъ Глори. Она была изгнана вмѣстѣ съ Полли Лобъ въ комнату экономки. Полли ловила мухъ на окнѣ (выходившемъ въ паркъ) и напѣвала: «не вздыхайте, дѣвы...» У Глори глаза были красны отъ слезъ. Джонъ отозвалъ ее въ сторону.

— Я написалъ м-ссъ Календеръ; она сейчасъ пріѣдетъ.

— Это безполезно. Полли не захочетъ идти къ ней. Она ждетъ, что за ней пріѣдетъ лордъ Робертъ, и просила меня повидаться къ м-ромъ Дрэкомъ.

— Но я только что видѣлъ этого господина.

— Лорда Роберта?

— Да... Онъ ничего не намѣренъ дѣлать.

— Ничего!

— Ничего, или хуже, чѣмъ ничего.

— Не можетъ быть!

— Для такихъ людей нѣтъ ничего невозможнаго.

— Все же они не такъ дурны. Если даже лордъ Робертъ таковъ, какъ вы говорите, м-ръ Дрэкъ...

— Глори, они друзья, живутъ вмѣстѣ: что одинъ, что другой — это все равно.

— О нѣтъ, м-ръ Дрэкъ совсѣмъ не такой.

— Не заблуждайтесь, дитя мое. Будь между ними дѣйствительно разница...

— Она есть. Еслибъ дѣвушка въ нуждѣ и горѣ обратилась къ нему за помощью...

— Онъ бросилъ бы ее, Глори, какъ старый лотерейный билетъ, вышедшій въ тиражъ и никуда больше негодный.

Она прикусила губу, такъ что даже выступила капелька крови,

— Вы не любите м-ра Дрэка, потому и не можете судить о немъ безпристрастно. Онъ же всегда хвалитъ и во всемъ оправдываетъ васъ. Когда человѣкъ...

— Его похвалы и оправданія для меня ничего не стоятъ. Я думаю не о себѣ. Я думаю...

Лицо его было страшно взволновано; онъ говорилъ отрывисто, безсвязно.

— Сегодня утромъ вы были чудно хороши, Глори, и когда я подумаю, что дѣвушка, бросившая вызовъ этому фарисею, можетъ сама пасть жертвой... Этотъ негодяй спрашивалъ меня, причемъ тутъ я, какъ будто... Но еслибъ у меня дѣйствительно было право, еслибъ дѣвушка была мнѣ дорога, будь это кто-нибудь другой, а не вѣтреное, пустое, ничтожное существо,—знаете, что бы я сказалъ ему: «Разъ дѣло зашло такъ далеко, сэръ, вы должны жениться на ней и не покидать ея, и быть ей вѣрны, и любить ее, иначе я...»

— Вы краснѣете, взволнованы; вы чего-то не договариваете; я не понимаю...

— Обѣщайте мнѣ, Глори, что вы разорвете это гнусное знакомство.

— Это безразсудно. Я не могу обѣщать.

— Обѣщайте, что вы никогда больше не увидитесь съ этими людьми.

— Но я обязательно должна видѣться съ м-ромъ Дрэкомъ и устроить все для Полли.

— Не называйте при мнѣ имени этого человѣка. У меня вся кровь кипитъ, когда я слышу его имя изъ вашихъ устъ.

— Но это тиранія! Вы хуже каноника! Я не могу этого вынести.

— Очень хорошо; какъ вамъ угодно. Безполезно бороться... Который часъ?

— Около шести.

— Я долженъ видѣть каноника прежде, чѣмъ онъ пойдетъ обѣдать.

Обращеніе Джона внезапно измѣнилось. Онъ казался разбитымъ, уничтоженнымъ; всѣ его члены словно оцѣпенѣли.

— Ну, такъ я пойду,—сказалъ онъ, поворачиваясь.

— Такъ скоро? Когда я васъ увижу?

— Богъ вѣсть... Я хочу сказать... не знаю,—отвѣтилъ онъ какъ-то растерянно.

Онъ озирался вокругъ, какъ бы мысленно прощаясь со всѣмъ окружающимъ.

— Но мы не можемъ такъ разстаться. Вѣдь вы еще любите меня хоть немножко, и я...

Въ голосѣ ея звучала мольба. Онъ поднялъ голову и съ минуту вглядывался ей въ лицо, потомъ отвернулся и сказалъ: «Прощайте, Глори!» и, совершенно обезсилѣвъ, шатаясь, побрелъ вонъ изъ комнаты.

Глори пошла въ конецъ корридора, къ окну, чтобы увидать его, когда онъ будетъ переходить черезъ улицу. На мигъ передъ ней мелькнула его фигура, когда онъ заворачивалъ за уголъ. Онъ шелъ медленно, свѣсивъ голову на грудь. Она вернулась вся въ слезахъ.

— Мнѣ захотѣлось свѣжей селедки, милочка, — обратилась къ ней Полли.—Какъ бы это раздобыть селедочку на ужинъ? А, что вы скажете, экономка?

Джонъ Стормъ шелъ къ дому каноника, придавленный чувствомъ глубокаго униженія. «Больше не могу, — думалъ онъ. — Я отказываюсь». Его прежнее вліяніе на Глори, очевидно, исчезло. Что-то стало между ними,—что-то или кто-то.—«Какъ бы тамъ ни было, все кончено; надо уходить».

Продолжать видѣться съ Глори безполезно, да и опасно. Каждый разъ, какъ они очутятся лицомъ къ лицу, ему хочется схватить ее за руки и сказать: «Ты должна дѣлать то-то и то-то, потому что я такъ хочу, такъ велю, такъ приказываю, потому что *я* это говорю тебѣ». И божье дѣло не спасаетъ, такъ велико коварство искусителя!

Но, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому, имъ овладѣвали другія чувства. Онъ совершенно ясно видѣлъ передъ собой Глори, ея свѣжее юное личико, въ которомъ было столько энергіи и нѣжности, столько юмора и сердечной любви, видѣлъ ея станъ, всю ея прелестную фигуру. И снова онъ ощутилъ прежнюю боль въ груди, и ему стало страшно.

— Буду искать прибѣжища въ лонѣ церкви,—думалъ онъ.—Молитва, постъ, покаяніе поддержатъ, утѣшатъ. Церковь есть миръ, отдыхъ отъ житейской суеты; она даетъ силу бороться и побѣдить. Но только церковь должна быть настоящей церковью Господней, а не мірской, плотской, обиталищемъ діавола.

— Спросите каноника, можетъ ли онъ принять меня теперь же?— сказалъ Джонъ Стормъ лакею и остался въ пріемной ждать отвѣта.

Каноникъ пилъ чай въ кабинетѣ съ своей дочерью Фелиситэ. Онъ полулежалъ на софѣ, обложившись бархатными подушками, и держалъ въ обѣихъ рукахъ чашку и блюдечко, растопыривъ пальцы на манеръ крыльевъ бабочки.

— Мы были введены въ заблужденіе, моя милая (онъ прихлебнулъ изъ чашки), и должны расплачиваться за свою ошибку. И, однако, намъ не за что порицать себя, положительно не за что. Является молодой человѣкъ, Богъ вѣсть откуда, непремѣнно желающій получить мѣсто въ этой епархіи. Правда, онъ всего только сынъ какого-то прогорѣвшаго лорда, ведущаго жизнь отшельника, но зато племянникъ и, надо полагать, наслѣдникъ перваго министра Англіи. (Еще нѣсколько глотковъ). Хорошо! Я даю ему мѣсто, принимаю его въ свой домъ, обращаюсь какъ съ членомъ семьи, и каковы же результаты? Онъ пре-

небрегаетъ моими наставленіями, возстановляетъ противъ себя нужныхъ мнѣ людей, и самъ держится въ отношеніи меня какъ-то странно, вызывающе, чтобъ не сказать—презрительно.

Фелиситэ налила отцу вторую чашку чаю, сочувственно вздохнула и, въ свою очередь, начала жаловаться. Молодой человѣкъ совсѣмъ не умѣетъ вести разговоръ, вѣчно молчитъ, съ нимъ просто неловко. Иной разъ, когда у нея гости и она позоветъ его внизъ, онъ такъ стѣсняетъ своей молчаливостью... нѣтъ, право...

— Со всѣми этими мелкими недочетами можно бы помириться, душа моя, еслибъ первый министръ былъ серьезно имъ заинтересованъ. Но этого-то и нѣтъ. Сомнѣваюсь даже, видѣлъ ли онъ хоть разъ племянника помимо перваго визита. Послѣ этой злосчастной проповѣди я былъ у него въ Доунингъ-стритѣ, и мнѣ показалось, что онъ относится къ этому совершенно безучастно. «Молодой человѣкъ не на своемъ мѣстѣ, милѣйшій каноникъ; пришлите его обратно ко мнѣ». И больше ни слова.

— Почему же вы этого не сдѣлаете?

— Къ тому идетъ, дитя мое; а все-таки, знаешь, кровь не вода, и, пожалуй...

Вошелъ лакей и освѣдомился, можетъ ли каноникъ принять м-ра Сторма.

— А, легокъ на поминѣ. (Каноникъ всталъ).

— Дженкинсъ, уберите подносъ. (Понизивъ голосъ). Фелиситэ, я попрошу тебя оставить насъ однихъ. Послѣ того, что произошло сегодня утромъ въ госпиталѣ, всякая сцена... (И снова громко). Приведите его сюда, Дженкинсъ. Говори же что-нибудь, душа моя. Почему ты молчишь?.. Войдите, любезный Стормъ. Такъ, пожалуйста, Фелиситэ, устрой для меня это дѣло. Спасибо, спасибо! Мнѣ очень жаль отсылать тебя, но я увѣренъ, что м-ръ Стормъ извинитъ... Пока, до свиданія.

Фелиситэ вышла, Джонъ Стормъ вошелъ. Онъ казался взволнованнымъ, въ лицѣ его читалось страданіе.

— Сожалѣю, что помѣшалъ, — началъ онъ, — но долго я васъ не задержу.

— Присаживайтесь, м-ръ Стормъ, присаживайтесь, — любезно приглашалъ каноникъ, и самъ усѣлся опять на софу.

Но Джонъ не сѣлъ. Онъ стоялъ за стуломъ, съ котораго только что встала Фелиситэ, похлопывая шляпой о его спинку.

— Я пришелъ сказать вамъ, сэръ, что я желалъ бы сложить съ себя обязанности викарія.

Каноникъ поднялъ на него глаза съ какимъ-то неуловимымъ выраженіемъ; про себя онъ думалъ: «Какъ это умно съ его стороны! Отказаться, не дожидаясь, чтобъ ему сказали безъ обиняковъ: уходи. Очень умно!»

*

Вслухъ онъ отвѣтилъ:

— Жаль, очень жаль. Мнѣ всегда грустно бываетъ терять кого-нибудь изъ моихъ сослуживцевъ. Тѣмъ не менѣе... вы видите, я съ вами совершенно откровененъ,—я замѣтилъ, что вы въ послѣднее время чувствовали себя здѣсь не совсѣмъ хорошо, и думаю, что вы избрали благую часть. Когда вы намѣрены насъ покинуть?

— Желалъ бы поскорѣе,—какъ только окажется возможнымъ обойтись безъ меня.

Каноникъ снисходительно улыбнулся.

— Относительно этого вамъ нечего безпокоиться. Съ такимъ персоналомъ служащихъ, какъ у меня... Вамъ, разумѣется, извѣстно, что послѣ предупрежденія я имѣю право удержать васъ еще три мѣсяца, пока я не отыщу вамъ замѣстителя?

— Да.

— Ну, мы это похеримъ. Я не стану васъ задерживать. Говорили вы по этому поводу съ вашимъ дядюшкой?

— Нѣтъ еще.

— Когда увидите его, пожалуйста, передайте, что я всегда стараюсь удалять препятствія съ дороги молодаго человѣка, если онъ чувствуетъ себя нехорошо, напримѣръ, не на своемъ мѣстѣ...

— Благодарю васъ,—сказалъ Джонъ Стормъ и хотѣлъ было направиться къ двери, но что-то удерживало его.

Каноникъ всталъ и привѣтливо поклонился ему, думая про себя:

— Ни одного рѣзкаго слова! Вотъ и говорите, что происхожденіе не играетъ никакой роли.

— Повѣрьте, милѣйшій Стормъ,—началъ онъ громко,—что я всегда буду съ гордостью и удовольствіемъ вспоминать о нашемъ краткомъ знакомствѣ. Быть можетъ, я нахожу, что вы поступаете неблагоразумно, даже безразсудно, тѣмъ не менѣе, мнѣ всегда будетъ пріятно думать, что я предоставилъ вамъ возможность сдѣлать первые шаги на избранномъ вами поприщѣ, и если вамъ удастся получить другое мѣсто викарія здѣсь же, въ Лондонѣ, вы, конечно, позволите намъ поддерживать знакомство.

У Джона Сторма подергивалось лицо и страшно стучало въ виски, но онъ старался овладѣть собой.

— Благодарю васъ,—выговорилъ онъ;—только маловѣроятія, чтобы...

— Не говорите, что вы сложите съ себя духовный санъ, дорогой м-ръ Стормъ. Или, можетъ быть, вы хотѣли сказать, что покидаете нашу церковь только для того, чтобы присоединиться къ другой? Ага, я, кажется, коснулся больного мѣста? Вы не должны удивляться, что, это получило огласку. Сплетникамъ и болтунамъ рта не заткнешь. И сознаюсь, въ качествѣ вашего духовнаго главы и наставника, я былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ молодой священникъ, отвѣдавшій хлѣба-соли нашего заведенія и моего собственнаго хлѣба-соли, вознамѣрился отдаться въ подданство и рабство латинскому бискупу.

Джонъ Стормъ былъ уже у двери; теперь онъ вернулся.

— Вы говорите такія вещи, сэръ, что мнѣ поневолѣ приходится объясниться на чистоту. Отказываясь отъ мѣста викарія, я ухожу не изъ лона англиканской церкви; я ухожу только отъ васъ.

— Я такъ доволенъ, такъ радъ это слышать!..

— Я ухожу отъ васъ потому, что не могу дольше жить съ вами, не могу дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышете вы, потому что ваша религія не моя религія и вашъ Богъ не мой Богъ!

— Вы удивляете меня. Что же я сдѣлалъ?

— Мѣсяцъ тому назадъ я просилъ васъ воспротивиться, въ качествѣ духовнаго лица, постыдному и безнравственному браку невинной дѣвушки съ человѣкомъ, пользующимся самой скандальной репутаціей; вы нашли оправданіе этому человѣку и стали на его сторону. Сегодня утромъ вы сочли за нужное публично допросить одну изъ жертвъ этого человѣка и опять-таки стали на его сторону, — вы лишили дѣвушку даже права назвать имя этого негодяя.

— Какъ разно мы смотримъ на вещи. А я полагалъ, что отнесся къ этому юному заблудшему существу сострадательно, даже слишкомъ мягко. И смѣю васъ увѣрить, несмотря на эту волканическую особу, накинувшуюся на меня съ такой яростью,—все правленіе и самъ его свѣтлость предсѣдатель были совершенно того же мнѣнія.

— Очень жаль, но я думаю иначе. Я нахожу это ненужнымъ, жестокимъ и безчеловѣчнымъ, больше того—кощунствомъ.

— М-ръ Стормъ! Знаете ли вы, что вы говорите?

— Отлично знаю. Затѣмъ и пришелъ, чтобъ сказать это.

Глаза его дико блуждали, голосъ звучалъ хрипло; онъ походилъ на человѣка, разбившаго оковы, свергнувшаго съ себя иго тиранніи и рабства.

— Вы назвали бѣдную дѣвочку проституткой за то, что она расточила сокровища, дарованныя ей Господомъ. Но вѣдь Господь и васъ одарилъ сокровищами—разумомъ, даромъ краснорѣчія, съ помощью которыхъ вы могли бы подымать падшихъ, поддерживать слабыхъ, защищать угнетенныхъ и утѣшать сокрушенныхъ сердцемъ, а вы что сдѣлали съ ними? Вы вымѣняли ихъ на доходное мѣсто, купили на нихъ популярность, пріобрѣтали ими деньги, дома, красивую мебель, — вотъ это, и это, и это... Вы продали свое право первородства за чечевичную похлебку. Вы продажны, а не она!

— Вы не въ своемъ умѣ, сударь; оставьте меня! уходите!

И каноникъ, перейдя черезъ комнату, дернулъ за сонетку.

— Да, вы въ десять тысячъ разъ виновнѣе бѣдной дѣвушки, невѣжественной, безвольной, съ заразой въ крови. Такія женщины, какъ она, не падали бы жертвами дурныхъ знакомствъ, еслибъ такіе мужчины, какъ вы, не брали бы сторону ихъ соблазнителей и не оправдывали бы ихъ. Кто болѣе достоинъ имени проститутки — женщина, которая продаетъ свое тѣло, или мужчина, который продаетъ душу?

— Вы съ ума сошли, сэръ! Я не желаю сценъ...

— Вы хуже всякой проститутки, бродящей по лондонскимъ улицамъ, а между тѣмъ вы служитель церкви, проповѣдникъ, вы называете себя послѣдователемъ Того, Кто простилъ блудницу и посрамилъ лицемѣровъ и не имѣлъ куда приклонить главу!

Но каноникъ круто повернулся и выбѣжалъ изъ комнаты.

На звонокъ явился лакей и, не найдя никого, кромѣ Джона Сторма, доложилъ ему, что у подъѣзда въ каретѣ его дожидается дама.

То была м-ссъ Календеръ. Она заѣхала сказать, что была въ госпиталѣ и что Полли Лёвъ отказывается поступить къ ней въ «Убѣжище»

— Батюшка, да что это съ тобой приключилось? Привидѣніе увидалъ, что ли?

Джонъ вышелъ съ обнаженной головой, держа шляпу въ рукѣ.

— Теперь кончено,—сказалъ онъ.—Долго я ждалъ, недѣли и мѣсяцы, но теперь баста. Смягчать выраженія не стоило, я высказалъ ему всю правду!

Глаза его горѣли; казалось, онъ сбросилъ съ себя тяжкое бремя, и душа его ликовала.

— Я сказалъ ему, что долженъ уйти отсюда и уйду сегодня же, сію минуту. Скверная была болѣзнь, скверное и лѣкарство.

Старуха, затаивъ дыханіе, съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывалась въ его пылающее лицо.

— Что же ты теперь думаешь дѣлать?

— Сдѣлаться служителемъ Бога не только по имени; уйти совсѣмъ отъ міра, отъ его суетности, блеска, лицемѣрія и призрачныхъ наслажденій.

— Нагуляй себѣ сперва хоть немножко тѣла, голубчикъ. Смотри, вѣдь отъ тебя, почитай, кожа да кости остались. Ты, должно быть, ужъ сколько дней подъ-рядъ не спишь и не ѣшь?

— Это ничего не значитъ,—сущіе пустяки. Богъ не можетъ принять въ даръ половину души. Надо предаться Ему всецѣло.

— Эхъ, паренекъ ты мой хорошій, чуяло мое сердце, къ чему идетъ дѣло, не даромъ я боялась. Да вѣдь раньше-то смерти въ землю себя не зароешь. Можно похоронить себя наполовину, но лучшая-ль то будетъ половина? А мысли, вольныя мысли,—съ ними что сдѣлаешь? А впрочемъ, дѣло твое... Коли такая твоя судьба... коли тебѣ необходимо скрыться отъ свѣта, и я вижу тебя въ послѣдній разъ... поцѣлуй меня, голубчикъ—я вѣдь ужъ старуха... Ступай, Джемсъ! Вотъ дуралей! чего сидишь и глазѣешь?

Придя въ свою комнату, Джонъ Стормъ нашелъ письмо отъ пастора Квэйля, наполненное добродушной старческой болтовней и разными милыми пустяками. Въ немъ говорилось о Глори и о госпиталѣ, о Пилѣ и о находкѣ древнихъ рунъ на кладбищѣ, но въ концѣ былъ довольно странный постскриптумъ:

«Помните вы стараго Чэльса? Онъ здѣсь нѣчто въ родѣ калики перехожаго и общій любимецъ. Такъ вотъ этотъ старый дуракъ какимъ-то образомъ ухитрился обойти вашего отца и увѣрить его, что вы околдованы, что кто-то васъ сглазилъ,—повидимому, женщина, оттого вы и ушли отъ него и ведете себя такъ странно! Совершенно невѣроятное происшествіе! Поразительно, что такой человѣкъ, какъ вашъ отецъ, могъ поддаться такому глупому суевѣрію, но если это смягчитъ его гнѣвъ противъ васъ и будетъ способствовать вашему примиренію, можно, пожалуй, простить недовѣріе къ Промыслу Божію и оскорбленіе, нанесенное здравому смыслу. Знаете, все хорошо, что хорошо кончается, и мы всѣ будемъ счастливы».

XIX.

«*Утерянъ, украденъ или заблудился*—человѣкъ, священникъ, отзывается на кличку: Джонъ Стормъ. Или, вѣрнѣе, не отзывается, ибо ему было писано дважды, онъ же не удостоилъ ни тявкнуть, ни рявкнуть въ отвѣтъ. Въ послѣдній разъ, какъ его видѣли, недѣлю назадъ, страдалъ дурнымъ расположеніемъ духа, отчаянно разозлившись на невинную и беззащитную молодую дѣвицу, которая «никакъ въ толкъ не возьметъ», чѣмъ она его обидѣла. Всякій, кто сообщитъ, что онъ пребываетъ въ вожделѣнномъ здравіи, или принесетъ какія бы то ни было вѣсти о немъ, получитъ приличное вознагражденіе.

«Кромѣ шутокъ, милый Джонъ Стормъ, что съ вами сталось? Гдѣ вы, что дѣлаете, гдѣ скрываетесь со дня жестокаго инквизиціоннаго суда въ залѣ совѣта? Страшные слухи, какъ ножи, разсѣкаютъ воздухъ и глубоко ранятъ бѣдное дѣвичье сердце. А потому, будьте столь добры отвѣтить съ той же почтой и лично.

«Въ ожиданіи этого,—прошу видѣть въ томъ доказательство моего неизмѣннаго уваженія къ вамъ,—послѣ двухъ сногсшибательныхъ ударовъ, принятыхъ въ смиренномъ молчаніи, я еще разъ подхожу къ вамъ, улыбаясь. Да будетъ вамъ извѣстно, что м-ръ Дрэкъ оправдалъ всѣ ожиданія и заставилъ лорда Роберта позаботиться о Полли, которая теперь водворена на своей собственной дачѣ, гдѣ-то въ Сентъ-Джемсъ-Вудѣ и окружена цѣлымъ штатомъ слугъ и вассаловъ. Вы, конечно, съ восторгомъ отмѣтите во мнѣ развитіе дара пророчества, ибо, какъ помните, я тогда еще предсказывала, что еслибъ дѣвушка была въ горѣ или въ затруднительномъ положеніи, м-ръ Дрэкъ первый поспѣшилъ бы помочь ей. Само собой, онъ наговорилъ мнѣ кучу лестныхъ вещей, сладкихъ, какъ сиропъ, по поводу моей вѣрности въ дружбѣ, и разсыпался въ краснорѣчивыхъ похвалахъ вашей милости. По его словамъ, вы изъ тѣхъ людей, которые безраздѣльно повинуются голосу сердца, тогда какъ большинство слушается столько же сердца, сколько и головы; а если вы иногда обнаруживаете строгость, граничащую съ тиранніей въ отношеніи слабаго пола, это только доказываетъ, какъ вы

уважаете женщину и на какой высокій пьедесталъ вы желали бы ее поставить. Этими словами онъ примирилъ меня съ жизнью; гармонія вселенной возстановлена, все снова кажется легко и пріятно.

«А теперь, имѣю честь извѣстить васъ, что ребенокъ Полли уже явился на свѣтъ (это мальчикъ, спаси его Господи!), раньше, чѣмъ его ожидали, вѣроятно, благодаря тому, что она такъ много плакала и сильно испугалась крокодила. Сегодня я дежурю ночью, слѣдовательно, свободна съ 6.30 до 8.30 вечера, и намѣреваюсь нанести ему свой первый оффиціальный визитъ. Если бы еще кто-нибудь пожелалъ сопутствовать мнѣ въ обитель невинности и любви, съ тѣмъ, чтобы поклониться младенцу, какъ восточные мудрецы,—добро пожаловать! Но, на случай, если бы кто-нибудь спросилъ меня въ госпиталѣ около половины седьмого, не мѣшаетъ предупредить, что Бѣлая Сова строго-на-строго запретила служащимъ всякія сношенія съ уволенной и обезчещенной матерью. И тѣмъ не менѣе, я намѣреваюсь нарушить запретъ. Можете приписать это сидящему во мнѣ духу противорѣчія, ибо я отлично знаю, что бѣдная изгнанная и обезчещенная мать понимаетъ дружбу только въ томъ смыслѣ, что она можетъ все брать и ничего не давать взамѣнъ. Положимъ, женщина по природѣ эгоистична, все равно, какъ искры такъ ужъ устроены, что летятъ кверху; но еслибъ мнѣ встрѣтился мужчина не эгоистъ, я предалась бы ему вся, душой и тѣломъ,—конечно, еслибъ у него не было жены, или иного препятствія, вообще, еслибъ онъ не былъ уже абонированъ въ этомъ мірѣ. Въ противномъ случаѣ я бы мысленно приняла на себя обязательство соединиться съ нимъ въ будущей жизни.

Глори».

Въ 6 ч. 30 м. Глори была уже въ швейцарской и поджидала, но Джонъ Стормъ не пришелъ. Въ 7 она звонила у калитки маленькаго домика въ Сентъ-Джемсъ-Вудѣ, обнесеннаго высокой стѣной съ желѣзной рѣшетчатой дверью. На звонъ вышла служанка, съ виду добродушная и съ лѣнцой; она встрѣтила гостью привѣтливо, а черезъ минуту перешла даже въ фамильярный тонъ.

— Это вы молодая лэди изъ госпиталя? Барыня говорила мнѣ... Я Лиза—пойдемте наверхъ... Благодарствуйте, недурно, оба здоровы... берегите голову, миссъ.

Полли лежала въ крошечной спальнѣ, напоминавшей картонку. На бѣлоснѣжномъ фонѣ плоенныхъ оборокъ наволочки ея личико казалось бѣлѣе и розовѣе, чѣмъ когда-либо. Возлѣ кровати сидѣла женщина неопредѣленнаго возраста, вся въ черномъ, съ жирными щеками и маленькими мигающими глазками; она укачивала на колѣняхъ малютку, приговаривая нараспѣвъ всякія ласковыя слова.

— Спаси его Господи! какъ онъ все замѣчаетъ. Баю-баю-бай!

Глори наклонилась надъ ребенкомъ и объявила, что она еще никогда не видала такого хорошенькаго бэби.

— Да вы присмотритесь хорошенько, миссъ. Другого такого въ цѣломъ

Лондонѣ не сыскать! Этакого-то херувимчика да не полюбить! Бѣдняжечка, онъ ужъ совсѣмъ привыкъ ко мнѣ, такъ и льнетъ, словно хочетъ подбодрить васъ, моя душечка.

— Это м-ссъ Джунъ,—сказала Полли;—она возьметъ бэби на воспитаніе.

— Баю-баю-бай! И какая хорошенькая новенькая колыбелька ждетъ его у камина въ моей маленькой горенкѣ за гостиной! Баю-баю-бай!

— Неужели вы рѣшитесь разстаться съ вашимъ малюткой? Не можетъ быть!

— А то какъ же, милочка? Неужели же мнѣ связать себя на всю жизнь ребенкомъ, чтобъ никуда нельзя было ни выйти, ни развлечься, ничего?..

— Вотъ именно! А такъ намъ обѣимъ будетъ выгодно; я вамъ это сразу написала, въ отвѣтъ на вашу публикацію.

Глори спросила женщину, замужемъ ли она и есть ли у нея свои дѣти.

— Я-то, миссъ? Я ужъ одиннадцать лѣтъ замужемъ и все молюсь Господу Богу, чтобъ онъ послалъ мнѣ дѣточекъ. Есть ли дѣтки? Дѣвочка только одна, маленькая; вотъ я и лажу взять новорожденнаго, чтобъ было кого любить, когда моя-то дѣвчонка большая выростетъ.

Глори высказала предположеніе, что Полли можетъ во всякое время видѣть ребенка, но женщина отвѣчала уклончиво.

— Можно ли видѣть ребенка? Правду сказать, лучше бы не надо. Разъ ужъ я его беру, такъ пусть ужъ онъ будетъ, какъ мой собственный; вѣдь я сама за нимъ буду ходить, за бѣдняжечкой, и все для него дѣлать, что надо; а ужъ коли мать будетъ постоянно ходить къ нему, такъ мнѣ все будетъ казаться, что у нея больше правъ.

Полли не выказывала никакого интереса къ предмету разговора, пока м-ссъ Джунъ не освѣдомилась объ имени ея «друга», взамѣнъ восьмидесяти фунтовъ, которые, по условію, ей надлежало выплатить при передачѣ ребенка.

— Полноте, голубушка моя, подбодритесь. Давайте, я возьму ребенка. Скажите мнѣ его фамилію,—съ меня и довольно; больше ничего и не нужно.

Послѣ нѣкотораго колебанія Глори записала ей фамилію и адресъ лорда Роберта, и женщина стала укутывать ребенка.

— Не принимайте этого къ сердцу, душечка. Не такое ужъ это великое преступленіе; многія знатныя барыни дѣлаютъ гораздо хуже.

Глори пошла проводить м-ссъ Джунъ и у калитки попросила ее сказать свой собственный адресъ. Та дала ей визитную карточку, говоря, что если бы ей вздумалось уйти изъ госпиталя, такой красавицѣ, какъ она, не трудно заработать себѣ кусокъ хлѣба; это легко можно будетъ устроить.

Полли скоро оправилась отъ огорченія, вызваннаго разлукой съ ребенкомъ, и заговорила съ Глори небрежнымъ, даже покровительствен-

нымъ тономъ. Когда же та спросила ее, скоро ли она разсчитываетъ поправиться настолько, чтобъ опять приняться за работу и обходиться безъ помощи лорда Роберта, Полли сдѣлала видъ, будто ей очень смѣшно и даже слегка вознегодовала.

— Сказать правду,—объяснила она,—я столько же виновата, сколько и онъ. Мнѣ страшно надоѣла вся эта черная работа въ госпиталѣ, такъ хотѣлось вырваться оттуда, а я знала, что онъ возьметъ меня, когда придетъ время.

Глори скоро простилась съ ней и въ душѣ поклялась, что больше сюда не придетъ. При пересадкѣ изъ одного омнибуса въ другой на Пиккадилли, она замѣтила, что вся площадь была запружена женщинами.

— Вамъ письмо, сидѣлка,—сказалъ швейцаръ, когда она вошла въ госпиталь. Письмо было отъ Джона Сторма.

«*Милая Глори*, я рѣшился вступить въ Братство, находящееся въ Вишопгэтъ-стритѣ, и сегодня вечеромъ переселяюсь въ монастырь. На этотъ разъ я войду туда не какъ гость, но въ качествѣ новообращеннаго, или послушника, въ надеждѣ современемъ сдѣлаться достойнымъ произнести обѣтъ пожизненнаго посвященія. Вотъ почему я пишу вамъ, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ, и прощаюсь съ вами, быть можетъ, навсегда.

«Съ того дня, какъ мы вмѣстѣ пріѣхали въ Лондонъ, я перенесъ много ударовъ и разочарованій; мнѣ казалось, что меня рвутъ на части. Мои завѣтныя мечты оказались иллюзіями; я строилъ гордые дворцы изъ картона, щебня и мишуры, и они рухнули; у меня похитили всѣ мои драгоцѣнности, или сами онѣ превратились въ простые валуны. Удрученный стыдомъ и разочарованіемъ, я рѣшился уйти одновременно отъ свѣта и отъ самого себя, ибо и то и другое мнѣ одинаково надоѣли; уже и теперь я чувствую, какъ будто съ меня сняли тяжелое бремя.

«Но мнѣ хочется говорить о васъ, Глори. Вы должны считать меня несноснымъ ворчуномъ, и я на самомъ дѣлѣ придирался къ вамъ, но всегда по убѣжденію и изъ принципа. Я не могъ усвоить себѣ модной морали, развращающей свѣтскихъ мужчинъ, ни тѣмъ болѣе одобрить терпимости духовенства, равносильной для него тяжкому грѣху. Я не могъ безъ боли въ сердцѣ видѣть, какъ вамъ прививаютъ свѣтскіе вкусы и потребности, пріучаютъ васъ къ пустой суетной свѣтской жизни; я терзался, страдалъ, что дѣвушка съ вашей чистой, хотя и страстной натурой можетъ пасть жертвой кутилы, забавляющагося жизнью, какъ игрушкой, актера, позволившаго себѣ развлечься для препровожденія времени, наконецъ, просто обмана; и думать объ этомъ было для меня невыносимымъ мученіемъ.

«Все, что вы говорите объ измѣнившихся обстоятельствахъ вашей подруги ничуть не умаляетъ моей тревоги. Человѣкъ, обманувшій дѣвушку разъ, способенъ обмануть ее и въ другой разъ. Въ такихъ связяхъ, если только онѣ не завершились бракомъ, самое лучшее—безпо-

воротный разрывъ, какою бы цѣной онъ ни былъ купленъ. Если люди остаются близкими при условіи такъ называемой свободной любви, можно съ увѣренностью сказать, что женщина и дальше будетъ играть роль жертвы, переходя изъ одной фазы въ другую, и послѣдняя всегда горше первой.

«Какъ бы тамъ ни было, я не могу никого осуждать, и меньше всѣхъ васъ, старавшуюся устроить все къ лучшему, въ особенности теперь, прощаясь съ вами навсегда. Вы никогда не сознавали, чѣмъ вы были для меня, Глори, какую огромную роль вы играли въ моей жизни; да едва ли я и самъ сознавалъ это ясно до сегодня. Вы знаете, какъ я росъ, подлѣ одинокого старика, храни его Боже! который старался быть ко мнѣ добрымъ ради своихъ честолюбивыхъ замысловъ, и любить меня ради мести. Я не зналъ своей матери, у меня не было сестры и никогда не будетъ жены. Вы были для меня всѣмъ этимъ и, кромѣ того, самой собой. Въ нашемъ домѣ не было женщинъ; въ моей жизни не было женщины, кромѣ васъ. Я никогда не говорилъ вамъ этого раньше, но теперь говорю, какъ умирающій, съ послѣднимъ вздохомъ, шепчетъ свою завѣтную тайну.

«Я написалъ всѣмъ прощальныя письма; отцу, прося его простить меня, если я его обидѣлъ; дядѣ, чтобы излить ему свою любовь и благодарность, и вашему доброму старику дѣду, чтобы сказать, что я слагаю съ себя высокій и священный долгъ—опеки надъ вами, Глори. Меня, безъ сомнѣнія, осудятъ за слабость и малодушіе; будутъ порицать съ разныхъ точекъ зрѣнія; но мой уходъ устранитъ нѣкоторыя препятствія съ вашего пути; а что касается остального, я убѣдился, что духу все возможно, плоти же ничего, и что постомъ и молитвой я могу помочь вамъ и защитить васъ вѣрнѣе, чѣмъ совѣтомъ и наставленіемъ. Такимъ образомъ все устраивается къ лучшему.

«Уставъ нашего общежитія запрещаетъ братьямъ писать или получать письма безъ особаго на то разрѣшенія и даже думать слишкомъ часто о внѣшнемъ мірѣ; и вотъ теперь, на порогѣ новой жизни, воспоминанія былого обступили меня толпой, какъ утопающаго. Всѣ онѣ относятся къ одному періоду, къ тѣмъ днямъ, когда мы жили въ Пилѣ, на вашемъ миломъ островкѣ, когда жестокій и тщеславный свѣтъ еще не всталъ между нами и не разъединилъ насъ, когда вы были простодушной, веселой рѣзвушкой, а я немногимъ больше счастливаго мальчугана, и оба мы смѣясь, ныряли и плескались въ яркомъ синемъ морѣ.

«Но радости земныя тускнѣютъ, и слава міра блекнетъ. Это—тоже къ лучшему. Мнѣ остается мой Кох-и-нооръ, мое стремленіе уйти отъ міра и предать свою жизнь въ руки Божіи.

«Джонъ Стормъ».

— Что съ вами, сидѣлка? Нездоровы? Нѣтъ, только голова немножко закружилась? Можетъ, получили худыя вѣсти изъ дому?

— Нѣтъ, не то. Позвольте мнѣ посидѣть въ вашей каморкѣ, швейцаръ.

Она снова и снова перечитывала письмо, до тѣхъ поръ, пока буквы не стали расплываться у нея передъ глазами, а строчки не разбѣжались въ разныя стороны, какъ нити паутины. 'Мы не можемъ разстаться такимъ образомъ навсегда, думала она. Я должна видѣться съ нимъ во что бы то ни стало. Можетъ быть, онъ еще не уѣхалъ.

Пробило половину девятаго, пора было идти на дежурство, но Глори, вмѣсто того, пошла къ сестрѣ Ольворзси и попросила отпустить ее еще на часъ. Та отказала наотрѣзъ. Глори спустилась внизъ, къ надзирательницѣ и стала просить отпустить ее уже только на полчаса, для того, чтобы проститься съ другомъ, уѣзжающимъ въ дальній путь и надолго, но опять-таки получила отказъ. Крѣпко стиснувъ дрожащія губы, она вернулась въ каморку швейцара, надѣла шляпку передъ исцарапаннымъ трюмо и храбро вышла изъ госпиталя.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Въ Бельгрэвіи это былъ модный часъ обѣда; мимо Глори то и дѣло проѣзжали кареты съ гербами и коронками на дверцахъ, останавливались у подъѣздовъ и выпускали мужчинъ и дамъ въ вечернихъ костюмахъ.

Домъ каноника былъ ярко освѣщенъ; когда, на стукъ ея отворилась дверь, Глори увидала самого каноника, спускавшагося съ лѣстницы во главѣ цѣлой процессіи гостей, подъ руку съ дамой въ бѣломъ шелковомъ платьѣ.

— Дома м-ръ Стормъ?

Лакей въ напудренномъ парикѣ и бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, отвѣчалъ съ разстановкой:

— Ежели вы... э... э... насчетъ госпиталя, миссъ, такъ это надо... э... э... къ м-ру... э... э... Голяйтли ..

— Нѣтъ, мнѣ надо видѣть самого м-ра Сторма.

— Переѣхалъ!—отрѣзалъ лакей и захлопнулъ дверь у нея передъ носомъ.

На минуту у Глори явилось безумное желаніе колотить кулаками въ дверь и заставить нахала на колѣняхъ просить у нея прощенія. Но къ чему это? съ какой стати? У нея теперь не было времени думать о себѣ.

Она рѣшилась испытать послѣднее средство—пойти въ Бишопсгэтъ. На площади Викторіи была давка; экипажи сновали во всѣ стороны. Никогда еще она не чувствовала себя такой безпомощной.

Въ Сити было меньше народу. Полисменъ указалъ ей, куда идти; съ каждымъ шагомъ по направленію къ востоку, улицы становились спокойнѣе. Днемъ это самая оживленная часть Лондона, сплошной рынокъ; ночью она кажется покинутой и пустынной. Легкіе шаги Глори отдавались въ запертыхъ ставняхъ магазиновъ. Мѣсяцъ выплылъ на небо; улица была пуста и все ясно видно далеко впереди.

Наконецъ, она нашла то, чего искала.

Передъ ней была обветшалая старая церковь, какихъ не мало въ Лондонѣ, сдавленная съ обѣихъ сторонъ магазинами, почти отодвинутая назадъ потокомъ торговли. Желѣзная дверь сбоку вела черезъ крытый сводчатый ходъ къ небольшому двору, сжатому между двумя высокими бѣлыми боковыми стѣнами, задней стѣной церкви и фасадомъ большого зданія съ узенькой входной дверью и множествомъ узкихъ окошечекъ. Посрединѣ двора высилось дерево, обнесенное кругомъ деревянной скамьей.

Когда Глори очутилась здѣсь, ей стало страшно; она почти пожалѣла, что пришла. Церковь была слабо освѣщена. Глори подумала, что тамъ, можетъ быть, полотеры. Но вдругъ до нея донеслось пѣніе; пѣли исключительно мужскіе голоса и безъ всякаго акомпанимента. Какъ разъ въ эту минуту часы на колокольнѣ пробили девять и куранты заиграли:

«Дней и минутъ быстрый полетъ
Мертвыхъ съ живыми равняетъ».

Пѣніе стихло; послышалось какое-то невнятное жужжанье и затѣмъ дружный «Аминь!» Куранты продолжали выстукивать мелодію гимна; Глори стояла подъ деревомъ, стараясь собраться съ мыслями.

Дверь ризницы отворилась; оттуда одинъ за другимъ выходили мужчины въ длинныхъ черныхъ рясахъ и вереницей шли черезъ дворъ, по направленію къ дому, мѣрной и торопливой поступью иноковъ, съ руками, сложенными на груди. Почти въ самомъ концѣ, подлѣ старика съ грузной походкой, шелъ одинъ, помоложе другихъ, съ обнаженной головой и не въ рясѣ. Лунный свѣтъ упалъ на его лицо; оно казалось измученнымъ и блѣднымъ. То былъ Джонъ Стормъ.

Глори слабо вскрикнула; онъ вздрогнулъ и обернулся.

— Это сикомора скрипитъ,—сказалъ настоятель, и таинственная сѣнь укрыла ихъ обоихъ. Они вошли въ домъ; дверь захлопнулась; Глори осталась одна.

А куранты все пѣли:

«Дней и минутъ быстрый полетъ
Мертвыхъ съ живыми равняетъ».

Силы измѣнили Глори; вся ея энергія куда-то исчезла; она вышла тѣмъ же путемъ, какъ и вошла. Проходя черезъ Викторія-сквэръ, она въ первый разъ почувствовала, что ея собственное жалкое, ничтожное существованіе потонуло въ водоворотѣ лондонской жизни, и она точно спускается въ холодную глубь ледника.

Было безъ четверти десять, когда она вошла въ палату; ее поджидала надзирательница, держа въ рукахъ собаченку.

— Развѣ я не сказала вамъ, что больше сегодня нельзя уходить?

— Сказали, ма'мъ.

— Какъ же вы осмѣлились выйти?

Глори, не мигая, глядѣла ей въ лицо блестящими глазами, которые

какъ будто улыбались. Надзирательница поднялась, прижала къ груди собаченку, подобрала шлейфъ и выплыла изъ палаты, бросивъ ей на ходу:

— Сидѣлка, по истеченіи вашего срока, можете уходить и никогда больше не переступайте порога этого заведенія.

Глори весь вечеръ была на волоскѣ отъ того, чтобъ расплакаться; теперь она расхохоталась. Сестра сдѣлала ей замѣчаніе; она продолжала хохотать ей въ лицо, чувствуя, что готова отдать весь міръ за то, чтобъ отшлепать эту женщину по жирнымъ щекамъ.

Во время уборки больныхъ на ночь не было сидѣлки веселѣе и оживленнѣе Глори. Зато на другой день, въ сѣромъ сумракѣ ранняго утра, дотащившись, наконецъ, до постели и оставшись одна, она судорожно комкала руками подушки, рыдая, въ горькомъ сознаніи своего одиночества и стыда.

XX.

Но молодость богата надеждой, и въ полдень, когда Глори проснулась, въ умѣ ея, будто свѣтъ въ мрачномъ подземельѣ, блеснула мысль о Дрэкѣ. Онъ уговоритъ лорда Роберта помочь Полли, когда та была въ худшей крайности; онъ поможетъ и ей выйти изъ ея настоящаго затруднительнаго положенія. Онъ такъ часто намекалъ, что госпиталь совсѣмъ для нея неподходящее мѣсто, что она достойна лучшаго и что рано или поздно судьба дастъ ей иное дѣло, перенесетъ въ иную сферу. Время настало; она обратится къ нему и онъ поспѣшитъ ей на помощь.

Въ душѣ Глори снова ожили чудныя грезы, которыми она упивалась вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ. Домой незачѣмъ писать, что она въ опалѣ и потеряла мѣсто; возвращаться на островъ Мэнъ тоже незачѣмъ. Рано или поздно она добьется своего. Разумѣется, придется учиться, бороться, переносить разочарованія, но въ концѣ концовъ она восторжествуетъ. И когда она сдѣлается, наконецъ, великой и знаменитой, она будетъ помогать другимъ бѣднымъ дѣвушкамъ. И тогда она, можетъ быть, не въ состояніи будетъ представить себѣ Джона Сторма въ уединеніи его кельи, не ощутивъ острой боли въ сердцѣ, но тогда она будетъ утѣшать себя мыслью, что и она сдѣлала все, что могла, что и она нашла свое мѣсто въ жизни, полезное и достойное.

Однако, все это еще впереди, а пока нужно задабривать директоровъ театровъ, искать ангажемента, можетъ быть, платить учителямъ... Ну да ничего! Дрэкъ богатъ, великодушенъ и вліятеленъ; онъ высоко цѣнитъ ея таланты и не остановится ни передъ чѣмъ.

Вскочивъ съ постели, она, какъ была, присѣла къ столу и написала письмецо слѣдующаго содержанія:

«*Дорогой м-ръ Дрэкъ*, постарайтесь увидать меня сегодня вечеромъ. Я очень нуждаюсь въ вашемъ совѣтѣ. Какъ бы вы думали, что случилось? Я-таки попала на замѣчаніе и въ результатѣ получу отставку,

лишь только кончится срокъ моего испытанія. Какъ видите, дѣло не терпитъ отлагательства. Шлю вамъ привѣтъ «лилейной рукой».

«Глори».

«P. S. Ради сбереженія времени назначимъ время и мѣсто: 8 часовъ вечера, Сентъ-Джемскій паркъ, у мостика, возлѣ Мальборохоузъ».

Дрэкъ получилъ это письмецо въ сумерки, когда онъ только что отпилъ чай и закурилъ сигаретку. Онъ былъ одинъ дома. Письмо казалось пропитаннымъ той атмосферой, въ которой оно было писано; оно какъ будто принесло съ собой неуловимое дыханіе страсти. Первымъ побужденіемъ Дрэка было поднести его къ губамъ, но, мгновеніе спустя, радость его омрачило какое-то воспоминаніе, и онъ мысленно сказалъ себѣ: «Я поступлю честно; буду играть въ открытую».

Въ этотъ вечеръ онъ обѣдалъ въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ чиновниковъ въ своемъ клубѣ, въ Сентъ-Джемсъ-стритѣ, но ровно безъ четверти въ восемь, несмотря на шутливыя подтруниванія товарищей, надѣлъ пальто и направился въ паркъ. Вечеръ былъ теплый и тихій, хотя и осенній; небо усѣяно звѣздами; всходила луна; съ озера подымался душистый туманъ; дымъ отъ его сигары почти не колебался въ воздухѣ; легкій вѣтерокъ чуть шевелилъ увядшими кистями ракитъ. На городской башнѣ пробило восемь, когда онъ дошелъ до конца узкаго мостика и почти въ ту же минуту онъ услыхалъ за собой легкіе и торопливые шаги.

Глори шла внизъ по аллеѣ; шепотъ высокихъ деревьевъ, бѣлыхъ при лунномъ свѣтѣ, провожалъ ее, какъ говоръ толпы; она шла, напѣвая. Надежда, проснувшаяся въ ея сердцѣ, казалось, окрыляла ее; ноги ея едва касались земли; она почти бѣжала. Къ тому времени, какъ часы пробили восемь, она совсѣмъ запыхалась и, завидѣвъ на другомъ концѣ мостика мужскую фигуру въ вечернемъ костюмѣ, остановилась, чтобы собраться съ мыслями.

Она протянула Дрэку горячую, слегка влажную руку и покраснѣла. Вдругъ ей стало стыдно, что она пришла къ нему, какъ просительница; она вытащила изъ кармана платочекъ и принялась комкать его въ рукахъ. Дрэкъ объяснилъ себѣ ея волненіе по своему и, стараясь дѣлать видъ, что не замѣчаетъ его, предложилъ ей руку. Они перешли черезъ мостикъ и свернули налѣво, по тропинкѣ, огибающей озеро.

— М-ръ Стормъ уѣхалъ,—начала она, воображая, что объяснитъ этимъ свой приходъ

— Знаю,—былъ отвѣтъ.

— Такъ это уже всѣмъ извѣстно?

— Я вчера получилъ отъ него письмо.

— Въ которомъ говорилось обо мнѣ?

— Да.

— Вы не должны сердиться на него, если онъ и сказалъ что-нибудь обидное, потому что...

— Я и не сержусь, Глори. Я приписываю это эгоизму вѣрующаго. Религіозные люди никакъ не могутъ повѣрить, что можно вести нравственную жизнь изъ принципа, не будучи религіознымъ... Онъ, должно быть, предостерегалъ васъ противъ меня?

— Д-да.

— Не могу понять, чѣмъ я заслужилъ это... Ну, да ничего, меня оправдаетъ время. Самъ я, какъ вамъ извѣстно, не религіозный человѣкъ, хотя терпѣть не могу говорить объ этомъ. Сказать правду, я нахожу, что религія чудовищный эгоизмъ, и любовь къ Богу—просто-на-просто любовь къ самому себѣ. Впрочемъ, вы должны судить сами за себя, Глори.

— Мнѣ кажется, что мы напрасно тратимъ время,—сказала она.— Я здѣсь, развѣ этого не довольно, чтобъ показать, какого я мнѣнія!— И взволнованнымъ шепотомъ она прибавила:—Въ моемъ распоряженіи всего полчаса, потомъ закроютъ ворота, а мнѣ необходимо посовѣтоваться съ вами. Вы помните, о чемъ я вамъ писала?

Онъ погладилъ ручку, лежавшую на его рукѣ.

— Разскажите мнѣ, какъ это вышло.

Она разсказала все по порядку, часто останавливаясь, каждую минуту ожидая, что онъ перебьетъ ее вопросомъ: «Отчего вы не надрали уши этой скверной бабѣ?» или разсмѣется и начнетъ увѣрять, что это сущіе пустяки, что бѣды тутъ никакой нѣтъ, и она придаетъ бездѣлицѣ слишкомъ много значенія. Но онъ слушалъ внимательно, не перебивая, и, когда она кончила, нѣкоторое время оба молчали. Потомъ онъ сказалъ:

— Жаль, очень жаль, я очень этимъ огорченъ.

Нервы ея были страшно натянуты; рука, лежавшая на его рукѣ, судорожно подергивалась.

— Если бъ вы отказались отъ мѣста по собственному желанію, послѣ той сцены въ залѣ Совѣта, это было бы совсѣмъ другое дѣло; мнѣ было бы такъ легко помочъ вамъ.

— Какимъ образомъ?

— Я бы пошелъ къ своему начальнику,—онъ попечитель многихъ больницъ,—и сказалъ бы: «У меня есть молоденькая пріятельница сидѣлка, которая недовольна своимъ настоящимъ мѣстомъ и желала бы перейти въ другую больницу». И все сразу устроилось бы. Но теперь... теперь вы попали въ штрафной журналъ и Богъ вѣсть, удастся ли... Очевидно, вамъ кто-то подставилъ ловушку, Глори; отъ васъ рѣшили избавиться при первой возможности, а вы сами постарались помочь имъ.

Глори стояла, какъ ошеломленная, думая: «Онъ забылъ все, что говорилъ мнѣ». Тихимъ, беззвучнымъ голосомъ она спросила:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Дайте подумать.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

«Теперь вспомнилъ, обдумываетъ, какъ лучше сдѣлать», — говорила она себѣ мысленно. «Сейчасъ онъ мнѣ скажетъ, съ чего начать».

Онъ вдругъ остановился; въ умѣ его блеснула удачная мысль.

— Вы сказали имъ, гдѣ вы были?

— Нѣтъ,—отозвалась она такъ же беззвучно.

— Почему же не сказать теперь? Можетъ быть, еще возможно поправить дѣло. Капелланъ былъ вашимъ другомъ, вашимъ единственнымъ другомъ въ Лондонѣ; по крайней мѣрѣ, другого они не знаютъ Это смягчающее обстоятельство; имъ можно воспользоваться...

— Но я не могу...

— Я знаю, что тяжело объяснять, оправдываться... Не могу ли я взять это на себя?..

— Я этого не допущу,—выговорила Глори. Губы ея были плотно сжаты, дыханіе вырывалось со свистомъ.

— Жаль оставить это такъ. Вѣдь, тогда для васъ всѣ больницы будутъ закрыты. А профессія сидѣлки хорошая профессія, Глори; теперь она даже въ модѣ. Это истинно женское дѣло и...

— Онъ говорилъ то же самое.

— Кто? Джонъ Стормъ? Онъ былъ правъ. Онъ безусловно правдивый человѣкъ, достойный всякаго уваженія, и я...

— Но вѣдь вы-то, кажется, всегда говорили, что есть профессіи, болѣе достойныя такой дѣвушки, какъ я, и что стоитъ ей только захотѣть... Впрочемъ, все равно. Оставимъ это. Я не гожусь для жизни въ больницѣ и никогда больше не возьму мѣста сидѣлки, что̀ бы ни случилось.

Онъ посмотрѣлъ на нее. Она кусала губы; въ глазахъ ея стояли слезы.

— Полно, полно, не огорчайтесь, дорогая,—сказалъ онъ и снова погладилъ ее руку.

Луна зашла за тучку. Во мракѣ, окружавшемъ ихъ, рѣзко вырисовывались очертанія освѣщенныхъ домовъ вокругъ парка.

— Смотрите,—сказала она, слабо усмѣхнувшись,—неужели же во всемъ этомъ огромномъ, хлопотливомъ городѣ—не найдется для меня другого дѣла? Неужели я ни на что не годна?

— Всякое дѣло спорилось бы въ вашихъ рукахъ, дорогая,—былъ отвѣтъ.

Нервы ея дрожали, какъ натянутыя струны. «Можетъ быть, онъ забылъ?—думала она.—Развѣ напомнить ему? Онъ такъ часто превозносилъ ея таланты, такъ горячо увѣрялъ, что съ ними она можетъ добиться многаго, очень многаго».

— Неужели я ни на что больше не способна, кромѣ того, чтобы ползать на колѣняхъ передъ злой бабой?

Онъ засмѣялся и понесъ какой-то вздоръ насчетъ колѣнопреклоненія, думая про себя: «Бѣдняжка, она не вѣдаетъ, что творитъ!»

— Мнѣ все равно, что обо мнѣ будутъ думать,—продолжала она,—даже мои родные; они люди старыхъ понятій; у нихъ такіе узкіе взгляды... Пусть думаютъ, что хотятъ, лишь бы я чувствовала себя на своемъ мѣстѣ,—понимаете, чтобъ жизнь была мнѣ по душѣ...

Ея пальчики нервно теребили рукавъ его пальто. «Будь на моемъ мѣстѣ другой»,—подумалъ онъ.

Глори расплакалась. «Онъ нарочно не хочетъ вспомнить,—говорила она себѣ.—Онъ хвалилъ меня и предсказывалъ всякія чудеса просто потому, что у него ужъ такая манера—всегда говорить пріятное. А теперь, онъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы сказать прямо, что сотни, тысячи, десятки тысячъ дѣвушекъ въ Лондонѣ могли бы съ такимъ же правомъ»...

— Полноте, Глори, не плачьте. Дѣло не такъ ужъ плохо.

Никогда еще она не казалась ему такой красавицей; ему хотѣлось схватить ее въ объятія и утѣшить.

— Мнѣ не къ кому было обратиться, кромѣ васъ,—пролепетала она въ смущеніи, а про себя думала:—Почему же вы не остановили меня раньше? Зачѣмъ позволяли мнѣ строить воздушные замки?

— Надо будетъ придумать что-нибудь; я поговорю съ моей пріятельницей Розой, миссъ Макквори,—помните?

— Вы мужчина,—начала Глори,—и я думала, что, можетъ быть, вы...

Нѣтъ, она не могла говорить о своемъ потерянномъ раѣ. Это было такъ глупо, она чувствовала себя глубоко пристыженной и униженной.

— Въ томъ-то и бѣда, милый другъ. Не будь я мужчиной, мнѣ очень легко было бы помочь вамъ.

Что онъ хочетъ сказать этимъ? У берега заквакали лягушки, встревоженныя шумомъ ихъ шаговъ.

— Что вы мнѣ велите сдѣлать, то я и сдѣлаю,—пролепетала Глори тѣмъ же смущеннымъ и невнятнымъ голосомъ. Съ каждымъ словомъ, произносимымъ ею, она падала ниже въ собственныхъ глазахъ.

Онъ вздрогнулъ и нагнулся къ ней такъ близко, что она чувствовала его дыханіе на своемъ лицѣ.

— Дорогая моя Глори,—заговорилъ онъ страстно,—не думайте, что мнѣ легко отказаться отъ счастья помогать вамъ; это страшно тяжело, но я не долженъ, не смѣю, не могу этого дѣлать.

Она едва дышала подъ наплывомъ стыда, внезапно овладѣвшаго ею.

— Для меня было бы радостью заботиться о вашемъ счастьѣ, дорогая; Богу извѣстно, что я ничего не пожалѣлъ бы для этого; но я сталъ бы презирать себя, если бъ воспользовался вашимъ теперешнимъ положеніемъ.

Боже милосердый! Что онъ вообразилъ себѣ? Какъ онъ понялъ ея просьбу?

— Я думаю о *васъ*, Глори, *я васъ* берегу, потому что хочу уважать

васъ, потому что ваше доброе имя выше всего, важнѣе всего на свѣтѣ.

Стыдъ становился нестерпимымъ; онъ душилъ ее, звенѣлъ въ ушахъ, слѣпилъ глаза. Она не въ состояніи была ни говорить, ни видѣть, ни слышать.

Онъ взялъ ее руку и пожалъ.

— Пустите, я пойду,—выговорила она, задыхаясь.

— Постойте, не уходите еще; погодите минутку.

— Пустите, пожалуйста...

— Одну минуту...

Но она съ крикомъ спугнутой птички бросилась бѣжать и скрылась въ тѣни деревьевъ.

Съ минуту онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Нервы его трепетали кровь стучала въ виски; хотѣлось бѣжать за ней, догнать ее и зацѣловать, забывъ обо всемъ на свѣтѣ. Но вмѣсто того, онъ застегнулъ на всѣ пуговицы пальто и повернулъ обратно, говоря себѣ, что, какъ бы ни поступилъ на его мѣстѣ другой, онъ, по крайней мѣрѣ, поступилъ честно, и что люди, подобные Джону Сторму, ошибаются, думая, что нельзя быть порядочнымъ человѣкомъ изъ принципа, а не изъ религіозныхъ побужденій.

Тѣмъ временемъ Глори бѣжала въ темнотѣ, плача отъ горькаго разочарованія и стыда. Высокія деревья надъ ея головой стали совсѣмъ черными, казались худыми, страшными призраками; вѣтеръ жалобно стоналъ въ ихъ вѣтвяхъ.

— Точно мало было сраму!—думала она.—Я могла бы избавить себя отъ лишняго униженія.

Дрэкъ предположилъ, что она пришла хлопотать о себѣ, какъ недѣлю тому назадъ хлопотала о Полли. Очень естественно, что онъ это подумалъ. Вполнѣ естественно, а между тѣмъ, такъ ужасно.

— Я ненавижу его! Ненавижу! Джонъ Стормъ былъ правъ. Во святая святыхъ своихъ сердецъ мужчины изъ общества интересуются женщиной только съ одной стороны; они не видятъ въ ней ни друга, ни равной себѣ, но лишь зависимое существо, лишь игрушку, которую можно взять или не взять, по желанію.

— О, какой позоръ быть женщиной! Какой стыдъ, какой позоръ!

И Дрэкъ отвергъ ее! Въ своемъ отвратительномъ чудовищномъ заблужденіи онъ отступился отъ нея! Отрекся—изъ чувства чести, ради нея самой, ради того, чтобъ сохранить незапятнанной свою репутацію джентльмена! Есть на свѣтѣ человѣкъ, который никогда бы не отрекся, не отказался отъ нея, что бы ни случилось, что бы она ни сдѣлала, но этого человѣка она сама прогнала, и онъ ушелъ—навсегда.

— Я ненавижу себя! ненавижу!

Она вспомнила, какъ часто, по неосторожности, по легкомыслію, или просто для того, чтобъ показать свою смѣлость, но безъ всякой дурной

мысли, она бравировала приличіями, подавала Дрэку поводъ думать о ней дурно, относиться неуважительно,—на балу, въ театрѣ, за чаемъ у нихъ на квартирѣ, тѣмъ, что переодѣвалась мужчиной.

— Я ненавижу себя! ненавижу!

Джонъ Стормъ былъ правъ и Дрэкъ по своему тоже правъ; она одна виновата. Судьба посмѣялась надъ ней, сыграла съ ней злую, жестокую шутку.

— Ничего! Пускай! Все къ лучшему,—думала она.—Опытъ сдѣлаетъ ее сильнѣе,—сильнѣе и чище; теперь она съумѣетъ жить и бороться одна.

Когда она подошла къ госпиталю, большіе часы на Вестминстерской башнѣ ударили половину десятаго; она остановилась на ступенькахъ крыльца, чтобы прислушаться къ бою. Только полчаса прошло—и весь міръ измѣнился въ ея глазахъ!

XXI.

Наступилъ послѣдній день пробной службы Глори въ больницѣ. Одѣтая въ длинное синее пальто, въ которомъ она пріѣхала съ острова Мэна, дѣвушка стояла въ комнатѣ надзирательницы, въ ожиданіи жалованья и отпускной. Надзирательница сидѣла бокомъ къ столу, держа на колѣняхъ собаченку. Она указала Глори на маленькую кучку золота и серебра и на лежавшій рядомъ листъ бумаги небольшого формата,

— Вотъ ваше жалованье за мѣсяцъ, сидѣлка, а вотъ—аттестатъ. Было мнѣ работы съ этимъ аттестатомъ! Я сдѣлала для васъ все, что могла, написала, что вы проворная, веселаго нрава и что больные васъ любятъ. Надѣюсь, что этимъ я не слишкомъ скомпроментировала себя.

Глори взяла деньги, но не дотронулась до «аттестата».

— Вы напрасно безпокоились, ма'мъ; мнѣ это не понадобится.

— Вы уже пріискали себѣ мѣсто?

— Нѣтъ.

— Куда же вы переѣзжаете.

— Не знаю—пока.

— Сколько денегъ вы отложили?

— Жалованье за три мѣсяца.

— Всего-на-всего три фунта!

— Этого совершенно достаточно.

— Есть у васъ друзья въ Лондонѣ? Кто они?

— Никого... то-есть... нѣтъ, никого.

— Почему же вы не возвращаетесь домой?

— Потому что не желаю быть въ тягость роднымъ, и еще потому, что въ Лондонѣ можно заработать кусокъ хлѣба, не завися отъ женскихъ прихотей и фантазій.

— Какъ это похоже на васъ! Мнѣ бы слѣдовало сразу отказать вамъ отъ мѣста, но ради капеллана я терпѣла вашу грубость и без-

порядочность, старалась даже относиться къ вамъ дружески, и все-таки... Я увѣрена, что вы даже не написали своимъ, за что вамъ отказано отъ мѣста.

— Нѣтъ... я еще не писала имъ, что я ухожу.

— Мнѣ очень хочется сдѣлать это за васъ. Въ Лондонѣ такая опрометчивая и упрямая дѣвушка, какъ вы, легко можетъ погибнуть.

— Напрасно будете безпокоиться, мамъ, — сказала Гори отворяя дверь.

— Почему такъ?

Глори выпрямилась во весь ростъ.

— Потому что если вы скажете это обо мнѣ, ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ не повѣритъ вамъ.

Ея сундукъ уже снесли въ швейцарскую и швейцаръ, желая выказать ей свое расположеніе, самъ обвязывалъ его веревкой.

— Нельзя ли пока оставить его у васъ, швейцаръ? Сейчасъ мнѣ неудобно взять съ собой вещи. Я заѣду потомъ.

— Само собой. Жалко, что вы уходите. Мнѣ будетъ скучно по вашему личику.

— Благодарю васъ. Я буду заходить за письмами.

— Сегодня какъ разъ принесли одно.

Письмо было отъ тетки Анны, полное выговоровъ и наставленій. Пусть Глори и думать не смѣетъ уходить изъ госпиталя! Она должна стараться быть довольной тѣмъ дѣломъ, къ которому Господь призвалъ ее. И почему она стала такъ рѣдко писать? И какъ это странно, что она ничего не сообщила о м-рѣ Стормѣ! Онъ кажется таки взаправду поступилъ въ это странное братство. Чудное оно какое то, — не католическое, а между тѣмъ монастырь. Ужасно странно! Всѣ они съ нетерпѣніемъ ждутъ подробностей; кромѣ того, дѣдушка боится за Глори. Если хотя половина того, что они слышали, правда, въ Лондонѣ столько опасностей...

Домашній врачъ нарочно сошелъ внизъ, чтобы проститься съ Глори. Онъ всегда хорошо и дружески относился къ ней, насколько это ему позволяла сестра Олльворзси.

— Куда вы теперь направитесь?—спросилъ онъ.

— Куда-нибудь, никуда и всюду; на вольную волюшку, на всѣ четыре стороны.

Было веселое ясное утро, завернулъ легкій морозецъ. Выглянувъ въ окно, Глори увидала флаги, развѣвавшіеся на общественныхъ зданіяхъ.

— Что это? Почему?

— Развѣ вы не знаете? Вѣдь нынче 9-е ноября, день лорда-мэра.

Она весело засмѣялась.

— Хорошее предзнаменованіе. Я тоже Дикъ Виттингтонъ, только

въ юбкѣ. Значитъ, намъ повезетъ. Прости—прощай госпиталь! Счастливо оставаться, докторъ.

Она шутливо присѣла ему на послѣдней ступенькѣ подъѣзда и мелкими шагами побѣжала по тротуару.

— Огонь-дѣвка!—подумалъ онъ.—Что-то станется съ ней въ этомъ безжалостномъ старомъ Лондонѣ?

Не пройдя и десяти шаговъ, Глори почувствовала, что крупныя слезы градомъ сыплются у нея изъ глазъ и сбѣгаютъ по щекамъ, но она только опустила вуаль и храбро пошла дальше.

Конецъ первой части.

СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ПСИХОЛОГІЯ.

Академика **А. Фаминцына.**

(*Продолженіе* *).

Глава третья.

«Предметы въ себѣ недоступны нашему познанію», говоритъ Кантъ въ «Критикѣ Чистаго Разума», даже существованіе ихъ, а слѣдовательно и людей внѣ насъ проблематично. Мы должны въ силу нашей организаціи созерцать міръ въ интуиціи и мыслить его въ такой связи его частей, какъ мы это дѣлаемъ, и притомъ совершенно независимо отъ того, существуетъ ли онъ внѣ нашего ума, въ такомъ же видѣ, какъ въ умѣ; о чемъ *мы не можемъ сказать ничего рѣшительнаго и что даже насъ совсѣмъ не касается.*

Пространство, время, а равно и законъ причинности и другія связи между явленіями, которыя представляются намъ присущими вещамъ, находящимся внѣ насъ, суть ничто иное, какъ апріорныя формы нашего сознанія, свойственныя нашему духу, но, можетъ быть, и не присущія находящимся внѣ насъ, вещамъ въ себѣ. Человѣческій умъ, — говоритъ Кантъ,—въ силу своей своеобразной организаціи, *долженъ мыслить связь явленій все равно, реальна ли эта связь или нѣтъ.*

Существующая въ головѣ нашей картина міра со всѣмъ ея содержаніемъ и со всѣми формами есть продуктъ нашей организаціи; возникновеніе этой картины, вслѣдствіе этой организаціи, носитъ характеръ необходимости, изъ *котораго невозможно вывести никакихъ заключеній относительно этого міра, который какъ бы противостоитъ нашей организаціи.*

И далѣе: «Какъ нѣтъ двери, чрезъ которую могъ бы войти въ представленія внѣшній міръ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существуетъ, точно также и нѣтъ двери, чрезъ которую дѣятельность представленія могла бы выйти за предѣлы собственно своего круга и постигнуть внѣшній міръ.

Предметы существуютъ лишь въ дѣятельности представленія, а не внѣ ея; не запрещается, но также и не представляется ни малѣйшаго

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

повода допускать внѣ дѣятельности представленій еще особое существованіе вещей въ себѣ» *).

Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ видно, что хотя Кантъ и утверждаетъ непознаваемость міра внѣшняго, но и не отрицаетъ возможности существованія вещей въ себѣ, т. е. независимо отъ нашего сознанія.

Уже современникъ Канта, Фихте значительно измѣнилъ воззрѣніе его, отвергнувъ, какъ остатокъ вреднаго догматизма, допускаемое Кантомъ существованіе вещей внѣ нашего сознанія и такимъ образомъ ограничилъ міръ доступныхъ намъ знаній исключительно кругомъ нашихъ представленій. Вотъ своеобразное его міровоззрѣніе: «мы вынуждены признавать, что мы вообще дѣйствуемъ и что дѣйствовать мы должны нѣкоторымъ опредѣленнымъ образомъ». «Изъ этой потребности дѣятельности и происходитъ сознаніе дѣйствительнаго міра, а не наоборотъ—не изъ сознанія міра, потребность дѣятельности. Первѣе эта способность, а не то сознаніе; оно выводное. Мы дѣйствуемъ не потому, что мы познаемъ, но мы потому и познаемъ. что назначены къ дѣятельности».

Конечный практическій выводъ изъ философіи Фихте, по моему мнѣнію, сводится къ слѣдующему: оставимъ въ сторонѣ всякое мудрствованіе, такъ какъ не можемъ умомъ нашимъ даже удостовѣриться въ объективномъ существованіи міра, насъ окружающаго, и посвятимъ жизнь на исполненіе нравственнаго долга по отношенію къ ближнимъ. Выводъ этотъ подкрѣпляется всею жизнью Фихте; вѣрный своимъ убѣжденіямъ и сильный характеромъ, Фихте заслужилъ громкую извѣстность, какъ неустрашимый проповѣдникъ началъ, которыя считалъ вѣрными и прославился своими пламенными патріотическими рѣчами.

Въ смыслѣ ученія Канта высказывается и А. И. Введенскій. «*Признаніе* существованія отдѣленной отъ меня и дающей о себѣ знать причины есть форма сознаванія». «Но мы еще ничѣмъ не гарантированы, что неизбѣжная форма сознанія служила *отраженіемъ* дѣйствительнаго взаимоотношенія вещей въ себѣ. Одинаково возможно пока какъ это, такъ и обратное положеніе. Безъ объектированныхъ ощущеній не можетъ быть и самого сознанія. Поэтому независимость отъ нашего произвола ихъ *существованія* въ насъ столь же мало свидѣтельствуетъ о нахожденіи отдѣльно отъ насъ вещей въ себѣ, какъ и независимость отъ нашего произвола *качества* того или другого ощущенія (напр. бѣлизны) еще не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы это качество принадлежало вещамъ въ себѣ, а не возникало только въ насъ самихъ» **).

«Эмпирическій міръ возникаетъ посредствомъ объектированія. Это не значитъ, что кромѣ нашего сознанія ничего больше нѣтъ, а значитъ, что это остается еще неизвѣстнымъ».

---

*) Курсивомъ обозначены слова мною.

**) А. И. Введенскій «Опытъ теоріи построенія матеріи», стр. 53 и 54.

Почти этими словами описываютъ наше отношеніе къ внѣшнему міру и остальные, многочисленные послѣдователи Канта.

Въ самое послѣднее время одинъ изъ адептовъ субъективнаго идеализма, Ферворнъ выступилъ, какъ было мною уже выше указано *), съ обширнымъ трудомъ, озаглавленнымъ: *Allgemeine Physiologie*, въ первой главѣ котораго онъ, между прочимъ, разбираетъ вопросъ: *что есть реальное*? и отвѣчаетъ на него, что «существуетъ лишь одно—это психика».

«Нельзя отрицать,—пишетъ Ферворнъ (стр. 37),—что всякому, кто въ первый разъ будетъ слѣдить за ходомъ доказательства несостоятельности признанія за внѣшнимъ міромъ существованія внѣ нашего сознанія, результатъ этотъ представится нѣсколько парадоксальнымъ; со стороны этого лица немедленно послѣдуетъ возраженіе, что кромѣ него живутъ еще многіе люди, изъ которыхъ каждый обладаетъ психикой, и что каждый изъ нихъ имѣетъ одинаковое съ нимъ право утверждать, что имѣетъ свою психику, такъ что, кромѣ психики этого лица, существуетъ еще большое число другихъ психикъ. Но и здѣсь ошибка очевидна. Если только постоянно придерживаться неоспоримаго факта, что міръ есть мое представленіе, то непремѣнно съизнова придется возвратиться къ признанію, что въ дѣйствительности существуетъ только моя психика, что другіе люди для меня ничто иное, какъ тѣла, такъ какъ я ничего не могу усмотрѣть въ нихъ иного; другими словами: они, слѣдовательно, ничто иное, какъ мое представленіе. Они, правда, говорятъ мнѣ, что имѣютъ такую же психику, какъ и я, также чувствуютъ и мыслятъ. Это вѣрно, но то, что они мнѣ говорятъ, ихъ рѣчи, ихъ движенія суть только матеріальныя явленія, т. е. только мои представленія. Ихъ психика находится, согласно научному способу выраженія, въ мозгу. Но если мнѣ и удается, присутствуя на операціи живого человѣка, увидѣть его мозгъ, то я и въ этомъ случаѣ убѣждаюсь, что и здѣсь я не нахожу ничего иного, какъ тѣлесные элементы. Тѣла же суть мое представленіе. Итакъ, въ заключеніи я опять вижу себя вынужденнымъ признать за мое представленіе то, что я считаю психикой другого человѣка. Однимъ словомъ, куда бы я ни обратился, я прихожу къ заключенію, что все, что кажется мнѣ существующимъ внѣ меня, будетъ ли это безжизненное тѣло, или живой человѣкъ, или же психика человѣка, въ сущности ничто иное, какъ моя же психика. Я никакъ не могу выйти изъ предѣловъ моей психики».

Столь же отличнаго отъ обыденнаго взгляда на внѣшній міръ придерживается, среди англійскихъ философовъ, Стюартъ Миль **). Въ примѣчаніи къ стр. 225 онъ заявляетъ, что никогда не помышлялъ утверждать существованія предметовъ внѣ насъ. И далѣе: «я не полагаю,

*) См. «Міръ Божій», 1898, январь, стр. 24.

**) *J. S. Mill.* Philosophie de Hamilton, p. 225 (traduit par E. Gazellos).

чтобы можно было доказать существованіе внѣ насъ чего-нибудь реальнаго, за исключеніемъ другихъ духовъ»,

Подобныхъ цитатъ изъ различныхъ современныхъ трактатовъ по психологіи можно привести очень большое число; всѣ они свидѣтельствуютъ о господствѣ, среди психологовъ, воззрѣнія, что сфера нашей познавательной способности ограничена нашими ощущеніями; подвергаясь сложной переработкѣ нашей психики и являясь такимъ образомъ продуктомъ дѣятельности нашего мышленія, послѣднія не представляютъ ручательства воспроизведенія дѣйствительности насъ окружающей. Не имѣя возможности отрицать присущей всѣмъ намъ непреодолимой потребности объектированія нашихъ представленій въ видѣ предметовъ внѣшняго міра, психологи въ то же время находятъ возможнымъ оспаривать непреложную истинность ея показаній, утверждая, что существованіе внѣшняго міра, внѣ нашего сознанія, на основаніи этого объектированія не можетъ еще считаться доказаннымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, и слѣдовательно *реально*, по ихъ мнѣнію, только одно: это психика.

Нельзя не замѣтить поразительнаго контраста между опредѣленіемъ реальнаго естествоиспытателями съ одной стороны, и философами, психологами—съ другой. И тѣ, и другіе съ одинаковымъ рвеніемъ и жаждой знанія посвящая лучшую часть жизни розысканіямъ истины, т. е. реальнаго, не могутъ придти къ соглашенію, гдѣ его искать; естествоиспытатели ищутъ его въ мірѣ внѣшнемъ, философы—внутри себя.

Каждая изъ этихъ категорій изслѣдователей живетъ замкнутою въ обособленномъ міркѣ, въ убѣжденіи, правоты своего міровоззрѣнія. Контрастъ въ ихъ взглядахъ сказывается особенно рельефно, если читать въ перемежку произведенія представителей этихъ, разъединенныхъ другъ отъ друга лагерей ученыхъ. Причемъ, выступаетъ съ необыкновенною ясностью коренное различіе въ пріемахъ ихъ разслѣдованій; выражаясь образно и сгустивъ краски, можно, мнѣ кажется, однимъ штрихомъ обрисовать коренное различіе между естествоиспытателемъ и философомъ-психологомъ; человѣкъ, смотрящій въ раскрытое окно и поглощенный до полнаго самозабвенія изученіемъ всего, что представляется его взорамъ, есть живой портретъ естествоиспытателя; въ человѣкѣ же углубленномъ въ самозерцаніе и заткнувшимъ уши и закрывшимъ глаза, для полнаго устраненія себя отъ міра внѣшняго—нельзя не признать соотвѣтсвенного изображенія философа-психолога.

Въ неразрывной связи съ этими отличіями находится и самый характеръ разслѣдованій естествоиспытателей и философовъ. При сравненіи огуломъ ученыхъ трудовъ тѣхъ и другихъ, мы увидимъ слѣдующую разницу: естествоиспытатели идутъ въ разслѣдованіяхъ своихъ отъ частнаго къ общему, отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному; главное вниманіе ихъ сосредоточивается на подысканіи и обоснованіи навыка фактическихъ данныхъ, которые ими признаны за необходимые

для искомаго положенія. Служащая основаніемъ работы фактическая сторона составляетъ наиболѣе цѣнную часть труда; гораздо слабѣе выработка вывода изъ добытыхъ фактовъ и не рѣдко послѣдняя оказывается, вслѣдствіе меньшаго вниманія къ ней автора, неправильною. Основою же философскихъ трактатовъ служатъ обыкновенно общія положенія неизбѣжно субъективнаго характера, и слѣдовательно, ни для кого, кромѣ самаго автора, не обязательныя; выводы же изъ основного положенія и, построенная на немъ нерѣдко весьма сложная философская система, невольно подкупаютъ читателя строго логическимъ характеромъ и тщательною разработкой, вытекающихъ изъ основоположенія слѣдствій.

Въ какой же изъ двухъ сторонъ жизни, внѣшней или внутренней, кроется источникъ несомнѣннаго знанія, слѣдуя которому можно было бы надѣяться опредѣлить: что есть реальное?

Одинъ изъ такихъ источниковъ открытъ, и честь открытія его составляетъ неоспоримую заслугу философовъ и принадлежитъ родоначальнику современной философіи, Декарту. Онъ нашелъ его во внутренней нашей жизни и формулировалъ его въ извѣстномъ изрѣченіи «*cogito ergo sum*» что означаетъ: я мыслю и чувствую, слѣдовательно несомнѣнно, что я существую; единственно, что я не могу отрицать и въ чемъ не могу сомнѣваться—это мои мысли и чувства; и тѣ и другія мнѣ *непосредственно* даны и непосредственно мною ощущаются и сознаются. Все остальное знаніе есть *выводное* и, какъ выводное, подлежитъ, для признаніе его истинности, дальнѣйшей провѣркѣ; но и этой послѣдней возможно придать выводному знанію лишь степень большей или меньшей вѣроятности, но не абсолютной достовѣрности. Познаваемое нами представляетъ, слѣдовательно, двѣ категоріи знанія: къ первой относится все нами непосредственно ощущаемое и сознаваемое — *знаніе несомнѣнное*, ко второй—знаніе выводное (умозаключаемое)—обладающее лишь *большею или меньшею степенью вѣроятія*, но не абсолютной достовѣрности.

Вышеприведенный источникъ знанія, используемый философами, не есть однако тотъ могучій потокъ, слѣдуя которому прогрессировало и прогрессируетъ человѣческое знаніе: онъ представляетъ изъ себя лишь мелкій, журчащій ручеекъ, теряющійся уже вблизи отъ истока, среди сухихъ и безплодныхъ пустынь метафизическихъ измышленій. Въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ дальнѣйшимъ открытіямъ можетъ повесть сознаніе ощущеній горя, радости, голода, жажды, гнѣва и одно лишь сознаніе своего существованія; если при этомъ еще принять въ соображеніе, что предметы ощущеній и желаній, разматриваются философами не какъ реальные объекты, а какъ только наши представленія. Гнѣвъ, напр., признается за нѣчто несомнѣнно реальное, между тѣмъ, какъ существованіе предмета, на который гнѣвъ обрушивается, считается пробле-

матичнымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ философовъ, предметъ гнѣва ничто иное, какъ представленіе гнѣвающагося.

Кромѣ того, къ несомнѣнно реальному должны быть отнесены, согласно приводимому здѣсь опредѣленію, и ощущенія, испытываемыя спящимъ, и галлюцинаціи умалишеннаго.

Очевидно, что путь прогресса человѣческаго знанія иной, и особенно странно, что, будучи извѣстенъ уже издавна, онъ не былъ включенъ Декартомъ въ схему несомнѣннаго знанія, хотя послѣднему онъ былъ отлично знакомъ. Я говорю какъ о второмъ источникѣ несомнѣннаго знанія, объ истинахъ математическихъ, которыя по всеобщему признанію представляютъ истины, не подлежащія сомнѣнію, хотя и не познаются не непосредственно, а относятся къ знанію *выводному*.

Дальнѣйшій шагъ на этомъ пути былъ сдѣланъ Бэкономъ; онъ съ особенною ясностью указалъ на выводное опытное знаніе, какъ на наиболѣе надежный источникъ для пріобрѣтенія свѣдѣній о природѣ и нашего къ ней отношенія. Естествоиспытатели, слѣдуя указанному Бэкономъ пути, обрѣли въ немъ не мелководный ручей, а судоходную рѣку, по которой съ неимовѣрною быстротою поплыли они, влекомые ея сильнымъ теченіемъ, и уже достигли безбрежнаго океана, гдѣ есть достаточный просторъ, чтобы разгуляться ихъ неудержимой энергіи въ поискахъ за неожиданными и негаданными фактическими данными. Послѣднія въ дѣйствительности оказались въ столь громадномъ числѣ, что потребовали, для ихъ использованія, весь запасъ наличныхъ силъ естествоиспытателей; стремленіе къ возможно бо́льшему успѣху хода работъ повлекло за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, и возрастающую спеціализацію отдѣльныхъ ученыхъ. Увлеченные небывалымъ успѣхомъ, естествоиспытатели оставили пока въ сторонѣ разслѣдованія истока рѣки, устья которой они достигли.

Эту трудную часть работы имъ предстоитъ еще совершить, и только когда добытыя ими сокровища будутъ приведены въ живую связь съ исходною точкою нашего знанія и теоретически обоснованы, они пріобрѣтутъ настоящую свою цѣнность. Будемъ надѣяться, что это время не заставитъ себя долго ждать.

Для преслѣдуемой мною цѣли, именно: попытки опредѣленія, что считать за реальное, необходимо разобраться среди вышеприведенныхъ взглядовъ философовъ-психологовъ и естествоиспытателей.

Оцѣнка выводовъ въ философскихъ трактатахъ не можетъ быть иная, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ знанія; какъ въ послѣднихъ, она и въ данномъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ степени и качества обоснованія вывода.

Прилагая эту мѣрку къ выводамъ философовъ, въ вопросѣ о теоріи познаванія нами внѣшняго міра, я постараюсь возможно кратко и ясно сопоставить съ одной стороны, ихъ пріемы разслѣдованія и основоположенія и выводы—съ другой.

Всѣ философы, о которыхъ мнѣ придется здѣсь упоминать, принадлежатъ къ представителямъ *критической философіи*, созданной Кантомъ.

Философія Канта носитъ названіе *критической* философіи въ противоположность *догматической*. Между тѣмъ какъ послѣдняя признаетъ *) «общіе принципы, напр., законъ причинности, пространство, время и т. п. правильно познанными (сами собой извѣстными), достовѣрными и примѣняемыми вслѣдствіе своей общности ко всякому роду бытія— какъ къ явленіямъ, такъ и къ вещамъ въ себѣ», первая подвергаетъ подобные принципы изслѣдованію со стороны ихъ достовѣрности, круга примѣненія, а также и со стороны ихъ пониманія и значенія.

«Она предполагаетъ несомнѣнное знаніе возможнымъ только въ томъ случаѣ, если къ числу субъективныхъ, изъ насъ самихъ возникающихъ, элементовъ міра явленій, принадлежатъ не только чувственно воспринимаемыя его качества, но и самая ихъ связь между собою, по крайней мѣрѣ ея основныя черты, каковы, напримѣръ, пространство, время, причинность, субстанціальность, закономѣрность событій и т. д.». «неизбѣжныя формы сознанія должны быть принципами міра явленій».

Вслѣдствіе признанія и самой связи явленій за неизбѣжныя формы сознанія, а не за отношенія явленій, вскрываемыя посредствомъ наблюденій и опытовъ надъ предметами внѣшняго міра, открылся доступъ сомнѣнію въ существованіи, внѣ нашего сознанія, какъ пространства и времени, такъ и закона причинности и другихъ перечисленныхъ связей, разсматриваемыхъ какъ формы сознанія, а съ этимъ вмѣстѣ возникло и сомнѣніе въ бытьи внѣшняго міра, или вещей въ себѣ.

Основателемъ критической философіи Кантомъ и былъ введенъ въ философію терминъ *критицизмъ*. Согласно вышеприведеннымъ цитатамъ, Кантъ, слѣдовательно, утверждаетъ, что существуютъ основныя соединенія понятій, возникающія не логически, однако же всеобщія и необходимыя.

Онъ изслѣдуетъ не только въ познаніи, но и въ другихъ областяхъ человѣческаго мышленія, вопросъ о существованіи такихъ *апріорныхъ синтетическихъ сужденій*, т.-е. соединеній понятій, гдѣ соединенія были бы первичными, не выводились бы логически изъ самихъ соединяемыхъ понятій, а въ то же время имѣли бы всеобщее и необходимое значеніе.

Задача Канта, поэтому, сводится къ тому, чтобы показать *возможность апріорныхъ синтетическихъ сужденій*.

Онъ объясняетъ ее тѣмъ, что разсудокъ самъ *воспроизводитъ объекты*, о которыхъ онъ высказывается; такъ, напримѣръ, въ математикѣ, геометръ можетъ опредѣлить à priori свойство и соотношенія линій, угловъ, треугольниковъ и круговъ, потому что онъ самъ создаетъ эти объекты.

*) А. И. Введенскій, ib.

Онъ утверждаетъ далѣе, что мы отчасти слѣдуемъ этому пріему и въ физикѣ, а также и вообще при познаваніи явленій природы, такъ какъ и послѣднее вырабатывается познающимъ субъектомъ изъ отдѣльныхъ ощущеній, но тоже при посредствѣ апріорныхъ синтетическихъ сужденій. По ученію Канта, субъектъ, испытывающій разнообразныя ощущенія, располагаетъ ихъ, во 1-хъ, въ опредѣленномъ порядкѣ въ пространствѣ и времени (послѣднія же Кантъ разсматриваетъ, какъ присущія нашей чувствительности апріорныя, не изъ опыта почерпнутыя, формы интуиціи, т. е. непосредственнаго воспріятія); во-2-хъ, подвергаетъ ихъ дальнѣйшей переработкѣ нашимъ разсудкомъ, руководствующимся при этомъ сужденіями, но тоже не опытными, а апріорными; послѣднія Кантъ называетъ гносеологическими формами мышленія или *категоріями*.

Все это вмѣстѣ взятое составляетъ *функціи синтеза* многообразныхъ, разрозненныхъ ощущеній, воспроизводимыхъ дѣятельностью познающаго субъекта.

Составленныя по этимъ категоріямъ апріорныя, *чистыя* понятія признаются, по Канту, разсудкомъ, какъ обязательныя, хотя и не доказуемыя истины, и полагаются имъ въ основу какъ математики, такъ и естествознанія. Примѣрами таковыхъ могутъ служить математическія аксіомы: прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками; часть меньше цѣлаго; а также апріорныя истины естествознанія: количество вещества въ природѣ не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться; все случающееся въ природѣ имѣетъ свою причину и проч.; совокупность подобныхъ общихъ положеній составляетъ, по Канту, *чистое естествознаніе*.

Кантъ учитъ, слѣдовательно, что мы принуждаемы организаціей нашей психики истолковывать, а, слѣдовательно, и понимать ощущенія, которымъ подвергаемся, только въ извѣстномъ, одностороннемъ смыслѣ, окрашивая и видоизмѣняя ихъ сообразно конструкціи нашей психики; мы вынуждены смотрѣть на всѣ явленія жизни, такъ сказать, съ предвзятой точки зрѣнія, лишенные возможности воспринимать непосредственно образы предметовъ насъ окружающихъ. Изъ разслѣдованій надъ познавательною нашею способностью Кантъ пришелъ, какъ мы видѣли, къ выводу, что внѣшній міръ нетолько недоступенъ изученію, но что даже и существованіе его внѣ нашего сознанія мы доказать не въ состояніи, и что нашъ умъ, по отношенію къ познаванію внѣшняго міра, при посредствѣ чувственныхъ воспріятій, является совершенно безпомощнымъ. Кантъ, называя его *чистымъ разумомъ*, противополагаетъ ему *разумъ практическій*, который строитъ свое міровоззрѣніе на заложенномъ въ насъ апріорномъ (т.-е. предшествующемъ всякому опыту) законѣ нравственности, которому мы обязаны слѣдовать; нравственныя же обязательства мыслимы лишь относительно живыхъ людей (ноуменовъ, а не феноменовъ); поэтому мы должны увѣровать

въ ихъ существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и въ реальность внѣшняго міра.

Не разумомъ, а вѣрой познается нами внѣшій міръ и познается только потому, что въ насъ вложена непреодолимая потребность исполненія нравственнаго долга относительно ближнихъ (категорическій императивъ Канта). Поэтому, хотя въ существованіи этихъ ближнихъ мы, по Канту, и не можемъ убѣдиться, но должны признать за ними реальное бытіе, ибо, въ противномъ случаѣ, мы будемъ лишены объектовъ, къ которымъ могли бы примѣнять наши нравственныя обязательства.

Построеніе внѣшняго міра, выводимое изъ категорическаго императива Канта, допускаетъ два возраженія:

Первое заключается въ томъ, что происхожденіе сознанія нравственнаго долга можетъ быть объяснено, какъ извѣстно, инымъ путемъ и разсматриваемо, какъ достояніе благопріобрѣтенное, какъ плодъ житейской мудрости.

Оно представляется мнѣ, кромѣ того, ошибочнымъ и потому, что полагаетъ возможнымъ объясненіе менѣе общимъ понятіемъ: категорическимъ императивомъ, понятія болѣе общаго—жизни.

Никто не станетъ отрицать, что мыслима жизнь, даже полная высшихъ духовныхъ наслажденій, безъ потребности въ категорическомъ императивѣ; представимъ себѣ, напр., уединенное живое существо, съ психикой, сходной съ нашей, или даже цѣлое общество подобныхъ существъ, но въ изобиліи снабженныхъ всѣмъ, что имъ желательно; и въ этомъ второмъ, уже болѣе сложномъ примѣрѣ, имѣемъ жизнь, безъ нравственнаго обязательства относительно окружающихъ людей, такъ какъ послѣдніе ни въ чемъ не нуждаются. Только въ частномъ случаѣ, при недохваткѣ въ средствахъ къ жизни и при неизбѣжныхъ мученіяхъ, причиняемыхъ недостаткомъ ихъ, возникаетъ борьба за существованіе, со всѣми жестокими послѣдствіями этой борьбы, и возникаетъ потребность въ категорическомъ императивѣ (т.-е. нравственномъ обязательствѣ) относительно ближнихъ; нравственныя обязательства возникаютъ, слѣдовательно, лишь изъ-за частнаго, можно сказать, случайнаго, обстоятельства—именно какъ слѣдствіе недохватки средствъ къ существованію. Поэтому самый смыслъ жизни, мыслимой и безъ потребности въ категорическомъ императивѣ, несомнѣнно кроется глубже, въ чемъ-нибудь иномъ, болѣе общемъ, чѣмъ послѣдній. И не изъ сознанія категорическаго императива, а чѣмъ-нибудь инымъ должны мы обосновать познаваніе существованія внѣшняго міра, внѣ нашего сознанія.

Въ Критикѣ Чистаго Разума, все разсужденіе ведется какъ бы въ предположеніи, что мы сами творимъ явленія, не вѣдая, однако, причины ихъ происхожденія, и осуждены на пассивную, замкнутую въ самой себѣ жизнь, ограниченную лишь нашими субъективными ощущеніями, жизнь въ полномъ одиночествѣ и совершенномъ невѣдѣніи

всего насъ окружающаго. Мы являемся обреченными, если будемъ руководствоваться только данными познанія, влачить жизнь безотрадную, похожую на жизнь безпомощнаго, съ рожденія разбитаго параличемъ несчастливца. Въ самомъ дѣлѣ, попытаемся вникнуть въ его духовную жизнь и возможное для него міровоззрѣніе.

Предположимъ его одареннымъ нормально развитыми всѣми пятью внѣшними чувствами и недюжиннымъ умомъ, и представимъ себѣ, что нашъ больной, окруженный возможно тщательнымъ уходомъ, достигъ зрѣлаго возраста. Лишенный возможности движенія, онъ будетъ жить лишь пассивно воспринятыми раздраженіями и порожденными, при ихъ посредствѣ, представленіями. Не имѣя возможности контролировать опытомъ и наблюденіемъ возникающихъ въ немъ ощущеній и образовъ, и предоставленный міру грезъ, не сдерживаемыхъ никакими извнѣ идущими указаніями, нашъ больной не будетъ въ состояніи составить себѣ понятія о реальномъ, внѣшнемъ мірѣ. Ему будутъ извѣстны образы живыхъ людей, но онъ не будетъ имѣть основанія признать за ними реальное существованіе; для него они останутся лишь представленіями. Онъ не нашелъ бы ничего возразить противъ міровоззрѣнія Критики Чистаго Разума.

Не трудно предугадать, что сталось бы съ нашимъ воображаемымъ паціентомъ, если ему бы прочли вслѣдъ затѣмъ цитаты изъ Критики Практическаго Разума, касательно апріорности нравственнаго закона и категорическаго императива.

Онъ безъ сомнѣнія, пришелъ бы въ большое замѣшательство, и если допустимъ, что у него проявилась способность рѣчи, онъ, конечно, отвѣтилъ бы, что съ него требуютъ невозможнаго, что чувство нравственнаго долга относительно представленій вещь немыслимая. Его недоумѣніе достигло бы высшаго предѣла, если бы онъ вслѣдъ за тѣмъ услышалъ, что, не смотря на невозможность для него убѣжденія путемъ опытнымъ въ реальности существъ ему подобныхъ, отъ него требуется, чтобы онъ увѣровалъ въ ихъ реальное бытіе и съ ними и въ бытіе внѣшняго міра, увѣровалъ ради выполненія требованія категорическаго императива; онъ вѣроятно, былъ не мало бы удивленъ, услышавъ, что убѣжденіе въ абсолютной общезначимости и необходимости нравственнаго обязательства составляетъ нераздѣльную часть человѣческаго разума, что оно есть абсолютное правило чистаго практическаго ума, что оно существуетъ въ видѣ абсолютнаго факта нравственнаго, сознанія и вѣра въ его реальность представляетъ собою общую для всякаго человѣческаго разума необходимость, и наконецъ, что тотъ не принадлежитъ къ числу нравственныхъ людей, кто не убѣжденъ въ абсолютной общезначимости и необходимости нравственнаго обязательства. «Ты долженъ вѣрить,—говоритъ Кантъ,—и въ реальность свободы и сверхчувственнаго міра. Убѣжденіе твое въ свободѣ воли должно тебѣ ре-

лизировать понятіе вещей къ себѣ, которое для теоретической философіи остается всего только проблематической».

Я думаю, что никто не позволилъ бы себѣ осудить нашего больного, если бы онъ, по выздоровленіи, усумнился въ безапелляціонности предъявленныхъ къ нему требованій и настаивалъ бы на необходимости осязательнаго доказательства реальности существъ, относительно которыхъ ему навязываютъ нравственныя обязательства въ формѣ *категорическаго императива*, прежде чѣмъ требовать отъ него исполненіе послѣдняго. Нельзя, мнѣ кажется и осудить читателя, который признаетъ заявленіе выздоровѣвшаго больного правильнымъ, и, вопреки утвержденію Канта, будетъ настаивать на томъ же и пребывать въ убѣжденіи, что критическая философія не успѣла еще оправдать своего громкаго имени и претензіи на открытіе новаго, болѣе достовѣрнаго источника познаній, и не доставила намъ знаній болѣе обоснованныхъ, чѣмъ тѣ, которыя пріобрѣтаются обычнымъ путемъ.

Нельзя не признать, что основоположенія критической философіи Канта, какъ то: установленныя имъ апріорныя, предшествующія всякому опыту и поэтому недоказуемыя понятія и тѣсно связанныя съ ними предположенныя апріорныя синтетическія сужденія, и по сіе время не пріобрѣли среди философовъ права гражданства и оспариваются весьма многими изъ нихъ. Между прочимъ, рѣзко нападаетъ на Канта Милль, осуждая его за избранный имъ признакъ для опредѣленія данныхъ сознанія, какъ апріорныхъ, признакъ, который Милль разсматриваетъ, какъ совершенно ненадежный. Апріорными Кантъ призналъ всѣ сужденія, въ которыхъ ни онъ, ни окружавшіе его не находили возможнымъ сомнѣваться.

Въ виду необоснованности какъ основоположеній ученія Канта, апріорныхъ сужденій, а равно и мало вѣроятнаго утвержденія, что внѣшній міръ познается нами лишь при посредствѣ нравственнаго чувства, его міровоззрѣніе представляется мнѣ неправильнымъ.

На совершенно иномъ основаніи отрицаетъ существованіе, внѣ насъ, внѣшняго міра Милль. Разслѣдованіе свое онъ ведетъ по совершенно иному методу, названному имъ *психологическимъ*, въ отличіе отъ *метода интроспективнаго* большинства философовъ. Своеобразіе психологическаго метода Милля заключается въ томъ, что исходною точкою разслѣдованій послужили два опытомъ добытые психологическіе закона.

Теорія, проводимая Миллемъ, предполагаетъ, «во-1-хъ, что человѣческій духъ способенъ къ ожиданію (Expectation), т. е., что послѣ воспріятія ощущеній въ настоящемъ, мы способны постигнуть *ощущенія возможныя*, не испытываемыя нами въ настоящую минуту, но которыя мы могли бы испытывать и которыя въ дѣйствительности испытали бы, при извѣстныхъ условіяхъ, опредѣленныхъ предварительными опытами; во-2-хъ, опирается на признаніи истинными слѣдующихъ законовъ ассоціаціи представленій, именно: 1) что представленія сложныхъ явле-

ній стремятся предстать уму сообща; 2) что тоже вѣрно и относительно представленій по смежности; а) въ пространствѣ и б) во времени; 3) что представленія по смежности связываются опредѣленнѣе и быстрѣе по мѣрѣ ихъ повторяемости; 4) что ассоціація представленій возрастаетъ до неразрывности, вслѣдствіе чего послѣднія начинаютъ представляться неразрывно связанными и въ дѣйствительности. Поэтому становится для насъ, со временемъ, существованіе одного изъ этихъ представленій немыслимымъ въ отсутствіи другого».

Исходя изъ этихъ предположеній, психологическая теорія утверждаетъ, что намъ присущи ассоціаціи представленій, порождаемыхъ естественнымъ и непроизвольнымъ путемъ соотвѣтственно порядку нашихъ ощущеній и воспоминаній объ ощущеніяхъ прошедшихъ. Такъ что, если даже предположить полнѣйшее отсутствіе въ нашемъ сознаніи интуиціи внѣшняго міра, то вышеупомянутыя ассоціаціи породили бы въ насъ неизбѣжно увѣренность во внѣшнемъ мірѣ, и послѣдняя представилась бы намъ интуитивною.

При этомъ особенно характерно, что, объясняя вышеизложеннымъ способомъ происхожденіе въ насъ увѣренности въ существованіе внѣшняго міра, Милль въ то же время утверждаетъ, что увѣренность эта, являясь лишь слѣдствіемъ нашей духовной организаціи, не можетъ считаться непреложною. По мнѣнію Милля, мы не въ состояніи выйти изъ заколдованнаго круга нашихъ представленій.

«Что хотимъ мы выразить,—пишетъ Милль,—когда мы говоримъ, что видимый нами объектъ находится внѣ насъ, а не только мыслится нами? что заставляетъ насъ это говорить? Мы подразумѣваемъ подъ этимъ нѣчто навязанное нашему воспріятію, нѣчто существующее и въ то время, когда мы о немъ не думаемъ, нѣчто существовавшее прежде, чѣмъ мы о немъ начали думать, и способное продолжать существовать и тогда, когда насъ болѣе не будетъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что существуютъ вещи, нами никогда не видѣнныя, не подвергавшіяся нашему осязанію и не замѣченныя инымъ какимъ-либо способомъ; вещи, которыя никто изъ людей еще не наблюдалъ. Указаніе на причины этой сложной концепціи и составляетъ то, что мы подразумѣваемъ подъ вѣрою въ матерію. По *психологической же теоріи* это понятіе (матеріи) есть ничто иное, какъ форма, которую вызвали въ нашей концепціи законы ассоціаціи.

«Я вижу на столѣ кусокъ бѣлой бумаги; перейдя въ другую комнату, я, тѣмъ не менѣе, имѣю увѣренность, что бумага осталась на своемъ мѣстѣ, хотя я и пересталъ ее видѣть. Я не имѣю болѣе ощущеній, которыя она во мнѣ возбуждала, но я полагаю, что я ихъ вновь бы испыталъ, если бы я себя поставилъ въ условія, при которыхъ я испыталъ раньше, т. е. если бы я вернулся въ комнату, гдѣ видѣлъ бумагу; кромѣ того, я увѣренъ, что не могло быть ни одного момента, въ который этого бы не случилось. Въ концепціи міра таковымъ,

какъ онъ мнѣ представляется въ данную минуту, вслѣдствіе особенности моего духа, настоящее мое воспріятіе занимаетъ лишь малую долю. Бываютъ минуты, когда ощущенія отсутствуютъ или во всякомъ случаѣ составляютъ лишь самую незначительную часть того, что я сознаю.

«Концепція міра, присущая мнѣ въ данный моментъ, слагается изъ испытываемыхъ ощущеній и безчисленнаго множества возможностей ощущеній: къ послѣднимъ относятся всѣ ощущенія, которыя я, по пріобрѣтенному опыту, могъ бы при извѣстныхъ условіяхъ испытывать, а также и безграничное число другихъ ощущеній, которыя я имѣлъ бы возможность испытать въ условіяхъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ. Эти различныя *возможности* составляютъ все, что имѣетъ значеніе для насъ въ мірѣ внѣшнемъ. Ощущенія, испытываемыя въ настоящемъ, имѣютъ большею частью мало значенія; кромѣ того они скоро преходящи. *Возможности* же, напротивъ того, пребываютъ постоянно и обладаютъ, слѣдовательно, характерной чертой, присущей идеѣ о веществѣ или матеріи и отличающей ее отъ того, что мы понимаемъ подъ ощущеніями».

Эти *возможности* ощущеній характеризуются еще тѣмъ, что представляютъ изъ себя группы опредѣленныхъ ощущеній; при реализаціи одного изъ нихъ въ насъ, возникаютъ другія составныя части этой группы. Мы предполагаемъ поэтому присущимъ въ каждой подобной группѣ ощущеній опредѣленный субстратъ, другими словами *опредмечиваемъ* эту группу ощущеній и населяемъ такимъ образомъ, по этой теоріи, внѣшній міръ безчисленнымъ множествомъ объектовъ.

Совершенно подобнымъ же образомъ формуются въ насъ опредѣленныя группы *возможностей* ощущеній, слѣдующихъ одни за другими въ опредѣленномъ порядкѣ во времени. Зависимость опредѣленныхъ ощущеній отъ предшествующихъ и прочная связь съ послѣдующими порождаетъ въ насъ *возможности* ощущеній во времени. Они также опредметчиваются нами чрезъ перенесеніе и ихъ въ міръ внѣшній.

Эти двоякаго рода группы возможностей ощущеній соединенныхъ 1) въ пространствѣ или 2) во времени, Милль обозначаетъ терминомъ *постоянныхъ возможностей*. Изъ сочетанія испытываемыхъ въ данный моментъ ощущеній и постоянныхъ возможностей слагается, по Миллю, вся чувственная наша жизнь. Изъ сферы нашихъ ощущеній намъ никогда не выйти. Созидаемое внутри насъ и возникающее, помимо нашей воли, и внѣ нашего контроля, представленіе о мірѣ внѣшнемъ есть крупное недоразумѣніе, вводящее насъ въ жестокое заблужденіе. Не тотъ міръ, который мы всѣ полагаемъ знать, есть реальный, а совершенно иной. Только одни духи существуютъ помимо насъ и нѣтъ внѣ насъ никакихъ предметовъ, а вмѣсто нихъ лишь *постоянныя возможности* ощущеній.

Милль совершенно вѣрно утверждаетъ, что все случающееся съ нами въ жизни можетъ быть выражено въ терминахъ проводимой имъ *психо-*

логической теоріи и подкрѣпляетъ свое мнѣніе нѣсколькими примѣрами. Вопросъ же, занимающій насъ въ настоящее время, не въ этомъ; главный интересъ сосредоточивается въ выясненіи, получается ли при переводѣ общепринятаго способа описанія на языкъ психологической теоріи какая-либо существенная выгода? получается ли чрезъ это болѣе простое и точное изображеніе нашей жизни? и не вводится ли, наоборотъ, произвольное толкованіе сути жизни и отношенія нашего къ внѣшнему міру? Не есть ли теорія Милля ни что иное, какъ цѣпь размышленій надъ предметомъ, не поддающимся пока желаемому разъясненію? Мнѣ представляется и разбираемый трудъ Милля, въ высокой степени интересный и замѣчательный, не изъятымъ отъ общаго философскимъ системамъ недостатка, именно: самоувѣренности, съ которою разрѣшаются въ нихъ всѣ вопросы жизни, не исключая и неразрѣшимыхъ.

Воззрѣнія Милля раздѣляетъ и Бэнъ; разбирая какимъ образомъ рождается въ нашемъ духѣ убѣжденіе въ существованіи матеріальнаго міра, какъ чего-то сторонняго нашему духу, Бэнъ предпосылаетъ слѣдующія замѣчанія. «Никакое знаніе о мірѣ невозможно безъ отношенія къ нашему духу. Знаніе означаетъ состояніе духа; понятіе о вещахъ матеріальныхъ есть вещь духовная. Мы не способны входить въ разборъ существованія матеріальнаго міра; самый этотъ актъ былъ бы противорѣчіемъ. Мы можемъ говорить только о мірѣ, представляющемся нашему собственному духу. Вслѣдствіе иллюзіи рѣчи, мы воображаемъ, что способны созерцать міръ, не входящій въ наше собственное существованіе; но попытка къ этому сама себя изобличаетъ во лжи, потому что это созерцаніе есть только усиліе духа».

Главную роль въ первоначальномъ образованіи увѣренности въ существованіи міра внѣ насъ играютъ, по Бэну, наши мускульныя чувства, именно ощущенія сопротивленія. Подробный анализъ нашихъ ощущеній показываетъ, что, ссылаясь на внѣшніе предметы, мы ссылаемся только на комплексы нашихъ же ощущеній и идей.

Въ трудѣ Милля выступаютъ слѣдующіе недочеты:

1) Вопросъ о познаваемости нами внѣшняго міра не разрѣшается окончательно; проводимое воззрѣніе есть одно изъ многихъ возможныхъ и, не отличаясь отъ остальныхъ какимъ-либо особеннымъ преимуществомъ, оставляетъ, слѣдовательно, вопросъ этотъ открытымъ; трактуется же вопросъ этотъ, какъ окончательно рѣшенный при посредствѣ психологическаго метода.

2) Всѣ приведенные любопытные анализы дѣятельности нашей познавательной способности не составляютъ сами по себѣ препятствія къ признанію внѣшняго міра въ общепринятой формѣ; только приданное Миллемъ толкованіе приведенныхъ фактовъ противорѣчитъ ему. Именно противорѣчитъ послѣднему только увѣреніе Милля, что наши органы чувствъ не суть, какъ всѣми признано, аппараты для познаванія міра внѣшняго, а только очаги ощущеній, испытываемыхъ нами въ связи съ

постоянными возможностями ощущеній. Произвольно и не доказано признаніе нами внѣшняго міра лишь вслѣдствіе будто присущихъ намъ потребности и способности *опредметчиванія постоянныхъ возможностей* ощущеній.

3) Милль и раздѣляющіе его взгляды философы его единомышленники грѣшатъ еще тѣмъ, что совершенно игнорируютъ теорію эволюціи организмовъ и неразрывно связанную съ ней эволюцію психики, не смотря на то, что теорія эволюціи составляетъ въ настоящее время исходную точку отправленія всѣхъ біологическихъ розысканій. Этимъ же объясняется, что они опускаютъ изъ виду филогенезисъ органовъ чувствъ и принимаемую всѣми біологами роль ихъ, какъ аппаратовъ, для распознаванія внѣшняго міра, т. е. окружающихъ условій съ цѣлью сохранить жизнь и упрочить за организмомъ потомство; философы-психологи не принимаютъ во вниманіе, что органы чувствъ признаются біологами за могущественныя орудія организмовъ въ борьбѣ за существованіе.

Нельзя не согласиться, что игнорированіе этого положенія, одного изъ важнѣйшихъ въ біологіи, есть крупное упущеніе со стороны психологовъ.

4) Объясняя все исключительно психологическимъ методомъ, они впадаютъ, при построеніи своего міровоззрѣнія, въ ошибку, сходную съ тою, которую дѣлаютъ приверженцы механическаго воззрѣнія, и погрѣшая въ сторону противуположную, тоже не достигаютъ правильнаго міровоззрѣнія.

Общепринятымъ психологами въ настоящее время можетъ считаться положеніе, что психологическія явленія находятся между собою въ столь же строгой и неразрывной причинной связи, какъ и явленія матеріальныя, что къ нимъ поэтому примѣнимъ въ одинаковой степени, какъ и къ послѣднимъ, индуктивный методъ разслѣдованія, и что только этимъ путемъ возможно разработывать науку о духѣ.

Не имѣя ничего возразить противъ разслѣдованія причинной связи духовныхъ явленій, я въ то же время считаю необходимымъ напомнить читателю приведенное мною въ предыдущей главѣ касательно причинности явленій матеріальныхъ; послѣднее необходимо имѣть въ виду и при анализѣ явленій психическихъ. Все сказанное относительно разслѣдованій причинности матеріальныхъ явленій цѣликомъ примѣнимо и при изученіи причинности явленій психическихъ. Какъ при разслѣдованіи причинности матеріальныхъ явленій, доступныхъ намъ лишь съ внѣшней стороны, не позволительно игнорировать внутреннюю ихъ сторону, также и при изученіи психическихъ явленій, гдѣ нашему разслѣдованію доступна только ихъ внутренняя сторона, неправильно упускать изъ виду внѣшнюю ихъ сторону. И здѣсь, какъ и тамъ, какъ было выше выяснено *), «въ строго научномъ смыслѣ невозможно указать

*) См. «Міръ Божій», февраль, стр. 138.

на одну, опредѣленную причину изслѣдуемого явленія», психологія, какъ и естествознаніе, ограничивается лишь разслѣдованіемъ причинной связи опредѣленнаго явленія съ опредѣленнымъ внѣшнимъ условіемъ, и притомъ не иначе, какъ при наличности всѣхъ остальныхъ необходимыхъ для искомаго явленія условій, въ томъ числѣ и условій намъ совершенно неизвѣстныхъ; слѣдовательно (и въ психологіи), результатомъ разслѣдованія можетъ быть лишь только выясненіе зависимости изучаемаго явленія отъ присутствія и отсутствія опредѣленнаго внѣшняго условія, а никакъ не органическая связь явленія съ какою либо одною, опредѣленною причиной.

Мнѣ представляется поэтому ошибочнымъ современное ученіе психологовъ о причинности явленій духовныхъ, понимаемой въ общепринятомъ смыслѣ.

И здѣсь, какъ и при разслѣдованіи причинности явленій матеріальныхъ, получаемый результатъ не даетъ указанія на генетическую связь изучаемаго явленія съ какимъ-нибудь однимъ предшествовавшимъ, т. е. не даетъ прямаго отвѣта на поставленный вопросъ, но указываетъ лишь на то условіе, или ту совокупность условій, которыхъ въ данномъ частномъ случаѣ не доставало для осуществленія искомаго явленія. Поэтому, по моему мнѣнію, слѣдовало бы, для устраненія возможнаго недоразумѣнія, слово *причина* замѣнять терминомъ: *причина въ данномъ частномъ случаѣ*, или же воздерживаться отъ его употребленія, замѣнивъ его терминомъ: *взаимодѣйствіе* условій. Утверждая, что какое-нибудь явленіе вызывается взаимодѣйствіемъ присоединяемыхъ новыхъ условій къ имѣвшимся, мы вполнѣ точно выразили бы что на самомъ дѣлѣ происходитъ, избѣгнувъ необходимости одно изъ нихъ выдѣлить, какъ причину явленія безъ достаточного на это основанія.

Имѣя въ настоящемъ случаѣ исключительно въ виду представить разборъ мнѣнія представителей критической философіи, выдающихъ за доказанное, что мы, по организаціи нашей психики, лишены не только возможности познаванія внѣшняго міра, но и возможности убѣдиться въ его существованіи внѣ нашего сознанія, я ограничусь вышеприведенными мыслителями. Такъ какъ приведенные мною философы относятся къ первоклассным и въ то же время могутъ служить представителями обоихъ присущихъ критической философіи методовъ: интраспективнаго и психологическаго, то соображенія, которыя я позволю себѣ высказать относительно ихъ ученія, могутъ служить въ то же время отвѣтомъ и всѣмъ остальнымъ мыслителямъ, придерживающимся этого взгляда.

Я постараюсь показать, что они не имѣютъ въ настоящее время никакого основанія претендовать на право относиться высокомѣрно и самонадѣянно къ міровоззрѣнію, общепринятому людьми, которыхъ не коснулась философія; они не имѣютъ этого права потому, что, не смотря на высокій интересъ ихъ трудовъ и добытые ими результаты, они далеко не дошли до разрѣшенія поставленной ими задачи.

Всѣ разобранные мною труды философовъ не рѣшаютъ разбираемаго вопроса. Одни грѣшатъ тѣмъ, что, избравъ исходною точкою неизвѣстное, недоказуемое, отъ этого неизвѣстнаго, которое каждый философъ понимаетъ по своему, переходятъ къ общепринятому, извѣстному, и придаютъ послѣднему толкованіе, соотвѣтственное субъективной точкѣ зрѣнія изслѣдователя. Сюда относится ученіе Канта и его послѣдователей. Въ другихъ обнаруживаются существенные недостатки иного рода, лишающіе довѣрія приводимые выводы. Къ таковымъ у Милля представляется мнѣ недосмотръ, что даже, при признаніи правильности всѣхъ фактическихъ данныхъ его анализа нашей познавательной способности, выводъ его можетъ быть оспариваемъ, такъ какъ онъ не единственный возможный. Приводимыя Миллемъ фактическія данныя вовсе не противорѣчатъ общепринятому міровоззрѣнію; не согласуется съ нимъ, какъ показано будетъ ниже, лишь толкованіе ихъ Миллемъ; только субъективный взглядъ его, а не его психологическій анализъ, допускающій также, замѣтимъ мимоходомъ, возраженія по существу,— идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ міровоззрѣніемъ.

Необходимо, какъ это сознается въ настоящее время и многими философами, замѣнить этого рода пріемъ инымъ; именно: избравъ за исходную точку извѣстное и расширяя по возможности наши свѣдѣнія о немъ, переходить постепенно къ неизвѣстному, болѣе общему. Этому пріему, уже давно признанному и практикуемому естествоиспытателями, обязано естествознаніе своими неимовѣрными успѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, придерживаясь его, мы увеличиваемъ наше познаніе; въ крайнемъ же случаѣ, когда избранный предметъ не поддается изученію, то хотя и остаемся безъ новыхъ результатовъ, но никогда не рискуемъ, если только ходъ мышленія соблюдается правильный, утверждать что-либо вымышленное.

Не менѣе важный недостатокъ трудовъ нышеприведенныхъ философовъ заключается въ томъ, что они, или вовсе, или же не въ должной мѣрѣ считаются съ данными естествознанія. Для поясненія сказаннаго достаточно здѣсь ограничиться однимъ примѣромъ: отчего никѣмъ изъ вышеприведенныхъ философовъ не затрогивается вопросъ о происхожденіи нашихъ органовъ чувствъ? Отчего нѣтъ у нихъ и намека на стремленіе обратиться по этому вопросу къ естествознанію? Почему позволяютъ себѣ они совершенно игнорировать общепринятое біологами положеніе, поставленное въ основу всѣхъ біологическихъ розысканій настоящаго времени, что наши органы чувствъ суть продукты безпрерывной и неустанной дѣятельности всѣхъ предшествовавшихъ появленію человѣка живыхъ существъ, и что органы эти вырабатывались, какъ могучія орудія для поддержанія жизни организма и упроченія потомства, среди тяжелыхъ условій борьбы за существованіе?

Я надѣюсь показать, что, благодаря, между прочимъ, этому пробѣлу, происходили грубыя ошибки, въ которыя неоднократно впадали философы.

На основаніи вышесказаннаго, я позволю себѣ утверждать, что разобранные мною доводы касательно недоказуемости существованія внѣшняго міра внѣ нашего сознанія недостаточно обоснованы. Утвержденіе это справедливо лишь съ слѣдующей оговоркой: существованіе внѣшняго міра внѣ нашего сознанія не доказуемо только въ томъ случаѣ, *если исходить изъ основоположеній этихъ философовъ*; но при этой формулировкѣ, положеніе вопроса представляется уже въ совершенно иномъ видѣ.

Приступая къ разслѣдованію вопроса о реальности внѣшняго міра внѣ нашего сознанія, я полагаю наиболѣе цѣлесообразнымъ остановиться прежде всего на роли, которую играютъ, въ познаваніи внѣшняго міра, наши органы внѣшнихъ чувствъ и на выясненіи причины, вызывающей въ нихъ ощущенія.

Всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются относительно какъ строенія, такъ и развитія и функцій нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, добыты естествоиспытателями; главное было приведено въ предъидущей главѣ; осталась невыясненною только открытая знаменитымъ берлинскимъ профессоромъ Іоганомъ Мюллеромъ *специфическая энергія* органовъ внѣшнихъ чувствъ, приводимая неоднократно, какъ опытомъ освященное доказательство невозможности для насъ познаванія внѣшняго міра. Дѣйствительно съ перваго взгляда можетъ показаться, что при допущеніи специфической энергіи органовъ чувствъ, познаваніе внѣшняго міра немыслимо, такъ какъ она—не только обусловливаетъ, что органы внѣшнихъ чувствъ передаютъ намъ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ лишь условными знаками, но что и характеръ ощущеній сохраняется одинъ и тотъ же, независимо отъ природы раздражителя.

На самомъ дѣлѣ, при болѣе глубокомъ размышленіи, получается выводъ совершенно иной. Особенно интересна возможность полученія этого вывода безъ опроверженія фактической стороны вопроса, о специфической энергіи органовъ чувствъ. Все утверждаемое о послѣдней І. Мюллеромъ совершенно вѣрно, но и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ только съ оговоркой.

Нѣтъ и не можетъ быть философа, который не призналъ бы нашъ глазъ за оптическій аппаратъ чрезвычайно сложнаго строенія, изумительно приспособленный къ его функціи; нѣтъ человѣка, который рѣшился бы отрицать, что наше ухо—необыкновенно типичный акустическій приборъ, а наши органы осязанія, обонянія и вкуса не менѣе искусно приложенные аппараты, каждый для своего отправленія. Какъ же согласить съ этимъ ихъ специфическую энергію, которая, сообразно вышеизложенному, является какъ бы предназначенной для цѣли, діаметрально противоположной: для лишенія насъ вполнѣ возможности ориентироваться въ мірѣ насъ окружающемъ? Личный опытъ каждаго противорѣчитъ такому выводу; мы знаемъ, что на дѣлѣ получается совершенно иное.

Объясняется это сравнительно просто, если припомнить, чему учитъ касательно нашихъ органовъ чувствъ біологія. Въ любомъ изъ современныхъ учебниковъ по зоологіи и ботаникѣ вы найдете изложеніе, хотя бы вкратцѣ, теоріи эволюціи организмовъ, т. е. ученія о происхожденіи высшихъ формъ организмовъ изъ простѣйшихъ, путемъ постепеннаго осложненія организаціи. Подробнѣе я говорю о ней въ одной изъ слѣдующихъ главъ; здѣсь же ограничусь только немногими замѣчаніями, касающимися происхожденія и развитія нашихъ органовъ чувствъ. Сравнительная анатомія убѣждаетъ насъ, что не только у ближайшихъ къ человѣку позвоночныхъ, но и у остальныхъ животныхъ вплоть до простѣйшихъ, находятся подобные нашимъ органы чувствъ, тѣмъ проще устроенные, чѣмъ проще организація животнаго. Разсматривая человѣка, какъ наиболѣе совершенное изъ главныхъ существъ на земной поверхности, біологи съ полнымъ основаніемъ признаютъ въ нашихъ органахъ чувствъ наиболѣе ихъ совершенныя формы, выработанныя постепенно изъ самыхъ простыхъ зачатковъ ихъ у животныхъ, начиная съ простѣйшихъ. Наши органы чувствъ, какъ и вся остальная наша организація, съ психикой включительно, представляется достояніемъ, унаслѣдованнымъ нами отъ безчисленнаго множества поколѣній живыхъ существъ, предшествовавшихъ появленію человѣка на землѣ. Біологія раскрыла, кромѣ того, что не дешевою цѣною дается живымъ существамъ прожить и въ особенности упрочить за собою потомство; только преодолѣвъ, при усиленной работѣ, тяжелыя условія безпрерывной борьбы за существованіе, достигаютъ они этой цѣли; при чемъ исходъ борьбы является почти исключительно обусловленнымъ степенью приспособленія къ внѣшней средѣ всей организаціи. Особенную важность пріобрѣтаютъ у животныхъ органы внѣшнихъ чувствъ, необходимые при отыскиваніи и добываніи пищи, при удовлетвореніи жажды, полового инстинкта, а у многихъ еще и для активной борьбы въ формѣ нападенія на добычу, или же избѣжанія преслѣдованія отъ настигающаго врага.

На ученіи объ эволюціи организмовъ, осуществляемой при сильной борьбѣ за существованіе и при непосредственномъ участіи внѣшнихъ органовъ чувствъ, построена, слѣдовательно, современная біологія. Приведенное здѣсь по отношенію ко всѣмъ живымъ существамъ относится и къ каждому изъ насъ въ отдѣльности, такъ что и у насъ органы внѣшнихъ чувствъ должны быть признаны за аппараты, предназначенные для возможно лучшей оріентировки среди условій, насъ окружающихъ, другими словами, для познаванія внѣшняго міра, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько это необходимо для практическихъ цѣлей жизни. Изученіе животнаго царства, во всей его совокупности, даетъ слѣдующія указанія относительно развитія органовъ чувствъ во время эволюціи: по мѣрѣ постепеннаго осложненія организаціи любого изъ внѣшнихъ органовъ чувствъ въ животномъ царствѣ, сказывается и съуживаніе его способности на

реакцію различныхъ раздражителей окружающей его среды, сопровождаемое приспособленіемъ его къ реакціи на одинъ лишь опредѣленный раздражитель. Таковымъ является, напр., глазъ, раздражаемый при обычныхъ условіяхъ жизни лишь волнами свѣта опредѣленной длины и показателя преломленія. Возбужденіе въ глазу свѣтового ощущенія ударомъ, усиленнымъ приливомъ крови и проч. случается въ обыденныхъ условіяхъ въ видѣ рѣдкаго исключенія и нарушаетъ правильное отправленіе глаза въ продолженіи жизни самымъ ничтожнымъ образомъ. Помѣщеніе глазного яблока въ глазной впадинѣ, защищенной костяною стѣнкой, и другія приспособленія превосходно устраняютъ глазъ отъ посторонніхъ вліяній, такъ что глазъ не только можетъ, но и долженъ быть разсматриваемъ, какъ органъ, предназначенный исключительно для оріентировки организма относительно предметовъ его окружающихъ. Сказанное о глазѣ цѣликомъ относится и до остальныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ: слуха, осязанія, обонянія и вкуса. Всѣ они даютъ точныя показанія, каждый по своей спеціальности, хотя и передаютъ ихъ при посредствѣ условныхъ знаковъ. При этомъ необходимо обратить особенное вниманіе на то, что во время многовѣковой эволюціи, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, органы чувствъ приспособились каждый къ реакціи лишь на одного изъ раздражителей, которымъ безпрерывно подвергались организмы, дѣлаясь почти или вовсе не воспріимчивымъ къ остальнымъ. Всякому, напр., изъ опыта извѣстно, что оглушающій пушечный выстрѣлъ не вызываетъ въ глазѣ ни малѣйшаго ощущенія свѣта, а равно и специфическихъ ощущеній въ остальныхъ органахъ чувствъ; столь же нечувствительными оказываются къ ослѣпительному свѣту всѣ органы чувства, за исключеніемъ лишь глаза, такъ какъ при этомъ мы не ощущаемъ ни звука, ни вкуса, ни запаха.

Этими фактами устраняется *первое* изъ положеній, именно: невозможность познаванія внѣшняго міра, при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ, вслѣдствіе ихъ способности реагировать въ искусственныхъ и необычныхъ условіяхъ опыта одинаковымъ образомъ, независимо отъ природы раздражителя. *Выяснилось, что при обычной обстановкѣ, каждый изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ реагируетъ лишь на одинъ опредѣленный родъ раздражителей, пребывая нечувствительнымъ для всѣхъ остальныхъ.*

Выводъ этотъ не только не умаляется въ своемъ значеніи, но и подкрѣпляется еще наблюденіемъ, что нѣкоторые раздражители способны вызывать специфическія ощущенія въ каждомъ изъ органовъ чувствъ, т. е. ощущенія свѣта, звука, осязанія, обонянія и пр., смотря по раздражаемому органу. Къ таковымъ раздражителямъ принадлежитъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ гальваническій токъ. Особенность его, отличающая отъ вышеприведенныхъ раздражителей, заключается въ томъ, что онъ не обычный, а проявляющій свое дѣйствіе лишь очень рѣдко.

Животные организмы и не выработали по отношенію къ нему особыхъ спеціализированныхъ органовъ; а органы развившіеся оказались, по этой же причинѣ, не застрахованными отъ его вліянія.

Не требуется, въ виду всего здѣсь описаннаго, еще дальнѣйшаго поясненія, что *выработанная, во время эволюціи организмовъ, специфическая энергія органовъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ является не помѣхою, а могучимъ пособникомъ для насъ въ познаваніи внѣшняго міра, съ цѣлью охраненія своего существованія, а равно и произведенія потомства.* Къ этому присоединилась со временемъ потребность удовлетворенія при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ присущаго человѣку стремленія познать самого себя и природу, стремленія, постоянно возрастающаго по мѣрѣ духовнаго развитія человѣчества.

Біологическія науки свидѣтельствуютъ слѣдовательно: 1) что наши органы чувствъ развились испеціализировались съ цѣлью возможно лучшей оріентировки въ окружающихъ насъ условіяхъ; 2) этимъ самымъ также свидѣтельствуютъ о существованіи внѣ нашего сознанія внѣшняго міра.

Въ противоположность яснымъ и опредѣленнымъ біологическимъ указаніямъ, мы встрѣчаемъ въ вышеприведенныхъ философскихъ системахъ отрицаніе этого взгляда, выведенное не изъ непосредственныхъ фактическихъ данныхъ, а какъ неизбѣжное слѣдствіе изъ допущенныхъ, но въ то же время не доказуемыхъ и принимаемыхъ на вѣру основоположеній ученій этихъ философовъ, всецѣло опредѣленныхъ субъективнымъ вкусомъ каждаго изъ нихъ. Не можетъ быть, мнѣ кажется, сомнѣнія въ выборѣ между этими двумя взглядами, если придерживаться при ихъ оцѣнкѣ мудраго правила: судить о выводѣ на основаніи возможно строгой критики пріема доказательства.

Признавая, что наши органы внѣшнихъ чувствъ суть аппараты, служащіе намъ необходимыми пособниками въ жизни и теряющіе всякій смыслъ, если не признаютъ ихъ, какъ учатъ біологи, за приспособляемые къ познаванію внѣшняго міра, я принимаю это положеніе въ основу дальнѣйшаго развитія проводимаго мною міровозрѣнія.

Ближайшею задачею представляется мнѣ анализъ получаемыхъ нами изъ внѣшняго міра впечатлѣній.

Локкъ первый указалъ, что можно отличить среди нихъ нѣсколько категорій. Признавая, что эти впечатлѣнія вызываются въ насъ качествами, находящимися внѣ насъ находящихся предметовъ. Локкъ отличаетъ три категоріи этихъ качествъ *): къ первой онъ относитъ величину, форму, число, положеніе, движеніе и покой плотныхъ частей тѣла. Они ему присущи независимо отъ того, познаемъ ли мы его, или нѣтъ. И если тѣло, по величинѣ своей доступно обозрѣванію нашему, то мы

*) *Locke* Versuch üb. d. menschlichen Verstand. 2-tes Buch. § 23. p. 288 и 289. (Uebersetzt vor Gottlieb Tennemann. 1795).

получаемъ представленіе объ этой вещи, соотвѣтствующее вещи въ себѣ. Произведенія искусства представляютъ этому хорошій примѣръ. Локкъ называетъ ихъ первичными (primary) качествами.

Ко второй категоріи онъ причисляетъ дѣйствія, оказываемыя на наши чувства тѣломъ, и вызывающія въ насъ представленія цвѣта, звуковъ, запаховъ и вкуса; послѣдніе обыкновенно называются чувственными качествами. (*Вторичныя* качества по Локку).

Къ третьей категоріи Локкъ относитъ измѣненія, вызываемыя однимъ тѣломъ въ другомъ, измѣненія, вслѣдствіе которыхъ это послѣднее оказываетъ на наши чувства иное впечатлѣніе, чѣмъ прежде. Въ видѣ примѣра Локкъ приводитъ производимое солнцемъ обезцвѣчиваніе воска и свойства огня плавить олово.

Качества первой категоріи,—пишетъ далѣе Локкъ,—представляютъ объективно вѣрныя копіи (тѣлъ), вторыя тоже за таковыя принимаются, но имъ не соотвѣтствуютъ, третьи же не суть копіи предметовъ и за таковыя и не считаются.

Сходныя указанія на различныя отношенія между субъектомъ и объектомъ встрѣчаются у Гамильтона, Спенсера и въ извѣстной степени у Милля *). Гамильтонъ отличаетъ три рода отношеній: *вторичныя*, *вторично-первичныя* и *первичныя*; Спенсеръ, признавая ихъ, только переименовываетъ ихъ въ *динамическія*, *статико-динамическія* и *статическія*. Динамическія соотвѣтствуютъ *вторичнымъ* свойствамъ или качествамъ Локка и называются Спенсеромъ также *случайными* свойствами въ противоположность остальнымъ—*необходимымъ*.

Категорія динамическихъ и случайныхъ отношеній какъ по объему, такъ и по характеристикѣ ея Спенсеромъ не вполнѣ совпадаетъ съ категоріей вторичныхъ качествъ Локка.

По Спенсеру всѣ динамическія качества имѣютъ случайный характеръ **) и отличаются отъ остальныхъ свойствъ тѣлъ тѣмъ, что они динамичны, что они дѣйствуютъ на разстояніи, что они познаваемы независимо отъ тѣла и обнаруживаются тѣломъ только случайнымъ образомъ; что поэтому они вовсе не суть свойства тѣла, въ сколько-нибудь строгомъ смыслѣ этого слова. «Я разумѣю подъ этими словами,—пишетъ Спенсеръ, — не только то, что, по отдѣленіи ихъ отъ тѣла, послѣднее довольно легко можетъ быть представлено, и даже не то, что они суть субъективныя состоянія, производимыя неизвѣстными силами, скрывающимися въ объектахъ; я хочу сказать этимъ только, что эти неизвѣстныя силы вовсе не находятся въ объектахъ. Понимаемыя правильно, такъ называемыя вторичныя свойства суть обнаруженія нѣкоторыхъ силъ, проникающихъ *собою Вселенную* и вызывающихъ въ тѣлахъ, при своемъ дѣйствіи на нихъ, нѣкоторыя воздѣйствія или реакцію».

*) *Спенсеръ*. Психологія Часть. 6-я, стр. 144, св. стр. 150.

**) О св. стр. 151.

Статическія же свойства, соотвѣтствующія первичнымъ качествамъ Локка, а также и статико-динамическія, Спенсеръ характеризуетъ, въ противоположность динамическимъ (случайнымъ), какъ свойства *необходимыя*.

Сходную же характеристику ихъ различій даетъ и Милль, хотя и признаетъ ихъ въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ Локкъ. Вотъ что онъ пишетъ: «Теорія, объясняющая мотивы, по которымъ мы приписываемъ аггрегату возможностей ощущеній безпрерывно продолжающееся существованіе и, слѣдовательно, бо́льшую реальность, сравнительно съ нашими ощущеніями, объясняетъ также, почему мы приписываемъ *первичнымъ качествамъ* большую объективность сравнительно съ *вторичными*. Причина заключается въ томъ, что первичныя качества присутствуютъ всегда въ совокупности, если только одна часть ихъ группы оказывается на лицо, между тѣмъ какъ цвѣта, вкусы, запахи сравнительно болѣе скоропреходящи, и мы не предполагаемъ присутствія ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ лицъ, способныхъ ихъ воспринимать. Ощущенія, соотвѣтствующія вторичнымъ качествамъ, случайныя; тѣ же, которыя соотвѣтствуютъ первичнымъ—постоянны. Кромѣ того, вторичныя качества ощущаются разными лицами разно, и зависятъ также отъ варіаціи въ степени чувствительности нашихъ органовъ въ различное время; первичныя же, съ момента ихъ обнаруженія, остаются одинаковыми во всякое время и для всѣхъ лицъ» *).

Всматриваясь ближе въ первичныя и вторичныя качества Локка, мнѣ представляется особенно важнымъ одно различіе, на которое, на сколько я знаю, никто не обратилъ должнаго вниманія. Къ первичнымъ Локкъ относитъ: число, форму, величину, движеніе и покой предметовъ; не трудно замѣтить, что всѣ они составляютъ предметы изученія математики, именно математическаго анализа, и геометріи. Не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ доказательства общепринятое математиками положеніе, что весь математическій анализъ, со включеніемъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ его областей, представляетъ ничто иное, какъ рядъ строго логическихъ выводовъ изъ единаго и очень прямого постулата, что *сумма не мѣняется отъ перестановки слагаемыхъ*. Выработка этой отрасли знанія производится, слѣдовательно, исключительно нашимъ интеллектомъ, безъ посредства нашихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и, поэтому, совершенно независима отъ ихъ устройства.

Такою же независимостью отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ пользуются приложенія математическаго анализа въ механикѣ, физикѣ и отчасти въ химіи; только немногіе опытнымъ путемъ добытые факты служатъ исходною точкою для этого рода разслѣдованій.

Что касается геометріи, то ее, не безъ основанія, нѣкоторые ученые ставятъ въ одну категорію съ естественно-историческими науками;

*) Mill, Philosophie de Hamilton (французскій переводъ).

мы привыкли знакомиться и созерцать геометрическія формы въ зрительныхъ образахъ, или же познавать ихъ осязаніемъ; но еще греческіе ученые, между прочимъ, Платонъ, приходили въ восторгъ отъ возможности добывать въ этой наукѣ результаты безъ посредства опыта, чисто умозрительнымъ путемъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько развилась геометрія умозрительными соображеніями и насколько пособлялъ этому опыть, я только желалъ бы обратить вниманіе на возможность вывода дедуктивнымъ путемъ всѣхъ геометрическихъ формъ безъ посредства опыта, при наличности всего двухъ понятій: 1) о точкѣ и 2) о движеніи. Получая мысленно линію какъ слѣдъ перемѣщаемой точки, плоскость и поверхность—передвиженіемъ линіи, а перемѣщеніемъ послѣднихъ—ограниченныя плоскостями или поверхностями тѣла, мы можемъ и безъ посредства органовъ внѣшнихъ чувствъ построить мысленно любыя геометрическія тѣла; а съ присоединеніемъ нѣсколькихъ простыхъ аксіомъ—и всю геометрію.

На сколько можетъ развиться геометрія независимо отъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, неотразимо свидѣтельствуетъ воображаемая геометрія Лобачевскаго о многомѣрномъ пространствѣ, обратившая на себя особенное вниманіе въ послѣднее время.

Однимъ словомъ, всѣ, перечисленныя Локкомъ, первичныя качества тѣлъ представляютъ качества тѣлъ, степень достовѣрности которыхъ находится внѣ всякой зависимости отъ субъективности ощущеній органовъ внѣшнихъ чувствъ, такъ какъ выработка ихъ происходитъ внутри насъ, безъ участія послѣднихъ.

Вторичныя же качества, каковы, напримѣръ, цвѣта, звуки и проч., суть, напротивъ того, ничто иное, какъ *субъективныя* ощущенія нашихъ органовъ зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса, и единственными мѣстами ихъ возникновенія являются наши органы чувствъ. Невольно возникаетъ вопросъ: къ чему они служатъ? *A priori* представляется въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы они, передавая лишь условные знаки, лишали бы насъ возможности познавать внѣшній міръ; гораздо болѣе правдоподобнымъ рисуется предположеніе, діаметрально противоположное, истинность котораго я и постараюсь доказать.

Если присмотрѣться къ описанію любого предмета, то замѣтимъ на первомъ мѣстѣ описаніе его формы, величины, числа, движенія или покоя, т. е. первичныхъ качествъ Локка. Мы видѣли, что постигать ихъ въ отвлеченной формѣ мы можемъ безъ посредства органовъ внѣшнихъ чувствъ; въ каждомъ же конкректномъ случаѣ мы узнаемъ ихъ только при участіи органовъ внѣшнихъ чувствъ, при посредствѣ условныхъ знаковъ, передаваемыхъ ими намъ. Не имѣя надобности, въ виду преслѣдуемой мною цѣли, вдаваться въ подробное описаніе воспріятія ощущеній, я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что послѣднее опредѣляется, съ одной стороны, специфической энергіей органа, съ другой же—внутреннимъ мускульнымъ чувствомъ, т. е. ощущеніями, возбуждаемыми въ мускулахъ части тѣла, подвергаемой раздраженію.

Выяснивъ, въ чемъ состоитъ специфическая энергія органовъ внѣшнихъ чувствъ, считаю нужнымъ вкратцѣ характеризовать мускульное чувство и его участіе въ возникновеніи ощущеній. Привожу выписку изъ психологіи Бэна.

Бэнъ отличаетъ три рода мускульныхъ ощущеній:

1) Ощущенія, соединенныя съ *органическимъ состояніемъ мускуловъ*; таковы ощущенія, возникающія при поврежденіяхъ, ранахъ, болѣзняхъ, усталости, покоѣ, питаніи.

2) Ощущенія, связанныя съ *мускульною дѣятельностью*, включая сюда всѣ удовольствія и страданія работы. Эти состоянія преимущественно характеризуютъ мускульную дѣятельность. Мы сознаемъ при этомъ: 1) *степень* усилія или затрачиваемой силы, на счетъ которой совершаются извѣстныя движенія; 2) *измѣненія* въ мускульной дѣятельности при продолжающемся усиліи; 3) степень *скорости* движенія. Эти данныя и служатъ намъ для точнаго познаванія производимаго мускульнаго усилія.

3) Распознающую чувствительность мускуловъ или сознательность, возникающую вслѣдствіе различной напряженности органовъ движенія. Эти душевныя состоянія, обыкновенно безразличныя въ отношеніи удовольствія и страданія, имѣютъ за то громадное значеніе для мышленія.

Изъ совокупности ощущеній, возникающихъ въ спеціальныхъ частяхъ раздражаемаго органа чувства и въ мускулахъ, входящихъ въ составъ его, слагается и опредѣляется испытываемое нами воспріятіе, передаваемое затѣмъ соотвѣтственными нервами въ главное нервное чувствилище—въ головной мозгъ.

Степень участія мускульнаго чувства въ воспріятіи органовъ внѣшнихъ чувствъ весьма различна; все относящееся до сопротивленія, тяжести и давленія, твердости и мягкости, шероховатости и гладкости, также разнообразные виды протяженія познаются нами изъ совокупнаго дѣйствія осязанія и мускульнаго чувства. Всякому извѣстно, съ какою точностью и безошибочностью удается опредѣлить, при участіи лишь осязанія, форму и величину предмета, разстояніе между его частями и взаимное ихъ расположеніе; удается кромѣ того и распознать не только находится ли тѣло въ покоѣ или движеніе, но и опредѣлить направленіе и относительную скорость послѣдняго.

Посредствомъ комбинаціи ощущенія зрѣнія и мускульнаго, нами познаются: видимое движеніе, видимая форма, кажущаяся величина, разстояніе, объемъ и положеніе, т. е. всѣ первичныя качества тѣлъ. Участіе мускульнаго чувства въ слуховыхъ ощущеніяхъ сказывается въ опредѣленіи направленія, по которому доходятъ до насъ звуки, и даютъ намъ возможность судить о томъ, съ которой стороны находится издающій звукъ предметъ.

Субъективная природа какъ мускульнаго чувства, такъ и ощущеній

органовъ чувства оказываются вполнѣ пригодными для разслѣдованія первичныхъ качествъ тѣлъ, такъ какъ послѣднія опредѣляются не съ качественной, а лишь только съ количественной стороны. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ они опредѣляются не въ абсолютной мѣрѣ, а лишь сравнительно съ произвольно выбранною единицею мѣры. Для познаванія первичныхъ качествъ тѣлъ этотъ пріемъ оказывается вполнѣ достаточнымъ и пригоднымъ.

При этомъ субъективныя ощущенія имѣютъ для насъ въ полномъ смыслѣ слова значеніе буквъ рукописи или книги, называемой не безъ основанія Книгой Природы, читать которую мы постепенно выучиваемся по символическимъ знакамъ, которые мы улавливаемъ при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ и разгадываемъ и одухотворяемъ съ помощью нашей психики.

Къ этому прибавимъ, что вторичныя качества, представляющія субъективныя ощущенія наши, и не относимыя къ качествамъ предметовъ, тѣмъ не менѣе служатъ для распознаванія объектовъ по различію, которыя они обнаруживаютъ; къ таковымъ на примѣръ, относится цвѣтъ предмета, издаваемые звуки и пр. При постоянной наличности опредѣленныхъ внѣшнихъ условій, признаки, заимствованные отъ вторичныхъ качествъ, служатъ весьма часто превосходными признаками для распознаванія и различенія предметовъ и ими пользуются постоянно, даже при научныхъ классификаціяхъ послѣднихъ. Однимъ словомъ, ясно, что и вторичныя качества, а слѣдовательно и специфическая энергія органовъ внѣшнихъ чувствъ служитъ намъ, какъ и всему животному міру, превосходнымъ пособіемъ въ познаваніи внѣшняго міра.

Съ одинаковою отчетливостью мы въ состояніи познавать и *третичныя* качества (Локка), т. е. измѣненія тѣлъ, обусловливаемыя ихъ взаимодѣйствіемъ. Эти измѣненія представляютъ ничто иное какъ сочетаніе, въ послѣдовательномъ порядкѣ, различныхъ состояній первичныхъ и вторичныхъ качествъ наблюдаемаго тѣла; каждое изъ нихъ, какъ мы видѣли, можетъ быть познано порознь. Поэтому, есть полное основаніе утверждать возможность точнаго воспріятія ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, и притомъ совершенно независимо отъ причины этого измѣненія. Слѣдовательно, изученію нашему являются вполнѣ доступными и явленія, обозначенныя Локкомъ какъ третичныя качества тѣлъ.

На вопросъ же: какъ мы это познаемъ? нѣтъ другого отвѣта, какъ только тотъ, что мы этого не знаемъ. Невѣроятнымъ чудомъ было бы столь быстрое выясненіе этого предмета, тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ наиболѣе сокровенною стороною нашей жизни. Невозможнымъ представляется въ настоящее время выяснить даже, доступенъ ли онъ нашему познаванію?

Въ то же время однако мы всѣ пользуемся нашими чувствами, при оріентировкѣ среди окружающихъ насъ условій; того же достигаютъ жи-

вотныя, не имѣющія ни малѣйшаго представленія о строеніи ихъ тѣла, мозга, системы кровообращенія, дыханія, пищеваренія и проч.; съ успѣхомъ пользуются они этими органами, и не помышляя о нихъ. Тоже дѣлаемъ и мы, хотя и не вѣдаемъ, какъ это творимъ.

Способность наша жить не только настоящимъ, но и прошедшимъ, т. е. тѣмъ, что уже безвозвратно миновало, и будущимъ, которое еще не наступило, придаетъ необычайное своеобразіе нашей внутренней жизни, сравнительно съ процессами окружающей насъ, такъ-называемой, мертвой природы. Память и способность болѣе или менѣе яснаго предвидѣнія, расширяющее нашъ умственный горизонтъ, особенно ярко подчеркиваютъ, что мы безконечно еще далеки отъ разрѣшенія этой для насъ непосильной задачи.

Перехожу къ обоснованію личнаго моего воззрѣнія. Положенное въ основу новѣйшей философіи требованіе пересмотра, съ философской стороны, цѣнности нашихъ знаній, вполнѣ законно, и конечно, не можетъ быть подвергнуто ни малѣйшему сомнѣнію.

Общеизвѣстное изреченіе отца новѣйшей философіи, Декарта: *cogito ergo sum*, выражающее, что изъ всего намъ извѣстнаго несомнѣнно лишь непосредственно ощущаемое и мыслимое нами, заключаетъ въ себѣ символъ вѣры современной философіи. Основанная на данныхъ психологіи и логики, теорія познанія и есть отрасль знанія, имѣющая спеціальною цѣлью пролить свѣтъ на этотъ темный, но въ то же время и въ высшей степени важный предметъ. Въ этомъ частномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, успѣхъ розысканія обусловливается если не исключительно, то преимущественно выборомъ метода изслѣдованія. Неправильностью пріема я и склоненъ объяснить, главнымъ образомъ, неудачи произведенныхъ въ этомъ направленіи розысканій, о которыхъ говорено было выше.

Самымъ раціональнымъ представляется мнѣ слѣдующій пріемъ, обыкновенно примѣняемый въ естествознаніи: при разслѣдованіи любого объекта или вопроса, исходною точкою избираютъ имѣющіяся о немъ на лицо свѣдѣнія и, не претендуя на окончательное разрѣшеніе поставленнаго вопроса, стараются разными способами, при посредствѣ наблюденій и, если возможно, опыта, расширить и усовершенствовать наше познаніе о немъ. Этотъ же пріемъ и есть единственный, раціональный въ занимающемъ насъ вопросѣ оцѣнки свѣдѣній, нуждающихся, по Декарту, въ обоснованіи.

Я полагаю не только возможнымъ, но и необходимымъ расширить понятіе о несомнѣнномъ знаніи, далеко за предѣлы изреченія Декарта, включеніемъ сюда, кромѣ непосредственно ощущаемыхъ и сознаваемыхъ ощущеній и мыслей, еще и данныхъ *выводного* знанія (см. выше), добываемаго частью умозаключеніями, частью умозаключеніями, съ присоединеніемъ данныхъ опытныхъ.

Къ таковому знанію относятся истины математическаго анализа и

геометрическіе выводы; хотя они не входятъ въ его формулу несомнѣннаго знанія; но врядъ ли и самъ Декартъ сомнѣвался въ непреложности данныхъ математики. Сверхъ того, къ несомнѣнному знанію должны быть отнесены и многіе изъ выводовъ естествознанія. Я настаиваю на этомъ, не смотря на то, что въ настоящее время общепринято разсматривать всякое знаніе, почерпнутое изъ опыта, лишь за болѣе или менѣе достовѣрное, но отнюдь не несомнѣнное. Примѣрами легче всего надѣюсь пояснить и подкрѣпить свою мысль: не трудно, напр., убѣдиться самому и убѣдить опытомъ и другихъ, что изъ перенесеннаго въ землю сѣмени боба вырастетъ растеніе, называемое бобомъ, или что сѣмя изъ яблока, посаженное въ землю, разовьется въ яблоню; обстоятельнымъ же разслѣдованіемъ формы органовъ и ихъ строенія не трудно за тѣмъ опредѣлить въ деталяхъ, съ желаемою точностью, отличительные признаки растеній, получаемыхъ изъ вышеназванныхъ сѣмянъ, другими словами: представить не подлежащее сомнѣнію фактическое доказательство соотношеній между вышеприведенными сѣменами и выростающими изъ нихъ, въ извѣстныхъ условіяхъ опыта, растеніями. Гораздо труднѣе оказывается получить несомнѣнныя данныя подобнаго рода касательно микроскопическихъ, недоступныхъ невооруженному глазу организмовъ. Между послѣдними, особенно среди грибовъ, нѣкоторые полиморфны, т. е. приносятъ различныя плодоношенія, при чемъ принимаютъ столь разнообразныя формы, что первые изслѣдователи, ограничившіеся лишь описаніемъ попадавшихся подъ микроскопомъ формъ, описали каждое изъ плодоношеній за самостоятельный грибной организмъ и распредѣляли ихъ по разнымъ отдѣламъ класса грибовъ. Впослѣдствіи же, благодаря усовершенствованію пріема разслѣдованія, удалось неопровержимымъ образомъ доказать, что описанныя формы ничто иное, какъ различныя стадіи развитія одного организма. Достигается это тѣмъ, что прослѣживаютъ шагъ за шагомъ полный циклъ развитія даннаго организма. За исходную точку выбираютъ при этомъ одну, опредѣленную крупинку размноженія, такъ-называемую спору разслѣдуемаго организма изъ любого изъ его плодоношеній. Выращивая ее подъ безпрерывнымъ наблюденіямъ, продолжаютъ слѣдить за послѣдовательными продуктами разростанія и появляющимися на нихъ плодоношеніями, пока не удастся прослѣдить полнаго цикла развитія. Возможность ошибочнаго вывода, при этомъ способѣ разслѣдованія, является совершенно устраненной, а самый выводъ несомнѣннымъ. Этимъ путемъ удалось уже получить множество любопытнѣйшихъ данныхъ, какъ относительно растительныхъ, такъ и животныхъ организмовъ.

Возможность добывать опытнымъ путемъ несомнѣнное знаніе въ области естествовѣдѣнія не ограничивается лишь подобными, частными вопросами. Не трудно привести многіе тому примѣры; я ограничусь вопросами по біологіи. Мнѣ представляется совершенно возмож-

нымъ, въ будущемъ, разрѣшеніе строго опытнымъ путемъ не только вопроса объ эволюціи организмовъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, но и опытнаго доказательства, приведеннаго мною положенія: «что одни и тѣ же законы заправляютъ какъ явленіями мертвой природы, такъ и жизненными явленіями». Другими словами: я постараюсь показать, что оба эти вопроса, какъ доступные разслѣдованію и разрѣшенію опытнымъ путемъ, относятся не къ метафизикѣ, какъ нѣкоторые полагаютъ, а всецѣло входятъ въ область естествознанія.

Мнѣ неоднократно приходилось уже упоминать, что теорія эволюціи организмовъ общепринята естествоиспытателями и многими изъ нихъ считается вполнѣ доказанною, т. е. на столько, на сколько доказательство ея возможно, по ихъ мнѣнію, опытнымъ путемъ. Вполнѣ сочувствуя теоріи эволюціи, а равно обусловленному ею современному направленію біологическихъ розысканій, я тѣмъ не менѣе признаю ее лишь въ высшей степени вѣроятною теоріей, несомнѣнное доказательство которой есть удѣлъ будущаго. Всѣ доводы, приводимые въ пользу теоріи эволюціи, косвеннаго характера; между тѣмъ не имѣется, ни изъ животнаго, ни изъ растительнаго царства, ни *одного* непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ низшей формы въ высшую. Даже у простѣйшихъ организмовъ ничего подобного наблюдать не удалось.

Неопровержимо, напротивъ того, что всѣ имѣющіяся на лицо надежнѣйшія изслѣдованія и касательно простѣйшихъ организмовъ приводятъ къ отрицательному результату: всѣ организмы, безъ исключенія, представляются замкнутыми въ опредѣленномъ циклѣ развитія. Всѣ усилія заставить организмъ выйти изъ этого круга и перейти въ форму болѣе высокой организаціи, пока остаются тщетными. Поэтому, доводы приводимые въ пользу теоріи эволюціи и представляются мнѣ недостаточными. Для несомнѣннаго, и по моему, возможнаго ея обоснованія, требуется совершенно иное: необходимо добиться возможности непосредственнаго наблюденія надъ превращеніемъ организма болѣе простого въ болѣе сложный.

Многіе, вѣроятно, прочитавъ это, пожмутъ плечами, считая мое предложеніе неисполнимымъ, на основаніи общепринятаго мнѣнія, что періоды времени, потребные для обнаруженія замѣтнаго прогресса въ эволюціи организмовъ, необъятно велики, поэтому и непосредственное наблюденіе эволюціи намъ недоступно. На вопросъ, какое основаніе имѣется для подобнаго утвержденія,—я предвижу лишь одинъ отвѣтъ: такъ учитъ Дарвинъ, благодаря трудамъ котораго теорія эволюціи заняла подобающее ей, высокое мѣсто въ наукѣ. Не нужно быть спеціалистомъ въ біологіи, чтобы понять необычайное значеніе розысканій этого великаго ученаго; но нельзя не признать, что находящіяся въ его твореніяхъ неопроверженныя доказательства пластичности формъ животныхъ и растеній обнаружены лишь въ предѣлахъ присущей организму сложности строенія; между тѣмъ какъ нѣтъ даже и намека на

непосредственно наблюденныя превращенія формъ, съ осложненіемъ организаціи.

Кромѣ того, предполагаемый Дарвиномъ способъ выработки болѣе сложныхъ формъ изъ простѣйшихъ не есть единственный, а лишь одинъ изъ возможныхъ способовъ эволиціи; всякій согласится, что терминъ эволюція есть понятіе болѣе общее, а теорія Дорвина—лишь частный случай эволюціи.

Однимъ словомъ, процессъ эволюціи является въ высшей степени вѣроятнымъ; способъ же эволюціи остается и до настоящаго времени не выясненнымъ, и поэтому всякія высказываемыя относительно хода эволюціи предположенія являются проблематичными.

Поэтому я и считаю себя въ правѣ настаивать на возможности непосредственнаго констатированія ея опытнымъ путемъ; особенно, если принять во вниманіе возможность возникновенія въ будущемъ болѣе или менѣе многочисленныхъ ассоціацій ученыхъ, для разрѣшенія общими усиліями наиболѣе важныхъ научныхъ вопросовъ, не доступныхъ одинокому изслѣдователю, какъ по обширности и сложности задачи, такъ равно и по времени, потребному для ихъ разработки. Вѣдь мыслимы, хотя и могутъ показаться маловозможными, изслѣдованія, производимыя, по заранѣе опредѣленному плану, тысячами ученыхъ, и не ограниченныя короткимъ срокомъ человѣческой жизни, но продолжающіяся сотни или даже тысячи лѣтъ. Не менѣе сказочнымъ показалось бы первобытному человѣку, если бы кто-либо, по пророческому дару, нарисовалъ ему картины изъ современнаго нашего быта, съ городами въ нѣсколько милліоновъ жителей, желѣзными дорогами, океаническими пароходами, телеграфами и прочими техническими сооруженіями человѣка, созданными соединенными усиліями тысячей тружениковъ. Я позволяю себѣ даже высказать предположеніе, что не далеко время, когда ассоціаціи ученыхъ, занимающихся сообща разработкой научныхъ вопросовъ, станутъ явленіемъ обыденнымъ.

Развѣ не позволительно, на основаніи изложенныхъ соображеній, включить эволюцію организмовъ въ число вопросовъ, разрѣшимыхъ опытнымъ путемъ? Я, по крайней мѣрѣ, полагаю это вполнѣ допустимымъ.

Одинаковымъ образомъ мыслима возможность разрѣшенія опытнымъ путемъ и второго вопроса, касающагося понятія, что одни и тѣ же законы заправляютъ и мертвой природой и жизненными явленіями Оно достижимо, если удастся непосредственно наблюдать самозарожденіе организмовъ изъ тѣлъ мертвой природы.

Всѣ розысканія по этому вопросу дали совершено опредѣленный отрицательный результатъ и на основаніи ихъ многіе ученые полагаютъ возможнымъ отрицать самозарожденіе. Мнѣ же это дѣло представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ. Необходимо постоянно помнить, что отрицательный результатъ, повторенный хотя бы тысячи разъ, не можетъ

окончательно разрѣшить вопроса, подобнаго разбираемому, такъ какъ никогда невозможно исчерпать всевозможныхъ условій опыта; достаточно одного положительнаго даннаго, чтобы ниспровергнуть тысячи противорѣчивыхъ ему отрицательныхъ. Соображенія эти вполнѣ примѣнимы къ оцѣнкѣ фактическихъ данныхъ, имѣющихся касательно вопроса о самозарожденіи. Конечно, не только невозможно утверждать, что современемъ непремѣнно удастся непосредственно наблюдать процессъ самозарожденія, а также, чтобы онъ происходилъ въ настоящее время на земной поверхности; но одна уже возможность осуществленія подобнаго предположенія оправдываетъ мое утвержденіе, что и вопросъ о самозарожденіи огранизмовъ долженъ быть отнесенъ къ вопросамъ естествознанія, и что мыслимо его окончательное разрѣшеніе чисто опытнымъ путемъ.

Этихъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно для признанія за ними и за многими, съ ними сходными по методу доказательства, данными естествознанія не только высокой вѣроятности, но и несомнѣнности. Къ таковымъ относятся, напр., каталоги звѣздъ, измѣренія угловъ кристалловъ, предсказанія о затменіяхъ солнца и луны, о появленіи періодическихъ кометъ, о прохожденіи Венеры по диску солнца, предсказанія открытія новыхъ планетъ или новыхъ элементовъ. Мы получаемъ, такимъ образомъ, для построенія нашего міровоззрѣнія гораздо больше точекъ опоры, чѣмъ Декартъ. Исходя изъ этихъ соображеній, я постараюсь разобраться въ вопросѣ: что есть реальное?

Дать отвѣтъ на поставленный въ такомъ видѣ вопросъ я считаю невозможнымъ; только постигнувъ суть и значеніе нашей жизни, можно будетъ это сдѣлать. При современномъ же уровнѣ нашихъ знаній эта задача неразрѣшима. Въ основѣ жизни нашей лежитъ великая тайна, и никому еще изъ людей не посчастливилось взглянуть въ лицо загадочнаго сфинкса, скрытаго за явленіями жизни. Неумолимый рокъ бросаетъ насъ въ жизнь и, не выяснивъ ея сути, нерѣдко столь же неожиданно вырываетъ ее изъ нашихъ рукъ. Глядя на милліоны жизней, зачинающихся и прерываемыхъ на нашихъ глазахъ, недоумѣваешь, изъза чего и ради чего все это происходитъ. Горькимъ опытомъ убѣждаемся мы, что сколько бы человѣкъ объ этомъ ни думалъ, ему не суждено разгадать тайны жизни, а вмѣстѣ съ этимъ мучительнымъ вопросомъ и вопроса: что есть реальное?

Разсматривая опредѣленіе реальнаго равнозначущимъ разгадкѣ тайны жизни; мнѣ представляется безумiемъ стремиться разрѣшить неразрѣшимое, предположивъ невозможное возможнымъ.

Возможенъ лишь отвѣтъ на то, что считать при современномъ состояніи нашихъ знаній раціональнѣе за реальное и какого, сообразно съ этимъ, придерживаться міровоззрѣнія? На него и постараюсь отвѣтить.

И здѣсь я нахожу наиболѣе цѣлесообразнымъ придерживаться обыкновеннаго пріема естествоиспытателей: 1) признать исходною точкою

обыденное міровоззрѣніе, 2) принять во вниманіе, на сколько и въ чемъ удалось усовершенствовать его философской критикѣ, и 3) оцѣнивъ эти измѣненія по достоинству, построить свое міровоззрѣніе. Это конечно не будетъ окончательнымъ опредѣленіемъ реальнаго, но лишь, такъ сказать, первымъ къ нему приближеніемъ. Больше этого достигнуть въ настоящее время невозможно; сознавъ это, и остановимся на немъ.

Формулировать же его удобно слѣдующими положеніями:

1) Наши органы внѣшнихъ чувствъ суть аппараты для познаванія внѣшняго міра.

2) Біологическія разысканія убѣждаютъ насъ, что наши органы внѣшнихъ чувствъ вырабатывались постепенно, въ продолженіи многовѣковой эволюціи, безчисленнымъ множествомъ поколѣній живыхъ существъ, предшествовавшихъ появленію человѣка на землѣ; они представляютъ болѣе совершенные аппараты, чѣмъ у остальныхъ живыхъ существъ.

3) Этими двумя положеніями обосновывается увѣренность въ существованіи внѣшняго міра, внѣ нашего сознанія.

4) Разслѣдованіе современной теоріи познанія обнаружило ея полную некомпетентность въ разрѣшеніи вопроса о познаваемости и существованіи внѣшняго міра внѣ нашего сознанія.

5) Обыденное міровоззрѣніе, признающее внѣшній міръ и каждаго изъ насъ за частичку мірозданія, является не только не расшатаннымъ, но и не затронутымъ въ своей основѣ.

6) Самая суть вопроса о способѣ нашего познаванія и общенія съ внѣшнимъ міромъ остается, по прежнему, неразрѣшенной загадкой, не поддающейся вовсе нашему пониманію. Поэтому, я считаю даже возможнымъ высказать надежду, что въ будущемъ обыденное міровоззрѣніе будетъ оправдано и философской критикой, но, конечно, на совершенно иныхъ, новыхъ основаніяхъ.

Въ исторіи человѣчества можно признать, на основаніи всего вышесказаннаго, три наслоенія міровоззрѣній:

1) *Наивный реализмъ*, принимающій извнѣ получаемыя впечатлѣнія за реальное, непосредственное воспріятіе предметовъ внѣшняго міра.

2) *Философское міросозерцаніе*, ставящее себѣ цѣлью обнять и пояснить смыслъ нашей жизни и все насъ окружающее, исходя изъ одного какого-либо избраннаго философомъ основоположенія, субъективная природа котораго удачно опредѣлена Гартманомъ; онъ характеризуетъ его какъ личное достояніе мыслителя, которое не можетъ быть сдѣлано обязательнымъ для другого философа. Философскія системы подобнаго рода, построенныя каждая на субъективномъ началѣ, могутъ, слѣдовательно, имѣть значеніе только какъ личныя воззрѣнія или *мнѣнія*. Изученіе этой категоріи философскихъ системъ представляетъ поэтому глубокій интересъ, преимущественно потому, что рисуетъ точные портреты духовныхъ личностей мыслителей-философовъ.

3) *Опытно-философское міровоззрѣніе*, къ которому предъявляется

требованіе обоснованія принятаго мыслителемъ основоположенія; оно вырабатывается въ настоящее время подъ вліяніемъ данныхъ естествознанія. Опираясь на фактическія данныя, это міровоззрѣніе не можетъ обнаруживать смѣлаго и быстраго полета мысли, подобно философскимъ системамъ второго наслоенія; оно не рѣшается на рискованныя предпріятія, не имѣя въ своемъ распоряженіи надежныхъ фактовъ; оно подвигается впередъ осмотрительно, глубоко сознавая, что почти рабская зависимость его отъ наличныхъ фактовъ, съ избыткомъ вознаграждаетъ его за испытываемое стѣсненіе, предохраняя отъ внезапной и безвозвратной гибели, вслѣдствіе непредусмотрѣнныхъ опасностей, сразившихъ не малое число его прежнихъ, болѣе смѣлыхъ товарищей. Научно-философскому міровоззрѣнію недостаетъ блеска и эффектности, но свойственная ему сдержанность обезпечиваетъ ему вѣрный, хотя, можетъ быть, и медленный путь, среди невѣдомыхъ пустынь, къ намѣченной имъ цѣли.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и дано мною опредѣленіе реальнаго. Оно, какъ видно изъ предыдущаго, не согласуется съ тѣмъ, что подъ реальнымъ подразумѣваетъ критическая философія. Я далекъ отъ того, чтобы не признавать важности и глубокаго значенія задачи критической философіи—разслѣдовать критически основы нашего знанія, и ей, можетъ быть, суждено въ будущемъ играть первенствующую роль. Въ настоящее же время она не имѣетъ никакого права претендовать на это, такъ какъ было уже выяснено, что она не успѣла оправдать возлагаемыхъ на нее надеждъ. Сознавая это, она должна, слѣдуя достойному подражанія примѣру естествоиспытателей, откровенно признаться въ своей немощи и не позволять себѣ превышать оцѣнки добытыхъ ею результатовъ.

Всякому же поползновенію съ ея стороны наложить уже въ настоящее время свою тяжеловѣсную и властолюбивую руку на наше міросозерцаніе, мы должны отвѣчать отпоромъ и съ полнымъ сознаніемъ своей правоты крикнуть ей:

Руку прочь!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛѢТНЕЮ НОЧЬЮ.

(Изъ М. Конопницкой).

О, звѣздочки-очи!
Затѣмъ ли, что въ сердце уснувшей земли
Встревожить тоскою,—мерцанье зажгли
Вы въ сумракѣ ночи?
Кто къ чашѣ восторга устами приникъ
Среди безконечности, въ вихрѣ мечтаній,—
Земнаго ничтожества мутный родникъ
Ужъ въ томъ не угаситъ тревогъ и желаній...

О, тихій эфиръ!
Когда жъ за безмолвнымъ отъ вѣка просторомъ
Откроешь ты жаднымъ, пылающимъ взорамъ
Таинственный міръ?
Какъ будто отъ устъ моихъ вьется съ дыханьемъ
Прозрачная, легкая мглы пелена...
Уже-ль между правдой и нашимъ сознаньемъ
Останется вѣчной завѣсой она?

О, сумракъ лазурный!
Зачѣмъ благодатный разсвѣтъ такъ далёкъ?
Когда жъ запылаетъ дремотный востокъ
Зарёю пурпурной?
Иль, вѣчно тоскливые взоры маня,
Невѣрнымъ сіяньемъ онъ только обманетъ,—
И солнце, навстрѣчу счастливаго дня,
Не скоро надъ тучами слёзъ нашихъ встанетъ?

О, грустная ночь!
Ты сходишь на землю, ей грудь усыпляя...
Зачѣмъ же не въ силахъ душа огневая
Тоску превозмочь?
Проклятье ли шепчутъ, залогъ ли спасенья
Несутъ ей часы, когда муки скорбей,
Грядущихъ вѣковъ ускоряя рожденье,
Не могутъ уснуть подъ дыханьемъ ночей?

А. Колтоновскій.

Богоматерь, шествующая по облакамъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

В. М. ВАСНЕЦОВЪ И ВЛАДИМІРСКІЙ СОБОРЪ.

I.

Что можетъ быть проще нашего юга, но сколько красоты въ его простотѣ! По мѣрѣ приближенія къ нему рѣже становится лѣсъ, рѣже извилистыя рѣки, ровнѣе черта горизонта, и, вмѣстѣ съ этой перемѣной, міръ какъ будто расширяется и становится богаче... Степь, залитая солнцемъ, перерѣзанная темными пашнями, степь лѣнивая, покойная застыла кругомъ мягкою зыбью, уносится вдаль и жмется къ небу... Воздухъ напитанъ сухою теплотой; тополь серебритъ подвижное кружево отяжелѣвшихъ деревъ; снѣжно-бѣлая глина мазанокъ выглядываетъ изъ-подъ соломенныхъ шапокъ и широкіе листья подсолнечника, пропуская свѣтъ, похожи на блѣдно-зеленый бархатъ. Въ однообразіи степного простора—тысячи оттѣнковъ почти неуловимыхъ, но несравнимыхъ, когда ихъ поймешь Не объясняется ли обаяніемъ Украйны, гдѣ,—по словамъ Надсона, «въ воздухѣ стоятъ напѣвы кобзарей и рѣютъ призраки Вакулы и Оксаны»,—то художественное впечатлѣніе, какоое производитъ Кіевъ?

Ужъ издали любуешься узоромъ его холмовъ, столпившихся надъ Днѣпромъ. Желтый песокъ сползаетъ съ нихъ ручьями; въ пушистой зелени ивъ тянется ограда Печерскаго монастыря и горятъ купола соборовъ. Потомъ идутъ группы домовъ, окруженныхъ садами, сѣть неровныхъ улицъ, верхушки тополей. Вотъ на возвышеніи—большое зданіе университета, рядомъ съ нимъ башня, похожая на минаретъ, дальше—зеленая чаща ботаническаго сада. Пять золотыхъ звѣздъ сверкаютъ за нимъ: то главы Владимірскаго собора.

Можно ли назвать красивымъ его наружный видъ? Представьте себѣ обычное сооруженіе ново-византійскаго зодчества: тяжелый полосатый ящикъ съ неуклюжими выступами, съ двойнымъ рядомъ оконъ, разрѣзанныхъ колонками. Въ желѣзную крышу воткнуто семь золоченыхъ куполовъ. Чувствуется желаніе архитектора, сохраняя древнюю, холодную простоту, оживить стиль. Кое-гдѣ вставлены восточные мотивы, и завитки декоративныхъ капителей ютятся въ строгихъ по кругахъ византійскихъ арокъ.

Соборъ строился долго, болѣе тридцати четырехъ лѣтъ. Онъ заложенъ въ 1862 году; мысль о немъ возникла еще во времена Николая Павловича и Филарета; оконченъ соборъ и освященъ только въ августѣ прошлаго года.

Рядъ неудачныхъ проектовъ наложилъ на него свою печать хорошихъ, быть можетъ, но не выполненныхъ намѣреній.

Сперва былъ представленъ проектъ архитектора Штрома, но онъ требовалъ слишкомъ большихъ издержекъ; затѣмъ былъ утвержденъ и принятъ проектъ Спарро, но не понравился митрополиту Арсенію, который замѣтилъ: «это не соборъ, а модель собора».

Архитекторъ Беретти, послѣ многихъ и безуспѣшныхъ исканій въ древне-русскомъ стилѣ, рѣшился уладить недоразумѣніе, расширивъ планъ Спарро, но не измѣняя смѣты. Предложеніе было одобрено и на торжественной закладкѣ митрополитъ Арсеній произнесъ рѣчь, начавъ такъ: «Возстань, древледержавный Кіевъ, изъ праха твоего многовѣковаго забвенія въ ряду столицъ міра знаменитыхъ, и, облекшись въ свѣтлыя ризы по-прежнему, поспѣши навстрѣчу твоему князю любимому, Владиміру, солнцу-красному».

Но тутъ-то и случилась бѣда. Въ соборѣ, достроенномъ на половину, на столбахъ и на аркахъ появились вертикальныя трещины, потомъ лопнули связи главныхъ арокъ; пилоны отклонились. Въ 1866 г. работы были остановлены. Только десять лѣтъ спустя академикъ Бернгардъ приступилъ къ окончанію собора, укрѣпивъ его съ помощью боковыхъ пристроекъ, контрфорсовъ и желѣзныхъ связей.

Понятно, что зданіе, сооруженное при такихъ условіяхъ не можетъ быть историческимъ памятникомъ зодчества; глядя на соборъ, невольно думается, что и въ этотъ разъ трудная задача выразить красоту православнаго храма оказалась неразрѣшенною.

Зато совсѣмъ другое чувство охватываетъ васъ въ самомъ соборѣ. Его размѣры выдержанно велики; солнечный свѣтъ щедро вливается въ окна; пышные узоры внутренней отдѣлки, не смотря на яркость, гармоничны.

Византійскіе орнаменты, писанные масляными красками, окружаютъ многочисленные образа цѣлой гаммой цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Въ этихъ орнаментахъ, также какъ въ заглавныхъ буквахъ рукописей IX столѣтія, растительно-суставчатыя формы берутъ перевѣсъ надъ геометрическими; позолота сердцевинъ и окаймленій выдѣляетъ листву, и стебли капризныхъ цвѣтовъ свиваются въ золотистую сѣть. Трудно передать, насколько все это выдержано въ стилѣ.

Стѣны, столбы и арки собора точно увѣшаны гирляндами причудливо-нѣжныхъ растеній; разводы ихъ на бронзоватомъ фонѣ напоминаютъ арабески, но вмѣсто угловатости восточныхъ узоровъ, передъ вами мягкіе изгибы и переплетенія, самые неожиданные переходы. То голубые, лиловые листья распускаются въ гроздья винограда;

то изъ павлиньихъ перьевъ выходятъ кресты и розовые флокусы, или кукуруза на тонкихъ стебляхъ превращается въ маргаритки и колосья ржи, завершаясь дождемъ какихъ-то пятилепестныхъ лилій; то длинныя, завитыя вѣтви, окруживъ голову серафима, теряются въ пестрой бахромѣ. Слишкомъ красочно, замѣтятъ иные, слишкомъ много золота, налагающаго на все свой дешевый блескъ; богатство орнаментовъ давитъ художественныя красоты образовъ, придаетъ собору безпокойно декоративный видъ... Приведенное замѣчаніе зависитъ отъ предвзятости взгляда. Кто ищетъ въ храмѣ только строгое величіе и простоту, тотъ не можетъ остаться доволенъ пышностью Владимірскаго собора. Но вѣдь пышность составляетъ характеръ всего русскаго зодчества, а если религіозная мысль должна быть прежде всего національна, то, изучая религіозное творчество, не слѣдуетъ измѣрять его личнымъ вкусомъ, а тѣмъ, насколько оно выразительно и ярко воплотило черты народной вѣры. Такая точка зрѣнія даетъ возможность и неправославному по убѣжденіямъ понять оригинальныя достоинства нашего церковнаго убранства.

Главнымъ участникомъ въ художественной отдѣлкѣ собора, такъ сказать душою всего дѣла былъ профессоръ В. М. Васнецовъ. Его кисти принадлежатъ безспорно лучшія иконы съ окружающими ихъ орнаментами. Въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ, находятся акварельные эскизы этого художника, по которымъ видно, съ какою добросовѣстною вдумчивостью онъ относился нетолько къ своимъ большимъ образамъ, но и къ мельчайшимъ деталямъ стѣнныхъ украшеній. В. М. Васнецовымъ расписана вся центральная часть собора, гдѣ искренняя религіозность и воображеніе художника отразились съ такой силой, что заставляютъ забыть и простить не совсѣмъ удачныхъ живописцевъ, работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ—г.г. Свѣдомскаго, Катарбинскаго, Нестерова и др.

Образа Васнецова не случайныя картины на религіозную тему, но высшее выраженіе мысли, проникающей цѣлое; орнаменты—не только игра фантастической кисти: въ каждомъ изъ нихъ своя экспрессивная особенность, какъ бы безсознательная доля настроеній, которыми полны взоры святыхъ, такъ что образа кажутся ихъ прямымъ продолженіемъ.

Мы постепенно восходимъ отъ строгихъ архитектурныхъ линій къ богатству росписныхъ узоровъ и отъ нихъ къ духовной жизни образа: изъ міра «кристаллизованнаго» камня — чрезъ міръ волшебства къ высотамъ экстаза, и намъ кажется, что эти узорчатыя стѣны пріобрѣли частицу человѣческой души и страданій...

Быть можетъ, созданіе искусства не есть нѣчто оторванное отъ окружающаго; быть можетъ, законъ гармоничной зависимости частей отъ цѣлаго подтверждается и тутъ. Развѣ арабскому минарету не нужна темная бирюза южнаго неба, готической церкви — полутьма средневѣковыхъ улицъ? Развѣ картина не выигрываетъ и не теряетъ

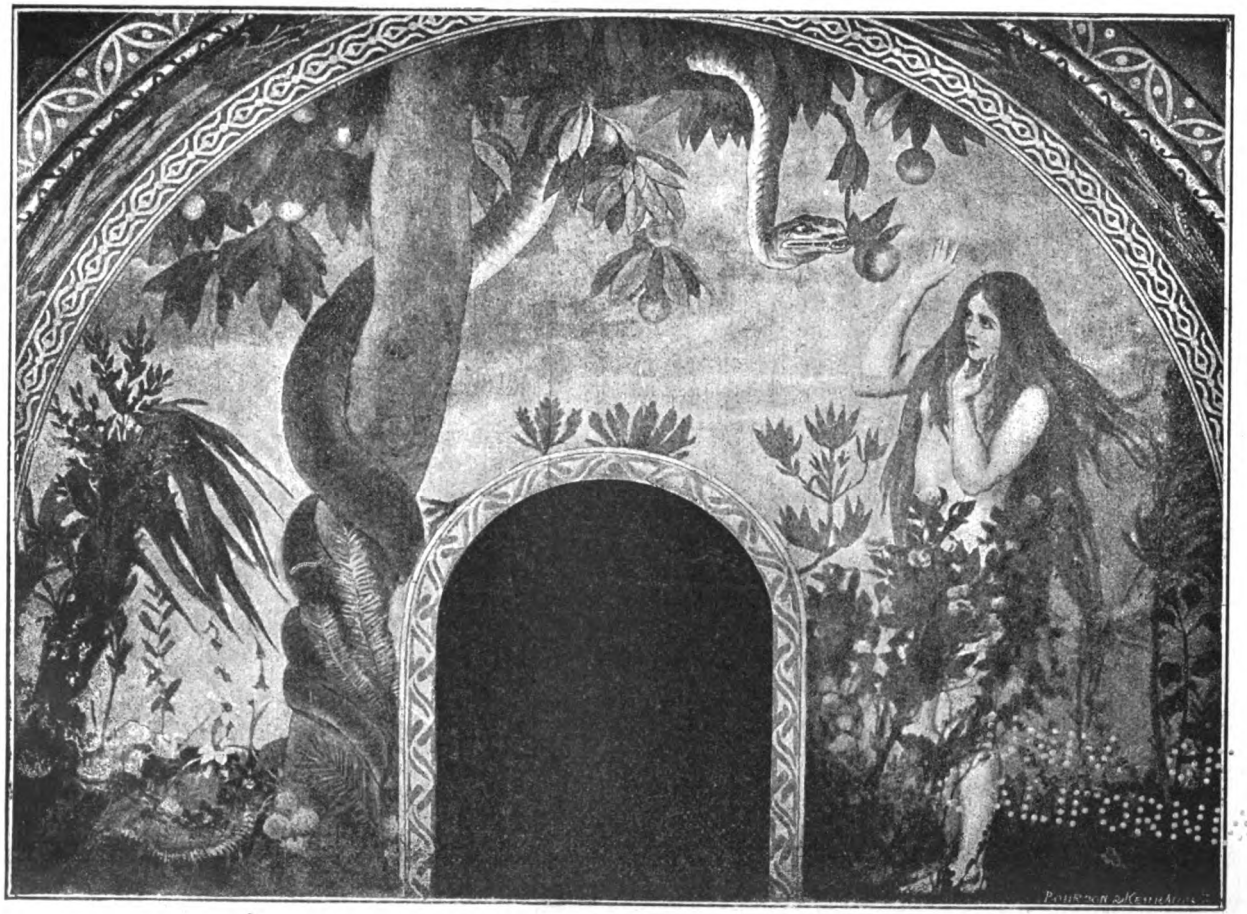
отъ освѣщенія, отъ обстановки? Церковная живопись поставлена въ этомъ отношеніи въ очень выгодныя условія. Она—только дальнѣйшее выраженіе на языкѣ красокъ того, что смутно таится въ выпуклостяхъ камня. Величайшій памятникъ человѣческаго генія—Сикстинская капелла представляетъ поразительное сочетаніе трехъ искусствъ: зодчества, живописи и ваянія. Кто внимательно читалъ Лессинга, конечно, не пойметъ эти слова какъ намекъ на «сліяніе искусствъ»... Наоборотъ, никогда такъ ясно не сознаешь ихъ границъ, какъ разбираясь въ таинственныхъ нитяхъ, скрѣпляющихъ ихъ гармонію.

Возвратясь къ Васнецову, мы можемъ сдѣлать первое заключеніе: художникъ понялъ *единство*. Все,—начиная съ громадныхъ святителей и пророковъ алтаря и кончая вѣнкомъ блѣдныхъ цвѣтовъ около св. Евдокіи, даетъ общее впечатлѣніе: законченное и опредѣленное, впечатлѣніе безконечно далекое отъ современности и тѣмъ не менѣе живое и краснорѣчивое.

При входѣ въ соборъ, раньше всего останавливаетъ вниманіе находящееся на стѣнѣ абсиды величественное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ (въ немъ 12½ арш.). Передъ вами—первый моментъ христіанства: Мать, исполненная роковыхъ предчувствій, и будущій искупитель міра въ довѣрчивомъ невѣдѣніи страданій... Вы поднимаете голову и взглядъ вашъ падаетъ на одинъ изъ плафоновъ главнаго нефа: распятый Христосъ съ толпою прижавшихся къ нему ангеловъ. Двѣ боковыя стѣны притвора занимаютъ большія картины: «крещеніе Владиміра» и «Крещеніе Руси», а всю заднюю стѣну охватываетъ пламя «Страшнаго суда». Четыре столба, поддерживающіе куполъ, ведутъ къ алтарю; съ нихъ пристально и строго на васъ глядятъ справа: св. Никита съ посохомъ, княжна Евдокія, поглощенная молитвой; слѣва—въ богатомъ вооруженіи Андрей Боголюбскій и Несторъ, склоненный надъ длиннымъ пергаментомъ. Въ этихъ образахъ вся древняя Русь, весь религіозный символизмъ ея исторіи: епископъ, св. княжна, одинокій монахъ - лѣтописецъ и князь—наслѣдникъ Варяговъ...

Вы подвигаетесь дальше: новые ряды святыхъ тянутся по сторонамъ: великіе князья Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ Тверской и Михаилъ Черниговскій, пр. Кукша и Прокопій, св. Евпраксія, Алипій - иконописецъ, апостолы Павелъ и Андрей.

Въ иконостасѣ Васнецову принадлежатъ шесть центральныхъ иконъ: Марія Магдалина, страдальческая, странная, на фонѣ лиловыхъ тучъ; Александръ Невскій, Богоматерь; а съ другой стороны—Спаситель, св. Ольга и Владиміръ. Невысокія царскія врата тоже расписаны Васнецовымъ. Главный куполъ занятъ колоссальной поясной фигурой Христа, съ благословляющей рукой, а ниже тянется кольцомъ фантастическая композиція «Преддверье Рая». На четырехъ парусахъ купола изображены Евангелисты. Въ алтарѣ, напротивъ престола, помѣ-



Искушеніе.

щается «Таинство Евхаристіи»: Спаситель, стоя подъ киворіемъ, подаетъ апостоламъ преломленный хлѣбъ и чашу съ виномъ; два архангела склоняютъ надъ Нимъ золотыя рипиды. На сѣверной и южной стѣнѣ алтаря, въ первомъ ряду — святители русской и вселенской церкви; во второмъ—пророки Ветхаго Завѣта. На верхней части царской арки—Христосъ въ видѣ агнца; на двухъ столбахъ, ближайшихъ къ алтарю,—высокія фигуры архангеловъ, Михаила и Гавріила; въ рукахъ у нихъ знамя съ надписью: святъ, святъ, святъ; на другихъ столбахъ изображены: на сѣверномъ—Срѣтеніе Христа Іоанномъ, на южномъ—Симеономъ и Анной.

Двѣ наиболѣе поэтичныя композиціи—прародители «до грѣхопаденія» и «Ева, искушаемая змѣемъ», находятся на хорахъ съ западной стороны храма, тамъ же—картина, представляющая эпизодъ изъ жизни Адама и Евы послѣ изгнанія изъ Рая; ее заканчиваютъ большіе испуганные серафимы. Наконецъ два крайніе плафона—«Скорбящій Отецъ» и «Спаситель-Отрокъ», держащій золотой крестъ,—составляютъ какъ бы продолженіе къ «Распятію».

Среди всей этой галлереи длинныхъ, исхудалыхъ фигуръ, обвѣянныхъ стариною, среди толпы серафимовъ, устремляющихъ на васъ громадные глаза, среди орнаментовъ, похожихъ на какую-то волшебную растительность, невольно становится немного жутко. Вниманіе разбрасывается, и нужно сдѣлать усиліе, чтобы справиться съ впечатлѣніемъ.

Врядъ ли кто-нибудь изъ вѣрующихъ съумѣлъ въ первое посѣщеніе молиться въ соборѣ Св. Владиміра; а въ лунную ночь, когда зеленый, украинскій блескъ освѣщаетъ его фосфорически, въ соборѣ должно быть совсѣмъ страшно...

II.

Наше время въ искусствѣ—замѣчательно разнообразіемъ художественныхъ пріемовъ. Мы переживаемъ какой-то артистическій маскарадъ, въ которомъ смѣшаны всѣ школы, всѣ стили... Можно-бы занять нѣсколько страницъ названіями различныхъ направленій въ живописи. Прежде каждая историческая эпоха имѣла свою живопись; ее создавали условія народной культуры. Теперь исторія въ искусствѣ не имѣетъ почти никакого значенія, потому что мысленно переходить изъ одной эпохи въ другую стало такъ же легко, какъ перекочевывать въ разныя части свѣта. Собственно нельзя и рѣшить, каковымъ должно быть искусство въ зависимости отъ нашего вѣка. Современный художникъ—космополитъ по воображенію, искатель новизны въ техникѣ... Кто правъ изъ этихъ искателей? Вопросъ мудреный и, пожалуй, неразрѣшимый.

У насъ Васнецова хвалятъ изъ религіознаго чувства, хвалятъ изъ патріотизма, изъ моды и, какъ всегда, немногіе послѣ критической

оцѣнки; иные бранятъ. Но совсѣмъ не важны ни похвалы, ни осужденія. Передъ критикомъ двѣ опредѣленныя задачи: съ одной стороны — отмѣтить особенности художника, его техники и воображенія, отыскать его мѣсто въ исторіи искусства, т. е. подвергнуть его «объективной оцѣнкѣ», а съ другой — разсмотрѣть его воздѣйствіе на личность, тѣ субъективныя ощущенія, которыя возбуждаетъ его творчество.

Всмотримся въ характеръ письма Васнецова. Онъ пишетъ сухо, ясно обрисованными пятнами, накладывая одну краску рядомъ съ другой, подобно мозаикѣ, но при этомъ безъ рѣзкихъ переходовъ, заботясь о гармоніи цвѣтовъ, такъ что его картины точно застланы сѣроватымъ туманомъ. Несмотря на богатство и самые разнообразные подборы тоновъ, въ нихъ мало свѣта. Такая живопись спокойна, немного на старинный ладъ, что очень идетъ къ церковной обстановкѣ. Смѣлый и нервный рисунокъ Васнецова, часто условный по требованію византизма, а часто просто неправильный, вырѣзываетъ фигуры, какъ бы наклеивая ихъ одну на другую. Поклонникамъ воздушной перспективы, конечно, такое письмо не понравится, но тотъ, кто ищетъ раньше воздуха и солнца *краску*, найдетъ у Васнецова большой матеріалъ для изученія.

Это колористъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Почти ни одинъ цвѣтъ не повторяется, и нужно подыскивать слова, чтобы хоть сколько-нибудь передать ихъ. Пышныя ткани княжескихъ одеждъ, темныя ризы монаховъ, уголки пейзажей—все поражаетъ роскошью оттѣнковъ. Такъ, напр., у Михаила Черниговскаго темно-зеленый кафтанъ, плащъ рубиннаго цвѣта, золотой поясъ съ драгоцѣнными камнями; за княземъ вдали мягкій блѣдно-розовый закатъ. У Михаила Тверского бѣлая шуба съ голубыми разводами, подбитая мѣхомъ, лиловый кафтанъ съ лиліями, а въ низу видна полоса нѣжно-синяго неба. Мученики Борисъ и Глѣбъ въ свѣтломъ атласѣ на пунцовой подкладкѣ; у одного алые, у другого изумрудные сапоги. Даже въ монашескихъ одѣяніяхъ необыкновенное изобиліе тоновъ, такъ, напримѣръ, на св. Аллипіѣ зеленовато-коричневая ряса, а сверху надѣта эпитрахиль темной лазури, и т. д.

Въ картинѣ «Прародители до грѣхопаденія» представленъ зеленый лугъ «Эдема», усѣянный маргаритками и колокольчиками; посреди стоятъ Адамъ и Ева, прислонившись къ дереву; ихъ окружаютъ мирные кроткіе звѣри,—левъ, козы, овцы; птицы—попугай изъ пурпура, желтая канарейка—пестрѣютъ яркими пятнами; внизу павлинъ расправилъ хвостъ, вышитый малахитомъ, и бѣлѣютъ кролики, точно хлопья снѣга. Небо залито золотисто-желтыми лучами восхода... Вся мечта библейской идилліи передана въ краскахъ.

Новое настроеніе,—новые цвѣта: Ева срываетъ запрещенное яблоко, испуганно глядя на змѣя, который впился въ нее глазами, полный

насмѣшливаго соблазна. Темный кустъ шиповника и бѣлыя сказочныя кувшинки тянутся къ ней. Отблески вечерней зари кое-гдѣ скользятъ по встревоженнымъ лиловымъ облакамъ.

Въ первой картинѣ безгрѣшная Ева безплотна, несмотря на свою наготу; она выражаетъ дѣвственность, такую же нѣжную и свѣтлую, какъ солнце восхода. Во второй картинѣ на обаятельно-прекрасномъ лицѣ Евы отражается смутное пониманіе грѣха и страсти, и вся природа кругомъ какъ будто сговорилась, чтобы соблазнить ее.

Чуткость художника въ отношеніи выбора красокъ не имѣетъ предѣловъ и это въ особенности слѣдуетъ отмѣтить раньше, чѣмъ говорить о многихъ недостаткахъ его техники.

Еще въ прежнихъ своихъ работахъ, въ цѣломъ рядѣ иллюстрацій русскихъ сказокъ, въ большихъ фрескахъ Московскаго историческаго музея, изображающихъ людей каменнаго вѣка—Васнецовъ проявилъ себя совершенно исключительнымъ пониманіемъ эпохи, типовъ и обстановки. Богатырь Илья Муромецъ на конѣ, среди поля, покрытаго костями, доисторическіе дикари въ сраженіи съ мамонтомъ, ветхозавѣтные пророки, византійскіе святые—все носитъ печать глубокаго проникновенія въ древность, вдохновенной вдумчивости въ былое.

Даже не будучи знатокомъ въ археологіи, нельзя не изумляться историческому чувству Васнецова. Каждая фигура точно вырвана имъ изъ прошлаго. Добросовѣстное изученіе древняго быта, костюма, всѣхъ мелочей обстановки положительно дали ему возможность *воскрешать*.

Художниковъ-историковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова очень немного. Нельзя называть Рембранда историкомъ, оттого что онъ одѣвалъ въ костюмы своего вѣка библейскихъ и мифологическихъ личностей. То же относится и къ большинству теперешнихъ художниковъ, но только они драпируютъ древніе костюмы на своихъ современникахъ... Понять гармонію исторической одежды и типа, понять далекую отъ насъ эпоху въ ея крупныхъ чертахъ и деталяхъ—способность совершенно исключительная.

Въ Россіи живопись историческая была ею только на половину, несмотря на нѣсколько выдающихся именъ, посвятившихъ ей свои силы. Это происходило отъ наивнаго реализма нашихъ художниковъ, которые воображали, что для созданія исторической фигуры достаточно хорошо написать натурщика въ старомъ нарядѣ. Такимъ путемъ можно достигнуть внѣшней картинности, но не дать *картины*. Историческое искусство требуетъ чего-то большаго, чѣмъ правдивой передачи ряженой дѣйствительности — духовной близости къ изображаемой старинѣ, не только зрительнаго, но и драматическаго воображенія. Ни одна книга не даетъ лучшаго понятія о *Возрожденіи*, какъ Каульбаховская картина «Das zeitalter der Reformation», именно потому, что нѣмецкій художникъ вдохнулъ въ нее драматизмъ XVI-го вѣка.

Васнецовъ выразилъ въ своихъ образахъ драматизмъ христіан-

ства. Можно ли послѣ того назвать его реалистомъ въ принятомъ значеніи слова?

Это приходитъ въ голову при сравненіи Васнецова съ византійскими образцами, но тотчасъ оказывается невѣрнымъ при сравненіи его съ представителями реалистической школы. Жизненность пріемовъ, правдивость, доходящая иногда до грубоватости, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное присутствіе мечты, доля призрачности ставятъ Васнецова совсѣмъ отдѣльно.

Итакъ, выразительность лицъ и композиціи составляетъ главную и самую трудную задачу историческаго и тѣмъ болѣе религіознаго художника. Съ этой стороны Васнецовъ неподражаемъ.

Картина «Таинство Евхаристіи»—самая выдержанная по стилю, и, можетъ быть, самая глубокая по замыслу, представляетъ образецъ выразительности. Всѣ апостолы, подходящіе къ Христу, отражаютъ личное пониманіе одной религіозной идеи; они идутъ совершать одно таинство, пріобщиться къ одной истинѣ, однако во взглядахъ у всѣхъ сквозитъ *свой* характеръ, *своя* мысль.

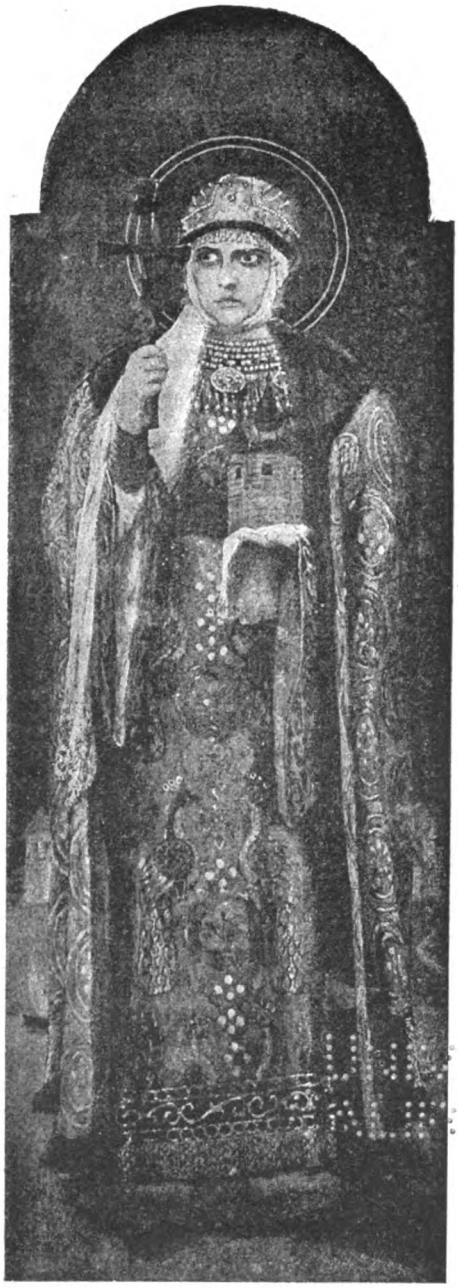
Многіе художники, изображая учениковъ Христа, старались разнообразить ихъ физически. Васнецовъ понялъ ихъ духовное различіе: вся вѣра Петра—твердая и простоватая—на его сильномъ, рѣшительномъ лицѣ: въ расширенныхъ зрачкахъ Іоанна — весь мистическій экстазъ апокалипсиса.

Сравните Александра Невскаго и Ольгу. Какъ хорошо выражено въ первомъ смиреніе миротворца, во второй еще неуспокоенная страсть язычницы. Сравните Бориса и Глѣба, которые какъ будто вышли изъ могилъ въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, съ Андреемъ Боголюбскимъ въ тяжелыхъ доспѣхахъ, разубранныхъ каменьями. Сколько величаваго вдохновенія въ глазахъ св. Владиміра (въ картинѣ «Крещеніе Руси»), въ умоляющемъ движеніи его рукъ, которымъ онъ призываетъ благодать неба на столпившійся народъ!.. Вы чувствуете, что этотъ народъ еще на половину язычникъ, что въ немъ таится злоба и недовѣріе, что его соединила въ торжественный историческій моментъ не только вѣра въ новаго Бога, но и покорность передъ властью князя. Лицо св. Владиміра возстановлено Васнецовымъ по древнимъ монетамъ: у него правильныя еще молодыя черты, окладистая борода и густыя съ просѣдью брови. На другомъ изображеніи въ иконостасѣ Владиміръ святой представленъ сѣдымъ, длиннобородымъ старцемъ съ крестомъ въ рукахъ, и весь его внушительно-задумчивый видъ олицетворяетъ побѣду христіанства.

Остановимся на замѣчательныхъ фрескахъ алтаря, которыя изображаютъ Пророковъ. На фонѣ голубого неба и пальмовыхъ вѣтвей они идутъ тѣсною толпой, взирая на Богородицу, явившуюся имъ въ облакахъ. Впереди Моисей несетъ скрижали завѣта, могучій, грозный, съ выраженіемъ упорства и огня; за нимъ тихій отрокъ Даніилъ;

UNIV. OF
CALIFORNIA

Богоматерь. (Въ иконостасѣ).



Св. Ольга.

UNIV. OF
CALIFORNIA

дальше Исайя подымаетъ къ небу длинный свитокъ, точно обращаясь въ порывѣ прорицанія къ представшему передъ нимъ Христу; въ углу—созерцательный Езекіиль со скрещенными на груди руками; изъ-за нихъ видны только головы Якова и Наума. Съ другой стороны новая группа: Саломонъ, сверкающій роскошью восточнаго наряда, Давидъ въ царской тіарѣ, съ золотой арфой, рыдающій Іеремія, Илья, Гедеонъ и Аввакумъ.

Во всемъ выраженъ мастерски библейскій духъ, духъ варварства и блеска, духъ восторга и трепета передъ Творцомъ. Это особенно ярко выступаетъ при сопоставленіи «Пророковъ» со «Святителями» церкви вселенной и русской, которые занимаютъ нижнюю часть боковыхъ стѣнъ. Стоятъ они неподвижно, торжественно, врядъ, держа книги и пергаменты. Волнистыя ризы точно окаменѣли на нихъ; сосредоточенный взглядъ говоритъ о покоѣ молитвы и отреченія. Въ нихъ увѣренность и важность вѣковой традиціи.

Поразительно понятъ художникомъ контрастъ между библіей и церковью: все, что тамъ страсть и движеніе,—здѣсь дышетъ миромъ и властью; тамъ символы—просторъ неба, пальмы и коверъ лилій; здѣсь—книга и строгія очертанія соборовъ.

Однако Васнецовъ, сосредоточиваясь преимущественно на выраженіи лицъ, не всегда продумываетъ свои композиціи, или, вѣрнѣе, черезчуръ увлекается идеей въ ущербъ чувству мѣры и пластики. Отсюда происходитъ хаотичность нѣкоторыхъ его картинъ, напр., «Преддверья Рая»: встрѣчается доля вычурности и каррикатурности, какъ преп. Куншѣ и Прокопіи.

Къ такимъ картинамъ относится еще «Крещеніе Владиміра» и въ особенности нижній планъ «Страшнаго Суда».

Н. В. Покровскій въ своемъ извѣстномъ и превосходномъ очеркѣ «Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства» говоритъ: «Широта художественнаго замысла, сильный драматизмъ сюжета (страшный судъ) и глубина богословской мысли всегда возбуждали и возбуждаютъ въ народѣ особенный интересъ».

Страшный судъ сталъ одной изъ любимыхъ темъ церковной живописи, начиная съ IV вѣка, когда онъ представлялся символически отдѣленіемъ овецъ (праведныхъ) отъ козлищъ (грѣшныхъ):—«И поставитъ овцы одесную себе, а козлища ошую» (Равенна). Затѣмъ представленіе сдѣлалось сложнѣе, воплотилось въ болѣе реальные образы.

Простое «*отдѣленіе*» добрыхъ отъ злыхъ замѣнилось цѣлой картиной призыва живыхъ и умершихъ, всего міросданія въ грозный часъ божественнаго правосудія.

Въ словѣ Ефрема Сирина есть подробное описаніе конца свѣта и страшнаго суда, описаніе, приложимое къ большинству картинъ въ византійскомъ стилѣ на эту тему (въ томъ числѣ и къ страшному суду Владимірскаго собора). Вотъ какъ излагаетъ его Н. В. Покровскій: «Здѣсь находятся всѣ основныя черты, которыми характеризуется кар-

тина страшнаго суда въ изобразительномъ искусствѣ, какъ-то: воскресеніе мертвыхъ, земля и море отдаютъ своихъ мертвецовъ; небо свивается, какъ свитокъ; ангелы собираютъ людей, приготовляется страшный престолъ и является знаменіе креста; приближается Судія въ сопровожденіи ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ; раздираются небеса: раскрываются книги, въ которыхъ написаны не только слова и дѣла, но даже и помышленія людей; собираются всѣ люди, начиная отъ Адама: всѣ привлечены къ суду—и епископы, и пресвитеры, и дьяконы, и цари, и князья, люди всѣхъ возрастовъ. Судія отдѣляетъ праведниковъ отъ грѣшниковъ: первымъ предоставляетъ царство небесное, вторымъ назначаетъ муку вѣчную; послѣднихъ демоны влекутъ въ адъ, въ тьму кромѣшную или въ геену огненную, гдѣ скрежетъ зубовъ, огненное озеро, червь неусыпающій и т. д.» Только археологъ можетъ рѣшить насколько Васнецовъ точно и строго отнесся къ задачѣ, но нужно лишь немного вкуса, чтобы видѣть, какъ плохъ весь нижній планъ картины и по рисунку, и по письму.

Справа и слѣва на небольшомъ лоскуткѣ стѣны самая невѣроятная, смѣшанная толпа праведныхъ и грѣшныхъ едва намѣчена и далеко не мастерской кистью: тутъ король съ желтымъ лицомъ, похожій на деревянную куклу, тѣнь Данте (?), тигръ, какой-то скелетъ, обломки античнаго города, силуэтъ араба въ чалмѣ, старуха съ сѣдыми космами и ногами изъ охры. Съ другой стороны—зеленоватое море, гдѣ крошечная акула извергаетъ человѣка, а надъ нею въ воздухѣ группа: страшно изгибается дѣвушка, въ голубой кисеѣ; какой-то мужъ раздираетъ грудь ногтями; блѣдный призракъ, со льномъ на головѣ вмѣсто волосъ, выходитъ изъ волны и т. д.

Неужели написалъ это Васнецовъ? Можно возразить, что художникъ хотѣлъ придать «Страшному суду» чисто народную окраску, такъ ярко выраженную въ наивныхъ лубочныхъ картинкахъ... Но если это и объясненіе, то и не оправданіе. Вводить народный элементъ въ искусство не значитъ подражать нѣкоторымъ неудачнымъ проявленіямъ народнаго вкуса.

Къ счастію, такіе промахи рѣдки, но мелкіе недочеты встрѣчаются на каждомъ шагу.

Васнецову очень не удается обнаженное тѣло (достаточно упомянуть о св. Владимірѣ въ купели); плохо удаются морщины и волосы: борода Матѳея и Нестора, сѣдыя кудри пророка Іереміи и Бога Саваофа скорѣе похожи на вату или на курчавыя облака, освѣщенныя солнцемъ... Было бы несправедливо останавливаться слишкомъ долго на этихъ недостаткахъ, тѣмъ болѣе, что нужно видѣть, чтобы понять, насколько они не мѣшаютъ общему впечатлѣнію.

III.

Всякій, слыхавшій имя Васнецова, знаетъ, что онъ послѣдователь византійскаго искусства; но въ какой степени онъ ученикъ древней ико-

нописи, какіе новые элементы присоединилъ онъ къ ней? Изъ Владимірскаго собора направимся къ св. Софіи, которая отъ него въ десяти минутахъ ходьбы. Здѣсь утомленное вниманіе отдыхаетъ. Спокойныя, запыленныя краски орнаментовъ, холодная роскошь мозаикъ, по которымъ прошли вѣка, поражаетъ въ особенности послѣ пышности новаго храма. Въ числѣ архаическихъ мозаикъ, исполненныхъ мастерами изъ Византіи, есть нѣсколько интересныхъ, напр., «Благовѣщенье», «Николай Чудотворецъ»; но напрасно стали бы мы искать въ нихъ Васнецова. Стиль, пожалуй, тотъ же; вы ясно видите, что одно породило другое, что византизмъ былъ готовой формой для современнаго творчества, но и только. Новый духъ прорывается вездѣ въ образахъ Васнецова, онъ перетолковалъ художественныя традиціи по своему со всей непокорностью самостоятельнаго таланта, и талантъ совершилъ волшебство: узкіе рамки школьной иконописи,—мертвенной иконописи, какъ мертвенно все, что неподвижно вѣками, — расширились... Открылись новые пути, невиданныя области для религіознаго воображенія. Византійская живопись была до сихъ поръ строго церковной, въ ней царило одно настроеніе безпорывной отвлеченности... Византійскій храмъ навѣвалъ на насъ спокойствіе, мрачное нѣсколько; его тяжелые своды, круглый куполъ не давали простора чувству и фазтазіи; поэтому-то византизмъ не могъ быть близокъ нашему народу, въ которомъ нѣтъ его наклонностей.

Васнецовъ, соединяя народный сказочный элементъ съ древними формами, вдохнулъ въ византійское искусство новую жизнь.

Нашъ народъ—сказочникъ по натурѣ; онъ проникнутъ суевѣріемъ преданій и легендъ, уваженіемъ къ чудесному. Глядя на образа Васнецова, невольно понимаешь связь между русской сказкой и русской вѣрой...

Мы называемъ искусство сказочнымъ, когда оно отражаетъ дѣйствительность не такъ, какъ мы ее воспринимаемъ, но какъ пережило ее воображеніе старины...

Нужно много такта и много искренней простоты, чтобы передача народнаго колорита не казалась поддѣлкой, чтобы наивность не переходила въ наивничаніе, фантазія не потеряла свѣжести и не стала вычурной. Хотя Васнецовъ не всегда свободенъ отъ этихъ недостатковъ, въ общемъ онъ исполнилъ свою задачу мастерски, особенно въ сравненіи съ другимъ живописцемъ собора—Нестеровымъ. Малокровная живопись послѣдняго, чахлое воображеніе напоминающее болотный цвѣтокъ, производятъ впечатлѣніе чего-то болѣзненнаго и назойливаго.

Итакъ, Васнецовъ съумѣлъ быть религіознымъ, не будучи догматичнымъ, съумѣлъ быть самостоятельнымъ, покоряясь традиціи... Интересно, конечно, въ самыхъ главныхъ чертахъ прослѣдить и разобрать источники, которыми онъ пользовался, первообразы художественной мысли. Въ началѣ четвертаго вѣка, послѣ перенесенія Константиномъ Великимъ столицы Римской Имперіи на востокъ, церковныя украшенія начинаютъ понемногу освобождаться отъ древняго натурализма

и пріобрѣтаютъ характеръ условный, схематическій, что и составило впослѣдствіи отличительную черту византійскаго искусства. Въ миніатюрахъ рукописи, въ эмаляхъ и мозаикахъ богословская отвлеченность вытѣсняетъ символизмъ ранняго христіанства, въ которомъ были живы слѣды язычества. Земное, тѣлесное отпадаетъ; мускулистыя классическія фигуры удлиняются, застываютъ, обволакиваются тяжелыми тканями; вмѣстѣ съ богатствомъ церквей богаче становится отдѣлка образовъ, но художественныя темы и рисунокъ—бѣднѣе и строже: отъ скульптуры и фресокъ римскихъ катакомбъ мы переходимъ къ мозаикамъ Равенны, Константинополя, Солуни и, наконецъ, Сициліи и Венеціи. Bayet въ своихъ «Recherches pour servir a l'histoire de la peinture» замѣчаетъ: «до IV в. художественный стиль былъ близокъ къ природѣ простотою и непринужденностью положенія; съ IV в. эти прелестныя качества начинаютъ исчезать; искусство признаетъ неумѣстною такую простоту и избѣгаетъ ее, какъ неподходящую къ достоинству священныхъ изображеній»... Изъ этого видно, что византійское искусство, развиваясь, стало пренебрегать внѣшнею правдивостью, жизненностью изображеній, все болѣе совершенствуя одухотвореніе типовъ и торжественное воплощеніе догматовъ.

Христосъ, казавшійся въ первые вѣка мученикомъ смиренія, смѣшаннымъ съ толпой, облекся по немногу въ царскія ризы. Его глава украсилась нимбомъ, кругомъ стали хоры ангеловъ, на которыхъ отразилась роскошь восточныхъ геніевъ. Вмѣстѣ съ Христомъ, лица апостоловъ пріобрѣли выраженіе идеальной святости. Небесный міръ отдалился отъ земли, проникаясь величіемъ призрака.

Мозаика церквей Равенны, напримѣръ, благословляющій Христосъ въ «св. Виталіи» (IV в.)—представляетъ образецъ византизма, какимъ онъ перешелъ и на Русь въ концѣ десятаго вѣка. Сравнивая эту мозаику съ изображеніемъ Христа на куполѣ Владимірскаго собора, вы ясно видите, какъ самостоятельно понялъ Васнецовъ лицо Божественнаго Учителя. Въ Немъ больше человѣчности и грусти, чѣмъ отвлеченной духовности; вмѣсто крестообразнаго нимба съ драгоцѣнными каменьями, надъ Нимъ золотое сіяніе съ надписью «Ὢν», а позади сказочное кіевское небо, усѣянное звѣздами. Въ темно-синей глубинѣ змѣится млечный путь, ярко блещутъ Вега и Атаиръ; Денедъ горитъ надъ Евангеліемъ, раскрытомъ на стихѣ Іоанна: «Азъ есмь свѣтъ міра. Ходяй по Мнѣ не имать ходити въ тьмѣ. Свѣтъ въ тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ».

Лишь видоизмѣненіями этого образа могущества и кротости является Христосъ иконостаса.

Въ противоположность яркому изображенію на куполѣ, Онъ весь въ темныхъ тонахъ. На Немъ простая, одноцвѣтная риза; въ Его большихъ, восточныхъ глазахъ подъ тяжелыми вѣками—печаль милосердія, дума любви.

Скорбящій Отецъ.

Ничего подобнаго не создавало византійское искусство, хотя приближеніе къ этому типу Христа, только выраженное неумѣло и сухо, можно найти въ Палермо (Capella Palatina-Dettaglio Soglio). Но нигдѣ такъ не сказывается самостоятельность Васнецова, какъ въ двухъ плафонахъ: Распятіе и Христосъ-Юноша, окруженный символическими знаками.

Передъ нами только вершина креста среди разорванныхъ тучъ. Внизу выглядываетъ розовый мѣсяцъ. У великаго Страдальца опущены вѣки, но жизнь еще не улетѣла; это видно по выраженію рта и по тому, что толпа серафимовъ къ Нему любовно прижалась, точно желая отогрѣть Его послѣдніе вздохи: «Боже, зачѣмъ Ты оставилъ Меня». Мы далеки отъ Византіи, отъ мозаикъ св. Виталія, отъ солунской мозаики...

Таинственная ласка серафимовъ вдали отъ людей, при лунномъ восходѣ, до того трогательна, что мы забываемъ ужасы крестныхъ страданій и жестокость воиновъ на Голгофѣ, такъ часто изображаемую византійцами, и, проникая въ мысль художника, невольно думаемъ: «Богъ любы есть».

Третье изображеніе Юноши-Христа по композиціи—чисто византійское (напримѣръ, мозаика въ этомъ родѣ находится въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи), но по вдумчивости, по внутреннему смыслу, оно такъ же оригинально, какъ и два первыхъ.

На лицѣ у Христа—ранняя дума и печать предугаданныхъ мукъ. Весь міръ въ образахъ «поющаго, вопіющаго, взывающаго и глаголящаго» встаетъ передъ Нимъ загадкой и чудомъ, молитъ о великой жертвѣ искупленія. Въ одной рукѣ у Него золотой крестъ; въ другой—свитокъ съ надписью: «Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово»... Всюду слова Іоанна, и это такъ понятно: апостолъ любви, апостолъ тревожныхъ грезъ долженъ былъ сдѣлаться избранникомъ Васнецова.

Столь же мало походятъ на типы Владимірскаго собора типы святыхъ, какъ они изображены, напр., въ Палатинской капеллѣ Палермо.

Эти мозаики выражаютъ, быть можетъ, высшій идеалъ отреченія, предѣлъ одухотворенности. Большія головы Григорія Богослова и Василія Великаго съ широкими, упорными лбами, прикрѣплены къ туловищамъ, тонкимъ, какъ листъ бумаги. Они даже не мистичны, потому что побороли въ себѣ остатки религіозной чувственности, они только святы, увѣренные въ своемъ величіи и обладаніи истиной.

Насколько мы ближе къ дѣйствительности, ближе къ тайнамъ человѣческаго сердца, когда глядимъ на святителей и апостоловъ Васнецова! И съ другой стороны, какъ эти люди мало походятъ на простыхъ смертныхъ своей напряженной строгостью, пугающей насъ, какъ пугаютъ видѣнія съ того свѣта.

Но нигдѣ не могла сказаться сильнѣе наклонность художника къ волшебному, какъ въ изображеніи серафимовъ.

Шестикрылые серафимы! Цѣлая поэма въ краскахъ—эти безполыя странныя существа, которыя человѣчны только на половину, у которыхъ обожаніе и грусть переходятъ въ грезу иного міра... Ихъ красивыя головки въ вѣнцѣ радужныхъ крыльевъ, точно движимыхъ своей отдѣльной жизнію; низко опущенныя на лобъ кудри всѣхъ оттѣнковъ—русыя съ золотыми нитями, рыжія, темныя съ синимъ отливомъ; пристальный, немного удивленный взглядъ ихъ таинственно-громадныхъ глазъ—все уноситъ насъ въ какую-то невѣдомую сказку.

Какое разнообразіе выраженій,—переходовъ отъ позъ самыхъ нѣжныхъ, гибкихъ къ движеніямъ испуганнаго цѣломудрія и непокорности.

Какъ ужъ было сказано, Востокъ отразился на созданіи фантастическихъ небесныхъ силъ. Подъ вліяніемъ Востока написано сочиненіе о небесной іерархіи, приписываемое Діонисію Ареопагиту,—и длинныя узорчатыя крылья нарушили однообразіе церковныхъ стѣнъ. Въ Chiesa della Martorana (Палермо) есть архангелъ съ рипидой, поражающій съ перваго взгляда пластической красотой лица и причудливымъ богатствомъ одежды. Его напоминаютъ ангелы вокругъ «Скорбящаго Отца» и серафимы двухъ пано на хорахъ Владимірскаго собора. Но тутъ открывается совершенно новая область для изслѣдованія...

Съ недавнихъ поръ у насъ довольно много говорятъ о направленіи «прэрафаэлитовъ» — художниковъ, появившихся въ Англіи лѣтъ сорокъ тому назадъ, цѣль которыхъ была—вернуть живопись къ примитивному искусству до-рафаэльскаго періода, т.-е. къ искусству Фра-Анжелико, Боттичелли, Мантенья и др. Характеристика и разборъ интересныхъ взглядовъ этой новой англійской школы заняли бы слишкомъ много мѣста. Однако, предполагая, что читатель нѣсколько знакомъ съ дорафаэльцами, необходимо отмѣтить сходство, невольно бросающееся въ глаза, между ними и нѣкоторыми картинами Васнецова. Не зная лично художника, не зная обстоятельствъ, при которыхъ сложились его произведенія, трудно судить, насколько это сходство—признакъ вліянія и насколько признакъ простого совпаденія вкусовъ. Тѣмъ не менѣе, символизмъ многихъ образовъ Владимірскаго собора (такъ, напр., лиліи у ногъ пророковъ) не русскаго и не византійскаго происхожденія, и головки Васнецовскихъ серафимовъ напоминаютъ Burne-Jones'a своей «религіозной мукой и культомъ красоты», какъ выразился объ этомъ художникѣ J. Lahor.

Не останавливаясь дольше на такихъ догадкахъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о талантѣ настолько самобытномъ, какъ талантъ Васнецова, повторимъ только слова того же Lahor'a, отчасти приложимыя и къ нашему русскому художнику: «кто скажетъ, что это искусство, въ высшей степени выразительное и колоритное, цѣликомъ проникнутое

идеаломъ и мечтой, искусство, по силѣ возбуждаемыхъ ощущеній какъ будто переходящее границы живописи, чтобы достигнуть поэзіи или самой тонкой музыки,—кто скажетъ, что оно подражательно?»

Кто-то назвалъ Васнецова возродителемъ русскаго искусства. Это, конечно, слишкомъ много; всякое возрожденіе обусловливается появленіемъ цѣлаго ряда послѣдователей на томъ или другомъ поприщѣ, а соборъ святого Владиміра единиченъ и врядъ ли породитъ другіе, потому что, какъ бы мы высоко ни ставили личное дарованіе Васнецова, нужно помнить, что задачи его не чисто-художественныя, а слѣдовательно, широкое сочувствіе имъ зависѣло бы отъ вѣяній совсѣмъ другого рода.

Покуда ясно одно: въ творчествѣ Васнецова нельзя отрицать національности. Въ народѣ долго накопляются художественные инстинкты, вѣками бродитъ художественная мысль, пока не явится выразитель этой полусознательной работы и не выльетъ ее въ самобытную форму. Такимъ выразителемъ былъ Пушкинъ въ поэзіи; такимъ же выразителемъ (хотя и не по размѣру дарованія), является въ живописи Васнецовъ.

Сказочное въ связи съ византійскимъ и, можетъ быть, въ связи съ направленіемъ до-рафаэльцевъ, дало только новое сочетаніе въ области національнаго творчества. И Пушкинъ не былъ только народникомъ, придавъ русской рѣчи изумительный блескъ и чистоту классическаго искусства и подчинившись вліянію Байронизма. Не странно ли, что оба они обращались къ однимъ источникамъ? Но Пушкинъ—какъ натура здравая, любящая ясность и простоту, черпалъ изъ Греціи языческой, а Васнецовъ, настроенный мистическимъ міропониманіемъ, отдалъ себя вдохновеніямъ византійскаго христіанства.

Какъ Пушкинъ, слушая всю жизнь «умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи», одухотворялъ свой стихъ чуткимъ пониманіемъ народной души, такъ и Васнецовъ, изучая древнія мозаики, разсказалъ въ своихъ образахъ мечты народа.

На Пушкинѣ отразилась поэзія современной ему Англіи. Замѣчательный поворотъ средне-вѣковой религіозности, выразившійся на нашихъ глазахъ въ англійской живописи, могъ оставить слѣдъ на Васнецовѣ.

IV.

Цѣль поэзіи вызывать настроенія, т.-е. такія состоянія нашей воли, которыя независимы отъ разсудка. Противъ всякой логики, размѣръ стиховъ возбуждаетъ непонятную грусть или непонятное веселье; мелодичная рифма можетъ пробудить цѣлый рядъ мыслей, помимо всѣхъ «законовъ мышленія».

Конечно, любопытно изучать жизнь поэтовъ, время, въ которое они писали, изучать, какъ и почему возникли ихъ труды, но, не говоря

уже о томъ, что это не вполнѣ возможно относительно современниковъ, такой объективный пріемъ не исчерпываетъ критической задачи по самой сущности поэзіи. Мы ищемъ душу поэта и, прислушиваясь къ самимъ себѣ, разгадываемъ его лиризмъ.

Такимъ образомъ, роль у разсудка двойная: понимать автора и понимать то, что онъ возбуждаетъ.

Но вѣдь во всякомъ искусствѣ свой лиризмъ, въ сонетахъ любви такъ же, какъ въ мраморныхъ изваяніяхъ и картинахъ.

Называть Васнецова послѣдователемъ, преобразователемъ византійской школы въ духѣ народнаго міросозерцанія, не значитъ исчерпать сложное впечатлѣніе, которое онъ оставляетъ. Не достаточно сказать, что Васнецовъ «религіозный мистикъ»: религіозность — понятіе слишкомъ широкое; мистицизмъ—понятіе слишкомъ неясное. Вѣра художника мучительная, тревожная. Если угодники Фра Анжелико глядятъ на небо въ спокойномъ экстазѣ, если въ святыхъ Византіи чувствуется неподвижная созерцательность аскетовъ, то въ образахъ Васнецова—мятежная скорбь обожанія. Его души не отдыхаютъ въ молитвѣ, а какъ будто грустятъ, полныя ужасомъ, передъ грѣхомъ и тайной міра. Его мистицизмъ не хрупокъ и не сантименталенъ, какъ въ картинахъ Нестерова: онъ пугаетъ воображеніе...

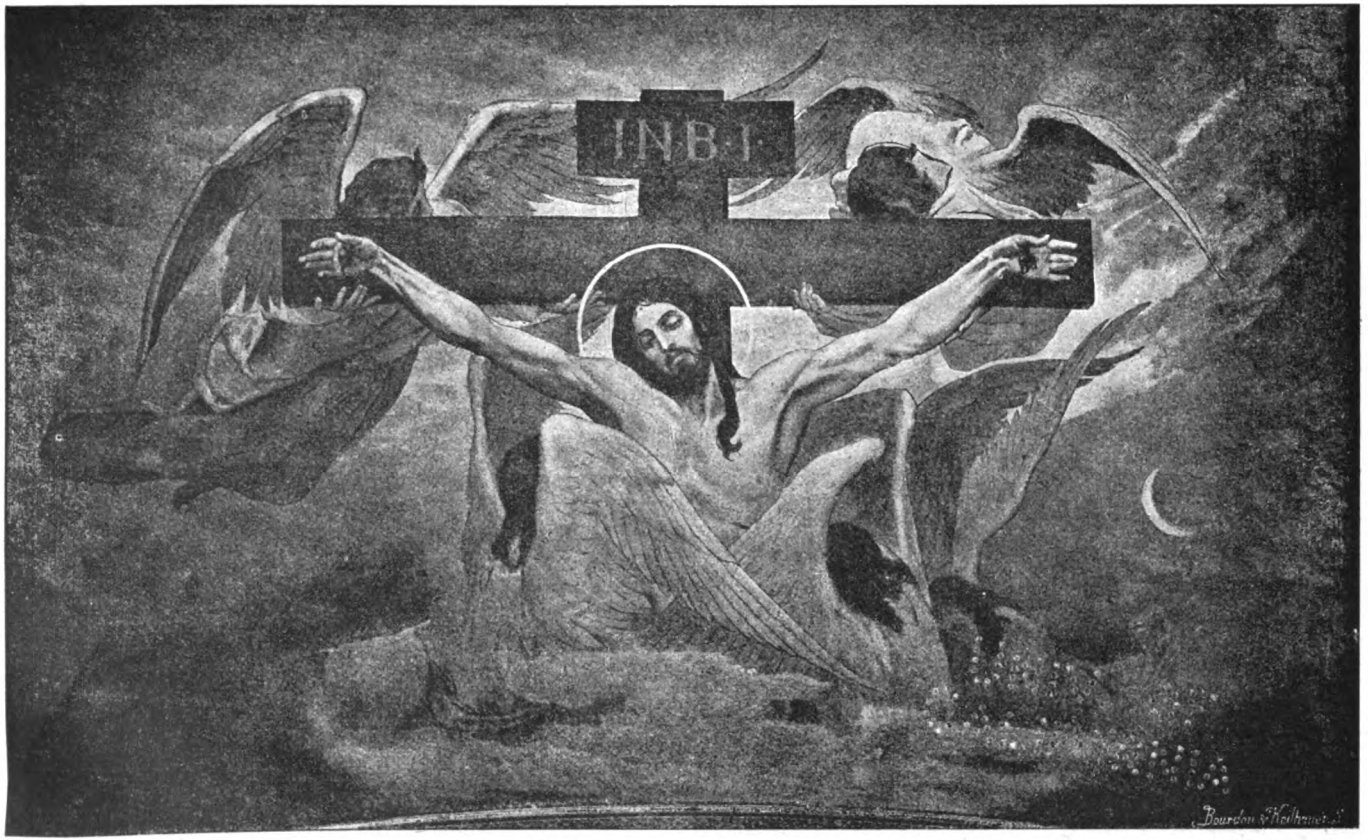
Въ образахъ Васнецова, не смотря на большое разнообразіе типовъ и выраженія лицъ, на днѣ каждаго взгляда та же скорбь, въ изгибѣ каждой складки та же тревога. Весь храмъ какъ будто охваченъ однимъ страдальческимъ порывомъ.

Нужно почувствовать это и тогда мнимое спокойствіе византійскихъ формъ мгновенно разсѣевается... Длинныя фигуры начинаютъ двигаться, наступать съ умоляющимъ драматизмомъ; сѣдыя кудри и складки хитоновъ развѣваются въ воздухѣ; поднятыя руки грозятъ завитыми пергаментами; крылья серафимовъ наполняютъ своды испуганнымъ трепетомъ; и вамъ чудится, — какой-то неумолимый вихрь ворвался въ соборъ и нарушилъ его святую тишину.

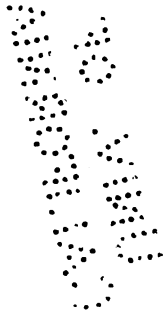
Лицо Спасителя въ Евхаристіи проникнуто такой неземной печалью, такимъ напряженнымъ страданіемъ, что вся богатая, золоченая обстановка алтаря кажется чуждой и лишней. Мы видѣли Христа, измученнаго молитвой въ Гефсиманскомъ саду, полумертваго подъ ударами плетей и на распятіи, но не видѣли Христа, изнемогающаго отъ сознанія великаго, таинственнаго дѣла, совершаемаго Имъ на землѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Его взглядѣ столько неяснаго, что Онъ какъ будто недоступенъ апостоламъ, которые подходятъ къ причастію...

Это лицо нельзя забыть, увидѣвъ однажды; передъ нимъ блѣднѣетъ ликъ Спасителя въ «Страшномъ Судѣ», именно, благодаря своему опредѣленному выраженію повелительной и гнѣвной скорби.

Вглядитесь въ изображеніе Богоматери съ Младенцемъ. Сколько разъ и какъ различно создавалась эта божественная группа. Пред-



Христосъ, утѣшаемый ангелами.



ставленіе о предвѣчной Матери съ Сыномъ, Искупителемъ грѣха, являлось народамъ глубокой древности. Въ Индіи тысячи лѣтъ до нашей эры молились богинѣ Нари и сыну ея Кришнѣ, который воплотился въ человѣка и спасъ міръ отъ вѣчныхъ мукъ.

Въ гробницахъ Египта находили статуи, представляющія Изиду и Горуса—символы той же идеи.

Во времена христіанства многія церкви и многіе художники обращались къ этой темѣ, придавая ей черты народнаго и личнаго пониманія.

На мадонахъ до-рафаэльскаго времени средніе вѣка отразились безплотной красотой; они создали образъ мечтательной стройной дѣвы, таинственной и хрупкой, какъ лилія.

Рафаэль—возродитель земной красоты, понялъ иначе Богоматерь. Въ Сикстинской мадоннѣ дышетъ безграничная любовь къ человѣчеству и вмѣстѣ—то задумчивое спокойствіе, то пластичное отдохновеніе, которое мы находимъ въ греческихъ богиняхъ.

У Рубенса она—просто сильная, мускулистая мать, въ которой все говоритъ о здоровомъ счастьѣ и могуществѣ.

Мурильо соединилъ эллинскую пластику съ мечтою среднихъ вѣковъ; нѣжная женщина съ волною каштановыхъ волосъ, несомая херувимами, стала молитвой его жизни.

Византійская «оранта» изображалась безъ Христа, съ поднятыми руками, съ выраженіемъ неподвижной мольбы.

И вотъ мы передъ Богородицей Васнецова.

На темно-золотомъ основаніи она стоитъ гдѣ то высоко надъ землей, надъ вихремъ лиловыхъ облаковъ. Она не смотритъ на сына, ея прекрасные черные глаза уходятъ въ невѣдомую даль пространствъ съ укоромъ и грустью; ея плащъ развѣвается сзади, точно поднятый вѣтромъ, и въ движеніи ея рукъ, въ материнскомъ объятіи—непонятное напряженіе...

А Христосъ глядитъ на насъ съ такимъ вдохновеннымъ безпокойствомъ, точно жадно вслушивается въ голоса вселенной.

Вокругъ нихъ хоръ поющихъ серафимовъ... Зачѣмъ собрались они сюда? Какъ объяснить ихъ смятеніе? Они какъ будто слетѣлись изъ золотого мрака, чтобы разсказать свою тревогу и просить защиты.

Вся картина трагична. Знаменитый мыслитель-художникъ нашего вѣка Джонъ Рескинъ въ сочиненіи «The relation between Michael Angeloand Tintoret», говоря о двухъ мадоннахъ Беллини, замѣчаетъ слѣдующее: «фигуры обѣихъ картинъ находятся въ полнѣйшемъ покоѣ. Нѣтъ никакого движенія, только маленькіе ангелы играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, но при этомъ безъ перерывовъ, безъ усилія, точно во снѣ. Если бы хоръ поющихъ ангеловъ былъ исполненъ делла Роббіа или Донателло, то казался бы поглощеннымъ своей музыкой или восхищеннымъ ею подъ вліяніемъ минутнаго напря-

женія. Мы чувствуемъ, глядя на херувимовъ, въ картинѣ Луини «Поклоненіе пастуховъ», что они, благодаря своему добросовѣстному усилію, могутъ легко взять фальшивую ноту, лишь только станутъ менѣе внимательны. Но ангелы Беллини, даже самые молодые, поютъ съ такой невозмутимостью, съ какою прядутъ Парки. Позвольте мнѣ здѣсь замѣтить, что это спокойствіе составляетъ признакъ высшаго рода искусства». Интересно, что сказалъ бы Рескинъ, увидавъ Богоматерь Васнецова?..

Англійскій критикъ конечно одностороненъ, но въ его мнѣніи есть доля правды.

Личное пониманіе художественной задачи свободно, но кромѣ недостатковъ въ техникѣ (т.-е. письма и рисунка для живописи), въ искусствѣ бываютъ несовершенства, стоящія на полъ-пути между техникой и художественнымъ пониманіемъ. Можно не относиться отрицательно къ внутренней тревогѣ въ картинахъ Васнецова, но нельзя не пожалѣть, что часто она нарушаетъ внѣшнюю гармонію, переходя въ рѣзкость и беззаконіе очертаній.

Несовершенство того же характера, хотя въ значительно большихъ размѣрахъ, отличаетъ такъ называемый стиль «fагоссо».

Глаза Васнецовскихъ святыхъ черезъ чуръ велики, черезъ чуръ искусственны и поэтому часто однообразны. Безпокойство складокъ, угловатость иныхъ жестовъ, невыдержанность нѣкоторыхъ контрастовъ мѣшаютъ общему впечатлѣнію. Всѣ разбросанныя по пути замѣчанія оправдываются на послѣдней выдающейся композиціи Васнецова «Послѣдній день творенія»... Богъ Саваоѳъ скорбитъ надъ созданнымъ міромъ, тѣснимый тою же толпой сказочныхъ ангеловъ. Намъ вспоминается—«и въ седьмый день почилъ отъ трудовъ своихъ». Смыслъ этихъ величавыхъ словъ—выраженіе безмѣрной славы Того Всемогущаго и Вседовольнаго, имя Котораго страшились произнести древніе евреи.

У Васнецова Богъ Отецъ съ поникшей головой, съ вопросительно опущенными руками, скорбящій и подавленный своимъ твореніемъ, какъ будто себя спрашиваетъ: «что я сдѣлалъ»? Внизу мы читаемъ тоже стихъ Іоанна: «Тако бо возлюби Богъ міръ, тако и Сына своего единороднаго далъ есть»... и мятежные ангелы (изъ нихъ ни одного, въ которомъ бы не таился духъ непокорности) какъ будто отвѣчаютъ съ укоромъ: «что Ты сдѣлалъ»? Смыслъ библейскихъ словъ потерянъ.

Грозовая метафизика ветхаго завѣта вся перелилась въ религію страданія...

Представленіе о недосягаемости Творца, о «Старцѣ старцевъ», о «Вѣнцѣ Премудрости» замѣнилось кроткимъ образомъ утѣшителя человѣческаго сердца, который сошелъ на землю, чтобы страдать вмѣстѣ съ людьми и за людей.

Вѣрно-ли такое толкованіе? Всякій, знакомый съ произведеніями Васнецова, отвѣтитъ на вопросъ по своему. Отъ этого не пострадаетъ мнѣніе художественной критики.

Сказаннаго относительно колорита, выразительности и поражающей силы историческаго пониманія Васнецова достаточно, чтобы поставить его совершенно отдѣльно отъ общаго уровня и привѣтствовать, какъ громадное дарованіе.

Искусство такъ обѣднѣло въ Россіи, мы такъ устали отъ нашихъ выставокъ, съ ихъ скудностью темъ и дешевымъ юморомъ, что смотримъ нетолько съ восхищеніемъ, но и съ благодарностью на оригинальный трудъ современнаго русскаго художника. Васнецовъ болѣе кого-нибудь другого способенъ заинтересовать и увлечь.

Желаніе выяснить, какими вліяніями питалось его воображеніе, какое слово сказало оно въ исторіи красоты, желаніе проникнуть въ его религіозную мысль, конечно, натолкнетъ въ скоромъ будущемъ многихъ серьезно заняться памятникомъ, оставленнымъ имъ во Владимірскомъ соборѣ.

Сергѣй Маковскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(*Продолженіе* *).

XIII.

Бѣлинскій сравнительно скоро разошелся съ Бакунинымъ и намъ не трудно догадаться—почему. У Бакунина было двѣ черты, одинаково нестерпимыя для его ученика. Съ одной стороны, онъ обладалъ наклонностью *заговорить*, т. е. опутать слушателя сѣтями діалектики и зачаровать его критическій смыслъ священными рѣченіями *самого*, съ другой стороны—Бакунинъ, безспорно, побѣдоносный истолкователь философскихъ тайнъ, не прочь былъ разыгратъ роль апостола Петра, какъ понимаетъ ее католическая церковь,—въ гегельянской сектѣ.

Но Бѣлинскій слушалъ чужія рѣчи вовсе не за тѣмъ, чтобы вѣровать имъ на-слово, и еще менѣе могъ «гонять сквозь строй категорій всякую всячину» и предаваться «логической гимнастикѣ» [68]). Для него гегельянство было *психологическимъ моментомъ*. Онъ самъ опредѣлялъ его словами: «утомился отвлеченностью» и «жаждалъ сближенія съ дѣйствительностью». Естественно, онъ немедленно принялся *провѣрять* воспринятыя истины и мысленно, и нравственно. Краснорѣчивому учителю отъ этого не могло поздоровиться.

Провозглашая разумность *всякой* дѣйствительности, Бѣлинскій здѣсь же опредѣляетъ ненавистнѣйшій для него порокъ — пошлость.

«Пошлы только тѣ, которыхъ мнѣнія и мысли не есть цвѣтки, плоды ихъ жизни, а грибы, наростающіе на деревахъ».

Этимъ людямъ не дано жить въ духѣ; слѣдовательно, жить въ духѣ, т. е. быть философомъ, хотя бы даже въ гегельянскомъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 2. Февраль.

[68]) *Былое и думы*. VII, стр. 125—6.

направленіи, по мнѣнію Бѣлинскаго, значитъ развивать идеи, какъ выводы и результаты жизни. Изъ тона письма можно заключить, что *такой* выводъ логически не ясенъ Бѣлинскому, но тѣмъ краснорѣчивѣе посылки: онѣ подсказаны инстинктомъ, натурой писателя, не замирающими ни предъ какими теоріями и авторитетами.

Очевидно, здѣсь не могутъ быть прочны внѣшнія, лично не провѣренныя вліянія. «Кто пляшетъ подъ чужую дудку, тотъ всегда дуракъ», заявитъ Бѣлинскій позже, но тоже—темное пока—сознаніе продолжаетъ работать неустанно и въ періодъ ученичества. Впослѣдствіи Бѣлинскій раскается въ «добровольномъ отреченіи отъ своей сущности» предъ Станкевичемъ именно потому, что раньше онъ расходился съ нимъ подъ вліяніемъ Бакунина.

Слѣдовательно, вліяніе Станкевича безусловно сильно, оно торжествуетъ, къ нему возвращается Бѣлинскій?

Такъ можно заключить изъ заявленій и поступковъ самого Бѣлинскаго. Въ началѣ онъ именуетъ Станкевича «огромной субстанціей» и преклоняется предъ его личностью и талантами, потомъ до конца жизни онъ отзывается о немъ не менѣе восторженно и портретъ Станкевича—единственный—украшаетъ его кабинетъ... Естественно было возникнуть всеобщему представленію на счетъ великихъ благодѣяній, оказанныхъ Бѣлинскому его товарищемъ. Представленіе составилось еще при жизни Станкевича, и ему приходилось настойчиво опровергать ихъ. Для насъ драгоцѣнны эти опроверженія: въ нихъ заключается гораздо больше исторической истины, чѣмъ во всѣхъ домыслахъ современниковъ и позднѣйшихъ историковъ.

Въ октябрѣ 1836 года Станкевичъ пишетъ:

«Не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Питеръ? Я—цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ *Телескопѣ*, подвергалъ цензорству Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посовѣтоваться, и очень часто послѣдовать его совѣтамъ» [69]).

Можетъ показаться, вопросъ касается преимущественно литературы, хотя Станкевичъ и говоритъ о «мнѣніяхъ». Но на самомъ дѣлѣ у Станкевича не было силъ оказывать на Бѣлинскаго другое вліяніе, кромѣ, такъ сказать, общевоспитательнаго. О немъ говорится въ томъ же письмѣ. Станкевичъ находитъ одну изъ статей Бѣлинскаго «неосторожной» и намѣренъ заявить ему объ этомъ. И мы не сомнѣваемся, мягкая, гуманная, всегда примиряюще-настроенная личность Станкевича могла оказывать смяг-

[69]) *Переписка*, стр. 200.

чающее воздѣйствіе на «неистоваго Виссаріона». Но натуры друзей были слишкомъ различны, прямо противоположны, чтобы кто-нибудь изъ нихъ могъ подчиниться другому.

Прежде всего слѣдуетъ ввести въ точные предѣлы общеизвѣстныя высокія качества Станкевича. Не слѣдуетъ ихъ ни преувеличивать, ни принижать, но, насколько возможно по существующихъ даннымъ, отдать имъ только должное.

Всю кратковременную жизнь Станкевича можно представить въ формѣ нѣсколькихъ стихотвореній; для дѣтства — лирическая пѣсня, для молодости—задумчивая идиллія, изящная элегія, подъ конецъ прерываемая сдержанными драматическими восклицаніями, и, въ заключеніе, преждевременная смерть. Правда, по распорядкамъ судьбы русскихъ писателей, не слишкомъ ранняя. Станкевичъ умеръ двадцати семи лѣтъ и можно назвать не мало литературныхъ дѣятелей, успѣвшихъ къ этому возрасту оставить весьма цѣнное наслѣдство. Отъ Станкевича у насъ важнѣйшее достояніе—его письма. Онъ только передъ смертью готовился приступить къ *жизни*.

Мы должны принять въ разсчетъ недугъ, медленно разрушавшій молодой организмъ, но, помимо физическаго порока, слѣдуетъ признать и нравственное препятствіе къ болѣе ранней «постройкѣ жизни». Безусловно устанавливая личную симпатичность Станкевича, историкъ обязанъ — независимо отъ трогательныхъ чувствъ — безпристрастно разобраться въ предметѣ, несомнѣнно, въ сильной степени опоэтизированномъ исключительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Станкевичъ провелъ такое же беззаботное дѣтство, какъ и глава другого кружка, современнаго Бѣлинскому—Герценъ. По поводу Герцена очевидцы разсказываютъ повѣсть нѣкоего золотого вѣка: такъ лелѣяли и обожали ребенка! Малѣйшее замѣчаніе приводило его въ изумленіе и онъ чувствовалъ себя неограниченнымъ принцемъ крови среди экзотическаго помѣщичьяго царства [70]). Барская избалованность оставила надолго свои слѣды въ характерѣ *Sonntagskind'a*. Университетъ, быстро пріобрѣтенное вліяніе среди студентовъ, крѣпкая оборона отъ покушеній начальства со стороны сильной семьи,—все это усыпало только лишними цвѣтами путь «Шушки».

Сопоставить эту поэму съ біографіей Бѣлинскаго значитъ во мгновеніе ока изъ «страны лимоновъ и апельсинъ» перенестись въ тундры. То же самое впечатлѣніе получится и при сравненіи той же біографіи съ жизнью Станкевича.

---

[70]) *Изъ дальнихъ лѣтъ*. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Спб. 1878. Томъ I. стр. 81 etc.

Герценъ имѣлъ возможность пить шампанское и угощаться рябчиками даже въ карцерѣ, и все-таки вызывать у родныхъ смертельное безпокойство, какъ бы не пострадало «слабое здоровье молодого человѣка», и, когда угодно, по щучьему велѣнью прекратить свое пріятное заключеніе. Рѣзвый ребенокъ Станкевичъ по шалости свободно могъ сжечь одну изъ отцовскихъ деревень... Все это, разумѣется, отнюдь не укоризны ни тому, ни другому, мы только желаемъ провести параллель между различными условіями, воспитавшими нашихъ дѣятелей.

Неугомонная рѣзвость золотого дѣтства смѣнилась, какъ водится, поэтически-мечтательной юностью. Стихи и любовь получаютъ преобладающее значеніе, и нѣмецкая поэзія, какъ самая богатая смутными романтическими предчувствіями и безпредѣльными неизглаголанными стремленіями, становится источникомъ счастья нашего юноши. Даже больше. Она—мѣрило жизни, она—вмѣстилище всѣхъ идеаловъ, доступныхъ молодому воображенію. Станкевичъ стихами умиряетъ свои огорченія, стихами исчерпываетъ смыслъ земного бытія и стихами же поднимается въ вѣчное царство свѣта и покоя.

Особенно чаруетъ его стихотвореніе Шиллера *Resignation*, *Самоотреченіе*. Поэтъ здѣсь говоритъ о себѣ, что онъ «въ Аркадіи родился», природа надѣлила его ранними радостями, но май отцвѣлъ и поэту пришлось подумать о вѣчности. Но поэтъ не страшится никакихъ огорченій. У него есть откровеніе, способное помирить его съ какой угодно житейской непогодой. Именно это откровеніе и повергало въ несказанное наслажденіе Станкевича. Онъ не переставалъ повторять:

«Кто тоскуетъ по другомъ мірѣ, тотъ не долженъ знать земныхъ наслажденій. Кто вкусилъ отъ земного наслажденія, тотъ да не надѣется на награду другого міра, гдѣ пышно разцвѣтаютъ только терніи и скорби нашего дольняго существованія».

Легко понять,—при такомъ настроеніи прекрасной душѣ представляются не особенно острыя терніи, и не чрезмѣрно мучительной—жертва наслажденіями. И съ устъ Станкевича не сходитъ фраза: *Es herrscht eine allweise Güte über die Welt—надъ міромъ царствуетъ премудрая благость...*

Заключеніе вполнѣ естественное послѣ описанныхъ нами «опытовъ жизни». Мы точно знаемъ также, что мыслитъ юный мечтатель подъ «подвигомъ»—это ничто иное, какъ «бѣгство отъ суетныхъ желаній и отъ убивающихъ людей», во имя «любви и жажды знаній»:

Пускай гоненье свѣта взыдетъ
Звѣздой злосчастья надъ тобой,

И міръ тебя возненавидитъ:
Отринь, попри его стопой!

Все это возможно именно съ «любовью» поэта, даже очень легко. Надземный міръ ему болѣе доступенъ, чѣмъ «дольній». Его близкіе люди именуютъ «небеснымъ». Онъ недоволенъ прозвищемъ, но не можетъ утверждать, чтобы онъ совсѣмъ былъ неповиненъ въ комическомъ эпитетѣ.

Онъ очень любитъ заявлять толпѣ свое презрѣніе къ ней и свидѣтельствовать объ ограниченности ея пониманія «мечтаній святыхъ». Эти мечты

Щедро платятъ за утраты
И съ небесами жизнь дружатъ...

Естественно для этихъ мечтаній — «міръ — безотвѣтная пустыня» [71]).

Небеса неотразимо заитересованы во всѣхъ ощущеніяхъ прекрасной души, переживающей длинную и многообразную исторію любви. Философія опять выражается стихами, на этотъ разъ гётевской «индійской легендой» *Gott und Bajadera*. Двукратный переводъ его былъ помѣщенъ въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, подъ названіемъ *Магадэва и Баядера* [72]). Здѣсь опять рѣчь идетъ о «правителяхъ неба» и о «надзвѣздныхъ чертогахъ», и въ общемъ, просвѣтленіе любовной страсти до высшаго блаженства.

Стихотвореніе это вызываетъ нервическій восторгъ у Станкевича и онъ намѣревается написать даже особую драму и взять темой исторію чувства любви отъ низшей ступени физическаго влеченія до приближенія къ горнему міру.

Мотивъ, какъ видимъ, весьма отличный отъ драмы Бѣлинскаго. И для насъ это не является неожиданностью. «Прекрасное моей жизни не отъ міра сего», пишетъ Станкевичъ, и дѣятельно принимается украшать всѣми цвѣтами своего воображенія всякое женственное созданіе, кажущееся ему роковымъ для его бытія.

Результаты—очевидны: мечты—безъ конца и смутныя состоянія души. Станкевичъ сознается, что онъ «боится всего опредѣленнаго, всего точнаго: это производитъ головную боль». Но зато все неуловимое, необъяснимо волнующее доводитъ юношу до крайней степени возбужденія.

Ему попалась въ руки музыка Шуберта—*Erlkönig* и вотъ какъ онъ разсказываетъ событіе:

«Это было послѣ обѣда, послѣ веселья, любезничанья. Я попробовалъ, и чуть не сошелъ съ ума! Иначе, кажется, нельзя было выразить это фантастическое прекрасное чувство, которое охватываетъ душу, какъ самъ царь младенца, при чтеніи этой

[71]) *Завѣтно*, стихотв. отъ 1833 года.

[72]) Первый разъ. Часть XVI, 1838 года, стр. 39—40, перев. П. Петрова.

баллады. Уже начало переносить тебя въ этотъ темный таинственный міръ, мчить тебя durch Nacht und Wind...»

Какую же плѣнительную вереницу ощущеній должна испытывать такая душа и какимъ далекимъ и чуждымъ долженъ представляться ей реальный міръ! Съ теченіемъ времени именно въ ощущеніяхъ она привыкнетъ находить свою нравственную пищу, незамѣтно для себя станетъ переоцѣнивать ихъ красоту и смыслъ и вообразитъ себя великой, одинокой и страдающей въ области своихъ грезъ и чувствъ.

Это исконный путь всѣхъ прекраснодушныхъ отщепенцевъ земной юдоли и неутомимыхъ изслѣдователей своихъ тайныхъ волненій и фантастическихъ образовъ. Это психологія гётевскаго Вертера.

Ничего въ сущности онъ неиспыталъ и не узналъ, никакихъ ударовъ судьбы онъ не видѣлъ даже какъ зритель, ни малѣйшаго «подвига» онъ не совершилъ,—онъ только полюбилъ, и этого происшествія достаточно, чтобы онъ влюбился въ собственную особу и вознесъ свою тонко-чувствующую и сладостно-томящуюся душу на недосягаемую высоту надъ «толпой» и сталъ взирать на весь міръ съ «меланхолической улыбкой». Это несомнѣнный нравственный недугъ, самовнушеніе маніи величія, геройство въ пустомъ пространствѣ, подвижничество среди фантасмагорій и призраковъ. Станкевичъ, разумѣется, несравненно выше по своей духовной организаціи гётовскаго горебогатыря. Блѣдная немочь вертерьянства не могла цѣликомъ овладѣть чуткой рыцарственной природой русскаго юноши тридцатыхъ годовъ, но весьма настойчивые отголоски реторической меланхоліи и пустопорожняго геройствованія слышатся намъ безпрестанно въ поэтическихъ исповѣдяхъ Станкевича.

Напримѣръ, стихотвореніе *Двѣ жизни*. Начинается оно совершенно въ вертеровскомъ стилѣ:

Печально идутъ дни мои,
Душа свой подвигъ совершила:
Она любила—и въ любви
Небесный пламень истощила.

Дальше оказывается, виной этого истощенія «два созданья»: въ нихъ поэтъ узналъ «міръ». Тоже вертеровскій способъ становиться ученымъ и философомъ! Конецъ не противорѣчитъ ни началу, ни срединѣ:

И мнѣ ль любить, какъ я любилъ?
Я ль пламень счастія разрушу?
Мой другъ, двѣ жизни я отжилъ
И затворилъ для міра душу...

Это—обычная ложь прекрасной души: кто способенъ въ «созданіяхъ» видѣть міръ, тотъ, навѣрное, не затворитъ для него

дверей,—совершенно напротивъ. Это просто фразерство праздпаго ума, путающагося въ тонкихъ сѣтяхъ полуотвлеченныхъ, получувственныхъ ощущеній. У разныхъ Чайльдъ-Гарольдовъ, Ренэ и всякихъ другихъ демоновъ крупной и мелкой породы подобныя упражненія—сущность всей жизни, у Станкевича—лишь стадія духовнаго развитія, но очень глубокая. Она подсказала нашему герою своего рода *Вертера*, повѣсть *Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Z.* Это въ полномъ смыслѣ *historia morbi*, проще—діагнозъ чахотки, поразившей грудь чрезвычайно экзотическаго созданія, почти эфирнаго и *небеснаго* по тонкости ощущеній, по изящной тоскѣ о любви и счастьѣ, по сверхъестественной способности испытывать «бури и грозы» подъ яснымъ небомъ.

Въ теченіе всего разсказа намъ жаль «это созданіе», какъ выражается самъ авторъ: преждевременная смерть, несомнѣнно, трогательна. Но надъ свѣжей могилой у васъ неотступно является мысль: вѣдь и сама жизнь «созданія» была сплошной агоніей и жалѣть собственно приходится не о смерти, а о самомъ появленіи на свѣтъ подобныхъ «обреченныхъ». Если вообще, по мнѣнію пессимистовъ, жизнь—скверная и неостроумная шутка, то жизнь съ наслѣдственной чахоткой—настоящій сарказмъ, жестокій и безжалостный. Пусть мы даже вполнѣ съ этимъ согласимся, вѣдь все-таки жить приходится и, волей-неволей, вести борьбу со всевозможными шутками и сарказмами, т. е., насколько возможно, *передѣлывать* жизнь и, слѣдовательно, привязывать идеи и дѣятельность не къ живой добычѣ смерти, а къ дѣлателямъ жизни. И пусть сочувственная слеза будетъ законной данью злополучнаго графа *Z*, мы все-таки должны непремѣнно уйти отъ его гроба возможно дальше, если только не желаемъ пребывать въ мертвецахъ, хоронящихъ мертвыхъ.

Станкевичъ не былъ такимъ мертвецомъ, но онъ пережилъ *мертвый* періодъ въ своей жизни. Признать этотъ фактъ неизбѣжно, сколько бы насъ ни подкупали прекрасныя грёзы и трогательнѣйшая исповѣдь поэтически-взволнованнаго сердца. Органическая болѣзнь Станкевича способствовала прекраснодушію и подъ конецъ безпрестанно окутывала его мглой меланхоліи и религіозной тоски. Безотрадныя думы по ночамъ, молитвы самоотреченія и покорности предъ верховной силой,—все это проливаетъ цѣлительный бальзамъ въ вѣчно трепетную грудь юнаго страдальца. Сильныхъ чувствъ не можетъ жить въ такой груди, и сколько бы намъ ни толковали о счастьѣ, любви и мукахъ разочарованія, мы знаемъ, какъ неглубоко прививаются «удары судьбы» какъ разъ къ прекраснымъ душамъ. Именно поэтому имъ безпрестанно приходится взвинчивать свои бури и грозы, чтобы удержаться на облюбованной исключительной высотѣ. Дѣло не можетъ

обойтись безъ реторики и софистики, и даже нашъ искренній герой будетъ съ гордостью изъяснять блаженство потерять существо, съ которымъ *разлучила тебя твоя мысль!..*

Гордость наивная до умилительности и не подозрѣвающая, какой подрывъ она совершаетъ собственному подвигу, до какой степени принижаетъ *чувство*, обижаетъ *существо* и извращаетъ *мысль*. Выигрываетъ развѣ только *идея изящнаго*, потому что, на первый взглядъ, дѣйствительно красиво не только побѣдить умомъ сердце, но даже обрести въ этой побѣдѣ блаженство.

Мы знаемъ, какъ далеко эстетическія ощущенія могутъ отстоять отъ принциповъ нравственнаго и идейнаго, какъ часто изящное вступаетъ въ противорѣчіе съ духовно-великимъ и разумнымъ, потому что изящное можетъ быть красотой формы и чистѣйшимъ волненіемъ физической природы человѣка. Изящное почти всегда приближается къ этому предѣлу, когда занимаетъ господствующее положеніе въ настроеніяхъ и міросозерцаніи поклонника красоты.

Станкевичъ именно такой рыцарь изящнаго, опять, должны мы оговориться, только временный, въ извѣстный періодъ своего духовнаго развитія. Но фактъ не теряетъ своего значенія и вполнѣ мирится съ другими намъ извѣстными чертами прекраснодушія. Станкевичъ чувство изящнаго называетъ своимъ единственнымъ наслажденіемъ, достоинствомъ и даже, *можетъ быть*, спасеніемъ. Онъ сочиняетъ чрезвычайно эфирную аллегорію *Три художника* на тему единства красоты во всѣхъ творческихъ искусствахъ. Аллегорія написана въ выспреннемъ тонѣ и въ ея образахъ вполнѣ достаточно романтической темноты и невысказаннаго таинственнаго краснорѣчія...

Остановиться на этой точкѣ значило бы дѣйствительно забыться и заснуть. Станкевича не могла постигнуть подобная участь. Романтизмъ и мечты были данью счастливому дѣтству и золотой молодости, но данью, въ высшей степени существенной.

У васъ неминуемо являются параллели: шиллеризмъ Бѣлинскаго—это стремительный протестъ Карла Моора, опека надъ человѣчествомъ, шиллеризмъ бури и натиска; у Станкевича шиллеровскіе мотивы—резиньяція, углубленное созерцаніе прекраснаго, душевное настроеніе эллинской идилліи или романтической элегіи и чувствительной баллады. Въ результатѣ исторія графа *Z* и трагедія Дмитрія Калинина: трудно даже представить болѣе яркіе и болѣе поучительные контрасты. Они даны первыми ступенями нравственнаго развитія того и другого дѣятеля, и они не могутъ не наложить своей печати на ихъ дальнѣйшій путь и на ихъ взаимныя отношенія.

XIV.

Станкевичъ, всегда искренній и чуткій, превосходно понималъ основной недостатокъ своей природы. Онъ, толкуя о гармоніи и примиреніи, не прочь идеализировать *женственныя* вліянія, женщину вообще за счетъ природы. Но, обращаясь на себя, онъ не можетъ не воскликнуть: «мнѣ надо больше твердости, больше жестокости!» [73]). Дальше, подчиняясь смутно влекущимъ мотивамъ искусства, сходя съ ума отъ романтической музыки, сопоставляя поэзію и науку, онъ долженъ сознаться: «не понимаю человѣка, который знаетъ о существованіи и спорахъ мыслителей, и бѣжитъ ихъ и отдается въ волю своего темнаго поэтическаго чувства» [74]). Наконецъ, ища воплощенія своихъ романтическихъ грезъ въ различныхъ женственныхъ существахъ, вожделѣя о любви, онъ томится въ то же время жаждой знаній и ясной практической мысли. Онъ даже теряетъ терпѣніе, охватываемый со всѣхъ сторонъ туманами нѣмецкой философіи и возстаетъ противъ покорной воспріимчивости русскаго юношества.

Онъ пишетъ Грановскому:

«Когда же нибудь надо послѣдовать внутреннему голосу и жить своею жизнью. Когда же нибудь надобно отбросить эту робкую уступчивость, эту ученическую скромность, стать лицомъ къ лицу съ тѣми обольстителями души, которые тайною, отрадною надеждой поддерживаютъ жизнь ея, и потребовать отъ нихъ вразумительнаго отвѣта» [75]).

Выводъ изъ всего этого ясный: жить надо для жизни, а не для отвлеченностей. Таково неустанное внушеніе Станкевича Грановскому, попавшему въ самое жерло нѣмецкихъ теорій и системъ. Еще важнѣе другое заключеніе, опредѣляющее самую сущность жизни: это—идея человѣческаго достоинства, какъ руководящій принципъ человѣческой дѣятельности. Идея—цѣль всѣхъ философскихъ занятій Станкевича и онъ, уяснивъ ее, хотѣлъ бы потомъ убѣдить другихъ и пробудить въ нихъ высшій интересъ [76]).

Цѣль вполнѣ достигалась, и именно этимъ фактомъ объясняется исключительное положеніе Станкевича среди товарищей. Предъ нами *дѣятельная* прекрасная душа, но мы не должны забывать, дѣятельная логически, умственно, духовно. Въ натурѣ Станкевича не было апостольской стихіи, какою въ высочайшей степени обладалъ Бѣлинскій. Мы хотимъ сказать, Станкевичъ не былъ одаренъ неусыпнымъ желаніемъ идею претворять въ фактъ и сдѣлать

---

[73]) *Біографія*, стр. 131, 159.

[74]) *Переписка*, стр. 184.

[75]) Письмо отъ 14 іюня 1836 года.

[76]) *Переписка*, стр. 159.

ее достояніемъ не только избранныхъ, но провозгласить ее какъ общую истину, бросить ее въ лицо толпѣ и міру и, если потребуется, встать за нее бойцомъ. Прекраснодушная основа личности осталась до конца, гипнотизировала-ли нашего героя музыка Шуберта, или онъ обращался къ своимъ друзьямъ съ призывомъ отдать всѣ свои силы просвѣщенію народа [77]).

Среди званыхъ нашлись избранные, съ точностью выполнившіе завѣтъ. Бѣлинскій также, навѣрное, неоднократно слышавшій подобныя рѣчи отъ Станкевича, оставался всю жизнь въ первомъ ряду просвѣтителей. Но именно въ этомъ вопросѣ и обнаружилось съ особенной яркостью различіе двухъ нравственныхъ типовъ, представляемыхъ друзьями.

Предъ нами драгоцѣнное свидѣтельство, вводящее насъ въ сущность вопроса безъ всякихъ нарочитыхъ толкованій. Станкевичъ и Бѣлинскій одинаково восторгались театромъ и оставили намъ множество изъясненій своего восторга. Мы возьмемъ по одному у каждаго и сопоставимъ ихъ: достаточно прочесть только фразы, чтобы придти къ опредѣленному выводу.

Станкевичъ пишетъ:

«Театръ становится для меня атмосферою; *прекрасное* моей жизни не отъ міра сего; излить свои чувства некому: тамъ, въ драмѣ искусства, какъ-то вольнѣе душѣ. Множество народа не стѣсняетъ ея, ибо надъ этимъ множествомъ паритъ какая-то мысль. Наше искусство не высоко, но театръ и музыка располагаютъ душу мечтать о немъ, объ его совершенствѣ, о прелестяхъ изящнаго, дѣлать планы эфемерные, скоропреходящіе»...

Бѣлинскій еще пламеннѣе описываетъ свои чувства, но посмотрите, какое это пламя и сопоставьте его съ мечтами о прелестяхъ изящнаго и съ планами эфемерными:

«Вы здѣсь живете не своею жизнью, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещите не за свою опасность; здѣсь ваше холодное *я* исчезаетъ въ пламенномъ эфирѣ любви. Если васъ мучитъ тягостная мысль о трудномъ подвигѣ вашей жизни и слабости вашихъ силъ, вы здѣсь забудете ее... Но возможно ли описать всѣ очарованія театра, всю его магическую силу надъ душою человѣческою? О! какъ было бы хорошо, если бы у насъ былъ свой народный русскій театръ... Въ самомъ дѣлѣ, видѣть на сценѣ всю Русь, съ ея добромъ и зломъ, съ ея высокимъ и смѣшнымъ, слышать говорящими ея доблестныхъ героевъ, вызванныхъ изъ гроба могуществомъ фантазіи, видѣть бойкіе пульсы ея могучей жизни»...

Предъ нами во весь ростъ идейный созерцатель и жизненный

---

[77]) Эпизодъ имѣлъ мѣсто въ Берлинѣ.—*Воспоминанія Невѣрова.* Р. Старина, XL, 419.

дѣятель, эстетикъ и публицистъ, философъ-поэтъ и мыслитель-борецъ.

Такъ это выйдетъ и въ дѣйствительности.

Когда Бѣлинскій возьметъ въ свои руки *Телескопъ*, надъ русской журналистикой немедленно повѣетъ новый раздражающій духъ,—кого негодованіемъ, кого восторгомъ. Станкевичъ также пообѣщаетъ свое участіе, но сейчасъ же начнетъ повторять роль «аристократическихъ сотрудниковъ», столь возмущавшихъ Погодина. Принимается онъ переводить статью о Гегелѣ, даетъ часть, но продолженіе оказывается во власти иронических судебъ: лакей Иванъ забылъ взять въ деревню номеръ иностраннаго журнала, необходимый для статьи!.. Станкевичъ комически изображаетъ бурное негодованіе Бѣлинскаго, но самому Бѣлинскому врядъ ли было до комизма: весь журналъ, крайне разстроенный Надеждинымъ и снабженный жалкими средствами, лежалъ на его отвѣтственности [78]).

Но даже если Станкевичъ и выполнитъ взятое на себя обязательство, онъ всѣми силами протестуетъ противъ наименованія *литераторъ*. Почему? Восторженный Бѣлинскій объяснялъ это «глубокимъ чувствомъ простоты», но, несомнѣнно, больше правды въ другомъ толкованіи: изящной, аристократической и въ сильной степени отрѣшенной натурѣ Станкевича претило наименованіе, какое приходилось раздѣлять съ менѣе всего почтенными и благородными фигурами современной журналистики.

Толкованіе подтверждается отношеніемъ Станкевича къ полемикѣ.

Біографъ очень мѣтко выражается на этотъ счетъ.

«Станкевичъ былъ служителемъ истины въ чистой, отвлеченной мысли, въ примѣрѣ своей жизни, и никогда не могъ бы служить ей на буйной ярмаркѣ современности» [79]).

Даже больше. Станкевича непріятно безпокоило все стремительное, энергическое. Онъ не могъ понять гнѣвныхъ настроеній ни въ какихъ случаяхъ, даже когда вопросъ шелъ о побѣдѣ истины надъ ложью. Въ природѣ, напримѣръ, онъ не могъ помириться съ кавказскими горами, какъ съ чрезмѣрно буйнымъ проявленіемъ стихійныхъ силъ. То же самое впечатлѣніе производили на него и человѣческіе порывы.

Очевидно, здѣсь почва для гегельянской гармоніи существовала сама по себѣ, независимо ни отъ какихъ діалектическихъ воздѣйствій. Ученіе о примирительномъ отношеніи къ дѣйствительности какъ нельзя болѣе совпадало съ первичнымъ нравственнымъ строемъ всей личности Станкевича, и онъ, слѣдовательно, по со-

---

[78]) *Переписка*, стр. 171.

[79]) *Біографія*, стр. 129.

вершенно различнымъ мотивамъ, чѣмъ Бѣлинскій, могъ впасть въ гегельянскій толкъ.

Тамъ былъ вопль истерзанной души, здѣсь—одинъ изъ давно знакомыхъ голосовъ тихихъ, кроткихъ мечтаній и стройныхъ возвышенныхъ думъ. Станкевичъ поэтому и не могъ впасть въ крайности и громить проклятіями «абстрактный героизмъ» шиллеровскаго Sturm und Drang'а. Онъ никогда и не зналъ шиллеризма въ этой формѣ, и, естественно, Бѣлинскому пришлось вступить въ распрю съ другимъ, лишь только онъ послѣдовательно развилъ свой новый культъ. Объ этомъ разногласіи съ Станкевичемъ на почвѣ гегельянства мы знаемъ отъ самого Бѣлинскаго, и оно въ высшей степени важно. Оно показываетъ, что значило для Бѣлинскаго воспринять идею. Въ результатѣ всегда начиналась діалектика не этой собственно идеи, только-что усвоенной, а *діалектика жизни*—личной, часто мучительной нравственной работы. «Покоя нѣтъ душѣ моей», всегда могъ сказать о себѣ Бѣлинскій, бывалъ ли одержимъ онъ «пошлымъ шиллеризмомъ», или «разумной» дѣйствительностью.

И безпокойство заключалось отнюдь не въ самыхъ идеяхъ, а въ стихійномъ, непреодолимомъ стремленіи Бѣлинскаго діалектику теорій слить съ діалектикой фактовъ. Для него не существовало идеала внѣ его осязательнаго воплощенія. Если идеалъ не воплощался, что-нибудь, значитъ, было неладно или съ идеаломъ, или съ дѣйствительностью, или идеалъ оказывался мертворожденнымъ, или дѣйствительность не поднималась на высоту идеала.

А отсюда уже прямой выходъ: или надо усовершенствовать идеалъ, или преобразовать дѣйствительность. Та и другая работа требуетъ громадныхъ усилій и всегда жестокой отвѣтственной борьбы. Все это и наполнило жизнь Бѣлинскаго именно потому, что онъ былъ свободенъ отъ вліяній самыхъ дорогихъ для него людей, и оставался *самъ по себѣ*.

Бакунинъ могъ только запутать его въ лабиринтѣ отвлеченностей и превратить въ эпикурейца діалектики, Станкевичъ—создать изъ него самое большое—почтеннаго передатчика послѣднихъ словъ европейской науки отечественной интеллигенціи. Въ первомъ случаѣ Бѣлинскій могъ бы и перейти предѣлы «разумной дѣйствительности», но вовсе не къ выигрышу русскаго общественнаго прогресса. Во второмъ—онъ доразвился бы до блестящаго популяризатора, но среди его заслугъ не числилось бы самой большой: таланта двигать и увлекать все, что только было и родилось потомъ на Руси чуткаго и рыцарственно-мыслящаго.

Бѣлинскій, помимо книгъ, могъ многое извлечь изъ личныхъ сношеній съ просвѣщенными пріятелями, и этотъ процессъ, разумѣется, былъ несравненно увлекательнѣе и *возбудительнѣе*, чѣмъ книжное самообученіе. Но дальше Бѣлинскій принадлежалъ себѣ,

и большею частью, наперекоръ только-что выслушаннымъ собесѣдникамъ, принимался такъ «неистовствовать и свирѣпствовать», что приводилъ въ ужасъ своихъ мнимыхъ учителей. И тѣмъ неожиданнѣе оказывалось положеніе учителей, что они не всегда понимали смыслъ воспріимчивости своего ученика именно къ даннымъ идеямъ. Они не видѣли какъ разъ *діалектики жизни* у Бѣлинскаго, всегда предшествовавшей и сопровождавшей *діалектику идеи*. Они, какъ, напримѣръ, Бакунинъ, становились въ позу авторитета въ то время, когда намѣченная жертва авторитета успѣла пережить цѣлый процессъ критики и провѣрки. Авторитетъ часто не видѣлъ и малой доли тѣхъ жизненныхъ фактовъ, не зналъ даже самой узкой полосы той дѣйствительности, гдѣ ученикъ былъ хозяиномъ и своимъ человѣкомъ.

Кроткая и христіанская семья Бакунинихъ, умилявшая Станкевича, барское Эльдорадо, взлелѣявшее Герцена, изысканно-культурная атмосфера, обвѣявшая дѣтство и молодость Станкевича, не могли дать всѣмъ этимъ роднымъ дѣтямъ судьбы даже отдаленнаго представленія о томъ, какъ жилъ и въ особенности, что̀ пережилъ одинъ изъ самыхъ нелюбимыхъ ея пасынковъ.

Какая рѣчь могла быть здѣсь о вліяніяхъ какихъ бы то ни было идей и рѣчей, когда всѣ эти рѣчи и идеи давно предупредила грозная правда, неразрывно сросшаяся съ каждымъ звѣномъ духовнаго роста ребенка, юноши, мужа! Если мы тщательно вдумаемся въ *историческій* жизненный путь, пройденный Бѣлинскимъ, если мы примемъ въ разсчетъ необыкновенную чувствительность и воспріимчивость почвы рядомъ съ исключительной жесткостью и тяготой посѣва, намъ покажутся прямо жалкими по своему сравнительному значенію и шиллеризмъ, и гегельянство, и промежуточныя, еще менѣе существенныя, вліянія *отвлеченныхъ* источниковъ.

И независимо отъ психологическаго анализа, мы на каждомъ шагу будемъ убѣждаться въ той же истинѣ по литературнымъ трудамъ Бѣлинскаго. Предъ нами съ каждымъ годомъ все выше будетъ расти и все ярче опредѣляться рѣдкостнѣйшій продуктъ русской почвы,—отъ начала до конца,—*self made man*, или еще точнѣе и выше: съ первой минуты сознанія до послѣдней предсмертной строки человѣкъ самъ себя самоотверженно искренне *создававшій* и съ неустаннымъ мужествомъ *проявлявшій*.

Это далеко не безусловно совпадающіе факты даже на самыхъ культурныхъ сценахъ: у насъ они—величайшая гордость нашего общественнаго самосознанія.

XV.

Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвела первая статья Бѣлинскаго на читателей разныхъ поколѣній и разныхъ литературныхъ направленій. Подобное впечатлѣніе было бы невозможно только при наличности какихъ угодно смѣлыхъ и новыхъ идей. Въ статьѣ было нѣчто другое, несравненно болѣе существенное для отзывчивости публики, чѣмъ отвага воззрѣній и свѣжесть мысли.

Смѣлые люди бывали и до Бѣлинскаго, въ бойкости пера Надеждинъ могъ никому не завидовать. Не были также исключительнымъ явленіемъ и преобразовательныя стремленія въ области критики. Изъ статей Веневитинова, Кирѣевскаго, Полевого и критиковъ-поэтовъ легко набрать достаточное количество рѣшительныхъ приговоровъ надъ старой русской литературой. Самъ Бѣлинскій при первомъ случаѣ выступилъ на защиту философской критики своихъ предшественниковъ, отдалъ должное идейнымъ стремленіямъ *Мнемозины*, заслугамъ профессора Павлова [80]). И не требовалось непремѣнно злого умысла и изощренной проницательности, чтобы въ раннихъ статьяхъ Бѣлинскаго, особенно въ первой, почуять ясные отголоски прежней и современной критической мысли. Это естественно: не съ Бѣлинскаго начиналась исторія русскаго слова. И мы понимаемъ,—отголоски для нѣкоторыхъ ушей могли казаться до такой степени внушительными, что собственно на долю личнаго ума и таланта Бѣлинскаго не оставалось ничего или очень мало: все принадлежало учителямъ-благодѣтелямъ.

Подобное впечатлѣніе, несомнѣнно, возобладало бы надъ удивленіемъ и восторгами, если бы молодой критикъ не обнаружилъ совершенно оригинальнаго, до него невѣдомаго качества. По исконному порядку всякое начинаніе въ области идей встрѣчается людьми недовѣріемъ и сомнѣніями. Очевидцы заранѣе предубѣждены противъ новой *независимой* умственной силы и для большинства достаточно смутнаго и отдаленнаго намека на *заимствованіе* и *повтореніе*, чтобы проглядѣть дѣйствительную новизну и оригинальность.

Этимъ объясняется свидѣтельство университетскаго товарища Бѣлинскаго:

«Кто только посѣщалъ лекціи Надеждина, не хотѣлъ вѣрить, что эти *мечтанія* писаны Бѣлинскимъ, а не Надеждинымъ» [81]).

Бѣлинскій самъ шелъ на встрѣчу такому настроенію. Онъ съ большимъ уваженіемъ припоминалъ о «правдѣ» Никодима Ари-

---

[80]) *Журнальная замѣтка*, по поводу нападокъ Булгарина на «домашнихъ нашихъ новомыслителей». *Сочиненія* II, 468—9.

[81]) Прозоровъ. *О. с.*, стр. 13.

старховича Надоумко, ссылался на его «премудрое слово», одобрялъ его «невѣжливыя выходки противъ тогдашнихъ геніевъ». Надоумко умѣлъ «припугнуть ихъ»,—теперь некому сдѣлать то же самое относительно «нынѣшнихъ» геніевъ. Естественно, ученикъ профессора будетъ продолжать старую систему, только при другихъ обстоятельствахъ.

Выводъ очень простой, и *литературныя мечтанія* могли сойти за редакціонную статью *Молвы*, написанную только не самимъ редакторомъ, а его ближайшимъ сотрудникомъ.

Этотъ сотрудникъ шелъ еще дальше въ своемъ ученическомъ рвеніи. Онъ осыпалъ похвалами даже Кочеповскаго, покровителя Надеждина, находилъ возможнымъ произнести почетное надгробное слово *Вѣстнику Европы*. Этотъ фактъ по всей справедливости слѣдуетъ признать идеально-философскимъ примиреніемъ съ *дѣйствительностью*, независимо отъ какой бы то ни было внѣшней системы.

Бѣлинскаго восхищала упорная борьба коснаго журнала противъ всѣхъ живыхъ теченій времени. Борьба, мы знаемъ, пароль и лозунгъ критика, и этому обстоятельству мы обязаны великимъ значеніемъ его дѣятельности. Но борьба, принципіально покрывающая слѣпое мракобѣсіе и способная оправдать тупое упорство въ области просвѣщенія и общественныхъ идей, перестаетъ быть жизненной силой, а превращается въ своего рода понятіе чистаго искусства. Вѣдь отрѣшенные поэты не желаютъ подвергать себя нравственному, вообще практическому суду, считая вполнѣ довлѣющими мотивами своего существованія самый процессъ пѣснопѣнія.

О Кочеповскомъ нельзя сказать и этого. Бѣлинскій, несомнѣнно, преувеличивалъ безкорыстіе и принципіальное благородство профессора, не отступавшаго въ борьбѣ съ своими критиками предъ совершенно нелитературнымъ оружіемъ. Критикъ, помимо явно взвинченныхъ и неосмотрительныхъ похвалъ Кочеповскому—издателю, спѣшилъ выразить уваженіе и къ его авторитету въ русской исторіи.

Все это не требовалось содержаніемъ статьи и должно быть признано результатомъ редакторскихъ внушеній.

Еще любопытнѣе проявленія тѣхъ же примирительныхъ чувствъ критика въ другихъ несравненно болѣе широкихъ вопросахъ. Мы знаемъ, что̀ пришлось Бѣлинскому пережить и передумать до своей первой статьи, знаемъ, какимъ благодѣтелемъ оказался для него университетъ и какія рѣчи подсказалъ ему современный строй жизни.

Теперь священный огонь юношеской трагедіи будто начинаетъ меркнуть и неудачный драматургъ, нашедшій пріютъ на страницахъ профессорскаго журнала,—готовъ остепениться и охладить

пылъ своего негодующаго сердца. Слѣдуетъ еще припомнить,— Бѣлинскій по выходѣ изъ университета старался пристроиться въ уѣздные учителя, и безуспѣшно. Съ его аттестатомъ благосклонное начальство могло предложить только мѣсто приходскаго учителя. Наконецъ,—отвращеніе къ университетской наукѣ и университетскимъ схоластикамъ, кромѣ того, глубокая обида за свое человѣческое достоинство, — единственныя чувства, вынесенныя Бѣлинскимъ изъ университетскихъ аудиторій.

И вдругъ послѣ всѣхъ этихъ опытовъ,—ода попеченіямъ правительства, какъ разъ о просвѣщеніи и въ томъ самомъ направленіи, гдѣ авторъ потерпѣлъ полный разгромъ.

Правительство, пишетъ авторъ, «издерживаетъ такія громадныя суммы на содержаніе учебныхъ заведеній, ободряетъ блестящими наградами труды учащихъ и учащихся, открывая образованному уму и таланту путь къ достиженію всѣхъ отличій и выгодъ». И дальше говорилось о «знаменитыхъ сановникахъ», чрезвычайно усердныхъ къ народному благу, объявлялось, что намъ не нужна «чуждая умственная опека», рисовалась умилительная критика «любознательнаго юношества въ центральномъ храмѣ русскаго просвѣщенія», и въ заключеніе провозглашался патріотическій девизъ: «православіе, самодержавіе и народность».

Но и на этихъ возгласахъ порывъ юнаго гражданина не останавливался. «Благородное дворянство» въ свою очередь должно получить дань славы. По наблюденіямъ автора, это дворянство принялось дѣятельно давать своимъ дѣтямъ «образованіе прочное и основательное». Нельзя было при этомъ торжественномъ обзорѣ великихъ доблестей русскаго государства миновать и другія сословія, купечество и духовенство. Выходило *omnes meliores!*— всѣ другъ друга лучше; купцы недаромъ такъ крѣпко держались за свои «почтенныя окладистыя бороды»; эти герои со временемъ «сдѣлаются типомъ народности». И вообще, будущее преисполнено блеска и силы: сѣмена созрѣютъ, и русская литература будетъ соперничать съ европейской.

Предсказаніе, имѣвшее за себя много основаній, но оно построено на соображеніяхъ чисто надеждинскаго стиля. У профессора патріотическій азартъ доходилъ вплоть до восхваленія русской физической силы, просто русскаго кулака. И Надеждинъ, въ качествѣ редактора, конечно, не имѣлъ ничего противъ, чтобы и его сотрудникъ вступилъ на тотъ же путь, говорилъ самыя чувствительныя слова, въ родѣ народности, національности, смышленности и усердія русскаго народа, и при случаѣ растолковывалъ ихъ въ духѣ извѣстнаго гимна *громъ побѣды раздавайся* и, по примѣру учителя, настоятельно требовалъ отъ литературы одъ въ честь русскаго оружія.

И, несомнѣнно, другой на мѣстѣ Бѣлинскаго достойно оправдалъ бы надежды своего редактора. Но профессорскія вліянія и, можетъ быть, весьма пристальныя внушенія, встрѣтили страшнаго врага—не столько въ воззрѣніяхъ сотрудника, сколько въ его личной природѣ. Онъ на первыхъ порахъ могъ весьма точно воспроизвести ту или другую мысль, увлекшую его воображеніе и чувство гармоніей и оптимистическими обѣтованіями. Рано надорванная грудь естественно искала хотя бы временнаго облегченія и хотя бы призрачной утѣхи. Но это, моменты и настроенія, сущность личности совершенно другая. Именно она и вызвала чрезвычайный откликъ у современныхъ читателей.

Всѣ, кто восторгался статьей Бѣлинскаго, менѣе всего могли сочувствовать усладительнымъ патріотическимъ волненіямъ его сердца. Но фразы, обличавшія нѣкоторый культъ дѣйствительности, очевидно, совершенно исчезали въ общемъ смыслѣ разсужденій и породили себѣ уничтожающій противовѣсъ въ другихъ изреченіяхъ, явно выражавшихъ личное *я* критика—внѣ всякихъ внѣшнихъ воздѣйствій.

Это *я* не заслонялось даже болѣе внушительными вліяніями со стороны, чѣмъ идеи Надеждина о любви къ отечеству и русской народности. Бѣлинскій съ обычной стремительностью спѣшилъ сообщить публикѣ свое посвященіе въ тайны шеллингіанства, по возможности, буквально воспроизводя эстетическія формулы школы. Имя Шеллинга не произносится: читатели должны открытія германскаго философа считать общеобязательными истинами.

Критикъ умѣетъ съ горячимъ воодушевленіемъ провозгласить то или другое шеллингіанское положеніе и явно стремится очаровать читателя его художественной красотой, а не логической основательностью. «Поэтическое одушевленіе есть отблескъ творящей силы природы». «Искусство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ». «Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ есть ничто иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи (мысли единаго вѣчнаго Бога), проявляющееся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи...»

Все это множество разъ читала русская публика и безъ конца слышали студенты, учившіеся у Надеждина. Естественно, критикъ доходилъ и до самаго выспренняго представленія о поэтѣ-художникѣ. Мы знаемъ, только этому исключительному созданію шеллингіанская философія уступала право познавать міровую тайну непосредственно—и новый критикъ принимаетъ истину на слово:

«Только пламенное чувство смертнаго, пишетъ онъ, можетъ постигать въ свои свѣтлыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души

вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечные, а кровь—чистый эѳиръ».

Мы видимъ,—критикъ усвоилъ даже ѳбразный языкъ шеллингіанцевъ и не прочь пуститься въ океанъ широковѣщательныхъ аллегорій и символовъ. У него вполнѣ достаточно лирическихъ чувствъ, чтобы соревновать съ какимъ угодно изъ своихъ предшедственниковъ по части восторговъ предъ красотой и величіемъ абсолютнаго тождества, предъ неотразимо-гармоническимъ развитіемъ природы нравственной, физической и предъ полнымъ сліяніемъ человѣческаго *я* съ общей міровою жизнью.

Отсюда, мы знаемъ,—совсѣмъ рядомъ идея о безсознательномъ и безцѣльномъ творчествѣ. «Безотчетно мгновенная вспышка воображенія»,—вотъ что глубоко трогаетъ Бѣлинскаго и окрыляетъ его краснорѣчіе на жестокую отповѣдь поэтамъ-филолофамъ и моралистамъ. Критикъ воздерживается отъ искушеній чистаго символизма, гдѣ даже и членораздѣльная человѣческая рѣчь является недостойнымъ умысломъ противъ художественной красоты неизглаголанныхъ ѳбразовъ. Мы встрѣчали шеллингіанцевъ, отважно устремлявшихся вплоть до безмолвнаго симпатическаго общенія душъ. Бѣлинскій остановился у самыхъ вратъ святилища,—и по всѣмъ даннымъ не имѣлъ ни силъ ни воли войти въ него.

Дѣло въ томъ, что предъ нами самый странный шеллингіанецъ и очень опасный послѣдователь московскихъ патріотовъ и эстетиковъ. Изъ его статьи мы могли извлечь не мало мыслей, уполномочивавшихъ Надеждина напечатать ее въ своей *Молвѣ*. Но въ то же время, изъ того же источника, читатели, только случайно заглядывавшіе въ надеждинскій журналъ и ничего не ждавшіе изъ ученаго Назарета,—почерпнули надежды на новую, еще не бывалую критику.

Противорѣчіе на первый взглядъ вопіющее, и, что особенно любопытно, самъ авторъ статьи его, повидимому, не подозрѣвалъ. Благонамѣренный оптимизмъ и всеобъединяющее и всепримѣряющее шеллингіанство уживались у него вполнѣ удобно съ идеями, несшими въ своемъ развитіи жестокую войну всяческому гражданскому оптимизму и философскому прекраснодумію.

Это сліяніе двухъ различныхъ, по существу даже противоположныхъ стихій—черта первостепенной важности въ первомъ періодѣ критики Бѣлинскаго. Въ психологическомъ отношеніи—это поучительнѣйшій случай, какой только можетъ представить личность писателя.

Бѣлинскій *создается* на нашихъ глазахъ, развивается не по своему дарованію, а по самому содержанію своей мысли и по нравственнымъ задачамъ своей личности. Мы присутствуемъ при *исторіи души*, и исторія эта съ совершенной откровенностью изла-

гается самимъ героемъ, публично, въ формѣ непрерывной исповѣди своихъ взглядовъ на всѣмъ доступныя явленія дѣйствительности. И притомъ исповѣдь отнюдь не преднамѣренно составленный обзоръ мыслей и поступковъ, а она сама—мысли и поступки.

Бѣлинскій весь заключенъ въ своихъ статьяхъ: внѣ литературы для него не было жизни, и въ жизни не было ничего, равноправнаго съ литературой. Это, можетъ быть, единственное явленіе въ исторіи человѣческаго ума и творчества. И оно съ полной яркостью обнаружилось въ первой же статьѣ.

XVI.

Посмотрите, что значитъ личность—для какихъ угодно отвлеченныхъ идей и въ области самыхъ отрѣшенныхъ чувствъ! Мы видѣли, какъ логически у русскихъ шеллингіанцевъ изъ основныхъ принциповъ школы вытекало презрѣніе ко всему наглядному, ясному и, слѣдовательно, жизненно значительному. Тамъ было исчезновеніе *ея* въ безграничномъ океанѣ мірового бытія, самоотреченіе личности во имя всепоглощающаго абсолютнаго духа.

У Бѣлинскаго тоже вопросъ идетъ о самоотреченіи, но какомъ! Переходъ совершается незамѣтно къ идеѣ вдохновеннаго созерцанія авторъ прибавляетъ только одно слово—*любовь*. Идея «не только мудра, но и любяща»,—вотъ и все положеніе,—но его достаточно, чтобы мы немедленно услышали восторженный гимнъ человѣческому самоотверженію уже не во имя абсолютнаго тождества, а во имя человѣчества, «для блага ближняго, родины»...

И картина мгновенно мѣняется.

Раньше мы слышали призывы къ познанію отъ вѣка скрытыхъ тайнъ, намъ толковали о художественномъ ясновидѣніи, объ исключительно эстетическихъ путяхъ къ міровой истинѣ. Теперь, однимъ порывомъ страстнаго чувства разорвана радужная паутина и предъ блаженно-задумчивыми очами созерцателя безграничныхъ вселенскихъ перспективъ открылась ограниченная, но неукротимо безпокойная сцена человѣческихъ страданій.

Такъ неожиданно молодой критикъ понялъ философскую идею самоотреченія!

Дальше окажется еще проще творчество и созерцаніе подмѣнить стремленіемъ и дѣятельностью. Старые шеллингіанцы много занимались силами природы, животнымъ магнетизмомъ, химизмомъ и прочими физическими явленіями. Все это у нихъ вело къ окончательному торжеству ничѣмъ неразрушимой гармоніи. Процессъ въ ихъ воззрѣніи игралъ второстепенную роль,—предустановленная цѣль замѣняла своимъ божественнымъ величіемъ смуту и нестройность отдѣльныхъ явленій.

Нашъ философъ измѣнитъ точку зрѣнія на противоположную. Его именно увлечетъ постепенное развитіе естественныхъ силъ, процессъ, т. е. борьба. И онъ провозгласитъ: противоборство силы сжимательной и расширительной въ природѣ то же самое, что борьба между добромъ и зломъ въ мірѣ нравственномъ. Еще одинъ шагъ,— и борьба окажется *сущностью* міровой жизни,—не самодовлѣющее спокойное тождество, а неустанное броженіе стихій. А отсюда уже непосредственный выводъ нравственнаго содержанія:

«Безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, безъ дѣйствованія нѣтъ жизни».

Но истина въ такой формѣ еще немного значила бы въ практическомъ смыслѣ: въ истину можно вѣровать и оставаться совершенно равнодушнымъ къ ея осуществленію.

Мы это и видѣли неоднократно,—убѣдились въ грустномъ фактѣ даже на ближайшихъ товарищахъ Бѣлинскаго.

Станкевичъ, несомнѣнно, зналъ тѣ же истины, какими вооруженъ Бѣлинскій въ первыхъ статьяхъ. Но познаніе не только не вело къ дѣлу, а даже, повидимому, способствовало усиленному желанію стать возможно дальше отъ непросвѣщенной черни. Послушайте, съ какимъ презрѣніемъ Станкевичъ говоритъ о политикѣ заграницей, какъ ему претитъ шумъ періодической печати: намъ невольно припоминаются такія же настроенія Карамзина при тождественныхъ обстоятельствахъ. И мы не знаемъ, много ли могла бы выиграть русская публика отъ нарожденія такихъ глубоко просвѣщенныхъ умовъ и тонко чувствующихъ душъ. Можетъ быть,— время и особенно—*неразумная* дѣйствительность вылечила бы аристократическаго философа отъ его недуга,—мы знаемъ только одно: Бѣлинскому въ этомъ смыслѣ не отъ чего было лечиться,—и онъ безъ всякихъ эволюцій и философской діалектики, чутьемъ своей дѣйственной натуры открылъ истинно культурную цѣль всякой мысли и всякаго таланта.

Припоминая отвращеніе Станкевича къ самому наименованію *литераторъ*, Бѣлинскій заявлялъ о себѣ:

«Я литераторъ, потому что это мое призваніе и мое ремесло вмѣстѣ».

Призваніе—это значитъ долгъ совѣсти, высшая нравственная цѣль жизни, не забава и не жажда успѣха. Только призваніе можетъ создать изъ человѣка героя, истину поставить для него выше личнаго разсчета, и именно въ терніяхъ пути открыть ему наслажденіе и высшее счастье духа, равное какому угодно высшему эстетическому самоуглубленію.

И теперь сопоставьте усладительныя воркованія служителей шеллингіанскаго тождества и впослѣдствіи рыцарей гегельянской діалектики съ слѣдующимъ самооткровеніемъ Бѣлинскаго: «Люди,

хладнокровные и умственной жизни, могутъ ли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О! имъ никогда не постичь, что за блаженство, что за сладострастіе души сказать какому-нибудь генію въ отставкѣ безъ мундира, что онъ смѣшонъ и жалокъ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну-журналисту обязанъ своею литературною значительностью; сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ въ кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка и что ему надо переучиваться съ азбуки, сказать какому-нибудь выходцу Богъ вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видону, какому-нибудь литературному торгашу, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которою занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ коихъ пользуется, что онъ поругался и надъ святостью истины и надъ святостью знанія, заклеймить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя бы она была и баронская, и показать его свѣту во всей его наготѣ!.. Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное»!

Вы видите,—здѣсь борьба не принципъ, не убѣжденіе, а просто сама натура писателя, и вы легко представите, что всѣ философскія внушенія, какъ бы они ни казались основательны отвлеченному уму Бѣлинскаго, будутъ рано или поздно отвергнуты и разбиты его органическими силами нравственнаго міра.

И теперь, — вы уже замѣтили, — въ перечисленіи смертельныхъ враговъ критикъ подошелъ какъ разъ къ издателю *Вѣстника Европы*, одному изъ «литературныхъ учителей» отсталыхъ, близорукихъ, невѣжественныхъ въ самой азбукѣ. По «вліяніямъ» Каченовскаго пришлось пощадить, даже одобрить,—но мы отлично знаемъ,—чего стоитъ эта снисходительность и какой прочности эти вліянія. Начинающему писателю трудно не считаться съ желаніями редактора, да еще въ положеніи Бѣлинскаго, и мы должны признать, можетъ быть, не одну уступку съ его стороны—своему покровителю и литературному воспріемнику.

Но уступки не шли дальше частностей, и надо изумляться наивности или безразличію редактора, пропускавшаго мимо глазъ сущность и чувствовавшаго полное удовлетвореніе отъ вводныхъ предложеній и примѣчаній.

Стремительность и неугомонность личности разобьетъ у Бѣлинскаго и болѣе тяжелыя цѣпи, чѣмъ подсказыванья Надеждина.

По философской эстетикѣ творчество должно быть безотчетно, своего рода пророческимъ наитіемъ,—и нашъ критикъ сумѣетъ

выразить эту истину въ очень краснорѣчивой формѣ. Истина дѣйствительно художественно-красива, *поэтична* и ставитъ извѣстныхъ избранниковъ на почти божественную высоту сравнительно съ обыкновенными людьми. Картина очень увлекательная для юнаго романтическаго воображенія, и Бѣлинскій стремительно подпишетъ подъ ней свое имя.

Но это—дань художественному чувству—есть нѣчто болѣе глубокое и болѣе *личное* у критика,—сладострастіе протеста. И стоитъ ему встрѣтиться съ человѣкомъ, отвѣчающимъ на эту страсть, онъ мгновенно забываетъ свои мирныя художественныя упоенія.

Такая встрѣча происходитъ съ Грибоѣдовымъ, и она подскажетъ критику поразительную идею о «палачѣ-художникѣ». Шеллингіанецъ отступилъ бы въ ужасѣ отъ подобной фигуры, но Бѣлинскій продолжаетъ:

«Каждый стихъ Грибоѣдова есть сарказмъ, вырвавшійся изъ души художника въ пылу негодованія»...

Въ комедіи Грибоѣдова имѣются недостатки, но они не мѣшаютъ *Горю отъ ума* быть «образцовымъ геніальнымъ произведеніемъ», а Грибоѣдову—«Шекспиромъ комедіи».

Этотъ приговоръ вскорѣ встрѣтитъ отпоръ въ другой философской эстетикѣ, въ гегельянской,—но и новое увлеченіе не помѣшаетъ звучать все тому же внутреннему голосу, подающему сочувственный откликъ только на могучія проявленія жизни и на независимыя стремленія духа.

Присмотритесь къ опредѣленіямъ, какія авторъ даетъ художественнымъ произведеніямъ, какъ онъ рѣзко подчеркиваетъ и безъ того энергичныя выраженія,—вы поймете размахъ совершающагося предъ вами умственнаго процесса. Комедія должна быть плодомъ *горькаго* негодованія, сарказмомъ, *судорожнымъ* хохотомъ... Гдѣ же здѣсь до художественности, лишенной нравственныхъ задачъ! Здѣсь, очевидно, не только существуетъ цѣль, но неуклонное намѣреніе достигнуть ее, т. е. «заклеймить *мстительною* рукой» преступниковъ и уродовъ.

И насъ не должны смущать явныя противорѣчія автора. То онъ осудитъ Фонвизина за излишнюю вѣрность его типовъ натурѣ, то превознесетъ Грибоѣдова именно за то, что его лица «сняты съ натуры во весь ростъ, почерпнуты со дна дѣйствительной жизни». Противорѣчіе объясняется просто: смѣхъ Фонвизина менѣе глубокъ и осмысленъ, чѣмъ у Грибоѣдова. Его умственный кругозоръ уже, душа мельче, чѣмъ у творца Чацкаго,—и критикъ не могъ остаться на чисто-художественной почвѣ. Идейная, нравственно-общественная стихія заговорила,—и ему невольно пришлось подыскивать эстетическія оправданія для совершенно неэстетическихъ сужденій.

Бѣлинскій упорно будетъ твердить: «цѣль вредитъ поэзіи», но въ то же время перестанетъ восхвалять сліяніе въ поэзіи мысли съ чувствомъ, пламенное сочувствіе природѣ. Очевидно.—одно понятіе уничтожаетъ другое, потому что мысль всегда предполагаетъ цѣль, а сочувствіе даже вдохновляетъ стремленіе къ поставленной цѣли. Критикъ восторженно отзывается о Веневитиновѣ какъ разъ о поэтѣ менѣе всего безотчетномъ, о поэтѣ—идейномъ по преимуществу.

И потомъ,—способенъ ли вообще нашъ авторъ составить извѣстную теорію творчества и по ней произносить свои приговоры?

Это вопросъ въ высшей степени важный. Всякая философская система владѣетъ своей эстетикой. Это извѣстно Бѣлинскому, и разсѣянные лучи шеллингіанской истины безпрестанно мелькаютъ въ *Литературныхъ мечтаніяхъ*. Впослѣдствіи то же самое должно повториться во имя другой системы.

Да,—искушеніе несомнѣнно: Бѣлинскій желаетъ стать съ вѣкомъ наравнѣ и даже укоряетъ Пушкина за то, что ему недоставало «нѣмецко-художественнаго воспитанія».

Это—жестокій упрекъ и могъ бы привести критика къ не менѣе безпощадному суду надъ Пушкинымъ, чѣмъ драматическіе діалоги Никодима Надоумко. Но и здѣсь опять возникаетъ столкновеніе послѣднихъ словъ чужой науки съ личными влеченіями критика.

Онъ по поводу неудачныхъ переводовъ Полежаева произноситъ крайне неосторожную, эстетически-ненаучную фразу: «какъ-то не идутъ въ душу». Вотъ, оказывается, гдѣ настоящій трибуналъ критики—и невѣжество Пушкина въ нѣмецко-художественномъ воспитаніи не помѣшаетъ Бѣлинскому сравнить его творчество съ теоріями и сдѣлать такой выводъ:

«Пушкинъ не говорилъ, что поэзія есть то или то, а наука есть это или это, нѣтъ, онъ своими созданіями далъ мѣрило для первой и до нѣкоторой степени показалъ современное значеніе другой».

Зачѣмъ же тогда и толковать о какихъ-то изъянахъ пушкинской поэзіи, разъ она сама по себѣ замѣняетъ всякую эстетику?

И именно Пушкинъ даетъ критику возможность показать, какой живой ключъ свободной мысли бьетъ въ его натурѣ, какъ неестественны и жалки всѣ внѣшнія воздѣйствія сравнительно съ этой органической силой.

Можно подивиться, какъ Надеждинъ допустилъ въ своемъ журналѣ такую характеристику пушкинскаго таланта. Она — первая въ русской литературѣ и только пять лѣтъ спустя въ *Отечественныхъ запискахъ* появится статья, равная ей по значенію и широтѣ взгляда. Статья переводная, авторъ ея нѣмецкій писатель Варнгагенъ фонъ-Энзе. Переводчикъ—Катковъ — сопроводитъ ее

предисловіемъ, полнымъ восторговъ предъ величіемъ Пушкина. Но этотъ лиризмъ уже не будетъ новостью. Пушкинъ при жизни могъ узнать, какое мѣсто ему принадлежитъ въ исторіи русской литературы.

XVII.

Сужденіе о Пушкинѣ—замѣчательнѣйшая страница въ первой статьѣ Бѣлинскаго. Эти нѣсколько строкъ раскрываютъ намъ сущность критическаго таланта Бѣлинскаго и показываютъ—теперь же съ полной ясностью, какими принципами будетъ руководиться критикъ и какія цѣли преслѣдовать,—независимо отъ теоретическихъ увлеченій той или другой философской системой.

Бѣлинскій пишетъ:

«Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чувствомъ и удивительною способностью принимать и отражать всѣ возможныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность «вѣковыхъ правилъ самою мудростью извлеченныхъ изъ писаній великихъ геніевъ», и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ правилахъ, о другихъ мірахъ мыслей и понятій, и новыхъ, неизвѣстныхъ ей дотолѣ взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ: Байронъ владѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да, Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, но міра русскаго, но человѣчества русскаго».

И дальше въ лирической картинѣ рисуется восторгъ, охватившій всю Россію при звукахъ пушкинской лиры.

Буквально то же самое услышатъ русскіе читатели и отъ иностраннаго критика.

Ворнгагенъ фонъ-Энзе будетъ доказывать, что Пушкинъ — «выраженіе всей полноты русской жизни и потому онъ національненъ въ высшемъ смыслѣ этого слова».

Бѣлинскій предвосхитилъ эту истину и исчисленіемъ общественныхъ заслугъ Пушкина подписалъ приговоръ всякой чисто-эстетической критикѣ. Сдѣлалъ онъ это не на основаніи какого бы то ни было художественнаго воспитанія, а по внушенію той самой силы, какая создала изъ Пушкина великаго національнаго поэта.

Пушкинъ обладалъ высшей чуткостью и отзывчивостью, его душа давала откликъ на всѣ явленія дѣйствительности. Такая же музыкальность природы—основное свойство Бѣлинскаго. Онъ—первый русскій критикъ-художникъ; въ первый разъ поэтическое творчество нашло прирожденнаго учинителя и сочувственника; русскіе поэты дождались въ полномъ смыслѣ родной души. Они не рисковали безпомощно биться будто о каменную стѣну о стихійное непониманіе художественнаго таланта литературными учителями и могли быть увѣрены—одержать побѣду въ личныхъ сочувствіяхъ критика, даже въ ущербъ его разсудочнымъ задачамъ.

Нечего было дѣлать здѣсь и какимъ угодно авторитетнымъ внушителямъ. Они могли на время обольстить вѣчно ищущій и увлекающійся умъ молодого писателя той или другой идеей, но разъ навсегда снабдить его готовымъ міросозерцаніемъ, оберечь свои внушенія отъ взрыва мятежныхъ инстинктовъ ученика—они были не въ силахъ, хотя и не понимали своего дѣйствительнаго положенія.

Мы увѣрены,—Надеждинъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что пріобрѣлъ себѣ самаго удобнаго, подручнаго сотрудника. Недаромъ онъ вскорѣ передастъ ему даже редакцію своихъ журналовъ, нисколько не опасаясь неожиданностей и возмущеній. Если его и останавливала по временамъ слишкомъ стремительная рѣчь Бѣлинскаго,—онъ въ ту же минуту успокоивался: онъ и самъ говорилъ сильныя фразы и изощрялъ перо въ заносчивомъ бою съ «нигилистами». Развѣ могъ бывшій обыватель патріаршихъ прудовъ допустить другой смыслъ въ страстныхъ изліяніяхъ критика! Герои преднамѣреннаго риторства и политики личнаго разсчета съ трудомъ вѣрятъ въ чужую искренность,—и Бѣлинскій могъ подъ покровительствомъ Надеждина начать полное разрушеніе всѣхъ старыхъ порядковъ, сложившихся на русскомъ ученомъ Парнассѣ.

Но, конечно, ближайшее личное и писательское соприкосновеніе съ такимъ наставникомъ, какъ Надеждинъ, не могло пройдти безнаказанно. Бѣлинскій своему профессору обязанъ противорѣчіями, легкомысленнымъ лиризмомъ и нерѣдко явнымъ старовѣрческимъ наслѣдіемъ сановныхъ эстетиковъ. Большое удовольствіе долженъ былъ получить редакторъ отъ настоящей оды своего сотрудника вѣку Екатерины, ея орламъ, громамъ побѣдъ и завоеваній и русскому духу—въ разгулѣ «величавыхъ и гордыхъ вельможъ». Все это дышало умилительной наивностью, стоявшею вполнѣ на высотѣ профессорской исторической философіи и торжественныхъ академическихъ рѣчей.

Но критикъ, къ сожалѣнію, и здѣсь собственными руками разбивалъ очаровательный призракъ. Зачѣмъ онъ похвалилъ Грибоѣдова, какъ палача-художника! Вѣдь этотъ палачъ первою жер-

твой заклеймилъ какъ разъ восторженнаго поклонника очаковскихъ временъ и екатерининскихъ орловъ. Фамусовъ съ великимъ благоволеніемъ выслушалъ бы рѣчь нашего критика о временахъ Максима Петровича и сталъ бы втупикъ, узнавъ немного позже о своей «печати ничтожества» въ грибоѣдовской комедіи.

Намъ ясна—смута и нестройность первой статьи Бѣлинскаго. Мы можемъ сказать больше: статья, очевидно, не была строго продумана раньше, чѣмъ авторъ рѣшилъ положить ее на бумагу. Она—рядъ скорѣе настроеній, взволнованныхъ чувствъ и сильныхъ впечатлѣній, чѣмъ логическихъ мыслей. Она менѣе всего цѣльное разсужденіе, она дѣйствительно поэтическое произведеніе въ прозѣ, не столько *элегія*, какъ ее называетъ самъ авторъ, сколько лирическая поэма. Она важна для насъ не столько отдѣльными сужденіями, сколько *психологической основой*, единственно вполнѣ прочнымъ и выдержаннымъ элементомъ. Она самооткровеніе не столько критика, сколько человѣка.

Критикъ едва уловимъ. Однѣ его идеи можно опровергнуть другими или остаться въ полномъ недоумѣніи насчетъ истиннаго взгляда автора. Но не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ нравственной *личности* автора.

Самъ Бѣлинскій, повидимому, понималъ этотъ смыслъ своего перваго литературнаго шага. Онъ въ той же статьѣ отказывается считать себя литераторомъ и писателемъ, а настаиваетъ на «честномъ и добросовѣстномъ человѣкѣ». И въ качествѣ такового онъ могъ впадать въ самую непосредственную откровенность съ читателемъ, сознаваться ему, что онъ—авторъ—мало знакомъ съ Гёте «по незнанію нѣмецкаго языка».

Это выходило даже трогательно, но, разумѣется, болѣе на общей почвѣ человѣческой честности, чѣмъ писательскаго авторитета.

Такъ и мы должны цѣнить всю статью.

Бѣлинскій еще ищетъ своего пути. Природа снабдила его чуднымъ компасомъ, и рано или поздно поиски непремѣнно приведутъ къ вѣрной цѣли. Но пока молодой критикъ на распутьи,—и это мучительное состояніе будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ.

Руководителя, способнаго указать путь,—нѣтъ на лицо. Учителей сколько угодно; у каждаго свой символъ вѣры и въ каждомъ символѣ, какъ всегда, имѣется своя привлекательная сторона. Бѣлинскому именно привлекательность должна особенно бросаться въ глаза, потому что для него принципы литературной дѣятельности—основы самой жизни. Онъ не можетъ услаждаться самымъ процессомъ поисковъ, существовать среди утонченно-эпикурейской игры въ діалектику, въ нескончаемое созиданіе и и разрушеніе полуистинъ и полузаблужденій. Мы слышали, лите-

ратура—его призваніе, это значитъ—его вѣра и религія, и ему, слѣдовательно, нуженъ практическій догматъ, а не чистая теорія.

Естественно, онъ страстно будетъ возставать противъ всяческихъ недомолвокъ и особенно противъ «комплиментовъ и мадригаловъ», т. е. сдѣлокъ и отступленій. Онъ до послѣдняго звена доведетъ философскую идею, именно потому, что ему необходимо указаніе для практическихъ дѣйствій. И друзьямъ-гегельянцамъ стоитъ только сообщить ему общія основы системы,—онъ независимо отъ дальнѣйшихъ внушеній продѣлаетъ весь логическій процессъ и самостоятельно придетъ къ тѣмъ самымъ практическимъ приложеніямъ системы, какія будутъ освящены самимъ учителемъ.

Пока онъ держится шеллингіанскихъ вдохновеній. Болѣе года спустя послѣ *литературныхъ мечтаній*, мы слышимъ восторженную характеристику чувства изящнаго. Она излагается въ такихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, что не всякій шеллингіанецъ, по крайней мѣрѣ не поэтъ-романтикъ, рѣшился бы на подобный апофеозъ.

Бѣлинскій какъ разъ впадаетъ въ ту самую опасность, на какую указывалъ даже Шиллеръ. Онъ не желаетъ различать границъ эстетическаго и нравственнаго воззрѣнія. По его мнѣнію, «эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности». Но послушайте, что слѣдуетъ дальше, что значитъ на языкѣ критика,—*изящное*.

Уничтоживъ Сѣверо-Американскіе Штаты за равнодушіе къ изящному, Бѣлинскій продолжаетъ:

«Гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со зломъ, а избѣгаютъ его, избѣгаютъ его не по ненависти ко злу, а изъ разсчета. Цивилизація тогда только имѣетъ цѣну, когда помогаетъ просвѣщенію, а, слѣдовательно, и добру—единственной цѣли бытія человѣка, жизни народовъ, существованія человѣчества. Погодите, и у насъ будутъ чугунныя дороги и, пожалуй, воздушныя почты, и у насъ фабрики и мануфактуры дойдутъ до совершенства, народное богатство усилится, но будетъ ли у насъ религіозное чувство, будетъ ли нравственность, вотъ вопросъ! Будемъ плотниками, будемъ слесарями, будемъ фабрикантами, но будемъ ли людьми,—вотъ вопросъ!»

Обратите вниманіе: искусство упоминается лишь въ началѣ рѣчи, дальше оно подмѣняется просвѣщеніемъ, добромъ, религіознымъ чувствомъ, нравственностью, даже просто человѣческимъ званіемъ. Энергичнѣе невозможно разсуждать и дальше идти некуда. Шеллингъ въ искусствѣ видѣлъ самооткровеніе міровой сущности, но что значитъ эта метафизическая истина съ жиз-

ненными, вполнѣ осязательными задачами, возложенными критиками на искусство? И теперь посмотрите, какой результатъ, у философа и у моралиста.

Въ области философіи можно безнаказанно дѣлать какія угодно широкія обобщенія и открытія. Все равно это предметъ вѣры и созерцанія, а не общеубѣдительнаго доказательства. Но разъ открытіе вы совлекли съ неба на землю, вы немедленно предъявите ему неотразимые запросы по части жизненнаго значенія и смысла. Страшная опасность для метафизическаго сооруженія, буквально такая же какъ для развѣнчиваемаго и разоблачаемаго кумира, только-что недосягаемо красовавшагося на пьедесталѣ среди зачарованныхъ идолослужителей.

Бѣлинскій систематически продѣлывалъ этотъ процессъ со всѣми завоеваніями философской діалектики и, конечно, раньше другихъ въ божествѣ открывалъ просто раззолоченнаго истукана.

Открытіе неминуемо должно произойти прежде всего съ идеей изящнаго. Обольщенный романтической таинственной красотой шеллингіанскаго представленія о творчествѣ и творческомъ геніѣ,— Бѣлинскій эстетику возвелъ въ науку наукъ и «единственною цѣлью критики» призналъ «усиліе уяснить и распространить господствующія понятія своего времени объ изящномъ». Дальше оказывается, — это значило удовлетворять общественной «жаждѣ образованности». Сообщать публикѣ «нѣмецкія начала» эстетики и быть «гувернеромъ общества»—одно и то же! [82])

Достаточно такой постановки вопроса, чтобы предсказать неминуемое крушеніе замысла,—и въ самомъ близкомъ будущемъ.

Для переворота не потребуется никакихъ нарочитыхъ опытовъ, ни практическихъ, ни умственныхъ,—а просто теорію нельзя будетъ сблизить съ жизнью. А это—первостепенная и исконная задача критика. И онъ, въ силу вещей, начнетъ просвѣщать общество не столько нѣмецкими началами, сколько русской дѣйствительностью,—и теоріи, разумѣется, придется отступить на задній планъ, а потомъ и окончательно исчезнуть.

Въ то самое время, когда такъ широковѣщательно провозглашалась всеобъемлющая власть изящнаго и нѣмецкихъ теорій,—Бѣлинскій впервые встрѣтился съ самымъ плодотворнымъ своимъ учителемъ, вѣрнѣе, другомъ по сродству душъ, художникомъ-реалистомъ. Этотъ другъ впослѣдствіи затмитъ жизненнымъ смысломъ своихъ произведеній всѣ философскія идолопоклонства Бѣлинскаго. Гоголь — истинный воспріемникъ и двигатель его критическаго генія.

---

[82]) О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ *Московскаго Наблюдателя* 1836-й годъ.

XVIII.

Въ періодъ преклоненія предъ гегельянскимъ ученіемъ о разумной дѣйствительности Бѣлинскій глубоко страдалъ отъ одного неустранимаго противорѣчія. Оно воплощалось въ лицѣ Лермонтова. Критикъ не могъ не поддаваться очарованію этого мощнаго таланта; всякое стихотвореніе Лермонтова было для него праздникомъ и онъ спѣшилъ даже подѣлиться счастьемъ съ своими друзьями. Но одно обстоятельство удручало Бѣлинскаго. Лермонтовъ не только не обнаруживалъ примиренія съ дѣйствительностью, но протестовалъ противъ нея всѣми силами души и таланта.

Это—любопытный фактъ. Онъ показываетъ, какъ трудно было Бѣлинскому правду жизни подчинить логикѣ умозрѣнія. И, если Лермонтовъ вносилъ разладъ въ гегельянство Бѣлинскаго, Гоголь выполнилъ ту же самую роль относительно раннихъ эстетическихъ вѣрованій критика. Художественная основа природы Бѣлинскаго противъ его воли оказывала ему незамѣнимыя услуги на пути также къ полной идейной независимости.

Вѣрный шеллингіанецъ—непремѣнно романтикъ, и мы объясняли тѣснѣйшую психологическую и культурную связь между шеллингіанствомъ и романтизмомъ. А романтикъ, значитъ поэтъ высшихъ явленій, пѣвецъ неземной красоты и исключительнаго героизма, и мы видѣли, какъ трудно было русской критикѣ помириться съ мотивами пушкинской поэзіи, слишкомъ мелкими и общедоступными. Реализмъ, какъ литературное направленіе, признавался вполнѣ и безповоротно только Пушкинымъ, т. е. первымъ художникомъ эпохи, критика не успѣла дорости до «фламандскаго сора» и даже устами Полевого все еще только толковала о грандіозности Гюго и Шекспира.

Бѣлинскій, захваченный талантомъ Гоголя,—немедленно присоединилъ свой голосъ къ восторгамъ Пушкина предъ тѣмъ же талантомъ. И въ русской критикѣ впервые появляется *теорія реальнаго искусства.*

Обратите вниманіе—на краснорѣчивое совпаденіе. Въ *Литературныхъ мечтаніяхъ* опредѣлено общее значеніе Пушкина,—спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тоже самое—сдѣлано относительно Гоголя. Никакія теоріи не помѣшали и не помогли критику совершить эти два дѣла. И они не были бы совершены, если бы критикъ для своихъ сужденій располагалъ только оружіемъ отвлеченной эстетики. Его оригинальное преимущество предъ литературными учителями заключалось въ прирожденной—*чувствуемой* эстетикѣ и голосъ ея прорывался сквозь чужія авторитетнѣйшія рѣчи

всякій разъ, когда творческое явленіе своею мощью дѣйствовало на непосредственную воспріимчивость критика.

Было бы въ высшей степени любопытно рѣшить вопросъ, насколько Бѣлинскій былъ знакомъ съ гегельянской философіей въ моментъ сочиненія статьи *О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя?*

Статья напечатана въ «Телескопѣ» за 1835 годъ, въ томъ же году нѣсколько позже помѣщенъ переводъ французскаго *Опыта о философіи Гегеля*. Авторъ перевода Станкевичъ. Съ другой стороны, извѣстно, что не Станкевичъ, а Бакунинъ преимущественно просвѣщалъ Бѣлинскаго въ гегельянствѣ, и просвѣщеніе это падаетъ на половину 1837 года. Съ этого времени Бѣлинскій дѣйствительно принимается обожать дѣйствительность и приносить ей самоотверженныя жертвы.

Но если Бѣлинскій въ началѣ 1835 года еще не былъ гегельянцемъ,—то основы для воспріятія ученія о дѣйствительности, несомнѣнно, существовали. И Гоголю, такимъ образомъ, пришлось сыграть двойную роль въ критическомъ развитіи Бѣлинскаго.

Сначала—его спокойное творчество и добродушный юморъ повѣстей очаровали критика жизненной полнотой и правдой. Бѣлинскому не стоило большихъ усилій—понять слабость шиллеровскаго романтизма именно по части естественности и выйти изъ-подъ вліянія громовыхъ рѣчей Карла Моора и маркиза Позы. Это было дѣломъ простоличнаго умственнаго и эстетическаго роста критика и ему незачѣмъ было ждать гегелевой дѣйствительности, чтобы разоблачить шиллеровскую мечтательность.

Уже въ *Литературныхъ мечтаніяхъ* Грибоѣдовъ восхваляется за реализмъ его типовъ, Гоголь могъ только повысить тонъ восхваленій и вызвать у критика уже рядъ обобщеній.

Эти соображенія важны не только для оцѣнки критическаго таланта Бѣлинскаго, но и для уясненія его психологической исторіи. Гегельянство явилось для него такой же естественной и неизбѣжной ступенью развитія, какъ и ранніе отголоски фихтіанскаго героическаго воззрѣнія на личность, шеллингіанскаго ученія объ искусствѣ; Бѣлинскій-юноша непремѣнно долженъ былъ пережить полосу романтизма. Это вытекало изъ самой природы юности и еще болѣе изъ житейскихъ условій. Бѣлинскій—романтикъ легко, почти безсознательно становился фихтіанцемъ въ презрѣніи къ дѣйствительности и въ идеализаціи субъекта и въ тѣхъ же романтическихъ мечтаніяхъ могъ почерпать сочувствія шеллингіанской эстетикѣ. Она, возвеличивавшая творчество и, слѣдовательно, художниковъ, являлась однимъ изъ приложеній ученія Фихте о всемогуществѣ субъекта.

Романтическій угаръ смѣнился болѣе спокойной вдумчивостью и отрезвленіемъ чувствъ. Бѣлинскій становился реали-

стомъ и по своимъ житейскимъ воззрѣніямъ и по своимъ литературнымъ вкусамъ. Дѣйствительность логически выступила на первый планъ и одинъ изъ первыхъ симптомовъ новыхъ настроеній—восторги предъ реальной поэзіей Гоголя.

Но еще полнаго разрыва нѣтъ съ прошлымъ. Бѣлинскому еще дороги образы, вѣявшіе на него очарованіемъ сверхъестественной силы въ годы ранней молодости. Преклоняясь предъ талантомъ Гоголя, онъ спѣшитъ сказать защитительное слово и въ честь Шиллера. Онъ указываетъ на его искренность и даже глубину мысли. Онъ съ меланхолической улыбкой сожалѣнія провожаетъ въ даль невозвратнаго прошлаго свои вдохновенныя мечты и, приближаясь къ жизненной правдѣ, не можетъ забыть былыхъ наслажденій идеалами.

Это начало поворота на новый путь, первое *распаденіе* въ духовномъ развитіи критика. Бѣлинскій не остановится, потому что не можетъ остановиться,—на половинчатомъ міросозерцаніи. Идеи Гегеля упадутъ на почву вполнѣ подготовленную и въ высшей степени благодарную, потому что онѣ сами по себѣ совпадутъ съ заранѣе совершающимся процессомъ въ умѣ Бѣлинскаго.

Приступая къ разбору произведеній Гоголя, Бѣлинскій задаетъ вопросъ, умѣстный вообще въ устахъ противника фихтіанскаго міросозерцанія:

«Развѣ... не всѣ убѣждены, что Божіе твореніе выше всякаго человѣческаго, что оно есть самая дивная поэма, какую только можно вообразить, и что высочайшая поэзія состоитъ не въ томъ, чтобы украшать его, но въ томъ, чтобы воспроизводить его въ совершенной истинѣ и вѣрности?».

Выводъ: «поэзія реальная, поэзія жизни, поэзія дѣйствительности истинная и настоящая поэзія нашего времени. Ея отличительный характеръ состоитъ въ вѣрности дѣйствительности; она не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкою зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины».

Критикъ не отступаетъ предъ «безпощадной откровенностью» искусства, убѣжденъ, что въ поэтическомъ представленіи всякая дѣйствительность прекрасна. Гдѣ истина, тамъ и поэзія, тамъ же и нравственность. «Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него».

Это—защита не только реальнаго искусства, но и подлиннаго натурализма, только безъ преднамѣреннаго выбора исключительно отрицательныхъ явленій. Критикъ вообще противъ тенденціозности и притязательности. Онъ предоставляетъ таланту полную сво-

боду и твердо увѣренъ, что талантъ самъ по себѣ и народенъ, и нравственеиъ, и полонъ поучительнаго содержанія. Это все та же восторженная вѣра въ незамѣнимыя достоинства творческихъ способностей человѣка. Но критикъ оказался вынужденнымъ сдѣлать оговорку насчетъ *выбора* явленій. Въ высшей степени существенное ограниченіе таланта!

Гдѣ выборъ, тамъ анализъ, разсудокъ, слѣдовательно, *оцѣнка* фактовъ съ точки зрѣнія ихъ нравственнаго достоинства и жизненной значительности. Очевидно, одного вдохновенія недостаточно для созданія «полной, обновленной и единой картины». Въ какой мѣрѣ аналитическая способность должна принимать участіе въ творческомъ процессѣ—вопросъ едва ли разрѣшимый. Даже больше,—врядъ ли возможно съ рѣшительной общеобязательной точностью установить предѣлы естественнаго выбора и преднамѣреннаго подбора. Тамъ, гдѣ для одного художника—непосредственный голосъ его поэтической природы, для другого—уже тенденція. И тотъ же Гоголь, по убѣжденію Бѣлинскаго, спокойный и безпристрастный созерцатель и воспроизводитель дѣйствительности, для остальной современной критики—нарочитый изобразитель всего грязнаго и уродливаго въ русской жизни. И самъ Гоголь будто давалъ право такъ смотрѣть на его, по крайней мѣрѣ, позднѣйшія произведенія.

Вѣдь признавался же авторъ по поводу *Ревизора*, что онъ «рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое зналъ», всѣ несправедливости и «за однимъ разомъ» посмѣяться надъ всѣми.

Развѣ это не выборъ ради полноты и въ то же время развѣ не откровенное сознаніе въ преднамѣренности?

Очевидно, вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ онъ представлялся Бѣлинскому. Въ творчествѣ, точнѣе, въ творческомъ процессѣ заключаются двѣ силы—непосредственныя внушенія дѣйствительности и переработка этихъ внушеній личностью художника. И Бѣлинскій не правъ, приписывая все значеніе самой дѣйствительности, *фактамъ*, реальной истинѣ. Такая идея не далеко отъ того, что тотъ же Гоголь называлъ *проступкомъ*, т. е. отъ «рабскаго буквальнаго подражанія природѣ». Бѣлинскій прекрасно усвоилъ шеллингіанское представленіе о художественномъ творчествѣ, тождественномъ съ процессомъ мірового развитія: безцѣльность съ цѣлью, безсознательность съ сознаніемъ. Геній, какъ и природа, дѣйствуетъ безсознательно, но результаты дѣятельности являются цѣлесообразными.

Это въ высшей степени увлекательная философія,—поэтическая и величественная,—но въ ней не раскрывается *психологическая* тайна творчества. О *сознаніи* природы мы не имѣемъ никакого опредѣленнаго представленія, между тѣмъ какъ та же способность—

основная сила нравственнаго міра человѣка. И нѣтъ даже логическаго основанія, не только опытнаго,—отождествлять *міровой процессъ съ субъективнымъ* — психологическій процессъ съ органическимъ и на этомъ отождествленіи строить практическіе выводы, распространяющіеся на человѣческую дѣятельность.

Для такихъ выводовъ необходимо безусловно выйти изъ предѣловъ метафизики и исключительно у психологіи искать требуемыхъ отвѣтовъ.

Бѣлинскій, напримѣръ, въ той же статьѣ о Гоголѣ и по поводу все той же безцѣльности и безсознательности припоминаетъ *Горе отъ ума*: по *чистѣйшей нравственности* эта комедія стоитъ рядомъ съ «спокойнымъ юморомъ» Гоголя. Такова мысль критика.

Но всякому ясно, какая громадная разница въ *настроеніяхъ* Грибоѣдова, создававшаго Чацкаго,—и Гоголя, живописавшаго старосвѣтскихъ помѣщиковъ или поручика Пирогова. Гоголь только подъ конецъ жизни, когда онъ задался открыто проповѣдническими цѣлями, принялся сочинять монологи для своихъ героевъ, но отъ собственнаго лица.

Какъ же теперь разграничить преднамѣренность и сознательность? Никакая эстетика не рѣшитъ этого вопроса и онъ всякій разъ рѣшается *эмпирически*, т. е. для каждаго случая отдѣльно. Единственный, по нашему мнѣнію, общій выводъ возможенъ только въ общей психологической формѣ: идеальная художественная природа—гармоническое сліяніе творческихъ силъ съ нравственнымъ міросозерцаніемъ, соотвѣтствіе способности наблюдать и воспринимать—силѣ анализировать и понимать, видѣть и постигать, воспроизводить и осмысливать — вотъ высшая цѣль человѣческаго духа и, слѣдовательно, поэтическаго таланта. Въ результатѣ *истина* творческихъ образовъ по преимуществу будетъ зависѣть отъ того свойства художника, какое Бѣлинскій выражаетъ непереводимымъ французскимъ словомъ—*concevoir*, отъ воспріятія, *значительность* произведенія отъ того, что критикъ называетъ *выборомъ*, сознательностью. Но только сознательность эта простирается гораздо дальше, чѣмъ думаетъ Бѣлинскій, дальше желанія воспроизвести непроизвольно воспринятую идею. Писатель сознателенъ не потому только, что у него достаточно воли сѣсть за столъ и закрѣпить перомъ на бумагѣ свое «таинственное ясновидѣніе», свой «поэтическій сомнамбулизмъ», какъ выражается критикъ. Выборъ долженъ быть направленъ и у высшихъ творческихъ организацій необходимо на самыя явленія, на содержимое сомнамбулизма,—и именно результатъ выбора свидѣтельствуетъ о глубинѣ вдумчивости, анализа, силы—критикующей и оцѣнивающей.

Въ зависимости отъ этого взгляда мѣняются и задачи критики.

Бѣлинскій, оставаясь на чисто-философской почвѣ художествен-

наго созерцанія, упорно продолжаетъ считать обязанностью русскаго критика—«распространять въ своемъ отечествѣ извѣстныя основныя понятія объ изящномъ». Его гипнотизируетъ выспреннее метафизическое представленіе о *творчествѣ* и онъ только случайно и невольно оговаривается насчетъ другихъ духовныхъ способностей, не менѣе необходимыхъ генію, чѣмъ и простому смертному.

Эта односторонность выводила изъ терпѣнія даже Боткина. Онъ негодовалъ, что Бѣлинскій «крѣпко сидитъ на художественности», и находилъ, что «отъ этого его критика еще далеко не имѣетъ той свободы, оригинальности, того простого и дѣльнаго взгляда, къ которымъ онъ способенъ по своей природѣ».

Дальше Боткинъ выражается еще энергичнѣе противъ силы, порабощавшей богатую природу Бѣлинскаго: «нѣмецкія теоріи чуть не убили здравый смыслъ въ нашей критикѣ» [83]).

Мы видѣли,—Бѣлинскому удавалось весьма ярко проявлять этотъ смыслъ съ самаго начала. Теоріи не помѣшали критику провозгласить Гоголя истиннымъ поэтомъ и распознать основную силу его таланта. Природа Бѣлинскаго не замолкала при самомъ настойчивомъ шумѣ теорій. Ей теперь предстоитъ самое тяжелое испытаніе, потому что теорія на первыхъ порахъ какъ будто совпадетъ съ «здравымъ смысломъ» и пойдетъ на встрѣчу естественнымъ запросамъ самой природы. Бѣлинскій находится въ періодѣ излѣченія отъ собственнаго поэтическаго сомнамбулизма; положительный умъ беретъ верхъ надъ туманными внушеніями чувства; правда и сила жизни борется съ блескомъ и тщетой воображенія.

И какой же увлекательной желанной гостьей должна показаться философія, возводящая въ перлъ созданія эту правду и силу, философія дѣйствительности!

XIX.

Въ маѣ 1835 года Надеждинъ вышелъ изъ университета и собрался ѣхать заграницу. На время отсутствія онъ передалъ завѣдываніе *Телескопомъ* и *Молвой* Бѣлинскому. Молодой редакторъ разсчитывалъ на помощь друзей и, мы знаемъ,—обманулся въ ней. Станкевичъ даже прямо писалъ: «разумѣется, я не стану тратить времени на *Телескопъ*» и отводилъ для него «два-три часа свободныхъ» по воскресеньямъ. Но, очевидно, и эти часы заполнялись другими заботами, рѣже всего журнальными.

Бѣлинскому пришлось работать за всѣхъ. Задача усложнялась еще матеріальными условіями изданія. Надеждинъ не выполнилъ своихъ обязательствъ предъ подписчиками и его замѣстителю

---

[83]) *Анненковъ и его друзья*, стр. 527.

приходилось одновременно издавать запоздавшія книжки и готовить матеріалъ для будущихъ.

Всѣ старанія не могли увѣнчаться успѣхомъ. Бѣлинскій издалъ только половину книжекъ, и Надеждинъ, вернувшійся изъ заграницы, свидѣтельствовалъ подписчикамъ, что это обстоятельство совершенно не зависѣло отъ редакціи, т. е. отъ Бѣлинскаго [84]).

Новая редакція начала дѣйствовать, вѣроятно, немедленно послѣ выхода пятой книги журнала за 1835 годъ. Эта книга разрѣшена цензурой 17-го мая и въ этомъ мѣсяцѣ Надеждинъ уѣхалъ изъ Москвы. Мы, слѣдовательно, можемъ точно опредѣлить направленіе редакторской дѣятельности Бѣлинскаго.

Несомнѣннымъ выраженіемъ сочувствій редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ является статья о философіи Гегеля, напечатанная въ концѣ 1835 года. Это довольно поверхностное произведеніе должно было имѣть значеніе не только для журнала, но и для самого редактора.

Мы знаемъ, съ какой страстью изучалась нѣмецкая философія въ Москвѣ. Гегельянству принадлежало первое мѣсто въ этомъ усердіи русской молодежи. Герценъ разсказываетъ: «Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней» [85]).

Но подобная храбрость не могла осуществляться всѣми, кто жаждалъ истины. Легко было Станкевичу и Бакунину разсчитывать свои часы на свободные и не свободные, утопать въ діалектическихъ омутахъ и въ выспренныхъ полетахъ въ нездѣшній міръ,—Бѣлинскому была рѣшительно не доступна эта роскошь. Не могъ онъ соревновать и Герцену, почувствовавшему желаніе «ex ipsa fonte bibere» пить изъ самого источника. Оставалось слушать пріятелей, да читать переводныя статьи.

И статья Вильма, переведенная Станкевичемъ, имѣла для Бѣлинскаго большой смыслъ, была однимъ изъ «источниковъ».

Отсюда онъ узналъ, что цѣль современнаго поколѣнія создать церковь рядомъ съ государствомъ. Гегель это объясняетъ такъ: «Всемірный духъ въ послѣднія времена былъ слишкомъ занятъ дѣйствительностью, чтобы войдти въ себя и сосредоточиться; теперь, когда нѣмецкая нація возвратила свою національность, основаніе всякой живой жизни, мы можемъ надѣяться, что рядомъ съ государствомъ возникнетъ и церковь, что, заботясь о царствѣ міра сего, снова помыслятъ и о царствіи Божіемъ; другими сло-

---

[84]) *Отъ издателя*, 26 октября 1836 года. *Телескопъ* № 24.

[85]) *Былое и думы*, VII, 121.

вами, что, рядомъ съ политическими интересами и повседневною дѣйствительностью, процвѣтетъ, наконецъ, наука, свободный и раціональный міръ ума».

Гегель шелъ дальше, по пути отреченія отъ внѣшняго міра во имя философскаго самоуглубленія. Онъ требовалъ *отвлеченія* отъ всякаго бытія, непосредственно даннаго человѣку, ищущему истины: необходимо отказаться отъ самого себя, заставить умолкнуть всѣ свои чувства. Дорога длинна и утомительна, но счастливцы возвращаются изъ путешествія полные вѣры.

Гегель и сливалъ свою философію съ религіей. Поглощая въ новой системѣ всѣ предшествовавшія ученія, какъ подготовительныя стадіи, онъ притязалъ на окончательную высшую истину. Исторія философіи—развитіе самосознанія духа, гегельянство — вѣнецъ этого пути и послѣднее звѣно въ великой цѣпи идей и міровоззрѣній.

Гегельянство, не личный вымыселъ философа, не плодъ его творчества и разума, а логическій и естественный результатъ многовѣкового движенія человѣческой мысли. Гегель только истолкователь процесса и его завершенія. Его система, слѣдовательно, одновременно и непогрѣшимо-разумна, какъ наука, и общеобязательна, какъ религія. Съ одной стороны это—послѣдняя всеобъединяющая глава въ исторіи философіи, съ другой, безусловная практическая истина, предметъ вѣры и принципъ жизни.

Въ послѣднемъ значеніи гегельянство и должно было собрать вокругъ себя всѣхъ, кто искалъ нравственной и вдохновляющей опоры для своего существованія. До Гегеля успѣли другіе предложить разныя системы философской и даже научной религіи и русское юношество уже считало въ своей средѣ служителей сенсимоновской церкви и горячихъ исповѣдниковъ шеллингіанства. Менѣе прочнымъ изъ двухъ культовъ оказалось шеллингіанство еще въ толкованіяхъ учителя затерявшееся въ туманѣ лирической метафизики и романтическаго символизма. Для сенсимонизма требовалась особая нравственная почва,—съ рѣзко развитыми политическими и соціальными инстинктами. Сенсимонизмъ—философія отъ начала до конца преобразовательная, протестующая и совершенствующая практически, въ непосредственномъ столкновеніи съ повседневной дѣйствительностью.

Въ началѣ XIX-го вѣка сенсимонизмъ и во Франціи нашелъ крайне ограниченный кругъ послѣдователей. Только послѣ реставраціи, во времена іюльской монархіи,—идеи школы стали распространяться и постепенно входить въ политическія программы.

Естественно,—въ Россіи еще менѣе было данныхъ для прививки сенсимонисткихъ сѣмянъ. Большинству гораздо привлекательнѣе казалось совершенно противоположное ученіе, свободное отъ вся-

каго революціоннаго и отрицательнаго наслѣдія восемнадцатаго вѣка и проникнутое успокоительнымъ оптимизмомъ и примиряющими запросами къ дѣйствительности и человѣческой личности.

Въ политическомъ отношеніи гегельянство явилось однимъ изъ симптомовъ нравственной усталости и общественной реакціи эпохи, слѣдовавшей за разрушительной работой просвѣтителей и революціонеровъ. Вся метафизическая часть системы Гегеля совершенно блѣднѣла предъ этимъ ея непосредственно-жизненнымъ смысломъ.

Гегель началъ съ призыва отрѣшиться отъ мелкой будничной дѣйствительности и уже этотъ призывъ былъ реакціей предыдущей дѣятельной полосѣ германской общественности. Дальше Гегель вводилъ своихъ слушателей въ созерцаніе діалектическаго развитія духа, гдѣ одинаково все необходимо, все форма истины, все, слѣдовательно, разумно. Такъ въ популярной формѣ ученики понимали учителя. Отсюда еще болѣе популярный выводъ: всякій фактъ имѣетъ свое мѣсто въ міровомъ процессѣ, свою дѣйствительность, т. е. свою разумность.

Можно было, конечно, оговориться, какъ впослѣдствіи и дѣлалъ Бѣлинскій, не все то разумно, что̀ дѣйствительно,—но *практически* эта оговорка имѣла чисто индивидуальный смыслъ. Кто могъ опредѣлить точную мѣру *разумной дѣйствительности* въ каждомъ отдѣльномъ приложеніи идеи къ наглядной дѣйствительности?

Опредѣляя исторію философіи, какъ постепенное развитіе одной и той же философіи, какъ откровеніе одной и той же истины, Гегель различаетъ идеи отъ ихъ историческихъ формъ. По мнѣнію философа, если *очистить* основныя начала системъ, являющихся въ исторіи, отъ всего, что принадлежитъ внѣшней ихъ формѣ и частному примѣненію, то получатся различныя степени абсолютной идеи, т. е. идеи опредѣляемой логически.

Но очевидно, этому процессу очищенія, выдѣленія идеи отъ случайныхъ наслоеній должно предшествовать точное познаніе самой идеи. Историкъ заранѣе долженъ ясно представлять предметъ своихъ поисковъ, иначе онъ не отличитъ безусловнаго отъ случайнаго.

И самъ Гегель эти поиски сравниваетъ съ сужденіями о человѣческихъ дѣйствіяхъ. Чтобы судить о нихъ, надо имѣть понятіе о справедливости и долгѣ.

Теперь представляется вопросъ,—откуда же получается познаніе абсолютной идеи, если оно должно предшествовать изученію ея историческаго откровенія? Оно—плодъ діалектически-развивающагося разума. Но не отъ этого «мірового духа» зависитъ отличить идею отъ формы, а отъ личнаго разума философа.

Ясно, слѣдовательно, что тотъ или другой приговоръ надъ *историческимъ* проявленіемъ истины зависитъ отъ такихъ же «слу-

чайностей», какія сопровождаютъ воплощеніе идеи въ извѣстныхъ формахъ, и положеніе: *что дѣйствительно, то разумно*—или имѣетъ безчисленное множество индивидуальныхъ толкованій или одно, гдѣ историческое примѣненіе идеи сливается съ ея логической сущностью.

Такъ это и вышло въ практическихъ выводахъ самого Гегеля. Его нѣмецкій біографъ Гаймъ—называетъ гегельянство «философіей реставраціи», и Гайму рѣдко приходилось на своемъ вѣку давать столь мѣткія опредѣленія. Гегель не только отлично уживался съ прусской реакціей первой четверти нашего вѣка, но быстро стяжалъ положеніе государственнаго философа и завѣдомаго діалектическаго первосвященника всѣхъ догматовъ, какіе будетъ угодно провозгласить прусскому правительству.

Эта карьера не представляла ничего неожиданнаго. Гегель отъ природы былъ совершенно лишенъ того, что именуется политическимъ чувствомъ и гражданскимъ достоинствомъ. Онъ даже Гёте далеко оставилъ за собой по части косности и равнодушія къ судьбѣ Германіи въ эпоху освободительной борьбы съ Наполеономъ. Въ то время, когда страна напрягала всѣ силы—сломить постыдное иго, Гегель восторгался демоническимъ положеніемъ Наполеона и недовѣрчиво острилъ надъ нѣмецкими мечтами объ освобожденіи.

У философа, очевидно, не было отечества въ современной дѣйствительности; онъ нашелъ его нѣсколько лѣтъ спустя, когда патріотическій голосъ Фихте потребовалось замѣнить изліяніемъ чиновничьихъ чувствъ по торжественнымъ случаямъ.

Гегель оказался чрезвычайно талантливымъ истолкователемъ прусскихъ порядковъ, вдохновленныхъ меттерниховскими конгрессами. Гегель не отступалъ и предъ прямыми личными нападками на людей независимыхъ и мечтательнаго направленія сравнительно съ прусской философіей субординаціи. У Гегеля также былъ свой культъ личной силы и оригинальности, но только оффиціально призванной проявлять свое могущество.

Бонапартистскіе инстинкты, общіе у Гегеля съ Гёте, остались до конца и находили удовлетвореніе въ маленькихъ бонапартахъ нѣмецкой крови. Для этихъ господъ особенно было цѣнно, что профессоръ берлинскаго университета всегда умѣлъ подыскать философскую подоплеку ихъ задушевнымъ думамъ. Если Фихте создалъ философію субъективизма съ цѣлью поднять и воодушевить униженную Германію, у Гегеля имѣлся въ распоряженіи настоящій философскій камень, именуемый разумной дѣйствительностью и способный мѣнять цвѣта и оттѣнки отъ предѣловъ абсолютной идеи вплоть до полицейскаго гоненія вообще на идеи.

Такъ Гегель самъ истолковалъ свою философію, какъ практи-

ческое ученіе. И при всей разрушительности діалектическаго метода, темнотѣ и двусмыслiи терминовъ, неуловимой софистикѣ общихъ выводовъ,—такое именно толкованіе, очевидно, являлось самымъ достовѣрнымъ и экскурсіи учениковъ по другимъ направленіямъ были достояніемъ ихъ юношеской стремительности, легковѣрія или просто неразумія.

Ничей авторитетъ никогда такъ быстро и безнадежно не падалъ, какъ авторитетъ Гегеля. Только мыслители въ родѣ Тэна все еще томились надъ давно загнившимъ и распавшимся сооруженіемъ. Но и теперь гегельянство, какъ практическое воззрѣніе, постояло за себя. Если судить по восторгамъ Тэна предъ произведеніями Гегеля, Франція нѣмецкому философу обязана воспитаніемъ одного изъ самыхъ слѣпыхъ реакціонеровъ и ограниченныхъ мыслителей второй половины нашего вѣка.

Мы видѣли, чѣмъ было гегельянство для прекрасныхъ душъ въ родѣ Станкевича,—тѣми же гармоническими напѣвами о мірѣ и созерцаніи, какіе звучали въ меланхолическихъ стихотвореніяхъ нѣмецкой музы въ родѣ *Резиньяціи*, *Баядеры*. Другого искалъ Бѣлинскій. Его томила жажда по такой истинѣ, какую можно бы поставить въ основу кипучей дѣятельной жизни и въ то же время съ уравновѣшенными, освѣженными силами идти своимъ путемъ наперекоръ всѣмъ мнимымъ истинамъ и очевиднымъ обманамъ.

Бѣлинскому нужно было одновременно и успокоиться отъ своихъ безплодныхъ романтическихъ покушеній на могущественнаго духа земли и приготовиться къ борьбѣ за какой-либо догматъ, за высшую правду. Для его ближайшихъ друзей гегельянство—лишняя принадлежность ихъ богатаго житейскаго комфорта, для него—источникъ вдохновенія, новаго безпокойства; тамъ—доминирующая нота къ усладительной симфоніи, здѣсь—воинственный призывъ.

И пока Бакунинъ и Станкевичъ будутъ сладостно опутывать свои мысли и чувства тонкой калейдоскопической паутиной безконечной діалектики, скупать, по словамъ Герцена, брошюры уѣздныхъ и губернскихъ нѣмецкихъ гегельянцевъ и смаковать ихъ на невозмутимомъ барственномъ досугѣ,—Бѣлинскій успѣетъ вывести учителя на чистую воду.

Герценъ напрасно съ нѣкіимъ изумленіемъ передаетъ свою бесѣду съ Бѣлинскимъ насчетъ крайнихъ выводовъ, сдѣланныхъ критикомъ, изъ гегелевскихъ положеній. Бѣлинскій подтвердилъ самое, по мнѣнію своего собесѣдника, невѣроятное предположеніе и прочелъ ему *Бородинскую годовщину* Пушкина.

Отвѣтъ Бѣлинскаго былъ точнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ самыхъ умозаключеній, какія сдѣлалъ самъ Гегель въ качествѣ политическаго мыслителя, и Бородинскія статьи писались въ строгомъ духѣ гегельянскаго государственнаго ученія.

Если Герценъ считалъ выводъ Бѣлинскаго неправильнымъ, видѣлъ явную непослѣдовательность, онъ долженъ бы раскрыть ее Бѣлинскому. Этого не было сдѣлано во-время, не произошло и позже, когда Герценъ приписывалъ одному изъ произведеній Гегеля—*Феноменологіи духа*—чрезвычайное вліяніе на складъ истинно-современнаго человѣка. Краснорѣчивая фраза не сопровождалась никакими реальными доказательствами. Правда, тэновскій лиризмъ также чисто словесный, но тамъ всякому ясно, въ чемъ тайна восторга: Гегель обѣими руками могъ бы подписаться подъ революціонной исторіей Тэна. Герценъ—человѣкъ другой планеты сравнительно съ французскимъ историкомъ, отчего же ему было не раскрыть глаза Бѣлинскому на другіе идеальные предѣлы гегельянства, чѣмъ Бородинскія статьи?

Еще удивительнѣе положеніе Бакунина.

Этотъ первоучитель гегельянства обратился къ компромиссу, по словамъ Герцена, хотѣлъ *заговорить* обоихъ противниковъ его, Герцена и Бѣлинскаго. Подобный пріемъ еще менѣе могъ остепенить «неистоваго Виссаріона».

И опять напрасно Герценъ статью Бѣлинскаго *Бородинская годовщина* называетъ «яростнымъ залпомъ»—по нимъ—либерально-мыслившимъ философамъ. «Я прервалъ тогда съ нимъ всѣ сношенія», прибавляетъ Герценъ. Это также не было убѣдительно для Бѣлинскаго.

Въ результатѣ онъ предоставленъ самому себѣ, своей вѣчно работающей мысли. Бородинскія годовщины явились отнюдь не преднамѣренной вылазкой противъ враговъ, а страстной, лично необходимой исповѣдью возбужденной души.

XX.

Бѣлинскій первый періодъ своей дѣятельности называетъ «телескопскимъ ратованіемъ». Это—точная характеристика чрезвычайно энергичныхъ статей критика. Онъ вполнѣ оправдалъ надежды Полевого и Лажечникова и менѣе чѣмъ за два года успѣлъ вызвать страстные отклики—вражды и восторга. Врагамъ оказалось совершенно не подъ силу бороться съ Бѣлинскимъ литературными средствами. *Литературныя мечтанія*, при всѣхъ противорѣчіяхъ и неясностяхъ, ошеломили петербургскихъ и московскихъ журналистовъ невиданной внутренней силой и ослѣпительнымъ блескомъ формы. Впослѣдствіи даже такой солидный и сдержанный ученый, какъ Гротъ, принужденъ будетъ признать въ статьяхъ Бѣлинскаго «душу» [86]), а будущій журналъ Плет-

[86]) *Переписка*, I, 376.

нева *Современникъ* уже теперь спѣшитъ выдѣлить новоявленнаго критика изъ сонмища остальныхъ ненавистныхъ ему журналистовъ.

Въ журналѣ появляется письмо въ редакцію, несомнѣнно, съ вѣдома, а можетъ быть и по внушенію Пушкина. Бѣлинскій въ первой своей статьѣ готовъ былъ пропѣть отходную пушкинскому творчеству, но здѣсь же давалъ такую блестящую аттестацію таланту поэта, что Пушкинъ не могъ не почувствовать новаго слова въ страстныхъ изліяніяхъ критика. И будто въ отвѣтъ на нихъ явилось *Письмо къ издателю*.

Оно первое опредѣляло значеніе критическаго дарованія Бѣлинскаго, и Пушкинъ, первый привѣтствуя геній Гоголя, имѣетъ право считать за собой, по крайней мѣрѣ, косвенную заслугу—самой ранней оцѣнки первостепеннаго русскаго критика.

Неизвѣстный корреспондентъ, возражая на статью Гоголя *О движеніи журнальной литературы*, писалъ:

«Жалѣю, что вы, говоря о *Телескопѣ*, не упомянули о г. Бѣлинскомъ. Онъ обличаетъ талантъ, подающій большую надежду. Если бы съ независимостью мнѣній и съ остроуміемъ своимъ соединялъ онъ болѣе учености, болѣе начитанности, болѣе уваженія къ преданію, болѣе осмотрительности,—словомъ, болѣе зрѣлости: то мы бы имѣли въ немъ критика весьма замѣчательнаго» [87]).

Бѣлинскій шелъ къ указаннымъ цѣлямъ. Учености онъ стремился удовлетворить возможно основательнымъ знакомствомъ съ послѣднимъ словомъ германскаго любомудрія; уваженіе къ преданію должно было дойти до крайнихъ предѣловъ въ прямой зависимости отъ только что пріобрѣтенной учености.

«Телескопское ратованіе» прекратилось вмѣстѣ съ *Телескопомъ*, и Бѣлинскій нѣкоторое время оставался не у дѣлъ. Попытки пристроиться къ петербургскимъ изданіямъ не увѣнчались успѣхомъ; слишкомъ ретиво стоялъ молодой писатель за независимость своихъ мнѣній и, естественно, внушалъ оторопь издателямъ и редакторамъ. Съ начала 1838 года открывается новое поприще. *Московскій Наблюдатель* отцвѣталъ, не успѣвши разцвѣсть и, мы знаемъ, Бѣлинскій съ своей стороны пробилъ немалую брешь въ шаткомъ основаніи шевыревскаго органа. Единственнымъ спасеніемъ являлся грозный врагъ,—и Бѣлинскій становится редакторомъ *Наблюдателя*.

Критикъ успѣлъ окончательно установиться на литературномъ пути, тщательно обдумать программу дѣйствій и опредѣлить цѣли.

Программа и цѣли не новыя въ исторіи русской критики. Мы встрѣчали ихъ у перваго поколѣнія философовъ. Шеллингіанцы

---

[87]) *Современникъ*, III, стр. 327—8.

разсчитывали путемъ періодической печати преобразовать критику на философскихъ основахъ. То же самое задумываетъ Бѣлинскій, только вмѣсто Шеллинга вдохновителемъ его будетъ Гегель, и въ первой же книгѣ, вышедшей подъ новой редакціей, появляется манифестъ въ формѣ предисловія къ переводу гимназическихъ рѣчей Гегеля.

Выборъ этихъ произведеній для перевода представляется въ настоящее время по меньшей мѣрѣ страннымъ. Онъ показываетъ, до какой степени самоотверженно русскіе гегельянцы, по крайней мѣрѣ, въ медовый мѣсяцъ увлеченія, клялись словами учителя. И что особенно любопытно: выборъ сдѣланъ Бакунинымъ, наименѣе смиреннымъ діалектикомъ въ кружкѣ Станкевича.

Гегель говорилъ рѣчи на гимназическихъ актахъ въ качествѣ оффиціальнаго панегириста начальству и успѣхамъ заведенія, и весь текстъ представляетъ курьезную смѣсь изъ казенныхъ банальностей и спеціально гегельянскихъ изворотовъ по части превращенія данной случайной дѣйствительности въ разумную.

Оратору, великому поклоннику античнаго міра, предстоитъ философски объяснить необходимость изученія древнихъ языковъ и въ особенности грамматики.

Достигается эта цѣль самымъ необыкновеннымъ путемъ и въ то же время весьма граціозно. По мнѣнію Гегеля,—«чуждое и отдаленное имѣетъ въ себѣ что-то сильно привлекательное и принуждаетъ насъ къ старанію и труду». Съ другой стороны, «юность» всегда стремится вдаль, напримѣръ, на Робинзоновъ островъ. Отсюда для философа ясный выводъ: «Заблужденіе, которое заставляетъ ее (юность) искать глубокаго въ отдаленномъ, необходимо, и потому степень пріобрѣтенной нами глубины и силы соразмѣрна степени нашего отдаленія отъ того центра, въ которомъ мы прежде жили и къ которому снова стремимся».

На основаніи этого «центробѣжнаго стремленія души» и долженъ открыться юношамъ новый дальній міръ, т. е. міръ и языки древнихъ.

Слушатели могли бы спросить, почему же не выбрать міръ еще болѣе дальній, чѣмъ греческій и римскій,—напримѣръ индусскій, ассирійскій, египетскій? Вѣдь тогда «степень пріобрѣтенной глубины и силы» въ зависимости отъ нашего «отдаленія» поднимется еще выше? Отвѣта нѣтъ и не будетъ до тѣхъ поръ, пока начальству не вздумается ввести въ гимназіи санскритъ.

Философская защита механическаго зубренія въ своемъ родѣ верхъ совершенства. Мы должны знать ее, чтобы во всей красотѣ представилось намъ діалектическое искусство Гегеля и поразительная непритязательность его послѣдователей.

«Когда мы приложимъ», продолжаетъ Гегель, «къ изученію

древнихъ языковъ эту всеобщую необходимость, заключающую въ себѣ какъ древній міръ представленій, такъ и языки ихъ, то мы увидимъ, что и механическая сторона этого изученія не есть необходимое зло, какъ обыкновенно думаютъ, но что оно важно и полезно само по себѣ, потому что это механическое есть для духа то чуждое, къ которому онъ стремится; это есть неудобоваримая пища, полагаемая въ него, для того, чтобъ оживить и одухотворить въ немъ то, что въ немъ еще безжизненно, и для того, чтобъ превратить эту непосредственную сторону его существованія въ его собственность».

Вы видите неудобоваримая пища по мановенію философа становится источникомъ жизни и развитія наперекоръ всѣмъ стихіямъ, кромѣ діалектики.

Съ такой же находчивостью въ другой рѣчи философъ поспѣшилъ на встрѣчу введенію въ школѣ «воинскихъ упражненій». Достаточное основаніе и для этой разумной дѣйствительности такое: «эти упражненія уже и по тому одному важны, что могутъ служить средствомъ къ образованію. Эти упражненія, пріучающія быстро схватывать, быть всегда въ присутствіи своего смысла, исполнять съ точностью приказанное безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій, есть самое прямое средство противъ дряблости и разсѣянности духа, которыя требуютъ времени для того, чтобы сообразить слышанное, и еще болѣе времени для того, чтобы перевести въ дѣйствіе вполовину понятое».

Дальше развивается вообще идея—«не смѣть свое сужденіе имѣть» ученикамъ и вообще подчиненнымъ, сочувственно припоминается дисциплина пиѳагоровскихъ учениковъ, обязанныхъ молчать въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ ученія. Ораторъ противъ «простого затверживанія на память», но въ то же время безусловно за искорененіе самостоятельныхъ мыслей въ юношествѣ.

Философъ все время говорилъ по собственному опыту, и объ исполненіи приказаній безъ разсужденій, и о философствованіи по командѣ. Если бы начальству вздумалось ввести въ школѣ тѣлесныя наказанія, Гегель навѣрное не растерялся бы и при этой оказіи и нашелъ бы въ розгахъ нѣчто въ родѣ противоядія отъ той же «дряблости и разсѣянности духа».

И такая философія предлагалась русской публикѣ, какъ образчикъ мудрости и высшаго откровенія!

Предисловіе, принадлежащее переводчику, гораздо содержательнѣе и любопытнѣе рѣчей учителя. Правда, языкъ оставляетъ желать многаго: это признавала и редакція журнала. Но основныя идеи практическаго гегельянства выяснены вполнѣ удовлетворительно и Бѣлинскій примется усердно воспроизводить ихъ въ своихъ произведеніяхъ.

Совпаденіе идей и даже выраженій въ письмахъ и въ статьяхъ критика съ предисловіемъ—часто поразительное. Очевидно, Бѣлинскій былъ благодарнѣйшимъ ученикомъ Бакунина и не боялся укоризнъ въ повтореніи чужихъ словъ.

Бакунинъ возстаетъ противъ субъективныхъ системъ Канта и Фихте, противъ отвлеченнаго, пустого *я*, противъ эгоистическаго самосозерцанія и «разрушенія всякой любви». Это чувствительная подмѣна философскаго понятія этическимъ имѣетъ большое значеніе для настроеній и умственнаго процесса нашихъ философовъ. Они не только признаютъ дѣйствительность, они обожаютъ ее, они, по словамъ Бѣлинскаго «трепещутъ таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность». Они не только допускаютъ «пошлыхъ людей», они, по выраженію того же Бѣлинскаго, *любятъ* ихъ *объективно*, «какъ необходимыя явленія жизни».

Философія превращается въ поэзію и религію, идея въ чувство, діалектика въ лирическій гимнъ.

Бакунинъ подвергаетъ критикѣ Шиллера, какъ прекраснодушнаго поэта субъективности, какъ автора драмъ, возстающихъ противъ общественнаго порядка. Для нашего гегельянца безразлично, противъ какого порядка возставалъ поэтъ: Бакунинъ называетъ, напримѣръ, *Коварство и любовь*: здѣсь, повидимому, можно бы пощадить шиллеровскій протестъ, какъ нѣчто достаточно разумное. Но самая идея протеста не переносима для философа, и онъ спокойно раздѣляется съ *юной* Германіей двумя-тремя сильными словцами,—«смѣшныя», «дѣтскія фантазіи». Это потому, что юная Германія не желала спокойно сидѣть въ цѣпяхъ и казематахъ Меттерниха и поощряемыхъ имъ бурбоновъ и бонапартовъ.

Естественно, Бакунинъ всѣми силами обрушивается на Францію за ея литературу XVIII-го вѣка, за ея революцію, за ея романтизмъ и въ особенности за ея войну съ «христіанствомъ». Авторъ и здѣсь пишетъ широкими мазками, не желая знать крупнѣйшихъ оттѣнковъ: ему все равно, воевалъ ли Вольтеръ противъ христіанства, или только противъ римскаго католичества. Ему также безразлично, какъ относился Сенъ-Симонъ къ христіанству и различалъ ли онъ евангеліе отъ того же католичества и протестанства. Намъ извѣстно, что различалъ и весьма тщательно, но для ретиваго врага всякаго человѣка, кто инако мыслитъ, это безразлично. Безъ всякихъ затрудненій онъ ужъ кстати произнесетъ приговоръ вообще Франціи, безнадежно томящейся своей «пустотой». У нея нѣтъ «безконечной субстанціи», и поэтому у французовъ философія превращается въ пустыя безсмысленныя фразы и въ стряпаніе новыхъ идеекъ.

Бѣлинскій отзовется на этотъ воинственный кличъ безусловнымъ отрицаніемъ у французовъ вообще искусства; у нихъ могутъ

быть литераторы, стихотворцы, искусники, риторы, декламаторы, фразеры,—только не художники и поэты, по очень простой причинѣ: французы лишены отъ природы чувства изящнаго. Не пропуститъ критикъ безъ должной отповѣди и французскаго легкомыслія,—все будетъ выполнено по программѣ. Буквально будетъ воспроизведенъ и ея основной параграфъ общественнаго содержанія.

Бакунинъ и въ стихахъ и въ прозѣ докажетъ слѣдующее положеніе:

«Дѣйствительность всегда побѣждаетъ, и человѣку остается или помириться съ нею и сознать себя въ ней и полюбить ее, или самому разрушиться».

Наконецъ, была дана и тема Бородинскихъ статей во всей своей полнотѣ. Предисловія заканчиваются обращеніемъ къ публикѣ въ проповѣдническомъ тонѣ, и Бѣлинскому оставалось только брать эпиграфы и девизы изъ этой лирической рѣчи. Онъ такъ и поступилъ, вызвавъ совершенно неожиданно для самого себя и для насъ,—испугъ у своего прорицателя:

«Счастіе не въ призракѣ, не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности, возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій живой источникъ жизни—одно и тоже; примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете, главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти въ жизнь. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе также выйдетъ изъ призрачности, что оно оставитъ пустую и безсмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное знаніе и анархія умовъ и произвольность въ мнѣніяхъ совершенно противоположны, что въ знаніи существуетъ строгая дисциплина и что безъ этой дисциплины нѣтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится, наконецъ, съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью, и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ наконецъ въ себѣ замѣтную потребность быть дѣйствительными русскими людьми» [88]).

И такъ, изящное конецъ и начало критическихъ изысканій, примиреніе съ дѣйствительностью,—основная нравственная стихія, на этихъ принципахъ будетъ построена эстетика *Московскаго Наблюдателя*. Вскорѣ послѣ гимназическихъ рѣчей Гегеля, журналъ напечатаетъ переводъ статьи Ретшера *О философской критикѣ художественнаго произведенія*. Смыслъ разсужденія сводится здѣсь къ требованію—открыть въ художественномъ произведеніи «общее конкретной идеи въ ея обособленіи и понять разумность ея формы, порожденной творческою фантазіею художника» [89]).

---

[88]) *Московскій Наблюдатель*, часть XVI, 1838 годъ.

[89]) *М. И.*, часть XVII, стр. 194—5.

Эта истина уполномочитъ Бѣлинскаго на усиленные поиски діалектическаго развитія идеи въ литературныхъ произведеніяхъ и вдохновитъ его на величественное презрѣніе ко всякимъ мелочамъ и случайностямъ, т. е. историческимъ и національнымъ вопросамъ въ области творчества. И мы увидимъ, до какой степени философская указка сузила умственный горизонтъ критика, поработила его природу и наложила несвойственную печать на его нравственное и общественное міросозерцаніе.

Нѣтъ необходимости искать другихъ источниковъ гегельянства Бѣлинскаго, кромѣ указанныхъ статей его журнала. Мы увидимъ, ихъ идеи вполнѣ покрываютъ все философствованіе критика вплоть до разрыва его вообще съ нѣмецкими теоріями изящнаго и съ «гнуснымъ стремленіемъ къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью». Эти слова будутъ написаны имъ три года спустя. Негодованіе на прошлый обманъ ума и чувства, — глубокое, мучительное и совершенно законное, — но и обманъ не прошелъ даромъ для совершенствованія и углубленія мысли Бѣлинскаго.

Гегельянство,—одно изъ плетворнѣйшихъ теоретическихъ вліяній, какія только переживала русская критика. Но въ мірѣ физическомъ, часто именно послѣ самыхъ тяжелыхъ недуговъ,—съ особеннымъ блескомъ и силой организмъ разцвѣтаетъ къ новой жизни. Такъ произошло и съ духовнымъ міромъ Бѣлинскаго, лишь только метафизическій кошмаръ разсѣялся и писатель снова приблизился къ первоисточнику своихъ идейныхъ откровеній—къ дѣйствительной жизни.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГУСИ.

Покинувъ сѣверъ нашъ унылый
Для ясныхъ водъ полдневныхъ странъ,
Летѣлъ, веселый, шумнокрылый,
Гусей залётныхъ каравanъ...

А средь увянувшаго поля
Паслась ручныхъ гусей семья;
И не томила ихъ неволя,
Не снились теплые края...

И вдругъ такъ чудно и знакомо
Имъ съ неба голосъ прозвучалъ,
Откуда только грохотъ грома
Сердца ихъ робкія пугалъ.

И что-то радостно и смутно
Ихъ отрѣшило отъ земли;
Они съ отвагою минутной
Крылами воздухъ потрясли:

Они узнали крикъ прощальный
Свободныхъ родичей своихъ—
И вслѣдъ имъ шлютъ привѣтъ печальный,
Напутствуя полетъ ихъ дальный
И глядя съ завистью на нихъ...

А. Колтоновскій.

Univ. of California

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Спирька» г. Елпатьевскаго.—Народническая схема капитализма.—Невѣрное и устарѣлое освѣщеніе вопроса въ разсказѣ г. Елпатьевскаго.—Образчики народнической критики.

Въ беллетристикѣ послѣдняго времени видное мѣсто должно быть отведено разсказу г. Елпатьевскаго «Спирька», который живо напомнилъ намъ беллетристику прежняго времени, когда «Чумазый» во всѣхъ видахъ и положеніяхъ не сходилъ со страницъ толстыхъ журналовъ, наводя на читателей великое уныніе. Тогда онъ изображался, какъ угрожающій фантомъ, который можетъ превратиться въ жестокую дѣйствительность, если своевременно не будутъ приняты мѣры къ его обузданію и къ укрѣпленію добродѣтели въ деревнѣ, разлагающейся подъ вліяніемъ «Чумазаго». Г. Елпатьевскій, взявъ старый мотивъ, попробовалъ его развить на болѣе современный ладъ и представить какъ генезисъ «Чумазаго», такъ его развитіе въ настоящемъ. Такая попытка, безспорно, интересна и заслуживаетъ вниманія, хотя-бы она была не удачна и не приводила къ цѣли. Въ современной народнической беллетристикѣ такое стремленіе подойти къ текущей жизни представляетъ нѣчто новое и очень желательное.

Къ сожалѣнію, съ первыхъ же страницъ разсказа, написаннаго вообще очень живо и прекраснымъ языкомъ, такъ и вѣетъ на читателя добрымъ старымъ временемъ, когда «еще намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія», и только-что явившіеся въ литературѣ образы Деруновыхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ производили подавляющій эффектъ въ геніальныхъ очеркахъ Щедрина и Гл. Успенскаго, посвятившихъ имъ столько вниманія. Разные dii minores съ тѣхъ поръ сумѣли въ достаточной степени ихъ опошлить, не придавъ имъ ни одной новой живой черты, не подмѣтивъ въ нихъ современнаго отпечатка. По этой проторенной безчисленными предшественниками дорожкѣ идетъ и «Спирька» г. Елпатьевскаго.

Спирька, конечно, кровопивецъ, а отецъ его разбойникъ и всѣ его присные воры, тати и душегубы. «Первая деревня по тракту называлась Татинцы, страшная деревня,—въ темномъ лѣсу, къ дорогѣ спиной обернулась, а окнами въ лѣсъ глядѣла,—про которую изстари шла дурная слава. Изъ этихъ Татинцевъ, этого темнаго разбойнаго мѣста и Спирька вышелъ». Яблочко отъ яблони недалеко откатится, и Спирька съ дѣтства уже проявляетъ разбойническія наклонности, въ родѣ какъ герои народныхъ рыцарскихъ романовъ: хватитъ за руку—рука прочь, хватитъ за голову—голова прочь. «Не сильный онъ былъ, а ловкій и все штуки разныя устраивалъ, за которыя мы и не любили его. То гирьку чугунную въ кулакъ зажметъ, то въ бокъ, либо подъ ребро ударитъ, когда положеніе было бить только по скулѣ, а бороться станетъ—все норовитъ подъ ножку, чему положенія тоже не было. И въ орлянку перестали его принимать, послѣ того какъ съ двухорловымъ пятакомъ разъ накрыли его». Таковъ ужъ Спирька въ юности, и по этимъ признакамъ напередъ можно бы предсказать, что не миновать ему острога. Но вмѣсто того изъ Спирьки вышелъ

представитель русскаго капитализма. Такое происхожденіе послѣдняго само по себѣ знаменательно и чревато будущимъ.

Спирька не просто дошлый парень, плутъ и мошенникъ. Какъ увидимъ дальше, онъ представитель капитала, и его исторія есть лишь иносказаніе, «откуда есть-пошла» та язва, капитализмомъ называемая, которая разрушила «кринъ сельный», какимъ цвѣла русская земля до пришествія Спирьки изъ Татинцевъ. Кстати, маленькое географическое поясненіе. Въ Нижегородской губерніи, не доѣзжая села Юрина на Волгѣ, есть два села—Татинецъ и Слапинецъ, жители которыхъ во времена досюльныя занимались грабежомъ и молодечествовали на Волгѣ, грабя купцовъ, откуда и поговорка о нихъ сложена: «Татинецъ и Слапинецъ — всѣмъ ворамъ гостинецъ» (т. е. гостинница для воровъ). Въ качествѣ бытописателя, авторъ даже мѣстный элементъ вполнѣ соблюлъ.

Бывшій разбойникъ превращается постепенно въ кулака, изъ кулака въ мелкаго торгаша, пріемы котораго на первое время мало чѣмъ отличаются отъ разбойническихъ. Спирька сталъ скупать хлѣбъ у мужиковъ, везущихъ его на базаръ. Въ очень живой, списанной, повидимому, съ натуры, картинкѣ описываются его ранніе подвиги, по которымъ мы уже можемъ судить о его будущихъ дѣяніяхъ.

«Какъ въѣдутъ мужики на гору и остановятся дать лошадямъ вадохнуть, такъ и налетитъ на нихъ стая. Лошадей подъ уздцы схватятъ и начнется тутъ торгъ, и уже мужику не отбиться, не дадутъ ему въ городъ проѣхать, по вольной цѣнѣ продать. Изругаютъ его ругательски, затолкаютъ, задергаютъ, и сдѣлается мужикъ, какъ шальной, и везетъ по цѣнѣ, которую дадутъ ему на горѣ. А Спирька впереди всѣхъ. Голосъ у него былъ звонкій, никто не могъ перекричать его, а мужика прямо за горло хваталъ.

«— Да ты чего, дура полоротая? Тебѣ цѣну даютъ, а ты рыло воротишь? Въ городу два цѣлковыхъ на колѣняхъ напросишься, а я тебѣ, идолу два съ гривной даю. Да что мнѣ съ тобой, дуракомъ разговаривать что-ли? ну, ну,— рѣшаетъ Спирька,—поворачивай!

«Мужикъ поворачиваетъ и покорно ѣдетъ за Спирькой на его широкій дворъ. И тамъ мужикъ, какъ шальной, словно въ туманѣ смотритъ, какъ Спирька ссыпаетъ его хлѣбъ, и то и дѣло дивится, да руками разводитъ—какъ аккуратно дома мѣрялъ, а у Спирьки двухъ мѣръ не хватаетъ. На вѣсахъ прикинетъ,—все недохватка».

Таковъ героическій періодъ Спирькиной дѣятельности, когда онъ и боками, и зубами отвѣчалъ за свои подвиги, то совершая обманы, то торгуя гнилымъ судакомъ, то участвуя въ бояхъ, тѣшась молодецкой потѣхой. Мало-ли, много-ли времени прошло,— изъ Спирьки вырабатывается, наконецъ, настоящій капиталистъ, во вкусѣ и образѣ народническихъ представленій о капиталѣ. Жену убилъ, опоивъ въ своемъ трактирѣ, женился на богатой разорившейся фабрикантшѣ, сталъ коммерсантомъ, гласнымъ думы и представителемъ сословія. Въ думѣ у него своя партія, онъ говоритъ рѣчи, взываетъ къ отечеству, стоитъ за протекціонизмъ, словомъ, капиталистъ созрѣлъ.« И не узнать теперь Спирьку въ солидномъ и важномъ коммерсантѣ и кавалерѣ, въ самоувѣренномъ и рѣшительномъ петербургскомъ дѣльцѣ. Только въ одномъ не измѣнился, — у него осталась та же разбойничья душа, тѣ же разбойныя мысли, та же душегубская ухватка. Онъ не подстерегаетъ въ темномъ лѣсу съ топоромъ въ осеннія ночи, не хватаетъ за горло мужиковъ на горѣ,—онъ понялъ, что такое отечество, и орудуетъ на большой дорогѣ отечества. Это отечество представляется ему въ видѣ окруженнаго высокимъ, убитымъ гвоздями, заборомъ своего загорскаго постоялаго двора, оберегаемаго и запираемаго на замокъ, ключъ отъ котораго у него, Спирьки, въ карманѣ... А проѣзжающій будто-бы

медленно ползетъ по глинистой горѣ и не миновать ему Спирькина двора. Поэтому, если вздумаютъ раскрыть Спирькинъ заборъ или объѣхать мимо его двора, онъ начинаетъ орать—Спирька обнаглѣлъ и оретъ еще громче — «отечество въ опасности!» Спирька попробовалъ зубомъ отечество и уже не оторвется отъ него... И власти захотѣлъ... Его уже не удовлетворяетъ стоящая на вытяжку фигура стараго квартальнаго, и ему уже мало назначать и смѣнять въ городѣ торговыхъ депутатовъ и смотрителей за вывозными парками»...

Какъ видимъ, «Спирька» выдержанъ весь въ одномъ тонѣ, сначала и до конца — передъ нами разбойникъ, наглецъ и насильникъ, только и понимающій грубую силу, только съ нею считающійся. Сравнивая своего героя съ его предшественникомъ—старозавѣтнымъ купцомъ, который хотя тоже «охулки на руку не клалъ», все же Бога боялся и подчасъ проявлялъ искру Божью, — авторъ отдаетъ ему предпочтеніе передъ Спирькой. Этотъ ничего и никого не боится. Изрѣдка онъ вспоминаетъ про Столпника, увѣщевавшаго татинцевъ, и при этомъ онъ думаетъ объ интеллигенціи, ратующей не за свои интересы и борющейся съ нимъ на общественной аренѣ и въ печати. Но эти мысли возбуждаютъ въ немъ только сугубую ненависть къ непонятной ему силѣ и желаніе согнуть ее въ бараній рогъ.

Словомъ, отъ колыбельки до могилы Спирька однообразенъ. Эта его несложность, упрощенность и представляетъ въ нашихъ глазахъ слабѣйшую сторону разсказа, въ которомъ охвачено слишкомъ сложное и большое явленіе и уложено въ слишкомъ простыя несложныя рамки.

Читая эту исторію возникновенія и роста русскаго капитала, испытываешь неловкость, какъ при игрѣ актера, взявшаго невѣрный тонъ, отъ котораго онъ не можетъ отдѣлаться во время всего спектакля. Такой же невѣрный тонъ былъ взятъ народниками съ самаго начала при ихъ столкновеніи съ капитализмомъ. Вмѣсто его изученія, они сразу рѣшили, что это нѣкое чужеядное, наросшее на здоровомъ древѣ русской жизни, или, какъ его въ данномъ случаѣ представляетъ г. Елпатьевскій,—тать и разбойникъ, ставшій на дорогѣ нормальнаго развитія народной жизни и мѣшающій и тормозящій это развитіе. Тутъ ужъ спорить и доказывать ничего не приходится,—остается только удивляться, какъ до сихъ поръ народники не могутъ отдѣлаться отъ подобныхъ представленій, которыя въ существѣ ничего не разъясняютъ и только мѣшаютъ видѣть вещи такими, каковы онѣ есть. Поистинѣ, народники уподобились тому столпнику, о которомъ идетъ рѣчь въ началѣ разсказа г. Елпатьевскаго.

«Легенда была про нашъ Загорскъ. Старая соборная просвирня часто мнѣ, бывало, разсказывала. Въ давнія-давнія времена, когда народу русскаго было еще совсѣмъ мало и кругомъ шли лѣса да болота, на нашей горѣ поселился святой человѣкъ,—столпъ себѣ выстроилъ и никуда изъ столпа не выходилъ, все Богу молился. А трактъ и тогда былъ, изъ низовыхъ мѣстъ все мимо насъ ѣхали. Странній человѣкъ проѣдетъ, поговоритъ со столпникомъ, благословенія на дальній путь спроситъ, что изъ запасовъ оставитъ; кое-гдѣ людишки по лѣсамъ жили, прослышали про столпника, ѣду носить стали. А въ чортовомъ-болотѣ разбойники жили... по ночамъ на добычу выѣзжали на трактъ, купцовъ поджидали, проѣзжающихъ людей,—пожитки отнимутъ, а кто волей не отдастъ, зарѣжутъ. Вотъ, бывало, раннимъ утречкомъ и ѣдетъ ватага въ свое воровское гнѣздо, добро везетъ, полонъ ведетъ, а столпникъ въ столпѣ стоитъ и Бога славитъ. Не трогали его разбойники... Въ ину пору измываться станетъ атаманъ... Разгнѣвается тутъ угодникъ божій, укорныя слова почнетъ говорить, бѣсомъ-мучителемъ, судомъ страшнымъ, адомъ кромѣшнымъ стращать приметься. А атаманъ все смѣется. — Погоди, скажетъ, дѣдушка, дай намъ молодцамъ по бѣлу свѣту полетать, съ бабами-дѣвками поиграть... Натѣшится, утихнетъ сердце молодецкое, ту пору къ тебѣ придемъ. — И точно... слѣзъ атаманъ съ коня,

спѣшилась ватага его и пали столпнику въ ноги. Съ той поры и монастырь почался... Такъ мнѣ просвирня соборная разсказывала»...

Народники, уединившись если не на столпъ, то въ ни на чемъ не основанную теорію о самобытности русской жизни, — также пугаютъ читателя разсказами про подлеца-капитала, стращаютъ послѣдняго «судомъ страшнымъ, адомъ кромѣшнымъ», въ затаенной надеждѣ, что разбойникъ-капиталъ одумается, падетъ въ ноги и удалится въ монастырь грѣхи свои замаливать. Если же не капиталъ, то одумается читатель и, убѣдившись въ грѣховныхъ подвигахъ капитала, исполнится къ капитализму сугубой ненавистью и вернется въ лоно народничества.

Они никакъ не желаютъ замѣтить, что прошло уже время, когда легенды соборной просвирни производили впечатлѣніе, а сама просвирня считалась вполнѣ компетентнымъ источникомъ для изученія народной жизни. Разсказъ г. Елпатьевскаго,—не станемъ отрицать,—не лишенъ литературныхъ достоинствъ, хотя фигура «Спирьки» и отдаетъ сочинительствомъ, мало жизненна и вырѣзана по народническому трафарету, а разсужденія автора напоминаютъ передовицы и внутреннія обозрѣнія народническихъ журналовъ и газетъ стараго времени. Но представленная имъ въ лицахъ исторія русскаго капитализма въ корнѣ невѣрна и даетъ совершенно ложное освѣщеніе вопросу о происхожденіи капитализма у насъ. Меньше всего можно искать «корня и нити» его въ Татинцахъ и Слапинцахъ, все процвѣтаніе которыхъ зиждилось въ основахъ натуральнаго хозяйства, когда разбойничьи пріемы мѣновой торговли, и до сихъ поръ процвѣтающіе въ иныхъ глухихъ уголкахъ Россіи, были единственными, примѣнявшимися въ торговлѣ и производствѣ. Какъ читатели могутъ видѣть изъ статьи г. Кржевицкаго, помѣщенной въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, эти пріемы теряютъ весь свой raison d'être съ момента возникновенія крупной промышленности, основанной на совершенно иныхъ началахъ, сущность которыхъ—научное знаніе, дальновидный разсчетъ и крупные рынки. Татинцы и Слапинцы, съ ихъ героическими Спирьками, были убиты съ того момента, когда Россія была вовлечена въ міровой потокъ капиталистическаго производства и въ ней возникла крупная индустрія, о чемъ наглядно свидѣтельствуютъ на той же Волгѣ такіе нѣкогда промышленные центры, какъ, напр., знаменитое с. Лысково, гдѣ сотни вѣтряныхъ мельницъ или пошли на сломъ, или грустно стоятъ, не помахивая крылами, потому что ихъ убили паровыя крупчатки, перемалывающія милліоны пудовъ.

Ничего этого знать не хотятъ гг. народники, для которыхъ капитализмъ— все тотъ же чумазый, какимъ его изобразилъ Щедринъ, мѣтко схватившій отличительныя черты современнаго ему деревенскаго кулака, народившагося на разлагавшейся почвѣ пореформеннаго помѣщичьяго хозяйства. Со времени щедринской сатиры Россія успѣла покрыться новой огромной сѣтью желѣзныхъ дорогъ, развила цѣлыя новыя отрасли производства, возникшія среди нѣкогда голыхъ степей, и полнымъ ходомъ двинулась по пути капиталистическаго развитія,—кажется, этого достаточно, чтобы увидѣть въ капитализмѣ болѣе сложное явленіе, чѣмъ примитивная фигура Чумазаго съ его примитивными пріемами и аппетитами.

Уже напередъ можно предположить, что художникъ, пожелавшій представить въ образахъ эту выдающуюся нынѣ и главенствующую сторону общественной жизни, найдетъ массу самыхъ разнообразныхъ типовъ, со всевозможными оттѣнками, которыхъ не уложишь въ одну общую схему. Подъ перомъ г. Елпатьевскаго фигура «Спирьки» выросла до гомерическихъ размѣровъ, которыми «Спирька» по справедливости могъ бы гордиться, но, къ сожалѣнію, эти размѣры заслонили для автора жизнь и вмѣсто живого образа предъ нами мертвая и односторонняя схема. Мы вообще противъ такого схематическаго художества, въ особенности, когда его объектомъ служитъ явленіе, далеко еще не сложив-

шееся, пребывающее «на ходу» и крайне измѣнчивое поэтому. А русскій капитализмъ, — при всѣхъ своихъ успѣхахъ, — еще не опредѣлился настолько, чтобы дать такія цѣльныя и оконченныя фигуры, какъ западноевропейскій буржуа. Онъ перешагнулъ за стадію Чумазаго, но еще не отлился въ болѣе опредѣленную форму, которую бы могъ схватить и изобразить вдумчивый художникъ...

Игнорированіе фактовъ завело народническую публицистику въ непролазныя дебри самобытнаго духа, привело къ отказу отъ завоеваній цивилизованнаго Запада въ области общественной жизни, во имя сохраненія устоевъ (см., напр., книгу г. В. В. «Наши направленія» и комментаріи къ нимъ его послѣдователей), и создало въ концѣ-концовъ тотъ ложный кругъ, изъ котораго не можетъ выбиться народническая мысль. Въ результатѣ явилось полное непониманіе своихъ противниковъ, выражающееся отъ времени до времени въ удивительныхъ выходкахъ, одну изъ которыхъ мы позволимъ себѣ привести, какъ очень характерную для народнической критики нашихъ дней.

Нѣкто г. Глазовъ въ «Сынѣ Отечества» разразился градомъ ругательствъ по нашему адресу. Поводомъ послужили январьскія замѣтки о значеніи произведеній Н. Н. Златовратскаго прежде и теперь. Какъ помнятъ читатели, мы признаемъ за этимъ почтеннымъ и уважаемымъ писателемъ только историческое значеніе, осмѣливаясь думать и говорить, что теперь для большинства читателей изъ современной молодежи трудно понимать сочиненія Н. Н. Златовратскаго. Это-то мнѣніе и послужило поводомъ къ нападенію.

«Слово, сказанное въ Москвѣ однимъ изъ тамошнихъ ораторовъ на юбилейномъ обѣдѣ Н. Н. Златовратскаго о *похоронахъ* народническаго направленія,— пишетъ г. Глазовъ,—слово, которое я въ прошломъ фельетонѣ старался смягчить и объяснить послѣобѣденнымъ настроеніемъ,—на самомъ дѣлѣ произносится не въ одной только Москвѣ, а и въ Петербургѣ... Въ Петербургѣ есть даже спеціальныя бюро, которыя занимаются похоронами писателей извѣстнаго направленія. Сначала такое бюро было устроено подъ вывѣской «Сѣверный Вѣстникъ», гдѣ г. Волынскій похоронилъ множество пишущей братіи; а затѣмъ, въ нашъ вѣкъ развитія капитализма и конкурренціи, вскорѣ основалось другое бюро, именуемое «Міромъ Божьимъ», которое въ самое короткое время за поясъ заткнуло конкуррента. Дѣятельность этихъ бюро просто «уму непостижима», какъ говаривалъ одинъ изъ гоголевскихъ героевъ. Если г. Волынскій развѣнчиваетъ и заваливаетъ прахомъ забвенія, положимъ Добролюбова, а г. Льдовъ утверждаетъ, что Некрасовъ былъ такой незначительной величиной, что чрезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ отъ обаянія его имени ужъ почти не осталось и слѣда,— то въ «Мірѣ Божьемъ» еще энергичнѣе поступаютъ: тамъ, безъ всякихъ разсужденій и апелляцій, прямо заживо хоронятъ. Протестуй не протестуй, кричи не кричи, говори не говори, что хочешь жить,—все равно не послушаютъ: тамъ, съ высшихъ точекъ зрѣнія теоріи словесности, ужъ видно, кто помираетъ или скоро долженъ помереть, и тотчасъ же являются А. Б. и разные другіе иниціалы и псевдонимы жуковъ-могильщиковъ и начинаютъ свою работу. Такъ какъ дѣло происходитъ заживо, то къ человѣку приступаютъ не одни только жуки-могильщики, а и кожеѣды, могильные черви и другіе хищники. Представьте себѣ, читатель, положеніе быть заживо съѣденнымъ всею этою нечистью».

Затѣмъ слѣдуетъ почти сплошная перепечатка нашихъ отзывовъ о Н. Н. Златовратскомъ и г. Наумовѣ, безъ какихъ бы то ни было возраженій, а въ заключеніе слѣдующее: «Какъ вамъ нравится весь этотъ навозъ, которымъ жуки-могильщики заваливаютъ нашу литературу? Вѣдь, этотъ навозъ такого свойства, что онъ не только не оживитъ, но даже не удобритъ литера-

турную ниву. Мы знаемъ, что такого рода писанія представляютъ теперь товаръ ходкій, но все-таки надобно же знать и мѣру».

Мы просимъ извиненія у нашихъ читателей за эту выдержку, въ виду ея дурного тона, но слѣдуетъ помнить, что имѣешь дѣло съ народнической критикой, которая нѣкогда даже щеголяла этимъ, и теперь ея послѣдніе представители уже не въ силахъ отдѣлаться отъ старыхъ пріемовъ, и съ этимъ приходится мириться. Будемъ обращать вниманіе только на существо дѣла, хотя, къ сожалѣнію, существа этого почти что и нѣтъ.

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы заживо хоронимъ народниковъ. Такое обращеніе къ чувству читателя насъ сильно трогаетъ, ибо и мы не лишены состраданія къ народникамъ, какъ ни противенъ намъ самый духъ народничества. Но справедливы ли эти жалобы? *Мы* развѣ ихъ хоронили? Нѣтъ: они сами себя похоронили, отгородившись отъ жизни, замкнувшись въ мертвую теорію, которую жизнь опровергла на всѣхъ пунктахъ. Результатомъ такого отчужденія явилось оскудѣніе силъ. Мы не можемъ припомнить ни одного новаго таланта ни въ одной области народнической литературы. Подвизаются все старики и постепенно никнутъ одинъ за другимъ, а вокругъ—ни одного молодого наслѣдника, которому они могли бы передать свои завѣты. Преемственность идей идетъ стороною, обходя всецѣло остатки народничества, ютящіеся въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ органовъ печати. Молодое поколѣніе инстинктивно ихъ обходитъ, чувствуя, что живой источникъ изсякъ здѣсь.

И, дѣйствительно, что поучительнаго, надъ чѣмъ стоило бы задуматься, нашло бы для себя это молодое поколѣніе въ народнической критикѣ, образчикъ которой мы привели? А, вѣдь, такова за послѣднее время вся критика этого направленія, и г. Глазовъ отнюдь не исключеніе. Еще недавно мы отмѣтили удивительный потокъ брани, обрушившійся на г. Чирикова. Въ этой своеобразной критикѣ мы не знали, кому отдать пальму первенства—г. Скабичевскому изъ «Сына Отечества» или г. Мякотину. Обращеніе къ чувству теперь единственный аргументъ народническихъ критиковъ, что нагляднѣе и убѣдительнѣе всего свидѣтельствуетъ объ оскудѣніи ихъ мысли.

И мы неповинны, если, присутствуя при финалѣ народничества, отмѣчаемъ это явленіе. Согласны, что въ этомъ есть своя грустная сторона — видѣть, какъ нѣкогда сильные таланты клонятся долу, потерявъ живую связь съ современнымъ общественнымъ настроеніемъ, понять которое они органически не въ состояніи. Но, признавая за ними историческое значеніе, мы отдаемъ имъ должное уваженіе. Требовать большаго отъ насъ никто не въ правѣ.

Что же касается самого г. Глазова, то относительно себя онъ можетъ быть вполнѣ спокоенъ. Ему никоимъ образомъ не грозитъ горькая участь, какъ онъ выражается, «быть съѣденнымъ заживо»: онъ уже давно мертвъ, и его скорбные фельетоны въ «Сынѣ Отечества» — достойный его надгробный памятникъ «нерукотворный».

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ деревень. Въ газетахъ уже начинаютъ появляться извѣстія изъ деревень, рисующія печальное положеніе населенія въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ. Какъ и 6 лѣтъ тому назадъ, Левъ Толстой призываетъ общество къ борьбѣ съ голодомъ. Посылая въ «Русск. Вѣд.» письмо одной своей знакомой по этому вопросу, онъ самъ пишетъ въ редакцію слѣдующее (цитируемъ по перепечаткѣ изъ «Петерб. Вѣд.»):

«Полагаю, что напечатаніе прилагаемаго частнаго письма отъ лица,—очевидно хорошо знающаго крестьянство и вѣрно описывающаго его положеніе въ своей мѣстности,—было бы полезно. Положеніе крестьянъ въ описываемой мѣстности не составляетъ исключенія: таково же, какъ мнѣ хорошо извѣстно, положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Козловскаго, Елецкаго, Новосильскаго, Чернскаго, Ефремовскаго, Землянскаго, Нижнедѣвицкаго и другихъ уѣздовъ черноземной полосы. Лицо, писавшее письмо, и не думало о напечатаніи его и только по просьбѣ своихъ друзей согласилось на это.

«Правда, что положеніе большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бываетъ провести черту между тѣмъ, что можно назвать голодомъ и нормальнымъ состояніемъ, и что та помощь, которая особенно нужна въ нынѣшнемъ году, была также нужна, хотя и въ меньшей степени, и въ прошломъ, и во всякое время; правда, что благотворительная помощь населенію очень трудна, такъ какъ часто вызываетъ желаніе воспользовься помощью и тѣхъ, которые могли бы продышать и безъ этой помощи; правда, что то, что могутъ сдѣлать частные люди, только капля въ морѣ крестьянской нужды; правда и то, что помощь въ видѣ столовыхъ, удешевленія продажи хлѣба или раздачи его, прокормленія скота и т. п. суть только палліативы и не устраняютъ основныхъ причинъ бѣдствія. Все это — правда, но правда и то, что во-время оказанная помощь можетъ спасти жизнь старика, ребенка, можетъ замѣнить отчаяніе, враждебность заброшеннаго человѣка чувствомъ вѣры въ добро и въ братство людей. И что важнѣе всего, несомнѣнно правда то, что всякій человѣкъ нашего круга, который, вмѣсто того, чтобы не только думать объ увеселеніяхъ: театрахъ, концертахъ, подписныхъ обѣдахъ, бѣгахъ, выставкахъ и т. п., подумаетъ о той крайней, сравнительно съ городской показной жизнью, нуждѣ, въ которой сейчасъ, въ эту самую минуту, живутъ многіе и многіе изъ нашихъ братьевъ,—что такой человѣкъ, если онъ постарается, хоть какъ бы то ни было, неумѣло, пожертвовавъ хоть малѣйшей долей своихъ удовольствій, помочь этой нуждѣ,—несомнѣнно поможетъ самому себѣ въ самомъ важномъ на свѣтѣ дѣлѣ, — въ

разумномъ пониманіи смысла жизни и въ исполненіи въ ней своего человѣческаго назначенія».

Левъ Толстой.

4 февраля 1898 г.

Письмо, о которомъ говоритъ Толстой, относится къ Воронежской губ. Въ этомъ письмѣ говорится:

«Вы просите написать вамъ, что дѣлается у насъ въ глуши, велика ли нужда, нужна ли помощь? Слушайте же, буду разсказывать вамъ то, что знаю и вижу, а вы судите сами, есть ли нужда и должно ли оказывать помощь нуждающимся. Начну издалека. Лѣто было сухое, результатомъ чего рожь вышла рѣдкая, съ короткой соломой и съ малымъ колосомъ; овесъ рѣдокъ и такъ низокъ, что косили одни колоски, просо не косили, какъ обыкновенно, а ходили отъ кустика къ кустику и выдергивали руками: зерномъ оно вышло пустое; гречиха тоже пустая; трава сгорѣла. На нашей землѣ, лучшей по округѣ и господской, стало быть хорошо обработанной, всего вышло вдвое меньше, чѣмъ въ средніе годы. Въ силу всего этого у крестьянъ было мало хлѣба и каши, почти не было соломы для топки и корма для скота. Хлѣбъ, кто можетъ, покупалъ, каша же, какъ роскошь, сошла съ крестьянскаго стола; водится еще капуста (купленная, конечно, осенью еще) и картошка, но скоро и этому конецъ. Имѣйте въ виду, что все написанное относится къ тѣмъ счастливцамъ, у кого еще по нынѣшнему времени «слава Богу», а есть цѣлыя села, хозяева, у которыхъ не родилось ни овса, ни проса, ни травъ, т.-е. ничего не убирали, кромѣ жалкой ржи. Работа у помѣщиковъ, по случаю меньшаго урожая и у нихъ, окончилась скорѣе обыкновеннаго и оплачивалась плохо; этимъ и тѣмъ еще, что и прошлый годъ далъ меньше обыкновеннаго ржи, объясняется то, что крестьяне еще до уборки хлѣба нуждались въ немъ и продавали мелкій скотъ: телятъ, овецъ, свиней. Продажа эта съ тѣхъ поръ такъ и продолжается; разница лишь та, что теперь сбываютъ и крупную скотину, но дешево, коровъ, напр., по 11 р. и все сообразно съ этимъ. Собранный въ ничтожномъ количествѣ овесъ проданъ еще осенью, т. е. какъ только былъ обмолоченъ. Продавали потому, что мужику нужны были деньги не только на подати, а и на уплату за аренду земли. Дѣло въ томъ, что у насъ надѣльной земли или мало, или вовсе нѣтъ (какъ у дворовыхъ), и потому рѣдкій крестьянинъ не приарендовываетъ къ своей по $^1/_2$, 1, 2 и по 3 десятинки. Вѣдь у насъ нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ—живутъ землей и работой по помѣщичьимъ хуторамъ. Такъ вотъ и арендуютъ или другъ у друга, или у помѣщиковъ и ихъ арендаторовъ крупныхъ, или у крестьянскаго поземельнаго банка. Нужны деньги и на покупку корма скоту и топки, и вотъ, видя, какое ничтожное количество убрали они своей соломы, потянулись мужики по арендаторамъ и господамъ еще осенью за старой и новой соломой и платили за солому втрое и вчетверо противъ обычнаго. Выдавали на дрова валежникъ изъ казеннаго лѣса даромъ, но давали по одному возу на дворъ, и тотъ не попалъ бѣднѣйшимъ, ибо бѣднѣйшіе не имѣютъ лошадей.

«Итакъ, чтобы жить хоть впроголодь (давно уже ни даютъ хлѣба въ волю даже ребятамъ, которые привыкли бѣгать всегда съ ломтемъ въ рукахъ), нужны деньги и деньги, а кромѣ пищи: скотина, дрова, соль, керосинъ, лыко,— на все надо деньги. Что можно было продать, то продано и продано не лишнее, какъ овцы, напримѣръ: нѣтъ овецъ, нѣтъ и шерсти, нѣтъ и овчины, которой можно было бы заплатать дыры, которыя такъ замѣтны на полушубкахъ нашихъ школьниковъ. Кстати о послѣднихъ: многіе перестали ходить въ школу за неимѣніемъ валенокъ (которыя вообще у насъ на дѣтяхъ рѣдкость) и лаптей. А

осенью пришлось устроить при школахъ ученическія квартиры и столовыя, ибо родители (сосѣднихъ селъ и деревень) не могли отдавать вновь или оставлять въ школахъ дѣтей своихъ, не имѣя платить за квартиры и давать имъ харчи отдѣльно, какъ дѣлали это въ прошломъ году. А учиться-то всѣ хотятъ — даже взрослые.

«Бѣда еще въ томъ, что если и есть на что купить хлѣба, то покупать-то негдѣ. На базарахъ въ Воронежѣ и Усмани продаютъ мужикамъ всякую дрянь, и теперь уже въ с. Орловѣ мука доходила до 80 коп. Устроены были нами въ с. Макарьѣ и въ с. Орловѣ склады для продажи ржи и муки, продавали и у себя въ экономіи по низшей цѣнѣ; но рожь наша къ концу, и если не будетъ помощи, то склады закроются. Куда дѣваться? Вотъ мужики макарьевскіе и придумали *сдавать свои земли*, яровыя и паровыя, кулакамъ за хлѣбъ. Операція эта производилась всегда, но въ меньшемъ размѣрѣ и все-таки «по божески», т. е. за десятину давали 6—7 рублей деньгами, а въ нынѣшнемъ году эта сдѣлка состоитъ въ томъ, что стали мужикамъ давать по 3 рубля за десятину, 50 коп., 1 р. или 1½ рубля староста бралъ въ подать, а на остальную сумму мужикъ получалъ рожь разсчетомъ по 60 коп. за пудъ. Весной крестьяне эту же свою землю возьмутъ у кулака въ аренду по 9 рублей—въ надеждѣ получить овесъ на оборотъ, т. е. на подати, на уплату этихъ 9 рублей и пр. нужды. А если не сниметъ опять у него же заложенную землю паровую, то негдѣ будетъ сѣять рожь на слѣдующую осень».

«Скажемъ, что склады будутъ существовать, т. е. средства на это найдутся, но немногіе будутъ въ состояніи покупать хлѣбъ, ибо уже и теперь завѣдующіе нашими складами жалуются, что вмѣсто денегъ носятъ имъ и «ради Бога» просятъ взять за рожь холсты, утирки, столешники, домотканныя юбки и пр. бабье добро. Появились въ оборотѣ старинные рубли и четвертаки завѣтные, которые долго бабы берегли замотанными въ клубки. Да, забыла еще объ одномъ способѣ добычи денегъ осенью или зимой: это — заборъ ихъ подъ работу будущую, т. е. весеннюю и лѣтнюю. Рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы не пріѣзжали или не приходили попросить ржи «за ради Христа», иногда верстъ за 20. Слышала, что изъ одной деревни староста прямо гналъ ходившаго за кусочками крестьянина другой деревни, говоря, что своимъ односельчанамъ не хватаетъ кусочковъ на подачу, а коли всѣхъ пускать по селу просить, такъ помирать надо. А у мужика побиравшагося было даже свидѣтельство отъ священника объ его бѣдности. Вообще надо замѣтить, что кусочки и яйца охотно подаютъ по деревнямъ. Многіе предлагаютъ себя со всей семьей въ работу изъ-за хлѣба: постоянно заходятъ мужики и парни спросить, не нужно ли рабочаго. А тутъ еще корь ходитъ изъ селенія въ селеніе и такъ, какъ давно не была въ нашихъ мѣстахъ, валитъ кромѣ дѣтей и многихъ взрослыхъ. Мретъ много дѣтей, чему причиной, вѣроятно, и плохое питаніе.

«Мы оказываемъ помощь лишь нѣсколькимъ деревнямъ, больше не хватаетъ нашихъ средствъ, но нужно оказать чуть-ли не 22 деревнямъ (знаемъ этотъ районъ отъ постояннаго общенія съ нимъ). Конечно, этими деревнями не ограничивается нужда, но тѣ деревни уже очень далеко отъ насъ, мы не знаемъ ихъ, да и какую же сумму надо на помощь болѣе обширнаго района? Нашъ районъ тотъ, которымъ завѣдывалъ въ прошлый голодъ А. И. Эртель, т.-е. въ приходѣ с. Макарья, и наши окружныя деревни. Опредѣлить, сколько денегъ нужно па помощь этому району, не можемъ—время и нужда (къ веснѣ особенно) выяснятъ этотъ вопросъ.

«Очень тяжело то, что, слыша о нашей помощи нѣсколькимъ деревнямъ, крестьяне прочихъ деревень ѣдутъ къ намъ на хуторъ съ надеждой на помощь, и намъ, какъ это ни тяжело, приходится имъ отказывать: и еще тяжелѣе то, что некуда ихъ даже послать за помощью. Буквально ни откуда нѣтъ никакой

помощи. Въ тяжелый 1891 годъ помогали съ разныхъ сторонъ: государство, земство, жертвователи изъ столицъ, городовъ; по деревнямъ устраивались попечительства (я не знаю, возможно ли было бы намъ, уже знакомымъ въ уѣздѣ людямъ, открыть столовыя по деревнямъ). Тогда, въ 1891 году, кромѣ того, былъ удешевленный и даровой провозъ ржи, сѣна, картофеля и пр.

«Быть можетъ, теперь многіе остаются равнодушными къ нашей деревенской зная, сколько было сдѣлано въ прошлый голодъ хорошаго, разумнаго, даже были деревни, которыя стали лучше нѣсколько жить, заботами добрыхъ людей... И вотъ, говорятъ они, опять нужда, онять все то же, если не худшее. Нѣкоторые говорятъ такъ: поднять экономическое благосостояніе не въ нашихъ силахъ—нечего и хлопотать, случайная помощь безполезна... Но думаю, что эти же люди, такъ «благоразумно» разсуждающіе о бѣдствіи сотенъ и тысячъ людей,—даже одного своего близкаго не допустятъ до гибели и всѣми силами постараются выручить изъ безъисходнаго состоянія. Напишите, почему въ городѣ равнодушны, безучастны теперь къ деревенской нуждѣ. Я хочу вѣрить, что не знаютъ о нуждѣ, не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Я вѣрю, что когда изъ деревень все больше и больше будутъ доходить просьбы о помощи, многіе отзовутся и подумаютъ о деревнѣ. Если удастся вамъ собрать денежную помощь, то высылайте по слѣдующему адресу: гор. Воронежъ, Дворянская ул., домъ Адлеръ, доктору Филарету Ивановичу Хрущеву, для доктора К. Соколова».

Изъ другихъ губерній приходятъ такія-же неутѣшительныя вѣсти. Такъ, напр., въ тѣ же «Петерб. Вѣд.» пишутъ изъ Оренбургской губерніи, что вслѣдствіе неурожая травъ «скотъ продается тамъ положительно за безцѣнокъ и главнымъ образомъ идетъ на убой для мяса и для вытопки сала. Цифры убоя скота на оренбургскихъ городскихъ скотобойняхъ показываютъ, что въ прошломъ году за октябрь мѣсяцъ убито разнаго скота на 5.434 головы больше (въ 1896 г.—10.861 гол., въ 1897 г. 16.295 гол.). Сала на городской скотобойнѣ было вытоплено: въ 1896 году за весь салотопенный сезонъ (отъ начала октября до средины февраля)—около 14.000 пудовъ; въ минувшемъ году то же количество сала вытоплено отъ 3-го октября до 12-го ноября. Насколько значителенъ неурожай травъ, можно видѣть также изъ того, что уже въ началѣ сентября въ тургайское областное управленіе поступилъ отъ киргизовъ цѣлый рядъ прошеній о выдачѣ имъ ссудъ изъ находящейся при немъ ссудной кассы».

Изъ Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губ., пишутъ въ «Нижегородскій Листокъ»: «Неурожай прошлаго лѣта,—въ конецъ подорвалъ хозяйство большинства сельчанъ. Въ предъидущую голодовку 1891—1892 гг. хоть картофель уродился, а нынѣ и его нѣтъ. Шараповцы ужъ раздѣлили 1/3 засыпаннаго въ магазинъ хлѣба. Но этими крохами, конечно, невозможно покрыть продовольственной нужды». Такимъ положеніемъ населенія, конечно, пользуются мѣстные кулаки. Они, по словамъ газеты, «отпускаютъ бѣднякамъ до осени въ долгъ только по 1 1/4—1 1/2 р. за пудъ, между тѣмъ какъ въ Лукояновѣ на наличныя деньги можно купить хлѣбъ лучшаго качества отъ 65 до 70 к. пудъ».

Въ с. Богородскомъ, того же уѣзда, неурожай хлѣбовъ полный. Несмотря на все это, населенію пришлось уплатить до 3.000 руб. податей. Еще въ худшемъ положеніи, по словамъ той же газеты, находятся жители деревни Березовки.

«Здѣшніе крестьяне едва ли не всѣ страдаютъ отъ недорода хлѣба. Причина бѣдственнаго положенія березовцевъ еще обусловливается до невозможности ничтожными размѣрами дарственнаго надѣла. Многіе изъ крестьянъ въ виду неурожая за безцѣнокъ,—лишь бы только съ рукъ сбыть,—распродали и коровъ, и лошадей. У кого лошадь осталась, тотъ и поспѣшилъ затянуться извозомъ, чтобы хотя прокормить себя и ее. Многіе съ котомкой за плечами и безъ ко-

пѣйки въ карманѣ ушли въ «городъ». «Какъ будетъ работа,—говорили они,—такъ останемся года на два тамъ, а не будетъ, къ великому говѣнью вернемся». Жены и дѣти этихъ крестьянъ оставлены на произволъ голода и холода».

Сибирская печать сообщаетъ о тяжеломъ положеніи переселенческихъ поселковъ въ Акмолинской области, тоже затронутой неурожаемъ. «Сибирская жизнь» говоритъ, что еще весной потребовалась помощь на обсѣмененіе полей, а отчасти и на продовольствіе, что и производилось черезъ уѣздныхъ начальниковъ. «Кое-гдѣ,—говоритъ «Сиб. Жизнь»,—были открыты питательные пункты Краснымъ Крестомъ. Была нѣкоторая надежда на урожай, но уже въ половинѣ іюня стало очевидно, что надежда эта въ значительной своей части ни на чемъ не основана. Грядущее бѣдствіе становилось все очевиднѣе, а необходимость борьбы съ нимъ—все настоятельнѣе». Въ газетѣ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ отмѣчалось въ корреспонденціи изъ Петропавловска бѣдственное положеніе переселенцевъ Акмолинской области и указывалось на необходимость вновь кормить голодающихъ переселенцевъ.

Крестьянское общество попеченія о народномъ образованіи. «Сибирская Жизнь» сообщаетъ слѣдующій интересный фактъ: въ селѣ Бутырскомъ, Барнаульскаго округа, происходило собраніе уполномоченныхъ отъ 93-хъ крестьянскихъ обществъ, на которомъ чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, г-нъ Войниловичъ, внесъ предложеніе объ устройствѣ крестьянскаго общества попеченія о начальномъ образованіи.

Предложеніе г-на Войниловича заключается въ слѣдующемъ: въ началѣ 1896 г. уполномоченные отъ тѣхъ же крестьянскихъ обществъ постановили, въ память Священнаго Коронованія Государя и Государыни, ежегодно въ теченіе десяти лѣтъ взносить въ общую кассу съ каждой засѣваемой десятины земли отъ 1 до 5 коп. и съ каждой имѣемой головы крупной скотины отъ 1 до 3 к. съ тѣмъ, чтобы вопросъ о назначеніи жертвуемой довѣрителями на общеполезное дѣло суммы былъ бы вырѣшенъ на съѣздѣ уполномоченныхъ. По приблизительному исчисленію крестьянскаго чиновника, общая сумма всѣхъ взносовъ достигнетъ въ годъ отъ 4.000 руб. до 5.000 р., что составитъ въ теченіе десяти лѣтъ капиталъ свыше 40.000 р.; этотъ капиталъ г. Войниловичъ и предложилъ употребить на полезнѣйшее для каждаго изъ обществъ дѣло народнаго образованіи, возбудивъ ходатайство объ учрежденіи перваго въ Россіи крестьянскаго общества попеченія о народномъ образованіи. Общество это должно ставить себѣ цѣлью: «а) содѣйствовать открытію новыхъ начальныхъ школъ и улучшенію положенія существующихъ; б) устройству и содержанію такого, утвержденнаго правительствомъ, училища, ученики котораго, принятые изъ среды крестьянъ тѣхъ обществъ, кои участвуютъ въ учрежденіи сего общества попеченія о начальномъ образованіи, по выходѣ изъ названнаго училища могли бы съ успѣхомъ занять должности учителей въ начальныхъ школахъ съ обязательствомъ прослужить за установленное вознагражденіе въ сей должности не менѣе трехъ лѣтъ».

93 уполномоченныхъ единогласно приняли предложеніе г-на Войниловича, составили въ этомъ смыслѣ приговоръ и постановили ходатайствовать объ открытіи общества. Дѣятельность учреждаемаго общества грамотности распространяется только на тѣ крестьянскія общества, представители которыхъ принимали участіе въ составленіи даннаго приговора, однако, по словамъ приговора, «не возбраняется и даже желательно привлеченіе и другихъ крестьянскихъ обществъ къ участію при условіи, однако, равноправности и при постановленіи такими вновь входящими обществами приговоровъ, коими сумма взноса

съ каждаго общества въ теченіе десяти лѣтъ обусловливалась бы ежегодно тремя копѣйками съ каждой засѣваемой въ годъ обществомъ десятины земли и двумя копѣйками съ каждой имѣемой имъ головы крупной скотины. Независимо отъ крестьянскихъ обществъ, входящихъ каждое въ качествѣ одного члена, въ составъ учрежденнаго общества имѣютъ право вступать, въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ, и лица не крестьянскаго сословія съ ежегоднымъ взносомъ въ три рубля».

«Званіе члена ревнителя присвояется лицамъ, внесшимъ въ кассу общества единовременно не менѣе двадцати пяти рублей, при чемъ члены ревнители, не сдѣлавшіе въ теченіе года трехъ-рублеваго взноса, не имѣютъ права рѣшающаго голоса на общихъ собраніяхъ членовъ и не могутъ состоять членами совѣта и ревизіонной коммиссіи общества.

«Почетными членами считаются лица, внесшія единовременно въ кассу общества не менѣе пятидесяти рублей или избранныя въ это званіе общимъ собраніемъ за особыя, оказанныя обществу, услуги».

Затѣмъ крестьяне уполномочили г-па Войниловича «выработать уставъ для сего общества и отъ себя возбудить ходатайство объ утвержденіи этого устава, по утвержденіи онаго, собрать общее собраніе довѣренныхъ для приведенія устава въ исполненіе и для открытія дѣйствій сего общества».

Что касается предполагаемаго училища, то таковое, въ виду разныхъ условій должно быть устроено въ селѣ Павловскомъ, находящемся въ 55 верстахъ отъ города Барнаула.

Кромѣ указанныхъ выше цѣлей учреждаемаго общества, послѣднее должно оказывать вспомоществованіе бѣднѣйшимъ ученикамъ и ученицамъ, какъ начальныхъ школъ, такъ и предполагаемаго къ устройству училища.

Сельскіе учителя въ Тульской губ. «Калужскій Вѣстникъ» приводитъ интересныя данныя о положеніи сельскихъ учителей въ Тульской губ., почерпнутыя изъ доклада г. Чехова, прочитаннаго имъ въ обществѣ взаимопомощи учащимъ въ Тульской губ. По словамъ г. Чехова, учитель предназначенъ лишь для того, чтобы продать свои силы за безцѣнокъ, проработать 5 — 10 лѣтъ, потерять на работѣ здоровье, а затѣмъ покинуть школу и идти по-міру. Ни земству, ни кому другому усталый, больной учитель не нуженъ. А что онъ потерялъ силы на ихъ работѣ, въ это не входятъ и, вышвырнувъ учителя изъ школы, негоднаго къ работѣ, представляютъ ему полную свободу изыскивать средства къ существованію и умирать голодною смертью. Именно такъ обстоитъ дѣло съ учителями Тульской губерніи. Ему даютъ ничтожное жалованье, пользуясь большимъ предложеніемъ труда; его помѣщаютъ въ сырую, холодную квартиру, а то и вовсе лишаютъ ея и учитель долженъ искать пріюта въ простой крестьянской избѣ; отъ него требуютъ усиленныхъ занятій и полной покорности «начальству», столь обильному въ сельской школѣ; его заставляютъ по мѣсяцамъ не получать жалованья; для него нѣтъ даже эмеритуры, которая хоть сколько-нибудь обезпечивала будущее. Объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей не можетъ быть и рѣчи.

Средній размѣръ учительскаго жалованья всего 155 р. въ годъ.

— Столь низкаго вознагражденія,—замѣчаетъ г. Чеховъ,—не существуетъ нигдѣ болѣе во всемъ мірѣ. Его ничтожность станетъ еще болѣе очевидною, если мы вспомнимъ, что даже квартирою (вѣрнѣе, четырьмя голыми стѣнами) учащіе пользуются не всегда и нерѣдко принуждены бываютъ нанимать ее изъ того же жалованья. Тринадцать рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи и не всегда съ квартирою—это плата, не превышающая обыкновеннаго вознагражденія годового рабочаго (50 р. на хозяйскихъ харчахъ). Нечего говорить, что

кучера, повара, лакеи, плотники, кузнецы — всѣ получаютъ гораздо больше. Всякое ремесло и искусство цѣнится дороже, чѣмъ искусство учить дѣтей въ школѣ.

Что же сказать о жалованьи меньшемъ? А между тѣмъ болѣе половины учителей Тульской губерніи не получаютъ и 155 р.; почти 20% ограничиваются 100 р. Есть, правда, исключительные случаи, когда учитель получаетъ всего 5 р. въ мѣсяцъ. При такомъ ничтожномъ вознагражденіи, учителю приходится еще встрѣчаться съ разнаго рода расходами и крупными затрудненіями, съ какими сопряжена самая получка жалованья. Для полученія жалованья учителю приходится или самому ѣхать въ городъ, или давать довѣренность сельскому старостѣ, волостному писарю и т. п.,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ расходы необходимы. Правда, расходы незначительны, всего рубль, два, для многихъ и того меньше. Но вѣдь и жалованье-то учителя ничтожно. Тутъ приходится считать уже каждую копѣйку. Мало того, уѣздныя управы и въ особенности сельскія общества (есть и такіе несчастные уѣзды, гдѣ до сего времени жалованье выдается крестьянами) сплошь и рядомъ бываютъ неаккуратны въ выдачѣ жалованья. «Бываетъ,—читаемъ мы въ томъ же докладѣ, — что учитель пріѣдетъ въ городъ за жалованьемъ и, не получивъ его, оказывается въ совершенно безвыходномъ положеніи, голодный и измученный, не зная, что будетъ ѣсть завтра, чѣмъ заплатить долгъ лавочнику, который уже прекратилъ отпускъ товара въ долгъ и еще ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ». Тамъ, гдѣ учитель получаетъ жалованье отъ обществъ, нерѣдко ему самому приходится обходить деревню изъ двора во дворъ.

Квартиры, въ которыхъ приходится ютиться учителямъ, представляютъ собою печальное зрѣлище: комната въ 25 кв. арш. считается уже хорошею, но, по заключенію г. Чехова, очень близко стоящаго къ школьному дѣлу, существуютъ каморки въ 5—6 арш.! Часто при постройкѣ школьнаго зданія вовсе забываютъ объ учителѣ, а когда онъ явится, отдѣляютъ ему уголъ въ классѣ, за печкою или въ корридорѣ. Есть даже такіе углы, въ которыхъ не было оконъ, но которые тѣмъ не менѣе величались квартирою учителя.

Квартиры учителя холодны и сыры; воздухъ въ нихъ крайне тяжелъ, такъ какъ онѣ, обыкновенно, отдѣляются тесовой перегородкой отъ класса, холоднаго, со спертымъ воздухомъ, плохо вентилируемаго. «Топятъ школы иногда такъ, что ребята дрожатъ въ шубахъ и чернила мерзнутъ. Мнѣ приходилось въ нихъ видѣть зимою щели, чрезъ которыя была видна улица. Въ мятель черезъ нихъ наноситъ въ классъ цѣлые сугробы снѣга. Температура въ такихъ школахъ рѣдко поднимается выше 8—10° и почти ежедневно спускается до нуля. И это въ школахъ, имѣющихъ спеціально для нихъ построенныя зданія».

Въ дополненіе къ реферату г. Чехова приведемъ слѣдующую «картинку», относящуюся къ Нижегородской губ. и доказывающую, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этой губерніи положеніе сельскихъ учителей немногимъ не лучше, чѣмъ въ Тульской. Корреспондентъ «Нижегородскаго Листка» пишетъ изъ села Ключищи, Васильскаго уѣзда: «Лѣтъ 10 тому назадъ здѣсь была земская школа, но потомъ, по какому-то случаю, была закрыта. 6 лѣтъ спустя крестьяне обратились къ мѣстному священнику съ просьбой открыть здѣсь земскую или церковно-приходскую школу. Съ этою цѣлью священникъ обращался въ земство и въ училищный епархіальный совѣтъ, но вездѣ получилъ отказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что село слишкомъ мало (около 500 душъ), чтобы открыть здѣсь земскую или церковно-приходскую школу. Была открыта школа грамоты и присланъ учитель съ 5-рублевымъ жалованьемъ, но этотъ учитель пробылъ не болѣе года, и школа опять осталась безъ учителя. Крестьяне, жалѣя тѣхъ денегъ, которыя потратили на починку школы, и видя, что школа остается безъ учителя, стали просить священника объ отдачѣ школьнаго зданія подъ кабакъ. «Все,

батюшка, лучше, чѣмъ зданію такъ гнить», говорили они. Но этому желанію крестьянъ не суждено было осуществиться: вскорѣ опять былъ присланъ учитель съ тѣмъ же 5 р. жалованьемъ. Бѣдна и жалка здѣсь жизнь учителя, которому приходится заниматься не обученіемъ дѣтей, а погоней за кускомъ насущнаго хлѣба; кромѣ того, что ему самому нужно одѣться и прокормиться на эти 5 р., нужно прокормить свою мать и жену съ дочерью; хотя учитель въ свободное отъ учебныхъ занятій время переплетаетъ книги, но это ремесло въ деревнѣ не можетъ обезпечить его кускомъ хлѣба и ему волей-неволей приходится жить на счетъ крестьянъ. Бѣдственное положеніе его замѣчаютъ даже мальчики, учащіеся въ школѣ, и почти всегда удѣляютъ ему часть отъ своего бѣднаго завтрака, который они приносятъ съ собой въ школу. Помощь же крестьянъ выражается въ томъ, что они приносятъ учителю хлѣба, молока и др. съѣстныхъ припасовъ; кромѣ того, учитель послѣ уборки хлѣба съ поля, ходитъ по селу сбирать «новинкой», т. е. тѣмъ, что уродилось въ полѣ—рожью, гречей, крупой, горохомъ и т. п. Такой же сборъ онъ дѣлаетъ еще предъ большими праздниками, напр., предъ Рождествомъ, Пасхой, Пятидесятницей; въ этотъ разъ крестьяне даютъ ему муки, масла, творогу, сметаны, яицъ, а кто даетъ и шерсти, холста, нитокъ, льну—вообще всего, что только могутъ дать».

Курьезный проектъ. Въ орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи разсматривался удивительный проектъ гласнаго брянскаго уѣзднаго собранія г-на Лагоды, предлагавшаго учредить новый штатъ земскихъ служащихъ, а именно—«неустанныхъ проповѣдниковъ слова Божіяго». По словамъ «Сына Отечества», г. Лагода исходитъ изъ того, что, «несмотря на тысячелѣтнее исповѣданіе истинъ православія, остатки суевѣрныхъ языческихъ понятій еще крѣпко сидятъ въ умахъ, и современный уровень религіознаго просвѣщенія въ народѣ, въ своихъ представленіяхъ о сущности религіи, толкованіи обрядовъ церковнаго служенія и правилъ нравственности, стоитъ на невѣроятно низкой ступени». Школьному просвѣщенію г. Лагода не придаетъ никакого значенія. «Уважаемое сельское духовенство наше,—пишетъ онъ,—въ трудахъ своихъ по религіозному просвѣщенію народа, придаетъ слишкомъ мало значенія силѣ живого слова проповѣди вообще и, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ не примѣняетъ его къ такой цѣли». Въ виду всего этого г. Лагода и предложилъ брянскому земскому собранію возбудить предъ правительствомъ ходатайство о созданіи особыхъ должностей «неустанныхъ проповѣдниковъ слова Божія», которые были бы назначаемы правительствомъ, получали отъ него жалованье, а отъ земства квартиры натурою и разъѣздныя. Особенное подтвержденіе необходимости созданія новыхъ должностей г. Лагода видитъ въ существованіи и распространеніи «сектъ и расколовъ». Брянское уѣздное земское собраніе согласилась съ мнѣніемъ г-на Лагоды, постановило выразить ему благодарность за его предложеніе и возбудить ходатайство объ учрежденіи предложенныхъ должностей.

Но до возбужденія ходатайства, проектъ долженъ былъ еще поступить на разсмотрѣніе орловскаго губернскаго земскаго собранія, гдѣ онъ встрѣтилъ единодушный отпоръ. Приведемъ изъ «Орловскаго Вѣстника» выдержки изъ преній по этому вопросу, въ которыхъ принимали самое дѣятельное участіе уѣздные предводители дворянства и священники:

Ливинскій предводитель дворянства А. Ф. Шереметьевъ: «Я остановлю вниманіе собранія на одномъ мѣстѣ доклада: говорится о томъ, что «преподаваніе Закона Божія поставлено въ земскихъ школахъ не какъ главный предметъ, а какъ предметъ дополнительный», и гласные брянскаго земства соглашаются съ этимъ. Нигдѣ въ Россіи преподаваніе Закона Божія въ школахъ не поставлено на второй планъ, и поэтому нужно просить брянское земство обратить надлежащее вниманіе на преподаваніе Закона Божія въ его школахъ».

Дмитровскій предводитель дворянства Васичъ: «Въ докладѣ Лагоды говорится о паденіи нравственности въ народѣ. Но почему же нравственность падаетъ? У насъ тысячу лѣтъ существуетъ духовенство, которое Лагода называетъ «уважаемымъ»; но разъ оно уважаемо, почему же оно ничего не дѣлаетъ? Для чего же тогда духовенство существуетъ? Вѣдь если священники ничего не могли сдѣлать для того, чтобы поднять нравственность, то «проповѣдники» уже совсѣмъ будутъ безполезны».

Кромскій предводитель дворянства Шеншинъ: «Брянское земство предлагаетъ намъ ходатайствовать о миссіонерахъ и предлагаетъ чрезвычайныя мѣры для поднятія религіи и нравственности въ народѣ. Прежде чѣмъ соглашаться или не соглашаться на такія мѣры, мы должны разсмотрѣть причины, побудившія г. Лагоду написать докладъ, тѣмъ болѣе, что докладу этому сочувствуетъ все уѣздное земское собраніе и не только сочувствуетъ, но даже благодаритъ Лагоду и говоритъ, что предложеніе его дѣлаетъ честь брянскому земству. Прежде всего я хочу спросить, если нравственность въ Брянскомъ уѣздѣ пала, почему на это обратилъ вниманіе только Лагода, а никто на это до сихъ поръ не обращалъ вниманія? Если говорятъ, что религія и нравственность въ уѣздѣ пала, то, стало быть, она когда-нибудь стояла выше? Я знаю, что Брянскъ прежде былъ разбойничьимъ гнѣздомъ, что въ немъ даже птицы были разбойниками. Теперь этого нѣтъ, и стало быть, нравственность не пала, а значительно повысилась. Въ уѣздѣ есть сельскохозяйственная промышленность, есть церкви, школы, библіотеки. Народное образованіе тамъ стоитъ не хуже, а, пожалуй, лучше, чѣмъ во многихъ другихъ уѣздахъ. Теперь спрашивается: что же тамъ будутъ дѣлать миссіонеры? Въ докладѣ много противорѣчій. Слушать какого-то Арсенія идутъ, выражаясь языкомъ Лагоды, «тысячи толпъ». Эти «тысячи толпъ» народа слушаютъ, поправляютъ дорогу для миссіонера, а намъ говорятъ, что религія въ народѣ пропала».

Гласный Дмитріевъ: «Въ докладѣ говорится о поднятіи нравственности и религіи не въ одномъ только Брянскомъ уѣздѣ, но во всей Россіи. Кто уполномочивалъ на это брянское земство?»

Свящ. Косьмодемьянскій: «Если мы примемъ докладъ, то къ чему сведется роль священника? Священникъ будетъ какимъ-то чиновникомъ по требамъ, а развѣ это хорошо?»

Такимъ образомъ, проектъ г-на Лагоды былъ признанъ «не заслуживающимъ вниманія».

Странникъ Антоній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ надѣлалъ очень много шуму нѣкій «странникъ Антоній», о которомъ уличныя газеты писали всякія чудеса, и къ которому толпами стекался на поклоненіе народъ. Антоній—уроженецъ Тобольской губ. и въ настоящее время живетъ на мѣстѣ своей родины, въ селѣ Колесниковѣ, Ялуторовскаго округа. «Сибирь» сообщаетъ о немъ слѣдующія любопытныя біографическія данныя.

Онъ родился въ Колесниковѣ, въ бѣдной крестьянской семьѣ, терпѣвшей постоянную нужду. Хлѣба сѣяли немного и подспорьемъ въ хозяйствѣ служилъ извозный промыселъ. «Этимъ любилъ заниматься особенно Антонъ. Отъ природы онъ былъ парень веселый, любилъ погулять и потому всегда былъ радъ хотя на короткое время исчезать съ глазъ строгаго старика-отца. На волѣ Антонъ расходился во всю ширь. Въ дорогѣ онъ не просыпался отъ пьянства. На ночлегѣ его никто не могъ удержать. Кладь бросалась безъ всякаго присмотра, а самъ онъ до утра предавался удовольствіямъ. Конечно, тотъ скудный заработокъ, который онъ получалъ отъ извоза, не могъ удовлетворить его и Антонъ началъ поворовывать. Спознался съ посельщиками (ссыльными) и цыганами. Мужики увидали, что парень началъ «бало-

вать». На одной кражѣ его прослѣдили и представили въ волостъ; тамъ дали ему 20 розогъ. Но это его не остепенило. Наконецъ, баловство Антона зашло слишкомъ далеко. Онъ былъ замѣченъ въ дерзкой кражѣ. Антонъ самъ увидѣлъ, что зарвался и теперь ему не избѣжать ссылки. Хотя онъ дѣйствовалъ умно и умѣлъ хоронить концы, но старая пословица «не пойманъ не воръ» уже, видно, отжила свой вѣкъ. Мужики рѣшили удалить его далѣе въ Сибирь по приговору общества, но Антошка вдругъ исчезъ. Гдѣ онъ пропадалъ—никто не зналъ. Только спустя нѣсколько лѣтъ пришла въ волость бумага о томъ, нѣтъ-ли препятствій на увольненіе въ бійскіе мѣщане крестьянина Антона Исаева Петрова. «Это Антошка-воръ проситъ увольненіе, неужели его держать—«худая трава изъ поля вонъ».

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и вдругъ разносится слухъ, что въ с. Колесниково ѣдетъ Антошка. Но это былъ уже не прежній воришка и плутъ, а благообразный, степенный странникъ Антоній. До своего родного села онъ доѣхалъ въ отличномъ 200-рублевомъ тарантасѣ, на тройкѣ собственныхъ лошадей. Съ нимъ сидѣла молодая, красивая женщина—«монахиня сестра Анна», какъ ее рекомендовалъ онъ. При въѣздѣ въ село, Антоній вышелъ изъ экипажа, поклонился въ землю, на всѣ четыре стороны народу и направился на кладбище. Огромная толпа не вѣрила, что передъ нею ихъ прежній Антошка и съ любопытствомъ послѣдовала за нимъ. На кладбищѣ Антоній нашелъ могилу своего отца, палъ на нее и часа полтора рыдалъ, не подымаясь съ земли. Въ одно мгновеніе былъ забытъ порочный Антошка и предъ ними всталъ «святой человѣкъ», трудничекъ Божій, странникъ Антоній. Народъ плакалъ вмѣстѣ съ лицемѣромъ и не понималъ, какъ зло смѣется надъ его чувствомъ попрежнему «баловный Антонъ». Облегчивъ свое горе слезами, Антоній объявилъ крестьянамъ, что теперь онъ, какъ некрасовскій Власъ, посвятилъ свою жизнь для сбора пожертвованій на постройку церквей. Распахнувъ шелковую рясу, онъ показалъ на вериги, которыя носитъ, и, узнавъ, что крестьяне озабочены постройкою новой церкви, тутъ же далъ имъ обѣщаніе выстроить въ с. Колесниковскомъ каменную церковь на свой счетъ, выговоривъ лишь, что онъ только проситъ отъ прихожанъ небольшой помощи: доставить на мѣсто постройки безплатно по 10 возовъ песку съ каждаго члена прихода отъ 15-лѣтняго возраста, по 5 тысячъ готоваго кирпича и по 3 воза дровъ для обжиганія кирпича и, кромѣ того, еще проработать 3 дня на постройкѣ. Эта маленькая просьба (если принять во вниманіе, что смѣта всей постройки не превышаетъ 30 тысячъ) для крестьянъ далеко не легкая и обошлась слишкомъ въ 12 тысячъ руб. Церковь еще не готова и въ половину, но тогда никто объ этомъ не сталъ разговаривать. Всѣ единогласно дали приговоръ о согласіи начать постройку церкви, который и вручили Антонію. Послѣдній энергично принялся за дѣло и въ самое горячее время—августъ—октябрь—крестьяне, бросивъ свою работу, возили матеріалъ на постройку. Никто не подозрѣвалъ, что Антоній каждую подводу, каждый рабочій день трудящагося для храма Божія крестьянина писалъ и ставилъ въ счетъ тѣмъ, отъ кого онъ получалъ деньги, также не подозрѣвавшихъ, что никакихъ расходовъ Антоній на чернорабочихъ не дѣлалъ, а эти деньги полностью клалъ себѣ въ карманъ. Несмотря на наступившее зимнее время, Антоній продолжалъ дѣло и неумолимо гналъ крестьянъ на работу, угрожая въ противномъ случаѣ приговоромъ. Только тогда вздохнули мужики, когда Антонію, очевидно, надоѣло прикидываться святошею и онъ пустился во вся тяжкая. Началъ пьянствовать и учинять всякія буйства. Постройка церкви была пріостановлена по требованію епархіальнаго архитектора, который нашелъ, что она строилась вопреки всѣмъ правиламъ строительнаго искусства и ежеминутно будетъ угрожать паденіемъ. Вскорѣ послѣ этого, Антоній скрылся,

не заплативъ подрядчику Макарову 563 р. и кирпичникамъ свыше 600 руб. Однако, весною слѣдующаго года Антоній снова вынырнулъ и явился въ наши края. Денегъ онъ, какъ это было замѣтно, имѣлъ мало, но жизнь повелъ снова веселую. Начались опять кутежи съ коньякомъ и др. заморскими винами. Вскорѣ на ст. Макушино пришелъ ему огромный транспортъ колоколовъ, церковной утвари и строительнаго матеріала.

Теперь Антоній окончательно водворился у себя на родинѣ и всячески эксплуатируетъ населеніе.

Народъ уже раскусилъ Антонія. Онъ зналъ, что это тотъ же ихъ прежній Антошка, но у Антошки есть какіе-то благодѣтели, которые ему вѣрятъ и отъ Антошки есть чѣмъ попользоваться. И Антошка никому не отказываетъ. Жертвуетъ на приходы колокола, иконы и проч., но требуетъ, чтобы прихожане, въ свою очередь, доставили ему извѣстное число подводъ для доставки съ желѣзной дороги строительнаго матеріала. Такъ, пожертвовавъ на Бигилинскую церковь колоколъ въ 64 пуд., онъ потребовалъ отъ прихожанъ 200 подводъ, записавъ въ счетъ каждую подводу въ 4 рубля. Съ Горюновскаго прихода за книги и колоколъ цѣною въ 300 руб. записалъ 50 подводъ. Въ Курганскомъ округѣ за колоколъ 15 пуд. взялъ пару сѣрыхъ лошадей. Кромѣ того, Антоній требуетъ, чтобы его уважали, поили виномъ, сносили его самодурныя выходки и не препятствовали «ндраву». Ну, а если кто супротивничаетъ, то съ тѣмъ онъ не церемонится. Тогда пускаются въ ходъ доносы, кляузы и проч. Однажды, напившись въ томъ же селѣ Колесниковскомъ, Антоній подошелъ ночью къ квартирѣ священника о. Булатникова и началъ кричать караулъ, а потомъ, когда его утащили въ квартиру, кричалъ во всю глотку: ура, ура! Этимъ онъ хотѣлъ насолить священнику. Когда все это не подѣйствовало, то забрался на колокольню и началъ звонить въ колокола, кричать, что никому до этого нѣтъ дѣла. Священникъ о. Булатниковъ, человѣкъ безусловно честный, донесъ объ этомъ своему начальству, но изъ этого ничего не вышло. Священникъ вскорѣ перешелъ въ Тобольскій округъ. Чтобы еще больше доканать священника, Антоній подалъ мѣстному архіерею телеграмму о растратѣ будто бы о. Булатниковымъ 300 руб. церковныхъ денегъ. Но здѣсь онъ потерпѣлъ полное фіаско. Въ Тобольскѣ уже хорошо знали «божьяго человѣка» и назначили ревизію, по которой доносъ Антонія, дѣйствительно, оказался гнусною клеветою.

Въ заключеніе, корреспондентъ «Сибири» совѣтуетъ подумать о той средѣ, въ которой живутъ и дѣйствуютъ странники Антоніи, и о тѣхъ людяхъ, которыхъ они съ такимъ успѣхомъ обираютъ, прикрываясь именемъ Божіимъ.

Моя думская практика.

(Очеркъ изъ быта рабочаго населенія въ Петербургѣ).

Случайно нѣкоторое время мнѣ пришлось остаться за думскаго врача на одной изъ петербургскихъ окраинъ. Мои паціенты были преимущественно изъ среды бѣднаго заводскаго и фабричнаго населенія, которое живетъ по угламъ, комнатамъ, содержитъ квартиру съ жильцами и очень рѣдко занимаетъ послѣднюю безъ постороннихъ лицъ.

Въ то время, когда я исправляла должность думскаго врача, свирѣпствовала эпидемія кори, которая унесла не мало жертвъ изъ среды моихъ паціентовъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ причиной ихъ смерти были такія жизненныя условія, которыхъ я въ качествѣ врача, а родители моихъ маленькихъ

больныхъ, въ качествѣ близко заинтересованныхъ лицъ, не въ состояніи были устранить. При какихъ условіяхъ гибли мои паціенты, показываетъ слѣдующій случай.

Меня позвали къ одному чернорабочему на заводѣ. Петръ, такъ его звали, былъ непьющій и работящій человѣкъ. Всю свою получку онъ приносилъ домой и его главную заботу составляла семья. Онъ нѣсколько подчинялся своей женѣ, живой, небольшого роста, черноглазой женщинѣ, которая съ своей стороны также отдавала все свое время семьѣ. Мужъ и жена были грамотны. Петръ нѣсколько интересовался политикой и читалъ газеты. Вообще, это была семья, которую нельзя было обвинить ни въ лѣнности, ни въ пьянствѣ или кругломъ невѣжествѣ.

Когда мнѣ пришлось быть у Петра въ первый разъ, его семья помѣщалась въ квартирѣ, состоящей всего изъ одной комнаты. Закоптѣвшій потолокъ, грязные и оборванные обои придавали ей не особенно привлекательный видъ. Но въ ней все-таки былъ относительный порядокъ и полъ чисто вымытъ. Въ одномъ углу комнаты стояла плита, въ другомъ сундукъ, въ третьемъ кровать. Четвертый уголъ ничѣмъ не былъ заставленъ и тамъ висѣли иконы. Кромѣ упомянутыхъ вещей, въ комнатѣ былъ некрашенный деревянный небольшой столъ, два деревянныхъ стула и шкапъ съ посудой. На полу, недалеко отъ входной двери, стояла люлька качалка, въ которой лежалъ грудной ребенокъ. Всѣ эти вещи такъ загромождали комнату, что въ ней тѣсно было бы и одному, а на самомъ дѣлѣ помѣщалось семь человѣкъ: Петръ съ женой и четверо дѣтей и посторонняя беременная женщина.

— Чужая,—сказала мнѣ Анна, жена Петра.—Жила тутъ съ однимъ. Бросилъ. Кое какъ перебивается. Мы съ нее ничего не беремъ за квартиру. Только за дѣтьми иногда посмотритъ.

Больнымъ оказался мальчикъ лѣтъ пяти. Онъ лежалъ на полу подъ образами. У него была корь.

— Въ больницу его надо отвезти,—сказалъ я, убѣдившись въ заразной формѣ заболѣванія.—Вонъ у васъ сколько дѣтей. Всѣ могутъ отъ него заразиться.

— Божья воля,—спокойно сказала Анна.—Кори ни у кого изъ нихъ не было. Вѣрно ко всѣмъ теперь пристанетъ. Но везти Мишеньку въ больницу мы не согласны. Какъ онъ тамъ одинъ останется? Малъ еще. Плакать будетъ и испугается. Пускай дома лежитъ. Жалко, если помретъ. Лучше вотъ этотъ умеръ бы. Безпокойный,—добавила она, взявъ изъ люльки закричавшаго ребенка.

Больной остался дома и дня три спустя Анна опять прибѣжала за мной, говоря, что двое старшихъ заболѣли.

Этотъ разъ я уже нашла троихъ больныхъ. Всѣ помѣщались на родительской кровати. Петръ, бывшій на ночной работѣ, спалъ на голомъ полу, подложивши подъ голову подушку.

— У Маньки, у старшей, сильнѣе всего корь высыпала,—говорила Анна, показывая мнѣ дѣтей.—А Мишенька ничего теперь. Встаетъ и кушать началъ. Съ отцомъ гулять просится.

Хорошенькій черноглазый мальчикъ, въ чистой рубашкѣ и штанишкахъ, слѣзъ съ кровати и подошелъ къ отцу, который при моемъ входѣ всталъ.

Отецъ началъ его ласкать.

— Онъ теперь у меня молодцомъ,—сказалъ Петръ.— Гулять просится. Можно его пустить?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Сказать—нельзя, значитъ лишать ребенка укрѣпляющаго вліянія чистаго воздуха и подвергать опасности его легкія, такъ какъ постоянное пребываніе въ комнатѣ, гдѣ помѣщается семь человѣкъ, готовятъ кушанье и нерѣдко стираютъ бѣлье, гдѣ есть маленькій ребенокъ и изъ за больныхъ почти никогда не открываютъ оконъ,—должно пагубно дѣйствовать на легкія. Съ другой стороны, разрѣшить

прогулки ребенку, у котораго шелушеніе кожи послѣ кори находится въ полномъ разгарѣ, значитъ способствовать распространенію заразы. Разрѣшить дурно и позволить дурно. Однако, подумавъ, я позволила выпускать ребенка на свѣжій воздухъ съ условіемъ, что онъ не будетъ играть съ чужими дѣтьми или ходить въ гости.

У старшей дѣвочки, Мани, дѣйствительно оказалась очень сильная корь. Лицо сильно раздулось отъ сыпи, а во рту слѣзла вся верхняя кожица. У больной былъ сильный жаръ. Она совсѣмъ ослабѣла и лежала почти безъ сознанія.

Маня доставила больше всего хлопотъ родителямъ. Болѣзнь затянулась. Всѣ младшія дѣти поправились. Даже грудной ребенокъ, у котораго также была корь, и тотъ началъ выздоравливать, а Маня все хворала. Корь прошла, но легкія были поражены. Дѣвочка все больше и больше слабѣла. Иногда ей дѣлалось лучше и это радовало родителей, которые, видимо, дорожили ребенкомъ и желали для него сдѣлать всевозможное съ своей стороны. Не одинъ разъ они приходили ко мнѣ то за лѣкарствомъ, то звать къ себѣ. Отъ ихъ дома до меня былъ конецъ версты въ двѣ. Но ихъ не удерживала ни усталость, ни дурная погода. Они аккуратно являлись ко мнѣ, если я имъ говорила, что надо придти за лѣкарствомъ или сообщить мнѣ, въ какомъ положеніи находится больная.

— Безъ Манички мнѣ бѣда будетъ,—говорила Анна, которая чаще всего ко мнѣ приходила,—хотя ей всего только семь лѣтъ, а она у меня вмѣсто хозяйки. Уйду, знаю, что за дѣтьми посмотритъ, накормитъ ихъ. Теперь больная и то заботится объ нихъ. Прошлый разъ я ушла, а Петька началъ кричать. Она его взяла къ себѣ и утѣшаетъ, говоритъ: не плачь! Мама скоро придетъ и гостинца тебѣ принесетъ.

Я была у нихъ не одинъ разъ и они настолько привыкли ко мнѣ, что начали посвящать меня въ свои горести и радости.

Одинъ разъ, когда я зашла навѣстить больную дѣвочку, Анна съ торжествомъ объявила мнѣ, что они переселяются на другую квартиру.

— Вотъ вы все говорили, что для Мани здѣсь воздухъ не хорошъ, что для нея было бы лучше, если бы было просторнѣе,—сказала она мнѣ.—Теперь мы переходимъ на другую квартиру въ этомъ же домѣ. Жильцы одни съѣхали. Петръ ходилъ къ хозяину. Хозяинъ обѣщалъ ему оставить квартиру за нами. Ремонтъ сдѣлаютъ. Чисто будетъ. Двѣ комнаты и кухня; комнату, которая побольше, сдадимъ, а въ другой и въ кухнѣ сами будемъ жить. Придется одну комнату сдать. Однимъ цѣлую квартиру занимать не по средствамъ. Десять рублей заплати за квартиру да дровъ надо рубля на три, на четыре. А онъ всего двадцать пять получаетъ. Не справиться. Если же большую комнату сдадимъ за семь рублей, то намъ квартира съ дровами обойдется рублей въ шесть. Здѣсь мы платимъ пять рублей да дрова. Эта комната совсѣмъ худая и дровъ много выходитъ. А на той квартирѣ можно и въ кухню пустить жильцовъ.

Мои убѣжденія не пускать жильцовъ въ кухню и оставить ее для себя, такъ какъ чѣмъ просторнѣе, тѣмъ здоровѣе дѣти, Анна слушала внимательно, но видно было, что она со мной не совсѣмъ согласна.

Въ слѣдующій разъ я застала ихъ уже на новой квартирѣ. Она была по той же лѣстницѣ, только во второмъ этажѣ. Солнышко весело играло на чистомъ полу и свѣтленькихъ обояхъ. Въ квартирѣ было свѣтло и сравнительно просторно. Чисто выбѣленный потолокъ и новые обои придавали ей видъ особенной опрятности. Анна вообще была довольно чистоплотна и любила порядокъ, а для новой квартиры еще болѣе постаралась. Окна, двери, полъ все такъ и блестѣло.

Новая квартира Петра производила очень пріятное впечатлѣніе и я мысленно сравнивала ее съ тѣми грязными и темными конурами, въ которыхъ такъ часто живетъ петербургская бѣднота. «Хорошо было бы,—думалось мнѣ,—

если бы всѣ бѣдныя семьи помѣщались въ такихъ маленькихъ квартиркахъ безъ жильцовъ».

Для себя Анна заняла комнату въ одно окно. Другую, побольше, въ два окна, она рѣшила сдавать одинокимъ жильцамъ. Въ ней пока помѣщалась Аксинья, жившая съ ними на прежней квартирѣ. Она со своимъ новорожденнымъ ребенкомъ лежала на полу. Относительно кухни пока не было рѣшено: пускать въ нее жильцовъ или нѣтъ. Всѣ окна въ квартирѣ были открыты и Маня лежала на сундукѣ недалеко отъ одного изъ нихъ.

— Манѣ сегодня лучше,—съ радостью объявила мнѣ Анна.—Вставала и кушать просить. Должно быть, отъ квартиры, отъ хорошаго воздуха.

Такая наивная вѣра въ чудодѣйственное вліяніе чистаго воздуха мнѣ была очень пріятна. Вѣдь я не одинъ разъ говорила родителямъ, что Маня скорѣе поправилась бы, если бы былъ воздухъ хорошій. Дѣвочка дѣйствительно выглядѣла немного бодрѣе и у нея появился аппетитъ. Но это было только временное улучшеніе и радость Анны была непродолжительна. Маня продолжала хворать. Ей дѣлалось то лучше, то хуже. Ея легкія были сильно поражены и болѣзнь вела къ смерти.

Анну заботила не только больная Маня, но и квартира. Недѣли три у нихъ комната оставалась незанятой, такъ какъ не находилось подходящихъ жильцовъ.

— Комната стоитъ пустая.—жаловалась мнѣ Анна.—Просятся все семейные. Вчера приходили смотрѣть... шесть человѣкъ дѣтей. Куда такая орава? У меня четверо, да ихъ будетъ шестеро. Тогда и толку не доберешься. А безъ жильцовъ намъ трудно. Хозяинъ ждать не будетъ. Ему въ срокъ вынь да положь десять рублей въ мѣсяцъ. На-дняхъ Петръ принесъ за двѣ недѣли двѣнадцать рублей. Десять отдали за квартиру, а два осталось. Что на нихъ сдѣлаешь? Хоть съ голоду помирай!

Наконецъ, нашлись жильцы. Разъ я прихожу къ нимъ и вижу, что кухня занята. Въ ней стояла довольно чистая большая постель. Недалеко отъ нея помѣщались небольшой деревянный столъ, табуретка и стулъ. На окнѣ висѣла кисейная занавѣска—излишняя роскошь, такъ какъ окно выходило въ корридоръ и въ кухнѣ господствовалъ и безъ того полумракъ. Около стола сидѣла молодая красивая женщина въ бѣлой рубашкѣ, красномъ сарафанѣ и голубомъ повойникѣ. Она что-то шила, хотя освѣщеніе кухни не особенно благопріятствовало подобной работѣ.

— Пустили мужа съ женой за три рубля,—отвѣчала Анна на мой вопросъ, кто у нихъ поселился.—Онъ чернорабочій на томъ же заводѣ, гдѣ Петръ. Двадцать рублей въ мѣсяцъ получаетъ. Жена недавно пріѣхала изъ деревни. Дѣтей нѣтъ.

Анна отвѣчала не совсѣмъ охотно, видно, помня мои настойчивыя убѣжденія не пускать въ кухню жильцовъ.

— И комнату наняли,—продолжала она.—Трое холостыхъ за семь рублей. Я на нихъ буду стирать бѣлье и комнату уберу. Обѣдаютъ они въ трактирѣ.

Теперь, когда кухню и комнату заняли жильцы, Петру пришлось очень тѣсниться. Въ небольшой комнатѣ было восемь человѣкъ, считая Аксинью съ новорожденнымъ. Маня лежала подъ образами и ей было совсѣмъ плохо.

— А Аксинья все еще у васъ живетъ,—замѣтила я, осматриваясь.

— Куда же она дѣнется съ ребенкомъ?—угрюмо отвѣчала Анна.—У насъ живетъ пока. Хочетъ идти въ воспитательный въ кормилицы, а потомъ опять къ намъ.

— Какая у васъ тѣснота!—хотѣла я сказать, но прикусила языкъ, вспомнивъ слова Анны: «За двѣ недѣли двѣнадцать рублей принесъ. Десять отдали хозяину за квартиру, а два осталось. Какъ хочешь, такъ и живи!»

Черезъ два дня послѣ этого Анна пришла ко мнѣ за свидѣтельствомъ о смерти.

— Умерла Маничка,—сказала она.—Подъ конецъ все безъ памяти была и бредила. Вчера утромъ вскочила въ одной рубашкѣ и выбѣжала на дворъ. Я въ прачешной бѣлье стирала. Аксинья ушла со двора. Дѣти одни оставались. Мишенька прибѣжалъ ко мнѣ, кричитъ: «Манька ушла!» Насилу я ее воротила домой. Сегодня къ утру дыханіе стало рѣдкое, тяжелое. Въ четыре часа скончалась.

— Иду я теперь ей наряды покупать,—продолжала Анна со слезами на глазахъ.—Наряжу я ее въ послѣдній разъ. Думала осенью въ школу ее посылать, а теперь хоронить приходится. Лучше бы младшій померъ, а Маничка жива была.

Анна на минуту задумалась, а потомъ опять заговорила:

— Пожалуйста, придите сегодня къ намъ. Самаго Петра что-то схватило. Трясетъ, въ жаръ, въ знобъ бросаетъ. Боюсь, какъ бы не расхворался. Тогда хоть ложись да помирай съ дѣтьми. Сегодня на работу не пошелъ. Надо будетъ отъ васъ свидѣтельство о болѣзни получить, а то штрафъ за прогулъ возьмутъ... Придите и на Маничку посмотрѣть. Вѣдь вы ее лѣчили,—закончила Анна свою просьбу.

Я пришла къ нимъ часа въ три пополудни, и мертвая Маничка была уже наряжена. Она лежала на табуреткахъ въ бѣломъ платьѣ съ розовыми лентами. На глазахъ лежали два мѣдныхъ пятака, на лбу вѣнчикъ, на груди образокъ, руки связаны бѣлымъ платкомъ. Ея личико, на которомъ за послѣднее время постоянно былъ отпечатокъ страданія, теперь выражало спокойствіе.

— Вытянулась, большая стала. А худая какая сдѣлалась! Только кожа да кости остались,—говорила Анна, которая не плакала, не причитала, а только со слезами на глазахъ смотрѣла на мертвую дочь.

Видно было, что заботы не оставляли ей времени на горе. Надо подумать о похоронахъ, о больномъ мужѣ, а денегъ нѣтъ. Когда тутъ плакать!

Петръ лежалъ на кровати въ той же комнатѣ, гдѣ находилась покойница. У него была сильная лихорадка и при выслушиваніи въ верхушкахъ легкихъ оказались подозрительные хрипы.

— Ему надо дома побыть нѣсколько дней. На работу нельзя ходить,—сказала я Аннѣ, которая тревожно смотрѣла на меня.

— Какъ же намъ теперь быть?—озабоченно замѣтила она.—Завтра надо везти хоронить на кладбище. А съ кѣмъ я поѣду? Одна не справлюсь. Нельзя ли ему на кладбище съѣздить?

— Хуже будетъ,—отвѣчала я.—Далеко. Онъ утомится и совсѣмъ расхворается. Надо поберечься.

— Ты попроси кума съ тобой ѣхать,—сказалъ Петръ.—Пусть онъ завтра на работу не ходитъ, а поѣдетъ съ тобой. Я совсѣмъ ослабъ.

— Съ тобой лучше было бы. Не хорошо, если родной отецъ до могилы не проводитъ. Можетъ, и осилишь,—замѣтила Анна.

При моемъ уходѣ этотъ вопросъ оставался нерѣшеннымъ. Но когда на другой день я зашла навѣстить Петра, то оказалось, что онъ на кладбище не ѣздилъ, а ѣздилъ кумъ.

Петръ чувствовалъ себя все еще не хорошо, но особенно угрожающихъ явленій не было. Черезъ нѣсколько дней онъ пошелъ на работу, хотя и чувствовалъ слабость. Неумолимая нужда не дозволяла ждать полнаго возстановленія силъ.

Маленькія дѣти съ различными формами истощенія, которое является слѣдствіемъ какой-либо острой болѣзни или затянувшагося желудочно-кишечнаго катарра, составляютъ тяжелую сторону дѣятельности думскаго врача. Въ огром-

номъ большинствѣ подобныхъ случаевъ его роль ограничивается опредѣленіемъ болѣзни и выдачей свидѣтельства о смерти. Очень часто думскаго врача зовутъ къ маленькимъ дѣтямъ вовсе не затѣмъ, чтобы выполнять данные имъ совѣты, но для того, чтобы въ случаѣ смерти ребенка не было затрудненій въ полученіи свидѣтельства.

— Намъ никакого лѣкарства не надо,—нерѣдко заявляли мнѣ прямо.—Мы васъ пригласили только посмотрѣть. Если умретъ, намъ нужно свидѣтельство. Безъ него хоронить не будутъ.

Въ большинствѣ такихъ случаевъ совершенно безполезно настаивать на лѣченіи. Глядя на маленькое высохшее существо, лежащее въ темномъ углу на родительской кровати, врачъ приходитъ къ убѣжденію, что спасти его можетъ только измѣненіе существующихъ условій жизни бѣднаго петербургскаго населенія.

Благодаря дурнымъ условіямъ жизни и плохому качеству молока, въ жаркое время года маленькія дѣти въ Петербургѣ мрутъ, какъ мухи. Бывало, что въ одинъ день мнѣ приходилось давать шесть-семь свидѣтельствъ о смерти дѣтей, погибшихъ отъ остраго или хроническаго желудочно-кишечнаго катарра. Не мало дѣтей умираетъ, благодаря петербургскому молоку. Бѣднотѣ приходится брать его у первой знакомой молочницы. Петербургскія молочницы обыкновенно не скупятся на воду для разбавленія молока, не особенно слѣдятъ за чистотой посуды и хлѣвовъ и не стѣсняются продавать прокисшее молоко. Петербургскія матери даже изъ той бѣдноты, среди которой мнѣ пришлось практиковать, знаютъ, что дѣтямъ надо давать кипяченое молоко, и не даютъ его сырымъ. Но молоко кипятится только одинъ разъ въ день, утромъ. Затѣмъ сливается часто въ не особенно опрятную посуду и стоитъ цѣлый день въ комнатѣ, гдѣ лѣтомъ температура нерѣдко доходитъ до 30° С. и гдѣ постоянно толчется народъ. Понятно, при такихъ условіяхъ молоко къ вечеру становится непригоднымъ для ребенка и желудокъ послѣдняго разстраивается. Измѣнить этого матери часто бываютъ не въ состояніи.

— Молоко надо кипятить каждый разъ, какъ даете ребенку,—сказала я одной молодой матери.

— Кипятить негдѣ,—отвѣчала она.—Утромъ, пока топится плита, можно скипятить, а потомъ негдѣ. Хозяйка для моего ребенка два раза топить плиты не будетъ.

Эта мать сама работала на фабрикѣ, а ребенка, который былъ у нея незаконный, оставляла на попеченіи квартирной хозяйки. Она зарабатывала рублей двѣнадцать, а иногда пятнадцать въ мѣсяцъ. Изъ нихъ платила три рубля за уголъ и три за то, чтобы хозяйка смотрѣла за ребенкомъ. На молоко у нея также выходило рубля три въ мѣсяцъ, такъ что на все остальное у нея оставалось три, много шесть рублей. День она была на работѣ, а ночью приходилось возиться съ ребенкомъ. Ея жизнь была просто каторгой, а она все-таки дрожала надъ своимъ мальчикомъ и впослѣдствіи ухитрилась купить дешевую керосинку, чтобы имѣть возможность кипятить молоко нѣсколько разъ въ день и тѣмъ спасти жизнь ребенка.

Отвѣтъ: кипятить негдѣ, плита всего одинъ разъ въ день топится, получался всякій разъ, когда я совѣтовала давать ребенку только свѣжепрокипяченное молоко. Иногда, благодаря моимъ настояніямъ, матери устраивались въ сосѣднемъ трактирѣ. Нерѣдко имъ тамъ дозволяли кипятить молоко даромъ, такъ какъ это дѣлалось для маленькаго ребенка по приказанію доктора. Иногда позволеніе давалось потому, что семья часто брала въ трактирѣ кипятокъ. Очень рѣдко покупалась керосинка. «Нѣтъ денегъ», получался лаконическій отвѣтъ на мое предложеніе пріобрѣсти ее.

Въ моей практикѣ не одинъ разъ встрѣчались дѣвушки-матери. Часто онѣ

живутъ въ такихъ условіяхъ, что можно только подивиться выносливости человѣка. Особенно мнѣ памятенъ слѣдующій случай.

Меня пригласили въ одну угловую квартиру. Она состояла изъ двухъ свѣтлыхъ комнатъ средней величины и кухни, которая слабо освѣщалась окномъ, выходящимъ въ корридоръ. Одну комнату занимали восемь человѣкъ одинокихъ. Въ ней стояли четыре деревянныхъ кровати, длинный столъ, грубо сколоченный изъ досокъ, двѣ деревянныхъ скамьи и табуретка. На кроватяхъ были только грязныя подушки и грязное рваное платье. Подъ нѣкоторыми кроватями стояли маленькіе сундучки. Во второй комнатѣ также стояли четыре деревянныхъ кровати, былъ небольшой деревянный столъ, табуретки и сундуки. Здѣсь помѣщались четыре семьи, потому кровати были завѣшаны ситцевыми занавѣсями. Вся квартира далеко не отличалась опрятностью, а на стѣнахъ и потолкѣ накопилось не мало плѣсени.

Въ кухнѣ меня встрѣтила женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Сюда пожалуйте,—сказала она, провожая меня въ комнату, гдѣ помѣщалась артель.—Больной здѣсь. Четвертыя сутки горитъ и бредитъ.

Больной лежалъ на одной изъ кроватей. Около него на табуреткѣ стояла кружка съ квасомъ.

— Томитъ его,—сказала моя провожатая.—Пить все проситъ.

При осмотрѣ у больнаго оказались явные признаки натуральной оспы.

— Есть у него здѣсь родные?—спросила я.

— Никого нѣтъ,—отвѣчалъ самъ больной, который на нѣкоторое время пришелъ въ сознаніе.

— Вамъ нельзя здѣсь оставаться,—сказала я.—Надо отправляться въ больницу. Вы поправитесь не скоро, а здѣсь тяжело лежать больному. Народу много и уходъ плохой. Въ больницѣ для васъ будетъ лучше.

— Я и самъ хочу въ больницу,—отвѣчалъ мой паціентъ.—Васъ ждали, чтобы узнать, какая у меня болѣзнь и скоро ли поправлюсь. Сегодня же поѣду. Вотъ только не знаю, куда дѣлся кошелекъ съ деньгами. Три рубля въ немъ было. Передъ болѣзнью получилъ за работу. А теперь не найду, сволокъ кто-нибудь, когда былъ безъ памяти. Извозчику теперь нечѣмъ заплатить.

Женщина со страхомъ смотрѣла на него.

— Полно, Андрей,—сказала она робко.—Кто у тебя возьметъ?

— Оставь! Не на тебя думаю,—сердито отвѣчалъ Андрей.—Знаю, что были деньги, а теперь ихъ нѣтъ.

— Ну, да какъ-нибудь обойдусь,—равнодушно добавилъ онъ, впадая снова въ забытье.

Я вышла въ кухню. Въ ней также стояли кровати съ пологами. Очевидно, здѣсь помѣщались также семейные угловые жильцы.

— Вы здѣшняя квартирная хозяйка?—спросила я провожавшую меня женщину.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Хозяинъ и хозяйка работаютъ на фабрикѣ, а я только за квартирой присматриваю.

— Скажите имъ, что больного надо непремѣнно свезти въ больницу сегодня же. У него оспа.

Страшное слово «оспа» не произвело на женщину никакого впечатлѣнія.

— Посмотрите, пожалуйста, моего ребеночка,—сказала она.—Онъ что-то все хвораетъ.

Трехнедѣльный ребенокъ, завернутый въ грязныя тряпки, страдалъ разстройствомъ желудка. Я посмотрѣла на мать. Она имѣла страшно истощенный видъ. У нея оставались только кости да кожа. На ея лицѣ было приниженное и робкое выраженіе, вся ея фигура представляла что-то забитое.

— Вы гдѣ съ нимъ помѣщаетесь?—спросила я.

Она указала на полъ около плиты.

— Даромъ я у нихъ живу,—сказала она.—Незаконный онъ у меня. Я за квартирой присматриваю. Изъ милости меня держатъ. Я рада, что хоть за уголъ не приходится платить. Только мой Павлушка очень кричитъ. Спать другимъ мѣшаетъ. Боюсь, изъ-за него хозяева отъ квартиры откажутъ. Куда я съ нимъ тогда дѣнусь! Нельзя ли ему дать соннаго лѣкарства, чтобы по ночамъ спалъ?

— Отецъ развѣ не помогаетъ вамъ?—спросила я.

— Отецъ его и знать не хочетъ,—отвѣчала она.—Я лежу въ родильномъ, а ему говорятъ: «Надежда сына родила. Вѣдь твой. Сходи навѣстить». А онъ: «Много у меня такихъ, какъ Надежда. Не ходить же всѣхъ навѣщать. Кто ее знаетъ. Можетъ, и не со мной однимъ водилась и сынъ-то не мой».

— Такъ и не пришелъ. Что съ него возьмешь?—добавила она уныло.

— Какъ же вы теперь?

— Здѣсь изъ милости живу. Дадутъ поѣсть, хорошо, а нѣтъ... Что жъ дѣлать? Приняла я съ нимъ муки. Я на ниточной фабрикѣ работала. Когда сильно стало замѣтно, что я беременна, мнѣ тамъ отказали. Пошла на канатную паклю щипать. Бывало, цѣлый день щипешь. Нащипешь пуда два и дадутъ тебѣ шестнадцать копѣекъ. Восемь копѣекъ съ пуда платили. Начинали работать въ четыре часа утра, а оканчивали въ восемь вечера. Часъ давали на обѣдъ. Иная ловкая и хорошая работница за это время можетъ нащипать пудовъ десять просмоленной пакли и получитъ за это копѣекъ шестьдесятъ. А я тамъ два мѣсяца работала и больше двухъ пудовъ не просмоленной не могла нащипать. Получишь, бывало, рубля четыре въ мѣсяцъ, за квартиру отдашь, а тамъ и на хлѣбъ не хватаетъ. Послѣ родовъ хотѣла идти съ ребенкомъ кормилицей въ воспитательный, да захворала. И теперь насилу хожу. А тамъ нужны здоровыя. Если не идти туда въ кормилицы, а такъ отдать ребенка въ воспитательный, надо внести двадцать пять рублей. А гдѣ я ихъ возьму?—закончила она.

Все это разсказывалось безъ слезъ, равнодушно, съ спокойствіемъ человѣка, котораго жизнь такъ забила, что онъ потерялъ всякую способность возмущаться своимъ положеніемъ и безропотно покоряется всему.

Въ сравнительно лучшемъ положеніи находятся тѣ дѣвушки-матери, которыя въ качествѣ кормилицы пробыли опредѣленный срокъ въ воспитательномъ домѣ, потомъ выходятъ оттуда со своимъ ребенкомъ и получаютъ на него девять рублей въ мѣсяцъ. Эти деньги даютъ имъ возможность кое-какъ перебиваться. Иногда мать увеличиваетъ свои средства работой на фабрикѣ. Въ такомъ случаѣ ей приходится нанимать няньку для своего ребенка или платить дороже за уголъ. Часто квартирная хозяйка берется ходить за ребенкомъ въ тѣ дни, когда мать на работѣ. Ночь и въ праздникъ мать сама съ нимъ возится. Если у квартирной хозяйки нѣтъ своихъ дѣтей и она относительно свободна, то за ребенкомъ уходъ бываетъ удовлетворительный. Но нерѣдко у нея есть свои маленькія дѣти или она держитъ квартиру съ большимъ количествомъ жильцовъ. Въ послѣднемъ случаѣ у нея бываетъ много дѣла и уходъ за ребенкомъ почти всегда бываетъ плохъ.

Нянекъ нанимаютъ не только незамужнія матери, но и замужнія, если онѣ работаютъ на фабрикѣ. На фабрику замужнія ходятъ только тогда, когда у нихъ есть одинъ, много два ребенка. При большемъ количествѣ дѣтей мать обыкновенно остается дома.

Въ няньки къ бѣдной рабочей семьѣ, которая тѣснится въ одной комнатѣ или даже въ углу, идутъ совсѣмъ бездомныя старухи, которымъ больше дѣваться некуда. Ихъ берутъ изъ-за куска хлѣба. Платы имъ никакой не полагается. Въ рѣдкихъ случаяхъ въ няньки идутъ и молодыя дѣвушки, которыя нуждаются

въ заработкѣ, но почему-либо не могутъ работать на фабрикѣ. Десяти-двѣнадцатилѣтнихъ нянекъ дѣвочекъ мнѣ приходилось встрѣчать только въ семьяхъ, гдѣ онѣ ухаживаютъ за своими братьями и сестрами.

Няньки-дѣвочки нерѣдко служатъ причиной болѣзни грудного ребенка и приносятъ ему не мало вреда. Но какъ десятилѣтняя нянька часто остается и хозяйкой, давая тѣмъ возможность матери работать на фабрикѣ, то мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать подобные случаи. Иногда десятилѣтнія дѣвочки довольно удачно исправляютъ обязанности хозяйки.

При сношеніяхъ съ бѣдными рабочими семьями, мнѣ постоянно приходилось убѣждаться въ томъ, что жены вообще предпочитаютъ крошечную квартирку, гдѣ онѣ могутъ помѣщаться только со своей семьей, безъ жильцовъ, это и понятно. Если есть жильцы, то хозяйка не оберется разныхъ столкновеній и дрязгъ, и на нее часто ложится болѣе тяжелая работа, нежели на мужа. Пустивъ, напр., въ квартиру артель и имѣя своихъ собственныхъ дѣтей, хозяйка часто имѣетъ столько работы, что не въ состояніи справиться съ ней одна, и ей приходится брать себѣ помощницу. Въ такія помощницы обыкновенно идутъ замужнія женщины, которыя почему-либо на фабрикѣ не работаютъ и имѣютъ свободное время. Платой за помощь служитъ уголъ, гдѣ помощница живетъ со своимъ мужемъ.

Жена вообще рѣдко соглашается своей охотой пускать артель и работать на нее. Чаще всего это дѣлается по настоянію мужа, котораго къ этому иногда принуждаетъ крайняя нужда, а иногда желаніе увеличить доходъ семьи. Случается, что работа на артель пагубно дѣйствуетъ на женщину, особенно непривычную къ ней. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Ко мнѣ явился заводскій чернорабочій съ просьбой навѣстить его жену.

— Чахнетъ она что-то,—сказалъ онъ.—Вы ее знаете. Помните, въ темной кухнѣ ребенка лѣчили. При смерти совсѣмъ былъ. Вы говорили, что ему свѣтъ нуженъ и надо уйти изъ темнаго угла. Ему полегчало, мы и переѣхали на другую квартиру. Въ свѣтлой кухнѣ теперь живемъ. Ребенокъ здоровъ, а жена что-то хвораетъ.

Эти слова мнѣ напомнили одну квартиру въ нижнемъ этажѣ стараго полуразрушеннаго деревяннаго дома. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ средней величины и кухни. Ея отличительнымъ признакомъ былъ полумракъ, господствующій во всѣхъ помѣщеніяхъ. Окна въ комнатахъ выходили къ стѣнѣ, находящейся отъ нихъ на близкомъ разстояніи. Въ кухнѣ было темнѣе и ея окна выходили въ корридоръ. Обѣ комнаты занимала артель одинокихъ, а въ кухнѣ помѣщалось три семьи: хозяйка съ мужемъ и грудным ребенкомъ и двѣ семьи жильцовъ. У одной изъ нихъ также былъ грудной ребенокъ. Къ нему меня и пригласили.

Больной лежалъ на родительской кровати. Здѣсь было такъ темно, что для осмотра ребенка пришлось зажечь огонь. Больной былъ безъ сознанія. Около него сидѣла мать, молодая, высокая и довольно красивая женщина.

— Умреть, должно быть,—безнадежно сказала она мнѣ.—Руки и ноги холодныя. Другой день никакой пищи не принимаетъ. Гдѣ ужъ ему поправиться. Жалко. Первенькій онъ у меня.

На мое предложеніе придти за лѣкарствомъ квартирная хозяйка возразила:

— Какое ему лѣкарство теперь? Совсѣмъ умираетъ.

Я не стала настаивать и удовлетворилась обѣщаніемъ матери, что если ребенку будетъ легче, то она придетъ за лѣкарствомъ.

Потомъ меня попросили осмотрѣть ребенка квартирной хозяйки. Онъ былъ истощенъ и страдалъ хроническимъ желудочно-кишечнымъ катарромъ.

Я попыталась выяснить матерямъ, какъ вредно для дѣтей жить въ темнотѣ, но мои убѣжденія не подѣйствовали.

— Мало ли дѣтей живутъ по темнымъ угламъ да не умираютъ отъ этого,— возражали мнѣ.

Черезъ день послѣ этого изъ той же квартиры ко мнѣ явился жилецъ, отецъ больного ребенка. Онъ сказалъ, что пришелъ за лѣкарствомъ, и просилъ зайти къ нимъ посмотрѣть хозяйскаго мальчика, который былъ совсѣмъ при смерти.

Я начала убѣждать его выѣхать изъ темнаго угла.

— Гдѣ ужъ намъ думать о хорошей квартирѣ,— возразилъ онъ.—Получаю всего семьдесятъ копѣекъ въ день. На уголъ только хватаетъ.

— Трудно изъ этого платить больше трехъ рублей,—согласилась я.—Только зачѣмъ же непремѣнно жить въ темномъ углу? За эти деньги можно нанять свѣтлый.

По всей вѣроятности, мои убѣжденія остались бы безъ всякаго результата, если бы не умеръ хозяйскій мальчикъ. Его смерть напугала родителей нѣсколько поправившагося ребенка и они выѣхали изъ темнаго угла.

Теперь отецъ пришелъ звать меня на новую квартиру, заявляя, что они переселились въ свѣтлую кухню и что ребенокъ почти совсѣмъ здоровъ, но больна мать.

Когда я пришла къ нимъ, больная съ ребенкомъ лежала на кровати. Кухня была маленькая, аршинъ пять длины и аршина три ширины. Кровать и плита стояли рядомъ. Между ними оставался только узкій проходъ. Иначе невозможно было размѣститься. Попала я въ обѣденное время. Въ первой комнатѣ обѣдали рабочіе, кто стоя, кто сидя. Ѣли торопливо. Хозяинъ самъ наливалъ похлебку и подавалъ обѣдающимъ. Ѣли по деревенски: изъ одной большой чашки и деревянными ложками. Для жаренаго картофеля, который составлялъ второе блюдо, были вилки.

Я поняла, что попала въ артель, и спросила объ этомъ больную.

— Хозяинъ снялъ квартиру и пустилъ артель, двадцать два человѣка,— отвѣчала она.—Замучили они меня совсѣмъ. Съ ребенкомъ некогда выдти на улицу. Изъ силъ выбилась. Насилу обѣдъ сготовила, а теперь вотъ лежу. Онъ самъ подаетъ. Не могу я.

Больная имѣла очень истощенный видъ и страдала сильнымъ малокровіемъ. Очевидно, ей было не по силамъ работать на артель, состоящую изъ двадцати двухъ человѣкъ.

Я заговорила съ мужемъ о томъ, что бабѣ тяжело, потому она и хвораетъ.

— Вѣдь многіе артель держутъ и бабы также работаютъ, а здоровы. Нѣтъ, это къ ней просто болѣзнь пристала. Вы посмотрите ее да лѣкарство дайте. Можетъ, и полегчаетъ,—сказалъ онъ.

Но мои слова, что онъ такъ жену замучаетъ, онъ возразилъ, что онъ и самъ замучился, что эти дни онъ самъ артели обѣдъ собираетъ. Придутъ съ работы. Баба лежитъ. Приходится самому оставаться безъ обѣда, и другихъ кормить. На мое замѣчаніе, что надо было бы взять поменьше квартиру и пускать меньше жильцовъ, онъ отвѣтилъ: «Такое ужъ наше положеніе». Очевидно, онъ успѣлъ оцѣнить выгоды содержанія артели, такъ какъ послѣдняя не только оплачивала имъ квартиру, но и оставляла нѣсколько рублей за трудъ. Потому до извѣстной степени жертвовалъ женой. Впрочемъ, это былъ довольно хорошій мужъ. Онъ видимо жалѣлъ жену и старался облегчить ея трудъ, помогая ей, когда позволяло время.

Артель торопливо кончила обѣдъ и ушла. Мужъ моей паціентки такъ и не успѣлъ пообѣдать. Онъ взялъ съ собой кусокъ хлѣба съ мясомъ, предполагая съѣсть ихъ на ходу.

При той тѣснотѣ, въ которой живетъ петербургскій рабочій людъ, положеніе больныхъ нерѣдко бываетъ просто невозможнымъ. Имъ нужны покой и тишина, а въ квартирѣ и даже въ комнатѣ больнаго шумъ, громкіе разговоры, а иногда пѣніе и крикъ.

Однажды меня пригласили къ больной женщинѣ. Вся квартира состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатъ и полутемной кухни. Въ одной комнатѣ жили четверо одинокихъ, а въ другой хозяйская семья: мужъ съ женой и трое дѣтей. Въ кухнѣ были также жильцы: мужъ съ женой. Меня встрѣтила жилица и привела къ больной, которой оказалась сама квартирная хозяйка.

Больная съ грудным ребенкомъ лежала на кровати. У нея былъ растерянный и страдальческій видъ. На головѣ лежалъ компрессъ.

— Два дня тому назадъ она родила,—сказала мнѣ жилица.—А сегодня родимецъ началъ ее трясти. Долго билъ. Насилу отошла.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ, которая отдѣлялась отъ комнаты больной только тонкой перегородкой, раздался крикъ, затѣмъ брань и шумъ. Въ заключеніе послышались поцѣлуи и пьяный говоръ.

— Тамъ понедѣльничаютъ,—объяснила мнѣ жилица, когда я спросила, что это такое.—Получка была въ субботу. Потому теперь гуляютъ и шумятъ; когда денегъ нѣтъ, тихо бываетъ.

— Голову всю разломило,—простонала больная.—Полежала бы въ тишинѣ, можетъ, и полегчало бы.

— Вы имъ скажите, чтобы поменьше шумѣли,—замѣтила я.

— Обидятся,—возразила больная.—Скажутъ—и погулять нельзя. Пожалуй, съ квартиры съѣдутъ. Жалко. Эти хоть не должаютъ. А другой поживетъ да и съѣдетъ, не заплативши.

Въ это время за стѣной, возлѣ которой стояла кровать больной, раздалось громкое и веселое пѣніе.

— У сосѣдей,—замѣтила жилица.—Вчера у нихъ крестины были и сегодня еще пируютъ.

— Вамъ тутъ нельзя оставаться,—сказала я больной.—Въ больницу надо ѣхать. Тамъ вамъ будетъ спокойнѣе и скорѣе поправитесь.

— Не могу я ѣхать въ больницу,—отвѣчала она.—У меня, кромѣ этого, еще двое маленькихъ дѣтей. Кто за ними безъ меня присмотритъ? И квартиру нельзя бросить. Вонъ имъ,—она указала на комнату жильцовъ,—надо обѣдъ сготовить. И мужъ съ работы придетъ, тоже ѣсть хочетъ. Дома, отпуститъ немного, я сволокусь и сдѣлаю все, а изъ больницы, пожалуй, не скоро и выпустятъ. Безъ меня здѣсь все пропадетъ... Богъ дастъ и дома поправлюсь.

Я попробовала еще ее уговаривать, но это было безполезно. Моя паціентка осталась дома.

Моя дѣятельность въ качествѣ думскаго врача продолжалась очень короткое время. Не смотря на это, я могу привести множество случаевъ, когда выполненіе моихъ доброжелательныхъ совѣтовъ наталкивалось на непреодолимыя препятствія въ родѣ дороговизны квартиръ, малаго заработка, невозможности устроиться хорошенько съ ѣдой и проч. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ моя роль, какъ врача, оказывалась очень жалкой. Мнѣ приходилось снабжать моихъ паціентовъ лѣкарствами въ полной увѣренности, что они ни къ чему не служатъ, и давать имъ совѣты, неосуществимость которыхъ для меня была слишкомъ очевидна.

Женщина-врачъ **М. И. Покровская.**

За границей.

Эмиль Золя передъ судомъ присяжныхъ. Какъ извѣстно уже читателямъ изъ газетъ, къ Золя примѣнена высшая мѣра наказанія: онъ приговоренъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ и уплатѣ 3.000 франковъ штрафа. Но и самый приговоръ и сущность дѣла, изъ-за котораго пострадалъ Золя, отступаютъ на задній планъ передъ возмутительною пародіею на правосудіе, которая совершалась въ залѣ суда, и картиною нравовъ французскаго общества, печати и властей. Все, что происходило въ судѣ во время двухнедѣльнаго разбирательства, было необыкновенно и противорѣчило самымъ элементарнымъ понятіямъ о правосудіи, а травля, которая въ это же время происходила на улицахъ и въ печати, сцены, разыгрывавшіяся въ самомъ зданіи дворца правосудія,—все это невольно возбуждаетъ вопросъ: что же сталось съ Франціей, съ той націей, которая шла впереди европейскаго прогресса и первая провозгласила великія идеи равенства и справедливости?

Ни о какой справедливости, ни о какомъ равенствѣ передъ законами страны не было и рѣчи въ процессѣ Золя. Съ начала до конца весь этотъ процессъ былъ правонарушеніемъ, посягательствомъ на личную свободу, насмѣшкой надъ правосудіемъ. Золя явился передъ судомъ простымъ искателемъ правды; у него даже не было въ запасѣ никакого сенсаціоннаго документа, который бы онъ могъ предъявить суду, ничего, кромѣ убѣжденія въ своей правотѣ. Онъ надѣялся пролить свѣтъ на темное дѣло, вынудить людей, прячущихся за тотъ фетишъ, который называется во Франціи «chose jugée», раскрыть истину и признать ошибку, если таковая сдѣлана, но борьба оказалась неравной. На сторонѣ Золя было только сочувствіе лучшихъ людей Франціи, ученыхъ, литераторовъ и политическихъ дѣятелей, пользующихся безукоризненною репутаціей, но на противоположной сторонѣ была власть, опирающаяся на весь свой авторитетъ, и толпа, загипнотизированная словами: «Честь арміи», «Безопасность Отечества» и т. п. Разнуздывались самыя дикія страсти и толпа съ криками «Vive l'armée!» бросалась разорять лавки и магазины и бить прохожихъ — однимъ словомъ, разыгрывались возмутительныя сцены насилій, напоминающихъ средніе вѣка и недостойныхъ ни цивилизованной націй, ни конца XIX вѣка, гордящагося своимъ прогрессомъ.

По мѣрѣ того какъ, благодаря искусству талантливаго защитника Золя, адвоката Лабори, на судѣ раскрывались злоупотребленія и правонарушенія, допущенныя въ дѣлѣ Дрейфуса, озлобленіе властей, защищающихъ неприкосновенность «chose jugée», все возрастало и въ странномъ поведеніи предсѣдателя, нѣкоторыхъ свидѣтелей и прокурора и даже въ упорномъ молчаніи присяжныхъ, не обращающихся къ суду ни съ какими вопросами для разъясненій сути дѣла, можно было заранѣе усмотрѣть исходъ процесса. Но самымъ характернымъ фактамъ въ этомъ отношеніи явилось обращеніе генерала Буадефра, начальника Главнаго штаба, къ присяжнымъ. Онъ такъ-таки напрямикъ заявилъ имъ, что весь Генеральный штабъ и все военное Министерство выйдутъ въ отставку, если только они осмѣлятся вынести Золя оправдательный приговоръ и этимъ докажутъ что они оправдываютъ его сомнѣнія въ *непогрѣшимости* военныхъ судей, осудившихъ Дрейфуса. Министръ президентъ Мелинъ въ началѣ судопроизводства объявилъ, что онъ «ввѣряетъ честь арміи 12-ти гражданамъ, которые съумѣютъ отмстить за ея поруганіе!» И все это говорится по адресу присяжныхъ! Въ какой же странѣ можетъ быть допущено подобное давленіе на совѣсть и волю присяжныхъ? Но во Франціи, гдѣ власти, ради прикрытія своего произвола и беззаконій, стараются запугать общественное мнѣніе намеками на опасность для страны и все свести къ вопросу объ оскорбленіи арміи—этого

оплота страны,—подъ вліяніемъ постояннаго подогрѣванія и патріотическихъ чувствъ, исчезло чувство справедливости. На судѣ однимъ свидѣтелямъ разрѣшалось говорить и голословно утверждать, что рѣшеніе суда было правильно, другихъ же предсѣдатель лишалъ права слова, если только ихъ показанія становились неудобными для военныхъ властей. Точно также предсѣдатель лишалъ слова защитника, лишь только онъ задавалъ *неудобный* вопросъ. Такимъ образомъ, допросъ свидѣтелей на судѣ являлся настоящею комедіей. Одни изъ свидѣтелей ссылались на государственную, другіе на профессіональную, третьи на частную тайну, а вызванные въ судъ члены военнаго суда буквально не вымолвили ни единаго слова, такъ какъ предсѣдатель далъ имъ право не отвѣчать на вопросы защитника. Они стояли молча, обнаруживая полнѣйшее презрѣніе къ защитѣ и не отвѣчая Лабори ни на одинъ вопросъ, и также молча вернулись на свои мѣста, когда кончилась комедія допроса. Также точно поступилъ и Эстергази, которому Лабори предложилъ сто вопросовъ. Не вымолвивъ ни слова, Эстергази вернулся на свое мѣсто, а при выходѣ изъ суда ему устроили овацію: офицеры пожимали ему руку, жандармы обнимали его и вынесли на своихъ плечахъ изъ залы суда, а принцъ Орлеанскій съ чувствомъ пожалъ ему руку, чтобы выразить свое уваженіе, — какъ онъ сказалъ — къ «chose jugée».

Несмотря на всѣ препятствія, которыя воздвигались защитѣ, Лабори удалось выяснить многое, хотя и не удалось раскрыть тайну дѣла Дрейфуса. Генералъ Бильо заявилъ въ палатѣ, что пересмотръ этого дѣла былъ бы «безуміемъ», но повидимому это безуміе неизбѣжно и волей-неволей министерству Мелина придется согласиться на пересмотръ. Что касается дѣла Эстергази, то на судѣ также выяснилось, что оно было не болѣе какъ комедіей, имѣющей цѣлью успокоить общественное мнѣніе, но недостигшей этой цѣли. Возбужденіе умовъ все усиливается и приговоръ суда не можетъ уничтожить его. У лучшей части французскаго населенія и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ несомнѣнно долженъ былъ явиться вопросъ: какую цѣну можно придавать приговорамъ военнаго суда въ дѣлѣ Эстергази и Дрейфуса? Вѣдь генеральный штабъ не постѣснился оказать давленіе на судъ присяжныхъ въ дѣлѣ Золя, развѣ не могъ онъ прибѣгнуть къ такому же способу и въ отношеніи военнаго суда?

Успѣхи женскаго движенія на Западѣ. Все увеличивающійся интересъ къ женскому движенію вызвалъ необходимость основательнаго его изученія, что представляетъ пока немалыя затрудненія, такъ какъ многочисленная литература по женскому вопросу разсѣяна по разнымъ мѣстамъ. Въ виду этого у нѣсколькихъ изъ видныхъ дѣятельницъ женскаго движенія въ Берлинѣ явилась мысль организовать *библіотеку женскаго вопроса* (Bibliothek zur Frauenfrage). Избравъ своею предсѣдательницей г-жу Кауэръ, дамскій комитетъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ собралъ не большую библіотеку, которая помѣщается въ нижнемъ этажѣ лицея Викторія (Potsdamerstrasse, 38 — 39). Спустя годъ, комитетъ могъ уже издать печатный каталогъ всѣхъ книгъ по женскому вопросу, вошедшихъ въ составъ библіотеки. Тогда библіотека состояла уже изъ 500 томовъ, и съ тѣхъ поръ она еще увеличилась. Тутъ находятся сочиненія многихъ знаменитыхъ писателей и ученыхъ, за или противъ женскаго вопроса, а также все, что вышло изъ-подъ пера женщинъ-писательницъ и имѣло отношеніе не только къ женскому вопросу вообще, но и къ вопросу о женскомъ трудѣ, семейномъ положеніи, нравственности, физіологіи женщины, уходу за ея здоровьемъ, защитѣ, оказываемой ей законами и т. п. Составительницы библіотеки руководствовались при ея устройствѣ совершенно объективною точкою зрѣнія и въ библіотекѣ собраны не только сочиненія сторонниковъ женскаго вопроса, но и противниковъ.

Библіотека открыта по воскресеньямъ съ половины одиннадцатаго утра до

восьми вечера. Доступъ въ нее открытъ каждому (разумѣется и мужчинамъ), уплатившему за право входа 10 пфенниговъ (меньше пяти копѣекъ). Годовой абонементъ стоитъ двѣ марки (около рубля) и абонентъ имѣетъ право брать сколько угодно книгъ изъ библіотеки на домъ, но держать ихъ можетъ не болѣе четырехъ недѣль. Иногородніе также могутъ записаться въ эту библіотеку и книги имъ отправляются по почтѣ, причемъ они уплачиваютъ почтовые расходы. Желающіе выписать каталогъ библіотеки, стоющій тридцать пфенниговъ (около 15 коп.), могутъ обращаться къ библіотекаршѣ по слѣдующему адресу: Fräulein Guttmann, Potsdammerstr. 38, Berlin.

Германская женщина очень послѣдовательна въ своей борьбѣ и намѣрена выступить во всеоружіи. Движеніе охватило всѣ классы германскаго общества, но можно наблюдать три группы. Къ первой надо отнести консервативную группу, носящую названіе «Патріотическаго общества германскихъ женщинъ», организованнаго еще во времена наполеоновскихъ войнъ. Вторую группу, либеральную, самую обширную, составляетъ средній или профессіональный классъ женщинъ; третья же, также очень многочисленная, называется радикальной и состоитъ преимущественно изъ работницъ. Послѣдняя группа пользуется наибольшимъ политическимъ вліяніемъ, такъ какъ ее поддерживаетъ и мужская рабочая партія, раздѣляющая воззрѣнія женщинъ на равноправіе женскаго труда. Совмѣстная дѣятельность двухъ послѣднихъ группъ сдѣлала много для успѣха женскаго движенія. Существеннымъ результатомъ явилось внесеніе въ рейхстагъ предложенія о назначеніи женщинъ на фабрики, на должность фабричныхъ инспекторовъ. Предложеніе поддерживается соціалъ-демократами, національ-либералами и союзомъ свободомыслящихъ, и въ скоромъ времени будетъ обсуждаться законопроектъ, касающійся реорганизаціи надзора за фабриками и учрежденія женщинъ инспекторовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ предложеніемъ въ рейхстагѣ снова былъ поднятъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты и разрѣшеніи имъ права медицинской практики. Вопросъ былъ возбужденъ національ-либеральнымъ депутатомъ княземъ Каролатомъ и пренія указываютъ, что отношеніе рейхстага измѣнилось въ болѣе благопріятную для женщинъ сторону. Стремленія женщинъ къ высшему образованію уже не встрѣчаютъ въ германскомъ парламентѣ ожесточенной оппозиціи и насмѣшекъ, какъ въ прежнее время. Теперь еще женщины допускаются въ германскіе университеты лишь какъ постороннія слушательницы, при условіи согласія ректора университета и каждаго профессора и приватъ-доцента, лекціи котораго онѣ хотятъ посѣщать. Въ настоящее время въ берлинскомъ университетѣ слушаютъ лекціи 188 женщинъ, изъ нихъ 18 замужнихъ и 78—иностранки. Среди слушательницъ есть очень немолодыя; одной, напримѣръ, слушающей лекціи политической экономіи, 62 года, да и вообще есть нѣсколько слушательницъ между 40 и 55-лѣтнимъ возрастомъ, самой же молодой — семнадцать лѣтъ. Большинство женщинъ принадлежитъ къ среднему сословію, но есть и дочери рабочихъ и низшихъ служащихъ, сторожей и т. п.

Какъ трудно германскому обществу отрѣшиться отъ своихъ предубѣжденій, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ: 1.249 городскихъ учительницъ въ Берлинѣ обратились къ бургомистру Целле, съ ходатайствомъ о назначеніи женщины-врача для медицинскаго освидѣтельствованія учительницъ. Каждая кандидатка на должность городской учительницы обязана представить медицинское свидѣтельство отъ городского врача, и совершенно понятно, что процедура медицинскаго изслѣдованія въ особенности непріятна, когда она производится врачемъ мужчиной. Но ходатайство учительницъ, разсмотрѣнное въ закрытомъ засѣданіи берлинскаго магистрата, было отвергнуто *громаднымъ большинствомъ голосовъ*.

Въ другихъ странахъ мы видимъ совсѣмъ другое отношеніе къ этому вопросу. Португальская королева, напримѣръ, недавно сдала блестящій медицинскій экзаменъ въ Лондонѣ, въ коммиссіи врачей и въ настоящее время состоитъ президентомъ санитарнаго отдѣленія португальской медицинской коллегіи. Королева давно уже начала изучать медицину и посѣщала клиники и лекціи профессоровъ лиссабонскаго университета. Къ этому ее побудили частыя заболѣванія короля, за которымъ она всегда лично ухаживала. Изучивъ медицину, королева посвятила себя лѣченію бѣдныхъ и теперь въ дома бѣдняковъ она вноситъ не только утѣшеніе и матеріальную помощь, но является туда и въ качествѣ врача и число ея бѣдныхъ паціентовъ съ каждымъ днемъ увеличивается.

Два восточныхъ монарха пользуются услугами женщинъ-врачей. При афганскомъ эмирѣ давно уже состоитъ лейбъ-медикомъ женщина, англичанка, вылѣчившая его года два тому назадъ отъ очень опасной болѣзни. Эмиръ до такой степени довѣряетъ ей, что не хочетъ лѣчиться ни у какого другого врача и съ большою неохотой согласился дать ей отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, которымъ она воспользовалась, чтобъ посѣтить своихъ родныхъ въ Англіи. Другой восточный монархъ, послѣдовавшій примѣру афганскаго эмира, это—абиссинскій негусъ Менеликъ, выписавшій въ Адисъ-Абабу женщину-врача изъ Цюриха, которая и будетъ состоять лейбъ-медикомъ при немъ и его семействѣ. Говорятъ, что Менеликъ сдѣлалъ это по совѣту швейцарскаго инженера Ильга, пользующагося его довѣріемъ.

Въ Гейдельбергскомъ университетѣ въ настоящее время слушаютъ лекціи двадцать женщинъ. Большинство находится на филологическомъ факультетѣ и двѣ изучаютъ математику. Изъ этихъ 20 слушательницъ 9 иностранокъ.

Министръ просвѣщенія въ Австріи разрѣшилъ двумъ дѣвушкамъ, кончившимъ курсъ въ русской гимназіи и затѣмъ учившимся въ цюрихскомъ университетѣ, поступить вольнослушательницами на философскій факультетъ вѣнскаго университета; ходатайства 17 другихъ, обращавшихся къ нему съ подобною же просьбою, были отвергнуты за недостаточностью правъ. Число всѣхъ слушательницъ вѣнскаго университета въ настоящее время достигаетъ 36.

Въ Англіи за послѣдніе десять лѣтъ степень доктора получили 612 женщинъ и 3.026 мужчинъ. Если вспомнить, что до 1878 года женщинамъ былъ закрытъ доступъ въ университеты и что Оксфордъ и Кэмбриджъ до сихъ поръ упорно отказываютъ женщинамъ въ полученіи ученыхъ степеней, то нельзя не признать, что англичанки достигли многаго въ короткій промежутокъ времени.

Больше всѣхъ странъ успѣваетъ Америка. Американской женщинѣ всѣ пути открыты. Женщины-врачи въ Америкѣ не встрѣчаютъ препятствій не только къ частной практикѣ, но и къ занятію офиціальныхъ должностей. Такъ, напримѣръ, на тихо-океанской желѣзной дорогѣ врачемъ состоитъ женщина. Многія изъ женщинъ-врачей занимаютъ штатныя должности въ разныхъ городскихъ учрежденіяхъ и госпиталяхъ. Въ Оклагамѣ, гдѣ женщины пользуются избирательными правами, должность начальника полиціи занимаетъ женщина—миссъ Ада Керистисъ, Миссъ Рахиль Франкъ, кончившая курсъ въ еврейской семинаріи въ Цинцинатти, занимаетъ въ настоящее время должность раввина. Около двѣнадцати женщинъ состоятъ пасторами въ разныхъ американскихъ городахъ и пользуются репутаціей превосходныхъ проповѣдницъ. Даже должность одного изъ биржевыхъ маклеровъ на нью-іорской биржѣ занимаетъ женщина; среди капитановъ, командующихъ судами, есть также женщины, а въ Канзасъ Сити начальникомъ пожарной команды также состоитъ женщина.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о французскихъ женщинахъ-журналистахъ. Профессія журналиста — любимая профессія французскихъ женщинъ и онѣ охотно выбираютъ ее. Въ области журналистики онѣ пользуются и одинако-

выми правами съ мужчинами, и легче могутъ добиться извѣстности и обезпеченнаго положенія; поэтому число женщинъ-журналистовъ во Франціи все возрастаетъ. Въ прошломъ году ихъ было 2.510; изъ нихъ 1.000 занимаются беллетристикой, 200 пишутъ стихи, а 150 посвятили себя исключительно педагогической литературѣ.

Булувайо.—Въ Сѣверной Америкѣ города растутъ, какъ грибы. Нѣчто подобное наблюдается теперь въ Африкѣ. Тамъ, гдѣ была знойная пустыня, гдѣ разгуливали стада антилопъ и производили набѣги племена зулусовъ и кафровъ, въ настоящее время красуется европейскій городъ, который быстро растетъ и развивается. Городъ этотъ—Булувайо, выстроенный на мѣстѣ прежней резиденціи короля матабеловъ Лобенгулы, умершаго въ 1894 году. Англичане въ 1889 году объявили землю матабеловъ въ сферѣ англійскаго вліянія и передали управленіе этой территоріей южноафриканской компаніи, основанной Сесилемъ Родесомъ. Матабелы нѣсколько разъ пробовали свергнуть англійское владычество и возставали противъ англичанъ, но всякій разъ возстаніе бывало подавлено и въ послѣдній разъ матабелы были разбиты въ 1896 году. Англичане сдѣлались въ настоящее время почти полными хозяевами въ этой мѣстности, обладающей прекраснымъ здоровымъ климатомъ и плодородною почвой, а также золотыми розсыпями, привлекающими искателей счастья и приключеній. Въ короткое время, всего въ какихъ-нибудь два года, Булувайо, бывшая резиденція Лобенгулы, превратился въ европейскій городъ и служитъ теперь наглядымъ доказательствомъ прогресса цивилизаціи на черномъ континентѣ.

Городъ Булувайо выстроенъ по плану американскихъ городовъ и, очевидно, основатели его твердо вѣрятъ въ его широкое будущее, такъ какъ, составляя планъ, они главнымъ образомъ имѣли въ виду быстрый ростъ города. Улицы Булувайо расположены очень правильно и очень широки (20 футъ). По обѣимъ сторонамъ онѣ обсажены деревьями, такъ что образуютъ рядъ бульваровъ. Городъ уже освѣщенъ электричествомъ и устроенъ водопроводъ. У восточной окраины города разбитъ прекрасный паркъ и тропическій садъ для прогулокъ обывателей.

Городъ лежитъ на возвышенности, поднимающейся 5.000 футъ надъ уровнемъ моря, и такъ какъ, благодаря этому, Булувайо имѣетъ здоровый климатъ, то люди со слабыми легкими начинаютъ себя прекрасно чувствовать, поживши нѣкоторое время въ этомъ африканскомъ городѣ, гдѣ, слѣдуетъ прибавить, жара не очень ощутительна, даже для непривычныхъ людей.

Населеніе города къ началу прошлаго года было около 5.000 тысячъ, но оно такъ быстро возрастало, что къ концу года достигло 12 или 15 тысячъ. Замѣчательно, что въ этомъ городѣ вовсе незамѣтно преобладанія бродягъ и искателей приключеній, которые обыкновенно наполняютъ мѣста, гдѣ водится золото. Булувайо составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе.

Въ городѣ уже основана газета и школа для туземцевъ и обывателей. Къ удивленію, туземцы довольно охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школу, и черезъ короткій срокъ страна матабеловъ цивилизуется окончательно и вслѣдствіе своего хорошаго климата будетъ служить большою приманкою для европейцевъ.

Политическій клубъ въ Парижѣ. Въ февралѣ этого года состоялось открытіе политическаго клуба въ Парижѣ, устроеннаго по образцу англійскихъ политическихъ клубовъ, составляющихъ центръ политическихъ ассоціацій. Клубъ этотъ называется «Grand cercle républicain». Цѣли, которыя ставитъ себѣ клубъ, средства, которыми онъ располагаетъ для ихъ достиженія, а также и то обстоятельство, что въ организаціи этого клуба приняли участіе очень видные по-

литическіе дѣятели, вполнѣ объясняютъ, почему учрежденіе клуба считается выдающимся событіемъ во Франціи. Притомъ же этотъ новый французскій политическій клубъ совершенно отличается отъ прежнихъ политическихъ клубовъ, существовавшихъ во времена революціи и въ 1848 г., такъ какъ то были просто политическія ассоціаціи, организованныя ради непосредственныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ «Grand cercle republicain», подобно англійскимъ клубамъ, носитъ не только политическій, но и свѣтскій характеръ. До сихъ поръ въ Парижѣ въ чисто свѣтскихъ клубахъ недостатка не было; оставалось только выбирать. Но всѣ эти клубы никакого отношенія къ политикѣ не имѣли, уставъ даже запрещалъ членамъ всякіе разговоры о политикѣ, разрѣшая имъ только болѣе или менѣе легкомысленное времяпрепровожденіе и развлеченія, главнымъ образомъ заключающіяся въ игрѣ въ карты, на бильярдѣ и т. п. Въ Англіи такіе клубы устроены на совершенно иныхъ основаніяхъ и служатъ центромъ и мѣстомъ общенія людей, принадлежащихъ къ одной и той же политической партіи, соединяя при этомъ въ себѣ и весь комфортъ, присущій свѣтскимъ клубамъ, и характерныя черты политическихъ ассоціацій. Благодаря такому соединенію политическаго и свѣтскаго характера, англійскіе клубы много содѣйствуютъ объединенію членовъ одной и той же партіи, и ихъ взаимному пониманію. Во Франціи не существовало до сихъ поръ подобнаго учрежденія и, по мнѣнію многихъ политическихъ дѣятелей, это было большимъ пробѣломъ въ ея политической жизни. Инціатива созданія новаго клуба принадлежитъ Вальдекъ Руссо, который въ прошломъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ изложилъ свою идею на редакціонномъ обѣдѣ журнала «Revue politique et parlementaire». Тотчасъ былъ избранъ организаціоный комитетъ, и вотъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, явилось на свѣтъ новое политическое учрежденіе «Cercle républicain» и какъ разъ въ такой моментъ, когда во Франціи происходитъ ожесточенная борьба партій, и страсти разгораются все сильнѣе и сильнѣе.

Организація клуба была сопряжена съ немалыми затрудненіями. Прежде всего многимъ идея учрежденія политическаго клуба казалась неудобовыполнимой и пожалуй даже сопряженной съ нѣкоторыми опасностями. Были и такіе, которые находили, что сливать въ одно политическую ассоціацію и свѣтскій клубъ не слѣдуетъ. Но Марсель Фурнье, секретарь организаціоннаго комитета, счастливо обошелъ всѣ препятствія. Въ своемъ журналѣ онъ съ жаромъ проповѣдывалъ идею, что новый клубъ можетъ служить солиднымъ основаніемъ для организаціи умѣренно республиканской партіи. Мало-по-малу ему удалось побѣдить сопротивленіе большинства умѣренныхъ республиканцевъ и заставить ихъ повѣрить въ будущность клуба. Благодаря его энергичной пропагандѣ, клубъ, ко времени своего открытія, насчитывалъ уже до тысячи членовъ и слѣдовательно будущность его обезпечена. Какова будетъ его дѣятельность— это также покажетъ будущее.

Клубъ занимаетъ помѣщеніе въ центральной части Парижа, на итальянскомъ бульварѣ, и 15-го февраля состоялось собраніе членовъ учредителей для окончательной выработки устава.

Миссъ Вилляръ — апостолъ трезвости. Нью-іоркскія газеты сообщили о смерти миссъ Вилляръ, основательницы національнаго союза американскихъ женщинъ для борьбы съ пьянствомъ. Союзъ этотъ, который пользуется громадною популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ и обозначается буквами W. C. T. U. (Woman's Christian Temperance Union) насчитываетъ теперь десятки тысячъ членовъ и вызвалъ подражаніе въ Англіи, гдѣ организовался подобный же союзъ подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ лэди Генри Сомерсетъ и по иниціативѣ миссъ Вилляръ, пріѣзжавшей съ этою цѣлью въ Англію.

Миссъ Вилляръ была то, что называется прирожденнымъ организаторомъ и

проповѣдникомъ, но до 35 лѣтъ она была безвѣстной и скромною школьною учительницей. Она столько насмотрѣлась на страшное зло, причиняемое пьянствомъ народу, на страданія женщинъ и дѣтей, что какъ только въ 1875 году въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкоторыми изъ передовыхъ людей была организована пропаганда противъ пьянства, она немедленно присоединилась къ ней и, отдавшись этому дѣлу всей душой, отказалась отъ своей прежней профессіи. Тутъ-то ея организаторскій талантъ проявился во всей силѣ. Она основала вышеназванный союзъ и сама сдѣлалась секретаремъ новаго общества, оставаясь въ то же время его душою и руководительницею его дѣятельности. Трудно жилось въ это время миссъ Вилларъ, средства ея были очень ничтожны, а отъ должности школьной учительницы она отказалась, потому что хотѣла всю себя посвятить служенію идеѣ. Но на лишенія она не обращала вниманія, и ничто не могло уменьшить ея рвенія и энергіи. Въ теченіе десяти лѣтъ она ежедневно присутствовала на какомъ-нибудь митингѣ и произносила рѣчь. Убѣдившись, что пока женщины не будутъ равноправны, до тѣхъ поръ онѣ не въ состояніи будутъ успѣшно бороться съ общественнымъ зломъ, миссъ Вилларъ смѣло присоединилась къ ассоціаціи въ пользу избирательныхъ правъ женщины (Woman's Suffrage Association) и W. C. T. U. сталъ дѣйствовать рука объ руку со сторонниками расширенія правъ женщины. Это навлекло на миссъ Вилларъ гнѣвъ многихъ сторонниковъ ея пропаганды идей трезвости, поддерживавшихъ ее, и даже многіе отдѣлились отъ нея, послѣ того, какъ она храбро выступила защитницею правъ женщины и объединила обѣ могущественныя ассоціаціи женщинъ въ Америкѣ. Но это обстоятельство не могло остановить миссъ Вилларъ, которая не принимала во вниманіе никакія стороннія соображенія. Впрочемъ, потерявъ однихъ сторонниковъ, она немедленно пріобрѣла массу другихъ, и дѣло ея стало быстро расти. Она не жалѣла ни силъ, ни времени, ни здоровья и въ теченіе года объѣздила всѣ 44 штата и пять территорій. Она проѣхала 30.000 миль, странствуя всѣми возможными способами, по желѣзной дорогѣ, по рѣкѣ, въ экипажѣ и верхомъ. Всюду она устраивала собранія, и ея краснорѣчіе всегда дѣйствовало возбуждающимъ образомъ на слушателей, такъ что пропаганда ея имѣла громадный успѣхъ и W. C. T. U. пріобрѣталъ все больше и больше союзниковъ. Теперь этотъ женскій союзъ охватилъ своею сѣтью всѣ Соединенные Штаты; вездѣ онъ устраиваетъ собранія, публичныя чтенія, школы, народныя развлеченія, издаетъ книги, брошюры, и дѣятельность его всѣми признается плодотворной.

Миссъ Вилларъ не была узкой проповѣдницей идей трезвости и находила, что для борьбы съ общественнымъ зломъ необходимы всѣ общественныя силы и бороться надо не только на почвѣ религіозной проповѣди. Она не признавала узкой религіозной нравственности и поэтому вызвала гнѣвъ своихъ прежнихъ друзей евангелистовъ и методистовъ, отдѣлившихся отъ нея, какъ только она заявила, что не признаетъ въ данномъ случаѣ различія сектъ, и стала посѣщать митинги унитаристовъ и др. Но еще болѣе негодованія она навлекла на себя, когда созналась открыто, что любитъ театръ и находитъ его хорошимъ средствомъ для борьбы съ пьянствомъ. «Надо различать только хорошія и дурныя пьесы,—сказала она на одномъ митингѣ,—и я не могу осудить тѣхъ, кто съ чистою совѣстью ищетъ хорошихъ развлеченій, дающихъ пищу уму и сердцу».

Въ 1879 году миссъ Вилларъ была избрана предсѣдательницей W. C. T. U. и оставалась ею до самой смерти, а въ 1887 году она была избрана президентомъ женскаго совѣта Соединенныхъ Штатовъ,—федераціи женскихъ обществъ. Прибавимъ, что миссъ Вилларъ побывала и въ Россіи въ семидесятыхъ годахъ, въ самомъ началѣ своей общественной дѣятельности, когда она только что выступала на общественное поприще.

Всѣ нью-іоркскія газеты посвятили сочувственныя статьи умершей дѣятель-

ницѣ. Миссъ Вилляръ умерла 59 лѣтъ, но дѣло ее растетъ и продолжаетъ развиваться. Великолѣпнымъ памятникомъ ея дѣятельности служитъ грандіозный храмъ въ Чикаго, который такъ и называется «Woman's Temperance Temple» и гдѣ находится главная квартира союза W. C. T. U.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Review of Reviews».—«Fortnightly Review».—«Cosmopolis».

Большинство современныхъ авторовъ, писавшихъ о Джонѣ Рёскинѣ и сообщавшихъ разныя біографическія данныя изъ его жизни, утверждали, что любовь играла весьма незначительную роль въ жизни знаменитаго англійскаго писателя, критика, философа и моралиста. Извѣстно было, что Рёскинъ былъ женатъ, но бракъ его былъ именно таковъ, что могъ скорѣе подтвердить, нежели уничтожить легенду о нечувствительности Рёскина къ любви. Но вотъ редакторъ «Review of Reviews» разсказываетъ довольно грустную и въ то же время странную исторію любви Рёскина, гарантируя ея достовѣрность.

Исторія брака Рёскина слѣдующая: въ 1838 году Рёскинъ написалъ своего «Короля золотой рѣки» для прелестной маленькой шотландской дѣвочки. Эта дѣвочка, выросши, сдѣлалась красавицей и родители Рёскина подумали о томъ, что она будетъ подходящею подругою жизни для ихъ сына Джона: Джонъ былъ нелюдимый, болѣзненный человѣкъ, и родители его надѣялись, что красота и веселый нравъ молодой дѣвушки будутъ имѣть благотворное вліяніе на его характеръ. Они убѣдили его просить руки молодой дѣвушки, которая была богата и красива, и родители которой вполнѣ одобряли этотъ бракъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы Рёскинъ и его невѣста подходили другъ къ другу. Ему было 35 лѣтъ, а ей едва девятнадцать. Она любила свѣтъ, развлеченія и удовольствія и именно тотъ родъ жизни, который Рёскинъ больше всего ненавидѣлъ. Онъ любилъ только книги, произведенія искусства, растенія, минералы; свѣтъ же всегда утомлялъ его и надоѣдалъ ему. Всѣ тѣ, кто видѣлъ его въ этотъ періодъ жизни, говорятъ, что онъ имѣлъ видъ глубоко несчастнаго человѣка. И дѣйствительно, такой неравный во всѣхъ отношеніяхъ бракъ заставлялъ его терпѣть физическія и нравственныя мученія. Обѣ стороны, однако, скоро поняли, что между ними ровно ничего нѣтъ общаго и что только фантазія ихъ родителей заставила ихъ соединить вмѣстѣ свою жизнь. Въ публикѣ, однако, ничего объ этомъ не было извѣстно, и даже близко знавшіе Рёскина люди ничего не подозрѣвали объ интимной драмѣ, разыгрывавшейся въ его жизни. Поэтому, когда сдѣлалось извѣстно, что мистриссъ Рёскинъ бросила своего мужа, то это вызвало величайшее изумленіе. Рёскинъ, однако, хранилъ молчаніе и не вступалъ ни въ какія объясненія; жена же его, какъ извѣстно, вышла замужъ за знаменитаго художника, который былъ никто иной какъ Эвереттъ Милле, предполагаемый основатель прерафаэлитскаго братства, обязанный Рёскину своими первыми лаврами.

Такова была исторія брака Джона Рёскина. Но исторія его любви еще болѣе меланхолична и странна. Разсказываютъ, что Рёскинъ полюбилъ всею душой одну молодую дѣвушку, свою ученицу, и нашелъ въ ней полное сочувствіе своимъ взглядамъ и симпатіямъ. Убѣдившись, что она отвѣчаетъ ему, онъ попросилъ ея руки, но... получилъ отказъ и не потому, чтобы дѣвушка не любила его. Нѣтъ, она его обожала, но она была ярая евангелистка и когда Рёскинъ сказалъ ей, что никого въ мірѣ онъ не любитъ такъ сильно, какъ ее, то она испугалась. Значитъ Рёскинъ забылъ о Богѣ, говоря ей, что онъ лю-

*

бить ее больше всего въ мірѣ! Онъ долженъ любить Бога больше, иначе было бы грѣхомъ выйти за него замужъ. И она отказала ему. Три года бѣдный Рёскинъ добивался свиданія съ нею, умолялъ ее взять свое рѣшеніе назадъ, но она отказалась даже видѣть его и требовала, чтобы онъ прежде поклялся ей въ томъ, что любитъ Бога больше, чѣмъ ее. Рёскинъ также не хотѣлъ уступить, и такъ ему и не удалось больше увидѣть молодую дѣвушку, разбившую и его, и свою жизнь.

Въ числѣ карьеръ, къ которымъ питаютъ особенное пристрастіе англійскія современныя женщины, первое мѣсто занимаетъ карьера журналиста. Число женщинъ-журналистовъ возрастаетъ въ Англіи въ громадной пропорціи. Независимо отъ спеціально «феминистской» прессы, всѣ большія лондонскія и провинціальныя газеты насчитываютъ уже теперь цѣлую толпу женщинъ среди своихъ сотрудниковъ и притомъ огромное большинство занимается исключительно репортерствомъ, пишетъ отчеты о засѣданіяхъ палатъ, о бѣгахъ и скачкахъ, сообщаетъ о происшествіяхъ, придумываетъ «interview» и т. п. На это чудовищное возрастаніе полка журналистокъ обращаетъ вниманіе одна изъ современныхъ англійскихъ писательницъ—Джанетъ Гогартъ, посвящающая этому, по ея мнѣнію, тревожному явленію, статью въ послѣднемъ номерѣ «Fortnightly Review». Она предостерегаетъ англійскихъ женщинъ не слишкомъ увлекаться новою карьерой женщины репортера, которая, по ея мнѣнію, совершенно не подходитъ къ характеру женщины. Большинство женщинъ, избирающихъ эту карьеру, говоритъ она, увлекаются примѣрами необычайнаго успѣха, достигнутаго нѣкоторыми изъ женщинъ на этомъ пути, но такіе примѣры можно пересчитать по пальцамъ, между тѣмъ какъ множество женщинъ едва перебиваются, зарабатывая лишь самое необходимое, да и эти крохи достаются имъ съ трудомъ, такъ какъ не мало имъ надо потратить времени, усилія и здоровья, чтобы собрать свѣдѣнія, нужныя для газеты. Зачѣмъ толпиться на этомъ пути, когда теперь столько другихъ путей открыто для женщинъ!—восклицаетъ англійская писательница.—Развѣ не лучше было бы женщинамъ избирать другія карьеры, болѣе подходящія для нихъ, гдѣ для нихъ открывается широкое поле дѣятельности и онѣ могутъ принести больше пользы и достигнуть большаго успѣха, нежели въ карьерѣ репортера? Вотъ, напримѣръ, карьера врача, фабричнаго и школьнаго инспектора и т. п. Англійскія женщины мало-по-малу добились того, что многія закрытыя двери пооткрылись для нихъ,—зачѣмъ же имъ тратить энергію и силы на такую дѣятельность, которая лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ доставить имъ удовлетвореніе и дать широкій просторъ ихъ природнымъ дарованіямъ!

Въ англійскомъ отдѣлѣ журнала «Cosmopolis» печатается переписка Джона Стюарта Милля съ сенсимонистомъ Густавомъ Эйхталемъ. Многія изъ этихъ писемъ очень интересны, въ нихъ знаменитый англійскій философъ высказываетъ свои взгляды на различныя теченія, обнаруживающіяся въ англійской жизни. Въ 1839 году, въ Оксфордѣ началось религіозное движеніе, которое впослѣдствіи имѣло такое огромное вліяніе на судьбы протестантизма и католицизма въ Англіи. Джонъ Стюартъ говоритъ по этому поводу: «Что касается оксфордской школы, то это не болѣе, какъ новая католическая школа, но только безъ папы». Указывая на общія черты, существующія между старинною англиканскою доктриной и ученіемъ католической церкви, какъ единой и истинной, Джонъ Стюартъ Милль говоритъ, что оксфордская школа возстала противъ англійскаго протестантизма, призвавъ на помощь всѣ аргументы, которые выставилъ XIX вѣкъ противъ XVIII и сенсимонисты противъ «критиче-

«ской» школы. Нѣкоторые изъ приверженцевъ этой школы возстановили культъ святыхъ, а одинъ опубликовалъ даже сборникъ гимновъ на латинскомъ языкѣ, гдѣ находятся гимны Богородицѣ. Эта школа отвергаетъ право свободнаго сужденія и заявляетъ, что истинный христіанинъ долженъ не размышлять, а поучаться. Въ этомъ отношеніи выразилась реакція англиканизма противъ методизма, невѣрія и раціонализма. По словамъ Милля, ученіе это все болѣе и болѣе распространяется среди молодого духовенства, къ великому негодованію евангелической части англиканской церкви, нѣкогда столь сильной своею численностью и вліяніемъ. «Однимъ словомъ, прибавляетъ Милль, это все люди пассивнаго послушанія. Недавно одинъ изъ вождей новой школы произнесъ проповѣдь, въ которой требовалъ, чтобъ мы просили прощенія у Бога за грѣхъ, содѣянный нашими предками, прогнавшими короля Іакова II. Въ числѣ наиболѣе замѣтныхъ адептовъ этого ученія находится повидимому, Гладстонъ, единственный сколько нибудь выдающійся молодой человѣкъ изъ партіи *торіевъ* и который, какъ увѣряютъ, долженъ послѣ Пиля сдѣлаться *лидеромъ* эти партіи, если только, разумѣется, религіозныя увлеченія не помѣшаютъ его политической карьерѣ».

Какъ показывали дальнѣйшія событія, религіозныя увлеченія не помѣшали политической карьерѣ Гладстона, которая приняла совершенно другой характеръ, чѣмъ какой предвидѣлъ Джонъ Стюартъ Милль.

Школьный праздникъ въ Швейцаріи.

Маленькій, хорошенькій городокъ Цугъ. Всего три тысячи жителей, хотя и главный городъ цѣлаго кантона. Небольшое, очаровательное Цугское озеро, живописно окруженное зелеными горами; маленькіе поселки и деревушки по берегамъ его, Риги и Пилатусъ прямо противъ города, а въ глубинѣ на послѣднемъ планѣ горная цѣпь, съ бѣлоснѣжной Юнгфрау во главѣ.

Тихій, спокойный городокъ, почему-то совсѣмъ почти не посѣщаемый иностранцами, несмотря на красоту мѣстоположенія; можетъ быть, потому, что въ двухъ шагахъ отъ него находится еще болѣе красивый Люцернъ, притягивающій постоянно къ себѣ всѣхъ туристовъ. Но хорошенькій Цугъ стоитъ посмотрѣть: онъ сохранилъ вполнѣ свою оригинальную, старинную физіономію, въ противуположность большинству швейцарскихъ городовъ, которые, въ погонѣ за наживой и въ стремленіи подладиться подъ вкусъ иностранцевъ, превратились по большей части въ сплошной рядъ элегантныхъ современныхъ отелей и пансіоновъ. Въ Цугѣ же старинныя церкви и башни, узкіе высокіе дома старо-германской архитектуры, съ маленькими окнами въ рѣзныхъ переплетахъ, съ угловыми балконами-башенками, городская ратуша, со стѣнами, расписанными фресками, — все это переноситъ васъ за цѣлые вѣка назадъ, и только электрическое освѣщеніе города какъ-то странно нарушаетъ гармонію. Тишина и спокойствіе повсюду въ маленькомъ городкѣ: экипажи и омнибусы не снуютъ то и дѣло отъ отелей къ вокзалу и обратно; элегантныя лэди и джентльмены не расхаживаютъ группами по набережной, какъ въ Люцернѣ, а лишь рѣдкіе пѣшеходы неторопливо проходятъ по узкимъ улицамъ.

Но сегодня небывалое оживленіе царитъ въ этомъ скромномъ уголкѣ: колокола звонятъ, празднично-разодѣтыя толпы народа расхаживаютъ изъ улицы въ улицу, окна домовъ унизаны любопытными, а поѣзда и пароходы подвозятъ все новыхъ посѣтителей.

Что же такое происходитъ?

А ничто иное, какъ школьный праздникъ, и онъ-то произвелъ метамарфозу

въ маленькомъ городкѣ. Дѣтскіе праздники и прогулки въ Швейцаріи, конечно, не рѣдкость, но *такого* рода праздникъ бываетъ только разъ въ семь лѣтъ, и потому не удивительно, что любопытные пріѣзжаютъ на него изъ всѣхъ окрестностей. Дѣти, принимающія въ немъ участіе, тоже собраны не изъ одного только Цуга, но и изъ окрестныхъ деревень, и всѣхъ ихъ до 700 человѣкъ. Мы имѣли рѣдкое счастіе попасть именно въ одинъ изъ такихъ годовъ.

Объ этомъ праздникѣ говорилось уже заранѣе, но хорошенько никто не могъ намъ объяснить, въ чемъ онъ долженъ былъ состоять; говорили только, что будетъ «шествіе кантоновъ», т.-е. дѣтей, одѣтыхъ въ національные швейцарскіе костюмы каждаго кантона. Мы прошли на церковную площадь. Туда уже со всѣхъ сторонъ началъ собираться маленькій народъ, а учителя и учительницы размѣщали ихъ по группамъ. Каждая группа, дѣйствительно, изображала собою отдѣльный кантонъ, съ его костюмами — будничными и праздничными, его исторіей и его промышленностью, и такимъ образомъ, вся Швейцарія, въ прошломъ и настоящемъ, проходитъ передъ вами. Какой чудный, наглядный урокъ исторіи и этнографіи для дѣтей!

Но вотъ кортежъ сформированъ и двинулся по улицамъ города по направленію къ главной городской площади. Играетъ полковая музыка, трубятъ рога, бьютъ барабаны, и торжественнымъ маршемъ выступаетъ блестящій конный отрядъ швейцарскихъ рыцарей со знаменосцами впереди. Это самый старшій классъ — все уже почти взрослые юноши, среди которыхъ есть и посторонніе, т.-е. не школьники. Какъ гордо сидятъ они на своихъ красивыхъ коняхъ, какъ изящно развѣваются перья на ихъ беретахъ и шлемахъ, какъ блестятъ на солнцѣ стальныя латы и кольчуги! Мы опередили медленно двигающійся кортежъ и пошли на городскую площадь, гдѣ должно было происходить главное торжество. Посрединѣ ея устроена высокая эстрада, съ покатыми спусками на обѣ стороны; вся она убрана зеленью и цвѣтами и украшена флагами и щитами.

Зеленый занавѣсъ раздѣляетъ ее на двѣ половины и скрываетъ пока одну половину отъ глазъ публики. Кругомъ площадь обнесена веревкой, а за этимъ барьеромъ помѣщается густая толпа народа, при чемъ первый рядъ занимаютъ дѣти. Мы помѣстились сейчасъ за дѣтьми и потому могли все прекрасно видѣть. Вотъ послышались звуки музыки, все громче и громче—и съ правой стороны площади показался сперва конный, а вслѣдъ за нимъ пѣшій отрядъ рыцарей. Первый остановился у входа на площадь, а второй прошелъ на эстраду и скрылся за занавѣсомъ.

Затѣмъ выступила первая группа—просто трогательная по своей прелести: это совсѣмъ крошечныя дѣтки, это даже не школа, а только дѣтскій садъ; самому старшему ребенку лѣтъ шесть, самому младшему—года три-четыре. Это еще не «кантоны», а столь любимая всѣми дѣтьми исторія «Бѣлоснѣжки». Впереди всѣхъ торжественно выступаетъ, держа въ рукахъ свое волшебное зеркальце, гордая, злая красавица-королева, которая

«Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе,
Всѣхъ на свѣтѣ милѣе».

Бѣла она, правда, и румяна, какъ альпійская роза, но только надменности и гордости что-то не замѣтно на нѣжномъ, дѣтскомъ личикѣ, какъ она ни подымаетъ свою маленькую, въ золотистыхъ локонахъ, головку: голубые глазки глядятъ такъ ласково и довѣрчиво, а розовыя губки никакъ не могутъ скрыть радостной улыбки. Еще бы! Эта пятилѣтняя крошка, очевидно, земли подъ собой не слышитъ отъ удовольствія, чувствуя себя такой важной, нарядной и красивой: золотая коронка, вся въ дорогихъ камняхъ, легко и граціозно сидитъ на ея маленькой головкѣ, крошечныя ножки въ атласныхъ туфелькахъ такъ мило переступаютъ въ тактъ торжественнаго марша, а такого платья, какъ на ней, навѣрно, ни одна королева не постыдится: нѣжно-голубого атласа, оно все

отдѣлано золотымъ кружевомъ и вышито жемчугомъ; разрѣзные рукава красиво и свободно падаютъ вдоль платья, а блестящее ожерелье украшаетъ нѣжную шейку. Да чего стоитъ одинъ шлейфъ! Два крошечныхъ пажа, въ бархатныхъ костюмчикахъ и въ беретахъ съ развѣвающимися перьями несутъ его бережно и, видимо, не безъ нѣкотораго опасенія: а ну, какъ выронишь и запутаешься потомъ въ его длинныхъ складкахъ?

Дальше идетъ вся ея свита—ея фрейлины, придворные кавалеры, тоже, конечно, всѣ въ пухъ и прахъ розодѣтые; потомъ охотникъ, которому поручено было убить Бѣлоснѣжку, затѣмъ крестьянка съ корзиной яблокъ въ рукѣ (т.-е. переодѣтая королева-преступница), а за нею семь карликовъ, пріютившихъ Бѣлоснѣжку; всѣ они въ красныхъ колпачкахъ и такихъ же длинныхъ балахонахъ; въ рукахъ и за плечами несутъ они всѣ принадлежности своего горнаго дѣла—кирки, лопаты, заступы и корзины съ рудой; ихъ густыя, сѣдыя брови нависли надъ веселыми дѣтскими глазками, а длинныя, бѣлыя бороды такъ уморительно обрамляютъ свѣжія, румяныя личики. А вотъ, наконецъ, и сама героиня — прелестная Бѣлоснѣжка. Вѣроятно для нея выбрали самую красивую дѣвочку, потому что она дѣйствительно очаровательна: нѣжная, изящная точно фарфоровая куколка—«бѣлая какъ снѣгъ, румяная какъ кровь» и съ волосами «какъ вороново крыло». Она одѣта въ тотъ самый костюмъ, въ которомъ лежала въ гробу: бѣлое платье изъ атласа и жемчугъ на шеѣ еще больше выставляютъ ея нѣжную красоту; длинные черные волосы шелковистыми волнами разсыпаются изъподъ блестящей коронки, а бѣлая вуаль легкимъ облакомъ окутываетъ граціозную фигурку. Она опирается на руку своего красавца-принца, который съ чувствомъ собственнаго достоинства поглядываетъ по сторонамъ, видимо, тоже не мало гордясь своимъ роскошнымъ костюмомъ и своей прелестной невѣстой; сзади слѣдуетъ его дворъ, пажи, рыцари и нѣсколько восхитительныхъ крошекъ—вѣроятно фрейлинъ Бѣлоснѣжки.

Вся эта группа, подъ звуки музыки, подымается на эстраду, и затѣмъ медленно сходитъ съ нея на противуположную сторону, и здѣсь останавливается. Дѣти изъ числа зрителей вытягиваютъ свои любопытныя головки и разсматриваютъ блестящихъ участниковъ сказки, которые теперь стоятъ совсѣмъ рядомъ съ ними.

Въ это время раздвигается занавѣсъ и глазамъ зрителей представляется живая картина «Битва при Земпахѣ».

Битва эта происходила въ 1386 г. противъ герцога Леопольда Австрійскаго. Швейцарцевъ было немного, сравнительно съ ихъ противниками, а тѣсные ряды австрійскихъ рыцарей, закованныхъ въ латы, представляли такую сплошную стальную стѣну, что пробиться сквозь нее, казалось, было невозможно. Но среди швейцарцевъ нашелся самоотверженный герой, который не задумался отдать свою жизнь любимой родинѣ: Арнольдъ Винкельридъ бросился впередъ и, схватившись за копья непріятелей, вонзилъ ихъ себѣ въ грудь, благодаря чему плотно сомкнутые ряды разстроились, и это замѣшательство дало возможность швейцарцамъ врубиться въ середину австрійцевъ и на голову разбить ихъ. Картина изображаетъ тотъ моментъ, когда Арнольдъ Винкельридъ падаетъ подъ напоромъ непріятельскихъ копій, и эффектъ ея нисколько не уменьшился отъ того, что вмѣсто традиціоннаго свѣта магнія ее освѣщало яркое лѣтнее солнце.

При громкихъ рукоплесканіяхъ публики, занавѣсъ опустился и началось шествіе кантоновъ. Впереди каждаго идетъ герольдъ, одѣтый въ цвѣта кантона, со знаменемъ его въ рукахъ, а за нимъ по двѣ дѣвочки, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и опоясанные шарфами, также цвѣтовъ кантона, передъ которымъ онѣ идутъ, онѣ несутъ щитъ съ изображеніемъ герба своего кантона. Въ шествіи этомъ участвуютъ также и народныя герои, какъ напр. Арнольдъ Винкельридъ, Вальтеръ Фюрстъ, Мельхдаль, Вильгельмъ Телль: послѣдній въ костюмѣ стрѣлка

со своимъ знаменитымъ арбалетомъ въ одной рукѣ, а въ другой ведя своего маленькаго сына. Каждый герой идетъ въ группѣ того кантона, гдѣ родился.

Первымъ идетъ Унтервальденъ. Костюмы его — одни изъ красивѣйшихъ во всей Швейцаріи, особенно женскіе: черные бархатные корсажи, украшенные серебренными филиграновыми розетками и бляхами, бѣлыя кисейныя рубашечки и такіе же маленькіе передники такъ хорошо гармонируютъ съ ярко-зелеными юбками, а необыкновенно живописный головной уборъ привлекаетъ всеобщее вниманіе: темя головы покрыто плотной золотой сѣткой, отъ которой по обѣ стороны идутъ широкія черныя кружевныя лопасти, такъ что если смотрѣть сзади, то кажется, что изящная гигантская бабочка сидитъ на головѣ. Въ группѣ этого кантона идутъ герои швейцарцевъ—уроженцы его: Арнольдъ Винкельридъ и Арнольдъ Мельхталь со своимъ отцомъ. Первый одѣтъ въ стальную кольчугу, и на головѣ у него блестящій шлемъ съ поднятымъ забраломъ; на правую руку его опирается молодая женщина въ голубомъ платьѣ средневѣковаго покроя— его жена, а лѣвой онъ держитъ за руку своего маленькаго сынишку. Арнольдъ Мельхталь, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ трехъ первыхъ борцовъ за свободу Швейцаріи. По преданію, чаша его терпѣнія переполнилась, когда, по приказанію фогта Геслёра, былъ ослѣпленъ его старикъ-отецъ Послѣдній выступаетъ, одной рукой опираясь на руку своего сына, а другой на длинную палку; сѣдая голова его обнажена. а бѣлая повязка на глазахъ свидѣтельствуетъ о злодѣяніи. Потомъ, на носилкахъ изъ еловыхъ вѣтвей несутъ огромное зеленое, прекрасно сдѣланное страшилище — трехголоваго дракона; его пасти широко раскрыты и длинные красные языки виднѣются между рядами бѣлыхъ зубовъ. Мы недоумѣвали, что это за чудовищѣ и обратились съ этимъ вопросомъ къ одному изъ сосѣдей.

— А это, видите ли, —услужливо объяснилъ онъ,—драконъ, который, по преданію, жилъ въ старыя времена въ пещерѣ горы Штанцергорнъ и производилъ не мало опустошеній въ окрестностяхъ, пока кнутъ Винкельридъ, предокъ героя, не убилъ его.

Кантонъ этотъ — Унтервальденъ, — изобилуетъ лѣсами и водой, а потому здѣсь особенно развита охота и рыболовство: вотъ идетъ цѣлая группа стрѣлковъ, въ зеленыхъ охотничьихъ курткахъ и тирольскихъ шляпахъ, украшенныхъ эдельвейсомъ; за плечами у нихъ ружья; ягдташи и фляжки висятъ сбоку, а за ними, тоже на еловыхъ носилкахъ, несутъ великолѣпную тушу убитаго медвѣдя. Далѣе рыбаки и рыбачки, вооруженные удочками, сѣтями, бреднями и веслами.

Кантонъ Аргау везетъ низкую повозочку надъ которой, устроенъ родъ бесѣдки изъ сноповъ, колосьевъ и цвѣтовъ мака и васильковъ; внутри сидитъ съ серпомъ въ рукѣ, малютка-жница, въ красной юбочкѣ, въ бѣлой сборчатой рубашечкѣ и въ чепцѣ необыкновенно оригинальной и вычурной формы. Слѣдомъ выступаютъ такъ же одѣтыя жнецы и жницы, также съ серпами и съ пучками колосьевъ въ рукахъ, а за ними плетельщицы соломы, съ цѣлыми связками разноцвѣтной соломы въ рукахъ.

Вотъ свадьба изъ кантона Фрейбурга: впереди идетъ группа музыкантовъ, въ голубыхъ суконныхъ камзолахъ, короткихъ панталонахъ, бѣлыхъ чулкахъ и въ туфляхъ съ пряжками. Они играютъ на деревянныхъ и мѣдныхъ инструментахъ свадебный маршъ, а за ними торжественно слѣдуютъ рука объ руку «молодые»; женихъ въ красномъ суконномъ камзолѣ съ блестящими пуговицами, въ маленькой треуголкѣ, украшенной цвѣтами; невѣста въ голубой юбкѣ. вышитомъ черномъ корсажѣ и въ высокомъ кружевномъ чепцѣ; слѣдомъ за ними—приглашенные, тоже разодѣтые по праздничному; а потомъ идутъ сыровары, такъ какъ главная промышленность этого кантона-сыровареніе. Всѣ одѣты въ красивыя суконныя безрукавки—родъ жилетовъ съ металлическими пугови-

цами; бѣлыя рубашки и короткія сѣрыя панталоны; каждый несетъ въ рукахъ: кто подойникъ, кто скамейку, или ведро, или иную принадлежность молочнаго хозяйства. За ними важно выступаетъ пара великолѣпныхъ альпійскихъ коровъ, нѣсколько козъ и, наконецъ, телѣжка, нагруженная всѣми принадлежностями сыровареніе, съ огромнымъ котломъ на главномъ планѣ. Въ то время, какъ компанія эта поднималась на эстраду, одна козочка, нарушая программу, вдругъ заблеяла—разъ, другой, третій; и нужно было слышать, что за радостный дѣтскій смѣхъ неудержимо зазвенѣлъ ей въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ и подобно музыкѣ, огласилъ всю площадь!

«Базель» — сейчасъ видно былъ когда-то храбрымъ воиномъ: въ гербѣ у него крылатый драконъ, такимъ же дракономъ одѣтъ мальчикъ лѣтъ 14, а потомъ идетъ цѣлая группа рыцарей, закованныхъ въ латы и кольчуги, вооруженныхъ копьями, мечами и арбалетами и сопровождаемыхъ оруженосцами. Тутъ же и мирная группа: высокій, худой Песталоцци, въ коричневомъ кафтанѣ и треугольной шляпѣ, сопровождаемый школой; цѣлая группа маленькихъ дѣтей торопливо слѣдуетъ за нимъ, неся—кто тетради, кто книгу или доску, а нѣкоторые малыши и куклы. Но вотъ кортежъ на нѣсколько минутъ останавливается и занавѣсъ на эстрадѣ раздвигается во второй разъ: на сценѣ знаменитая клятва въ долинѣ Рютли, на Фирвальдштедтскомъ озерѣ. Вальтеръ Фюрстъ изъ Ури, Шаффахеръ изъ Швица и Арнольдъ Мельхталь изъ Унтервальдена, окруженные своими товарищами, собрались сюда рѣшить, какимъ образомъ лучше свергнуть ненавистное иго австрійцевъ, и клянутся употребить на это всю свою жизнь. Декорація изображаетъ лѣсъ и скалы, а на этомъ фонѣ горсть храбрецовъ стоитъ, торжественно поднявъ правую руку, съ вытянутыми тремя пальцами—въ знакъ союза трехъ кантоновъ.

Полюбовавшись нѣсколько мгновеній картиной, публика снова слѣдитъ съ интересомъ за шествіемъ кантоновъ. Вотъ «Цюрихъ» со своею шелковой промышленностью; дѣвочки, обвитыя гирляндами коконовъ и расчесаннаго шелка, несутъ цѣлыя охапки разноцвѣтныхъ лентъ, матерій и кружевъ. У одной въ рукахъ небольшая доска, на которой вы видите всѣ стадіи развитія шелковичнаго червя, начиная съ яичекъ и кончая бабочками; у другой—принадлежности производства шелка. Вотъ Солотурнъ съ бумажнымъ производствомъ; Сенъ-Галенъ со своими удивительными, на весь свѣтъ извѣстными вышивками; Невшатель со своими часами и фабрикой шеколада Luchard: два мальчика въ костюмахъ кондитеровъ несутъ громадную пирамиду изъ шеколада, а передъ ними идетъ дѣвочка, одѣтая «шеколадной плиткой».

Большое оживленіе возбуждаетъ появленіе Бернскаго кантона. Впереди два мальчика играютъ на дудкахъ, одинъ бьетъ въ барабанъ, а за ними, приплясывая и притопывая, неуклюже движется цѣлая группа медвѣдей, такъ какъ этимъ послѣднимъ кантонъ обязанъ именемъ (Bär—медвѣдь). Мальчики разнаго возраста одѣты въ медвѣжьи шкуры, а головы-маски сдѣланы такъ хорошо, что маленькія дѣти въ публикѣ даже немножко пятятся при ихъ приближеніи, а ну, какъ укуситъ? тѣмъ болѣе, что медвѣди для усиленія сходства даже ворчатъ, проходя мимо. Поднявшись на эстраду, вся эта «медвѣжья» компанія подъ звуки свирѣлей и барабановъ, пляшетъ, подпрыгиваетъ и машетъ лапами—къ великой потѣхѣ всѣхъ зрителей.

Въ кантонѣ «Аппенцель» идетъ группа женщинъ, вооруженныхъ сѣкирами, топорами и копьями. Оказывается по слѣдующему поводу: въ одной изъ битвъ за швейцарскую независимость, происходившую въ предѣлахъ этого кантона, австрійцы начали побѣждать немногочисленныхъ швейцарцевъ. Видя это, всѣ женщины вооружились и бросились въ битву, производя такой ужасный шумъ и крикъ, что испуганный непріятель вообразилъ, будто подоспѣли союзники аппенцельсцевъ, и поспѣшно отступилъ.

Опять пауза; и передъ глазами зрителей снова живая картина: въ длинномъ бѣломъ платьѣ и красной мантіи, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и со щитомъ въ рукѣ, опираясь на мечъ, стоитъ на скалѣ «Гельвеція», окруженная закованными въ сталь воинами. Музыка играетъ швейцарскій гимнъ.

Въ кантонѣ «Швицъ» обращаетъ на себя вниманіе компанія пилигриммовъ: въ этомъ кантонѣ находится извѣстное не только въ Швейцаріи, но и вездѣ въ католическомъ мірѣ мѣстечко «Einsiedeln», къ которому ежегодно стекаются многія тысячи богомольцевъ. Вотъ они идутъ съ высокими палками, съ корзинками и узелками въ рукахъ, съ четками и образками у пояса; лица дѣтей серьезны и сосредоточены, какъ и слѣдуетъ пилигриммамъ.

А вотъ и Женева. Сейчасъ же за гербомъ слѣдуютъ два сѣдобородыхъ карлика, въ коричневыхъ балахонахъ и колпачкахъ и съ корзинами руды за плечами; тутъ же два рудокопа со своими молотками, кирками и фонариками. А за ними еще одинъ гномъ: онъ идетъ въ серединѣ прелестной бесѣдки, которая движется вмѣстѣ съ нимъ, и не только весь опутанъ гирляндами цвѣтовъ, но еще и несетъ за плечами цѣлую корзинку альпійскихъ розъ. Какіе очаровательные гномы! какъ важно поглаживаютъ они свои сѣдыя бороды! А дальше-то что? Да это цѣлая амбулаторія, знаменитый «красный крестъ»: ѣдетъ больничная фура, запряженная маленькой лошадкой, ѣдутъ сестры милосердія въ сѣрыхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепцахъ и передникахъ съ краснымъ крестомъ на груди и на рукавѣ; идутъ доктора, фельдшера и, наконецъ, разноплеменная группа; рядомъ шествуютъ нѣсколько европейскихъ солдатъ, русскій казакъ, турокъ въ чалмѣ и японецъ съ косой—всѣ соединенные великой идеей «краснаго креста» и подъ его знаменемъ.

Но вотъ опять раздаются звуки рожковъ и трубъ, и веселое шествіе показывается у входа на эстраду: это кантонъ Во (Waad)—главное средоточіе швейцарскаго винодѣлія. Два мальчика несутъ на палкѣ гигантскую виноградную кисть—точь въ точь такую, какую рисуютъ, изображая землю Ханаанскую, а за ними ѣдетъ невысокая платформа, запряженная козами и вся убранная виноградными лозами: посреди ея помѣщается боченокъ, а на немъ возсѣдаетъ очаровательный краснощекій малютка—Бахусъ, съ большой чашей въ рукахъ, весь обвитый виноградными гирляндами. Дѣвочки и мальчики, въ праздничныхъ костюмахъ кантона и также украшенные искусственными кистями и листьями, съ наполненными виноградомъ корзиночками въ рукахъ и за плечами, останавливаются, взойдя на эстраду, и начинаютъ необыкновенно граціозный танецъ. У мальчиковъ въ рукахъ маленькіе молоточки и деревянныя пластинки, ударяя о которыя они производятъ совершенно звукъ кастаньетъ; у дѣвочекъ—маленькія дуги, согнутыя изъ лозы и обвитыя листьями и ягодами; пары сходятся и расходятся, мелькаютъ высокія, остроконечныя соломенныя шляпы, и въ тактъ музыки раздаются звуки кастаньетъ. Громкое «браво» раздается отовсюду по окончаніи танца, и сіяющіе виноградари везутъ дальше своего веселаго бога.

При появленіи кантона «Люцернъ», громкій смѣхъ раздается въ рядахъ зрителей: всѣхъ смѣшитъ компанія путешествующихъ англичанъ, которыхъ лѣтомъ такое множество на берегахъ излюбленнаго Фирвальдштедтскаго озера, что только и слышишь англійскій языкъ на улицахъ и поѣздахъ. И какъ удивительно хорошо схвачено сходство! Особенно хорошъ важный джентльменъ (мальчикъ лѣтъ 9—10) съ рыжими баками, въ сѣренькомъ «сьютѣ» и въ шляпѣ съ длинной бѣлой вуалью; у него бинокль на ремнѣ черезъ плечо, сакъ-вояжъ въ рукахъ и Bedeker въ карманѣ. Особенно типичны его длинные передніе зубы; костюмъ и все остальное сдѣлать можно, но надо же было найти мальчика съ такими настоящими англійскими зубами, которые ужъ, конечно, его собственные! Рядомъ подвигается плотная, коренастая «англичанка», въ клѣтчатомъ шотландскомъ платьѣ, съ сумкой черезъ плечо и въ соломенной шляпѣ, тоже съ вуалью.

Она пыхтитъ подъ тяжестью пледа, который тащитъ, затянувши въ ремни, а тутъ же шествуетъ и худенькая, сухая, какъ палка, «миссъ», въ сѣромъ длинномъ ватерпруфѣ и съ лорнетомъ въ рукахъ. Такая же группа англичанъ находится и въ кантонѣ Граубинденъ, только менѣе нагруженная, потому что это все «альпинисты»: у нихъ въ рукахъ только альпенштокъ, украшенный букетомъ «эдельвейса» и альпійскихъ розъ, и неизбѣжный «Bedeker». Въ этомъ кантонѣ находятся одни изъ самыхъ высокихъ Альпъ, и отсюда совершается много восхожденій, преимущественно на гору Сенъ-Бернаръ. А вотъ они — бернардскіе монахи-труженики: они одѣты въ бѣлыя сутаны, черныя пелерины и такого же цвѣта широкія шляпы; въ рукахъ у нихъ толстыя палки, лопаты и заступы, а за ними, виляя пушистымъ хвостомъ, съ маленькимъ боченкомъ на шеѣ, мягко ступаетъ великолѣпная сенъ-бернардская собака, можетъ быть, дальній потомокъ того доблестнаго Барри, который нашелъ и отрылъ на своемъ короткомъ собачьемъ вѣку ни больше, ни меньше какъ 33 замерзшихъ путника.

Такимъ образомъ проходятъ всѣ двадцать два кантона, и зрѣлище это дотого увлекательно, дотого красиво, что никто не замѣчаетъ ни утомленія отъ долгаго стоянія на площади, ни раскаленныхъ лучей августовскаго солнца. Послѣднимъ идетъ кантонъ «Цугъ» съ его главной промышленностью — киршвассеромъ, извѣстнымъ въ цѣломъ свѣтѣ. Громадныя бутылки его, украшенныя этикетками, вертясь и приплясывая, спускаются съ эстрады, и изъ каждой, сквозь прорѣзанныя отверстія, глядятъ на публику плутовскіе черные и сѣрые дѣтскіе глазки. Замыкаетъ шествіе платформа, задрапированная голубой и красной матеріей и вся украшенная электрическими лампочками и батареями, потому что жители маленькаго городка очень гордятся своимъ электрическимъ освѣщеніемъ. Двѣ дѣвочки — одна, одѣтая «телефономъ», другая — «телеграфомъ», сопровождаютъ платформу; обѣимъ превесело; первая безпрестанно трогаетъ пуговку электрическаго звонка и при раздавшемся звонѣ, смѣясь, прикладываетъ къ уху телефонную трубку. Вотъ и послѣдняя живая картина: битва швейцарцевъ съ миланцами, при герцогѣ Сфорца, въ началѣ XV столѣтія: въ этомъ сраженіи капитанъ Колинь, уроженецъ Цуга, спасъ родное знамя тѣмъ, что упалъ на него и покрылъ его своимъ тѣломъ. Картина изображаетъ именно тотъ моментъ, когда Колинь, обливаясь кровью, лежитъ на знамени, а враги занесли надъ нимъ свои мечи и копья. Послѣ прохожденія кантона «Цуга» ѣдутъ опять рыцари, трубачи и барабанщики, и шествіе кантоновъ окончено.

Но не окончена еще программа праздника. На противоположномъ концѣ города, среди большой зеленой лужайки и на самомъ берегу озера построенъ на сегодня обширный деревянный баракъ, превращенный въ прехорошенькую «кантину» (погребокъ). Какъ снаружи, такъ и внутри все зданіе убрано гирляндами зелени, букетами цвѣтовъ, шарфами и щитами съ изображеніемъ гербовъ кантоновъ. Внутри рядами стоятъ столы и скамейки. Передъ зданіемъ также возвышается довольно высокая эстрада, а подлѣ нея помѣщается хоръ музыки. Сюда-то и направляется маленькій народъ. Учителя и учительницы размѣщаютъ ихъ по классамъ, усаживаютъ за длинные столы, и пиръ начинается. Бѣдняжки устали за этотъ жаркій день, проведенный въ такомъ напряженіи, и съ удовольствіемъ набрасываются на предложенныя имъ явства и питье. На нѣсколько времени смолкаютъ всѣ разговоры, и только слышенъ звукъ ножей и звонъ стакановъ. Буттерброды, торты, кофе съ молокомъ, фрукты, вино появляются на столахъ. Вотъ дѣтскій садъ — «Бѣлоснѣжка» въ лицахъ: крохотная королева дотого туго набила свой розовый ротикъ, что едва можетъ пережевать, а принцъ-женихъ, погрузившись въ созерцаніе вкусныхъ вещей на своей тарелкѣ, не обращаетъ никакого вниманія на свою прелестную невѣсту, которая съ наслажденіемъ кусаетъ румяное яблоко, очевидно, совершенно забывъ, что оно было причиною ея смерти. Самому маленькому карлику учи-

тельница заботливо вытираетъ салфеткой длинную бороду, по которой течетъ фруктовый сокъ, а другой вымазалъ вареньемъ всю свою румяную рожицу и снялъ мѣшающую бороду. Маленькіе пажи сидятъ далеко отъ своей повелительницы, а фрейлины Бѣлоснѣжки, повидимому, гораздо больше заняты тортомъ, чѣмъ своей принцессой. Подкрѣпивши свои силы и отдохнувъ немного, дѣти выходятъ на лугъ и здѣсь дѣлаютъ, что хотятъ: нѣкоторыя отыскиваютъ въ толпѣ зрителей своихъ родныхъ и друзей и прогуливаются съ ними; другія усаживаются на траву и болтаютъ между собой; третьи взбираются на эстраду и тамъ танцуютъ, поютъ, декламируютъ. Бернскіе «медвѣди» повторяютъ свою пляску, а веселые виноградари—свой изящный танецъ.

Вотъ поднялся на эстраду учитель пѣнія, сдѣлалъ знакъ музыкантамъ и тѣ заиграли тихій акомпаниментъ, а онъ запѣлъ хорошо обработаннымъ тенеромъ столь извѣстную и любимую въ Швейцаріи пѣсню «La ronde des vaches», или «Kuhreihen», пѣлъ онъ, конечно, по-нѣмецки. По окончаніи каждаго куплета, есть припѣвъ, который подхватывался всей площадью, какъ дѣтьми, такъ и взрослыми; звуки мощнаго хора сотенъ голосовъ наполняли тихій воздухъ, и это выходило удивительно красиво.

Около двухъ часовъ проходитъ въ такихъ развлеченіяхъ, и наступаетъ время прекратить ихъ, такъ какъ солнце склоняется къ западу, а въ половинѣ седьмого назначено обратное шествіе въ городъ. Звуки роговъ и барабановъ приглашаютъ всѣхъ участниковъ праздника снова собраться въ группы, и вотъ, быстро устанавливаются телѣжки, поднимаются носилки, берутся въ руки брошенные инструменты, корзинки и прочее. Все готово. Шествіе трогается. Но напряженная дѣятельность цѣлаго дня даетъ себя знать: группы идутъ уже не такъ бодро и стройно, какъ утромъ, маленькія ножки ступаютъ не такъ твердо, глазки не блестятъ оживленіемъ и радостію, и улыбки рѣже мелькаютъ на утомленныхъ дѣтскихъ личикахъ. Вотъ они уже подходятъ къ церковной площади, и здѣсь, вѣроятно, не одно маленькое сердечко грустно сжимается въ ожиданіи превращенія въ обыкновенныхъ смертныхъ всѣхъ этихъ героевъ исторіи и вымысла. Медленно и со вздохами складываютъ всѣ здѣсь свое оружіе, инструменты, носилки и проч. и расходятся по домамъ, нѣкоторые сопровождаемые пришедшими за ними родителями.

Кончился чудный день, разсыпалась блестящая оболочка, и Сандрильона снова вернулась къ своимъ лохмотьямъ: завтра уже не будетъ ни Бѣлоснѣжки, ни Телля, ни Винкельрида. Сегодняшній Вальтеръ Фюрстъ или капитанъ Колинь подъ именемъ Іоганнерле, будетъ косить траву или сзывать козъ, а гордая «Гельвеція», превратившись въ Лизель,—плести солому и разливать молоко по кринкамъ.

Незабвенный день! И кому изъ дѣтей удастся снова повторить его? Семь лѣтъ — большой промежутокъ времени, и развѣ только крошки изъ «Бѣлоснѣжки», перейдя въ послѣдній классъ, еще разъ въ жизни примутъ участіе въ такомъ блестящемъ карнавалѣ.

В. Францова.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О жизни и смерти.

(Нѣкоторые взгляды и гипотезы послѣднихъ 15 лѣтъ).

За послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ области естествознанія повѣяло новымъ духомъ. Опытъ и наблюденіе стоятъ, конечно, попрежнему, какъ незыблемая основа всякаго научнаго естественно-историческаго изслѣдованія, но въ то же время среди ученыхъ замѣчается какое-то тяготѣніе къ абстрактнымъ построеніямъ. У крайнихъ представителей этого «теченія» факты, добытые опытомъ и наблюденіемъ, являются даже не базой, а только иллюстраціей апріорныхъ положеній, для доказательства которыхъ они нагромождаютъ гипотезу на гипотезу и воскрешаютъ такимъ образомъ давно похороненную старушку-натуръ-философію; мы встрѣтимся въ нашемъ обзорѣ съ подобными примѣрами. Но если отдѣлаться отъ нѣсколько непріятнаго впечатлѣнія, производимаго «крайними», то начинаешь чувствовать, что въ теченіи этомъ есть здоровая и жизненная струя; по нашему мнѣнію, можетъ быть ошибочному и узкому, это—протестъ, порой безсознательный, противъ безпорядочнаго накопленія такъ называемыхъ научныхъ фактовъ, протестъ, вызванный сознаніемъ необходимости болѣе планомѣрнаго, болѣе экономическаго, если можно такъ выразиться, развитія науки.

Изъ многихъ общихъ «философскихъ» вопросовъ, которые за этотъ періодъ снова всплыли въ естествознаніи, мы остановимся въ нашемъ обзорѣ на вопросѣ о жизни и смерти организмовъ.

Мы представимъ читателю взгляды и гипотезы, высказанныя по этому вопросу различными естествоиспытателями, но воздержимся отъ всякой критики; это вывело бы насъ и изъ рамокъ, и изъ размѣровъ предлагаемаго обзора.

Можно трояко взглянуть на вопросъ о жизни и смерти. Во-первыхъ, попытаться опредѣлить, что такое жизнь и смерть, во вторыхъ, рѣшивъ, что это всѣмъ извѣстно, показать проявленія жизни и смерти на различнѣйшихъ ступеняхъ организованнаго міра, въ-третьихъ, взглянуть на вопросъ, такъ сказать, съ эволюціонной точки зрѣнія и построить гипотезу о развитіи и появленіи жизни и смерти на нашей планетѣ.

Читатель увидитъ, что почти всѣ ученые, разбирающіе этотъ вопросъ, касаются двухъ, начертанныхъ нами сторонъ его, но у каждаго преобладаетъ всегда какая-нибудь одна изъ нихъ.

Мы будемъ придерживаться не хронологическаго, а логическаго порядка при изложеніи этихъ взглядовъ и гипотезъ: болѣе близкіе другъ къ другу будутъ помѣщаться рядомъ.

Начнемъ съ самыхъ новыхъ взглядовъ, развитыхъ за послѣдніе три года французскимъ зоологомъ *Дантекомъ* въ цѣломъ рядѣ статей и книгъ. Начнемъ съ Дантека, такъ какъ онъ больше, чѣмъ всѣ другіе авторы, удѣляетъ мѣсто критикѣ ходячихъ понятій о жизни и смерти и пытается дать строго научное опредѣленіе этихъ словъ.

Нашихъ предковъ, говоритъ Дантекъ, поражали, конечно, жизненныя отправленія высшихъ животныхъ, относительно ихъ они создали выраженія, соотвѣтствующія нашимъ словамъ: *жизнь*, *жить* и проч., они подмѣчали видимую независимость актовъ, совершаемыхъ животными. Также они задумывались надъ рѣзкимъ переходомъ отъ жизни къ новому состоянію, въ которомъ исчезало всякое проявленіе воли, между тѣмъ какъ самое тѣло, казалось, не испытывало никакой физической перемѣны. Отсюда и произошло понятіе объ элементѣ, названномъ *жизнью*, элементѣ способномъ одушевлять тѣла, построенныя извѣстнымъ образомъ. Мертвое тѣло отличается отъ такого же живого потерей *жизни*, совершенно такъ же, какъ, по теоріи Сталя, царившей въ химіи до Лавуазье, тѣло сгорѣвшее отличается потерей *флогистона* отъ горючаго тѣла, изъ котораго оно происходитъ. По этому представленію *смерть* есть прекращеніе *жизни* совершенно такъ же для человѣка, какъ и для червя, значитъ между человѣкомъ и его трупомъ, между червемъ и его трупомъ, разница одна и та же. Такимъ образомъ, эта гипотеза предполагаетъ, что одинъ и тотъ же элементъ — жизнь въ разныхъ тѣлахъ принимаетъ различныя формы.

Понятно, говоритъ авторъ, что многіе философы держатся еще до сихъ поръ виталистической теоріи, потому что, говоря о жизни, они имѣютъ въ виду только человѣка и высшихъ животныхъ.

Но есть существа болѣе простыя и тѣмъ не менѣе называемыя нами «живыми», о которыхъ не слѣдуетъ забывать, говоря о жизни, — это растенія и низшія животныя.

Явленія, оказавшіяся сложными въ человѣкѣ, объяснялись при помощи болѣе или менѣе обоснованныхъ гипотезъ—понятій о «жизни и смерти», но эти гипотезы, сохранившіяся въ языкѣ, начали примѣняться къ аналогичнымъ явленіямъ и въ низшихъ существахъ, между тѣмъ какъ эти послѣднія явленія можно было понять гораздо легче; не обращали вниманія на истинно научный методъ, состоящій въ переходѣ отъ простого къ сложному.

Чтобы избѣжать этой печальной путаницы въ терминологіи, Дантекъ предлагаетъ употреблять выраженіе «*элементарная жизнь*» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ о *существахъ, состоящихъ изъ одной клѣтки*, и пытается дать опредѣленіе «элементарной жизни», не заимствуя ничего изъ идеи, выраженной словомъ «жизнь», т.-е. словомъ, которое еще нужно опредѣлить.

Чѣмъ же, по мнѣнію Дантека, отличается пластида отъ неорганизованнаго вещества? Только способностью *ассимиляціи*, только это свойство обще всѣмъ пластидамъ. Реакціи, вызываемыя этой ассимиляціей,—и есть *обнаруженная* элементарная жизнь—отправленіе данной пластиды. Если угодно, говоритъ Дантекъ, можно назвать *пластическія* вещества пластиды *живыми* веществами, потому что, соединенныя вмѣстѣ, они обладаютъ способностью ассимиляціи, но ни одно изъ нихъ, *взятое въ отдѣльности*, не одарено элементарной жизнью. Посмотримъ теперь, какъ опредѣляетъ Дантекъ жизнь и смерть высшихъ *многоклѣточныхъ* животныхъ (Metazoa). Жизнь многоклѣточнаго животнаго начинается, по мнѣнію Дантека, только съ оплодотворенія яйца, только тогда яйцо становится пластидой въ состояніи обнаруженной элементарной жизни. Затѣмъ яйцо дѣлится на нѣсколько пластидъ, находящихся въ состояніи обнаруженной элементарной жизни, но эти пластиды остаются соединенными другъ съ другомъ, благодаря тому, что между ними устанавливается нервная непрерывность и непрерывность внутренней среды. Въ многоклѣтномъ животномъ происходятъ, слѣдовательно, двѣ группы реакцій: во-первыхъ, реакціи между пластидами и средой,—это *физіологическая* жизнь животнаго, во-вторыхъ, реакція между самими пластидами—это *психическая* жизнь,—тѣ и другія реакціи тѣсно связаны другъ съ другомъ, — остановилась физіологическая жизнь, останавливается и психическая, и наоборотъ. *Смерть* многоклѣтнаго животнаго можетъ идти двумя

путями. Во-первыхъ, можетъ измѣниться, вслѣдствіе, напр., истощенія, дѣйствія ядовитыхъ веществъ и пр., внутренняя среда, тогда наступаетъ разрушеніе пластидъ — гистологическихъ элементовъ, такъ какъ обнаруженная элементарная жизнь становится для нихъ невозможной, приходитъ же въ состояніе химическаго безразличія, какъ свободныя пластиды (одноклѣточные организмы), эти элементы не могутъ, они погибаютъ и влекутъ за собой смерть животнаго. Во-вторыхъ, процессъ можетъ начаться нервнымъ перерывомъ, онъ вызоветъ остановку координаціи, вслѣдствіе чего измѣнится внутренняя среда, и въ концѣ концовъ опять-таки гибель всѣхъ гистологическихъ элементовъ и смерть организма. Къ послѣднему роду смерти, по мнѣнію Дантека, приближается и случайная смерть, напр., вслѣдствіе пораненія, аневризма и т. п. Итакъ, высшее животное состоитъ изъ пластидъ, которыя постоянно или время отъ времени находятся въ состояніи обнаруженной элементарной жизни. Эти пластиды дѣйствуютъ другъ на друга, вслѣдствіе чего внутренняя среда сохраняетъ способность поддерживать общую обнаруженную жизнь. Слѣдовательно, жизнь высшаго организма въ смыслѣ строенія есть существованіе координаціи между гистологическими элементами; жизнь же, какъ явленіе, есть результатъ совокупности всѣхъ реакцій этихъ элементовъ въ состояніи обнаруженной жизни.

Развитіе нервной непрерывности сопровождается развитіемъ психической жизни; послѣдняя исчезаетъ раньше, чѣмъ погаснетъ физіологическая жизнь.

Физіологическая смерть—явленіе медленное, подобное общему утомленію; психическая же смерть внезапна, она происходитъ въ моментъ окончательной остановки нервной непрерывности.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Дантека, жизнь высшаго организма есть результатъ дѣятельности милліардовъ пластидъ, составляющихъ его, жизнь пластиды есть ряды химическихъ явленій. Окончимъ изложеніе взглядовъ Дантека крайне характерной выпиской изъ его сочиненія «*La matière Vivante*». «Ошибка антропоморфистовъ, говоритъ авторъ, коренится въ злоупотребленіи словомъ «жизнь», которымъ обозначаютъ обыкновенно и дѣятельность человѣка, и дѣятельность пластиды. Человѣкъ, по крайней мѣрѣ, также сложенъ по отношенію пластиды, какъ сама пластида по отношенію къ атомамъ ее составляющимъ. Только мы знаемъ гораздо лучше, какъ человѣкъ построенъ изъ пластидъ, чѣмъ то, какъ пластида построена изъ атомовъ.

«Вотъ сравненіе, правда нѣсколько грубое, но тѣмъ не менѣе прекрасно выясняющее намъ всю опасность этого злоупотребленія словами.

«Разсмотримъ ткацкій станокъ. Эта машина состоитъ изъ весьма значительнаго числа отдѣльныхъ частей, но оно ничтожно въ сравненіи съ колоссальнымъ числомъ пластидъ, образующихъ человѣческое тѣло. Движенія всѣхъ этихъ частей ткацкаго станка координированы совершеннѣйшимъ образомъ и въ результатѣ даютъ *процессъ тканья*. Движеніе всѣхъ частей станка имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ,—вся машина, какъ и отдѣльныя части ея приводятся въ движеніе однимъ и тѣмъ же двигателемъ. Также дѣятельность человѣка происходитъ на счетъ физикохимическихъ реакцій, эти же реакціи являются источникомъ дѣятельности и различныхъ пластидъ.

«Если мы говоримъ, что человѣкъ *живетъ* и что пластиды *живутъ*, и подъ словомъ «жизнь» понимаемъ только совокупность реакцій пластиды, то мы не дѣлаемъ никакой ошибки; все равно какъ, еслибъ мы сказали, что ткацкій станокъ движется и всѣ составныя части его движутся. Но, къ несчастью, подъ словомъ «жизнь» мы инстинктивно понимаемъ совокупность дѣйствій совершаемыхъ *человѣкомъ*, и когда мы говоримъ, что человѣкъ *живетъ* и что каждая изъ составляющихъ его пластитъ въ отдѣльности тоже *живетъ*, то, сами себѣ не отдавая отчета, мы думаемъ въ это время совершенно также, какъ еслибъ говорили, что ткацкій станокъ *ткетъ* и каждая его отдѣльная часть тоже *ткетъ*.

Нелѣпость такого предположенія, столь очевидная въ нашемъ примѣрѣ съ ткацкимъ станкомъ, по нашему мнѣнію, не менѣе очевидна и въ вопросѣ о «жизни». Мы знаемъ, что существуютъ изолированныя пластиды, которыя способны въ этомъ состояніи проявлять всѣ, свойственныя имъ реакціи,—мы говоримъ, что эти пластиды *живутъ*; но многіе спрашиваютъ,—мыслятъ ли и чувствуютъ ли эти пластиды, какъ человѣкъ; но почему же никто никогда не задаетъ вопроса, можетъ ли ткать кусокъ дерева, совершающій правильно движеніе одной изъ составныхъ частей ткацкаго станка? Ни одна изъ составныхъ частей этого станка, взятая въ отдѣльности, не можетъ ткать, это мы хорошо знаемъ; — также неосновательно и наивно ожидать, что изолированныя пластиды будутъ мыслить, потому что существо, состоящее изъ міріадовъ этихъ пластидъ, способно къ мышленію».

Всякій одноклѣтный организмъ—*пластида*—есть, по мнѣнію автора, опредѣленная масса, отдѣленная отъ окружающей воды и составленная изъ веществъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, наружнія — нерастворимы. Каждая пластида имѣетъ опредѣленную форму, смотря по виду пластиды. Различныя группы не смѣшивающихся веществъ принимаютъ особыя въ каждомъ данномъ случаѣ формы равновѣсія внутри пластиды. Всѣмъ пластидамъ общи явленія осмоса, но зато часто нѣтъ ничего почти общаго въ движеніи различныхъ видовъ пластидъ. Пластическія вещества пластиды даютъ рядъ реакцій при опредѣленныхъ физическихъ условіяхъ, если пластида находится въ жидкой водной средѣ, содержащей въ себѣ извѣстное число *необходимыхъ* веществъ, между которыми непремѣнно долженъ быть *кислородъ*. Результатомъ этого ряда реакцій является количественное увеличеніе всѣхъ пластическихъ веществъ, а также производство извѣстныхъ веществъ, особыхъ для каждаго случая и для каждаго вида пластиды, но между которыми необходимо должна быть *угольная кислота* Изъ указаннаго опредѣленія пластиды слѣдуетъ, что то, что называютъ обыкновенно мертвой пластидой, больше уже не пластида; выраженіе «живая пластида» является плеоназмомъ. Такимъ образомъ, Дантекъ обычное опредѣленіе жизни какъ бы вывертываетъ наизнанку и называетъ *элементарной жизнью* свойство тѣла быть пластидой; *скрытой элементарной жизнью*—состояніе покоя, состояніе химическаго безразличія пластиды; *обнаруженной элементарной жизнью* — дѣятельное состояніе пластиды, когда происходятъ ея синтетическія реакціи; движеніе, присоединеніе, ассимиляція будутъ явленія обнаруженной элементарной жизни.

Съ удаленіемъ одного изъ элементовъ, необходимыхъ для элементарной обнаруженной жизни данной пластиды, возможны два случая: 1) съ удаленіемъ даннаго элемента прекращается всѣ реакціи, — наступаетъ химическое безразличіе, *скрытая жизнь*; 2) реакціи все же продолжаются между веществами, способными къ взаимодѣйствію; происходитъ разрушеніе пластиды, *смерть пластиды*.

При настоящемъ уровнѣ знаній, по мнѣнію Дантека, трудно указать условія, при которыхъ пластида переходитъ въ состояніе *скрытой* жизни; но мы знаемъ, что эти условія часто осуществляются въ природѣ. какъ это доказываетъ громадное количество зародышей, находимыхъ даже въ сухомъ воздухѣ. Точно такъ же мы часто видимъ, какъ пластида *въ водной средѣ* переходитъ въ состояніе химическаго безразличія, вслѣдствіе исчезновенія одного изъ условій, необходимыхъ для элементарной обнаруженной жизни.

Затѣмъ Дантекъ приступаетъ къ опредѣленію, что такое *смерть* пластиды.

Возьмемъ двѣ споры Aspergillus'a, говоритъ онъ, одну—оставимъ неприкосновенной, а другую опустимъ на нѣкоторое время въ слабый растворъ ляписа. Подъ микроскопомъ незамѣтно различія между этими двумя спорами; но развѣ можемъ мы различить глазомъ флаконъ съ водой отъ подобнаго же флакона съ

растворомъ поваренной соли? Мы можемъ различить соленую воду отъ обыкновенной только по ихъ *химическимъ* реакціямъ,—точно также и спору Aspergillus'a отъ тѣла, похожаго на нее, мы отличимъ, погрузивъ оба тѣла въ жидкость Ролена.

Дантекъ сравниваетъ тѣло, получившееся отъ дѣйствія ляписа на спору Aspergillus'a, съ псевдоморфозой минерала.

Минералы часто можно узнать по ихъ внѣшней формѣ, не обращаясь къ химическому анализу; но дѣло мѣняется, если передъ нами такъ называемая псевдоморфоза какого-нибудь минерала. Напримѣръ, кристаллъ кальцита, заключенный въ какой-нибудь горной породѣ, можетъ раствориться въ водѣ, насыщенной угольной кислотой, останется только форма кристалла, и если впослѣдствіи какія-нибудь вещества отложатся въ этой формѣ, то онѣ образуютъ массу, которая будетъ имѣть всѣ геометрическіе признаки кристалла кальцита, но, конечно, не будетъ имѣть его химическихъ и физическихъ свойствъ.

Точно тоже мы можемъ сказать, что то, что получается при обмываніи азотнокислымъ серебромъ споры Aspergillus'a, есть псевдоморфоза этой споры; здѣсь нельзя говорить, что эта пластида мертва: *пластиды нѣтъ больше*, есть ея изображеніе, есть псевдоморфоза, но пластида разрушена.

Представимъ себѣ какое-нибудь способное къ горѣнію тѣло, которое при горѣніи не теряетъ своей формы; послѣ сгоранія останется форма этого тѣла. Сталь думалъ, что достаточно присоединить флогистонъ къ этой формѣ, чтобы возстановить самое тѣло. Виталисты думаютъ, что достаточно присоединить жизнь къ псевдоморфозѣ пластиды, чтобы воспроизвести самую пластиду.

Постоянство *массы* пластиды не нарушается смертью въ тѣхъ случаяхъ, когда на лицо условія, при которыхъ происходитъ псевдоморфоза; вотъ это то постоянство массы и породило понятіе объ индивидуальности пластиды, а отсюда и выраженія «*мертвая пластида*», которымъ обозначаютъ тѣло, остающееся послѣ смерти пластиды. Прилагательное *мертвый* нельзя связывать съ существительнымъ *пластида*, потому что эти два слова выражаютъ собою два несоединимыя понятія. Пластида не можетъ быть сразу и пластидой, и мертвымъ существомъ.

Такимъ образомъ, по Дантеку, *смерть пластиды есть результатъ всякой реакціи, которой подвергается пластида* **всѣ** *условій своей элементарной обнаруженной жизни.*

Когда мы даже знаемъ, говоритъ авторъ, то вещество, реакція котораго на пластиду производитъ смерть этой пластиды, даже и тогда мы не въ состояніи возстановить эту пластиду чрезъ обратную химическую реакцію. Впрочемъ, не всегда такъ бываетъ: анестезирующія вещества имѣютъ свойство давать съ пластидами *неустойчивыя* соединенія, которыя, распадаясь, возстановляютъ пластиду со своими начальными ея свойствами; въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ пластиду, появляющуюся изъ *мертваго тѣла*. Дантекъ подчеркиваетъ здѣсь слово *мертваго*, такъ какъ пластида, соединенная съ хлороформомъ, не реагируетъ, слѣдовательно—она уже не пластида.

Ясно, что авторъ *элементарной жизнью* называетъ просто свойство пластиды имѣть извѣстный *химическій* составъ; *обнаруженная элементарная* жизнь есть, по его мнѣнію, *химическое* явленіе; *смерть пластиды* есть также *химическое* явленіе, но этимъ химическимъ явленіямъ, конечно, сопутствуютъ, какъ всегда, и физическія.

Съ теоріей Дантека имѣютъ нѣкоторое соприкосновеніе взгляды американскаго зоолога *Минота*.

По мнѣнію Минота, индивидуальность есть плодъ человѣческой фантазіи; индивидуумами мы называемъ различнѣйшія существа, не имѣющія между собою ничего общаго; развѣ можно сравнивать индивидуальность инфузоріи, полипа и человѣка? Также и смерть одноклѣточнаго существа совершенно различна отъ смерти многоклѣ-

точнаго существа. Жизнь является какъ бы совокупностью *циклов* клѣтокъ: каждый циклъ образуется всѣми клѣтками, происходящими изъ оплодотвореннаго яйца.

Существуютъ циклы, въ которыхъ клѣтки, происшедшія изъ оплодотвореннаго яйца, отдѣляются одна отъ другой, размножаются дѣленіемъ и образуютъ столько же индивидуальностей, сколько клѣтокъ. Таковы рѣсничныя инфузоріи. Въ другихъ циклахъ оплодотворенное яйцо производитъ клѣтки, остающіяся соединенными вмѣстѣ, образующія, вслѣдствіе послѣдовательныхъ почкованій, такія же или различныя отъ нихъ существа (полипы, сифонофоры и т. д.). Наконецъ, въ другихъ циклахъ оплодотворенное яйцо производитъ цѣлый аггрегатъ клѣтокъ, остающихся соединенными между собою и образующихъ новый сложный индивидуумъ. Это мы наблюдаемъ у высшихъ животныхъ. Очевидно, что смерть простой клѣтки не есть еще окончаніе цикла. Очевидно, что нѣкоторыя клѣтки человѣческаго тѣла могутъ разрушиться, но смерть ихъ нельзя сравнивать со смертью всего цикла — человѣка. Миноть предполагаетъ, что всѣ организмы развиваются только въ циклахъ и всѣ живущіе виды начинаютъ свое существованіе или съ оплодотвореннаго яйца, или съ образованія подобнаго ему. Половое размноженіе, при которомъ только и можетъ явиться оплодотворенное яйцо, должно было существовать, поэтому, у всѣхъ животныхъ, даже у самыхъ простѣйшихъ. Оплодотворенное же яйцо путемъ сегментаціи производитъ послѣдовательныя поколѣнія клѣтокъ, которыя вмѣстѣ съ яйцомъ и образуютъ циклъ. Миноть предполагаетъ, что циклъ оканчивается вслѣдствіе того, что способность клѣтки къ дѣленію постепенно слабѣетъ и промежутокъ между двумя, слѣдующими одно за другимъ, дѣленіями все болѣе и болѣе увеличивается. Въ этомъ именно и заключается причина окончанія цикла. Слабость все болѣе и болѣе растетъ и жизнь клѣтокъ, утратившихъ способность къ дѣленію, угасаетъ сама собой. Авторъ пытается даже доказать, что параллельно прогрессивной потери жизненности идетъ прогрессивное увеличеніе количества протоплазмы и уменьшеніе ядра, и предполагаетъ, что вообще развитіе протоплазмы влечетъ за собою уменьшеніе жизнеспособности.

Постепенное одряхлѣніе Миноть считаетъ неизбѣжной причиной смерти всѣхъ организмовъ, не только высшихъ, но и простѣйшихъ. Существованіе старости у послѣднихъ онъ пытается доказать тѣмъ фактомъ, что у нѣкоторыхъ рѣсничныхъ инфузорій дѣленія, слѣдующія за половымъ актомъ, все болѣе и болѣе запаздываютъ; здѣсь, по мнѣнію Минота, появляется настоящее одряхлѣніе, за которымъ наступаетъ конецъ цикла, естественная смерть. При развитіи многоклѣточныхъ организмовъ нѣкоторое число клѣтокъ дифференцируется и становится неспособнымъ къ половымъ отправленіямъ, такъ что, съ приближеніемъ окончанія цикла, лишь нѣкоторыя клѣтки дѣлаются половыми и организмъ достигаетъ зрѣлости. Зрѣлость, тожъ старость, является такимъ образомъ причиной, опредѣляющей половое размноженіе; послѣднее, слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ зависитъ отъ истощенія клѣтокъ. Питаніе и размноженіе, по мнѣнію Минота, противоположны одно другому,—недостаточное питаніе вызываетъ усиленіе размноженія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, Миноть считаетъ смерть неизбѣжнымъ явленіемъ, всегда сопровождающимъ жизнь, смерть неизбѣжна, такъ какъ неизбѣжна старость, неизбѣжно истощеніе клѣтокъ. Это «объясненіе» невольно вызываетъ вопросъ, почему же неизбѣжна старость?

Тотъ же вопросъ явится у читателя и послѣ ознакомленія съ взглядами на жизнь и смерть извѣстнаго французскаго зоолога *Mona*.

Блестящія работы его внесли много свѣта въ занимающій насъ вопросъ, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о его теоретическихъ взглядахъ.

Mona доказалъ прямыми опытами, что рѣсничныя инфузоріи способны раз-

множаться дѣленіемъ очень большое число разъ; происходящія при этомъ процессѣ послѣдовательныя поколѣнія животныхъ растутъ и размножаются совершенно одинаково. Но послѣ долгаго ряда этихъ безполыхъ размноженій, все же въ концѣ концовъ наступаетъ вырожденіе, поражающее одновременновсѣхъ индивидуумовъ даннаго поколѣнія.

Явленія вырожденія обнаруживаются разрушеніями двоякаго рода: одни изъ нихъ поражаютъ тѣло и придатки инфузорій, другія разрушаютъ ихъ ядерный аппаратъ. Они сопровождаются прогрессивнымъ уменьшеніемъ тѣла животнаго, вялостью и атрофіей его отправленій, организмъ умираетъ вслѣдствіе полнаго своего распаденія. Мы видимъ передъ собою естественную смерть рѣсничной инфузоріи. Живыя существа ветшаютъ и старѣютъ и вслѣдствіе этого погибаютъ. Вотъ основной законъ жизни.

Мопа полагаетъ, что съ возрастомъ строеніе клѣтокъ должно измѣняться, механизмы ихъ должны работать все менѣе и менѣе совершенно, физіологическая работа уменьшается постепенно въ количествѣ и въ качествѣ. Эти функціональныя ослабленія составляютъ сущность старости и, постепенно увеличиваясь, приводятъ организмъ къ смерти; организмъ изнашивается, какъ изнашивается и всякій механизмъ вслѣдствіе самаго функціонированія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что взгляды Мопа отличаются отъ таковыхъ Минота главнымъ образомъ тѣмъ, что послѣдній помѣщаетъ начало старости непосредственно за оплодотвореніемъ, Мопа же старость считаетъ съ того момента, когда организмъ начинаетъ портиться.

Перейдемъ къ гипотезамъ, пытающимся *объяснить* и процессы, и эволюцію жизни и смерти, исходя изъ какого-нибудь одного принципа. Начнемъ съ знаменитаго нѣмецкаго зоолога *Вейсмана*, творца новой теоріи наслѣдственности. *Вейсманъ* думаетъ, что продолжительность жизни индивидуума подчинена исключительно принципу *полезности*, разсматриваемой съ точки зрѣнія выгоды даннаго вида; когда сохраненіе вида обезпечено, жизнь индивидуума становится безполезной. Дѣйствительно мы видимъ, что много животныхъ умираетъ уже послѣ кладки яицъ. Смерть не что иное, какъ экономическое мѣропріятіе природы. Нормальная смерть, то-есть происходящая отъ внутреннихъ причинъ, не нужна, по мнѣнію Вейсмана, въ цѣляхъ сохраненія вида, низшимъ одноклѣточнымъ организмамъ, размножающимся исключительно дѣленіемъ, и потому они безсмертны. Оба индивидуума, происшедшіе отъ дѣленія, совершенно тожественны; ни того, ни другого изъ нихъ нельзя назвать ни матерью, ни дочерью; они одинаково способны къ поддержанію и распространенію вида (какъ читатель видѣлъ, это опровергнуто прямыми опытами Мопа). Совершенно другое дѣло высшія животныя, составленныя изъ множества дифференцированныхъ клѣточекъ, изъ которыхъ однѣ служатъ для размноженія, другія, *соматическія* (тѣлесныя), выполняютъ всѣ остальныя функціи. Эти организмы подвержены смерти, потому что соматическія клѣтки обладаютъ ограниченной продуктивной силой и потому не могутъ возстановлять происходящихъ въ нихъ разрушеній. Нѣсколько позже, отвѣчая на возраженія *Гете*, Вейсманъ развилъ и дополнилъ свою гипотезу о жизни и смерти. Вслѣдствіе этого, мы принуждены остановиться здѣсь на взглядахъ Гете.

По мнѣнію *А. Гете*, польза смерти не объясняетъ ни ея происхожденія, ни ея необходимости. Смерть есть необходимость, связанная съ жизнью; смертны не только многоклѣточные, но и одноклѣточные организмы, но только у послѣднихъ смертью является процессъ цистированья—замыканія животнаго въ мѣшокъ, выдѣляемый имъ при наступленіи неблагопріятныхъ условій; но въ то же время это цистированіе можно параллелизировать съ процессомъ образованія зародыша; смерть и здѣсь является обновленіемъ.

Смерть не связана непремѣнно съ появленіемъ трупа; она представляетъ

собою только уничтоженіе жизни *цѣлаго*, пріостановку общей жизни; клѣтки хотя и продолжаютъ жить отдѣльно, но перестаютъ работать для цѣлаго. И у многоклѣточныхъ, по мнѣнію Гете, смерть точно также связана съ образованіемъ зародышей; вообще можно сказать, что смерть есть слѣдствіе воспроизведенія. Животное умираетъ не послѣ произведенія на свѣтъ потомства, а *вслѣдствіе* этого: бабочки умираютъ вслѣдствіе кладки яицъ, самцы пчелъ послѣ оплодотворенія матки. У ортонектидъ эндодерма превращается цѣликомъ въ яйцо или сперматозоидъ, эктодерма же образуетъ мѣшокъ, разрывающійся въ періодъ зрѣлости и, послѣ освобожденія изъ него элементовъ воспроизведенія, превращающійся въ трупъ. Ортонектида, представляющая первичный типъ многоклѣточныхъ животныхъ, ясно показываетъ, что и у послѣднихъ воспроизведеніе потомства есть причина смерти—слѣдствіе.

Вейсманъ возражалъ Гете рядомъ статей и въ то же время развивалъ и дополнялъ свои взгляды о жизни и смерти. Въ цистированіи, по мнѣнію Вейсмана, нѣтъ уничтоженія жизни, а только прекращеніе питанія и движенія; это—остановка жизни, а не смерть. Притомъ цистированіе не ведетъ за собою необходимо и всегда возрожденія и обновленія, какъ то думаетъ Гете, но весьма часто служитъ только средствомъ для одноклѣточнаго существа оградить себя отъ вредныхъ условій среды, поэтому нельзя считать зацистировавшійся индивидуумъ зародышемъ. Разъ, по мнѣнію Гете, смерть передается отъ одноклѣточныхъ къ многоклѣточнымъ, то и смерть послѣднихъ должна была бы состоять въ процессѣ зацистированія, но самъ Гете согласенъ, что въ этомъ случаѣ она состоитъ въ распаденіи клѣтокъ, составлявшихъ при жизни одинъ организмъ. Смерть есть, по мнѣнію Вейсмана, окончательное уничтоженіе жизни, съ смертью неразрывно связано появленіе *трупа*. При размноженіи же посредствомъ дѣленія одноклѣточныхъ мы не видимъ никакого трупа, точно такъ же, какъ и цисту нельзя назвать трупомъ; слѣдовательно, по мнѣнію Вейсмана, у одноклѣточныхъ не существуетъ и естественной смерти.

Многоклѣточные же организмы подвержены смерти, но и у нихъ не все умираетъ: соматическая, тѣлесная, часть ихъ смертна, производительная—безсмертна, т.-е. можетъ возродиться. Разрывъ эктодермы ортонектиды—есть дѣйствительная смерть, потому что здѣсь уже появляется трупъ; это, можетъ быть, первый случай появленія смерти въ животномъ ряду. Но разрывъ эктодермы въ данномъ случаѣ просто сопутствуетъ смерти, но не является причиной ея, какъ тодумаетъ Гете. Ортонектида умираетъ, потому что строеніе ея тѣла таково, что оно должно распасться послѣ выхода изъ него зародышей, даже въ томъ случаѣ, если бъ вокругъ него было обиліе пищи.

Кромѣ того, замѣчаетъ Вейсманъ, ортонектиды—организмы, являющіеся нѣкоторымъ образомъ исключеніемъ, это—паразиты, лишенные пищевода; а вѣдь у большей части многоклѣточныхъ организмовъ соматическія тѣлесныя клѣтки численно преобладаютъ надъ клѣтками производительными и не зависятъ отъ нихъ; поэтому невозможно допустить, чтобы смерть ихъ вызывалась вліяніемъ послѣднихъ. Наконецъ, если бы размноженіе было прямой причиной смерти, то оно убивало бы животное всегда, а, конечно, никто не станетъ утверждать этого. Такимъ образомъ, снова повторяетъ свой выводъ Вейсманъ, смерть многоклѣточнаго существа происходитъ не вслѣдствіе внутренней необходимости, *она есть результатъ полезности и приспособленія*. Авторъ не останавливается на этомъ и пытается объяснить, почему же тѣлесныя клѣтки смертны? Тѣлесныя клѣтки произошли изъ зародышевыхъ, слѣдовательно тоже, были когда-то безсмертны, но это было расточительностью со стороны природы, и эволюція должна была ее уничтожить. Вначалѣ число соматическихъ (тѣлесныхъ) клѣтокъ было невелико сравнительно съ массой клѣтокъ производительныхъ, но ихъ число мало-по-малу росло, и въ настоящее время смерть, повидимому, поражаетъ весь орга-

низмъ многоклѣточнаго животнаго. Но это только такъ кажется, потому что остается часть, которая въ сущности безсмертна, это производительная часть. Большая или меньшая продолжительность жизни многоклѣточнаго организма, равно какъ и смерть его, зиждется на приспособленіи: индивидуумъ умираетъ, когда теряетъ способность къ распространенію вида и когда существованіе его сдѣлается ненужной роскошью. Жизнь не прерывается съ тѣхъ поръ, какъ появилась на земномъ шарѣ, мѣняются однѣ лишь формы жизни, въ этомъ и состоитъ эволюція.

Другой, не менѣе знаменитый, нѣмецкій зоологъ *Бючли* тоже стремится объяснить явленія жизни и смерти—*однимъ* общимъ началомъ, но только у Вейсмана корень вещей лежитъ въ принципѣ полезности и экономіи природы, тогда какъ у Бючли начало болѣе матеріальное—это особый *жизненный ферментъ* (Lebensferment). Бючли подчеркиваетъ, что смерть высшихъ организмовъ является потерей индивидуальнаго существованія и въ то же время разрушеніемъ жизни, тогда какъ при *индивидуальной* смерти простѣйшаго организма, являющейся слѣдствіемъ размноженія, все существо остается живымъ и входитъ, такъ сказать, въ составъ своего потомства. Обѣ появившіяся дочернія клѣтки обладаютъ способностью къ дальнѣйшему размноженію, ни одна изъ нихъ не носитъ въ себѣ зародыша смерти.

Для объясненія смертности высшихъ животныхъ, Бючли предполагаетъ, что въ клѣткахъ находится особое вещество, какъ бы ферментъ, способный вызывать химическія реакціи, вслѣдствіе которыхъ и происходятъ жизненныя явленія. Этотъ ферментъ мало-по-малу портится. Если предположить, что яйцо высшихъ животныхъ снабжено опредѣленнымъ количествомъ этого жизненнаго фермента, то, конечно, необходимымъ слѣдствіемъ прогрессивнаго исчезновенія его явится смерть организма. Простѣйшія, размножающіяся дѣленіемъ, тоже обладаютъ этимъ жизненнымъ ферментомъ, но въ то же время имъ присуща и способность возобновлять его. Эта-то способность и дѣлаетъ простѣйшихъ безсмертными.

Высшимъ животнымъ не чужда эта способность обновлять жизненный ферментъ, но она локализирована только въ органахъ оплодотворенія. Тѣлесныя клѣтки умираютъ въ концѣ концовъ вслѣдствіе постепеннаго исчезновенія фермента, но зародышевыя клѣтки не только сохраняютъ, но даже и вырабатываютъ новое количество жизненнаго фермента, и передаютъ его потомству. Бючли признаетъ невозможнымъ для простѣйшихъ умереть естественной смертью, но все же думаетъ, что ихъ жизненная энергія въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній постепенно ослабляется, и только совокупленіе устраняетъ конечное разрушеніе и предохраняетъ простѣйшее отъ дряхлости и смерти.

Собственно говоря, ту же гипотезу жизненнаго фермента, но только нѣсколько видоизмѣненную и, по нашему мнѣнію, сильно испорченную, предлагаетъ и французскій зоологъ *Сабатье*. Сабатье, не смотря на свои пантеистическія воззрѣнія, можетъ быть, наоборотъ, именно въ силу ихъ держится того, широкораспространеннаго, теперь взгляда, который утверждаетъ, что нельзя провести рѣзкой пограничной черты между организованнымъ міромъ и такъ называемой мертвой природой, что всѣ свойства, которыми характеризуются живые организмы, присущи, но только въ примитивной формѣ, только въ слабой степени, и минеральному царству; даже *аморсное* дѣйствіе, которое авторъ считаетъ наиболѣе характернымъ для протоплазмы и вообще для живого существа, даже оно встрѣчается въ минералахъ.

Аморсой Сабатье называетъ «состояніе или движеніе, уже существующее и способное вызвать въ приспособленной для этого средѣ точно такое же состояніе или точно такое же движеніе». Протоплазма, по мнѣнію автора, въ высшей степени способна играть роль аморсы, она въ настоящее время даже не можетъ

и воспроизводиться иначе, какъ въ присутствіи такой же аморсы (зародыша). Аморсная способность есть самый выдающійся признакъ протоплазмы, отъ нея зависитъ и ея строеніе, и ея синтезъ, «сила жизни, жизненная энергія, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ пропорціональна напряженности *аморснаго дѣйствія*». Прогрессъ клѣточнаго дѣленія сопровождается всегда пропорціональнымъ уменьшеніемъ аморсной силы и способности возрожденія.

Элементы размноженія или зародыши сохраняютъ относительную простоту строенія и слабую степень дифференцированія, обезпечивающую имъ потенціальное безсмертіе, всѣ же прочія клѣтки тѣла, отличающіяся отъ зародышей, фатально обречены на старость и смерть, вслѣдствіе прогресса дифференцированія. Въ настоящее время существуетъ одинъ видъ протоплазмы, обладающей потенціальнымъ безсмертіемъ—это зародышевая протоплазма, передающаяся отъ предковъ потомкамъ, постоянно, съ момента возникновенія жизни на землѣ до нашихъ дней; мы въ правѣ считать ее прямой наслѣдницей примитивной протоплазмы, отличавшейся простотой и однородностью и потому безсмертной; позже она стала дифференцироваться, совершенствоваться, и этотъ процессъ ослабилъ ея безсмертіе—появились старость и смерть и безсмертное живое существо сдѣлалось смертнымъ. Таковъ былъ ходъ эволюціи.

Причину этой «эволюціи» Сабатье видитъ въ *естественномъ стремленіи къ смерти* самого живого существа; оно хотѣло и хочетъ быть господиномъ вселенной. Поэтому-то оно и должно постоянно увеличивать свои усилія для того, чтобы расширить соприкосновеніе свое съ тѣмъ міромъ, которымъ желаетъ овладѣть. Но въ этомъ непрестанномъ преслѣдованіи своей цѣли живое существо потеряло вмѣстѣ съ своей первобытной простотой также и свое первоначальное тѣлесное безсмертіе.

Но смерть имѣетъ громадное и благотворное вліяніе въ жизни нашей планеты: если бы естественная смерть не уносила постоянно часть живыхъ существъ, то поверхность земного шара стала бы ареной ужаснѣйшей борьбы за существованіе. Естественная смерть, смерть отъ старости, позволяетъ живымъ существамъ размножаться въ разумной и умѣренной пропорціи и является, слѣдовательно, существеннымъ условіемъ рожденія, рожденіе же, т.-е. развитіе зародышевыхъ элементовъ, есть главное условіе прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ именно періодъ развитія матерія наиболѣе способна къ осуществленію тѣхъ измѣненій, рядъ которыхъ и является эволюціей. Для эволюціи важно, чтобы эти *періоды начала*, чтобы эти начинанія возобновлялись чаще, потому что каждое изъ нихъ вноситъ свою долю измѣненій и прогресса.

Рожденіе и естественная смерть, находящіяся въ самомъ близкомъ соотношеніи, работаютъ для совершенства матеріи; благодаря имъ только эта послѣдняя и могла возвыситься постепенно отъ состоянія минеральнаго низшаго до болѣе и болѣе сложныхъ проявленій жизни. Но не одинъ только матеріальный міръ пользуется благодѣтельнымъ вліяніемъ смерти. Она оказываетъ вліяніе также и на совершенствованіе духа. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы признаемъ, что духъ находится повсюду и что матерія и духъ суть ничто иное, какъ двѣ формы общей субстанціи вселенной. Умственныя явленія животныхъ связаны съ строеніемъ центровъ нервной системы, при чемъ сложность ихъ всегда зависитъ отъ сложности строенія этихъ центровъ. Слѣдовательно, совершенствованія духа, связанныя съ совершенствованіями организма, должны точно также прогрессировать, благодаря круговороту матеріи, который дѣлаетъ возможнымъ лишь одна естественная смерть.

Какъ видитъ читатель, взгляды г. Сабатье отличаются большой поэтичностью и большимъ эклектизмомъ: отъ Вейсмана онъ взялъ принципъ *полезности* и передѣлалъ его въ телеологическое *естественное стремленіе къ смерти*, отъ Минота и Мопа позаимствовалъ мысль о связи старости и процесса

дифференціаціи, наконецъ матеріальный «жизненный ферментъ» Бючли превратилъ въ божественную, универсальную, но таинственную *аморсу*.

Разсужденія нѣмецкаго профессора г. *Мебіуса* не отличаются такою выдержанностью въ этомъ отношеніи, хотя и напоминаютъ, съ одной стороны Минота, а съ другой—Вейсмана. Мебіусъ утверждаетъ, что какъ простѣйшіе, такъ и многоклѣточные организмы нужно считать тѣлесно и психически централизованными индивидуумами: если исчезъ психическій центръ матери, то въ то же время исчезаетъ и ея тѣлесная индивидуальность. Слѣдовательно, простѣйшія не могутъ считаться безсмертными ни съ психической, ни съ тѣлесной точки зрѣнія. Зародышевыя клѣтки многоклѣточныхъ организмовъ производятъ громадное количество рабочихъ (тѣлесныхъ) клѣтокъ, способныхъ функціонировать крайне разнообразно и продолжать свойственную имъ работу, хотя бы зародышевыя клѣтки и отдѣлились отъ тѣла многоклѣточнаго индивидуума. Поэтому-то бо́льшая часть многоклѣточныхъ переживаетъ актъ размноженія, между тѣмъ какъ *индивидуальное* существованіе простѣйшихъ должно окончиться съ этимъ послѣднимъ.

Зародышевыя клѣтки высшихъ организмовъ живутъ бездѣятельно, пока не отдѣлятся и не разовьются; до этого момента онѣ не получаютъ никакихъ внѣшнихъ возбужденій, поэтому и чувствительность ихъ не притупляется, и онѣ не старѣютъ отъ работы, какъ это происходитъ съ тѣлесными клѣтками. Но какъ только зародышевыя клѣтки оплодотворятся, то начинаютъ интенсивно работать, сообразно своимъ прирожденнымъ способностямъ. Если зародышевыя пластиды многоклѣточныхъ не сдѣлаются по прошествіи нѣкотораго времени свободными индивидуумами, то онѣ умираютъ точно также, какъ и рабочія пластиды.

Отъ часто повторяющихся внѣшнихъ возбужденій рабочія клѣтки устаютъ, и ихъ усталость въ концѣ концовъ переходитъ въ потерю чувствительности, бездѣятельность и смерть. Такимъ образомъ, старость и смерть являются слѣдствіемъ прогрессивнаго ослабленія реакцій организма на внѣшнія или внутреннія возбужденія. Такъ какъ, говоритъ Мебіусъ, отношенія нашей земли къ солнцу носятъ періодическій характеръ, такъ какъ въ мірѣ все происходитъ періодически и при помощи взаимодѣйствія, то въ немъ нѣтъ такого источника, который въ силахъ былъ бы произвести безсмертный организмъ.

Мы заключимъ нашъ обзоръ изложеніемъ взглядовъ французскаго ученаго *Дельбефа*; они казались бы очень оригинальны, если бы были болѣе обоснованы. Дельбефъ думаетъ, что живая матерія предшествовала появленію минеральной, что природа вся состояла сначала изъ живой матеріи. «Ничего не было,—говоритъ онъ,—кромѣ атомовъ живыхъ, одаренныхъ чувствительностью, волей и свободой». Но мы не станемъ останавливаться на фантастичной космогоніи автора и перейдемъ къ его взглядамъ на причины смерти организмовъ. Вначалѣ Дельбефъ, раздѣляя идеи Вейсмана, считалъ, что простѣйшимъ не свойственна естественная смерть. У многоклѣточныхъ же наряду съ зародышевыми клѣтками, которыя, подобно простѣйшимъ, одарены потенціальнымъ безсмертіемъ, существуютъ тѣлесныя, соматическія клѣтки, какъ ихъ назвалъ Вейсманъ, — этимъ послѣднимъ суждено умереть, такъ какъ, по Дельбефу, смерть есть слѣдствіе локализаціи функцій въ механизмѣ. Этотъ механизмъ, какъ и всякая другая машина, можетъ работать только потребляя силу, и исполнять только что-нибудь одно, но зато хорошо и безъ усилій; какъ и всякая машина, онъ можетъ подвергаться порчѣ, такъ что становится въ концѣ концовъ негоднымъ къ употребленію. «И вотъ почему,—говоритъ Дельбефъ,—все, что живетъ, старѣетъ и умираетъ». Существенное различіе между сложными организмами и машинами заключается въ томъ, что живая машина доказала, что она способна не только сама собой чиниться, но также совершенствоваться и расти. Этого-то именно и не могутъ дѣлать обыкновенныя машины. Но почему же и это свой-

ство. отличающее живыя машины, уничтожается со временемъ? Разрушеніе живой матеріи, по мнѣнію Дельбефа, объясняется тѣми физическими и химическими законами, которые заставляютъ органическія вещества дѣлаться устойчивыми, преобразовываться постепенно — сначала въ однородную организованную матерію. а затѣмъ и въ матерію инертную, неорганизованную. Вотъ что заставляетъ умирать живыя машины, даже тѣ, которыя не работаютъ. Время точно такъ же, какъ и работа, портитъ фабрикуемые нами предметы, преобразовываетъ хрящи въ кости, а кости въ фосфорнокислую известь... наступаетъ наконецъ моментъ, когда пища, обладавшая сначала созидающими свойствами, сохраняетъ одну только обновляющую силу, да и та начинаетъ уступать вліянію времени, которое направляетъ все къ состоянію покоя, постоянства и неподвижности.

Что же касается причины смерти одноклѣточныхъ существъ, которую послѣ опытовъ Мопа надъ рѣсничными инфузоріями Дельбефъ не можетъ не признать, то онъ считаетъ ее результатомъ неуравновѣшанности организма инфузоріи, неуравновѣшенности, происходящей отъ «математически фатальной, внѣшней физической необходимости». Для него причина смерти рѣсничныхъ инфузорій не внутренняя, но внѣшняя и случайная; при помощи алгебраическихъ формулъ онъ стремится доказать, что повторныя дѣленія у инфузорій служатъ причиной потери равновѣсія, между производителемъ и его потомствомъ возникаетъ различіе, увеличивающееся при каждомъ дѣленіи. Достигнувъ извѣстной степени, это различіе опредѣляетъ половую зрѣлость и становится фатально-разрушительнымъ для ихъ организма, потому что дѣлаетъ невозможнымъ какъ размноженіе дѣленіемъ, такъ и питаніе.

В. Г.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Астрономія: 1) Полное солнечное затменіе. 2) Оптическое доказательство отсутствія на Марсѣ морей. **Физика:** 1) Какіе цвѣта лучше видны на далекомъ разстояніи. 2) Выстрѣлы въ озерахъ. **Геологія:** 1) Рельефъ земной коры. 2) Новое ископаемое. 3) Доисторическая битва. **Біологія:** 1) Благодѣтельная роль мухъ, комаровъ и москитовъ въ уничтоженіи вредныхъ микробовъ. 2) Температура тѣла у низшихъ млекопитающихъ животныхъ. 3) Замерзаніе растеній и вліяніе крайне низкихъ температуръ на сѣмена. 4) Оригинальныя гнѣзда. 5) Періодическое выпаденіе зубовъ у нѣкоторыхъ рыбъ. 6) Измѣненіе окраски рыбъ во время сна. 7) Сонливость и ея микробы.

Астрономія. 1) *Полное солнечное затменіе.* Приводимъ телеграмму, посланную *Локайеромъ* изъ Индіи въ Morning Post. «Вчера, при самой благопріятной погодѣ на нашей станціи Viziadurg съ большимъ успѣхомъ были произведены наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затменіемъ.

«Намъ оказали неоцѣнимую помощь 125 офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и матросовъ съ военнаго корабля Melpomène; эти наблюдатели были разбиты на 21 группу. Было сдѣлано 60 фотографій солнечнаго спектра, считая въ томъ числѣ 4 серіи, по 10 моментальныхъ снимковъ въ каждой, въ началѣ и въ концѣ полной фазы. Нѣкоторые клише уже проявлены и показываютъ измѣненія хромосферы, секунда за секундой, въ каждой изъ этихъ 4-хъ серій. Корона представляла величественную картину и походила на таковую 1896 года. Было видно нѣсколько звѣздъ, но темнота была все же не настолько сильна, чтобы были нужны лампы. Полосой наиболѣе длинной явилась полярная: длина ея была въ 4 раза больше видимаго діаметра луны; она имѣла совершенную структуру. Педлеръ наблюдалъ линіи желѣза въ нижней части короны. Кинематографъ лорда Грагама функціонировалъ весьма успѣшно. Тѣнь отъ луны на землѣ была едва видима, такъ какъ атмосфера наша была очень чиста».

Наблюденія, сдѣланныя въ Тальни астрономами Maunder и Thwaites также увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Небо было замѣчательно чисто. Дневной свѣтъ въ серединѣ полнаго затменія равнялся свѣту полной луны. Такъ же, какъ и Локайеру, удалось сдѣлать много фотографій короны и солнечнаго спектра. По всѣмъ признакамъ нужно ожидать, что эти наблюденія январьскаго солнечнаго затменія 1898 года (22-го янв.) сильно увеличатъ наше знакомство съ физическимъ строеніемъ солнца.

2) *Оптическое доказательство отсутствія на Марсѣ морей.* Въ трудѣ Фламмаріона «Планета Марсъ» приведено вычисленіе оксфордскаго астронома *Филлипса*, доказывающее, что отраженное отъ морей Марса изображеніе солнца могло бы быть видимо съ земли, что оно должно было бы измѣряться $^1/_{20}$ секунды, въ телескопъ же, увеличивающій въ 300 разъ, достигло бы 15 секундъ. Филлипсъ думалъ, что если бы сѣрыя пятна Марса были морями, то мы должны были бы время отъ времени получать отъ нихъ подобныя изображенія. Скіапарелли давалъ тоже весьма близкую цифру для этого отраженнаго изобра-

женія, именно $^1/_{24}$ секунды; блескъ его равнялся бы блеску звѣзды третьей величины. Недавно англійскій астрономъ г. *Тайлоръ* снова вернулся къ этому предмету и представилъ новое вычисленіе. Отражательная способность Марса въ четыре раза слабѣе такового Сатурна. Если принять, что у Сатурна она равна отражательной способности только что выпавшаго снѣга, т.-е. 0,78,—то у Марса она будетъ=0,17. Тайлоръ принимаетъ ее=0,21. Онъ вычисляетъ, что отношеніе между интенсивностью солнечнаго отраженія отъ водной поверхности Марса и полнымъ блескомъ всего диска Марса равняетъ $^1/_{40}$. Это изображеніе солнца имѣло бы въ діаметрѣ 10 километровъ и должно было бы быть намъ прекрасно видимымъ съ земли.

Тайлоръ прибавляетъ, что на Марсѣ есть много такъ называемыхъ морей, которыя расположены прекрасно для того, чтобы посылать намъ отраженныя изображенія солнечнаго диска. Но никто ничего подобнаго никогда не наблюдалъ. Поэтому авторъ заключаетъ, что на Марсѣ нѣтъ никакихъ морей. Онъ склоняется къ тому, что эти «моря»—обширныя равнины, покрытыя растительностью, тоны которыхъ измѣняются смотря по количеству влаги, которая достигаетъ до нихъ при таяніи полярныхъ снѣговъ планеты. Тайлоръ склоняется къ мнѣнію г. Ледгера, что и «каналы» Марса не наполнены водой, но что эти линіи говорятъ о земляхъ, обработываемыхъ обитателями Марса, главнымъ образомъ, въ областяхъ, которыя лежатъ въ сосѣдствѣ съ большими населенными центрами. Однимъ словомъ, мы нигдѣ на Марсѣ не увидимъ воды съ нашей планеты, хотя вода все же орошаетъ поверхность нашего таинственнаго сосѣда.

Физика. 1) *Какіе цвѣта лучше видны на далекомъ разстояніи.* Въ Парижѣ инженеромъ Гражу были поставлены интересные опыты, касающіеся этого вопроса. Различную степень видимости Гражу обозначалъ числомъ отъ 1 до 8, при чемъ число 8 обозначало, что даннаго цвѣта совсѣмъ невидно. Интересно было сдѣлать опытъ въ ясную погоду, пасмурную и ночью. Результатъ наблюденій на разстояніи 600 метровъ оказался слѣдующій: ясная погода: бѣлый цвѣтъ 1, свѣтло-голубый—2, ярко-красный—3, зеленый—4, сѣрый и темно-голубой—6, цвѣтъ сухихъ листьевъ—7 (почти не видимъ). Въ пасмурную погоду ничего не измѣнилось относительно бѣлаго, синяго и коричневаго цвѣтовъ, но свѣтло-голубой сдѣлался менѣе ясно видимымъ и получилъ баллъ 3, также ярко красный—получалъ 4, но за то зеленый сталъ виднѣе и былъ оцѣненъ балломъ 3.

Ночью тѣ же результаты, что и въ пасмурную погоду, за исключеніемъ бѣлаго, который оказался совершенно невидимымъ и вмѣстѣ 1 получилъ уже 8.

Несмотря на интересъ этихъ опытовъ нельзя, конечно, строить на нихъ какихъ бы то было общихъ выводовъ, такъ какъ пріемъ изслѣдованія былъ слишкомъ примитивенъ и субъективенъ.

2) *Выстрѣлы въ озерахъ.* Хёртеръ сообщилъ наблюденія, произведенныя имъ на Боденскомъ озерѣ:

«Въ Боденскомъ озерѣ водятся многіе виды крупной рыбы—щука, форель, сомъ. Большая часть ихъ погибаетъ въ озерѣ и гніетъ на днѣ; при разложеніи трупы наполняются газомъ, и въ концѣ-концовъ разрываются подъ ихъ напоромъ. Освободившіеся газы поднимаются отвѣсно въ видѣ пузырей на поверхность воды, лопаются производя звукъ — такъ называемый «выстрѣлъ озера». Съ этимъ объясненіемъ вполнѣ согласуется, какъ наблюдаемые при этихъ выстрѣлахъ водовороты, такъ и то, что за сильными выстрѣлами слѣдуетъ рядъ слабыхъ. Легко объясняется также и то, что эти своеобразные звуки происходятъ только тогда, когда озеро тихо, такъ какъ только при спокойной водѣ пузырьки газа могутъ отвѣсно подняться къ поверхности озера, не будучи уничтожены волнами».

Геологія. 1) *Рельефъ земной коры.* Извѣстный нѣмецкій географъ Вагнеръ опубликовалъ недавно въ Beiträge zur Geophysik интересную работу, касаю-

щуюся этого вопроса. Вагнеръ дѣлитъ всю земную поверхность не на три области, какъ было общепринято до сего времени, а на пять.

а) *Наиболѣе высокая часть*, занимающая 0,06 земной поверхности; къ ней относятся мѣста, имѣющія высоту болѣе чѣмъ 1.000 метровъ надъ уровнемъ моря; средняя высота этой области 2.200 метровъ.

б) *Материковое плато*, заключающее земли съ высотой отъ 200 до 1.000 метровъ. Это плато занимаетъ 0,283 земной поверхности, средняя высота ея 250 метровъ.

в) *Материковый склонъ*, начиная съ высотъ въ 200 метровъ до глубины на 2.300 метровъ ниже уровня океана, занимаетъ 0,009 земной поверхности и имѣетъ среднюю глубину въ 1.300 метровъ.

г) *Океаническое плато*, съ глубиною отъ 2.300 до 5.000 метровъ, занимающее не менѣе 0,53,7 земной поверхности, слѣдовательно больше половины ея; средняя глубина его 4.100 метровъ.

д) Наконецъ, *область опусканія*, съ глубинами большими чѣмъ 5.000 метровъ, занимаетъ 0,003 поверхности земного шара; средняя глубина ея 6.000 метровъ.

По вычисленію г. Вагнера средній уровень земной коры равняется 2.300 метровъ глубины ниже поверхности океана. Поверхность выше этого средняго уровня занимаетъ 0,43 всей земной поверхности. Общая поверхность *суши* не превосходитъ 0,283 всей земной поверхности; такимъ образомъ на долю воды достается 0,717 всей поверхности земной коры. Средняя высота материковъ равняется 700 метрамъ. Конечно, цифры эти приблизительныя, такъ какъ, во-первыхъ, расчеты подобнаго рода вообще крайне трудны, а во вторыхъ—0,04 поверхности земнаго шара намъ совершенно неизвѣстны, это—полярныя страны.

2) *Новое ископаемое*. На островѣ Барбадосѣ найдены громадныя залежи ископаемой смолы. У туземцевъ оно называется *менджекъ*. Смола эта блестящаго чернаго цвѣта и встрѣчается на небольшихъ глубинахъ, иногда даже у самой поверхности, пластами въ 1 и 2 фута толщиною. Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что это отвердѣвшая нефть, такъ какъ въ этихъ же мѣстахъ бьютъ кое-гдѣ фонтаны нефти, и она плаваетъ на поверхности водныхъ бассейновъ. По своему составу менджекъ сходенъ съ тринидатскою смолою, утахтскимъ гильзонитомъ и канадскимъ альбертитомъ. Лучшіе сорта менджека содержатъ—2% воды, 97,92% органическихъ веществъ и всего 0,18% минеральныхъ. Даже менджекъ средняго качества содержитъ только 3% воды и минеральныхъ частей, тогда какъ тринидатская смола отъ 21 до 30% воды и около 38% золы. Уже въ настоящее время менджекъ находитъ широкое примѣненіе, какъ изоляторъ электрическихъ проводовъ, употребляютъ его также для составленія лаковъ и цемента. Низшіе сорта въ соединеніи съ торфомъ идутъ какъ топливо.

3) *Доисторическая битва*. «20.000 лѣтъ тому назадъ была жестокая битва между племенемъ Майясовъ и жителями свайныхъ построекъ по рѣкѣ Арканзасъ на индѣйской территоріи; пало около 75.000 воиновъ». Къ такому выводу пришелъ профессоръ Вальтеръ на основаніи изысканій, сдѣланныхъ имъ въ историческомъ кладбищѣ въ Чоктау, кладбищѣ, которое занимаетъ пространство въ 30 акровъ и содержитъ 75.000 полныхъ скелетовъ. Профессоръ Вальтеръ обратилъ вниманіе на это кладбище во время постройки желѣзной дороги, когда рабочіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выкапывали массами человѣческія кости и всевозможное вооруженіе дикарей. Черепа были проткнуты копьями или стрѣлами съ наконечниками изъ *агата*; въ нѣкоторыхъ черепахъ находили до 13 ранъ. Все это служитъ доказательствомъ, что люди погибли въ битвѣ; скелеты погребены въ песчаномъ слоѣ, но сверхъ него уже успѣли отложиться два пласта другихъ геологическихъ образованій, что позво-

лило профессору Вальтеру опредѣлить приблизительно время этой ужасной битвы. Основываясь на данныхъ, полученныхъ имъ послѣ 17-лѣтняго изученія быта жителей свайныхъ построекъ, профессоръ Вальтеръ предполагаетъ, что битва эта была однимъ изъ многихъ кровавыхъ побоищъ, происходившихъ между таинственной расой свайныхъ построекъ и майясами, пришедшими сюда позднѣе изъ Центральной и Южной Америки.

Біологія. 1) *Благодѣтельная роль мухъ, комаровъ и москитовъ въ уничтоженіи вредныхъ микробовъ.* Мариманъ (изъ Лейпцига) еще 15 лѣтъ тому назадъ пришелъ къ выводу, что обыкновенная муха гораздо чаще содѣйствуетъ истребленію микроорганизмовъ, чѣмъ переносу ихъ. Недавно онъ снова принялся за аналогичныя изслѣдованія съ цѣлію открыть, если возможно, подвергаются или нѣтъ бациллы какимъ-нибудь измѣненіямъ во время прохода ихъ по пищеварительнымъ органамъ насѣкомыхъ и не уменьшается ли вслѣдствіе этого «путешествія» зловредность микроорганизмовъ.

Обыкновенныя мухи, снабженныя сосательной трубочкой, не могутъ причинить зараженія, но онѣ переносятъ заразные микробы на поверхность пищи, употребляемой человѣкомъ, и такимъ образомъ причиняютъ вредъ.

Жалящія же насѣкомыя — комары, мухи, москиты могутъ вносить вредные микроорганизмы съ труповъ и другихъ источниковъ уже непосредственно въ кровь человѣка и животныхъ. Но съ другой стороны опыты автора доказали, по его мнѣнію, что болѣзнетворныя бактеріи теряютъ свою силу, пройдя сквозь пищеварительный аппаратъ насѣкомаго: 30% мухъ, зараженныхъ патогенными бактеріями, чрезъ 12 часовъ были уже свободны отъ нихъ.

Такимъ образомъ профессоръ Мариманъ думаетъ, что насѣкомыя скорѣе приносятъ намъ пользу, чѣмъ вредъ въ борьбѣ нашей съ микробами. Этой благодѣтельной дѣятельностью профессоръ объясняетъ и то, по его мнѣнію, широко распространенное явленіе, что въ мѣстностяхъ богатыхъ насѣкомыми, особенно мухами, комарами и т. п. эпидеміи бываютъ рѣже и не такъ сильны, какъ въ мѣстахъ бѣдныхъ или совсѣмъ лишенныхъ насѣкомыхъ, и то, что можно замѣтить изъ года въ годъ связь между развитіемъ эпидеміи и относительною бѣдностью или богатствомъ даннаго года насѣкомыми.

2) *Температура тѣла у низшихъ млекопитающихъ животныхъ.* Уже въ 1879 г. Миклуха-Маклай произвелъ измѣренія температуры крови у низшихъ млекопитающихъ и нашелъ среднюю температуру въ 27,8°. Впослѣдствіи профессоръ Семонъ возобновилъ эти изслѣдованія и подвергъ изслѣдованію температуру тѣла австрійской ехидны. Онъ нашелъ, что она можетъ падать до 26°, а иногда, наоборотъ подниматься до 34,2°. Къ такимъ же результатамъ пришелъ и Сутерландъ. Изслѣдовавъ довольно большое количество ехидны, онъ вывелъ среднюю температуру тѣла ехидны въ 29,9°, при чемъ, конечно, температура эта сильно колеблется въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Такъ, одна ехидна имѣла въ холодное утро только 22°, другая же, которую въ жаркій полдень перевозили въ мѣшкѣ, температуру въ 36,6°. Сумчатыя имѣютъ болѣе высокую температуру. Изъ 126 опытовъ, произведенныхъ Сутерландомъ надъ 16 видами сумчатыхъ животныхъ, выведена средняя температура въ 36°, т. е. всего на одинъ, два градуса ниже температуры высшихъ млекопитающихъ животныхъ. Къ Monotremata близко стоятъ Phascolomys съ средней температурой въ 34,41°, Potaurus—съ 35,4° и Phascolarctos—съ 36,4°.

3) *Замерзаніе растеній и вліяніе крайне низкихъ температуръ на сѣмена.* Профессоръ Молишъ произвелъ рядъ опытовъ надъ замерзаніемъ растеній, результатъ которыхъ мы приводимъ.

При замерзаніи растворовъ желатина или каучука образуется своеобразная сѣть, петли которой наполнены льдомъ; слѣдовательно, при этомъ процессѣ происходитъ выдѣленіе воды. То же самое наблюдается и при охлажденіи амебы и

различныхъ растительныхъ клѣтокъ. Вообще, можно сказать, что при охлажденіи изъ протоплазмы выдѣляется вода, превращающаяся въ ледъ; это-то въ большинствѣ случаевъ и является причиной смерти организмовъ; не быстрое оттаиваніе, а самое замерзаніе обусловливаетъ смерть, и ближайшая ея причина лежитъ не въ образованіи льда, а въ потерѣ воды. Понятно, что и неосторожное оттаиваніе можетъ повести къ смерти, но не оно одно всегда бусловливаетъ ее.

Причиной смерти растеній, происходящей не при замерзаніи, а при одномъ только достаточно сильномъ охлажденіи, является, конечно, не потеря воды, такъ какъ здѣсь не образуется льда. Авторъ думаетъ, что въ такихъ случаяхъ смерть растеній обусловливается различными химическими процессами. Нѣкоторыя растенія, какъ, напримѣръ, табакъ, тыква, горохъ, не умираютъ даже при температурѣ въ 1^0 до 3^0, но листья ихъ начинаютъ сильно вянуть. Это явленіе объясняется тѣмъ, что при низкой температурѣ корни не въ состояніи всасывать воду въ такой же степени, въ какой она испаряется листьями.

Совершенно иначе относятся къ вліянію низкихъ температуръ сѣмена, какъ то видно изъ опытовъ относительно вліянія низкихъ температуръ на жизненность сѣмянъ. Brown и Escombe заключали сѣмена многихъ растеній въ тонкія стеклянныя трубки, медленно охлаждаемыя и помѣщенныя въ особый пріемникъ, содержавшій приблизительно два метра жидкаго воздуха и наполнявшійся по мѣрѣ надобности. При этихъ условіяхъ сѣмена въ теченіе 10 часовъ безъ перерыва подвергались дѣйствію температуры отъ —182° С.—192° С. Предварительно они были высушены и содержали не болѣе 10—12% естественной влажности. Послѣ этой операціи сѣмена медленно и постепенно размораживались въ теченіе 50 часовъ; затѣмъ ихъ способность къ проростаніе сравнивалась съ соотвѣтствующими сѣменами, находившимися все время въ обыкновенныхъ температурныхъ условіяхъ. Оказалось, что ни на прорастаніе сѣмянъ, ни на дальнѣйшую судьбу вышедшихъ изъ нихъ растеній такое продолжительное вліяніе низкой температуры не оказало никакого дѣйствія: и тѣ и другія сѣмена ничѣмъ не отличались другъ отъ друга.

4) *Оригинальныя гнѣзда.* Для витья гнѣзда Todus melanoleucus обыкновенно выбираютъ полое дерево, дупло котораго вполнѣ достаточно для свободныхъ движеній самки въ гнѣздѣ и имѣетъ одинъ или два удобныхъ входа. Различаютъ 2 типа гнѣздъ: одно строится въ дуплѣ, сверху и снизу закрытомъ, имѣющемъ только боковой входъ, другое же — въ полыхъ стволахъ Euphorbia grandidens, не имѣющихъ боковыхъ отверстій и въ которыхъ щель, сообщающая постояльца съ внѣшнимъ міромъ, находится сверху. Какъ разъ подъ этой щелью самка настилаетъ полъ, въ нѣсколько дюймовъ толщины; на него она кладетъ яйца. Въ 3 футахъ надъ щелью возводится крыша, склеенная изъ алоэ, кусочковъ дорева, мха и т. п., крыша эта непромокаема. Когда самка начинаетъ класть яйца, то боковое входное отверстіе въ гнѣздѣ 1-го типа законопачивается самцомъ, такъ, что остается только узкая щель въ $^1/_2$ д. ширины и 4—6 д. длины, черезъ которую самецъ доставляетъ пищу самкѣ. Шёнландъ утверждаетъ, что цементомъ для замазки отверстія въ гнѣздѣ служитъ пометъ самки. При приближеніи опасности самка взбирается въ верхнюю часть гнѣзда и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока опасность не минуетъ. Къ концу декабря или началу января самка приступаетъ къ высиживанію птенцовъ. Она кладетъ не болѣе 4-хъ яицъ, изъ которыхъ по прошествіи 6—7 недѣль вылупливаются птенцы.

5) *Періодическое выпаденіе зубовъ у нѣкоторыхъ рыбъ.* Одна сѣверо-американская рыба Esox nobilis, по наблюденіямъ г. *Carthey*, представляетъ весьма интересную особенность,—она каждый годъ теряетъ зубы. Въ маѣ и іюнѣ всѣ Esox канадскаго озера Воманъ имѣютъ зубы совершенно здоровые и

въ полномъ числѣ; у экземпляровъ, пойманныхъ въ іюлѣ, замѣчается сильное воспаленіе десенъ; въ августѣ же и сентябрѣ бѣдныя рыбы уже совсѣмъ безъ зубовъ, но въ октябрѣ Esox снова является уже вооруженной этимъ необходимымъ снарядомъ. Приведенныя здѣсь наблюденія были подтверждены и другими наблюдателями, но, конечно, требуется болѣе подробное и продолжительное изученіе, чтобы увѣриться въ постоянствѣ этого явленія.

6) *Измѣненіе окраски рыбъ во время сна.* Обыкновенно это измѣненіе состоитъ въ томъ, что во время сна окраска рыбъ становится ярче, рисунки яснѣе. Но у нѣкоторыхъ рыбъ явленія эти гораздо сложнѣе. Такъ *stenotomus chrysops* обыкновенно серебряно-бѣлаго цвѣта, во время сна принимаетъ темную бронзовую окраску съ 6 черными поперечными полосами. Если разбудить внезапно эту рыбу, напр., зажечь въ ея сосѣдствѣ сильный источникъ свѣта, то ея цвѣтъ моментально мѣняется. Эта рыба спитъ обыкновенно между двумя водорослями и, конечно, ея темная ночная окраска является такъ-называемой покровительственной миметической окраской, такъ какъ черныя полосы совпадаютъ по цвѣту съ кольцами водоросли, которыя обвиваютъ рыбу, темная же бронзовая окраска приближается къ темно-зеленой окраскѣ большинства водорослей. Другая рыба, *monacanthus*, имѣетъ также ночную окраску совершенно отличную отъ дневной. Когда она бодрствуетъ, она коричневаго и темно-зеленаго цвѣта; когда же спитъ, то ея окраска становится только темно-зеленой, что сливаетъ ее съ цвѣтомъ окружающихъ утесовъ и морскихъ травъ.

7) *Сонливость и ея микробъ.* Эта болѣзнь, которой страдаютъ, главнымъ образомъ, жители Африки, характеризуется ослабленіемъ силъ, уменьшеніемъ вѣса, различными нервными разстройствами и необычайной, непреоборимой сонливостью. Раньше приписывали эту болѣзнь различнѣйшимъ причинамъ: недостаточному питанію, злоупотребленію кокой, гашишемъ, алкоголемъ, половыми излишествами, дѣйствію солнечныхъ лучей и т. п.

Только недавно гг. Cagigal и Lepierve, изъ университета Coimbra, удалось найти въ крови молодого негра, одержимаго этой болѣзней уже три года, бациллу, развивающуюся въ культурахъ серума при температурѣ въ 30—37°, причемъ образуются и споры. Эта бацилла, привитая кроликамъ, убиваетъ ихъ въ 25—50 дней при температурѣ, ниже нормальной, и потерѣ въ вѣсѣ, достигающей до 45% общаго вѣса тѣла.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ. 1898 г.

Содержаніе: *Русскія и переводныя книги.* Беллетристика. — Исторія литературы.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Иностранныя книги.—Изъ западной культуры. Ив. Ивановъ.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

О. Н. Чюмина (*Михайлова*). «Стихотворенія».—*М. А. Лохвицкая* (*Жиберъ*). «Стихотворенія».—*Макс. Леоновъ*. «Стихотворенія».—*В. М. Грибовскій* (*Гридень*). «Студенческіе разсказы».—*И. С. Тургеневъ*. «Полное собраніе сочиненій».—*Ж. Ж. Руссо*. «Исповѣдь».

О. Н. Чюмина. Стихотворенія. 1892—1897 гг. Спб. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к. Имя г-жи Чюминой, какъ талантливой переводчицы, хорошо знакомо читателямъ нашего журнала по тѣмъ удачнымъ переводамъ, которые были помѣщаемы у насъ за послѣдніе годы. Но, кромѣ переводовъ, г-жа Чюмина проявила и самостоятельное творчество, и значительную часть изданнаго ею въ концѣ прошлаго года тома стихотвореній составляютъ ея собственныя оригинальныя вещи. Преобладающій тонъ ихъ минорный съ оттѣнкомъ легкой грусти, что придаетъ большинству ея стихотвореній своеобразную прелесть лиризма, мягкаго и нѣжнаго, хотя и лишеннаго силы и страсти. Настроеніе ея поэзіи тихое и вдумчивое: она останавливается преимущественно въ своихъ описаніяхъ природы на осеннихъ мотивахъ, въ жизни на воспоминаніяхъ изъ прошлаго, или мечтаетъ о плодотворной работѣ въ тѣсномъ кругѣ близкихъ людей. Стихъ г-жи Чюминой не блещетъ яркостью красокъ, не поражаетъ силою выраженія или глубокой мысли, но онъ всегда гармониченъ и звученъ, льется свободно и легко, изященъ и красивъ. Вообще, форма его безупречна, что показываетъ на большую старательность, съ которою г-жа Чюмина отдѣлываетъ свои стихотворенія. Прекрасно владѣя стихомъ, г-жа Чюмина отнюдь не увлекается одной формой, не расплывается въ стихахъ,—большинство ея стихотвореній сжаты и по законченности производятъ цѣльное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе пріятное, что поэтъ нигдѣ не гонится за яркимъ сравненіемъ, хотя бы и эффектнымъ, но въ сущности лишнимъ. Онъ всегда простъ и искрененъ, и эта черта въ особенности подкупаетъ читателя.

Главное, однако, содержаніе настоящаго сборника—это переводы изъ различныхъ иностранныхъ поэтовъ, и, какъ намъ кажется, г-жа Чюмина сильнѣе всего именно въ переводахъ. Не обладая особенно оригинальнымъ талантомъ, съ рѣзко выраженнымъ темпераментомъ, она прекрасно умѣетъ облечь въ надлежащую форму произведенія иностранной поэзіи, найти вѣрное выраженіе для содержанія самыхъ разнообразныхъ по индивидуальности поэтовъ, что и придаетъ ея переводамъ особую цѣнность—вѣрности и близости къ подлиннику. Какъ уважаемая и талантливая переводчица, г-жа Чюмина заняла почетное мѣсто въ переводной поэзіи, въ которой она такъ много и съ такой пользой работаетъ. Роль переводчицы, избранная г-жею Чюминой, особенно почетна и

плодотворна именно въ наше время, когда, повидимому, обмелѣлъ источникъ родной поэзіи. Сумеречное настроеніе въ общественной жизни, разладъ, неудовлетворенность, отсутствіе яркихъ явленій въ жизни, чувство какой-то надломленности—все это подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на силу поэтическаго творчества. Поэтому, именно въ наши сѣренькіе будни нужна поэзія, хотя и приходится заимствовать ее у болѣе счастливыхъ литературъ, чѣмъ наша.

Отъ души желаемъ успѣха изящному собранію оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній г-жи Чюминой, въ полной увѣренности, что многимъ читателямъ они доставятъ полное удовлетвореніе.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Т. II. 1896—1898 гг. Москва. Неудержимая, кипучая страсть г-жи Лохвицкой отличается, между прочимъ, рѣдкой плодовитостью. Не дальше, какъ годъ тому назадъ, мы имѣли честь (нельзя сказать «и удовольствіе») обратить вниманіе нашихъ читателей на рѣдкій въ наши дни любовно-пылкій жаръ этой поэтессы. Черезъ годъ—новый сборникъ все такихъ-же бурно-пламенныхъ воззваній къ «нему», призывовъ, воплей, слезъ, рыданій, истеричнаго смѣха и страсти, страсти безъ конца! Можно сказать, что страсть сжигаетъ нашу московскую Сафо, но, къ счастью, ни мало не зажигаетъ читателя. Вначалѣ, встрѣтивъ на первыхъ страницахъ «Гимнъ возлюбленному», читатель чувствуетъ себя нѣсколько сконфуженнымъ откровенностью поэтессы и способомъ ея выраженій:

Тороплюсь сорвать запястья,
Ожерелье отстегнуть...
Неизвѣданнаго счастья
Жаждетъ трепетная грудь.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше встрѣчая «разверстыхъ, страстныхъ объятій», «трепещущихъ устъ» и проч., читатель начинаетъ испытывать приступы неудержимаго смѣха. «Экъ ее разбираетъ!»—хочется сказать, закрывая книгу, преисполненную самой обнаженной, ничѣмъ не прикрытой чувственности, пошлости и грубости. Физическая, лучше сказать—физіологическая любовь, воспѣваемая на всѣ лады, вотъ единственная нота, звучащая во всемъ сборникѣ, единственное содержаніе поэзіи г-жи Лохвицкой, если только это выраженіе примѣнимо къ такимъ стихамъ, напримѣръ:

Я жажду наслажденій знойныхъ
Во тьмѣ потушенныхъ свѣчей,
Утѣхъ блаженно-безпокойныхъ,
Изъ вздоховъ сотканныхъ ночей.
Я жажду знойныхъ наслажденій,
Невдѣшнихъ ласкъ, безсмертныхъ словъ,
Неописуемыхъ видѣній,
Неповторяемыхъ часовъ.
Я наслажденій знойныхъ жажду,
Я жду божественнаго сна,
Зову, ищу, сгораю, стражду,
Проходитъ жизнь,—и я одна!

Очень прискорбное обстоятельство,—можемъ замѣтить à parts,—но едва ли хоть искра поэзіи теплится «во тьмѣ потушенныхъ свѣчей».

Максимъ Леоновъ. Стихотворенія. Изданіе второе дополненное. Москва. 1898 г. Ц. 75 к. «Изданіе второе»—для современнаго поэта нѣчто незаурядное и уже по этому одному заслуживающее вниманіе. Признаемся въ нашемъ грубомъ невѣжествѣ, — имя г. Леонова намъ совершенно незнакомо, и тѣмъ пріятнѣе сдѣлать открытіе—узнать новаго для себя поэта, печатающагося уже «вторымъ изданіемъ». Знакомство облегчается, кстати, и небольшой біографіей, приложенной къ сборнику, изъ которой мы прежде всего узнаемъ, что г. Леоновъ — «молодой поэтъ изъ такъ-называемыхъ самоучекъ». Открытіе — не со-

всѣмъ пріятное. Съ легкой руки Дрожжина, у насъ завелся особый родъ поэтовъ-«самоучекъ», которые, не обладая ни образованіемъ, ни даже простой грамотностью, пускаются кропать глупые вирши во вкусѣ приснопамятнаго Тредьяковскаго и страшно гордятся тѣмъ, что они—«самоучки». Какъ будто есть какая-то особая поэтическая академія, въ которой обучались и обучаются поэты не-самоучки, въ родѣ гг. Бальмонта, Мережковскаго, Минскаго, П. Я. и другихъ просто-поэтовъ. Критика въ періодъ народническаго увлеченія имѣла неосторожность похвалить эти опыты псевдо-народнаго творчества, расхваливъ безъ мѣры нелѣпую стряпню нѣсколькихъ подражателей Дрожжина, и вслѣдъ затѣмъ, какъ изъ рога изобилія, полились вирши самоучекъ. «Гусли звончаты» Панова, «Перепѣвы», «Звуки и мечты» и прочая дребедень разныхъ Ивановъ—непомнящихъ родства такъ и сыплются, встрѣчая и теперь одобреніе со стороны народнической критики.

Г. Леоновъ, какъ повѣствуетъ его біографъ, представляетъ образцовый типъ поэта-самоучки. Еще въ тѣ годы, когда поэты—обыкновеннаго типа предпочитаютъ самую незамысловатую прозу самой возвышенной поэзіи,—«лѣтъ пятнадцати не болѣе», г. Леоновъ пустился въ поэзію, руководимый... сапожникомъ Тихономъ Иванычемъ. «Риѳмой не звучитъ, одначе попытать можно», — такими словами благословилъ этотъ надежный руководитель своего воспитанника, и послѣдній превзошелъ всѣ его ожиданія Въ 17 лѣтъ онъ уже выпустилъ цѣлый томикъ плодовъ своей музы—«Первые звуки», за подписью Максима Горемыки, спустя десять лѣтъ дополнилъ и издалъ новый томикъ. «Такимъ образомъ,—съ гордостью заканчиваетъ его біографъ,—первымъ литературнымъ критикомъ М. Л. Леонова былъ сапожникъ Тихонъ Ивановичъ. Онъ первый указалъ ему путь, первый сказалъ: «одначе попытать можно».

Увы, не даромъ еще двѣ тысячи лѣтъ назадъ было сказано: «сапожникъ, знай свои колодки!» Правда этихъ словъ сбылась всецѣло на злополучномъ воспитанникѣ Тихона Ивановича, который, можетъ быть и превосходный сапожникъ, но выказалъ себя критикомъ весьма недалекимъ. Говорить сколько-нибудь серьезно о жалкихъ до глупости стихотворныхъ подвигахъ г. Леонова—мы не беремся. Нужно быть, поистинѣ, сапожникомъ, чтобы въ этой скверной, рубленой прозѣ съ хромыми риѳмами усмотрѣть «стихи» и даже принять ихъ за поэзію. Надо замѣтить еще, что нашъ «самоучка» массу выраженій, эпитетовъ и даже цѣлыхъ стиховъ заимствуетъ, не стѣсняясь, у настоящихъ поэтовъ. Весь его томикъ—это потѣшная мозаика «отсебятины» во вкусѣ Тихона Ивановича и литературныхъ позаимствованій. Какъ образецъ такого самостоятельнаго творчества, приводимъ пѣсню г. Леонова, склеенную изъ позаимствованій у Кольцова и Некрасова, передѣланныхъ имъ истинно по-сапожнически:

Мнѣ ли молодцу удалому,
Съ богатырской дюжей силою,
На печи сидѣть съ докукою,
Только бѣдностью постылою!

Мнѣ ль смотрѣть, сложа могучія,
Какъ звенитъ коса широкая,
Какъ трава подъ нею валится
И несется пѣснь глубокая?

Нѣтъ, возьму я косу острую:
Зажужжитъ она отбитая,
Въ мигъ одинъ травою скошенной
Будетъ поле все покрытое;

Размахнусь косою острою,
И замретъ трава шелковая...
Отпадетъ тоска-кручинушка
И польется пѣснь веселая!..

В. М. Грибовскій (Гридень). Студенческіе разсказы. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Не знаемъ, тотъ ли это г. Грибовскій, книга котораго «Народъ и власть въ Византіи», знаменуетъ новую «служебную» эру въ ученой литературѣ. Но тотъ или не тотъ—въ данномъ случаѣ безразлично: «Студенческіе разсказы» тоже своего рода знаменіе времени по откровенному цинизму автора, съ которымъ онъ смакуетъ «клубничку», преподнося ее читателю подъ заманчивымъ заглавіемъ «Студенческой». Спорить съ авторомъ не станемъ. Очень возможно, что среди современнаго студенчества, какъ и вообще въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества, вполнѣ достаточно любителей этого плода, культивирующихъ и наслаждающихся имъ не менѣе автора. Но что тутъ можно счесть специфически студенческимъ,—трудно сказать. Настолько трудно, что если перерядить героевъ г. Грибовскаго въ любую форму или даже одѣть въ любой статскій костюмъ,—содержаніе его разсказовъ ни мало не измѣнилось бы. Проникающая ихъ пошлость, самаго низменнаго сорта, ничего не потеряла бы, какъ не теряетъ она въ его разсказахъ изъ быта парижской богемы, почему-то собранныхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Гора св. Женевьевы». Здѣсь фигурируютъ неизвѣстныя лица, безъ опредѣленныхъ занятій, что ни мало не отражается на пикантности сюжетцовъ, заимствованныхъ г. Грибовскимъ изъ фельетоновъ уличной парижской прессы.

Предчувствуя возможность упрека въ нарочитой окраскѣ своихъ «студенческихъ» разсказовъ, г. Грибовскій счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку въ небольшомъ введеніи къ сборнику. «Авторъ,—говоритъ онъ,—слѣдуя завѣтамъ великихъ объективистовъ родной литературы, старался быть возможно безпристрастнымъ, накалывая въ своей коллекціи на булавку всякій попадавшійся болѣе или менѣе любопытный образчикъ наблюдаемаго міра». Красота въ глазахъ глядящаго, говорили древніе,—и всякій наблюдатель видитъ лишь то, что отвѣчаетъ его міросозерцанію. На ловца и звѣрь бѣжитъ, и коллекція г. Грибовскаго отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, не столько міръ студенчества, сколько кругъ интересовъ и понятій, въ которыхъ вращается мысль нашего наблюдателя.

Любопытно, между прочимъ, что всѣ эти разсказы печатались въ свое время (1893—1897 гг.) въ книжкахъ «Недѣли», гдѣ читателямъ на ряду съ коллекціей г. Грибовскаго преподносится давно уже проповѣдь аскетизма. Должно быть, имѣлось въ виду оттѣнить такимъ сопоставленіемъ спасительность послѣдняго. Въ особенности поучителенъ въ этомъ смыслѣ разсказъ «Слуги смерти», самое названіе котораго уже заключаетъ въ себѣ нѣчто, наводящее на размышленіе о бренности всего сущаго, а пикантное содержаніе только усиливаетъ значеніе возвышенныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ журналомъ и его столь почтенными сотрудниками, какъ г. Грибовскій.

И все же книжка послѣдняго заслуживаетъ вниманія, прежде всего отношеніемъ автора къ своей темѣ. Онъ задался цѣлью безпристрастно нарисовать рядъ картинъ изъ жизни современнаго студенчества и далъ въ результатѣ нѣсколько болѣе или менѣе острыхъ анекдотовъ, при чемъ все сочувствіе автора на сторонѣ его пошловатыхъ героевъ. Описывая похожденія нѣкоего Симонова, юнаго студентика, развращаемаго «тетушкой», авторъ находитъ все это въ порядкѣ вещей и одобрительно киваетъ головой. Выводя въ разсказѣ «Испытаніе» студента-карьериста Алѣева, г. Грибовскій заставляетъ вмѣстѣ съ собой и кучу студентовъ одобрять мысли юнаго мракобѣса о націонализмѣ, а на его противниковъ обрушиваетъ негодованіе яко бы лучшей части студенчества. Еще возмутительнѣе разсказъ «Единеніе», въ которомъ чувствуется дѣйствительная подкладка, послужившая г. Грибовскому для пародіи, близкой къ пасквилю. Здѣсь перемѣшано всѣ—и доносы, и адюльтерныя отношенія, и взаимныя клеветы, щедро расточаемыя героями другъ противъ друга, что въ общемъ составляетъ удивительно-пахучій букетъ бульварно-участковаго характера. И опять-

таки авторъ всецѣло одобряетъ и сочувствуетъ своимъ «типикамъ», не давая себѣ труда разобраться въ этомъ болотѣ, которое онъ смѣло окрестилъ «студенческимъ». Въ такомъ отношеніи г. Грибовскаго къ студенчеству мы и видимъ характерность его книжки, которая появилась предварительно на страницахъ журнала, считаемаго, и до сихъ поръ добропорядочнымъ, и затѣмъ, явившись отдѣльнымъ изданіемъ, вызвала полуодобрительные отзывы, во всякомъ случаѣ не встрѣчала осужденія. Можно подумать, что пасквильно-анекдотическій характеръ разсказовъ изъ студенческой жизни пришелся по вкусу и читателямъ, и критикѣ, не замѣтившей, насколько невѣрно общее освѣщеніе студенческой среды, даваемое авторомъ. Насъ смущаетъ не книжка г. Грибовскаго сама по себѣ,—появлялись разсказы изъ жизни молодежи и почище этихъ,—а это полу-равнодушное отношеніе къ такимъ вещамъ, которыя нѣкогда вызывали негодованіе. А можетъ быть, въ этомъ и сказывается ростъ общественнаго самосознанія, если то, что возмущало раньше, теперь обходится съ равнодушнымъ презрѣніемъ, какъ фактъ, хотя и любопытный самъ по себѣ, но не имѣющій общественнаго значенія.

Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева въ 12 томахъ. Спб. 1898. Изд. А. Ф. Маркса. Появленіе сочиненій Тургенева, въ видѣ приложенія къ «Нивѣ», будетъ, по всей вѣроятности, самымъ выдающимся литературнымъ событіемъ 1898 года. Сочиненія знаменитаго писателя въ одинъ годъ разойдутся въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ за все предшествовавшее время, и сдѣлаются доступными самому обширному кругу читателей. До настоящаго года сочиненія Тургенева вмѣстѣ съ отдѣльнымъ изданіемъ его стихотвореній стоили 16 р. 50 к.; подписчикамъ же «Нивы» полное собраніе сочиненій одного изъ знаменитѣйшихъ и популярнѣйшихъ русскихъ писателей будутъ стоить (за вычетомъ стоимости журнала и другихъ приложеній къ нему) не болѣе *пяти* рублей. Первый томъ новаго изданія сочиненій Тургенева, заключающій «Записки Охотника», производитъ вполнѣ удовлетворительное для дешеваго изданія впечатлѣніе.

Говорить о высокихъ художественныхъ достоинствахъ и важномъ историческомъ значеніи «Записокъ «Охотника»—дѣло совершенно лишнее. Остается только радоваться, что до 200 тысячъ экземпляровъ этой великой книги разойдется по обширной Россіи въ теченіе одного года. Но нельзя не пожалѣть, что біографическій очеркъ, приложенный къ I тому, страдаетъ многими курьезными недосмотрами, неточностями и даже ошибками. Составленный, повидимому, лицомъ, близко стоявшимъ къ покойному писателю, и перепечатанный изъ глазуновскаго изданія сочиненій Тургенева, этотъ біографическій очеркъ уже неоднократно вводилъ въ заблужденіе даже историковъ новѣйшей русской литературы, напримѣръ, г. Скабичевскаго, а въ настоящее время еще болѣе укрѣпитъ въ читающей публикѣ нѣкоторые ошибочные факты изъ біографіи Тургенева. Правда, эти факты могутъ показаться мелочными, но Тургеневъ достоинъ того, чтобы и въ мелочахъ его біографія была хорошо разработана.

Приведемъ нѣкоторыя изъ бросающихся въ глаза неточностей.

На стр. XVIII говорится, что до появленія статьи Бѣлинскаго о «Парашѣ» Тургеневъ не былъ лично знакомъ съ знаменитымъ критикомъ и что только «послѣ выхода въ свѣтъ «Параши» одинъ общій знакомый свелъ Тургенева съ Бѣлинскимъ». На самомъ же дѣлѣ Тургеневъ познакомился съ Бѣлинскимъ до появленія въ печати «Параши» и статьи о ней въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1843 годъ. Знаменитый критикъ еще *въ февралѣ* этого года писалъ о своемъ «недавнемъ» знакомствѣ съ Тургеневымъ. На стр. XXI по поводу появленія въ печати первыхъ разсказовъ изъ «Записокъ Охотника» говорится: «Всѣ заговорили о новыхъ произведеніяхъ *неизвѣстнаго автора*; каждый хотѣлъ узнать имя писателя, скрывавшагося подъ двумя

таинственными буквами Т. Л. Само собой разумѣется, что эта скромная подпись не могла долго оставаться въ секретѣ, вскорѣ она была раскрыта». Приведенныя строки, почти цѣликомъ, вошли въ «Исторію новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго; а между тѣмъ въ нихъ одно только курьезное недоразумѣніе: подъ «Записками Охотника» въ «Современникѣ» стоитъ полная подпись ихъ автора, такъ что не было никакой надобности раскрывать «таинственныя буквы Т. Л.», которыми Тургеневъ подписывалъ только свои стихотворенія и поэмы. На той же стр. XXI сказано, что Тургеневъ сопровождалъ Бѣлинскаго въ заграничной поѣздкѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Тургеневъ проводилъ своего друга изъ Берлина въ Зальцбруннъ и потомъ еще разъ встрѣтился съ знаменитымъ критиковъ въ Парижѣ. На стр. XXII сказано, что первое изданіе «Записокъ Охотника» появилось «въ самомъ началѣ 1852 г.» и возбудило противъ ихъ автора «сильное неудовольствіе въ оффиціальномъ мірѣ». Письмо Тургенева по поводу смерти Гоголя, говорится далѣе, «послужило, такъ сказать, каплей, переполнившей сосудъ оффиціальнаго раздраженія». Приведенныя заявленія, опять-таки вошедшія въ «исторію» г. Скабичевскаго, совершенно извращаютъ ходъ и причины событій. Письмо о Гоголѣ было напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 13-го марта, арестъ Тургенева послѣдовалъ 16 апрѣля; а «Записки Охотника» вышли не ранѣе *средины* 1852 г.; по крайней мѣрѣ, еще *6 іюня* Тургеневъ писалъ И. С. Аксакову: «Вотъ и мои «Записки Охотника» совсѣмъ готовы, и билетъ на ихъ выпускъ выданъ; однако мы съ Кетчеромъ рѣшились подождать». Далѣе, на той же XXII стр., говорится, что «приключеніе съ Тургеневымъ не произвело въ тогдашнемъ петербургскомъ свѣтѣ особеннаго впечатлѣнія». Это заявленіе находится въ противорѣчіи съ авторитетными показаніями современниковъ и историковъ русской литературы. По свидѣтельству Никитенки, «впечатлѣніе на всѣхъ отъ заключенія Тургенева было самое тяжелое, такъ какъ въ немъ одновремено были оскорблены чувства дворянства и всѣхъ образованныхъ людей». Академикъ Сухомлиновъ говоритъ, что «арестованіе Тургенева произвело большое впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ. Стали говорить хотя и весьма робко о томъ, что Тургеневъ не только писатель, но и дворянинъ, и вслѣдствіе этого ожидали какого-либо заявленія со стороны дворянства (!), тѣмъ болѣе, что еще недавно самъ государь, обращаясь къ депутатамъ отъ дворянства, назвалъ себя первымъ дворяниномъ» *).

Мы указали наиболѣе замѣтныя неточности, относящіяся къ такимъ важнымъ фактамъ въ жизни Тургенева, какъ его дружба съ Бѣлинскимъ и появленіе въ печати «Записокъ Охотника». Есть не мало и другихъ недосмотровъ. На стр. XIV относительно Вальтера, бывшаго учителемъ Тургенева въ тридцатыхъ годахъ, сказано, что онъ «нынѣ» служитъ въ Императорской публичной библіотекѣ, между тѣмъ, какъ Вальтеръ умеръ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. На стр. XVII говорится, что Тургеневъ во время службы въ канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ «писалъ стихи и неутомимо разсказывалъ анекдоты своимъ сослуживцамъ—А. В. Головнину и В. И. Далю». На самомъ же дѣлѣ Даль былъ не сослуживцемъ Тургенева, а его начальникомъ, при томъ очень строгимъ. На стр. XXIII сказано, что ссылка Тургенева продолжалась до конца 1854 года, хотя уже въ концѣ 1853 года онъ получилъ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ, и т. д.

Говоря о приложеніяхъ къ I тому новаго изданія сочиненій Тургенева, нельзя не обратить вниманія на хорошій портретъ знаменитаго писателя, гравированный на стали, и на два его автографа. Не лишни и воспоминанія М. М. Стасюлевича о послѣднихъ дняхъ Тургенева и его похоронахъ. Но въ перене-

*) Записки Академіи Наукъ, XLVIII, 64—65.

чатанномъ изъ глазуновскаго изданія предисловіи къ посмертному изданію сочиненій Тургенева, послѣ нелишенныхъ интереса справокъ о прежнихъ изданіяхъ сочиненій знаменитаго писателя, совершенно неумѣстно говорится о «порядкѣ настоящаго изданія», т. е. изданія 1883 года. Точно также нельзя не признать совершенно лишнимъ и предисловіе самого Тургенева къ изданію 1880 года: это предисловіе имѣетъ смыслъ только на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. Гораздо умѣстнѣе было бы перепечатать то коротенькое предисловіе, которымъ снабжено стереотипное изданіе «Записокъ Охотника». Написанное при жизни Тургенева и, можетъ быть, имъ редактированное, это предисловіе на двухъ страницахъ передаетъ исторію созданія «Записокъ Охотника», въ общемъ, вѣрнѣе, чѣмъ разобранный выше біографическій очеркъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы указать, что въ полномъ собраніи сочиненій Тургенева до сихъ поръ ни разу еще не были перепечатаны его первыя воспоминанія о Бѣлинскомъ, появившіяся въ «Московскомъ Вѣстникѣ» за 1860 годъ № 3. Было бы желательно, чтобы редакція «Нивы» перепечатала въ XII томѣ новаго изданія и эти краткія воспоминанія, которыя содержатъ нѣкоторыя, не лишенныя интереса, подробности, опущенныя въ позднѣйшихъ (1868 г.) воспоминаніяхъ Тургенева о Бѣлинскомъ.

Ж. Ж. Руссо. Исповѣдь. Переводъ Ѳ. Н. Устрялова. Спб. 1898 г. «Исповѣдь» Руссо состоитъ изъ двухъ частей, очень различныхъ по своему характеру. Въ первой разсказана молодость автора, который всегда находилъ на своемъ пути благосклонныхъ къ нему людей. Рисуя свои отношенія къ людямъ въ дѣтствѣ и юности, Руссо скорѣе склоненъ обличать себя и рисовать другихъ въ лучшемъ свѣтѣ. Онъ не стыдится говорить о томъ, какъ часто онъ злоупотреблялъ довѣріемъ расположенныхъ къ нему людей, и распространяется съ какой-то особенной рисовкой о такихъ своихъ некрасивыхъ поступкахъ, какъ мелкое воровство, такъ же, какъ и о томъ, что онъ былъ недостоинъ доброты и привязанности г-жи де-Варенсъ, женщины опекавшей его въ теченіе всей его юности. Факты изобилуютъ въ этой части Исповѣди. Чрезвычайно интересно описаніе дѣтства, тѣмъ болѣе, что Руссо останавливается болѣе всего на своихъ ощущеніяхъ, обостренность которыхъ онъ отчасти объясняетъ наслѣдственностью. Отецъ и мать его были романтически нѣжными людьми, беззавѣтно любившими другъ друга всю жизнь. «Изъ всѣхъ даровъ,—говоритъ Руссо,—которыми надѣлило ихъ небо, они оставили мнѣ только чувствительное сердце; но для нихъ оно было источникомъ счастья, а для меня сдѣлалось главной причиной всѣхъ моихъ бѣдствій». Воспитаніе тоже много содѣйствовало развитію этой основной черты Руссо—его душевной чуткости. Все дѣтство Руссо проникнуто было странно обостренной чувствительностью, создававшей въ его наивной дѣтской душѣ цѣлый міръ смутныхъ настроеній, замѣнявшихъ ему истинную жизнь. Онъ искалъ исхода своимъ чувствамъ и странно боялся всякаго чувства, соединяя въ себѣ нѣжное и страстное сердце съ робостью и замкнутостью. Онъ жилъ только воображеніемъ, дававшимъ ему болѣе сильныя и сосредоточенныя ощущенія, чѣмъ могла бы дать сама жизнь. Уже въ самомъ дѣтствѣ началось въ немъ это противорѣчіе воображенія и воли. «Я еще не имѣлъ никакого понятія о вещахъ,—говоритъ онъ,—когда уже всѣ чувства были мнѣ знакомы. Я ничего не постигъ, но все перечувствовалъ. Эти смутныя волненія, которыя я ощущалъ одно за другимъ, не искажали разсудка, котораго во мнѣ тогда еще не было, но они образовали во мнѣ способность разсуждать совсѣмъ иного рода и дали мнѣ о жизни человѣческой странныя и романическія понятія, отъ которыхъ никогда не могли излѣчить меня ни опытъ, ни размышленія».

Этотъ романтизмъ наложилъ отпечатокъ на всю юность Руссо. Какъ бы ни были будничны происшествія, онъ всегда извлекалъ изъ нихъ цѣлый рядъ ощу-

щеній, доступныхъ ему одному. Съ дѣтства онъ любилъ природу, и въ его первыхъ описаніяхъ садоводства, которымъ онъ любилъ заниматься въ дѣтствѣ, виденъ будущій романтикъ. Онъ уже тогда умѣлъ наслаждаться красивымъ уголкомъ сада, такъ же, какъ другіе наслаждаются только положительными радостями жизни. Въ первыхъ сердечныхъ опытахъ Руссо, въ обычныхъ для этого возраста исторіяхъ любви то къ сверстницамъ, то, напротивъ того, къ женщинамъ значительно старшимъ, напр., къ его воспитательницѣ, сказывается все та же основная черта Руссо—умѣнье жить однимъ воображеніемъ и съ такой независимостью и субъективностью чувства, что самые предметы любви не подозрѣвали о внушаемыхъ ими ощущеніяхъ. Когда Руссо пришлось мыкаться по свѣту въ исканіи хотя бы самаго скуднаго заработка, когда онъ дошелъ до того, что былъ лакеемъ, потомъ переписчикомъ нотъ и т. д., то людямъ, съ которыми онъ сталкивался, видна была только мелкая внѣшняя оболочка его души,—вся внутренная его жизнь оставалась вполнѣ скрытой.

Самое важное для Руссо—это ощущеніе, вызываемое въ немъ извѣстнымъ фактомъ. Поэтому онъ останавливается съ особеннымъ чувствомъ на всякой подробности моментовъ, имѣвшихъ значеніе въ его жизни. Встрѣчѣ съ г-жей де-Варенсъ онъ посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ страницъ, на которыхъ вспоминаетъ всѣ подробности ихъ перваго свиданія, и тонъ его описаній показываетъ, какъ живы въ немъ не только событія, но и ощущенія той минуты. Въ исторіи его любви къ м-мъ де-Варенсъ, которую онъ называлъ маменькой вслѣдствіе значительной разницы лѣтъ между ними, проявляются всѣ оттѣнки и всѣ противорѣчивыя ощущенія очень сложной любви, сочетающей въ себѣ нѣжность, нѣкоторую безстрастность, снисходительность ко всѣмъ слабостямъ другихъ людей и, болѣе понятное читателямъ нашего времени, чѣмъ современникамъ автора, чувство внутренней свободы: оно позволяло ему и любить значительно старшую его женщину съ большой нѣжностью и вмѣстѣ съ тѣмъ относиться очень свободно къ ея чувствамъ, не ставить ей въ упрекъ капризовъ чувствъ, заставлявшихъ ее дѣлить любовь къ Руссо съ однородными привязанностями къ нѣсколькимъ другимъ людямъ. Руссо говоритъ съ удивительной незлобивостью о сердечныхъ исторіяхъ своей подруги, хотя онѣ, очевидно, заставляли его страдать. Онъ разсказываетъ съ большой грустью о томъ, какъ онъ торопился вернуться къ ней послѣ одного ею же вызваннаго путешествія, ожидая быть встрѣченнымъ радостно, и какъ вмѣсто того онъ нашелъ «маменьку» совершенно равнодушной, занятой какимъ-то новымъ романомъ. Но и тогда онъ ни на минуту не упрекаетъ ее и старается даже примириться съ ея новымъ другомъ; это ему однако не удается, и онъ окончательно уходитъ отъ г-жи де-Варенсъ. Онъ старается успокоиться своими занятіями музыкой, которыя считаетъ дѣломъ своей жизни, и, наконецъ, отправляется въ Парижъ и начинаетъ въ 30-лѣтнемъ возрастѣ новую жизнь, совершенно отличную отъ предыдущей.

Юность Руссо была хорошимъ подготовленіемъ къ его позднѣйшей литературной дѣятельности. Она составляла индивидуальную подкладку всѣхъ его позднѣйшихъ теорій. Въ «Исповѣди» его впечатлѣнія юности, разсказанныя въ первой части, связаны съ исторіей его позднѣйшихъ лѣтъ, т. е. со второй частью, лишь нѣсколькими чертами. Самая яркая изъ нихъ—любовь къ природѣ. Въ подробныхъ описаніяхъ его совмѣстной жизни съ м-мъ де-Веренсъ значительную роль играетъ внѣшняя обстановка ихъ жизни, сельское пребываніе, настраивавшее его на чисто молитвенныя настроенія. Чуждый всякой положительной религіи, Руссо былъ, однако, очень религіозенъ по натурѣ, и это чувство связывало его съ природой. Въ первой части «Исповѣди» есть удивительное описаніе молитвеннаго настроенія, вызваннаго прогулкой въ красивой мѣстности. «Гуляя, я читалъ молитву, — пишетъ онъ, — состоящую не въ

одномъ пустомъ движеніи губъ, но въ искреннемъ вознесеніи сердцемъ къ Творцу этой милой природы, красоты которой были у меня передъ глазами. Я никогда не любилъ молиться въ комнатѣ,—мнѣ кажется, что стѣны и всѣ мелочныя произведенія рукъ человѣческихъ становятся между Богомъ и мною. Я люблю созерцать Бога въ Его твореніяхъ, между тѣмъ, какъ сердце мое возносится къ Нему. Могу сказать, что молитвы мои были чисты и, слѣдовательно, достойны быть услышаны... Впрочемъ, молитва моя приходила больше въ удивленіи и созерцаніи, чѣмъ въ просьбахъ».

Во второй части Руссо тоже любитъ останавливаться на внѣшнихъ подробностяхъ, сопровождавшихъ рѣшительные моменты его жизни. Такъ, напр., онъ описываетъ подробно прогулку, въ теченіе которой ему попалось на глаза объявленіе о темѣ, предложенной на премію Дижонской Академіей: «Чему способствовалъ прогрессъ въ наукахъ и искусствахъ—къ развращенію или къ очищенію нравовъ?» Руссо, какъ извѣстно, отвѣтилъ на эту тему отрицательно, и его парадоксальное сочиненіе доставило ему сразу громкую славу. Для него же лично главное значеніе имѣетъ не его научная работа, а тѣ настроенія, среди которыхъ она возникла и къ которымъ она привела его самого. Онъ продолжаетъ въ «Исповѣди» показывать внутреннюю сторону во всѣхъ положеніяхъ жизни, исторію своей души и дѣлаетъ это при помощи одного вѣрнаго руководителя, который, по его собственнымъ словамъ, ничто иное, какъ «цѣпь чувствованій, обозначавшихъ послѣдовательный ходъ его бытія». Чувства его во второй части его жизни уже не имѣютъ прежней непосредственности, и эта часть «Исповѣди» состоитъ изъ разсказовъ о его недовѣрчивомъ отношеніи къ людямъ, о его столкновеніяхъ, въ которыхъ съ его стороны преобладаетъ не прежняя кротость и ясность души, а озлобленность и враждебное отношеніе къ людямъ, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ постоянномъ посягательствѣ на его личность. Эта вторая часть имѣетъ болѣе историко-литературное значеніе своими описаніями литературныхъ кружковъ того времени, энциклопедистовъ, съ которыми Руссо былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, выдающихся свѣтскихъ людей и т. д. Но въ психологическомъ и художественномъ отношеніи первая часть, гдѣ меньше событій и больше чувствъ, несомнѣнно стоитъ гораздо выше.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской литературы».—*Н. С. Тихонравовъ.* «Сочиненія».

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Томъ I. Древняя письменность. Спб., 1898 г. стр. XII+484. А. Н. Пыпинъ предпринялъ изданіе «обзора исторіи русской литературы въ четырехъ большихъ томахъ. Первый томъ этого труда недавно вышелъ въ свѣтъ, и, хотя планъ цѣлаго изданія остается еще неизвѣстнымъ, можно судить объ общемъ характерѣ его по первому образчику. Въ предисловіи и во введеніи авторъ указываетъ на неопредѣленность самаго понятія «исторіи литературы» и присоединяется къ мнѣнію, что «содержаніе и методъ науки представляютъ еще искомое». Дѣйствительно, при томъ направленіи, какое, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, принимаютъ историко-литературныя изслѣдованія, становится все труднѣе «обособить исторію литературы отъ цѣлаго ряда сосѣднихъ изученій». Подобное обособленіе и невозможно, и едва ли желательно, съ точки зрѣнія того направленія историко-литературныхъ изслѣдованій, къ которому примыкаетъ и А. Н. Пыпинъ. Характеризуется оно стремленіемъ обратить исторію литературы въ исторію развитія «народной психологіи», или, говоря иначе, въ исторію духовной культуры народа. Именно это стремленіе и надо считать причиной невозможно-

сти строго опредѣлить задачи и методы исторіи литературы. Прежде всего, приходится считаться съ тѣмъ, что, скажемъ словами П. Н. Милюкова, «современное міровоззрѣніе уже не можетъ болѣе противопоставлять духовную культуру матеріальной: на ту и на другую приходится смотрѣть, какъ на продуктъ человѣческой общественности, какъ она отразилась въ сферѣ человѣческой психики». Изслѣдователю, для котораго объектомъ изученія служатъ не произведенія слова, какъ таковыя, а, какъ для А. Н. Пыпина, «ходъ образованія и нравственныхъ движеній обществъ», или «психологія народа и общества», приходится то и дѣло выходить за предѣлы филологіи, какъ бы широко мы ее ни понимали, и чувствовать себя не историкомъ литературы, а историкомъ-соціологомъ. Не мудрено, что при такомъ пониманіи дѣла, исторія литературы окажется лишь едва самостоятельною частью исторіи культуры, въ томъ широкомъ смыслѣ слова, въ какомъ она обнимаетъ всѣ стороны народной жизни: и экономическую, и общественную, и государственную, и умственную, и религіозную, и нравственную, и эстетическую. А. Н. Пыпинъ не идетъ такъ далеко. Для него «новѣйшая литературная исторія, во-первыхъ, стремится обнять поэтическое творчество во всемъ его національномъ объемѣ, начиная съ его первыхъ проявленій въ древней народной поэзіи; во-вторыхъ, не ограничиваясь чисто художественной областью, привлекаетъ къ изслѣдованію сопредѣльныя проявленія народной и общественной мысли и чувства, разсматривая матеріалъ литературы, какъ матеріалъ для психологіи народа и общества; наконецъ, эта исторія изучаетъ явленія литературы сравнительно, въ международномъ воздѣйствіи». Другими словами, историкъ литературы изучаетъ спеціально исторію духовной культуры по особой группѣ матеріала, состоящей изъ «явленій литературы». Но матеріалъ этотъ самъ по себѣ недостаточенъ, такъ какъ изучаемыя явленія не только въ немъ отразились и источникомъ для ихъ изученія должны служить и другіе матеріалы, кромѣ «явленій литературы». Сосредоточиваясь исключительно на избранной группѣ матеріала, историкъ литературы рискуетъ дать очень одностороннее освѣщеніе той культурѣ, которую изучаетъ, потому что сплошь и рядомъ объясненія для явленій ея развитія приходится искать внѣ сферы литературнаго творчества. Отказавшись же отъ сосредоточенія на опредѣленной группѣ явленій литературныхъ, исторія литературы можетъ и вовсе потерять свой raison d'être, какъ особая научная дисциплина.

«Исторія русской литературы» А. Н. Пыпина даетъ обзоръ предмета, котораго содержаніе и задачи не опредѣлены путемъ систематическаго анализа основныхъ понятій науки. Содержанію книги, быть можетъ, даже больше соотвѣтствовало бы менѣе опредѣленное заглавіе: «очерки по исторіи русской духовной культуры». Наряду съ историко-литературными, не мало мѣста занимаютъ въ ней и вопросы обще-историческіе. Но, выражаясь языкомъ старинныхъ писцовыхъ книгъ, авторъ «эту пашню пашетъ наѣздомъ», т. е. не разрабатываетъ систематически, а касается, сравнительно, мимоходомъ. Однако, общія характеристики крупныхъ историческихъ явленій и періодовъ играютъ существенную роль въ разбираемомъ трудѣ; можно даже сказать, что онѣ составляютъ основной фонъ изложенія. Характеристики эти, по необходимости, очень эскизны, такъ какъ не въ нихъ главная задача труда. И часто онѣ таковы, что согласиться съ ними никакъ нельзя. Какъ всякія очень общія характеристики, не составляющія вывода изъ детальнаго анализа данныхъ, а набросанныя свободной рукой въ видѣ отступленія отъ главной темы,—онѣ отличаются большой субъективностью. Въ нихъ авторъ скорѣе оцѣниваетъ съ своей личной точки зрѣнія явленія прошлой жизни, чѣмъ опредѣляетъ ихъ на основаніи научнаго анализа. При этомъ приводимые имъ факты подчасъ служатъ ему лишь орудіемъ для полемики съ той или иной несимпатичной ему тенденціей.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ историческихъ характеристикъ А. Н. Пыпина. Для древнѣйшаго, языческаго періода авторъ приводитъ подробно отрицательное мнѣніе Костомарова и совсѣмъ не касается содержательныхъ и научно-обоснованныхъ выводовъ В. О. Ключевскаго и Н. П. Кондакова. Что касается кіевскаго періода, то трудно точно понять окончательное заключеніе автора о немъ. «За однимъ исключеніемъ «Слова о полку Игоревѣ»,—говорится на стр. 96,—вся литература получила видъ непрерывнаго поученія». А на стр. 162 авторъ съ большимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ вѣрную мысль, что «Слово о полку Игоревѣ» есть только случайный inicum, что оно связано съ цѣлой литературной школой, о значеніи которой мы можемъ судить лишь по скуднымъ остаткамъ. То или иное воззрѣніе на «Слово» существенно измѣняетъ общее представленіе о русской письменности до-монгольскаго періода. И мысль автора колеблется между двумя противоположными заключеніями, тщетно пытаясь ихъ согласить.

Густо накладывая краски для изображенія древне-русскаго невѣжества, авторъ признаетъ, что «древній періодъ, при всей утратѣ памятниковъ, представляетъ замѣчательное разнообразіе произведеній и свѣжую оригинальность». Едва ли такое противорѣчіе, вытекающее изъ источниковъ, какими пользуется А. Н. Пыпинъ, устранено простымъ выраженіемъ удивленія передъ этими «первыми началами литературы у народа, ничѣмъ не подготовленнаго къ такому успѣху».

Гораздо опредѣленнѣе мнѣніе А. Н. Пыпина о Московской Руси. Но изображенная имъ картина московскаго самовластія и московской косности и исключительности также страдаетъ не полнотой и односторонностью. Низкій уровень просвѣщенія въ сѣверной Руси слишкомъ сильно связывается съ татарскимъ вліяніемъ. И помимо татарщины, не мало условій и болѣе глубокихъ вели къ огрубѣнію нравовъ и воззрѣній. На первомъ мѣстѣ среди этихъ условій надо, конечно, поставить тяжелую трудовую жизнь великорусскаго племени въ странѣ, богатой лѣсомъ и болотами, но не плодородной почвой. Другая характерная черта Московской Руси — ея отчужденіе отъ запада и высокомѣрное отношеніе къ нему — отчасти преувеличена въ трудѣ А. Н. Пыпина, отчасти недостаточно выяснена. Преувеличеніе состоитъ въ томъ, что авторъ, какъ намъ кажется, недостаточно оцѣниваетъ начавшіяся со временъ Ивана III попытки сближенія съ Западомъ и почти игнорируетъ тотъ фактъ, что и въ Московской Руси существовала партія, выразившая въ договорѣ объ избраніи на царство королевича Владислава желаніе, чтобы «для науки вольно было каждому изъ народа московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія». Правда, господствовала и на правительство вліяла, преимущественно, нетерпимая «осифлянская» партія, но для «психологіи народа и общества» важно попристальнѣе вглядѣться и въ другія теченія. Недостаточно выяснено происхожденіе господствовавшихъ въ XVI вѣкѣ тенденцій. Впрочемъ, таковъ общій недостатокъ труда А. Н. Пыпина: онъ не даетъ исторіи возникновенія и развитія тѣхъ явленій, которыя изображаетъ, удовлетворяясь только ихъ этической оцѣнкой и отрывочными указаніями на дѣйствовавшія при ихъ развитіи условія. Этическая точка зрѣнія оказывается недостаточной и при оцѣнкѣ историческаго значенія тѣхъ или иныхъ явленій. Она не даетъ автору опоры для разрѣшенія противоположности воззрѣній разныхъ источниковъ на паденіе Великаго Новгорода. Вмѣсто того, авторъ примыкаетъ къ обвинителямъ Москвы за то, что «старая Москва не умѣла понять необходимости просвѣщенія даже для пользы самого государства». Это фактически не точно, да и не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о паденіи Новгорода. Что Новгородъ былъ просвѣщеннѣе Москвы—не подлежитъ сомнѣнію, но новгородское просвѣщеніе дало плодъ и получило общерусское значеніе только послѣ пересадки его въ Москву. Вопросъ о новгородскомъ вліяніи

въ Москвѣ и его значеніи для развитія русской письменности въ XVI в., къ сожалѣнію, мало выясненъ, но тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ вниманія. Паденіе Новгорода, во всякомъ случаѣ, совпало съ началомъ оживленія литературной дѣятельности въ сѣверо-восточной Руси, такъ что и съ историко-литературной точки зрѣнія весь этотъ періодъ едва ли объективно освѣщенъ въ разбираемомъ трудѣ. Но важнѣе отмѣтить другую сторону дѣла: авторъ строго относится къ Москвѣ за ея «ненужную жестокость», «грубую утилитарность, соединенную съ полнымъ забвеніемъ умственныхъ потребностей народа», какъ будто она могла быть иной, чѣмъ была, да только, по странному упрямству, не хотѣла; съ другой стороны, гораздо сочувственнѣе рисуетъ онъ культурную жизнь Новгорода и Пскова. Пусть это будетъ такъ, но достаточно ли этихъ двухъ наблюденій для какого-нибудь серьезнаго вывода? Вѣдь покореніе Москвою не было неожиданной случайностью въ жизни Новгорода. Онъ палъ жертвою столько же внутреннихъ причинъ разложенія, сколько невыгодныхъ для него общихъ политическихъ отношеній къ сосѣдямъ. Если бы авторъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ причинъ и послѣдствій паденія Новгорода, которыя указаны въ трудѣ Никитскаго: «Экономическій бытъ Великаго Новгорода», — быть можетъ, онъ измѣнилъ бы и свой выводъ.

Въ общемъ выводѣ, можно сказать, что въ трудѣ А. Н. Пыпина читатель не найдетъ сколько-нибудь отчетливой *исторіи* духовной культуры древняго періода. Кромѣ указанныхъ выше общихъ причинъ этого недостатка, объясняется онъ отчасти и состояніемъ научной литературы, которой авторъ подводитъ итогъ. «Самые факты древней письменности,—справедливо замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ въ предисловіи,—до сихъ поръ не сполна приведены въ извѣстность, и въ тѣхъ, которые извѣстны, не всегда опредѣлено время ихъ происхожденія». Такое состояніе матеріала, конечно, затрудняетъ изложеніе исторіи литературы, которая была бы «исторіей идей, а не исторіей книгъ». Но это затрудненіе еще увеличивается для автора тѣмъ, что онъ преувеличиваетъ однородность литературнаго творчества въ теченіе всего древняго періода. «Вслѣдствіе условій,—говоритъ онъ,—въ какихъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ обращеніи втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, иногда съ XI—XII до XVII и даже XIX столѣтія». Это справедливо, но если русскіе люди долгое время читали то же, что читалось ихъ предками, зато они и многое другое начинали читать, да и старое читали иначе, приспособляли его къ новымъ вкусамъ, передѣлывая старые памятники на новый ладъ. Изъ вѣка въ вѣкъ измѣнялись литературные вкусы и эволюція идей отражалась въ литературномъ матеріалѣ, несмотря на его мнимое однообразіе.

Трудность историческаго изложенія предмета заставила А. Н. Пыпина отдѣлить историческіе очерки отъ обзора литературнаго матеріала по родамъ. Съ попытками представить, въ видѣ общихъ характеристикъ, смѣну историческихъ періодовъ въ исторіи древне-русской духовной культуры, чередуются обзоры литературныхъ памятниковъ по группамъ, независимо отъ времени ихъ происхожденія: лѣтописи, мѣстнымъ сказаніямъ, трудамъ русскихъ паломниковъ, отреченнымъ книгамъ—посвящены отдѣльныя главы. Такіе обзоры есть и въ другихъ главахъ. Въ нихъ основное значеніе книги, такъ какъ тутъ авторъ даетъ свѣдѣнія объ источникахъ, характеристику отдѣльныхъ памятниковъ и исторію ихъ изученія. Довольно полныя критико-библіографическія примѣчанія дополняютъ эту сторону книги. Авторъ хотѣлъ дать «любознательному читателю и начинающему ученому возможность войти въ подробности предмета и познакомиться съ настоящимъ положеніемъ его разработки». Какъ обзоръ источниковъ и пособій, вводящій въ исторію разработки отдѣльныхъ историко-литературныхъ вопросовъ, книга А. Н. Пыпина, несомнѣнно, принесетъ свою

пользу. Кто возьмется за чтеніе этой книги, желая познакомиться съ современнымъ положеніемъ изученія древне-русской словесности, тотъ получитъ больше удовлетворенія, чѣмъ читатель, обратившійся къ труду А. Н. Пыпина для ознакомленія съ литературнымъ развитіемъ древней Руси.

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ третій, часть первая. Русская литература XVIII и XIX в.в. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1898. in 8-vo. Стр. 8+602+96. Появленіе въ свѣтъ одного изъ томовъ собранія сочиненій академика и профессора исторіи русской словесности въ московскомъ университетѣ Н. С. Тихонравова составляетъ крупное литературное событіе послѣднихъ дней. Въ бѣглой замѣткѣ, когда вышелъ пока только одинъ томъ собранія, нечего думать о характеристикѣ замѣчательнаго московскаго профессора по исторіи русской словесности, съ момента смерти котораго каѳедра пустуетъ, и этой пустотѣ, къ несчастію, совсѣмъ не предвидится скораго конца. Подобно многимъ русскимъ знаменитостямъ на университетской каѳедрѣ, Н. С. Тихонравовъ не оставилъ себѣ непосредственнаго преемника; роль этого послѣдняго призвано исполнять собраніе его сочиненій, изученіе которыхъ и любопытно, и поучительно. Самый языкъ, которымъ они написаны, обращаетъ на себя вниманіе читателя: живой, образный, менѣе всего искусственный, менѣе всего богатый вычурными словами и оборотами, не кричащій самъ по себѣ и въ то же время очень выразительный по существу, словомъ это—настоящій русскій литературный языкъ, плодъ долгаго изученія и необыкновенной усидчивости въ отдѣлкѣ каждой работы. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе тщательная отдѣлка содержанія статей Тихонравова и его необыкновенная способность, къ сожалѣнію, печальная, не кончать начатыхъ работъ; самъ авторъ, повидимому, никогда не бывалъ ими доволенъ.

Третій томъ открывается рѣчью Тихонравова «О литературной дѣятельности Ломоносова» (1865 г. 4 апр.), заканчивается рѣчью же, читанной 31 октября 1893 г., менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до смерти, на тему «И. С. Тургеневъ въ московскомъ университетѣ». Зимой 1878 г. Тихонравовъ, говоря привѣтствіе Тургеневу, оговорился о «настоящихъ стремленіяхъ нашей молодежи, всѣми судимой, *немногими* наблюдаемой и многими *непонимаемой*» и спорилъ противъ того, что наша молодежь «это какая-то грубая сила, которая не имѣетъ прошедшаго и у которой отрѣзано будущее» (срв. стр. 94). Съ большимъ интересомъ вчитывается поэтому взявшій въ руки собраніе сочиненій Тихонравова въ характеристику стараго студенчества, сдѣланную въ этой рѣчи. Далѣе идетъ не бывшая доселѣ въ печати статья о В. А. Жуковскомъ. Статья эта въ сущности критическій разборъ біографіи и изданія сочиненій, сдѣланныхъ Загаринымъ: она имѣетъ большую цѣну и сама по себѣ, и какъ образчикъ превосходной критической работы, и какъ показатель научной эрудиціи Тихонравова. «Четыре года изъ жизни Карамзина», статья, написанная Тихонравовымъ для «Русскаго Вѣстника» 1862 г., представляетъ единственную печатную работу о Карамзинѣ нашего автора, хотя онъ имъ много занимался. Редакторъ настоящаго тома не могъ, къ сожалѣнію, найти въ бумагахъ Тихонравова его рѣчи «Карамзинъ въ исторіи русской литературы», читанной 1 декабря 1866 г. Настойчиво и доказательно говоритъ Тихонравовъ въ своей статьѣ о вліяніи «Дружескаго Ученаго Общества» и вообще кружка Н. И. Новикова на первые шаги въ развитіи Карамзина. Въ этомъ кружкѣ не осталась безъ вліянія на Карамзина и бурная личность одного изъ первыхъ двигателей и одной изъ первыхъ жертвъ того періода въ исторіи духовнаго развитія Германіи, именно Іоганна Рейнгольда Ленца. Пламенное уваженіе къ Шекспиру, говоритъ Тихонравовъ, нѣтъ сомнѣнія, сообщилось отъ Ленца Петрову и Карамзину, который занялся переводомъ его «Юлія Цезаря» и въ предисловіи отнесся къ Шекспиру искренно и свободно отъ повсемѣстно господствовавшихъ

на него воззрѣній ложно-классической критики. «*Карамзинская школа смѣнила собою Новиковскій періодъ нашей литературы*», говоритъ Тихонравовъ въ концѣ статьи, и кто знаетъ всю цѣну отдѣльныхъ замѣчаній, во множествѣ разсыпанныхъ по разнымъ его статьямъ, тому можетъ быть понятно все значеніе только что приведенной фразы, на которой современный историкъ литературы можетъ обосновать тему для цѣлой диссертаціи. Когда собраніе сочиненій Тихонравова полностью появится въ свѣтъ, придется создать нѣчто въ родѣ сборника этихъ замѣчаній и на нихъ строить отчасти общую картину развитія литературныхъ взглядовъ московскаго профессора. Цѣнный обломокъ по обстоятельствамъ уже не только личной жизни неоконченной работы «Графъ Ѳ. В. Растопчинъ и литература въ 1812 году» читатель невольно пробѣжитъ раньше цѣлой серіи біографическихъ этюдовъ, вошедшихъ въ настоящій томъ и частью писавшихся для невышедшаго въ свѣтъ сборника «Біографической лѣтописи питомцевъ московскаго университета».

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Прэнсъ. «Организація свободы и общественный долгъ».—*А. П. Энгельгардтъ.* «Русскій Сѣверъ».

Ад. Прэнсъ. Организація свободы и общественный долгъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897. Цѣна 80 коп. Въ послѣднее время на западѣ появляется немало книгъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать разрѣшенію такъ называемаго «соціальнаго вопроса». Этотъ вопросъ разрѣшаютъ тамъ въ литературѣ люди всевозможныхъ направленій и партій, и въ зависимости отъ этого измѣняются и рецепты, прописываемые авторами книгъ. Понятное дѣло, что каждый авторъ старается представить свое рѣшеніе, какъ наиболѣе безпристрастное, наиболѣе соотвѣтствующее «общему благу». Конечно, это безпристрастіе по большей части только кажущееся, и рѣдко кому удается удержаться въ «золотой серединѣ» при разборѣ такихъ жгучихъ вопросовъ.

Къ такого рода книгамъ относится и произведеніе Прэнса. Содержаніе его слѣдующее. Признавая вполнѣ законнымъ существованіе «естественнаго неравенства», основаннаго на томъ, что люди всегда раздѣлялись на «существа высшія, среднія и низшія», и находя, «что, въ числѣ элементовъ, образующихъ неизмѣнную сущность общества, самый устойчивый—неравенство», авторъ приходитъ къ заключенію, что «неравенство составляетъ одно изъ условій прогресса», который «въ самомъ простомъ значеніи слова состоитъ въ переходѣ отъ низшаго типа къ высшему». На этомъ неравенствѣ основанъ антагонизмъ общественныхъ классовъ, все болѣе и болѣе обостряющійся въ послѣднее время. Въ настоящее время «общество нуждается въ умиротвореніи, и нынѣшній кризисъ можетъ быть устраненъ только путемъ компромисса». Далѣе авторъ разсматриваетъ соотношеніе между свободою и властью. Индивидуальную свободу онъ не признаетъ достаточной гарантіей общаго счастья. Не всѣ люди умѣютъ пользоваться свободой, не всѣ имѣютъ достаточную для этого подготовку, и потому является много злоупотребленій свободою. Съ другой стороны и власть, до крайности централизованная, не можетъ выполнять своего назначенія—устранять злоупотребленія индивидуальною свободой. Централизованная власть не въ силахъ удовлетворять разнообразныя нужды огромнаго государственнаго организма. Примиреніе свободы и власти заключается, по мнѣнію автора, въ томъ, что централизованная власть, оставляя за собою общіе государственные вопросы, уступаетъ мѣстному управленію всѣ мѣстныя дѣла, вокругъ которыхъ группи-

руются свободные граждане. Такимъ образомъ исчезаютъ крайности централизаціи, и свобода получаетъ должную организацію. Далѣе авторъ возстаетъ противъ современнаго индивидуализма и, указывая на то, что общественные вопросы требуютъ сознанія общности интересовъ, возлагаетъ большія надежды на всякаго рода общества и ассоціаціи. Государство, по его мнѣнію, должно значительно расширить права такихъ организацій и покровительствовать имъ. Такія мелкія ассоціаціи, сгруппированныя изъ лицъ, объединенныхъ общими интересами, должны лечь въ основаніи государственной жизни. Мѣсто всеобщаго голосованія должно занять представительство интересовъ, т. е. депутаты должны избираться именно отъ этихъ ассоціацій однородныхъ общественныхъ элементовъ. Но тутъ невольно напрашивается вопросъ; если антагонизмъ основанъ на противоположности интересовъ различныхъ классовъ, то будетъ ли «представительство интересовъ» примирять эти классы? Не усилится ли антагонизмъ именно потому, что діаметрально противуположные интересы будутъ лучше представлены? Авторъ, повидимому, и самъ чувствовалъ это и потому въ послѣднихъ двухъ главахъ указываетъ на то, что рядомъ съ этимъ мы должны позаботиться о возможно лучшемъ умственномъ развитіи и нравственномъ совершенствованіи людей, готовящихся къ общественной дѣятельности.

Говоря о животрепещущихъ вопросахъ современности, авторъ ухитрился удержаться въ сферѣ принциповъ и идей. Отъ принциповъ и идей происходитъ все зло, для устраненія котораго нужно одни принципы и идеи замѣнить другими. «Идея власти должна быть замѣнена идеей долга». Рельефнѣе всего эта точка зрѣнія выражена въ слѣдующихъ словахъ (стр. 182): «Если теорія Фулье объ идеяхъ-силахъ вѣрна, то почему идея безкорыстія не можетъ сдѣлать людей безкорыстными точно такъ же, какъ идея свободы дѣлаетъ ихъ болѣе свободными, а идея справедливости—болѣе справедливыми». Несомнѣнно этимъ же взглядомъ объясняется и мысль автора, будто «Адамъ Смитъ... эмансипировалъ трудъ». И здѣсь, конечно, мы должны подъ трудомъ разумѣть только «идею труда». Придавая такое значеніе идеямъ, авторъ является ярымъ защитникомъ «воображенія» въ дѣлѣ воспитанія юношества. «Не будемъ—говоритъ онъ—изгонять изъ жизни воображенія, потому что оно очень цѣнный даръ, потому что безъ него міръ намъ кажется угрюмымъ, печальнымъ и пустымъ» (163 стр.). И къ какимъ замѣчательнымъ результатамъ должна привести эта система воспитанія! Такое общее образованіе даетъ людямъ «способность инстинктивно (!) оцѣнивать значеніе фактовъ и явленій» (стр. 164). Мы должны только удивляться, какъ авторъ и безъ рекомендованнаго имъ идеальнаго образованія могъ достичь такой высоко-инстинктивной оцѣнки общественныхъ явленій.

Этимъ мы и закончимъ разборъ книги Прэнса. Мы не согласны съ мнѣніемъ г. Сементковскаго, что авторъ «старается рѣшить наиболѣе жгучіе вопросы съ наименьшею долею пристрастія и съ наибольшимъ запасомъ спокойно провѣренныхъ фактовъ» (стр. II). Этого автору не удается сдѣлать. Тѣмъ не менѣе, книга его имѣетъ интересъ для тѣхъ, кто интересуется волнующими западъ вопросами и тѣми рѣшеніями ихъ, которыя появляются въ литературѣ.

А. П. Энгельгардтъ. Русскій сѣверъ. Путевыя замѣтки. С.-Петербургъ. Издан. Суворина. 1897 г. Цѣна 2 руб. Прекрасно изданная книга представляетъ описаніе поѣздокъ архангельскаго губернатора Энгельгардта на Мурманскій берегъ, на Новую Землю и въ Печерскій край. Книгу дѣлаетъ очень интересной множество фототипій, сдѣланныхъ съ прекрасныхъ фотографій и иллюстрирующихъ самыя разнообразныя стороны жизни сѣвера. Много фототипій представляютъ типы населенія, костюмы, жилища и т. д., но самыя интересныя (ихъ большинство) это тѣ, которыя изображаютъ суровую, величественную природу сѣвера. Что касается текста книги, то онъ представляетъ меньше интереса. Конечно, это зависитъ отъ того, что губернаторъ во время поѣздокъ по своей

губерніи поставленъ въ сравнительно неудобныя условія для изученія жизни края. При всякой такого рода поѣздкѣ повторяется исторія путешествія Екатерины II-ой по Новороссіи: путешественнику будетъ всегда представляться казовая сторона мѣстной жизни. Съ другой стороны, губернатору не на всемъ удобно останавливаться въ описаніи своихъ поѣздокъ. Такъ, въ книгѣ затрогивается вопросъ о постройкѣ Архангельской ж. д., но только по этому поводу не сообщается ничего существеннаго. Однако, мы должны признать, что автору вполнѣ удается ярко выставить то, что онъ хотѣлъ выяснить, когда брался за перо. Книга даетъ ясное представленіе о природныхъ богатствахъ края и проникнута симпатіей и вѣрой въ будущее энергичнаго, способнаго и, въ данный моментъ, бѣдствующаго населенія. Чтобы поднялось благосостояніе края, авторъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на нужды края высшей администраціи. Самыя необходимыя мѣры, какъ телеграфъ на Мурманъ, желѣзная дорога въ Архангельскъ, пароходное сообщеніе съ Печорой уже осуществлены. Намъ кажется, что одной административной опеки для возрожденія края недостаточно. Во-первыхъ, такія администраторы, которые могли бы внести что-либо живое въ глухую жизнь сѣвера, представляютъ исключительную рѣдкость. Во-вторыхъ, самый талантливый и съ лучшими намѣреніями администраторъ не будетъ въ состояніи создать и воспитать такихъ работниковъ для общественнаго дѣла, какихъ могло бы создать, воспитать самоуправленіе. Итакъ, для насъ все будущее сѣвера, какъ и вообще нашей провинціи, заключается въ развитіи мѣстнаго самоуправленія. Въ заключеніе мы приведемъ цифры, касающіяся крайне интересной, чисто соціалистической попытки организовать колонизацію Новой Земли. Въ настоящее время на Новой Землѣ живетъ 16 семействъ самоѣдовъ въ числѣ 83 человѣкъ обоего пола и 40 дѣтей. Все, что добывается ими на промыслахъ, продается въ Архангельскѣ губернской администраціи, изъ вырученной суммы покупаются ею же всѣ необходимыя для жизни самоѣдовъ продукты и вещи. Такъ, въ 1894 г. было употреблено на содержаніе колонистовъ 2.863 р. 17 к., а выручено отъ продажи ихъ добычи съ промысловъ 3.781 р. 40 к.; въ 1895 г. употреблено на содержаніе 4.005 р. 60 к., а выручено 6.135 р. 90 к. Такимъ образомъ получается ежегодный остатокъ, который, за отчисленіемъ 10—12% въ колонизаціонный капиталъ, всецѣло поступаетъ въ собственность самоѣдовъ. Но такъ какъ эти деньги на Новой Землѣ не имѣли бы никакого употребленія, то онѣ хранятся въ архангельскомъ банкѣ и изъ нихъ собственники ихъ покупаютъ себѣ усовершенствованное оружіе и предметы роскоши.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Ванъ-Мюйденъ. «Исторія Швейцарскаго народа».—*Ѳ. М. Уманецъ.* «Гетманъ Мазепа»

Ванъ-Мюйденъ. Исторія Швейцарскаго народа. Пер. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радіонова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Вып. первый. Съ 35 политипажами. Спб. 1897. VIII + 140 стр. Ц. 1 р. Для любителя историческаго чтенія, какъ и для историка-спеціалиста можетъ представить особую прелесть подробное знакомство съ судьбами небольшого уголка Европы, въ которыхъ своеобразно отражались перипетіи великихъ общеевропейскихъ историческихъ явленій. Конечно, этотъ интересъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже и серьезнѣе авторъ книги, задача которой удовлетворить указанный выше интересъ, усвоитъ себѣ дѣйствительный смыслъ общихъ историческихъ явленій. Научная основательность столь же существенное условіе всякаго историческаго разсказа, все равно—въ беллетристической или въ историографической формѣ будетъ онъ обработанъ,—какъ живость и посильная художественность изложенія. Книга

Ванъ-Мюйдена только отчасти удовлетворяетъ такому требованію. Составлена она весьма добросовѣстно; авторъ воспользовался всей литературой, которая относится къ исторіи Швейцаріи. Но компилятивный характеръ его книги лишаетъ ее свѣжести, что только отчасти искупается стремленіемъ автора давать читателю побольше яркихъ подробностей, относительно отдѣльныхъ лицъ и событій. Главный интересъ автора-швейцарца, проникнутаго глубокой привязанностью къ родинѣ, сосредоточенъ на ходѣ мѣстной швейцарской жизни, а связь судебъ Швейцаріи съ исторіей остальной Европы интересуетъ его, лишь по скольку она вліяла на жизнь и дѣятельность швейцарцевъ. Его экскурсіи за предѣлы швейцарской исторіи—блѣдны и не идутъ дальше самыхъ общихъ замѣчаній, часто похожихъ на общія мѣста.

Быть можетъ, это впечатлѣніе отъ перваго выпуска книги Ванъ-Мюйдена измѣнится, когда появятся остальные. Только тогда можно будетъ съ увѣренностью судить о томъ, насколько удачно выполнилъ авторъ свою общую задачу—«набросать возможно точную и возможно ясную картину развитія швейцарской національности въ ея послѣдовательныхъ фазахъ». Только едва ли такая задача разрѣшима путемъ собиранія возможно подробныхъ свѣдѣній изъ существующей литературы, чѣмъ, въ сущности, удовлетворяется авторъ.

Θ. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897. 455 стр. Цѣна 2 р. 50 к. «Историческая монографія» г. Уманца, чрезвычайно своеобразное произведеніе. Авторъ нашелъ необходимымъ пересмотрѣть «старое, забытое дѣло», потому что двухсотлѣтняя разработка этой темы оставила только массу противорѣчій, неясностей и «странныхъ умолчаній». Избранная авторомъ тема вполнѣ заслуживала пересмотра, такъ какъ, относительно малороссійскаго вопроса въ началѣ XVIII в. у насъ, дѣйствительно, нѣтъ исчерпывающей матеріалъ монографіи. Такую монографію хотѣлъ, повидимому, дать г. Уманецъ. Но книга его—скорѣе размышленія на историческую тему, чѣмъ изслѣдованіе о ней. Написана она горячо, рѣшительнымъ, самоувѣреннымъ тономъ. То и дѣло попадаются въ ней общіе приговоры, опредѣленныя характеристики, нѣтъ, не характеристики, а сужденія о тѣхъ или иныхъ дѣятеляхъ. Петръ это—«дикарь, ослѣпленный мишурой западной цивилизаціи,—человѣкъ, избалованный властью, испорченный раболѣпствомъ..., поклонникъ западныхъ идей только потому, что онѣ западныя». Зато Софья—женщина великаго государственнаго ума, которая не могла бы вынести вида «всей оргіи петровскихъ преобразованій». Не подумайте, впрочемъ, что г. Уманецъ поклонникъ до-петровской старины. Нѣтъ, онъ только думаетъ, что прогрессивное теченіе въ русской жизни началось до Петра, что не онъ его создалъ, и изъ этой, совершенно вѣрной мысли выводитъ крайнее слѣдствіе, что Петръ похожъ на кота, «который, получая пойманную мышеловкой мышь, думаетъ, что онъ самъ мышей ловитъ».

Книга г. Уманца, въ общемъ, mutatis mutandis, можетъ быть уподоблена пресловутому произведенію г. Юрьева о Карлѣ V, украсившему нашу историческую литературу года три тому назадъ: та же рѣшительность, быстрота и натискъ, то же самоувѣренное высокомѣріе. Жаль только, что г. Уманецъ мало вдумывается въ то, что говоритъ, и изъ усвоенныхъ имъ, въ качествѣ научнаго метода суворовскихъ правилъ, не усвоилъ главнаго: глазомѣра.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

П. М. Любимовъ. «О борьбѣ съ заразными болѣзнями».—*Н. Н. Михайловъ.* «Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія на востокѣ Россіи».

Проф. Н. М. Любимовъ. О борьбѣ съ заразными болѣзнями. Публичная лекція. Изд. 2-е, безъ измѣненій. Казань, 1897 г. Цѣна 20 к. Начавъ съ

опредѣленія заразной болѣзни вообще, авторъ говоритъ далѣе о скрытомъ (инкубаціонномъ) періодѣ при различныхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, затѣмъ о періодѣ лихорадки и о высыпаніи при кори, скарлатинѣ, оспѣ и сыпномъ тифѣ. Здѣсь авторъ совершенно неожиданно замѣчаетъ, что при скарлатинѣ «на лицѣ сыпи не бываетъ», отвергая такимъ образомъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ признаковъ этой болѣзни. А между тѣмъ, всякому врачу извѣстно, что при скарлатинѣ сыпь на лицѣ бываетъ, и притомъ очень характерная. По этому поводу проф. Филатовъ (извѣстный спеціалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, написавшій нѣсколько цѣнныхъ руководствъ по своей спеціальности) говоритъ слѣдующее: «Въ большинствѣ случаевъ кожа лица измѣняется при скарлатинѣ чрезвычайно своеобразно, такъ что легко узнать эту болѣзнь прямо по лицу, даже не раздѣвая и не разспрашивая больного» *). Переходя къ причинамъ заразныхъ болѣзней, авторъ вкратцѣ излагаетъ исторію развитія бактеріологіи, упоминаетъ объ ядовитыхъ птомаинахъ (токсинахъ), выдѣленныхъ различными учеными изъ культуръ различныхъ болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, и особенно подробно останавливается на способахъ проникновенія микробовъ въ организмъ, при чемъ изображаетъ ту важную роль, какую играетъ при этомъ нарушеніе цѣлости кожи и слизистыхъ оболочекъ.

Переходя къ самой борьбѣ съ заразными болѣзнями, почтенный авторъ вдругъ ударяется въ страшный скептицизмъ и пытается увѣрить читателя, что лѣчебная медицина въ сущности почти безсильна. Однако, смѣемъ увѣрить почтеннаго профессора, что онъ увлекся. Въ дѣйствительности, медицина не такъ уже плоха, какъ думаетъ авторъ, и кромѣ «хинина и ртути», въ рукахъ врача найдутся еще иныя «несомнѣнныя лѣкарства противъ болѣзней»; укажемъ, для примѣра, хотя бы на салоловые и іодистые препараты. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ доказываетъ, что «человѣкъ можетъ быть въ томъ случаѣ здоровъ, если онъ дышитъ чистымъ воздухомъ, пьетъ чистую воду, употребляетъ хорошую пищу» и горячо ратуетъ за *попечительство* (народнаго здравія, очевидно), на необходимость котораго авторъ указывалъ еще въ 1887 г. (въ публичной лекціи о чахоткѣ). Совершенно справедливо авторъ сомнѣвается въ пользѣ карантиновъ и кордоновъ, по крайней мѣрѣ, при той организаціи ихъ, какую приходится наблюдать обыкновенно. На зато въ вопросѣ объ изоляціи больного авторъ напрасно смотритъ такъ снисходительно на оставленіе больного въ квартирѣ, требуя лишь, чтобы въ такомъ «разѣ» къ нему «было приставлено для ухода опытное лицо». Говоря о количествѣ времени, въ теченіе котораго больной способенъ заражать окружающихъ, авторъ ни единымъ словомъ не обмолвился о дифтеритныхъ больныхъ, которые, какъ это извѣстно всякому врачу, продолжаютъ заражать еще черезъ 4—5 недѣль послѣ выздоровленія. Покончивъ съ вопросомъ о дезинфекціи помѣщенія и зараженныхъ вещей, а также рѣшивъ весьма важный вопросъ о томъ, когда выздоровѣвшій больной можетъ «посѣщать знакомыхъ, школы, занятія», почтенный авторъ высказываетъ надежду, что, «можетъ быть, недалеко то время, когда многія заразныя болѣзни станутъ преданіемъ» и смерть будетъ существовать только естественная. Раціональный путь борьбы съ заразными болѣзнями лежитъ въ методѣ прививокъ, открытомъ Дженеромъ, творцомъ оспопрививанія, и разработанномъ Пастёромъ. Работамъ Пастёра и его послѣдователей въ этомъ направленіи посвящены почти цѣликомъ остальныя 35 страничекъ этой брошюры, въ которой всего 80 стр.

Разбираемая брошюрка несомнѣнно относится къ числу полезныхъ книжекъ, но было бы гораздо лучше, если бъ авторъ позаботился о болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи матеріала, выбросилъ бы невѣрныя указанія и исправилъ бы

*) Семіотика и діагностика дѣтскихъ болѣзней, 4-е изд., 1895 г., стр. 460. Въ этой же книгѣ, между прочимъ, читатель найдетъ (на стр. 436), что совершенно напрасно авторъ брошюры утверждаетъ, будто и при сыпномъ тифѣ на лицѣ сыпи не бываетъ.

опечатки, нерѣдко извращающія смыслъ. Говоря, напр., объ ядовитыхъ птомаинахъ, выдѣленныхъ Бригеромъ изъ разводокъ бациллъ столбняка, авторъ, между прочимъ, говоритъ о *токсинѣ*, забывъ, что токсинъ есть понятіе общее, что токсинами называются всѣ ядовитые птомаины; далѣе авторъ говоритъ о спермотоксинѣ, очевидно, разумѣя подъ этимъ спазмотоксинъ. Затѣмъ не мѣшало бы автору позаботиться и о языкѣ, который далеко не блещетъ изяществомъ.

Очеркъ современныхъ условій кумысолѣченія на востокѣ Россіи д-ра Н. Н. Михайлова. Изд. Риккера. Спб., стр. 71. 1897. Кумысъ является однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ, извѣстныхъ намъ при лѣченіи чахотки. И въ то же время рѣдко когда условія пользованія врачебнымъ средствомъ такъ затруднены, какъ при лѣченіи кумысомъ. Дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, вслѣдствіе недостатка въ культурныхъ и предпріимчивыхъ людяхъ, само дѣло лѣченія мало организовано, съ другой стороны, очень трудно найти указанія, гдѣ и какъ поселиться, чтобы можно было пользоваться кумыснымъ лѣченіемъ. Оттого мы должны привѣтствовать съ большой симпатіей книжку д-ра Михайлова, которая представляетъ отдѣльное, нѣсколько дополненное изданіе статьи, помѣщенной во «Врачѣ». Вопросъ о цѣлебныхъ свойствахъ кумыса, о томъ, при какихъ болѣзняхъ онъ больше всего приноситъ пользу, не разъ и при томъ очень обстоятельно затрогивался уже въ русской литературѣ. Оттого д-ръ Михайловъ только вскользь касается его, а все вниманіе въ своей книжкѣ обращаетъ на то, чтобы выяснить, гдѣ можно найти подходящія условія для лѣченія имъ. Вѣдь кумысъ, какъ правильно напоминаетъ авторъ, представляетъ только идеальное питательное вещество и совсѣмъ не какое-либо специфическое средство, которое можно было бы примѣнять при всевозможныхъ условіяхъ. Авторъ такъ описываетъ ту обстановку, при которой должно происходить лѣченіе: «Оно прежде всего должно дать больному полный тѣлесный и душевный покой, уединить его на время лѣченія отъ разныхъ невзгодъ и непріятныхъ сторонъ его обыденной жизни, не лишая его въ то же время возможности пользоваться тѣми сторонами жизни, которыя для него необходимы. Говоря яснѣе, больной не долженъ волноваться, горячиться или усиленно заботиться о своемъ существованіи въ данную минуту».

Установивъ такую точку зрѣнія на необходимыя условія лѣченія кумысомъ, авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ разнообразно обставленныхъ мѣстъ лѣченія кумысомъ, причемъ оказывается, что въ настоящее время большая часть спеціальныхъ кумысолѣчебныхъ заведеній далеко не удовлетворяетъ своей цѣли: они въ большинствѣ случаевъ даютъ неудовлетворительный кумысъ, очень дороги, а помѣщенія и пища больныхъ часто крайне неудовлетворительны; даже возможность заразиться чахоткой далеко не вездѣ исключена. Въ виду всего этого понятна та симпатія, съ которою авторъ предлагаетъ слѣдующій способъ пользованія кумысомъ: это маленькой компаніей, лучше со своей прислугой и необходимой провизіей поселиться въ башкирской деревнѣ. Авторъ подробно описываетъ условія жизни въ этой обстановкѣ и очень рекомендуетъ такое лѣченіе кумысомъ. Больной получаетъ тутъ прекрасный кумысъ, пользуется чуднымъ воздухомъ и природой степей и живетъ посреди дикаго, но симпатичнаго народа, далеко отъ заботъ своей повседневной жизни. Такое лѣченіе, по его мнѣнію, пригодно не только при начальныхъ стадіяхъ чахотки, но и для всѣхъ переутомленныхъ и измученныхъ условіями культурной жизни интеллигентовъ.

Крайне желательно, чтобы врачи, работающіе въ кумысныхъ мѣстахъ, почаще писали объ условіяхъ, въ которыхъ можно пользоваться въ ихъ краяхъ кумысомъ, и чтобы книжка д-ра Михайлова явилась бы первой въ цѣлой серіи брошюръ, цѣль которыхъ была бы облегчить доступъ больнымъ къ этому могучему средству лѣченія.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го января по 15-е февраля 1898 года.

А. Скворцовъ. Основаніе политической экономіи. Спб. 98 г. Ц. 2 р. 50 к. Изданіе О. Н. Поповой.

С. Булгаковъ. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Москва 97 г. Ц. 1 р. 25 к. Изданіе М. И. Водовозовой.

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Перев. съ чешск. Спб. 98 г. Ц. 5 р. Изданіе Л. Пантелѣева.

Изданія О. Н. Поповой:

К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

І. Ремке. Очеркъ исторіи философіи. Пособіе для самообразованія и для студентовъ. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Сѣченовъ. Физіологическіе очерки. Часть II. 101 рис. Спб. 98 г. 90 к.

Элизе Реклю. Земля и люди. Всемірная географія. Ч. I. Соединенные Штаты. Перев. съ франц. Спб. 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тальботъ. Старшины Вильбайской школы. 24 рис. Перев. съ англ. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

Диккенсъ. Блестящая будущность. Ром. съ 10 рис. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

Доброе сѣмя. Сборникъ стихотвореній для школьнаго возраста. Спб. 98 г. Ц. 25 к.

Утренняя заря. Сборникъ стихотвореній для дѣтей младшаго возраста. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Разсказы о японцахъ. Спб. 98 г. Ц. 20 к.

Изданія магазина «Книжное дѣло»:

Ф. Маллесонъ. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Перев. съ англ. Москва 98 г. Ц. 50 к.

Эдуардъ Клодъ. Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды. 98 г. Москва. Ц. 50 к.

Д. С. Милль. Система логики. Перев. съ англ. Книга III. Ц. за 6 вып. 3 р. безъ перес. Москва 98 г.

Тегнеръ. Фритіофъ, скандинавскій витязь. Поэма. Перев. со шведск. Спб. 98 г. Ц. 75 к.

Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. Москва 98 г. Ц. 80 к.

П. Г. Мижуевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 98 г. Ц. 80 к.

Ф. Кейръ. Воображеніе и память. Перев. съ франц Изданіе ред. журн. «Образованіе». Ц. 40 к. Спб. 98 г.

Г. Бутми. Къ вопросу о денежной реформѣ. Изданіе 2-е. Одесса 97 г.

Д. П. Шантепи де-ля-Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Москва 98 г. Спб.

Проф. Геффдингъ. О принципахъ этики. Изданіе Юровскаго. Ц. 15 к. Одесса 98 г.

Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства и общественныхъ классовъ. Изданіе М. И. Водовозовой. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Булгакова. Москва 98 г. Ц. 50 к.

Гиртль. Матеріалистическія воззрѣнія нашего времени. Одесса. Ц. 20 к. 98 г.

В. Н. Харузина. Сказки русскихъ инородцевъ. Съ краткими бытовыми очерками и иллюстрац. Изданіе Мамонтова. Москва 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Свѣтловъ. Въ невѣдомую даль. Ром. Изданіе Наумова. Спб. 98 г. Ц. 1 р.

П. Сергѣенко. Герои. Сцены изъ дѣтской жизни. Изданіе Мамонтова. Москва 98 г. Ц. 85 к.

Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1897 г. Съ 2 картограм. Изд. Губ. земства. Тверь 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Цуриковъ. Диктанты-задачи. Изданіе Тихомирова. Москва 98 г. Ц. 60 к.

Д. Боханъ. Игорь, князь сѣверскій. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историч. комментаріями. Минскъ 97 г. Ц. 25 к.

К. П. Монюшко. Нѣсколько стихотвореній. Спб. 97 г.

П. Шулика. Де нашйовъ, де загубывъ. Оповиданья. Черкассы 97 г. Ц. 5 к.

И. А. Саловъ. Забытыя картинки. Повѣсти и разсказы. Москва 98 г. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1897 г. Выпуски 5, 6, 7 и 8. Москва.

Способы удешевленія картинъ для волшебнаго фонаря. Москва 97 г. Ц. 20 к. Доклады Александровскаго, Д. С. Штейнберга и Н. Н. Бугаевскаго.

Отчетъ о дѣятельности постоянной коммиссіи по техническому образованію Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Москва 97 г.

Обзоръ дѣятальности коммиссіи народныхъ чтеній. 1882—1897 г.г.

І. Малиновскій. О томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь воюютъ. Чтеніе для народа. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній.

Е. Дюкло. Защита отъ болѣзней. Москва 98 г. Ц. 15 к.

Уставъ Философскаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 97 г.

В. Ермиловъ. Гордость вѣка. Николай Ивановичъ Новиковъ. Москва 98 г. Ц. 15 к.

Отчетъ Общества вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 97 г.

Артельная мастерская женскихъ рукодѣлій. Изданіе редакціи журнала «Техническое Образованіе».

А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Владиміръ 97 г. Ц. 1 р. Вып. 1 и 2.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Разсказы и сказки. Москва 97 г. Ц. 75 к. Изданіе «Библіотеки Дѣтскаго чтенія».

— Аленушкины сказки. Москва 98 г. Ц. 1 р. Изданіе «Библіотеки Дѣтскаго чтенія».

ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Великобританскій лордъ и естественный человѣкъ.

По поводу статьи *The childhood and School Days of Byron* въ *The Nineteenth Century*, January 1898.

I.

Среди многочисленныхъ признаній, какія поэты оставили намъ о своихъ творческихъ вдохновеніяхъ, едва ли не самое любопытное принадлежитъ Пушкину—автору *Бориса Годунова*. Перебирая разныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, поэтъ особенно подробно остановился на Маринѣ Мнишекъ и закончилъ ея характеристику такими словами:

«Она меня волнуетъ, какъ страсть».

И Пушкинъ не прочь былъ еще разъ вернуться къ удивительному историческому образу.

Подобныя настроенія приходится переживать не поэтамъ и не художникамъ при обыкновенномъ—не творческомъ—представленіи о нѣкоторыхъ фигурахъ прошлаго. Они также часто послѣ многихъ поколѣній продолжаютъ оставаться яркими и поразительно-жизненными: время не имѣетъ власти надъ обаяніемъ ихъ личностей и самая перспектива не поглощаетъ притягательной силы, присущей ихъ исключительной природѣ. И если не на всѣхъ вѣетъ отъ нихъ страстью,—вина не ихъ безсилія и безцвѣтности, а душевной косности и нравственнаго тщедушія наблюдателей.

Одно изъ первыхъ мѣстъ среди этихъ «волнующихъ» образовъ занимаетъ Байронъ.

Имя звучитъ очень давними звуками и—что сравнительно рѣдко въ литературной исторіи—очень опредѣленными и общедоступными. Казалось бы, оно должно уже стать достояніемъ классической словесности, пережившей всѣ юбилеи и невозбранно допускаемой для просвѣщенія юношества. Такихъ знаменитостей довольно много: всѣ онѣ красуются въ вѣковыхъ лавровыхъ вѣнкахъ, сильно пожелтѣвшихъ и запылившихся, но неизмѣнно чтимыхъ равнодушно-благосклоннымъ потомствомъ.

Совершенно не то съ Байрономъ.

Онъ поэтъ, несомнѣнно, классическій и даже классный. Нѣтъ ни одного учителя, кто бы не счелъ необходимымъ говорить въ школѣ о «байроническихъ вліяніяхъ» на Пушкина и Лермонтова, и нѣтъ самаго плохого учебника, гдѣ бы не упоминался *Чайльдъ*

Гарольдъ. Но даже, если бы учителя и учебники вздумали устранить съ своего горизонта Байрона и байронизмъ, можно смѣло поручиться, что всякое молодое поколѣніе непремѣнно самостоятельно открыло бы заповѣдный міръ и многіе встрѣтили бы въ этомъ мірѣ живѣйшіе отклики на тоску собственной юной души и на смутные порывы еще неиспытанной мысли.

Да, байронизмъ—это не только фактъ культурной исторіи, извѣстный историческій моментъ: это глава общечеловѣческой біографіи. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ неуклонно занимать свое мѣсто въ первой молодости всякой болѣе или менѣе одаренной личности. Форма преобразуется въ зависимости отъ исторической обстановки, но психологическая сущность остается та же. Гарольдовъ плащъ мѣняется въ своемъ покроѣ, но подъ всѣми капризами моды легко узнать первичный складъ, разъ навсегда опредѣленный личностью и поэзіей англійскаго поэта.

Отсюда исключительная популярность Байрона, популярность, вовсе не похожая на славу другихъ величайшихъ поэтовъ, даже превосходящихъ его талантомъ. Шекспиръ, Данте, Гюго, Шиллеръ, конечно, знамениты и даже любимы, но ихъ имена несравненно внушительнѣе говорятъ уму и культурному развитію слушателей, чѣмъ ихъ сердцу, всей ихъ природѣ. Эти имена заставляютъ почтительно преклоняться, но не захватываютъ и не влекутъ. Мы знаемъ, въ нихъ заключена слава и достоинство нашей человѣческой породы, но каждый изъ насъ отдѣльно не чувствуетъ своей души въ геніальности этихъ великихъ людей, не ощущаетъ личнаго сродства съ ихъ нравственнымъ міромъ. Мы говоримъ не о томъ сродствѣ, какое всегда существуетъ между обыкновенными и избранными смертными, не о сродствѣ идей и чувствъ: иначе не существовало бы ни величія, ни славы. Мы говоримъ о томъ сродствѣ, какое восторженно прославлялъ нѣмецкій поэтъ, о стихійной безсознательной основѣ для сильныхъ чувствъ любви и преданности.

И Байронъ въ этомъ смыслѣ единственный поэтъ.

Пушкинъ и Лермонтовъ находили въ своей жизни множество чертъ, сходныхъ или даже тождественныхъ съ подробностями байроновской біографіи. Эти открытія не были плодомъ преднамѣренныхъ усилій честолюбиваго воображенія. Часто совпаденія имѣли мѣсто раньше, чѣмъ молодой поэтъ узналъ исторію своего мнимаго подлинника, и позднѣйшія «подражанія» являлись не столько маскарадной игрой, сколько результатомъ естественнаго нравственнаго развитія новаго Чайльдъ-Гарольда.

Это—въ высшей степени существенная черта байроническихъ вліяній. Они только въ рѣдкихъ случаяхъ бывали чисто внѣшнимъ явленіемъ, уборомъ, взятымъ на прокатъ и съ извѣстнымъ умысломъ. Чаще всего байронизмъ выражалъ совершенно независимый, безусловно личный моментъ духовной жизни даже московскихъ байронистовъ. Если моментъ заключалъ въ себѣ театральныя позы и заученныя фразы,—все это вызывалось гораздо болѣе сценой дѣйствія, средой артиста, чѣмъ сущностью его настроеній. Не мало игры было и въ жизни самого Байрона, но придуманное и неестественное неразрушало органической основы вполнѣ искреннихъ нравственныхъ переживаній.

Въ чемъ же тайна этого явленія?

Байронъ—поэтъ первой четверти нашего столѣтія и все-таки до сихъ поръ это—имя полемическое. Оно волнуетъ нашихъ современниковъ не только чувствами естественнаго влеченія, но и самой безпримѣсной и открытой ненависти и злобы. И ненависть вовсе не исключительная принадлежность умовъ ограниченныхъ и неподвижныхъ. Напротивъ. Именно отечество Байрона, кажется, достаточно понимающее и лучше другихъ осуществляющее принципы общей и личной свободы, съ трудомъ примиряется съ байронизмомъ. Оно даже и изучаетъ своего поэта неохотно и медленно.

Въ Германіи, во Франціи, въ Америкѣ безпрестанно появляются новые труды о Байронѣ, какъ личности и поэтѣ. Особенно Германія съ его именемъ соединяетъ великія національныя воспоминанія. Поэзія Байрона совпала съ борьбой нѣмцевъ за независимость противъ Наполеона. Эта поэзія звучала безпримѣрно страстнымъ призывомъ къ энергіи, къ человѣческому достоинству, къ свѣту и волѣ. Каждый рыцарь молодой Германіи могъ найти свой девизъ въ поэмахъ англійскаго лорда и отъ всей души присоединиться къ горькому сѣтованью поэта надъ участью Италіи и Греціи. Для страны, просыпающейся къ новой политической жизни, авторъ *Чайльдъ-Гарольда* являлся Тиртеемъ, тѣмъ болѣе желаннымъ, что отечественный первенствовавшій поэтъ обнаруживалъ полное безучастіе къ судьбѣ нѣмецкаго отечества.

Естественно, нѣмцы въ Байронѣ нашли для себя такую же родную душу, какъ и въ Шекспирѣ, хотя и по разнымъ побужденіямъ. Шекспиръ—идеальный представитель германскаго глубокомыслія, неподражаемаго анализа тайнъ человѣческой души и смысла вещей; Байронъ—поэтъ-вдохновитель, столь необходимый народу мыслителей въ эпоху политическаго самосознанія.

Во Франціи поэтъ стяжалъ славу совершенно противоположными качествами своей музы. Каждая страна брала у него, что требовалось ей по ея настроеніямъ, и своими сочувствіями подчеркивала ту или другую сторону байронизма.

Вдохновитель нравственной силы и гражданскаго достоинства въ Германіи, среди французскихъ поклонниковъ Байронъ превратился въ исключительнаго пѣвца донжуанизма и физіологическаго разочарованія. Ничего подобнаго, конечно, нельзя было выдумать, и все это, несомнѣнно, имѣется въ поэзіи Байрона,—но только отнюдь не покрываетъ собой всей личности и всего таланта поэта. Это Байронъ—вульгаризированный, поэтъ толпы и улицы, Байронъ съ выправленной душой и опошленной натурой.

Его даровитѣйшій послѣдователь во Франціи—Альфредъ Мюссе. Онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ,—первый изъ европейскихъ поэтовъ, донжуанизмъ отождествилъ съ демонизмомъ. Поводъ, мы увидимъ, былъ данъ самимъ Байрономъ и это—замѣчательная черта вообще байронизма. Но у англійскаго поэта оргія физіологическихъ инстинктовъ не только не поглощаетъ высшей духовной жизни его болѣе современныхъ героевъ, но даже отступаетъ передъ ней и, напримѣръ, въ Чайльдъ-Гарольдѣ постепенно замолкаетъ предъ тѣми настроеніями, въ какихъ молодая Германія могла черпать истинное утѣшеніе въ своей борьбѣ.

И Мюссе совершенно основательно говоритъ, что всѣ прежніе пѣвцы Донъ-Жуана, и въ числѣ ихъ Байронъ, не достаточно любили своего героя: ихъ громкія пѣсни не были согрѣты настоя-

щей страстью къ любимцу французскаго поэта. Онъ исправитъ пробѣлъ, потому что прославленіе Донъ-Жуана будетъ реабилитаціей личной жизни и печальной участи самого автора.

Сплошной, беззавѣтный угаръ, погубившій силы Мюссе и опустошившій его сердце, погубилъ въ то же время и всякую любовь къ женщинѣ. Чадъ прошелъ, настало отрезвленіе и поэтъ съ ужасомъ увидѣлъ позади себя—«безплодные годы», впереди—«мракъ и отчаяніе». Его мыслью овладѣли странные и болѣзненные образы. Его герои или безумные, или на пути къ безумію. И источникъ недуга одинъ и тотъ же—чувственность, или неудовлетворенная, или пресыщенная, успѣвшая потопить нравственныя силы своей жертвы. Въ поэзіи Мюссе рядомъ минуты страшнаго самозабвенія и дикихъ преступленій...

И все это ложится тѣнью на музу Байрона.

Мюссе часто жаловался на муки, испытанныя имъ подъ вліяніемъ мощнаго вдохновенія англійскаго поэта. Но тотъ же Байронъ далъ ему и средство покончить съ муками и утѣшиться обаятельной автобіографической картиной невозвратной молодости.

Со всею страстью отчаянія Мюссе набросился на байроновскаго Донъ-Жуана, и герой «вѣка и женщинъ» немедленно превратился въ идеальнаго человѣка. Прочтите вторую пѣснь *Намуны*, вы едва повѣрите, что эти гимны льются въ эпоху девятнадцатаго вѣка, льются съ устъ, давно привыкшихъ шептать «пресыщеніе и смерть»...

Донъ-Жуанъ, оказывается, съ юныхъ лѣтъ исполненъ всѣхъ доблестей и въ особенности жажды идеала:

Онъ цѣлый свѣтъ стремится
Прижать къ своей груди...
Какъ синій ясный сводъ безоблачныхъ небесъ,
Душа его ясна, прозрачна и открыта;
Всѣ чувства лучшія хранитъ онъ въ сердцѣ свято,—
Самъ ангелъ чистоты въ немъ чувствовалъ бы брата.

Это дѣйствительно лучшій сынъ человѣческаго рода,—но послушайте дальше:

...Человѣкъ, воспитанный въ шелкахъ,
Изнѣженный, судьбой такъ щедро одаренный,
Найдетъ себѣ друзей въ трактирахъ и шинкахъ...
... покинетъ будуаръ
Прелестной женщины, чтобы съ наглостью отважной
Отправиться дѣлить постыдной страсти жаръ
Въ дрянную конуру къ развратницѣ продажной...

Здѣсь и слѣда нѣтъ идеальнаго образа. Отчего же произошло паденіе? Отчего же Донъ-Жуанъ «несся ураганомъ» въ поискахъ за любовью женщинъ, «безжалостно губилъ ихъ»,

— «Бралъ ихъ жизнь, а ихъ дарилъ одними днями»

Это потому, отвѣчаетъ поэтъ, что Донъ-Жуанъ мучительно искалъ «завѣтнаго святого идеала» и въ каждой женщинѣ «воплощалъ свою мечту».

Какого идеала искалъ Донъ-Жуанъ,—мы не знаемъ, не объясняетъ и самъ поэтъ. Ему только извѣстно, что уже триста лѣтъ «пытливые умы» стремятся отгадать, чего хотѣлъ Донъ-Жуанъ, и не могутъ. Поэтъ самъ имѣетъ смутное представленіе о существѣ, какого искалъ его герой; даже, по мнѣнію поэта, «это существо никогда и не существовало!»... И все-таки герой, перелетающій изъ будуаровъ въ притоны,—мученикъ высокихъ стремленій!

Байронъ не ставилъ вопроса такъ рѣзко, не обожествлялъ своего несомнѣнно любимаго героя,—но толчокъ къ обожествленію данъ весьма сильный. Именно съ байроновской поэмы начинается вообще литературная идеализація Донъ-Жуана, круто мѣняется судьба «севильскаго обольстителя».

У старыхъ поэтовъ, и у даровитѣйшаго изъ нихъ,—Мольера, Донъ-Жуанъ—явленіе буквально отрицательное. Въ немъ воплощается типъ вырожденія того или другого общества и сами поэты наносятъ жесточайшіе удары своему герою,—Мольеръ, напримѣръ, съ такою страстью, будто Донъ-Жуанъ—его личный врагъ.

Байронъ совершенно порвалъ съ этими преданіями и первый написалъ поэму *въ честь* Донъ-Жуана. Это цѣлый переворотъ и онъ, конечно, долженъ имѣть свои корни въ самой природѣ поэта.

Реформа имѣла блестящій успѣхъ,—и именно донжуанизму Байронъ обязанъ своей наиболѣе широкой и громкой славой. Предметъ слишкомъ простой и увлекательный, чтобы не затронуть самаго зауряднаго любителя пріятныхъ ощущеній. И Донъ-Жуанъ въ воображеніи тѣхъ же французскихъ поэтовъ быстро выросъ до величественой фигуры Прометея. Именно такъ и названъ «отважный блондинъ» у одного изъ новѣйшихъ соревнователей Мюссе.

Предъ нами, слѣдовательно, два теченія, оба одинаковыя, байроническаго происхожденія. Мы знаемъ Байрона, провозгласившаго человѣка вѣнцомъ созданья, всю жизнь мужественно оборонявшаго личность отъ толпы, свободу отъ авторитета, иниціативу отъ преданій, естественное человѣческое достоинство отъ историческаго коснаго рабства.

Это—герой греческаго освобожденія и идейный спутникъ германскаго рабства. Но есть другой.

Это—поэтъ молодости, любви и красоты—«трехъ лучей, сконцентрированныхъ въ одинъ фокусъ и зажженныхъ искрой небеснаго огня».

Прекрасныя звуки, но симфонія, выростающая изъ нихъ, уносится далеко отъ красоты и даже человѣческаго смысла. Молодость и страсть — единственные цвѣты, какими поэтъ въ состояніи украсить своего героя, и естественно,—украшенія, поэтичныя и чарующія въ *лѣто* жизни, становятся тошными и жалкими,—распространенныя на всѣ сезоны и на всего человѣка безраздѣльно.

Въ этой двойственности великій интересъ Байрона и байронизма. Насколько намъ извѣстно — она еще не нашла тщательнаго психологическаго истолкованія и, что еще важнѣе, совершенно не оцѣнена ея культурная сущность. А между тѣмъ только такимъ путемъ можно точно опредѣлить историческій смыслъ байронизма—въ его источникѣ и въ его вліяніяхъ.

II.

Рѣшеніе задачи зависитъ исключительно отъ точности и полноты психологіи Байрона. Принято думать, будто эта личность весьма несложна, рѣзко составлена изъ очень ограниченнаго количества нравственныхъ стихій. На бѣдность психологіи въ произве-

деніяхъ Байрона настойчиво указывалъ еще Пушкинъ. Онъ отрицалъ у Байрона вообще познаніе человѣческихъ характеровъ, кромѣ своего собственнаго, и все драматическое искусство Байрона заключалось въ надѣленіи своихъ героевъ каждаго порознь отдѣльными чертами своей личности.

Слѣдовательно, въ этой личности былъ богатый запасъ разныхъ добродѣтелей и пороковъ? Это ясно, но важенъ другой фактъ,—не положительныя и отрицательныя качества Байрона, а самый строй его личности.

Въ немъ жило будто *два* человѣка, различные не по свѣту и тѣнямъ, а по самой своей духовной сущности.

Одинъ—англійскій лордъ со всѣми исконными инстинктами и предразсудками, островитянинъ чистой крови,—другой—общественный déclassé, отверженецъ не только аристократическаго, но и всякаго такъ называемаго приличнаго общества своего отечества и вдобавокъ геніальный поэтъ. Собственно поэтическій талантъ здѣсь предметъ второстепенный, онъ только средство для выраженія чувствъ и идей, внушаемыхъ Байрону его оригинальнымъ личнымъ положеніемъ.

Любимѣйшіе герои сказокъ—принцъ-нищій, принцесса-служанка, потому что въ такомъ соединеніи контрастовъ представляется богатый интересъ психологическій и жизненный—даже для самаго простого воображенія. Предъ нами подлинная исторія—аристократа déclassé, лорда-богемы, послѣдственнаго законодателя Англіи въ положеніи естественнаго человѣка.

Несомнѣнно, уже это фактическое противорѣчіе могло возникнуть только изъ исключительныхъ внутреннихъ причинъ. Байронъ, родичъ шотландскихъ королей, въ своей благородной крови носилъ зачатки революціонной стихіи. И основный вопросъ байроновской психологіи сводится къ выясненію *органической* борьбы между непримиримыми инстинктами. Легко представить,—борьба въ такихъ случаяхъ не можетъ быть спокойной и послѣдовательной. Она неминуемо превратится въ рядъ страстныхъ взрывовъ, вызоветъ стремительные протесты неограниченнаго размаха и всякій разъ будетъ готова перейдти предѣлы не только существующихъ общественныхъ воззрѣній, выработанныхъ исторіей нравственности и законности, а даже границы разсудка и естественной морали.

Жизнь Байрона обильна доказательствами, но въ ней до сихъ поръ не мало темноты и пробѣловъ. Достаточно вспомнить вопросъ, поднятый Бичеръ-Стоу. Американская писательница въ свое время встрѣтила жесточайшія осужденія у почитателей таланта Байрона, но вопросъ все-таки остался нерѣшеннымъ, отношенія Байрона—къ его сводной сестрѣ не могутъ быть изображены съ подлинной исторической точностью, и врядъ ли на сторонѣ почитателей безусловная истина. Съ общей точки зрѣнія мы можемъ быть увѣрены, что Байронъ менѣе всего могъ раздѣлить добродѣтельныя соображенія своихъ защитниковъ.

Важнѣйшая эпоха въ жизни каждаго человѣка—дѣтство и первая молодость—въ біографіи Байрона представляется довольно ясно, но и здѣсь всякое новое свидѣтельство неоцѣненно. Именно дѣтство поэта любопытнѣйшая глава въ психологіи байронизма. Статья американскаго журнала, сообщая много старыхъ свѣдѣній, даетъ нѣсколько новыхъ документовъ очень краснорѣчиваго смысла.

Личности матери и отца Байрона достаточно извѣстны. Авторъ статьи удачно соединяетъ тѣ черты г-жи Байронъ, какія перешли въ природу сына. Черты—мелкія, но въ общемъ чрезвычайно яркія, особенно на фонѣ великихъ духовныхъ талантовъ будущаго лорда.

Мать поэта отличалась чрезвычайной вздорностью нрава, ей ничего не стоило впасть въ бѣшенство и обрушить свой гнѣвъ на перваго встрѣчнаго. Высшая ея гордость—происхожденіе, а потомъ физическая красота. Въ преклонномъ возрастѣ она еще находитъ возможнымъ тщеславиться своими руками, шеей, ушами, послѣ того какъ всѣ другія прелести исчезли. Она приводитъ въ отчаяніе художника, рисующаго ея портретъ: несчастный послѣ сорока сеансовъ никакъ не можетъ нарисовать локоть лэди въ требуемомъ освѣщеніи!

Г-жа Байронъ, помимо всѣхъ этихъ аристократическихъ и дамскихъ качествъ, страдала еще крайнимъ суевѣріемъ, вѣрила въ духовъ, въ пророчества и вѣчно подвергалась припадкамъ меланхоліи.

Сынъ довольно критически относился къ характеру матери, напримѣръ, гордость ея предками сравнивалъ съ гордостью Люцифера. Но критика не мѣшала Байрону быть истиннымъ сыномъ своей матери, не менѣе ея кокетничать своей красотой, не забывать о шотландскихъ корояхъ, не совсѣмъ быть свободнымъ отъ привидѣній и прорицаній.

Жизнь менѣе всего разсчитывала смягчить нравъ г-жи Байронъ и умирить ея душу. Напротивъ. Судьба будто нарочно старалась ожесточить свою жертву величайшимъ ударомъ, какой только мыслимъ для аристократической гордости и женскаго тщеславія—бѣдностью. Отецъ Байрона, также носившій въ своей крови дикія страсти, быстро расточилъ имѣніе жены и оставилъ ее и сына почти въ нищетѣ.

Лишенія лэди Байронъ переживала мужественно, они не могли не отражаться на ея отношеніяхъ къ людямъ и прежде всего къ сыну. Маленькому Джоржу пришлось участвовать не въ одномъ семейномъ трагическомъ представленіи. Въ сущности у него и не было дѣтства въ общепринятомъ смыслѣ. Онъ не трепеталъ подъ наплывомъ сладостныхъ мечтаній, какъ это бывало со многими поэтами, не грезилъ героическими подвигами во славу угнетеннаго и несчастнаго человѣчества, вообще надъ нимъ не рѣяли свѣтлые идеальные образы и его не манили романтическія туманныя перспективы... Ему впору было защищать себя отъ домашнихъ бурь и часто—личныхъ невзгодъ. Нѣтъ здѣсь рѣчи и о пробужденіи религіознаго чувства, столь свойственнаго «золотому дѣтству», нѣтъ вообще намека на какія-либо сердечныя, нѣжныя впечатлѣнія. Природа и жизнь воспитывали *страстность*, а не *гуманность*, порывъ, а не любовь. Кругомъ царилъ мракъ нужды и длящагося нервоза, и ни одинъ лучъ ровнаго умиротворяющаго свѣта не освѣщалъ этой тьмы. Только мимолетныя вспышки бурнаго огня свидѣтельствовали, какая мощь протеста таится въ еще дѣтскомъ организмѣ, какая неукротимая страсть къ свободѣ и личному достоинству живетъ въ сердцѣ маленькаго потомка шотландскихъ королей.

Эта страсть не исключаетъ извѣстнаго благоволѣнія къ лю-

дямъ менѣе блестящей фортуны. Высокородный аристократъ, загипнотизированный своимъ гербомъ, въ политикѣ можетъ исповѣдывать демократическіе принципы, можетъ даже съ жаромъ увлекаться вопросомъ объ участи «меньшаго брата»,—но это будетъ особый видъ благотворительности сверху внизъ, выполненіе долга патриція по отношенію къ пролетарію. Такой демократизмъ не исключаетъ глубокаго пренебреженія къ человѣческому достоинству благодѣтельствуемаго, и патриціи, благоволящій плебеямъ, можетъ, подобно эстетически-утонченному поэту, испытывать чувство мучительной брезгливости при всякомъ прикосновеніи къ рукѣ человѣка изъ толпы.

Мать Байрона являла изъ себя образецъ именно такого народолюбія.

Она открыто исповѣдовала демократическіе принципы, но презирала даже породу своего мужа, украшеннаго все-таки довольно блестящей генеалогіей и старыми геральдическими символами. Не чужда была г-жа Байронъ и литературнымъ интересамъ, пристально слѣдила за поэтическими успѣхами сына, собирала всѣ критическіе отзывы объ его произведеніяхъ, сама подвергала ихъ критикѣ...

Но все это отнюдь не свидѣтельствовало объ уваженіи собственно къ литературѣ и еще менѣе къ смыслу поэзіи Байрона, а просто—о пристрастіи къ популярности, къ славѣ быстро преуспѣвающаго молодого лорда. Даже аристократы, совершенно чуждые демократической политики, высоко цѣнятъ впечатлѣнія улицы, касающіяся ихъ особы; нисколько не снисходя къ каждому виновнику шума отдѣльно, самый шумъ считаютъ высшимъ для себя счастьемъ.

Такихъ именно настроеній держалась мать Байрона.

Всѣ эти черты мы должны твердо запомнить, если желаемъ составить точное представленіе о культурной атмосферѣ, воспитавшей будущаго благороднаго революціонера. Байронизмъ—явленіе органическое, стихійное,—отнюдь не идейное, не созданное теоретическими принципами и случайными увлеченіями. Рѣшающую роль во всемъ складѣ байроновской поэзіи играла кровь и природа, а не умъ и не духовное развитіе въ опредѣленномъ направленіи.

Мы знаемъ,—это поэзія страстно и безпощадно протестующая. Ея первые мотивы начинаютъ звучать въ дѣтствѣ. Байронъ, еще ребенокъ, энергически защищаетъ свою личную неприкосновенность и считаетъ единственно-обязательнымъ закономъ свою волю,—и по очень внушительному основанію.

Исторія байроновскаго дѣтства переполнена исторіями тождественнаго содержанія. Смыслъ ихъ лучше всего выразилъ самъ герой. Въ припадкахъ нервнаго возбужденія онъ часто кричалъ первому встрѣчному: «Не приближайтесь ко мнѣ,—я одержимъ бѣсомъ»! И онъ въ бѣшенствѣ принимался грызть ногти, не находя выхода своей ярости.

Онъ отлично сознавалъ эти приступы и нисколько не старался приводить въ порядокъ усиліями разсудка и воли свою возбужденную кровь. Онъ *имѣлъ право* на яростный гнѣвъ: въ стремительныхъ взрывахъ выражалась его рыцарственная отвага и превосходство надъ обыкновенными смертными.

Возьмемъ нѣсколько случаевъ не по выбору, а какъ примѣры.

Однажды Байрону, еще мальчику, пришлось встрѣтиться съ нѣкіимъ молодымъ лордомъ. Дѣло происходило послѣ завтрака. Лордъ въ прекрасномъ настроеніи духа взялъ за уши своего юнаго собесѣдника. Тотъ не взвидѣлъ свѣта, схватилъ первый предметъ, попавшійся ему подъ руку, и пустилъ имъ въ голову обидчика. Присутствующіе перепугались и принялись возстановлять миръ, убѣждать лорда, что Байронъ не хотѣлъ попасть въ него. Тщетныя усилія: оскорбленный настойчиво твердилъ, что нарочно мѣтилъ въ голову лорда: «Я хотѣлъ», кричалъ Байронъ, «научить глупца, какъ щипать за уши человѣка благороднаго происхожденія». Съ трудомъ миръ былъ заключенъ и враги подали другъ другу руки, при чемъ Байронъ съ чрезвычайной серьезностью разыгрывалъ роль воюющей стороны.

Молодой герой не щадилъ и знатныхъ дамъ, защищая свое аристократическое достоинство. Однажды лэди, хорошо знакомая съ матерью Байрона, сообщила ей шалость сына и совѣтовала наказать его. Мать послушалась совѣта, но лишь только наказаніе совершилось,—Байронъ подошелъ къ лэди—совѣтницѣ, ударилъ ее въ лицо и заявилъ: «Это за вмѣшательство. Изъ-за васъ меня не слѣдовало наказывать». Лэди, дѣйствительно, оставалось на будущее время осторожнѣе слѣдить за поведеніемъ страшнаго ребенка и руководить его матерью.

Наконецъ, третій эпизодъ, совершенно трагическаго характера.

Во время пребыванія въ школьномъ пансіонѣ, Байронъ поссорился изъ-за какихъ-то пустяковъ съ кухаркой. Месть была быстра и рѣшительна. Мальчикъ бросился въ комнату, гдѣ висѣло ружье, сорвалъ его, подбѣжалъ къ своей противницѣ, прицѣлился и выстрѣлилъ. Судьба спасла бѣдную женщину: выстрѣлъ только сорвалъ съ нея головной уборъ.

Легко представить,—воспитаніе и ученье шло крайне плохо съ подобнымъ школьникомъ. Предъ нами рядъ писемъ воспитателей, близкихъ знакомыхъ и самой матери,—всѣ они свидѣтельствуютъ о непобѣдимомъ упорствѣ и болѣзненной раздражительности Байрона. Никакая дисциплина, никакія ухищренія наставниковъ не дѣйствовали на его характеръ. Съ нимъ было прямо опасно имѣть воспитательскія отношенія. Онъ во всемъ могъ вообразить поруху своему самолюбію, обиду своей личности. Онъ съ дѣтства привыкъ къ мысли, что возможно рѣзкій протестъ и есть истинное и единственно-достойное проявленіе личной независимости.

Правда,—учителя иногда свидѣтельствуютъ о наклонностяхъ Байрона къ обществу и къ дружбѣ; но и здѣсь вопросъ рѣшался съ величайшими затрудненіями.

Байронъ гордился особенно товарищами знатной крови, точно зналъ генеалогію каждаго изъ нихъ и находилъ для себя большое удовлетвореніе въ томъ, что нѣкоторые изъ его пріятелей, по аристократичности рода, заслуживаютъ поэтическихъ воспѣваній.

Матери приходилось испытать безчисленное множество огорченій, мучиться въ безпрестанныхъ хлопотахъ подыскать своему сыну подходящую школу, угодливаго воспитателя, наконецъ, искуснаго доктора, не по научнымъ познаніямъ, а по умѣнью владѣть неукротимымъ нравомъ паціента.

Байронъ именно этому нраву обязанъ своимъ фатальнымъ физи-

ческимъ порокомъ, хромотой. Никакія убѣжденія докторовъ и матери не могли заставить его подвергнуться тщательному лѣченью. Онъ наотрѣзъ отказался носить спеціально сдѣланную для него обувь, не выполнялъ предписаній хирурговъ, хотя мать тратила на его лѣченье послѣднія деньги. Болѣзнь, по увѣренію врачей, легко могла быть вылѣчена,—Байронъ ничего знать не хотѣлъ, на всю жизнь остался хромымъ, что, какъ извѣстно явилось не послѣднимъ источникомъ мрачныхъ и ядовитыхъ настроеній его вѣчно возбужденной души.

Біографами Байрона принято обвинять его мать въ совершенно безразсудномъ обращеніи съ сыномъ. Она то страстно ласкала сына, то осыпала его бѣшеной бранью и побоями. Несомнѣнно,—многое здѣсь слѣдуетъ отнести на счетъ личнаго психопатизма г-жи Байронъ, но мы знаемъ,—и воспитателямъ-спеціалистамъ приходилось жутко отъ юнаго лорда. Матеріалъ, очевидно, былъ совершенно не подходящій для какихъ бы то ни было педагогическихъ воздѣйствій. Байронъ жилъ и поступалъ, какъ ему внушалъ его «бѣсъ», т. е. бурная кровь и горячее воображеніе. Шестнадцати лѣтъ они внушили ему пламенную любовь и мать оказалась вынужденной окончательно опустить руки.

Любовь вышла несчастной, и Байронъ со всею стремительностью смертельно оскорбленнаго самолюбія бросился въ угаръ страстей. Только литературная слава спасла его отъ окончательной гибели...

Геній творчества оказался ангеломъ хранителемъ Байрона,—что же поэтъ извлекъ изъ этого высшаго руководительства? Какими идеями ознаменовалъ онъ путь, созданный для него столь благородной силой человѣческаго духа?

III.

Байронъ являлся въ среду людей, ни единой чертой не похожій на большинство поэтовъ. Любимцы музы выступаютъ на свое поприще обыкновенно большими любителями человѣчества. Почти у каждаго поэта и художника непремѣнно можно найти періодъ романтическаго прекраснодушія и идеальной мечтательности.

Нечего подобнаго въ жизни Байрона.

Онъ ближе подошелъ къ жизни исключительно затѣмъ, чтобы потребовать отъ нея безпрекословнаго удовлетворенія своимъ желаніямъ,—личнымъ въ самомъ прямомъ смыслѣ, безъ всякой примѣси гуманизма и идеализма. Молодой лордъ будто завоеватель, воцарившійся надъ покоренной страной. Собственно никакихъ подвиговъ онъ не совершалъ, даже ни въ какихъ сраженіяхъ не участвовалъ, кромѣ извѣстныхъ намъ драматическихъ сценъ дѣтства, но онъ выдвинутъ на первый планъ предъ толпой своимъ рожденіемъ, своими личными дарованіями, и этого достаточно, чтобы будущій поэтъ повторилъ предъ нами роль шекспировскаго Коріолана.

По крайней мѣрѣ рѣчи Байрона нисколько не уступаютъ надменнымъ окрикамъ римскаго патриція, третирующаго плебеевъ неосмысленнымъ стадомъ.

Прежде всего гордый лордъ не желаетъ даже посѣщать общества: это было бы униженіемъ его достоинства — «снизойти къ

этому міру». Байронъ уже «презираетъ» его, хотя мы и не знаемъ, на основаніи какихъ опытовъ и житейскихъ столкновеній. И мы не должны представлять, будто это презрѣніе результатъ какихъ-либо выспренныхъ запросовъ, предъявленныхъ юнымъ героемъ «толпѣ» и не выполненныхъ ею. Нѣтъ. Просто инстинктъ физіологическаго аристократа, пока не идейнаго протестанта, а школьника, еще такъ недавно рыдавшаго отъ одного слова—«dominus», т. е. своего наслѣдственнаго титула.

Таковъ первоисточникъ.

Нетрудно, конечно, собрать сколько угодно оправдательныхъ мотивовъ презрительному чувству. Общество, конечно, не отличается оригинальной духовной жизнью; среди него высшій авторитетъ—мода; его мнѣніе часто основывается на предразсудкахъ и очевидныхъ нелѣпостяхъ. Байронъ все это приведетъ въ объясненіе своего отщепенства, но сдѣлаетъ это съ недосягаемой надменностью. Изъ его рѣчей видно, до какой степени онъ равнодушенъ къ другому порядку вещей во имя общечеловѣческихъ нравственныхъ принциповъ. Онъ презираетъ и величественно успокаивается на своемъ презрѣніи. Оно даже приноситъ ему извѣстнаго рода удовольствіе, такъ какъ окружающее ничтожество весьма выгодно оттѣняетъ его собственную крупную фигуру.

Если мы услышимъ блестящую сатиру, если голосъ поэта поднимется до высшаго паѳоса негодованія,—мы должны быть увѣрены,—его устами говоритъ, прежде всего, не мучительное чувство боли о человѣческой тьмѣ и слабости, а презрѣніе сильнѣйшаго и благороднѣйшаго къ немощному и заурядному. Могущественное вдохновеніе— байроновской личности—честолюбіе и самообожаніе. Внѣ этихъ побужденій у него нѣтъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, въ ранней молодости.

Люди обращаютъ его вниманіе, какъ очень удачная рамка его портрету,—знанія и мысли его занимаютъ только съ той минуты, когда воспитателямъ удается затронуть его тщеславіе и славолюбіе. Тогда на время пропадаютъ лѣнь и забіячество: Байронъ желаетъ быть первымъ,—по той самой причинѣ, по какой онъ впослѣдствіе будетъ мечтать о подвигахъ въ сенатѣ или въ лагерѣ; онъ «покажетъ себя достойнымъ своего происхожденія».

Мы должны оцѣнить психологическую и нравственную сущность этого явленія, иначе байронизмъ останется для насъ тайной или пребудетъ въ совершенно ложномъ *беллетристическомъ* освѣщеніи, какое усвоено ему въ популярномъ представленіи.

Предъ нами едва ли не единственный необыкновенно яркій фактъ протеста, получившаго начало и завершеніе на чисто-физіологической почвѣ, мы хотимъ сказать,—на почвѣ инстинктовъ, менѣе всего гуманитарныхъ и культурныхъ. И уже отъ самой природы протеста зависѣли его нравственныя и идейныя послѣдствія. Самъ протестантъ менѣе всего могъ имѣть въ виду тѣ идеалистическія толкованія, какія его *настроеніямъ* были навязаны его часто непозволительно наивными истолкователями.

Первое же увлеченіе общаго характера немедленно доказало, на какой основѣ зиждилось байроническое возмущеніе противъ толпы и моды.

Байронъ увлекается Наполеономъ, совершенно равнодушный къ внутренней и внѣшней политикѣ Бонапарта и, конечно, къ его

нравственной личности и его цѣлямъ. Наполеонъ для Байрона—воплощеніе аристократически-брезгливаго чувства къ сѣрому и жалкому человѣчеству. Видимая грандіозность фигуры, попирающей «стадо», гипнотизируетъ поэта,—а до разрушительныхъ предпріятій цезаря ему не было дѣла.

Именно этотъ вопросъ съ Наполеономъ особенно краснорѣчивъ для психологіи Байрона. Поэтъ, повидимому, нѣсколько разъ мѣнялъ свое вдохновеніе, то во славу, то въ порицаніе Бонапарта и перемѣны доказываютъ, съ какимъ глубокимъ безразличіемъ относился Байронъ къ *исторіи* Наполеона; его интересъ вызывался исключительно тѣмъ или другимъ драматическимъ положеніемъ личности.

Культъ поколебался во время перваго низверженія Наполеона, когда цезарь обнаружилъ поразительное малодушіе и позорную трусость и мелкій эгоизмъ. Байронъ разразился соотвѣтствующей одой. Но вскорѣ послѣдовали мытарства острова св. Елены,—и Байронъ сталъ на первомъ мѣстѣ среди воодушевленнѣйшихъ бонапартистовъ. Достаточно было бы одной этой оды къ острову, чтобы прекратить всякія соображенія объ общемъ культурномъ содержаніи байронизма, насколько онъ зависѣлъ отъ самого Байрона.

Мѣсто заключенія Наполеона воспѣвается какъ «священная» слава, какъ «алтарь» народовъ, звѣзда острова именуется «звѣздой свободы»...

Это—вдохновеніе, тождественное съ чувствами Гейне. Этотъ поэтъ, признававшій высшей своей религіей беззаботную красоту и чистую поэзію, говорилъ по поводу Наполеона: «Я благоговѣю, не предъ дѣйствіями, а предъ геніемъ этого человѣка... Я никогда не превозношу дѣлъ и хвалю лишь геній человѣка; дѣло — только его одежда, и исторія ничто иное, какъ старый гардеробъ человѣческаго генія».

Безупречно эстетическій взглядъ и на человѣка и на исторію! Гейне не устаетъ пояснять его разнообразными философскими разсужденіями. Одно изъ нихъ—особенно краснорѣчиво,—въ немъ замѣтна цѣльная истина аристократической гуманности и современнаго личнаго протеста, т:-е. основныхъ стихій байронизма.

Гейне пишетъ:

«Надо собственными глазами видѣть народъ во время дѣйствительной революціи, надо понюхать его собственнымъ носомъ, надо слышать его собственными ушами, чтобы понять, что хотѣлъ сказать Мирабо словами: «Нельзя сдѣлать революцію лавандовымъ масломъ». Пока мы читаемъ о революціи въ книгахъ, все выходитъ очень красиво, и съ нами повторяется та же исторія, что съ пейзажами, отлично вырѣзанными на мѣди и превосходно отпечатанными на дорогой веленевой бумагѣ Въ этомъ видѣ они чаруютъ вашъ взоръ, а посмотришь на нихъ въ натурѣ, то убѣдишься совсѣмъ въ противномъ: вырѣзанный на мѣди навозъ не воняетъ, а черезъ вырѣзанное на мѣди болото легко перейти глазами вбродъ».

И вы должны вспомнить, какъ прихотливый пѣвецъ всякихъ прекрасно звучащихъ вещей — въ родѣ гуманности, свободы, цивилизаціи, но крайне трудно осуществляемыхъ въ дѣйствительности съ ея навозомъ и болотами, какъ онъ сравнивалъ себя съ Берне. Онъ, плакавшій у ногъ Венеры Милосской и не выносившій табачнаго

дыма республиканскихъ собраній, тамбуръ-мажоръ, наряженный въ расшитый серебромъ мундиръ, съ высокимъ развѣвающимся плюмажемъ и съ тамбуръ-мажорскимъ жезломъ,—а кругомъ молодыя дѣвочки, бросающія на пестраго франта влюбленные взгляды, и самъ франтъ отвѣчаетъ имъ съ «нѣкоторымъ кокетствомъ». Бёрне—несчастный демократъ и донъ-кихотъ подлинной практической свободы—просто маленькій барабанщикъ, преисполненный зависти къ большому тамбуръ-мажору.

Вотъ этотъ тамбуръ-мажорскій портретъ во всѣхъ чертахъ, совпадаетъ съ байроновскимъ, когда англійскій поэтъ принимался громить косное и рабское человѣчество. Надо принять во вниманіе только одно отличіе Байрона отъ Гейне: англійскій лордъ никогда не доходилъ до умильныхъ сладкихъ рѣчей по адресу геніевъ,—въ Байронѣ жило слишкомъ попряженное чувство личнаго аристократическаго достоинства, и онъ не могъ ни при какихъ обстоятельствахъ ощутить желаніе повергнуться во прахъ предъ какимъ угодно Бонапартомъ. У Гейне не было этой прирожденной гордости: его аристократизмъ не поднимается выше дворянской, но все-таки служительской брезгливости, свойственной кліенту знатнаго патриція. Байронъ самъ одинъ изъ первыхъ патриціевъ,—и для него уличная толпа сливается съ салонной въ одноцвѣтную массу. Гейне моетъ руки только послѣ прикосновенія ремесленниковъ,—Байронъ готовъ продѣлать ту же операцію и послѣ привѣтствій перовъ и министровъ. Разница въ размахѣ и силѣ натуры,—но сущность одинакова. Оба проходятъ предъ влюбленными или негодующими взорами человѣчества какъ исключительныя, привилегированныя созданія высшихъ силъ.

Въ этомъ чисто инстинктивномъ ощущеніи заключена цѣлая философія, заранѣе даны правила личнаго и общественнаго поведенія. Учиться извнѣ нечему: ни исторія, ни опытная мораль не дадутъ никакихъ новыхъ указаній, а если бы и дали — ихъ не усвоитъ нашъ герой.

Байронъ совершенно послѣдовательно продолжаетъ ничего не дѣлать и въ университетѣ, какъ ничего не дѣлалъ въ ранней школѣ. Онъ предается занятіямъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующимъ вкусу его «демона», т.-е. кипучихъ естественныхъ силъ. Онъ до пота лица предается физическимъ упражненіямъ, до самозабвенія попойкамъ, не отступаетъ ни передъ какими головокружительными романическими приключеніями...

Но это не нѣмецкій буршъ, переживающій обязательный періодъ бури и натиска и потомъ съ такой же энергіей совершающій тернистый и прозаическій путь учености или другой отнюдь не романтической, дѣятельности. У Байрона нѣтъ никакихъ періодовъ. Онъ отъ начала до конца равенъ самому себѣ—и въ крупномъ и въ мелочахъ. И понятно почему.

Мѣняется только тотъ, кто извлекаетъ свои идеи и убѣжденія изъ внѣшняго опыта умственнаго или практическаго. Мысль Байрона, конечно, не находилась въ оцѣпенѣломъ состояніи,—но никакія вліянія извнѣ не могли видоизмѣнить первичную основу его психологіи и внести даже незначительныя поправки въ естественныя побужденія и вкусы.

Отсюда любопытнѣйшій фактъ. Байронъ — революціонеръ въ столкновеніи съ модой и свѣтскими «нелѣпостями»,—консерватив-

нѣйшій педантъ тамъ, гдѣ не заинтересовано ни его происхожденіе, ни личное достоинство. Въ школѣ и въ университѣ онъ, конечно, не выноситъ классицизма, но до конца остается послѣдователемъ литературной классической теоріи. Онъ пишетъ свои драмы, не спуская глазъ съ французской указки; онъ совершаетъ даже невѣроятное эстетическое преступленіе: унижаетъ Шекспира въ тонѣ французскихъ академиковъ, ставитъ его ниже жеманнаго піитическихъ дѣлъ мастера—Попа,—и это въ то время, когда вовсей Европѣ, не исключая и Франціи, Шекспиръ становится родоначальникомъ новой литературы!...

Удивительную войну Байрона съ Шекспиромъ многіе приписывали просто чувству зависти къ недосягаемому генію. Ничего нѣтъ невозможнаго и въ подобныхъ побужденіяхъ: Байронъ, конечно, не пощадилъ бы всякаго, кто сталъ бы на его пути къ всеослѣпляющему блеску. Но, несомнѣнно,—въ приговорахъ надъ Попомъ и Шекспиромъ имѣется большая доля простого непониманія предмета. Вѣдь слѣдовалъ же Байронъ вообще классической эстетикѣ, — ему ничто не препятствовало только на этомъ основаніи превознести Попа и развѣнчать Шекспира.

Въ результатѣ предъ нами постепенно выростаетъ оригинальный *естественный человѣкъ*, о какомъ и не мечталъ Руссо. Женевскому философу грезился идеальный обитатель первобытныхъ лѣсовъ,—идеальный именно потому, что онъ чуждъ эгоизма, предразсудковъ, тлетворнѣйшихъ нравственныхъ недуговъ культурнаго общества, начиная съ честолюбія и кончая любовной ревностью. Это—святое безразличіе и младенческое невѣдѣніе во всемъ, что касается страстей, искушеній, борьбы и блеска.

Байронъ чувствовалъ искреннее влеченіе къ Руссо, конечно, за его послѣдовательное отрицаніе цивилизаціи и общественныхъ пошлостей, но за свой счетъ совершенно преобразовалъ основную идею философіи Руссо.

Послѣдній ударъмолніи упалъ на возмущенную природу Байрона вскорѣ послѣ его брака. Самый бракъ доказалъ, какъ мало зналъ себя человѣкъ, «одержимый бѣсомъ», и какъ мало вдумывался въ свои дѣйствія. Байронъ ни одной минуты не думалъ, что его свобода окажется стѣсненной при новыхъ условіяхъ, что жена предъявитъ какія бы то ни было права на его время и личность. Лордъ не допускалъ и мысли, чтобы рядомъ съ его неуловимо-капризнымъ и деспотическимъ бѣсомъ существовала еще чья-то воля и чье-то человѣческое достоинство.

Во время сватовства онъ не прекращаетъ своихъ кутежей и поэтическихъ увлеченій, даже рѣшительное письмо къ дѣвицѣ пишетъ больше изъ духа противорѣчія невѣровавшимъ пріятелямъ, чѣмъ подъ вліяніемъ чувства.

Можно сколько угодно сѣтовать на чопорность и педантизмъ лэди Байронъ, на ея преувеличенную любовь къ семейному комфорту и порядку, но не надо забывать, что врядъ ли какая женщина, въ положеніи супруги великобританскаго лорда, согласилась бы играть роль случайной подруги невмѣняемаго артиста или однодневной хозяйки американскаго ирокезца. Байронъ къ спеціально-артистическимъ качествамъ присоединялъ свои собственныя еще болѣе утонченныя. Онъ, напримѣръ, не могъ видѣть, какъ женщина ѣстъ,—это казалось ему слишкомъ неэстетичнымъ

и вульгарнымъ:—лэди Байронъ принуждена была обѣдать въ одиночествѣ. Ей это, къ несчастью, не казалось пустяками,—а потомъ Байронъ во всемъ велъ себя соотвѣтственно, кончая попрежнему процвѣтавшими романическими приключеніями.

Естественно,—узы порвались, и Байронъ, наконецъ, окончательно расправилъ свои крылья. Разрывъ съ женой вовсе нельзя назвать несчастьемъ: поэтъ покинулъ отечество, но съ неистощимымъ запасомъ гнѣва и страсти противъ давно уже ненавистнаго ему общества. Но раньше ненависть была въ сильной степени безпредметнымъ волненіемъ буйнаго темперамента,—теперь она получила опредѣленное содержаніе и самыя раздражающія цѣли. И еще никогда ни одинъ Коріоланъ такъ не громилъ своего отечества, не признавшаго его пророкомъ!

IV.

Громы Байрона исполнены ослѣпительнаго блеска и потрясающей силы. Цѣль оказалась на рѣдкость благодарная. Сколько пошлости, рабскихъ инстинктовъ, личнаго и политическаго эгоизма и особенно нравственныхъ предразсудковъ накопили «островитяне» за свою вѣковую исторію! Только не слѣдуетъ забывать, какіе островитяне?

Байронъ—отверженецъ высшаго англійскаго общества, аристократъ, не признанный своими. Это общество и станетъ его мишенью. Но оно, конечно, вовсе не составляетъ всей Англіи, все равно, какъ нѣмецкіе филистеры и разные совѣтники, изощрявшіе остроуміе Гейне,—не воплощаютъ Германіи.

Нѣтъ ничего смертоноснѣе и ядовитѣе ударовъ, какими Байронъ осыпаетъ отечественную лицемѣрную нравственность, выставляетъ на позоръ пресловутый «кентъ» и національное самообожаніе новыхъ карѳагенянъ. Но это не характеристика Англіи и только отдаленный намекъ на ея исторію и даже на ея бытъ.

Какъ бы ни были увлекательны и искренни стихи Чайльдъ-Гарольда, читатель не можетъ забыть, что Англія, какъ отечество Мильтона, Локка, Говарда, Вильберфорса, гораздо болѣе способствовала общечеловѣческому движенію по пути справедливости и свободы, чѣмъ Англія, родина Байрона.

Та Англія проповѣдывала освободительныя идеалы и разрушала старое, какъ разъ во имя «стада» и «толпы»; цѣль ея лежала далеко за предѣлами не только славы и самоудовлетворенія отдѣльныхъ проповѣдниковъ, но и за предѣлами ея острова; проникала въ темные закоулки материковой тьмы и вызывала къ жизни дѣятельную неограниченно-просвѣтительную мысль.

Байронъ заявлялъ себя горячимъ поклонникомъ французской революціи, но въ эту революцію не было произнесено ни одного плодотворнаго слова, какое не прозвучало бы гораздо раньше у островитянъ,—и даже не воплотилось бы въ дѣйствительность. И потому «островитяне», ожесточенно враждуя съ Наполеономъ, оказались несравненно послѣдовательнѣе своего поэта, сливавшаго любовь къ революціи съ одами ея незаконнорожденному чудовищному дѣтищу. Эту истину понималъ даже Гейне.

Онъ изумлялся, какъ государи континента могли такъ жестоко

покарать Банапарта. Это, по выраженію Гейне, «колоссальное недоразумѣніе», потому что Бонапартъ былъ непримиримымъ аристократическимъ врагомъ гражданскаго равенства.

Очевидно,—Байронъ также попадалъ въ недоразумѣніе, только другого оттѣнка. Для него, въ глубинѣ души, Наполеонъ былъ въ высшей степени симпатиченъ, именно какъ врагъ равенства, а революція привлекала его размахомъ разрушительной силы. Попробуйте изъ этихъ сочувствій составить опредѣленный символъ политической вѣры!

Логически вы придете къ выводу, менѣе всего культурному и не имѣющему ничего общаго съ задачами новаго времени.

Чайльдъ-Гарольдъ, Манфредъ, Каинъ снабдятъ васъ монологами такой силы и такой непреодолимой стремительности, что предъ ними самыя бурныя рѣчи ораторовъ національнаго собранія или конвента покажутся блѣдными незрѣлыми копіями геніальныхъ образцовъ. Только рѣчи мильтоновскаго Сатаны затмѣваютъ краснорѣчіе байроновскихъ героевъ,—но за то оно превосходитъ громы Люцифера лиризмомъ, часто трогательностью глубокаго чувства; недостатокъ нравственной мощи выкупается поэтичностью и красотой.

Но во имя чего звучатъ эти монологи? Зачѣмъ вызывается предъ нами неизмѣнно одинъ и тотъ же образъ, исполненный непримиримаго гнѣва противъ существующей дѣйствительности?

Общая черта всѣхъ байроновскихъ героевъ—роковое отщепенство отъ общества. Всѣ они—корсары, т. е. люди, сами по себѣ составляющіе государство и несущіе смерть и разрушеніе своимъ естественнымъ врагамъ. Они съ чрезвычайной энергіей преслѣдуютъ свои цѣли; сердца ихъ доступны только любви къ женщинамъ, и то какъ къ существамъ несовершеннолѣтнимъ—все остальное человѣчество презрѣнный прахъ.

Почему,—это еще подробно объяснилъ Руссо и достаточно извѣстно всякому, кто способенъ отличать понятія личной свободы и внѣшняго авторитета, все равно изъ чего бы онъ ни слагался—изъ преданій, вѣрованій, законовъ или злоупотребленій естественными отношеніями. Здѣсь Байронъ не новъ, и тотъ же Мильтонъ успѣлъ предвосхитить рѣшительно всѣ демоническіе перуны. Любопытнѣе другой вопросъ.

Положимъ, демону удастся смести съ лица земли своихъ враговъ, идея личности восторжествуетъ надъ стадными чувствами. Что же эта личность будетъ дѣлать на расчищенной сценѣ? Какими путями она осчастливитъ человѣчество, жадно ожидающее отъ нея новыхъ откровеній?

Революціи и позднѣйшей эпохѣ пришлось рѣшать эту задачу, и исторія показала, сколько трудностей встрѣтилось искреннѣйшимъ и даровитѣйшимъ людямъ на этомъ созидательномъ пути. Байрону пришлось жить какъ разъ въ самый разгаръ созиданія. Не много требовалось вдумчивости, чтобы обозрѣть бездну паденій, обманутыхъ надеждъ, рушившихся плановъ и чтобы почувствовать невольное желаніе—принять участіе въ этихъ мученическихъ поискахъ новаго свѣта и новаго міра.

У Байрона оно не явилось.

Вы тщетно во всей его поэзіи будете искать какого бы то ни было положительнаго отвѣта на тоску времени. Отвѣты кругомъ

давались самые разнообразные: человѣчество, по самой своей природѣ, не можетъ жить сплошнымъ и неустаннымъ отрицаніемъ. Оно не только вмѣстѣ съ Декартомъ повторяетъ: *cogito, ergo sum, мыслю, слѣдовательно, существую,*—но независимо отъ какой бы ни было философіи, безпрестанно осуществляетъ другую истину *credo, quia sum, вѣрю, потому что существую,*—и вѣками создаетъ эту вѣру—въ религіи, въ наукѣ, въ философскихъ ученіяхъ.

Такъ и въ началѣ XIX-го вѣка. Трудно и пересчитать, сколько попытокъ создать новую вѣру прошло надъ поколѣніями пореволюціонной эпохи, начиная съ мистицизма и кончая позитивизмомъ! И всѣ они стремились заключить въ себѣ нравственность, политику, религію, построить всеобъемлющее и всеумиротворяющее зданіе принциповъ и практическихъ цѣлей.

Байронъ остался совершенно чуждъ этой работѣ.

Онъ упивался героическимъ разрушеніемъ все тѣхъ же темныхъ силъ, съ какими боролась революція; онъ восторгался протестующимъ одиночествомъ Руссо, не замѣчая, что мимоидущее время жило другими вдохновеніями, вызывало къ жизни другіе идеалы и среди нихъ не было почетнаго мѣста отрѣшеннымъ мизантропамъ и самодовольнымъ геніямъ какого бы то ни было высшаго демоническаго полета.

На сцену выступала новая историческая сила будущаго, какъ разъ толпа и стадо. Оно не менѣе Чайльдъ-Гарольдовъ и Каиновъ страдало отъ вѣковыхъ авторитетовъ, отъ коснаго самоволія сильныхъ,—и демоническимъ протестантамъ слѣдовало бы постигнуть эту нравственную солидарность своего призванія и своего гнѣва съ естественными стремленіями до сихъ поръ темнаго человѣчества. Иначе, происходило трагическое смѣшеніе предметовъ и понятій.

Чайльдъ-Гарольдъ, громя «міръ» въ сущности шелъ противъ такъ называемаго «свѣта»: вѣдь только въ этомъ окошкѣ онъ и видѣлъ то, что онъ на выспреннемъ языкѣ поэзіи называлъ «міромъ».

Въ дѣйствительности это былъ только незначительный отбросокъ настоящаго міра, одна глава великой поэмы,—и притомъ написанная на своеобразномъ языкѣ и отнюдь не мірового содержанія.

Настоящій міръ начинался какъ разъ за предѣлами этого поэтическаго міра,—и разглядѣть это обстоятельство, именно послѣ Руссо и революціи, не представляло никакого труда.

Для героевъ Байрона задача оказалась не только невыполнимой, но даже несуществующей.

Всѣ они знаютъ только два выхода,—или жить въ мірѣ, т. е. въ свѣтѣ, или томиться въ одиночествѣ.

Про Чайльдъ-Гарольда говорится:

Съ міромъ сблизиться не могъ...
Въ своихъ движеньяхъ благородный,
Умъ независимый, свободный
Всѣмъ подчиняться не умѣлъ.
Надменный, лучше онъ хотѣлъ

Нести свой жребій одинокій,
Безмолвно жить въ себѣ самомъ,
Чѣмъ предъ людьми полвти рабомъ,
Какъ всѣ они во тьмѣ глубокой,
Имъ покоряться, уступать
И общимъ воздухомъ дышать.

Другой герой даже и не пытался сближаться съ міромъ и дышать съ людьми однимъ воздухомъ. Манфредъ говоритъ о себѣ:

Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходился,
Ихъ взглядъ мнѣ былъ чужой,—

и у него не было ни общихъ стремленій, ни даже взаимныхъ сочувствій въ «мірѣ».

Мы опять знаемъ, о какомъ мірѣ повѣствуетъ графъ Манфредъ: это міръ, неподражаемо осмѣянный еще Мольеромъ. Естественно, всякій сколько-нибудь независимо-умный, искренне-чувствующій человѣкъ не могъ приспособиться къ подобной кунсткамерѣ.

Посылка правильная, но выводъ совершенно нелогическій.

То, что «свѣтъ» переполненъ глупцами и пошляками,—вовсе не уполномачиваетъ Чайльдъ-Гарольда предаваться меланхолическимъ скитальчествамъ, а Манфреда опаснымъ путешествіямъ по заоблачнымъ горнымъ вершинамъ и по сердитымъ потокамъ. Жизнь не клиномъ сошлась на будуарѣ Селимены и на конюшнѣ любого изъ ея кавалеровъ. Для нашихъ благородныхъ героевъ этого простого соображенія не существуетъ и они, будто героиня старинной комедіи, кричатъ: «всѣ мужчины обманщики», потому что ее обманываетъ ея мужъ.

Итакъ дилемма—или великосвѣтскій салонъ, или одиночество, конечно, болѣе или менѣе интригующее: среди античныхъ развалинъ или на лонѣ экзотической природы. Что касается занятій помимо меланхоліи и проклятій «міру»,—кругъ ихъ остается крайне ограниченнымъ. Манфредъ пускается въ магію и вызываетъ духовъ.

Зачѣмъ?

Вотъ здѣсь-то и начинается другой мотивъ байронической поэзіи, вполнѣ послѣдовательно дополняющій поэзію одиночества и презрѣнія къ міру,—мотивъ донжуанизма.

Женщина вѣдь нѣчто постороннее міру, потому что она не вполнѣ человѣкъ. Одна изъ отличительныхъ чертъ демоническаго міросозерцанія—взглядъ на женщину, исключительно какъ на своего рода освѣжающій и опьяняющій напитокъ среди демоническихъ страданій. И Манфредъ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо связей съ «міромъ», все-таки зналъ «одно созданіе», любилъ его *безумно*, хотя и погубилъ, какъ надлежитъ неограниченно-разрушительному духу. Теперь онъ вожделѣетъ имѣть свиданіе съ своей жертвой при помощи «тайной науки».

У его собратьевъ также «созданіе» играетъ первенствующую роль: ни у одного изъ нихъ несходство съ людьми не доходило до потери чрезвычайно энергичныхъ физіологическихъ инстинктовъ. Если строго логически понимать исповѣдь Манфреда, то лишь

эти инстинкты и привязывали его къ человѣчеству въ лицѣ женщины.

Очевидно, нашъ демонъ съ самыми подлинными задатками донжуанской натуры, и поэту не стоило никакихъ усилій пѣсни презрѣнія по адресу міра перемѣнить на пѣсни восторга по адресу одного или нѣсколькихъ созданій. Донжуанская струя жила въ самой сущности байронизма, предполагалась его нравственнымъ содержаніемъ и практическимъ смысломъ его протестующей стихіи.

Одиночество терпимо только для исключительныхъ подвижниковъ,—тогда оно называется аскетизмомъ. Но что же общаго Чайльдъ Гарольдъ или другой такой же герой могли имѣть съ подвижничествомъ, съ умерщвленіемъ плоти, съ самоотреченіемъ? Даже странно и ставить подобный вопросъ.

Разъ такъ легко отвергнуть «міръ»,—«личности» остается полное раздолье,—не въ подвигахъ: они безцѣльны, а въ наслажденіяхъ. Другого выхода нѣтъ. Человѣкъ самъ себѣ пресѣкъ всѣ пути: со «свѣтомъ» онъ жить общей жизнью дѣйствительно не можетъ, а внѣ «свѣта» для него нѣтъ человѣчества. Въ результатѣ,—или разгулы страстей или безысходное томленіе души.

Байронъ выпилъ эту чашу до дна. Его жизнь — бестящая иллюстрація къ положительнымъ выводамъ чистаго байронизма. Поэтъ начиналъ чахнуть заживо и упадокъ энергіи немедленно отразился на творчествѣ. Замѣчательно, что только два современника поняли этотъ фактъ—Пушкинъ и Гёте.

Пушкинъ, въ отвѣтъ на сожалѣнія своего пріятеля о смерти Байрона, написалъ слѣдующія слова, поразительныя по художественной и психологической проницательности:

«Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи... Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью... Постепенности въ немъ не было. Онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ, пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились».

Самъ Байронъ чувствовалъ пониженіе своей духовной жизнедѣятельности. Онъ восторженно привѣтствовалъ греческое возстаніе и ухватился за него, какъ за единственное спасеніе—въ смутной истомѣ, овладѣвшей его духомъ.

Отсюда призывъ поэта къ своей душѣ:

Возстань!—не Грецiя—она уже возстала,—
Но ты, душа моя, очнися и возстань!
И, вспомнивъ доблесть тѣхъ, въ комъ кровь моя играла
Зажгись въ груди моей на брань!....
Земля, гдѣ можетъ смерть быть славной, предъ тобой!
Впередъ! и покажи, что ты еще сумѣешь
Погибнуть въ битвѣ, какъ герой!..

И Байронъ погибъ дѣйствительно героической смертью... Онъ любилъ указывать, что иниціалы его имени и наполеоновскаго одни тѣ же — Ноэль Байронъ, Наполеонъ Бонапартъ: это была одна изъ иллюзій аристократическаго героизма. Фактъ смерти оказался несравненно почетнѣе для человѣческой славы поэта, чѣмъ призраки его жизни.

Но все таки смерть явилась спасеніемъ въ *36* лѣтъ... Дальше жить было нечѣмъ: вдохновеніе изсякало, геній тускнѣлъ—и лира

начинала издавать невѣрные и слабые звуки. На ней была одна звучная и могучая струна,—призывъ къ возстанію личности, струна отрицанія и борьбы, стремительнаго мужественнаго разрушенія.

И какъ властно и обаятельно звучала она, пока огонь борьбы горѣлъ, пока не были исчерпаны мотивы презрѣнія и уничтоженія. Эти звуки остались безсмертными, потому что могутъ мѣняться предметы гнѣва и страсти,—тьма и рабство неистощимы въ своихъ формахъ,—но никогда не исчезнетъ нравственная потребность человѣческой природы въ свѣтѣ и въ свободѣ. А до тѣхъ поръ не утратитъ вдохновляющей силы и гордая воинственная муза Байрона...

Это—несомнѣнно. Но мы не должны изъ-за блеска и грома протеста и отрицанія забывать *положительную* безцѣльность и *созидательное* безсиліе байронизма, не должны проглядѣть и ограниченность нравственнаго культурнаго *содержанія* байроническаго протеста. Призывъ къ борьбѣ—великолѣпенъ, какъ общій боевой кличъ, но тотъ, кто издалъ его,—не зналъ куда вести своихъ друзей и слишкомъ переоцѣнилъ своихъ враговъ.

Байронъ навсегда останется поэтическимъ представителемъ самоувѣренной молодой жажды освобожденія отъ несправедливыхъ стѣсненій и незаконныхъ авторитетовъ,—но отъ стѣсненій *свѣта* и авторитета *моды*. Даже, какъ предметъ протеста, это слишкомъ временная и ничтожная цѣль, хотя для лорда и аристократа она представляла немало и опасностей и испытаній. Байронъ поучителенъ, какъ революціонеръ, созданный изъ плоти и крови аристократа, какъ демократъ среди перовъ, какъ лордъ защитникъ рабочихъ и католиковъ. Но онъ покинулъ хлопотливое поприще демократическаго политика, послѣ кратковременнаго опыта въ парламентѣ не нашелъ удовлетворенія своему демону необъятнаго личнаго честолюбія,—и этимъ фактомъ еще ярче подчеркнулъ аристократическую и себялюбивую основу своего возстанія. Не такого закала людямъ суждено быть вождями человѣчества къ положительной свободѣ новаго времени.

Ив. Ивановъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*To be read at Dusk*» *and othes Stories, Sketches and Essays by Charles Dickens. Now first Collected* (*Redway*). (*Для чтенія въ сумерки*). Эти очерки и разсказы Чарльза Диккенса, только теперь собранные и изданные, не вошли въ собраніе его сочиненій, но, несомнѣнно, представляютъ не только непосредственный, но и біографическій интересъ, такъ какъ начинаются съ 1837 года, когда Диккенсъ былъ еще скромнымъ писателемъ, извѣстнымъ подъ псевдонимомъ «Boz», и доходятъ почти до послѣдняго періода жизни знаменитаго писателя. Въ этой книгѣ собрано 46 статей, разсѣянныхъ по разнымъ журналамъ, и нѣсколько повѣстей, написанныхъ Диккенсомъ въ разное время. Прелестный маленькій разсказъ, помѣщенный въ началѣ сборника, даетъ названіе всему сборнику. Очень интересны также двѣ статьи Диккенса о народныхъ развлеченіяхъ, изъ которыхъ можно получить понятіе о томъ, что представляли народныя зрѣлища въ тотъ отдаленный періодъ, когда Диккенсъ писалъ свои произведенія. (Daily News).

«*Many Memories of Many People*». *By M. C. M. Simpson* (*Edward Arnold*). (*Много воспоминаній о многихъ людяхъ*). Авторъ этихъ воспоминаній — дочь экономиста и писателя, Уильяма Нассау Сеніора, въ свое время пользовавшагося извѣстностью въ Англіи. Воспоминанія обнимаютъ почти полувѣковой періодъ, въ теченіе котораго автору пришлось вращаться въ лучшемъ обществѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. жить среди людей, имена которыхъ прогремѣли по всему міру. Джемсъ Милль и его еще болѣе знаменитый сынъ Джонъ были близкими друзьями отца мистриссъ Симпсонъ, и она съ гордостью вспоминаетъ о томъ, что она танцовала кадриль съ Джономъ. Въ домѣ ея отца бывалъ также Теккерей съ дочерью, о которомъ она разсказываетъ не мало забавныхъ анекдотовъ, Карлейли, мужъ и жена, Сидней Смитъ и мн. другіе. Мистриссъ Симпсонъ знала также и многихъ политическихъ дѣятелей,— лорда Эбердина и мистера Брайта. Разговоры съ этимъ послѣднимъ занимаютъ видное мѣсто въ ея книгѣ. Вообще воспоминанія интересны какъ потому, что они живо написаны, такъ и вслѣдствіе того, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается англійская жизнь за полувѣковой періодъ времени и передъ читателемъ проходитъ рядъ картинъ, обрисовывающихъ эту жизнь и образы различныхъ людей, занимавшихъ болѣе или менѣе выдающееся мѣсто въ англійскомъ обществѣ, литературѣ и политикѣ. (Daily News).

«*L'Anarchie dans l'art*» *par M. Bridgman.* (*Анархія въ искусствѣ*). Авторъ этой книги, американскій художникъ, посвящаетъ ее изслѣдованію импрессіонистской школы и указываетъ на опасности, которыя представляетъ увлеченіе импрессіонизмомъ въ живописи.

(Indépendance Belge).

«*Moines et ascètes indiens*» *par M. de la Mazelière* (*Plon*). (*Индусскіе монахи и аскеты*). Авторъ рисуетъ картину индійской жизни, нравовъ и вѣрованій Индіи въ эпоху, наиболѣе интересную, ея религіозной исторіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ авторъ послѣдовательно посѣтилъ всѣ главные буддійскіе монастыри Индіи, Индокитая, Цейлона, Китая и Японіи. Въ пещерахъ Аянты авторъ нашелъ памятники, предшествующіе христіанской эрѣ. Фрески, украшающіе стѣны этихъ пещеръ, изображаютъ буддійскія легенды и исторію буддизма. Книга иллюстрирована и написана живо и увлекательно, тѣмъ болѣе, что и предметъ, избранный авторомъ для своего изученія, и его описанія буддійскихъ монастырей, несомнѣнно, представляютъ животрепещущій интересъ, особенно въ виду нѣкоторыхъ современныхъ стремленій, обнаруживающихся, напримѣръ, во Франціи, пересадить буддизмъ на европейскую почву.

(Indépendance Belge).

«*Les prisons de Paris*» *par M. G. Bonneron* (*Didot*). (*Парижскія тюрьмы*). Авторъ подробно описываетъ французскую пенитенціарную систему, указываетъ различія, существующія между тюремными режимами,

регламентацію тюремнаго труда, гигіенія ческія мѣропріятія, систему преподаванія, введенную въ тюрьмахъ, и т. д. Читатель подробно знакомится, такимъ образомъ, со всѣми парижскими тюрьмами: Dépôt, Mazas, Conciergerie, Sainte Pélagie, Santé, Saint Lazare и обѣ тюрьмы Roquettes. Очень интересную главу книги представляетъ та, которая посвящена тюремному жаргону и литературѣ. Книга иллюстрирована. (Indépendance Belge).

«*La Crête ancienne et moderne*» *par Charles Laroche* (*May*). (*Древній и современный Критъ*). Авторъ изучаетъ исторію Крита и ищетъ въ условіяхъ этой исторіи объясненій характера критскаго народа. Между прочимъ, именно эта исторія критскаго народа заставляетъ его сильно сомнѣваться въ томъ, что автономія, проектируемая европейскими державами, можетъ разрѣшить критскій вопросъ.

(Daily News).

«*Progress in Women's Education in the British Empire*» (*Longmans*) *edited by the Countess of Warwick*. (*Прогрессъ женскаго воспитанія въ Британской имперіи*). Въ этой книгѣ заключается рядъ статей, написанныхъ различными авторами и иллюстрирующихъ успѣхи, достигнутые женскимъ воспитаніемъ въ періодъ царствованія королевы Викторіи, такъ что можно прослѣдить постепенную эволюцію воспитанія женщинъ, начиная отъ того дня, когда въ школахъ для дѣвочекъ господствовала самая страшная рутина и инквизиторскіе методы преподаванія, до настоящей эпохи, когда женщина можетъ добиваться ученыхъ степеней наравнѣ съ мужчиной во всѣхъ университетахъ, за исключеніемъ Оксфорда и Кэмбриджа. Очень интересны статьи, въ которыхъ говорится о различныхъ профессіяхъ, открытыхъ для женщинъ въ настоящее время, напримѣръ, о медицинскомъ образованіи женщинъ въ Англіи и Индіи, о занятіяхъ женщинъ сельскимъ хозяйствомъ и огородничествомъ и т. п. Въ книгѣ также есть статьи, посвященныя положенію и воспитанію женщинъ въ Индіи и въ колоніяхъ, а также университетскому движенію и участію въ нихъ женщинъ.

(Daily News).

«*Life of Francis Place 1771—1854. By Graham Wallas* (*Longmans*). (*Жизнь Френсиса Плэса*). Имя Френсиса Плэса, портного и философа-радикала, часто встрѣчается въ политическихъ мемуарахъ первой половины нашего вѣка, но въ первый разъ еще появляется полная біографія этого замѣчательнаго человѣка, игравшаго такую видную роль въ общественной жизни своего времени. Плэсъ былъ сыномъ бѣдняка и подмастерьемъ портного. Онъ самъ образовалъ себя и въ свободное время занимался изученіемъ математики, исторіи, законовъ и политической экономіи. Благодаря энергіи, уму и выдающемуся образованію, Плэсу удалось выбиться на дорогу. Онъ отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы имѣть возможность выйти изъ подневольнаго положенія, и когда онъ сдѣлался хозяиномъ портняжной мастерской въ центрѣ Лондона, въ Чарингъ-Кросѣ, то лавка его сдѣлалась центромъ политическаго движенія. Плэсъ скоро пріобрѣлъ огромную популярность и вліяніе среди членовъ радикальной партіи и при этомъ пользовался безукоризненною репутаціей. Онъ не былъ ораторомъ, но его знанія, проницательный умъ и богатая библіотека всегда были къ услугамъ тѣхъ, кто приходилъ къ нему за совѣтомъ. Вообще, Плэсъ самъ по себѣ настолько выдающаяся и незаурядная личность, что біографія его не можетъ не представить интереса, тѣмъ болѣе, что въ ней изображается и соціальная, и политическая жизнь его времени.

(Daily News).

«*Principles of Political Economy*». *By J. Shield Nicholson, Professor of Political Economy in the University of Edinburgh.* (*Принципы политической экономіи*). Въ этомъ новомъ трудѣ по политической экономіи авторъ, профессоръ Эдинбургскаго университета, преимущественно говоритъ о денежномъ или вексельномъ курсѣ, о рынкахъ, спросѣ и предложеніи, о цѣнахъ, о банкахъ, денежной валютѣ, иностранной торговлѣ и т. д. Въ монетномъ вопросѣ авторъ становится на сторону биметаллизма.

(Daily News).

«*Wild Life in Southern Seas*» *by Louis Becke* (*Fisher Unwin*). (*Жизнь въ южныхъ моряхъ*). Автора можно сравнить съ художникомъ, рисующимъ жизнь въ Тихомъ океанѣ, такъ живописны его описанія тихихъ лагунъ, коралловыхъ рифовъ и т. п. Но, кромѣ этихъ картинъ, навѣвающихъ миръ и покой, есть и другія, изображающія жизнь и борьбу, которую ведутъ въ океанѣ различныя животныя между собою, напримѣръ: борьбу касатокъ съ китомъ и гибель этого послѣдняго. Въ главѣ «Левіаѳанъ» описывается охота за кашалотомъ и борьба его съ человѣкомъ. Очень интересно также описаніе жизни въ Самоа до водворенія тамъ европейцевъ.

(Daily News).

«*Dictionnaire Manuel illustré des ecrivains et des litteratures*» *par Ch. Gidel et F. Lolliée.* (*Ручной словарь писателей и литературъ*). Безъ всякаго педантизма, въ простыхъ замѣткахъ и чаще всего портретахъ, авторы знакомятъ читателей съ европейскими литературами и писателями, сообщая о нихъ всѣ нужныя и главныя свѣдѣнія. На составленіе этого словаря потрачено десять лѣтъ труда и изслѣдованій, и авторы думали достигнуть того, что, несмотря на необычайную сжатость и краткость своихъ замѣтокъ, имъ, все-таки, удастся въ нѣсколькихъ строкахъ дать понятіе о личности того или другого писа-

теля, его трудахъ и томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ своей литературѣ.

(Revue de Paris).

«*Introduction aux études historique*» *par Ch. Langlois et Ch. Seignobos.* (*Введеніе къ изученію исторіи*). Книга эта можетъ служить превосходнымъ путеводителемъ для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ посвятить себя изученію исторіи. Но и для обыкновенныхъ читателей, въ особенности, если они сколько-нибудь интересуются историческою наукой, книга эта не лишена значенія и представитъ занимательное чтеніе даже помимо пользы, которую она можетъ принести, какъ подспорье для ознакомленія съ историческими методами.

(Revue de Paris).

«*The Evolution of the idea of God*» *by Grant Allen.* (*Эволюція идеи божества*). Произведенія Грентъ Аллена имѣютъ преимущество всегда возбуждать самую ожесточенную полемику, но въ то же время авторъ привлекаетъ читателей своею оригинальностью, силою своего стиля, своими блестящими парадоксами и даже непримиримою рѣзкостью своихъ убѣжденій. Безъ сомнѣнія, и эта книга не избѣгнетъ общей участи, одни будутъ ее страстно хвалить, другіе столь же страстно осуждать. Въ общемъ, однако, книга эта резюмируетъ только выводы, вытекающіе изъ теорій эволюціи религій Герберта Спенсера.

(Revue des Revues).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, очень занята, — сказала она сухо, — но синьора Грассини преувеличила значеніе моихъ занятій. Они, большею частью, пустяшнаго свойства.

— Ну да, хорошо было бы, если бы мы *всѣ* проводили время въ томъ, чтобы плакаться надъ судьбой Италіи. Мнѣ кажется, что сосѣдство нашего сегодняшняго амфитріона и его жены каждаго настроило бы на веселый ладъ, хотя бы изъ чувства самозащиты. Ну да, я знаю, что вы скажете, и вы совершенно правы. Но оба они забавны со своимъ патріотизмомъ. А вы уже уходите отсюда? Здѣсь такъ пріятно.

— Да, нужно вернуться въ гостиную. Гдѣ мой шарфъ?

Онъ поднялъ его и стоялъ теперь, глядя на нее широкими глазами, голубыми и невинными, какъ незабудки у ручья.

— Я знаю, что вы разсердились на меня,—сказалъ онъ съ раскаяніемъ въ голосѣ:—за насмѣшки надъ этой размалеванной восковой куклой, но что же мнѣ было дѣлать?

— Если уже вы спрашиваете меня, то я говорю вамъ, что считаю не великодушнымъ и даже позорнымъ смѣяться такимъ образомъ надъ людьми, стоящими ниже въ умственномъ отношеніи. Это все равно, что смѣяться надъ калѣкой или...

Онъ вдругъ затаилъ дыханіе и съ болью въ лицѣ отшатнулся, глядя на свою хромую ногу и изуродованную руку. Черезъ минуту онъ оправился и расхохотался.

— Это едва ли хорошее сравненіе, синьора. Мы, калѣки, не суемъ своего уродства людямъ прямо въ лицо, какъ она свою глупость. Во всякомъ случаѣ, позвольте намъ признать, что ломаныя рѣчи такъ же непріятны, какъ кривыя спины. Тутъ ступенька—позвольте вамъ предложить руку.

Она вернулась въ комнаты въ сильномъ смущеніи. Его неожиданная чуткость совершенно привела ее въ замѣшательство.

Какъ только открылась дверь въ большую гостиную, Гемма тотчасъ же замѣтила, что въ ея отсутствіи случилось нѣчто необыкновенное. Большинство мужчинъ имѣли сердитый видъ; дамы съ разгорѣвшимися щеками и напускнымъ спокойствіемъ собрались всѣ вмѣстѣ въ одномъ углу комнаты. Хозяинъ, съ еле сдерживаемымъ явнымъ бѣшенствомъ возился съ очками и молчалъ. Группа туристовъ стояла отдѣльно, глядя съ оживленіемъ и любопытствомъ въ другую сторону комнаты. Очевидно, тамъ что-то происходило, что ихъ забавляло, но большинству гостей казалось оскорбленіемъ. Только синьора Грассини какъ бы не замѣчала ничего. Она кокетливо обмахивалась вѣеромъ и болтала съ секретаремъ датскаго посланника, который слушалъ ее съ широкой улыбкой на лицѣ.

Гемма остановилась на минуту въ дверяхъ, обернувшись, чтобы посмотрѣть на Овода, который тоже замѣтилъ разстроенный видъ общества. Въ его глазахъ вспыхнулъ злорадный огонекъ, когда онъ посмотрѣлъ сперва на счастливую въ своемъ невѣдѣніи хозяйку, а потомъ на диванъ въ другомъ концѣ комнаты. Гемма сразу все поняла: онъ привелъ свою возлюбленную сюда, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, который не обманулъ никого, кромѣ синьоры Грассини.

Цыганка стояла, опершись на диванъ, окруженная группою любезничающихъ съ ней фатовъ и насмѣшливыхъ кавалеристовъ. Она была роскошно одѣта въ желтые и красные цвѣта, съ восточной рѣзкостью цвѣтовъ и массою украшеній, дѣлавшихъ ее такимъ же страннымъ явленіемъ въ флорентинскомъ литературномъ салонѣ, какъ если бы она была какой-нибудь тропической птицей среди воробьевъ. Она, кажется, сама чувствовала себя не на мѣстѣ и глядѣла на обиженныхъ дамъ презрительно и вмѣстѣ съ тѣмъ злобно.

Увидѣвъ Овода, входящаго въ комнату съ Геммой, она вскочила, подбѣжала къ нему и стала торопливо говорить очень неправильнымъ французскимъ языкомъ.

— Monsieur Риваресс, я васъ искала повсюду. Графъ Салтыковъ хочетъ знать,

можете ли вы быть въ его виллѣ завтра вечеромъ. Тамъ будутъ танцовать.

— Мнѣ жаль, что я не могу тамъ быть, но я все равно не могу танцовать. Синьора Болла, позвольте мнѣ представить вамъ madame Зитту Ренни.

Цыганка взглянула на Гемму съ недовѣрчивымъ видомъ и сухо поклонилась. Она несомнѣнно была очень хороша, какъ про нее говорилъ Мартини, но животной, недуховной красотой; полная гармонія и свобода ея движеній была обаятельна, но у нея былъ низкій и узкій лобъ, а линіи ея тонкихъ ноздрей производили впечатлѣніе жестокости. Тяжесть, которую Гемма испытывала въ обществѣ Овода, еще увеличилась въ присутствіи цыганки, и когда черезъ минуту хозяинъ подошелъ къ синьорѣ Боллѣ, прося помочь ему говорить съ нѣкоторыми туристами въ сосѣдней комнатѣ, она послѣдовала за нимъ съ чувствомъ нѣкотораго облегченія.

— И такъ, мадонна, что вы скажете объ Оводѣ?—спросилъ Мартини, провожая ее домой поздно ночью.—Видѣли вы что-либо болѣе наглое, чѣмъ то, какъ онъ надулъ бѣдную жену Грассини?

— Вы говорите о танцовщицѣ?

— Ну, да. Онъ убѣдилъ синьору Грассини, что эта дѣвушка будетъ звѣздой сезона, а та сдѣлаетъ все, что угодно, ради знаменитости.

— Мнѣ кажется, что это очень некрасиво съ его стороны. Онъ поставилъ Грассини въ ложное положеніе, да и относительно самой дѣвушки это жестоко. Я увѣрена, что ей было тоже непріятно.

— Вы разговаривали съ нимъ, кажется? Что же вы о немъ думаете?

— О, Чезаре, я ничего не думаю, кромѣ того, что была бы рада не видѣть его больше. Я никогда такъ не тяготилась обществомъ человѣка. У меня разболѣлась голова въ десять минутъ. Это истинный демонъ безпокойства.

— Я зналъ, что онъ вамъ не понравится, и по правдѣ сказать, онъ мнѣ тоже не нравится. Онъ скользкій, какъ угорь, и я ему не вѣрю.

III.

Оводъ поселился за Римскими воротами, вблизи пансіона, въ которомъ жила Зитта. Онъ, видимо, былъ сибаритомъ, и хотя ничто въ его комнатѣ не обличало расточительности, все-таки въ отдѣльныхъ мелочахъ и въ общемъ устройствѣ комнаты замѣтно было изящество, вызвавшее удивленіе Галли и Рикардо. Они предполагали большую простоту вкусовъ у человѣка, жившаго среди пустынь Амазонской рѣки, удивлялись его безукоризненнымъ галстухамъ, цѣлому ряду ботинокъ, стоявшихъ въ его комнатѣ, и изобилію цвѣтовъ на его письменномъ столѣ. Въ общемъ, они съ нимъ ладили: онъ былъ любезенъ со всѣми, въ особенности съ мѣстными членами партіи Маццини. Только Гемма составляла для него, видимо, исключеніе. Онъ, казалось, не взлюбилъ ея съ первой встрѣчи и всячески избѣгалъ ея общества. Нѣсколько разъ онъ былъ даже невѣжливъ съ ней, чѣмъ и вооружилъ противъ себя Мартини. Съ самаго начала эти двое людей не понравились другъ другу. Ихъ натуры были столь различны, что ничего кромѣ взаимной непріязни они не могли чувствовать одинъ къ другому, и у Мартини это чувство переходило въ открытую вражду.

— Я не сержусь на то, что онъ меня не любитъ,—сказалъ онъ однажды Геммѣ раздраженнымъ тономъ,—я его тоже не люблю, такъ что мы квиты въ этомъ отношеніи. Но я не выношу его манеры обращаться съ вами. Мнѣ только стыдно поднимать скандалъ и ссориться съ человѣкомъ, котораго мы сами призвали сюда, а не то я потребовалъ бы отъ него объясненій.

— Оставьте его въ покоѣ, Чезаре. Это не важно, да и въ сущности я сама въ этомъ виновата такъ же, какъ и онъ.

— Въ чемъ виноваты?

— Въ томъ, что онъ меня не любитъ. Я была груба съ нимъ при первой встрѣчѣ на вечерѣ у Грассини.

— *Вы* были грубы! Этому трудно повѣрить, мадонна!

— Конечно, я это сдѣлала не нарочно, и сама жалѣла потомъ, что такъ

случилось. Я какъ-то сказала, что видъ калѣкъ возбуждаетъ у нѣкоторыхъ людей смѣхъ, а онъ принялъ это на свой счетъ. Мнѣ же и въ голову не приходило считать его калѣкой. Онъ вовсе не такъ обезображенъ.

— Конечно, нѣтъ. У него одно плечо выше другого и лѣвая рука довольно сильно повреждена, но онъ не горбатъ, на костыляхъ не ходитъ, а хромота его едва замѣтна.

— А все-таки онъ весь задрожалъ и измѣнился въ лицѣ. Я поступила, конечно, безтактно, но я не ожидала въ немъ такой обидчивости. Я подумала, что ему, вѣроятно, приходилось уже страдать отъ жестокихъ шутокъ въ этомъ родѣ.

— Навѣрно, онъ больше тѣшился надъ другими, чѣмъ подвергался самъ насмѣшкамъ. Есть какая-то внутренняя грубость въ этомъ человѣкѣ, не смотря на всѣ его утонченныя манеры, и я его изъ-за этого совершенно не выношу.

— Это несправедливо, Чезаре, съ вашей стороны. Я его такъ же не люблю, какъ и вы, но зачѣмъ же считать его худшимъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. У него аффектированныя и раздражающія манеры; онъ слишкомъ привыкъ, кажется, къ всеобщему поклоненію; его неистощимая рѣзкость и остроуміе ужасно утомительны, но я не считаю его дурнымъ человѣкомъ.

— Не знаю, что у него на умѣ, но слишкомъ онъ глумится надъ всѣмъ. Я былъ глубоко возмущенъ въ прошлый разъ во время спора у Фабриции, слушая, какъ онъ нападалъ на реформы новаго папы, какъ бы стараясь найти во всемъ низменную корыстную подкладку.

Гемма вздохула.

— Я съ грустью должна сознаться, что въ этомъ отношеніи схожусь больше съ нимъ, чѣмъ съ вами,—сказала она,— всѣ вы, добряки, слишкомъ предаетесь пріятнымъ надеждамъ и ожиданіямъ; вы всегда готовы предположить, что если случайно выберутъ въ папы какого-нибудь добродушнаго пожилого господина, то все само собою устроится. Ему стоитъ только раскрыть настежь двери тюремъ и дать свое благословеніе всѣмъ вокругъ, чтобы черезъ три мѣсяца наступилъ рай на землѣ. Вы никакъ не хотите понять, что папа не могъ бы, если бы и хотѣлъ, исправить положеніе вещей. Тутъ дѣло въ самой сущности, въ ложности принципа, а не въ поведеніи того или другого человѣка.

— Какого принципа? Свѣтской власти папъ?

— Это только часть общаго зла. Главное же зло въ томъ, что одинъ человѣкъ имѣетъ власть надъ другимъ и можетъ порабощать и освобождать его. Это создаетъ неправильныя отношенія между людьми.

Мартини всплеснулъ руками.

— Довольно, довольно, мадонна,— сказалъ онъ, смѣясь.—Я не могу спорить съ вами, когда вы начинаете развивать теоріи антинуминіанизма. Я увѣренъ, что ваши предки были англійскими ловелерами въ семнадцатомъ вѣкѣ. Теперь, впрочемъ, я пришелъ къ вамъ по дѣлу—поговорить объ этой рукописи.

Онъ вынулъ бумагу изъ кармана.

— Какая-нибудь новая брошюра?

— Глупѣйшая штука, которую этотъ проклятый Риваресъ прислалъ вчера въ комитетъ. Я зналъ, что намъ скоро придется сцѣпиться съ нимъ.

— Въ чемъ дѣло? Право, Чезаре, вы несправедливы. Риваресъ можетъ быть непріятный человѣкъ, но онъ не глупъ.

— О, я не отрицаю, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ очень уменъ, но прочтите лучше сами.

Содержаніе брошюры заключалось въ насмѣшкахъ надъ дикимъ восторгомъ, охватившимъ Италію по поводу избранія новаго папы. Какъ все, что писалъ Оводъ, насмѣшка была очень злой и рѣзкой. Но не смотря на то, что ее раздражалъ стиль автора, Гемма не могла не признать справедливости его нападокъ.

— Я совершенно согласна съ вами, что это написано коварно и зло,—сказала она, положивъ рукопись на столъ,— но самое ужасное въ томъ, что все это правда.

— Гемма!

— Да, это такъ. Риваресъ произво-

дитъ впечатлѣніе холоднаго и скользкаго угря,—въ этомъ я согласна съ вами, но правда на его сторонѣ. Нечего намъ убѣждать себя, что онъ не попалъ въ цѣль—на самомъ дѣлѣ онъ отлично попалъ.

— Такъ вы полагаете, что слѣдуетъ издать его брошюру?

— Это ужъ совершенно другое дѣло. Конечно, я не думаю, что нужно издать ее безъ измѣненій. Этимъ мы только оттолкнули бы отъ себя всѣ симпатіи и не принесли пользы дѣлу. Но если бы онъ захотѣлъ измѣнить кое-что и выбросить личныя нападки, то я полагаю, что вышло бы нѣчто весьма цѣнное. Это великолѣпный образчикъ политической сатиры. Я не имѣла понятія, что онъ такъ хорошо пишетъ: онъ говоритъ вещи, которыя нужно высказать и которыя никто изъ насъ не рѣшился бы сказать. Мѣсто, гдѣ онъ сравнилъ Италію съ пьяницей, нѣжно плачущимъ на плечѣ вора, который тащитъ у него платокъ изъ кармана — блестяще написано.

— Гемма! Вѣдь это самое скверное мѣсто въ рукописи. Я ненавижу это злое вышучиваніе всѣхъ и всего.

— Я также это ненавижу, но не въ этомъ дѣло. У Ривареса очень непріятный стиль, и онъ очень непривлекательный человѣкъ, но когда онъ говоритъ, что мы опьянены процессіями, объятіями и призваніями къ любви и прощенію, и что іезуиты и санфедисты одни только воспользуются этимъ, то онъ тысячу разъ правъ. Мнѣ жаль, что я не была вчера на засѣданіи комитета, и не знаю, къ какому рѣшенію вы пришли въ концѣ.

— Къ тому, изъ-за котораго я сюда пришелъ: попросить васъ поговорить съ нимъ и убѣдить его смягчить характеръ своего памфлета.

— Меня? Но я его едва знаю. Кромѣ того, онъ меня ненавидитъ. Почему же именно мнѣ поручили съ нимъ говорить?

— Просто потому, что никто другой не можетъ сегодня этого сдѣлать. Кромѣ того, вы разумнѣе другихъ и не будете говорить лишняго и ругаться съ нимъ, какъ бы это сдѣлалъ каждый изъ насъ.

— Конечно, я этого не буду дѣлать. Ну, хорошо, я пойду, если хотите, хотя я не особенно надѣюсь на успѣхъ.

— Я увѣренъ, что вамъ удастся уговорить его, если захотите. Скажите ему также, что весь комитетъ восторгался его статьей въ литературномъ отношеніи. Это ему польститъ, и къ тому же это полная правда.

Оводъ сидѣлъ возлѣ стола, покрытаго цвѣтами и растеніями, и задумчиво глядѣлъ въ пространство; на колѣняхъ у него лежало распечатанное письмо. Большая лохматая собака, лежавшая на коврѣ у ногъ его, подняла голову и зарычала, когда Гемма постучала въ дверь. Оводъ быстро поднялся и раскланялся съ ней самымъ церемоннымъ образомъ. Лицо его вдругъ стало жесткимъ и безучастнымъ.

— Вы очень добры,—сказалъ онъ ледянымъ тономъ.—Если бы вы дали мнѣ знать, что желаете со мною говорить, я зашелъ бы къ вамъ.

Видя, что онъ, очевидно, желалъ ей провалиться сквозь землю, Гемма поспѣшила объяснить причину своего посѣщенія. Онъ снова поклонился и предложилъ ей кресло.

— Комитетъ поручилъ мнѣ зайти къ вамъ,—сказала она;—потому что оказались нѣкоторыя разногласія въ мнѣніяхъ о вашемъ памфлетѣ.

— Я такъ и ожидалъ.

Онъ улыбнулся и сѣлъ противъ нея, заслонивъ свое лицо отъ свѣта большой вазой съ кризантемами.

— Большинство членовъ сошлись въ томъ, что хотя памфлетъ вашъ съ литературной точки зрѣнія весьма замѣчателенъ, онъ все-таки въ своемъ теперешнемъ видѣ не годится для печати. Они боятся, что рѣзкость вашихъ нападокъ оскорбитъ многихъ и оттолкнетъ отъ насъ людей, помощь и поддержка которыхъ очень важны для партіи.

Онъ вынулъ изъ вазы цвѣтокъ кризантемы и началъ медленно обрывать одинъ бѣлый лепестокъ за другимъ. Когда глаза ея замѣтили движеніе тонкой правой руки, роняющей лепестки, странное чувство овладѣло Геммой. Ей казалось,

что она гдѣ-то уже видѣла этотъ жестъ раньше.

— Какъ литературное произведеніе,— замѣтилъ онъ своимъ мягкимъ и холоднымъ голосомъ:—моя брошюра не имѣетъ никакой цѣны, и ею могутъ восторгаться только люди, ничего не понимающіе въ искусствѣ, а что касается оскорбительности содержанія, то это какъ разъ то, къ чему я стремился.

— Я это отлично понимаю, но дѣло въ томъ, что вы оскорбите не тѣхъ, кого нужно.

Онъ пожалъ плечами и взялъ въ ротъ лепестокъ.

— Я думаю, что вы ошибаетесь,— сказалъ онъ:—вопросъ вотъ въ чемъ: съ какою цѣлью вы пригласили меня въ вашъ комитетъ? Полагаю, для того, чтобы обличать іезуитовъ и высмѣивать ихъ. Я исполняю эту обязанность, какъ только умѣю.

— И я могу увѣрить васъ, что никто не сомнѣвается въ вашемъ умѣньи и въ вашей доброй волѣ. Комитетъ только боится, что либеральная партія можетъ усмотрѣть обидное къ себѣ отношеніе въ вашемъ памфлетѣ; городскіе рабочіе тоже перестанутъ оказывать намъ нравственную поддержку. Вы думали задѣть только санфедистовъ, но многіе читатели усмотрятъ въ вашихъ словахъ нападки на церковь и новаго папу, а это въ смыслѣ политической тактики совершенно нежелательно, съ точки зрѣнія комитета.

— Я начинаю васъ понимать. До тѣхъ поръ, пока я буду ограничиваться тѣмъ кружкомъ духовенства, съ которымъ партія теперь какъ разъ въ дурныхъ отношеніяхъ, я могу говорить правду, если это мнѣ угодно. Но стоитъ мнѣ только задѣть любимчиковъ комитета среди духовенства, сановниковъ церкви и—«правда стала псомъ,—въ берлогу его; бить его, если...» Шутъ былъ правъ, и я готовъ быть чѣмъ угодно, только не шутомъ. Конечно, я долженъ подчиниться рѣшенію комитета, но я продолжаю думать, что онъ напрасно гнетъ на двѣ стороны и оставляетъ м-мон-синьора М-монтан-нн-елли посреднѣ.

— Монтанелли?—переспросила Гемма;—я васъ не понимаю. Вы говорите о Бризигелльскомъ епископѣ?

— Да; его новый папа сдѣлалъ кардиналомъ. Я какъразъ получилъ объ этомъ письмо. Хотите послушать, что мнѣ пишутъ? Авторъ письма одинъ мой пріятель, живущій по ту сторону границы.

— Границы папской области?

— Да. Вотъ, что онъ пишетъ.

Онъ взялъ въ руки письмо, которое держалъ при ея входѣ, и сталъ читать вслухъ, начавъ опять сильно заикаться:

«В-вы будете с-коро имѣть уд-д-оволь-ствіе ув-видѣть одного изъ нашихъ х-худшихъ враговъ, к-кардинала Лоренцо М-монтанн-н-елли, еп-пископа Бризигелльскаго...»

Оводъ остановился, переждалъ минуту и потомъ началъ снова читать, очень медленно, растягивая слова, но уже не заикаясь:

«Онъ намѣренъ посѣтить Тоскану въ слѣдующемъ мѣсяцѣ съ цѣлью умиротворить умы; онъ будетъ сначала проповѣдывать во Флоренціи, гдѣ останется въ теченіе трехъ недѣль, потомъ посѣтитъ Сьенну и Пизу, затѣмъ вернется въ Романью черезъ Пистою. Онъ открыто примкнулъ къ либеральной партіи въ церкви; это лучшій другъ папы и кардинала Феретти. При папѣ Григоріи онъ былъ въ немилости, его держали вдалекѣ, въ какомъ-то маленькомъ гнѣздѣ въ Аппенинахъ.. Теперь онъ сразу выплылъ. Конечно, онъ въ сущности такая же игрушка въ рукахъ іезуитовъ, какъ всѣ санфедисты въ Италіи. Вся эта миссія была выдумкой іезуитовъ. Онъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ проповѣдниковъ и въ своемъ родѣ такъ же опасенъ, какъ Ламбруини. Цѣль его въ томъ, чтобы не дать остынуть народному увлеченію папой и занять общее вниманіе, пока великій герцогъ подпишетъ проектъ, который ему собираются представить іезуиты. Въ чемъ однако проектъ заключается, я не могъ развѣдать». Затѣмъ вотъ, что сказано дальше: «Понимаетъ ли Монтанелли, съ какой цѣлью его посылаютъ въ Тоскану, или же іезуиты пользуются имъ, какъ слѣпымъ орудіемъ—этого я не могъ выяснить. Онъ или необычайно умный подлецъ, или ве-

личайшій оселъ. Странно только то, что, насколько я могъ прослѣдить, онъ не беретъ взятокъ и не имѣетъ любовницъ, мнѣ впервые встрѣчается такой примѣръ».

Онъ положилъ письмо и сидѣлъ, глядя на нее съ полузакрытыми глазами, и очевидно, ожидая, чтобы она заговорила.

— Вы увѣрены, что всѣ факты, которые вамъ сообщаютъ, совершенно точны?—спросила она черезъ минуту.

— Относительно безупречности частной жизни М-монтанн-н-ели? Нѣтъ, но вы видите, что мой корреспондентъ тоже не совсѣмъ въ нихъ увѣренъ, и онъ дѣлаетъ оговорку и пишетъ: «насколько я могъ прослѣдить».

— Я не объ этомъ говорю,—холодно вставила она,—а о томъ, что онъ пишетъ относительно миссіи.

— Въ этомъ я могу совершенно довѣрять его словамъ. Это мой старинный другъ, одинъ изъ товарищей по сорокъ третьему году, и его положеніе таково, что даетъ ему возможность добывать точныя свѣдѣнія такого рода.

— Какой-нибудь служащій въ Ватиканѣ,—подумала Гемма.—Такъ вотъ какого рода связи вы имѣете. Впрочемъ, я такъ и предполагала.

— Конечно, это письмо конфиденціальное, — продолжалъ Оводъ;—и вы понимаете, что эти свѣдѣнія должны быть извѣстны только членамъ вашего комитета.

— Это само собою разумѣется. А теперь вернемся къ памфлету: могу я сказать комитету, что вы согласны сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и кое-что смягчить, или...

— Не думаете ли вы, что измѣненія могутъ испортить красоту «литературнаго произведенія», синьора, также какъ и ослабить рѣзкость тона?

— Вы спрашиваете теперь мое личное мнѣніе; я же пришла сюда, чтобы передать вамъ мнѣніе всего комитета.

— Значитъ ли это, что в-вы несогласны съ комитетомъ?—Онъ положилъ письмо въ карманъ и теперь нагнулся нѣсколько впередъ и глядѣлъ на нее съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ, совершенно измѣняющимъ характеръ его лица.

— Вы полагаете?

— Вы хотите знать мое личное мнѣніе? Я не согласна съ большинствомъ въ обоихъ пунктахъ. Я вовсе не признаю вашъ памфлетъ хорошимъ литературнымъ произведеніемъ, но считаю его фактически вѣрнымъ и очень полезнымъ въ политическомъ отношеніи.

— Вы говорите?

— Я совершенно согласна съ вами, что Италію сбили съ пути блуждающіе огни, и что всѣ эти восторги и радости завлекутъ ее въ страшную трясину; я была бы истинно рада, если бы кто-нибудь открыто и смѣло это сказалъ, даже если это обидѣло бы или оттолкнуло кого-нибудь изъ теперешнихъ сторонниковъ. Но какъ членъ комитета, въ которомъ большинство держится другихъ взглядовъ, я не могу настаивать на своемъ личномъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что, если такого рода вещи должны быть высказаны, то ихъ слѣдуетъ говорить сдержаннымъ и спокойнымъ тономъ, а не такъ рѣзко, какъ вы ихъ высказываете.

— Вы можете подождать минуту, пока я просмотрю рукопись?

Онъ сталъ перелистывать страницу за страницей. Лицо его выражало недовольство собой.

— Да, конечно, вы совершенно правы. Все это написано въ тонѣ кафе-шантанныхъ куплетовъ, а не политической сатиры, но что же дѣлать? Если писать прилично, публика не понимаетъ; скажутъ, что скучно, если не будетъ злыхъ выходокъ.

— Развѣ вы думаете, что злость и ругань тоже не скучны въ большемъ количествѣ?

Онъ взглянулъ на нее острымъ, быстрымъ взглядомъ и расхохотался.

— Очевидно, синьора, вы принадлежите къ ужасному классу людей, которые всегда правы. Такъ что если я поддамся соблазну и буду продолжать говорить рѣзкости, я стану такъ же скученъ, какъ синьора Грассини. Небо, какая судьба! Нѣтъ, не хмурьте бровей. Я знаю, что я вамъ не нравлюсь. Я буду говорить

только о дѣлѣ. Итакъ, дѣло вотъ въ чемъ. Если я устраню только личныя нападки и оставлю по существу памфлетъ такимъ, каковъ онъ теперь, комитетъ будетъ крайне сожалѣть и не рѣшится его напечатать. Если же я извлеку политическую правду изъ моей статьи и направлю всѣ обличенія и ругательства на враговъ партіи, комитетъ будетъ восхвалять до небесъ мое произведеніе, а вы и я будемъ знать, что его не стоило печатать. Вотъ прекрасный метафизическій вопросъ: что пріятнѣе,—быть напечатаннымъ, не будучи достойнымъ, или же быть достойнымъ и не быть напечатаннымъ. Что вы скажете, синьора?

— Я не думаю, что передъ вами подобный выборъ. Мнѣ кажется, что если вы только удалите личные намеки, комитетъ согласится напечатать памфлетъ, хотя, конечно, большинство не будетъ одобрять его по существу. Я же увѣрена, что онъ былъ бы весьма полезенъ. Но вамъ необходимо бросить злобный тонъ. Если вы собираетесь сказать что-нибудь, составляющее по самой сущности горькую пилюлю для читателей, то зачѣмъ пугать ихъ внѣшнимъ тономъ своихъ рѣчей?

Онъ вздохнулъ и пожалъ плечами съ покорнымъ видомъ.

— Я подчиняюсь, синьора, но только на одномъ условіи: если вы теперь лишаете меня права посмѣяться, вы должны предоставить мнѣ это право въ другой разъ; когда его преосвященство, непогрѣшимый кардиналъ, появится во Флоренціи, вы и вашъ комитетъ не будете мѣшать мнѣ насмѣхаться сколько мнѣ будетъ угодно—это будетъ моимъ правомъ.

Онъ говорилъ небрежнымъ, холоднымъ тономъ, выдергивая кризантемы изъ вазы и глядя сквозь прозрачные лепестки на свѣтъ.

— Какая у него нетвердая рука,— думала она, видя, какъ цвѣты дрожатъ въ его пальцахъ;—вѣдь не пьетъ же, онъ, однако.

— Лучше было бы вамъ поговорить объ этомъ съ другими членами комитета,—сказала она, поднимаясь:—я не могу заранѣе рѣшить, какъ они на это посмотрятъ.

— А вы?—Онъ тоже поднялся и прислонился къ столу, прижимая цвѣты къ лицу.

Она медлила. Этотъ вопросъ волновалъ ее, напоминая ей о чемъ-то старомъ и тяжеломъ.

— Я право не знаю, — сказала она, наконецъ: — много лѣтъ тому назадъ я кое-что знала о синьорѣ Монтаннелли; онъ былъ тогда только каноникомъ и директоромъ духовной семинаріи въ городѣ, гдѣ я жила дѣвочкой: я о немъ много слышала отъ человѣка, знавшаго его очень близко, и я слышала о немъ только хорошее. Кажется, что, по крайней мѣрѣ въ то время, онъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Но это было много лѣтъ тому назадъ, и онъ, быть можетъ, измѣнился. Власть и отсутствіе отвѣтственности портятъ людей.

Оводъ поднялъ голову и взглянулъ на нее твердымъ взглядомъ.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ онъ,— если монсиньоръ Монтаннелли самъ не подлецъ, то онъ орудіе въ рукахъ подлецовъ. То ли онъ, или другое—все равно для меня, такъ же, какъ и для моихъ друзей за границей. Камень на дорогѣ можетъ имѣть самыя лучшія намѣренія, но все-таки его нужно столкнуть съ дороги. Позвольте, синьора!—Онъ позвонилъ и подошелъ, прихрамывая къ двери, чтобы раскрыть ее передъ ней.

— Во всякомъ случаѣ, очень любезно съ вашей стороны, синьора, что вы посѣтили меня. Прикажете послать за коляской? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ, до свиданія. Біанка, откройте дверь въ прихожей, пожалуйста.

Гемма вышла на улицу въ глубокомъ раздумьѣ.

— Друзья по ту сторону границы— да кто же они? И какъ столкнуть камень съ дороги? Если только путемъ сатиры, то почему же онъ это сказалъ съ такимъ опаснымъ взглядомъ.

IV.

Монсиньоръ Монтаннелли прибылъ во Флоренцію въ началѣ октября. Его пріѣздъ возбудилъ въ городѣ оживленные толки. Онъ былъ знаменитымъ пропо-

вѣдникомъ и представителемъ идей новаго папы; и народъ ждалъ отъ него съ жадностью изложенія «новаго ученія»,— Евангелія любви и общаго единенія, которое должно было излѣчить всѣ язвы Италіи. Назначеніе кардинала Гицци секретаремъ Римской области, на мѣсто ненавистнаго всѣмъ Ламбручини, довело всеобщіе восторги до апогея, и Монтаннелли былъ какъ разъ человѣкомъ, способнымъ поддержать восторженное настроеніе. Безупречная строгость его жизни была столь рѣдкимъ явленіемъ среди высшихъ представителей римской церкви, что сама по себѣ привлекала вниманіе народа, привыкшаго къ тому, чтобы измѣны, подкупы, любовныя интриги неизмѣнно входили въ карьеру служителей церкви. Кромѣ того, ораторскій его талантъ былъ истинно великимъ. Благодаря своему прекрасному голосу и величественному внѣшнему виду, онъ могъ повсюду и во всякое время играть видную роль.

Грассини, какъ всегда, напрягъ всѣ свои силы, чтобы залучить новую знаменитость въ свой домъ, но Монтаннелли не былъ для него легкой поживой: на всѣ приглашенія онъ отвѣчалъ одинаково вѣжливымъ и рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что у него слабое здоровье, и много занятій, и что у него не было ни силъ, ни досуга для того, чтобы бывать въ гостяхъ.

— Какія всеядныя существа эти Грассини, — презрительно сказалъ Мартини Геммѣ, когда они проходили по площади Синьоріи въ ясное холодное воскресное утро. — Замѣтили вы, какъ кланяется Грассини при проѣздѣ коляски кардинала? Имъ совершенно все равно, чѣмъ бы человѣкъ ни былъ, если только о немъ говорятъ. Я никогда не видалъ подобныхъ охотниковъ за знаменитостями. Въ прошломъ августѣ они гнались за Оводомъ, теперь—за Монтаннелли. Надѣюсь, что его преосвященство чувствуетъ себя польщеннымъ этимъ вниманіемъ. Онъ дѣлитъ его съ порядочной оравой авантюристовъ.

Они оба были въ соборѣ и слушали Монтаннелли. Громадное зданіе было переполнено жадною толпою слушателей, и Мартини опасался, что у Геммы снова разболится голова; онъ убѣдилъ ее уйти до конца обѣдни. Солнечное утро,—первое послѣ цѣлой недѣли дождя, послужило для него предлогомъ предложить прогулку среди покрытыхъ садами холмовъ у Санъ-Николо.

— Нѣтъ,—отвѣтила она;—я съ удовольствіемъ прогуляюсь, если у васъ есть время, но не по холмамъ. Пойдемте по Лунгарно. Монтаннелли проѣдетъ тамъ, возвращаясь изъ церкви, а я тоже, какъ Грассини, хочу увидѣть знаменитаго проповѣдника.

— Но вы только что видѣли его.

— Издали. Въ соборѣ было слишкомъ много народу, а когда проѣзжала его карета, онъ сидѣлъ спиной къ намъ. Если мы не будемъ удаляться отъ моста, мы навѣрное отлично его увидимъ. Онъ вѣдь живетъ на Лунгарно, не правда ли?

— И что это вамъ вздумалось вдругъ видѣть Монтаннелли. Вы никогда прежде не интересовались знаменитыми проповѣдниками.

— Дѣло не въ знаменитомъ проповѣдникѣ, а въ человѣкѣ. Я хочу посмотрѣть, сильно ли онъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣла въ послѣдній разъ.

— Когда это было.

— Два дня послѣ смерти Артура.

Мартини посмотрѣлъ на нее съ тревогой. Они только что вышли на Лунгарно, и она стояла, глядя въ воду съ тѣмъ отсутствующимъ выраженіемъ лица, котораго онъ не могъ видѣть въ ней безъ ужаса.

— Гемма, дорогая,—сказалъ онъ черезъ минуту:—неужели вы всю жизнь будете мучиться изъ-за этой печальной исторіи. Всѣмъ намъ приходилось заблуждаться въ семнадцать лѣтъ.

— Но не всѣ мы убивали лучшаго друга въ семнадцать лѣтъ, — отвѣтила она усталымъ голосомъ и, опершись рукой на каменныя перила, молча глядѣла на воду. Мартини молчалъ. Онъ боялся заговаривать съ ней, когда на нее находило такое настроеніе.

— Я никогда не могу смотрѣть на воду, не вспоминая этого,—сказала она, медленно, поднимая на него глаза, и прибавила сейчасъ же съ легкой нервной

дрожью въ голосѣ:—Пойдемъ походить немного, Чезаре, слишкомъ холодно стоять.

Они молча перешли черезъ мостъ и пошли вдоль рѣки. Черезъ минуту они опять заговорили:

— Какой у этого человѣка дивный голосъ, въ немъ есть что-то, чего я не слыхала ни въ какомъ другомъ человѣческомъ голосѣ. Мнѣ кажется, что въ этомъ тайна его успѣха.

— У него въ самомъ дѣлѣ удивительный голосъ,—согласился Мартини; онъ обрадовался новому предмету разговора и ухватился за него, чтобы отвлечь Гемму отъ ужасныхъ воспоминаній, вызванныхъ видомъ рѣки.

— Да и помимо голоса, это самый замѣчательный проповѣдникъ, котораго я когда-либо слышалъ, но я думаю, что тайна его обаянія лежитъ болѣе глубоко. Онъ такъ выдѣляется своимъ образомъ жизни среди другихъ прелатовъ. Я не знаю, найдется ли другой человѣкъ среди высшаго итальянскаго духовенства, за исключеніемъ только папы, съ такимъ же незапятнаннымъ именемъ. Въ прошломъ году, я проѣзжалъ въ Романьи черезъ его епископство и видѣлъ, какъ суровые горцы ждали подъ дождемъ, чтобы только взглянуть на него или дотронуться до его платья. Его тамъ почитаютъ за святого, а это кое-что да значитъ среди романьоловъ, которые въ большинствѣ случаевъ ненавидятъ всякаго, кто только носитъ рясу. Я сказалъ одному изъ старыхъ крестьянъ, типичному контрабандисту, что народъ, очевидно, очень преданъ своему епископу, и онъ отвѣтилъ:

— Мы ненавидимъ епископовъ—всѣ они лгуны, но мы любимъ монсиньора Монтаннели: онъ никогда не произносилъ лжи и не совершилъ несправедливости.

— Странно, — сказала Гемма почти про себя;—знаетъ ли онъ, что о немъ думаетъ народъ?

— Почему бы нѣтъ? Развѣ это неправда?

— Неправда.

— Откуда вы знаете?

— Отъ него самого.

— Онъ сказалъ вамъ? Монтаннелли? Я не понимаю, въ чемъ дѣло.

Она отряхнула назадъ волосы, спустившіеся на лобъ, и повернулась къ нему. Они опять остановились. Она оперлась о перила и медленно чертила что-то на землѣ кончикомъ зонтика.

— Чезаре, мы съ вами такіе близкіе друзья, а я вамъ никогда еще не разсказывала въ точности исторію Артура.

— Да и не нужно, дорогая,—поспѣшно оборвалъ онъ ее.—Я вѣдь все знаю.

— Вамъ сказалъ Джіованни?

— Да, когда онъ умиралъ; онъ разсказалъ мнѣ все разъ ночью, когда я дежурилъ около него; онъ сказалъ мнѣ, Гемма, дорогая, лучше вамъ знать правду, если уже мы объ этомъ заговорили. Онъ говорилъ, что эта тяжелая исторія васъ вѣчно мучитъ и просилъ меня быть вамъ добрымъ другомъ, удерживать отъ мыслей о прошломъ. Я дѣлалъ, что могъ, дорогая, но, кажется, безуспѣшно.

— Я знаю, что вы дѣйствовали, какъ другъ,—отвѣтила она мягко, поднимая на минуту глаза:—мнѣ бы плохо пришлось безъ вашей дружбы. Но, значитъ, онъ вамъ не сказалъ ничего о монсиньорѣ Монтаннелли?

— Я не зналъ, что онъ въ это замѣшанъ. Джіовани мнѣ только говорилъ о той исторіи со шпіономъ и о томъ...

— О томъ, какъ я ударила Артура и онъ утопился? Ну, такъ я вамъ скажу теперь о Монтаннелли.

Они возвращались къ мосту, черезъ который должна была проѣхать коляска кардинала. Гемма упорно смотрѣла на воду, пока говорила.

— Въ тѣ дни Монтаннелли былъ каноникомъ; онъ былъ директоромъ духовной семинаріи въ Пизѣ, давалъ Артуру уроки философіи и подготовлялъ его къ поступленію въ Сапіенцу. Они были горячо преданы другъ другу и походили болѣе на любящихъ друзей, чѣмъ на учителя и ученика. Артуръ благоговѣлъ передъ землей, на которую ступалъ Монтаннелли. Я помню, какъ онъ разъ сказалъ мнѣ, что если бы онъ потерялъ своего падре—такъ онъ называлъ Монтаннелли,—онъ пошелъ бы и утопился. Потомъ произошла эта исторія съ шпіономъ—вы ее знаете. На слѣдующій день мой отецъ и Бортоны, братья Артура

по отцу—отвратительные люди,— провели цѣлый день, отыскивая въ Дарсенѣ его трупъ, а я сидѣла одна въ своей комнатѣ и думала о томъ, что случилось.

Она остановилась на минуту и продолжала:

— Поздно вечеромъ отецъ мой вошелъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ: Гемма, дитя мое, поди внизъ, тамъ тебя ждетъ одинъ человѣкъ. Внизу, въ пріемной, оказался студентъ, членъ нашей группы. Онъ былъ страшно блѣденъ и весь дрожалъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Джіовани вторично написалъ изъ тюрьмы о томъ, что узналъ отъ тюремщика правду относительно Карди, обманувшаго Артура на исповѣди. Студентъ сказалъ мнѣ:—Хорошо, что мы хоть узнали про его невинность. Отецъ мой взялъ меня за руку и старался меня утѣшить. Онъ еще тогда не зналъ, что я ударила Артура. Я вернулась къ себѣ въ комнату и просидѣла тамъ одна всю ночь. Утромъ отецъ мой отправился съ Бортонами, чтобы велѣть обыскать бассейнъ гавани. Они все надѣялись найти трупъ.

— Но вѣдь трупъ не былъ найденъ, не правда ли?

— Нѣтъ, его, очевидно, отнесло въ море. Я сидѣла одна въ комнатѣ, когда дѣвушка доложила, что пришелъ какой-то «reverendissime padre»; она ему сказала, что отецъ въ докахъ, и онъ ушелъ. Я поняла, что это долженъ быть Монтаннелли, побѣжала за нимъ и догнала его у воротъ. Когда я ему сказала: «Отецъ Монтаннелли, я желаю съ вами поговорить», онъ остановился и молча выслушалъ меня. О, Чезаре, если бы вы видѣли его лицо,—оно цѣлыми мѣсяцами преслѣдовало меня потомъ. Я сказала: «Я дочь доктора Варрена и пришла заявить, что убила Артура». Я ему все объяснила и онъ стоялъ точно каменный и слушалъ; но когда я кончила, онъ сказалъ: Успокойтесь, дитя мое. Убійца Артура не вы, а я. Я обманулъ его, и онъ открылъ обманъ.

Съ этими словами онъ повернулся и вышелъ изъ воротъ, ничего больше не прибавивъ.

— Ну, а потомъ?

— Не знаю, что съ нимъ было послѣ того. Въ тотъ же вечеръ мнѣ разсказали, что съ нимъ сдѣлался припадокъ на улицѣ, и его снесли въ какой-то домъ вблизи доковъ. Вотъ и все, что я знаю. Отецъ мой былъ ко мнѣ необычайно добръ и дѣлалъ все, что могъ. Когда я ему все разсказала, онъ оставилъ свою практику и сейчасъ же увезъ меня въ Англію, чтобы ничто не напоминало мнѣ больше о прошломъ. Онъ боялся, что я тоже брошусь въ воду. И я въ самомъ дѣлѣ одно время была близка къ этому. Но потомъ отецъ мой заболѣлъ ракомъ, и я принуждена была придти въ себя. Кромѣ меня, некому было ухаживать за больнымъ. Послѣ смерти отца я осталась одна съ маленькими дѣтьми на рукахъ, до тѣхъ поръ, пока мой старшій братъ смогъ пріютить ихъ. А потомъ я полюбила Джіовани. Когда онъ пріѣхалъ въ Англію, мы боялись первой встрѣчи—между нами легло такое страшное воспоминаніе. Онъ такъ горько раскаивался въ своей винѣ, въ томъ несчастномъ письмѣ, которое написалъ изъ тюрьмы. Но, кажется, напротивъ, общее горе и сблизило насъ тогда.

Мартини улыбнулся и покачалъ головой.

— Не знаю, какъ было съ вами,— сказалъ онъ: — но Джіовани полюбилъ васъ съ первой же встрѣчи. Помню, какъ онъ вернулся въ Миланъ, послѣ первой поѣздки въ Лигорно, и такъ восторгался вами, что мнѣ надоѣло до тошноты слушать про англичанку Гемму. Я возненавидѣлъ васъ тогда. А! Вотъ и кардиналъ.

Коляска переѣхала черезъ мостъ и подъѣзжала къ большому дому на Лунгарно. Монтаннелли сидѣлъ, откинувшись на подушки; онъ былъ слишкомъ утомленъ для того, чтобы обращать вниманіе на восторженную толпу, которая собралась у подъѣзда, чтобы взглянуть на него. Восторженное выраженіе, озарявшее его лицо въ соборѣ, совершенно исчезло, и солнечный свѣтъ обнаруживалъ морщины, слѣды заботъ и утомленія. Когда онъ остановился и вошелъ въ домъ тяжелымъ и понурымъ старческимъ шагомъ, Гемма отвернулась и медленно пошла назадъ къ мосту. Лицо ея

на минуту отразило безнадежный, поблекшій взоръ кардинала. Мартини шелъ рядомъ съ ней молча.

— Я часто спрашиваю себя,—начала она послѣ короткаго молчанія,—о какомъ обманѣ онъ тогда говорилъ. Мнѣ иногда приходило въ голову, что, видите ли, какъ ни странно, но есть удивительное сходство между ними.

— Между кѣмъ?

— Между Артуромъ и Монтаннелли. Не я одна замѣтила это. И кромѣ того, чувствовалось что-то скрытое въ отношеніяхъ этой семьи. М-ссъ Бортоннъ, мать Артура, была удивительно милая женщина. У нея было такое же одухотворенное выраженіе въ лицѣ, какъ у Артура. Но она казалась всегда чѣмъ-то испуганной, какъ уличенная преступница; жена ея пасынка обращалась съ нею такъ, какъ порядочные люди не обращаются съ собаками. А самъ Артуръ былъ такъ поразительно непохожъ на всѣхъ этихъ грубыхъ Бортоновъ. Конечно, въ дѣтствѣ все принимается на вѣру, но, задумываясь теперь о прошломъ, я думаю, что Артуръ не настоящій Бортонъ.

— Можетъ быть, онъ что нибудь-узналъ о своей матери, и это было причиной его смерти, а не дѣло Карди,—сказалъ Мартини, высказывая то единственное утѣшеніе, которое онъ могъ придумать въ эту минуту. Гемма покачала головой.

— Еслибъ вы только видѣли выраженіе его лица въ ту минуту, когда я его ударила, вы не говорили бы такъ, Чезаре. Про Монтаннелли можетъ быть все правда — это даже очень вѣроятно; но то, что я сдѣлала, отъ этого не мѣняется.

Они шли нѣсколько минутъ, не говоря ни слова.

— Дорогой другъ,—сказалъ наконецъ Мартини:—будь малѣйшая возможность сдѣлать то, что было, не существующимъ, тогда стоило бы думать о старыхъ ошибкахъ. Но такъ какъ это, все равно, ни къ чему не ведетъ, то пусть мертвецы хоронятъ своихъ мертвыхъ. Это была ужасная исторія, но теперь бѣдный юноша покончилъ, наконецъ, съ нею, и, можетъ быть, счастливѣе многихъ уцѣлѣвшихъ товарищей, которые въ изгнаніи или въ тюрьмѣ. Мы съ вами должны думать объ этихъ и не имѣемъ права болѣть душой о мертвыхъ. Вспомните, что сказалъ Шелли: «Прошлое принадлежитъ смерти, а будущее въ твоихъ рукахъ». Берите это будущее, пока оно еще ваше, и думайте не о томъ, что вы когда-то сдѣлали дурного, а о томъ, въ чемъ вы можете быть полезны теперь.

Ваволнованный Мартини взялъ ее за руку. Но онъ сразу выпустилъ ее и сдѣлалъ движеніе назадъ, услышавъ за собой звукъ мягкаго и тягучаго голоса.

— Монсиньоръ Монтаннелли несомнѣнно таковъ, какъ вы говорите, дорогой докторъ. Онъ въ сущности слишкомъ прекрасенъ для земли, и его слѣдовало бы выпроводить въ лучшій міръ. Я увѣренъ, что онъ тамъ произведетъ такую же сенсацію, какъ и здѣсь. Есть, вѣроятно, много почтенныхъ духовъ, которые никогда не видѣли такого чуда, какъ честный кардиналъ, а духи больше всего любятъ новинки.

— Откуда вы это знаете,—спросилъ Рикардо, съ еле скрываемымъ раздраженіемъ.

— Изъ святого писанія, дорогой докторъ. Если вѣрить евангелію, то самымъ почтеннымъ изъ духовъ нравятся неожиданныя сочетанія, ну, а честность и к-кардиналы,—это, мнѣ кажется, самой странной смѣсью, такой же неудобоваримой, какъ раки съ лакрицей. А, синьоръ Мартини и синьора Болла! Какая славная погода послѣ дождя, не правда ли? Что же, вы тоже ходили слушать н-новаго Саванароллу?

Мартини обернулся. Оводъ съ сигарой во рту и съ оранжерейнымъ цвѣткомъ въ петлицѣ протягивалъ ему тонкую руку въ изящной перчаткѣ. Яркое солнце сіяло на его блестящихъ какъ зеркало ботинкахъ и озаряло его улыбающееся лицо отраженнымъ въ рѣкѣ свѣтомъ; онъ показался Мартини менѣе уродливымъ и болѣе фатоватымъ, чѣмъ обыкновенно. Оводъ любезно пожалъ руку Мартини, который съ недовольнымъ видомъ поздоровался съ нимъ. Вдругъ Рикардо вскрикнулъ:

— Кажется, синьорѣ Боллѣ дурно.

Она была такъ блѣдна, что лицо ея

казалось мертвеннымъ изъ подъ полей шляпы, а ленты, завязанныя у шеи поднимались отъ усиленнаго біенія сердца.

— Я поѣду домй,—сказала она слабымъ голосомъ.

Подозвали коляску и Мартини сѣлъ рядомъ съ ней, чтобы проводить ее домой. Когда Оводъ нагнулся, чтобы поправить складки ея платья, свѣшивавшагося съ колеса, онъ посмотрѣлъ на нее, и Мартини увидѣлъ, какъ она кинулась назадъ съ выраженіемъ ужаса.

— Гемма, что съ вами?—спросилъ онъ по-англійски, когда коляска двинулась.— Что сказалъ вамъ этотъ негодяй?

— Ничего, Чезаре. Я—я испугалась. Мнѣ показалось...

Она прикрыла одной рукой глаза, и онъ молча ожидалъ, чтобы она пришла въ себя. На лицѣ ея появилась обычная краска.

— Вы правы,—сказала она, наконецъ, оборачиваясь къ нему и говоря своимъ обычнымъ голосомъ.—Болѣе, чѣмъ безполезно оглядываться на страшное прошлое. Это разстраиваетъ нервы и заставляетъ представлять себѣ самыя невозможныя вещи. Не будемъ никогда больше говорить обо всемъ этомъ, Чезаре, или мнѣ будетъ мерещиться таинственное сходство съ Артуромъ въ каждомъ встрѣчномъ лицѣ. Это какая-то галлюцинація, кошмаръ среди бѣлаго дня. Вотъ теперь, когда этотъ отвратительный фатишка подошелъ ко мнѣ, мнѣ показалось, что это Артуръ.

V.

Оводъ, очевидно, умѣлъ создавать себѣ враговъ. Онъ прибылъ во Флоренцію въ августѣ, а къ концу октября три четверти комитета, призвавшаго его, было на сторонѣ Мартини. Дикія нападки на Монтаннелли не нравились и поклонникамъ Овода, и даже Галли, который сначала былъ склоненъ одобрять все, что говорилъ, или дѣлалъ остроумный сатирикъ, началъ признавать съ опечаленнымъ видомъ, что лучше было бы оставить Монтаннелли въ покоѣ. Порядочныхъ кардиналовъ не такъ много. Слѣдовало бы обходиться съ ними вѣжливо, когда они попадаются.

Единственный человѣкъ, который оставался совершенно равнодушнымъ къ дождю карикатуръ и шутокъ, былъ самъ Монтаннелли. Казалось, какъ говорилъ Мартини, совершенно не стоило тратить столько энергіи, чтобы вышучивать человѣка, который относится къ этому такъ добродушно. Въ городѣ разсказывали, какъ Монтаннелли однажды, обѣдая съ архіепископомъ Флорентійскимъ, нашелъ у себя одинъ изъ злыхъ пасквилей Овода, прочелъ его и передалъ архіепископу, сказавъ:

— Не глупо написано, не правда ли?

Однажды появился въ городѣ листокъ, подъ заглавіемъ «Тайна благовѣщенія». Если бы даже авторъ опустилъ на этотъ разъ свою обычную подпись,—изображеніе Овода съ расправленными крыльями,—злобный острый стиль листка не оставилъ бы въ читателяхъ сомнѣнія о личности автора. Сатира была написана въ видѣ діалога между Тосканой въ образѣ Дѣвы Маріи и Монтаннелли; послѣдній въ образѣ ангела, съ пучкомъ лилій, эмблемой чистоты, въ рукахъ и, увѣнчанный оливковой вѣтвью мира, возвѣщалъ о пришествіи іезуитовъ. Весь памфлетъ полонъ былъ оскорбительныхъ личныхъ намековъ и грязныхъ предположеній, и вся Флоренція признала сатиру недостойной и некрасивой. И все-таки вся Флоренція хохотала. Было нѣчто до того покоряющее въ нелѣпостяхъ, которыя Оводъ говорилъ чрезвычайно серьезнымъ тономъ, что даже противники его хохотали надъ остротами, также какъ и самые горячіе его приверженцы. Несмотря на отталкивающій тонъ пасквиля, онъ произвелъ впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей. Личная репутація Монтаннелли была слишкомъ прочной для того, чтобы даже самый остроумный пасквиль могъ серьезно повредить ему, но все-таки на минуту всѣ были настроены противъ него. Оводъ зналъ, куда ужалить, и хотя все еще восторженныя толпы собирались вокругъ дома кардинала, когда онъ выѣзжалъ, или возвращался, знаменательные крики: «Іезуитъ!» или «Санфедистскій шпіонъ!» часто примѣшивались къ привѣтствіямъ и благословеніямъ.

Но у Монтаннелли не было недостатка

въ защитникахъ. Два дня послѣ появленія пасквиля, мѣстная клерикальная газета напечатала блестящую статью подъ заглавіемъ «Отвѣтъ автору Тайны благовѣщенія». Подъ статьей была подпись: «Сынъ церкви». Это была страстная защита Монтаннелли противъ оскорбительныхъ обвиненій Овода. Анонимный авторъ излагалъ сначала съ необычайнымъ краснорѣчіемъ и рвеніемъ ученіе о водвореніи мира и доброжательства на землѣ, говорилъ о новомъ папѣ, какъ о пророкѣ этого евангелія, и въ заключеніи требовалъ отъ Овода, чтобы онъ доказалъ хоть одно изъ своихъ предположеній; онъ торжественно заклиналъ публику не вѣрить презрѣнному клеветнику. И сила защиты, и литературныя достоинства статьи были настолько выше обычнаго уровня газетныхъ писаній, что привлекли всеобщее вниманіе въ городѣ. Любопытство было еще болѣе возбуждено тѣмъ, что даже редакторъ газеты не могъ догадаться о личности автора. Статья была скоро напечатана отдѣльно въ видѣ памфлета, и объ анонимномъ защитникѣ говорили во всѣхъ кофейняхъ Флоренціи.

Оводъ отвѣтилъ рѣзкими нападками на папу и его сподвижниковъ, въ особенности Монтаннелли, намекая на то, что, очевидно, панегирики о немъ пишутся съ его согласія. На это анонимный защитникъ опять отвѣтилъ возмущеннымъ протестомъ. Впродолженіи всего пребыванія Монтаннелли полемика, возгорѣвшаяся между двуми писателями, занимала всеобщее вниманіе, даже болѣе, чѣмъ самъ знаменитый проповѣдникъ.

Нѣкоторые члены либеральной партіи осмѣлились указать Оводу на его излишнюю враждебность по отношенію къ Монтаннелли, но эти объясненія не привели ни къ какому желательному результату. Онъ только любезно улыбался и отвѣчалъ, слегка заикаясь:

— П-право, господа, вы не совсѣмъ добросовѣстны. Я требовалъ, когда условливался съ синьорой Болла, чтобы мнѣ дали возможность н-немножко потѣшить себя. Такъ было сказано въ нашемъ условіи.

Въ концѣ октября Монтаннелли уѣхалъ обратно въ свой приходъ въ Романіи, и передъ отъѣздомъ изъ Флоренціи произнесъ прощальную проповѣдь, въ которой говорилъ о возникшей полемикѣ, мягко осуждая рѣзкость обоихъ писателей, и прося своего неизвѣстнаго защитника подать примѣръ терпимости и бросить безполезную и некрасивую войну на словахъ. На слѣдующій день въ мѣстной клерикальной газетѣ появилось заявленіе о томъ, что послѣ публично высказаннаго желанія монсиньора Монтаннелли, «Сынъ Церкви» прекращаетъ полемику.

Такимъ образомъ, послѣднее слово осталось за Оводомъ. Онъ выпустилъ листокъ, въ которомъ заявилъ, что считаетъ себя обезоруженнымъ и покореннымъ христіанской кротостью Монтаннелли, и что онъ готовъ пролить слезы примиренія и обнять перваго санфедиста, котораго онъ встрѣтитъ. Я даже согласенъ,—говорилъ онъ въ заключеніе,—обнять самого моего неизвѣстнаго противника. И если бы мои читатели знали, какъ я и его преосвященство это знаемъ, что заключается въ моихъ словахъ, и почему мой противникъ не называетъ себя, то они повѣрили бы въ искренность моего обращенія.

Во второй половинѣ ноября онъ объявилъ комитету, что отправляется на двѣ недѣли отдохнуть къ морю. Онъ поѣхалъ, видимо, въ Лигорно, но докторъ Рикардо, который вскорѣ туда отправился, и хотѣлъ посѣтить его, напрасно искалъ его во всемъ городѣ. Пятаго декабря политическая демонстрація самой рѣзкой формы вспыхнула въ Папской области и вдоль всей цѣпи Аппенинскихъ горъ. Тогда всѣ вдругъ поняли причину внезапнаго каприза Овода, устроившаго себѣ каникулы среди зимы. Онъ вернулся во Флоренцію, когда мятежъ потухъ, и, встрѣтивъ Рикардо на улицѣ, сказалъ ему съ изысканной любезностью:

— Мнѣ говорили, что вы искали меня въ Лигорно, а я жилъ въ это время въ Пизѣ. Какой прелестный старый городокъ. Въ немъ есть что-то, напоминающее Аркадію.

На Рождествѣ онъ пришелъ однажды на дневное засѣданіе литературнаго ко-

митета, въ квартиру доктора Рикардо. Засѣданіе было многолюдное, и когда онъ пришелъ, нѣсколько поздно, съ улыбкой извиняясь въ своей неаккуратности, для него не оказалось ни одного незанятаго стула. Рикардо всталъ, чтобы принести кресло изъ другой комнаты, но Оводъ остановилъ его:

— Не безпокойтесь,—сказалъ онъ,— я отлично устроюсь.

Онъ прошелъ къ окну, у котораго Гемма поставила свой стулъ, и небрежно прислонилъ голову къ оконной рамѣ. Онъ посмотрѣлъ на Гемму, полузакрытыми глазами, съ тонкой сфинксообразной улыбкой на губахъ, напоминающей взглядъ юноши на одномъ изъ портретовъ Леонардо да-Винчи; въ эту минуту обычное инстинктивное недовѣріе, которое она къ нему чувствовала, превратилось въ непонятный ужасъ.

Предметомъ обсужденія была брошюра, въ которой излагались взгляды комитета на угрожающій странѣ голодъ и мѣры, которыя слѣдуетъ принять. Трудно было придти къ какому-нибудь рѣшенію, потому что взгляды комитета по этому предмету очень раздѣлились. Болѣе прогрессивная партія, въ которой принадлежали Гемма, Мартини и Рикардо, стояла за энергичное воззваніе къ правительству и обществу о томъ, чтобы тотчасъ же были приняты мѣры помочь населенію деревень. Болѣе умѣренная фракція, къ которой, конечно, принадлежалъ Грассини, боялась, что слишкомъ рѣзкій тонъ вызоветъ скорѣе раздраженіе въ министерствѣ и не убѣдитъ его.

— Конечно, господа, хорошо, чтобы народу оказана была немедленная помощь,—говорилъ онъ, глядя на возбужденныхъ радикаловъ своимъ спокойнымъ и сострадательнымъ взглядомъ.—Большинство изъ насъ желаетъ разныхъ прекрасныхъ вещей, которыхъ мы едва ли добьемся. Но если начать говорить въ такомъ тонѣ, какъ вы предлагаете, правительство едва ли приметъ какія-нибудь мѣры для облегченія бѣды, пока не настанетъ настоящій голодъ. Если бы мы могли хоть убѣдить министерство навести справки о положеніи урожая, это бы было шагомъ впередъ.

Галли, стоявшій въ углу у печки, поспѣшилъ возразить своему врагу.

— Шагъ впередъ! Но голодъ не будетъ насъ дожидаться, пока мы будемъ двигаться такими шагами. Весь народъ помретъ съ голоду прежде, чѣмъ мы доставимъ какую-нибудь помощь.

— Было бы интересно знать, — началъ Саккони, но нѣсколько голосовъ его перебило:

— Говорите громче, мы не слышимъ.

— Да какъ тутъ и слышать, когда на улицѣ такой адскій шумъ,—сказалъ Галли, раздраженный.—Закрыто ли окно подлѣ васъ, Рикардо? Тутъ не слышно, что говорятъ.

Гемма оглянулась.

— Да,—сказала она.—Окно закрыто, но, кажется, по улицѣ проходитъ народный циркъ или что-то въ этомъ родѣ.

Съ улицы доносились звуки хохота и крики, топотъ шаговъ и звонъ колокольчиковъ въ перемежку съ игрой на ужасныхъ мѣдныхъ инструментахъ и съ немилосерднымъ барабаннымъ боемъ.

— Что дѣлать,—сказалъ Рикардо,— нельзя же, чтобы на Рождествѣ было тихо на улицахъ; что вы сказали, Саккони?

— Я говорю, что было бы интересно узнать, какъ объ этомъ думаютъ въ Пизѣ и Лигорно. Можетъ быть, синьоръ Риваресъ можетъ намъ что-нибудь сказать. Онъ какъ разъ оттуда пріѣхалъ.

Оводъ не отвѣчалъ. Онъ глядѣлъ въ окно, и, казалось, не слышалъ, что ему говорятъ.

— Синьоръ Риваресъ, — сказала Гемма. Она сидѣла ближе всѣхъ къ нему, и такъ какъ онъ продолжалъ молчать, она нагнулась и дотронулась до его руки. Онъ повернулъ къ ней голову, и она ужаснулась, увидѣвъ его застывшее въ ужасѣ лицо. Оно казалось лицомъ мертвеца. Потомъ губы его зашевелились страннымъ безжизненнымъ движеніемъ.

— Да, — прошепталъ онъ, — это циркъ.

Первымъ ея инстинктивнымъ движеніемъ было желаніе защитить его отъ любопытства другихъ. Не зная, въ чемъ собственно дѣло, она поняла, что предъ нимъ возникло какое-нибудь страшное

видѣніе или галлюцинація, и что теперь онъ былъ тѣломъ и душой во власти этого видѣнія. Она быстро поднялась, и, ставши между нимъ и остальнымъ обществомъ, распахнула окно, какъ бы для того, чтобы взглянуть въ него. Никто, кромѣ нея, не видѣлъ его лица.

По улицѣ проходилъ бродячій циркъ съ клоунами, сидѣвшими на ослахъ и арлекинами въ полосатомъ платьѣ. Толпа воскресныхъ гулякъ съ хохотомъ и крикомъ обмѣнивалась шутками и перекидывалась бумажными лентами съ клоунами, бросала маленькіе мѣшочки съ леденцами сидѣвшей въ повозкѣ Коломбинѣ, разряженной въ перья и блестки, съ фальшивыми локонами на лбу и искусственной улыбкой на крашеныхъ губахъ. За коляской выступалъ пестрый рядъ фигуръ: уличные арабы, нищіе, кувыркающіеся клоуны и торгаши, выкрикивающіе свой товаръ. Они толкались, кричали и апплодировали кому-то, кого Гемма сначала не могла видѣть въ густой толпѣ. Въ слѣдующую минуту однако она ясно увидѣла паяца—горбатаго и уродливаго карлика, одѣтаго въ шутовской костюмъ, съ бумажнымъ колпакомъ и бубенчиками. Онъ, очевидно, принадлежалъ къ бродячей труппѣ и забавлялъ толпу гримасами и ужимками.

— Что тутъ происходитъ?—сказалъ Рикардо, подходя къ окну. — Чѣмъ вы такъ увлечены?

Онъ былъ удивленъ, что они заставляютъ ждать все общество изъ за какого-то бродячаго цирка. Гемма обернулась.

— Ничего особенно любопытнаго нѣтъ,—сказала она.—Это только уличный циркъ. Но они подняли такой шумъ, и я думала, что случилось что-нибудь особенное.

Она стояла, придерживаясь одною рукой за подоконникъ и вдругъ почувствовала, какъ холодные пальцы Овода съ волненіемъ сжали ея руку.

— Благодарю васъ,—тихо прошепталъ онъ, и затѣмъ, закрывъ окно, сѣлъ рядомъ съ ней на подоконникѣ.

— Простите, — сказалъ онъ своимъ обычнымъ непринужденнымъ тономъ,— что я задержалъ васъ, господа. Я смотрѣлъ на уличныхъ шутовъ; это такое интересное зрѣлище.

— Саккони васъ о чемъ-то спрашивалъ,—сказалъ ворчливо Мартини. Поведеніе Овода казалось ему нелѣпой рисовкой, и ему было непріятно, что Гемма поступила безтактно, послѣдовавъ его примѣру. Это было такъ непохоже на нее.

Оводъ отклонилъ отъ себя всякіе разспросы относительно положенія вещей въ Пизѣ, говоря, что онъ былъ тамъ только для отдыха. Затѣмъ онъ поднялъ оживленный споръ сначала о видахъ на урожай, потомъ о памфлетѣ, и продолжалъ говорить безъ удержу, сильно заикаясь, такъ что утомилъ всѣхъ до нельзя. Казалось, ему отрадно было слушать звукъ собственнаго голоса.

Когда засѣданіе окончилось, и члены комитета поднялись, чтобы идти, Рикардо подошелъ къ Мартини.

— Не останетесь ли вы къ обѣду у меня? Фабрицци и Саккони обѣщали остаться.

— Спасибо, но я обѣщалъ проводить синьору Боллу.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ боитесь, что я не смогу одна добраться до дому?—спросила она, вставая и одѣвая свой плащъ.—Конечно, онъ останется у васъ, докторъ Рикардо. Ему хорошо немного развлечься. Онъ такъ мало выходитъ изъ дому.

— Если хотите, я провожу васъ,— вмѣшался Оводъ,—мнѣ, все равно, нужно идти по тому направленію.

— Если вы, въ самомъ дѣлѣ, идете въ ту сторону.

— А вы въ теченіе вечера зайдете ко мнѣ Риваресъ?—спросилъ Рикардо, отворяя имъ двери.

Оводъ повернулъ къ нему голову и сказалъ со смѣхомъ:

— Я, милый мой? Я пойду въ циркъ!

— Какое странное существо, и что это за странная любовь къ уличнымъ шутамъ, — сказалъ Рикардо, возвращаясь къ гостямъ.

— Онъ чувствуетъ свое духовное родство съ ними, я полагаю,—сказалъ Мартини,—самъ онъ балаганный шутъ.

— Я хотѣлъ бы, чтобы онъ не былъ

ничѣмъ инымъ, — сказалъ Фабрицци серьезнымъ голосомъ.— Если онъ и шутъ, то очень опасный.

— Опасный? въ какомъ отношеніи?

— Да мнѣ не нравятся эти таинственныя отлучки, которыя онъ такъ любитъ. Вѣдь это онъ въ третій разъ уже уѣзжалъ, и я совершенно не вѣрю, чтобы онъ былъ въ Пизѣ.

— Мнѣ кажется, что онъ не скрываетъ, что уѣзжалъ въ горы,—сказалъ Саккони.—Онъ даже не давалъ себѣ труда отрицать, что продолжаетъ имѣть сношенія съ контрабандистами, съ которыми познакомился во время мятежа въ Савиньо, и которыми онъ пользуется для того, чтобы перевозить свои изданія.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами,— сказалъ Рикардо,—именно объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что лучше всего было бы поручить Риваресу устройство нашей контрабанды. Печатаніе въ Пистоѣ, по моему, не хорошо организовано, и самый способъ перевоза изданій, завертываніе въ сигары, все это болѣе чѣмъ примитивно.

— Но до сихъ поръ все шло отлично,—сердито сказалъ Мартини. Ему надоѣло, что Галли и Рикардо вѣчно выдвигали Овода какъ образецъ, которому слѣдовало подражать, и онъ склоненъ былъ думать, что все шло отлично прежде, чѣмъ явился этотъ кривляющійся бандитъ и сталъ указкой для всѣхъ.

— Приходилось мириться съ прежнимъ устройствомъ, пока мы не имѣли ничего лучшаго въ виду. Но вы знаете сами, сколько было арестовъ и сколько транспортовъ было захвачено. А я увѣренъ, что если Риваресъ возьметъ на себя это дѣло, то всего этого не будетъ.

— Почему же это вы такъ думаете?

— Во-первыхъ потому, что мы для контрабандистовъ чужіе и они видятъ въ насъ не людей, а овецъ, которыхъ имъ послали для стрижки. Риваресъ же ихъ другъ, быть можетъ, даже ихъ предводитель и они ему довѣряютъ. Вы можете быть увѣрены, что каждый контрабандистъ въ Аппенинахъ сдѣлаетъ для человѣка, участвовавшаго въ мятежѣ въ Савиньо, то, что онъ не сдѣлаетъ для насъ. Наконецъ, между нами нѣтъ ни одного человѣка, который бы такъ хорошо зналъ горы, какъ Риваресъ. Вспомните, онъ вѣдь былъ бѣглецомъ, жилъ съ ними и знаетъ наизусть всѣ горныя тропинки контрабандистовъ. Ни одинъ контрабандистъ не рѣшится обмануть его, даже если бы онъ хотѣлъ, и ни одному бы не удалось это, если бы онъ осмѣлился.

— Значитъ, вы хотите, чтобы мы предложили ему взять на себя весь сбытъ нашихъ изданій по ту сторону границы, распредѣленіе, адресы, мѣста складовъ—все вообще, или же только переправку нашихъ изданій?

— Что касается адресовъ и мѣстъ для складовъ, то онъ, вѣроятно, знаетъ все то, что извѣстно намъ, и то, что неизвѣстно. Не думаю, чтобы мы могли сообщить ему что-нибудь новое въ этомъ отношеніи. Что касается распространенія изданій, то объ этомъ нужно посовѣтоваться со всѣми. Самое важное, по моему, заключается въ переправѣ контрабаднымъ путемъ. Разъ книги благополучно попали въ Болонью, то распространять ихъ ужъ сравнительно легко.

— Что касается меня,—сказалъ Мартини, — то я противъ этого плана. Во-первыхъ, ловкость Ривареса еще не испытана. О ней можно только предполагать. Мы еще не видѣли, какъ онъ справляется въ работѣ по контрабандѣ, и не знаемъ, какъ онъ держитъ себя въ критическія минуты.

— Ну, ужъ объ этомъ нечего безпокоиться,—сказалъ Рикардо.—Мятежъ въ Савиньо показалъ, что онъ умѣетъ держать себя, какъ слѣдуетъ.

— А затѣмъ,—продолжалъ Мартини,—я вовсе не считаю благоразумнымъ, судя по тому немногому, что извѣстно про Ривареса, ввѣрять ему всѣ тайны партіи. Мнѣ онъ кажется легкомысленнымъ и бьющимъ на эффектъ человѣкомъ. Передать въ руки его одного веденіе всего контрабаднаго дѣла мнѣ кажется дѣломъ слишкомъ серьезнымъ. Какъ вы полагаете, Фабрицци?

— Если бы у меня были только тѣ возраженія, которыя вы приводите, Мартини,—отвѣтилъ профессоръ,—я несом-

нѣнно отказался бы отъ нихъ по отношенію къ человѣку, который обладаетъ достоинствами, о которыхъ говоритъ Рикардо. Что касается меня, то у меня тоже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ни относительно его храбрости, ни относительно его присутствія духа. А что онъ знаетъ горы и горцевъ, на это мы имѣемъ много доказательствъ. Но есть еще другое возраженіе. Я не увѣренъ, что онъ отправляется въ горы только для пропаганды. Я началъ подозрѣвать, что у него есть другія цѣли. Это, конечно, между нами. Я высказываю только подозрѣніе. Мнѣ кажется, возможнымъ предположить, что онъ въ связи съ одной изъ сектъ и, быть можетъ, самой опасной.

— О комъ вы говорите? О «красныхъ поясахъ»?

— Нѣтъ. Объ «Occoltellatori».

— О «ножовикахъ»? Но вѣдь это небольшой союзъ бродягъ, большею частью крестьянъ, безъ всякаго образованія и политическаго опыта.

— Таковыми же были и мятежники въ Савиньо, но нѣсколько образованныхъ людей были ихъ вождями, и въ томъ маленькомъ союзѣ дѣло, можетъ быть, обстоитъ точно также. И замѣтьте, что большинство этихъ бунтовщиковъ въ Романьи бывшіе дѣятели изъ Савиньо. Это тѣ, которые оказались слишкомъ слабыми, чтобы открыто бороться противъ церкви и потому стали убійцами. Руки ихъ недостаточно сильны для пушекъ, и они взялись за ножи.

— Но что заставляетъ васъ предположить, что Риваресъ въ связи съ ними?

— Я и не предполагаю, а только подозрѣваю. Я думаю, что во всякомъ случаѣ слѣдуетъ это узнать раньше, чѣмъ поручить ему дѣло контрабанды. Если бы онъ взялся за оба дѣла сразу, онъ принесъ бы нашей партіи величайшій вредъ. Онъ навсегда уничтожилъ бы ея доброе имя, безъ всякой пользы для дѣла. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ нужно поговорить еще разъ. А теперь перейдемъ къ извѣстіямъ изъ Рима. Говорятъ, что тамъ собираются назначить коммиссію для выработки проекта городского управленія.

VI.

Гемма и Оводъ шли молча вдоль Лунгарно. Его лихорадочная говорливость совершенно исчезла; онъ не произнесъ ни слова съ того времени, какъ они ушли отъ Рикардо, и Гемма была рада его молчанію. Она чувствовала себя всегда неловко въ его обществѣ и сегодня еще болѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что его странное поведеніе во время засѣданія комитета чрезвычайно изумило ее.

У дворца Уфици онъ внезапно остановился и обернулся къ ней:

— Вы не устали?

— Нѣтъ. Почему вы спрашиваете?

— Вы не особенно заняты сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ.

— У меня къ вамъ просьба: я хотѣлъ бы, чтобы вы пошли погулять со мной.

— Куда?

— Куда хотите.

— Но зачѣмъ?

Онъ замялся.

— Я не могу сказать вамъ. То-есть, это очень трудно. Но, пожалуйста, пойдите, если можете.

Онъ вдругъ поднялъ на нее глаза, и она увидѣла въ нихъ странное выраженіе.

— Съ вами что-то дѣлается сегодня,— сказала она тихо.

Онъ оторвалъ листокъ отъ цвѣтка въ петлицѣ и сталъ его мять. На кого это онъ такъ странно походилъ? На кого-то съ такими же движеніями пальцевъ и нервными быстрыми жестами.

— Я сегодня разстроенъ,—сказалъ онъ, опуская глаза и говоря еле слышнымъ голосомъ.—Мнѣ бы не хотѣлось оставаться одному. Хотите пройтись?

— Хорошо. Но, можетъ быть, вы предпочтете зайти вмѣсто того ко мнѣ.

— Нѣтъ. Пойдемте пообѣдать со мной въ ресторанѣ. Вотъ тутъ на площади Синьоріи есть ресторанъ. Пожалуйста, не отказывайте, вы обѣщали.

Они вошли въ ресторанъ, гдѣ онъ заказалъ обѣдъ, но не дотрогивался ни до чего, и продолжалъ упрямо молчать,

крошилъ хлѣбъ и нетерпѣливо игралъ бахромой скатерти. Гемма чувствовала себя неловко и начала жалѣть, что не отказалась пойти съ нимъ. Молчаніе становилось тягостнымъ. Но ей не хотѣлось начать пустой разговоръ съ человѣкомъ, который, казалось, забылъ объ ея присутствіи. Наконецъ, онъ поднялъ глаза и сказалъ отрывисто:

— Хотите пойти смотрѣть на представленіе въ циркѣ?

Она съ изумленіемъ взглянула на него. «И дался же ему этотъ циркъ».

— Видѣли вы когда-нибудь такого рода представленія?—спросилъ онъ отрывисто прежде, чѣмъ она успѣла отвѣтить.

— Нѣтъ, кажется, никогда. Я не думаю, чтобы это было интересно.

— Это очень интересно. Я не думаю, что можно изучать жизнь народа, не видавъ ихъ никогда. Пойдемте.

Когда они пришли туда, бродячая труппа уже устроила палатки около городскихъ воротъ, и ужасные звуки скрипокъ и бой барабана извѣщалъ о томъ, что представленіе началось.

Спектакль былъ самаго примитивнаго свойства: нѣсколько клоуновъ, арлекиновъ и акробатовъ, наѣздникъ, скакавшій черезъ обручи, накрашенная Коломбина и горбунъ, продѣлывавшій скучные и глупые фокусы, представляли всю наличность труппы. Шутки не были въ общемъ грубыми и неприличными, но онѣ были плоскими, и все представленіе носило характеръ безнадежной тупости. Слушатели смѣялись и рукоплескали по природной тосканской вѣжливости, но истинное удовольствіе доставляли имъ только выходки горбуна, въ которыхъ Гемма не могла найти ничего остроумнаго или забавнаго. Это былъ рядъ отвратительныхъ, уродливыхъ ужимокъ, которымъ зрители тутъ же подражали, поднимая дѣтей на плечи, чтобы тѣ могли разглядѣть хорошенько урода.

— Синьоръ Риваресъ, неужели вамъ нравится это зрѣлище?—сказала Гемма, обращаясь къ Оводу, который стоялъ около нея, держась рукою за одинъ изъ деревянныхъ столбовъ палатки. Мнѣ кажется...

Она не докончила фразы и молча глядѣла на него. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ она стояла съ Монтаннѐлли у воротъ въ Лигорно, она не видѣла выраженія такого бездоннаго отчаянія на человѣческомъ лицѣ. Глядя на него, она думала объ адѣ Данте. Въ это время горбунъ, получивъ щелчокъ отъ одного изъ клоуновъ, кувырнулся и скатился съ арены безобразнымъ клубкомъ. Началась перебранка между двумя клоунами, и Оводъ, казалось, очнулся отъ сна.

— Ну, что же, пойдемъ, — сказалъ онъ:—или вы хотите еще остаться?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы уйти.

Они вышли изъ палатки и прошли черезъ темный лугъ къ рѣкѣ.

Нѣсколько минутъ никто изъ нихъ не говорилъ.

— Что вы думаете объ этомъ представленіи?—спросилъ вдругъ Оводъ.

— Мнѣ оно показалось жалкимъ, а мѣстами прямо отвратительнымъ.

— Что по вашему отвратительно?

— Да вотъ всѣ эти гримасы и ужимки. Онѣ только уродливы и совсѣмъ лишены остроумія.

— Вы говорите о горбунѣ?

Помня его особенную чувствительность по отношенію къ физическимъ недостаткамъ, она старалась не называть эту часть представленія, но когда онъ самъ заговорилъ объ этомъ, она отвѣтила:

— Да, мнѣ онъ не понравился.

— А публикѣ-то онъ угодилъ больше всего.—Это и печально.

— Какъ доказательство дурного вкуса публики?

— Нѣтъ, все было въ достаточно дурномъ вкусѣ, но въ этомъ было еще нѣчто жестокое.

Онъ улыбнулся.

— Жестокое? По отношенію къ горбуну?

— Я хочу сказать, — конечно, для него это совершенно безразлично. Для него горбъ источникъ заработка, какъ прыжки для клоуна и роль Коломбины для нея. Но самое зрѣлище такое жалкое. Оно такъ унижаетъ человѣческое существо.

— О, онъ, вѣроятно, не чувствуетъ себя болѣе униженнымъ, чѣмъ до того, какъ попалъ на подмостки; всѣ мы унижаемся тѣмъ или другимъ образомъ.

— Да, но это. Вы, можетъ быть, сочтете мои слова презрѣннымъ предразсудкомъ, но, по моему, человѣческое тѣло священно. Противно видѣть, когда обходятся съ нимъ непочтительно и выставляютъ на видъ его уродство.

— Ну, а человѣческая душа?

Онъ остановился, и, опершись одной рукой на каменныя перила набережной, взглянулъ ей въ лицо.

— Душа?—повторила она, останавливаясь въ свою очередь и глядя на него въ изумленіи.

Онъ широко раскинулъ руки внезапнымъ страстнымъ движеніемъ.

— Неужели вамъ никогда не казалось, что у несчастнаго клоуна можетъ быть душа—живая, борющаяся человѣческая душа, закованная въ его обезображенное тѣло и обязанная трудиться для него. Вы, такая жалостливая ко всему, сострадательная къ тѣлу, одѣтому въ шутовское платье, неужели вы никогда не задумывались о несчастной душѣ, у которой нѣтъ даже мишурныхъ тряпокъ, чтобы прикрыть свою ужасную наготу. Подумайте, какъ она дрожитъ отъ холода, коченѣетъ отъ позора и ужаса передъ всей этой толпой, принимая ихъ шутки, какъ удары бича, слушая хохотъ, который жжетъ, подобно раскаленному желѣзу. Подумайте, какъ она озирается, такая безпомощная передъ всѣми ними. Какъ бы ей хотѣлось, чтобы горы упали на нее, чтобы безжалостные утесы покрыли ее: она завидуетъ крысамъ, которыя могутъ зарыться въ какую-нибудь дырку въ землѣ. И вспомните, что душа нѣмая, что нѣтъ у нея голоса, чтобы крикнуть. Она должна терпѣть, терпѣть, терпѣть... О, я говорю глупости! И что же вы не смѣетесь? Вы совершенно не чувствительны къ юмору.

Медленно и въ мертвомъ молчаніи она повернулась и пошла вдоль рѣки. Въ теченіе всего вечера ей ни разу не пришло въ голову привести въ связь его волненіе съ представленіемъ въ циркѣ, а теперь, когда его внезапная вспышка открыла ей какую-то смутную картину изъ его внутренней жизни, она не могла, охваченная глубокой жалостью, найти ни слова утѣшенія. Онъ шелъ рядомъ съ ней, отвернувши голову, и смотрѣлъ на воду.

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы поняли,— сказалъ онъ вдругъ, обратившись къ ней съ недовѣрчивымъ видомъ,—что все, что я говорилъ, одна только фантазія. Я люблю выдумывать, но терпѣть не могу, когда это берутъ въ серьезъ.

Она ничего не отвѣтила, и они шли въ молчаніи. Проходя мимо воротъ Уфицци, онъ перешелъ черезъ дорогу и нагнулся надъ темнымъ комкомъ, лежавшимъ у рельсъ конки.

— Что случилось, малютка? — спросилъ онъ, и Гемма удивилась неожиданной мягкости его голоса,—почему ты не идешь домой?

Комокъ зашевелился и отвѣтилъ что-то тихимъ стонущимъ голосомъ. Гемма подошла къ нимъ и увидѣла ребенка лѣтъ шести, оборваннаго и грязнаго, лежавшаго на мостовой, какъ испуганный звѣрекъ. Оводъ наклонился и гладилъ рукой растрепанную головку.

— Что случилось,—спросилъ онъ, нагибаясь еще ниже, чтобы разслышать невнятный отвѣтъ.—Нужно идти домой въ постельку. Маленькимъ мальчикамъ нечего быть на улицѣ по ночамъ. Ты совсѣмъ замерзъ. Дай руку и будь молодцомъ. Гдѣ ты живешь?

Онъ взялъ ребенка за руку, чтобы поднять его, но мальчикъ опустился опять на землю съ громкимъ плачемъ.

— Ну, что, что, — спросилъ Оводъ, опускаясь на колѣни около него.—Боже! синьора, посмотрите.

Плечо и курточка мальчика были покрыты кровью.

— Скажи мнѣ, что случилось,—продолжалъ Оводъ ласкающимъ голосомъ. — Ты упалъ? Нѣтъ? Кто-нибудь побилъ тебя? Я такъ и думалъ. Кто же это?

— Дядя.

— Ну да, конечно. Когда это случилось?

— Сегодня утромъ. Онъ былъ пьянъ, а я... я...

— А ты попался ему подъ руку. Не такъ ли? Не нужно попадаться подъ руку, когда человѣкъ пьянъ, дитя мое. Этого пьяные не любятъ. Что же намъ дѣлать съ крошкой, синьора? Подойдемъ къ свѣту, дитя мое, и дай мнѣ посмотрѣть на плечо. Обними мнѣ шею рукой, я тебѣ ничего не сдѣлаю. Ну, вотъ такъ.

Онъ взялъ мальчика на руки, и, перенеся его черезъ улицу, поставилъ на широкой каменной балюстрадѣ. Вынувъ изъ кармана ножъ, онъ ловко сдернулъ разорванный рукавъ, прислонивъ голову ребенка къ своей груди, пока Гемма держала пострадавшую руку. Плечо было страшно избито и распухло, а на рукѣ былъ глубокій шрамъ.

— Какъ можно было изранить такого крошку, — сказалъ Оводъ, перевязывая платкомъ руку, чтобы рукавъ не царапалъ ее.—Чѣмъ это онъ ударилъ?

— Кочергой. Я попросилъ у него сольдо, чтобы купить въ лавкѣ немножко поленты, а онъ меня ударилъ кочергой.

Оводъ содрогнулся.

— А,—сказалъ онъ мягко:—это было очень больно?

— Онъ ударилъ меня кочергой—а я убѣжалъ. Я убѣжалъ, потому что онъ ударилъ меня.

— И ты все время бродилъ, не ѣвши?

Вмѣсто отвѣта, ребенокъ началъ рыдать. Оводъ снялъ его съ балюстрады.

— Ничего, ничего, мы все поправимъ. Какъ бы только достать коляску. Боюсь, что всѣ онѣ собрались у театра—тамъ сегодня представленіе. Мнѣ совѣстно водить васъ такимъ образомъ по городу, синьора, но...

— Я непремѣнно пойду съ вами. Вамъ, можетъ, понадобится помощь. Но развѣ вы сможете нести его такъ далеко? Онъ не слишкомъ тяжелъ?

— О, я-то съ нимъ справлюсь, не безпокойтесь.

У театра они нашли только нѣсколько извозчичьихъ каретъ, и всѣ онѣ были наняты. Представленіе кончилось, и большинство зрителей уже ушло. Имя Зитты было напечатано большими буквами на стѣнныхъ афишахъ. Она участвовала въ балетѣ. Попросивъ Гемму подождать минуту, Оводъ подошелъ къ подъѣзду артистовъ и обратился къ одному изъ служителей:

— Мадамъ Ренни уже уѣхала?

— Нѣтъ, сударь,—отвѣтилъ тотъ, съ изумленіемъ глядя на хорошо одѣтаго господина, носящаго уличнаго мальчишку на рукахъ.—Мадамъ Ренни собирается ѣхать, кажется. Вотъ ея коляска. Да вотъ и она сама.

Зитта сходила съ лѣстницы, опираясь на руку молодого кавалерійскаго офицера. Она выглядѣла обаятельно красивой въ пламенно красномъ бархатномъ плащѣ, накинутомъ на ея бальное платье и съ огромнымъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ, висящимъ сбоку. У подъѣзда она остановилась и, выдернувъ руку у своего спутника, подошла къ Оводу внѣ себя отъ изумленія.

— Феличче,—воскликнула она, задыхаясь,—что у васъ такое?

— Я подобралъ этого ребенка на улицѣ. Онъ весь избитъ и голоденъ. Нужно какъ можно скорѣе доставить его домой, и такъ какъ нигдѣ нельзя нанять кареты, то мнѣ нужна ваша коляска.

— Феличче, не думаете же вы брать ужаснаго нищенку къ себѣ домой. Пошлите за полицейскимъ, чтобы онъ взялъ его въ пріютъ или куда-нибудь въ другое мѣсто. Нельзя же собирать у себя всѣхъ городскихъ бродягъ.

— Ребенокъ раненъ, — продолжалъ Оводъ:—завтра его можно отправить въ пріютъ, но прежде всего нужно взять его и накормить.

Зитта сдѣлала брезгливую гримасу.

— Смотрите, онъ прислонился къ вамъ головой. Какъ вы можете это вынести, вѣдь онъ грязный.

Онъ посмотрѣлъ на нее, взбѣшенный.

— Онъ голоденъ,—сказалъ онъ рѣзко:—вы вѣрно не понимаете, что это значитъ.

— Синьоръ Риваресъ, — вмѣшалась Гемма,—моя квартира тутъ близко, повеземте ребенка туда, и если вы не найдете коляски, я могу оставить его у себя на ночь.

Онъ быстро обернулся къ ней.

— Вы на это согласны?

— Конечно. Добрый вечеръ, мадамъ Ренни.

Цыганка съ холоднымъ поклономъ и сердито пожавъ плечами, снова взяла офицера подъ руку, подняла шлейфъ платья и проплыла мимо нихъ къ каретѣ, которую у нея хотѣли отнять.

— Я пошлю карету за вами и ребен-

комъ, синьоръ Риваресъ,—сказала Зитта, останавливаясь у дверей.

— Хорошо, я скажу куда. Онъ вышелъ на улицу, далъ адресъ кучеру и вернулся къ Геммѣ со своей ношей.

Кэтти не спала, дожидаясь своей хозяйки, и услышавъ о томъ, что случилось, побѣжала скорѣе, чтобы достать горячей воды и все, что нужно. Усадивъ ребенка на стулъ, Оводъ опустился на колѣни возлѣ него, и ловко снимая съ него разодранное платье, промывалъ и перевязывалъ раны нѣжными искусными руками. Когда онъ обмылъ ребенка и завернулъ его въ теплое одѣяло. Гемма вошла съ подносомъ въ рукахъ.

— Можно теперь накормить вашего паціента?—спросила она, улыбаясь при видѣ страннаго маленькаго существа.—Я сварила ему сама ужинъ.

Оводъ всталъ и, собравъ снятыя съ ребенка лохмотья, сдѣлалъ изъ нихъ свертокъ.

— Мы, кажется, надѣлали ужасный безпорядокъ въ вашей комнатѣ,—сказалъ онъ.—Вотъ это все слѣдуетъ сжечь, а я завтра куплю новое платье. Есть у васъ немного коньяку, синьора? Нужно дать ему выпить нѣсколько глотковъ. Я же, если позволите, пойду помыть руки.

Когда ребенокъ поѣлъ, онъ сейчасъ же заснулъ на рукахъ у Овода, прислонившись къ его груди головой. Гемма, которая помогала Кэтти приводить комнату въ порядокъ, сѣла снова къ столу.

— Синьоръ Риваресъ, покушайте прежде чѣмъ идти домой. Вы почти не обѣдали, а теперь очень поздно.

— Я съ удовольствіемъ выпилъ бы чашку чаю по-англійски. Мнѣ совѣстно, что я васъ такъ долго задерживаю.

— О, это все равно. Положите ребенка на диванъ. Онъ васъ утомляетъ. Подождите только, я покрою подушку простыней. Что вы намѣрены съ нимъ дѣлать?

— Завтра? Поискать, нѣтъ ли у него другихъ родственниковъ, кромѣ пьянаго дяди. Если нѣтъ, то мнѣ придется послѣдовать совѣту мадамъ Ренни и отдать его въ пріютъ. Можетъ быть, изъ жалости къ нему слѣдовало бы привязать ему камень на шею и бросить его въ рѣку. Но это доставило бы мнѣ всякія непріятности. Заснулъ, бѣдняжка. Вотъ несчастная крошка. Беззащитнѣе всякой кошки на улицѣ.

Когда Кэтти принесла подносъ, мальчикъ раскрылъ глаза и оглядывался съ изумленнымъ видомъ. Узнавши Овода, онъ сразу взглянулъ на него, какъ на своего естественнаго покровителя, сползъ съ дивана, и, путаясь въ складкахъ огромнаго одѣяла, пошелъ примоститься около него. Онъ теперь достаточно пришелъ въ себя, чтобы предлагать вопросы; указывая на обезображенную лѣвую руку, въ которой Оводъ держалъ кусокъ пирожнаго, онъ спросилъ:

— Что это такое?

— Это? Пирожное. Тебѣ тоже захотѣлось. Довольно съ тебя и такъ. Подожди до завтра, дружокъ.

— Нѣтъ, это!—Онъ вытянулъ руку и дотронулся до отрѣзанныхъ пальцевъ и большого шрама на рукѣ Овода, который тотчасъ же опустилъ руку.

— Ахъ это,—это какъ разъ то же, что у тебя на плечѣ. Меня ударилъ человѣкъ, который былъ сильнѣе меня.

— Вѣрно было больно?

— О, не помню,—не больнѣе, чѣмъ все другое. Ну а теперь отправляйся спать, нечего разговаривать такъ поздно ночью.

Когда коляска пріѣхала, мальчикъ опять глубоко спалъ, и Оводъ, не будя его, взялъ его на руки и снесъ съ лѣстницы.

— Вы сегодня были для меня спасительнымъ ангеломъ,—сказалъ онъ Геммѣ, останавливаясь у дверей,—но, конечно, это не помѣшаетъ намъ ссориться, сколько угодно, въ будущемъ.

— Я совершенно не желаю ссориться съ кѣмъ бы то ни было.

— Да, но я желаю. Жизнь была бы несносной безъ ссоръ. Добрая ссора соль земли. Это даже лучше представленій въ циркѣ.

Съ этими словами онъ сошелъ съ лѣстницы, неся на рукахъ спящаго ребенка.

VII.

Однажды, въ началѣ января, Мартини, разославшій всѣмъ приглашенія на мѣсячное собраніе литературнаго комитета, получилъ отъ Овода короткую, написанную карандашемъ, записку: «Очень жаль, но не могу придти». Это было очень непріятно Мартини, тѣмъ болѣе, что въ приглашеніи значилось, что засѣданіе очень важное; такое небрежное отношеніе Овода къ дѣламъ казалось ему почти дерзостью. Кромѣ того въ теченіе дня пришли три письма съ дурными извѣстіями, и вѣтеръ дулъ съ запада, такъ что Мартини былъ въ самомъ дурномъ настроеніи; когда на засѣданіи докторъ Рикардо спросилъ: здѣсь ли Риваресъ?—онъ отвѣтилъ ворчливо:—Нѣтъ, онъ занятъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь болѣе интереснымъ и не можетъ или не хочетъ придти.

— Право, Мартини,—сказалъ Галли съ раздраженіемъ;—вы самый несправедливый человѣкъ во Флоренціи. Если вамъ человѣкъ не нравится, вы начинаете ставить ему все въ вину. Какъ могъ Риваресъ придти, когда онъ боленъ?

— Кто вамъ сказалъ, что онъ боленъ?

— Развѣ вы не знали? Онъ послѣдніе четыре дня не вставалъ съ постели.

— Что жъ съ нимъ такое?

— Не знаю. Онъ долженъ былъ отложить свиданіе со мной въ четвергъ изъ за болѣзни, а вчера, когда я зашелъ къ нему, мнѣ сказали, что онъ очень боленъ, и никого не можетъ видѣть. Кажется, Рикардо ухаживаетъ за нимъ.

— Я ничего не зналъ. Я пойду туда вечеромъ и узнаю, не нужно ли ему чего-нибудь.

На слѣдующее утро Рикардо вошелъ въ маленькій кабинетъ Геммы, блѣдный и утомленный. Она сидѣла у стола, вычитывая однообразные ряды цифръ Мартини, который съ увеличительнымъ стекломъ въ одной рукѣ и съ тонкимъ карандашемъ въ другой, дѣлалъ легкіе значки на страницахъ книги, лежавшей передъ нимъ. Она сдѣлала знакъ рукой, требуя молчанія. Рикардо, зная, что нельзя прерывать писаніе шифромъ, усѣлся на диванъ за нею и зѣвнулъ, какъ человѣкъ, который еле держится на ногахъ отъ усталости.

— 2,4; 3,7; 6,1; 3,5; 4, 1; голосъ Геммы звучалъ однообразно, какъ машина.—8—4; 7—2; 5—1; это конецъ фразы, Чезаре.

Она воткнула булавку въ бумагу, чтобы отмѣтить точное мѣсто, и обернулась.

— Доброе утро, докторъ. Какой у васъ ужасный видъ. Вы нездоровы?

— Я-то здоровъ, только усталъ. Я провелъ ужасную ночь съ Риваресомъ.

— Съ Риваресомъ?

— Да, я не спалъ всю ночь и теперь долженъ идти къ моимъ паціентамъ. Я теперь только зашелъ узнать, можете ли вы найти кого-нибудь, кто бы могъ быть около него нѣсколько дней. Я, конечно, готовъ все дѣлать, что въ моихъ силахъ, но у меня времени нѣтъ, а онъ ни за что не хочетъ слышать о сидѣлкѣ.

— Что же съ нимъ такое?

— У него что-то очень сложное. Прежде всего...

— Прежде всего, можетъ быть вы позавтракаете?

— Хорошо. Благодарю васъ. Относительно Ривареса, дѣло, главнымъ образомъ, въ нервныхъ осложненіяхъ, но главное то, что это приступъ старой болѣзни, которую слишкомъ запустили. Теперь онъ въ печальномъ состояніи. Очевидно, онъ заболѣлъ во время войны въ Южной Америкѣ и его не вылѣчили какъ слѣдуетъ въ то время; счастье еще, что онъ выжилъ, но у него осталась хроническая склонность къ воспаленіямъ, и всякая мелочь можетъ вызвать вспышку болѣзни.

— Это опасно?

— Нѣтъ. Главная опасность только въ томъ, что больной можетъ придти въ отчаяніе и принять дозу мышьяка.

— Онъ сильно страдаетъ?

— Ужасно. Я не знаю, какъ онъ это выноситъ. Я долженъ былъ поить его опіумомъ ночью, хотя терпѣть не могу этого дѣлать съ нервными больными; но необходимо было его какъ-нибудь успокоить.

рища умершихъ и похороненныхъ предковъ, посмертная жизнь которыхъ является слабымъ отраженіемъ ихъ земной жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста наградѣ или наказанію, мысль о которыхъ является утѣшеніемъ или возбуждаетъ ужасъ въ душѣ индивида. По этой же причинѣ каждый кланъ, въ качествѣ «безсмертной» корпораціи, отвѣчаетъ за грѣхи каждаго изъ своихъ членовъ и терпитъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ искупленіе. Тутъ корпоративная отвѣтственность въ настоящей жизни заступаетъ мѣсто личной награды или наказанія въ будущей жизни. Такая отвѣтственность клана не носитъ личнаго характера и распространяется на весь кланъ, такъ же, какъ у племени «Bedâwi» право и обязательство кровавой мести (Thâs) распространяется вплоть до пятаго поколѣнія. По понятіямъ клана, слѣдовательно, ничего нѣтъ нелогичнаго въ принесеніи въ жертву невиннаго человѣка въ отплату за преступленіе или грѣхъ, совершенный какимъ-нибудь членомъ группы. Такое жертвоприношеніе только тогда лишается смысла, когда развивается понятіе о личной отвѣтственности и индивидуальномъ намѣреніи. Когда кланы начинаютъ терять свои характерныя черты (напримѣръ, когда земля перестаетъ быть общимъ владѣніемъ и когда узы родства начинаютъ ослабѣвать подъ вліяніемъ искусственнаго расширенія границъ клановъ) и распадаются на отдѣльныя семьи, выдѣляя отдѣльныхъ личностей, то понятія о наслѣдственной винѣ, составляя пережитокъ въ новыхъ соціальныхъ условіяхъ, порождаютъ столкновеніе между новыми идеями о личномъ умыслѣ и идеей корпоративной отвѣтственности, являющееся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перенесенія идей клана въ область чистой индивидуальной жизни. Благодаря именно такому переживанію, мы встрѣчаемъ въ аѳинской драмѣ ранняго періода идею наслѣдственности грѣха въ качествѣ руководящей этической доктрины. Но утонченное чувство грековъ заставило ихъ постепенно измѣнить старинное и грубое понятіе о наслѣдственномъ грѣхѣ, преобразовавъ его въ личную склонность къ совершенію грѣховъ, которая должна повлечь возмездіе боговъ. Такимъ образомъ возрастающій индивидуализмъ грековъ избѣжалъ необходимости прямо отречься отъ наслѣдственнаго грѣха, какъ это вынуждены были сдѣлать древніе евреи, не столь изощрившіеся въ утонченной хитрости, какъ греки. Но даже такія понятія о безличной отвѣтственности, какія составляютъ этику первобытной аѳинской драмы, хотя и значительно отличаются отъ чистѣйшей жизни клана, все же достаточно обнаруживаютъ пропасть, существующую между нашимъ современнымъ анализомъ человѣческихъ намѣреній и понятіями о личномъ характерѣ и представленіяхъ тѣхъ эпохъ, когда индивидъ нравственнымъ образомъ растворялся въ своей группѣ. Въ самомъ дѣлѣ, переживаніе подобныхъ первобытныхъ понятій и сохраненіе ихъ въ интеллектуальной атмосферѣ Аѳинъ представляетъ еще болѣе замѣчательное явленіе, нежели осужденіе вѣры въ наслѣдственный грѣхъ, встрѣчающееся въ этикѣ Десятикнижія пророка Езекіиля. Но если этотъ фактъ указываетъ, что чувства древнихъ еврейскихъ клановъ (mishpâchôth) претерпѣли нѣкоторыя измѣненія вслѣдствіе развитія индивидуализма, который столкнулся съ идеей наслѣдственнаго грѣха, то переживанія, встрѣчающіяся въ аѳинской драмѣ, служатъ, въ свою очередь, указаніемъ, что мы можемъ натолкнуться въ любой стадіи соціальной жизни и цивилизаціи, какъ бы она ни была благопріятна развитію индивидуальной независимости, на подобное же переживаніе древнихъ взглядовъ на индивидуальный характеръ.

Обобщеніе понятія о человѣческомъ характерѣ, въ значительной степени зависящее отъ извѣстныхъ формъ соціальной организаціи, служитъ источникомъ сходства, замѣчаемаго нами между первобытными драмами Аѳинъ и современной Европы. Въ Аѳинахъ эти идеи являются переживаніемъ корпоративной жизни клана, рамки которой постепенно расширялись. Преобразованіе жизни клана въ жизнь городской республики, вмѣстѣ съ расширеніемъ ея предѣловъ, повлекло за собою и съуживаніе ея развитія въ нѣкоторомъ отношеніи, породивъ индивидуальную эволюцію. Въ средневѣковой Европѣ мы встрѣчаемъ такіе же пережитки, обязанные своимъ происхожденіемъ возрожденію корпоративной жизни въ городахъ, развитіе которыхъ всюду совпадало съ упадкомъ феодальнаго индивидуализма. Клановыя общины болѣе или менѣе скрываются отъ нашихъ взоровъ въ литературѣ, вслѣдствіе того, что появленіе и нѣкоторое развитіе литературы совпало съ ихъ распаденіемъ и развитіемъ индивидуализма. Средневѣковыя городскія корпораціи, сливаясь и образуя народы и города, также утрачивали свой корпоративный характеръ, становясь мѣстными органами монархическихъ центровъ, и, конечно, литература, феодальныхъ замковъ и королевскихъ дворовъ, не могла имѣть ничего общаго съ ихъ корпоративною жизнью. Но существуютъ еще и другія причины, скрывающія отъ насъ истинно архаическія понятія о человѣческомъ характерѣ. Производя сравненіе между классической и современной европейской литературой, въ періодѣ ея ранняго развитія, мы не должны упускать изъ виду вліяніе всемірной религіи (такъ же какъ и всемірнаго языка) на воображаніе и духъ средневѣкового варварства. Въ эпоху появленія христіанства въ Европѣ эта величественная всемірная религія вызвала такія мечты о человѣческомъ единствѣ, которыя могли явиться у варваровъ лишь послѣ многихъ вѣковъ внутренней борьбы и развитія цивилизаціи и философіи. Для европейскихъ варварскихъ ордъ христіанство явилось въ образѣ готовой философіи и притомъ такой, которая оставляла неприкосновенными нѣкоторыя изъ основъ жизни клановъ. Въ самомъ дѣлѣ, два основныхъ понятія новой вѣры были тожественными съ понятіями, давно уже сроднившимися съ жизнью клановъ: идеей наслѣдственнаго грѣха и карающаго рока. Въ этой сферѣ христіанство не ввело никакихъ новыхъ идей и только распространило существовавшія въ сравнительно узкихъ рамкахъ идеи далеко за предѣлы этихъ рамокъ.

Христіанскія понятія о личномъ безсмертіи, о личной наградѣ и наказаніи, конечно, должны были идти въ разрѣзъ съ понятіями клановой этики. Первоначальный индивидуализмъ однако содѣйствовалъ лишь укрѣпленію чувства личной независимости у предводителей племени. Среди варваровъ V и VI вѣка, независимые предводители клановъ такъ же отличались отъ всѣхъ прочихъ членовъ своего клана, какъ и прославленные герои Гомера отъ поселянъ, живущихъ подъ гнетомъ бѣдности и труда. Но различіе между тѣми и другими дѣлается наиболѣе рѣзкимъ и замѣтнымъ лишь тогда, когда варвары-побѣдители становятся осѣдлыми и превращаются въ феодальныхъ владѣльцевъ, а свита ихъ въ феодальныхъ вассаловъ; остальные же члены первоначальнаго клана обращаются въ крестьянъ, и феодальный владѣлецъ простираетъ надъ ними и ихъ общинными владѣніями какъ свое покровительство, такъ и свою власть. Тутъ уже разница между феодальною жизнью и соціальною жизнью Аѳинъ и Рима выступаетъ рѣзко. Люди образуютъ отдѣльныя, изолированныя группы, живущія подъ сѣнью феодальнаго замка и въ полной зависимости отъ

феодальнаго владѣльца. Такіе крестьяне врядъ ли что-нибудь знали о мірѣ, который находится за предѣлами ихъ деревень и о другихъ людяхъ, кромѣ вассаловъ своего господина. При такихъ условіяхъ литература могла существовать, конечно, только въ замкахъ, да въ монашескихъ кельяхъ и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣсколько столѣтій господства такого феодальнаго индивидуализма должны были много содѣйствовать уничтоженію всѣхъ воспоминаній о кланѣ и его соціальномъ характерѣ. Въ тѣ времена самое понятіе «народъ», которому придали такое громадное значеніе соціальныя условія современной жизни, еще не могло существовать, такъ какъ изолированныя группы поселянъ, до возникновенія городовъ, не имѣли между собою никакого соціальнаго общенія, иначе какъ черезъ посредство своихъ владѣльцевъ. Поэтому-то и въ феодальной, какъ и въ Гомеровой литературѣ, преобладали изображенія отдѣльныхъ характеровъ, заслоняющихъ собою корпоративные организмы и соціальныя единицы. Но мало-по-малу новыя группы, возникшія въ Испаніи, Италіи, Германіи, Франціи и Англіи образовали союзы, появленіе которыхъ составило одну изъ самыхъ памятныхъ главъ современной соціальной исторіи. Вмѣстѣ съ развитіемъ современныхъ городовъ, столь отличающихся какъ отъ первобытныхъ общинъ клана, такъ и отъ муниципальныхъ системъ Греціи и Рима, совершался двойной процессъ подчиненія индивидуальныхъ интересовъ коллективнымъ и въ то же время развитія индивидуальной свободы въ границахъ, предписываемыхъ законами. Въ характерѣ первоначальной эволюціи городской жизни, когда феодальные враги заставляли горожанъ заботиться прежде всего объ интересахъ своей общины, именно и заключается соціальный источникъ сходства, существующаго между первобытными аѳинскими и европейскими драмами. Корпоративная жизнь людей, образующихъ соціальныя группы, получила доступъ въ наши современныя литературы лишь послѣ того, какъ промышленное развитіе вызвало зарожденіе новаго соціальнаго духа. Въ «Фаустѣ», напримѣръ, гдѣ выведены аллегорическія личности, напоминающія героевъ средневѣковыхъ мистерій, можно найти слѣды вліянія корпоративнаго духа на творчество. Точно также и въ «Légende des siécles», гдѣ изображены соціальныя перемѣны, черезъ которыя прошло человѣчество. Отвлеченные законы науки также не мало содѣйствовали тому, что въ произведеніяхъ многихъ современныхъ творцовъ литературы порою совершенно исчезаетъ чувство личности, заслоняемое видѣніемъ соціальныхъ и физическихъ причинъ и слѣдствій.

«On n'est plus qu'une ombre qui passe
Une âme dans l'immensité».

Но такого рода понятія возникли сравнительно недавно, и въ образцовыхъ произведеніяхъ ранней европейской поэзіи корпоративная жизнь занимала очень мало мѣста. Не слѣдуетъ также удивляться, что въ современной европейской литературѣ индивидуализмъ преобладалъ почти до половины этого столѣтія. Народъ, въ тѣ времена, когда писалъ Шекспиръ, едва ли существовалъ въ Англіи, Франціи или Германіи; города, конечно, были, со всѣмъ своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ, приходскою политикой и враждой къ своимъ владѣльцамъ и другъ къ другу, но народа въ современномъ смыслѣ не существовало. Литература, находившаяся подъ покровительствомъ дворовъ совершенно такъ, какъ прежде она находилась подъ покровительствомъ феодальныхъ владѣльцевъ, развивалась въ узкомъ пространствѣ индивидуаль-

ныхъ чувствъ и мыслей, а подражаніе классическимъ образцамъ еще больше съуживало эти рамки. Въ то время и критика, выражавшая или анализировавшая этотъ прогрессъ литературы, основана была именно на такой индивидуальной точкѣ зрѣнія и врядъ ли поэтому языкъ этой критики могъ быть пригоденъ въ настоящее время господства соціальнаго духа. Обозрѣвая все движеніе цивилизаціи,—движеніе, не отличающееся правильностью и послѣдовательностью и совершающееся скачками то впередъ, то назадъ,—мы должны все-таки придти къ заключенію, что личные характеры рѣзче и рѣзче начинаютъ выдѣляться изъ толпы. Однако же эту эволюцію индивидуальнаго характера, которая выражается въ дѣятельности, инстинктахъ, душевныхъ движеніяхъ разума и воображенія индивида, не слѣдуетъ разсматривать отдѣльно отъ того фона, на которомъ она вырисовывается всего яснѣе, т.-е. отъ соціальной группы, достигшей извѣстной степени развитія. Наивысшая эволюція характеровъ достигается тамъ, гдѣ каждая единица въ группѣ пріобрѣтаетъ ясно выраженную индивидуальность. Мы не можемъ найти ее въ какой-нибудь небольшой горсточкѣ индивидовъ, ни среди теократической культуры востока, ни между образованнымъ меньшинствомъ, опирающимся на массу рабовъ, какъ это было въ Аѳинахъ и Римѣ, ни въ немногихъ феодальныхъ замкахъ, окруженныхъ толпами крѣпостныхъ, а также не найдемъ ее и среди поэтовъ и ораторовъ европейскихъ дворовъ. Мы должны тутъ принимать во вниманіе не только «объемъ», но и «распространенность» индивидуальности; только тогда, когда и то и другое развивается одинаково, мы можемъ говорить о постоянномъ прогрессѣ индивидуальности. Какъ велика однако разница между понятіемъ о многочисленной толпѣ, состоящей изъ совершенно различныхъ индивидуальностей, и понятіемъ о маленькой группѣ людей, связанныхъ обыкновенными узами родства, среди которыхъ личность совсѣмъ не выдѣлялась.

Какъ обширенъ и сложенъ этотъ двойной процессъ развитія индивидуальности, распространяющійся одновременно въ глубину, и въ ширину, и, охватывающій все большее и большее число единицъ, входящихъ въ составъ данной соціальной группы! Въ этомъ двойномъ процессѣ развитія индивидуальности заключаются и принципы литературнаго развитія, и лишь тогда, когда онъ совершается равномѣрно, можно довѣрять прочности прогресса литературы. При односторонней же эволюціи прогрессъ легко можетъ замѣниться упадкомъ, доказательствомъ чего служитъ аѳинская литература. Но для изученія процесса эволюціи важно знать какъ степень его напряженности, такъ и степень проявленія свободнаго индивидуализма.

Итакъ, въ основу литературнаго развитія мы ставимъ прогрессивное развитіе индивидуальности. Мы увидимъ, что понятія о личности не только мѣняются сообразно съ различными условіями соціальной жизни, оставляя самые разнообразные слѣды въ различныхъ литературахъ, но даже представленія о физической природѣ и царствѣ животныхъ измѣняются соотвѣтственно различнымъ фазамъ развитія индивидуальности.

Глава IV.

Литература клановъ.

Шатобріанъ въ одной изъ замѣчательныхъ главъ своего «Génie du Christianisme» доказываетъ, что главною причиною упадка явилось

невѣріе. «Когда въ Аѳинахъ и Римѣ люди перестали вѣрить, то вмѣстѣ съ богами исчезли и таланты, и музы присудили къ одичанію всѣхъ тѣхъ, кто переставъ въ нихъ вѣрить». Но замѣнимъ слово «вѣра», употребляемое Шатобріаномъ, словомъ «симпатія», и тогда увидимъ, что дѣйствительно пониженіе симпатіи между людьми является одною изъ причинъ упадка литературы, точно такъ же, какъ усиленіе и расширеніе этихъ взаимныхъ симпатій въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ усиленію литературнаго прогресса. Соціальная исторія міра подтверждаетъ это множествомъ примѣровъ. На авторовъ прозы, поэтовъ, артистовъ и даже научныхъ изслѣдователей, не можетъ не оказывать вліянія увѣренность, что они найдутъ сочувствующихъ слушателей. Было бы интересно прослѣдить, не указываетъ ли предполагаемое оскудѣніе фантазіи, сопровождающее прогрессъ цивилизаціи (излюбленная теорія Маколея) на такой временный упадокъ соціальныхъ симпатій, всегда сопровождающій переходъ отъ одного соціальнаго состоянія въ другое? Какое бы удовольствіе ни находилъ ученый, занимаясь своими изслѣдованіями въ уединеніи своего кабинета, тѣмъ не менѣе источникомъ испытываемаго имъ наслажденія служитъ все-таки мысль, что въ будущемъ его открытіе встрѣтитъ сочувствіе въ какихъ-нибудь слушателяхъ; тѣмъ болѣе литература, въ какой бы формѣ она ни выражалась, въ стихахъ или прозѣ и какое бы направленіе ни преобладало въ ней, чисто индивидуальное или соціальное, не можетъ существовать безъ сочувствія той или другой группы читателей и слушателей, и по этой причинѣ постепенное распространеніе соціальныхъ симпатій служитъ однимъ изъ главныхъ условій литературнаго прогресса. Чувства и эмоціи, нравственныя понятія и идеи постепенно расширяются и охватываютъ все большій и большій кругъ, по мѣрѣ того, какъ мелкія соціальныя группы растворяются въ большихъ. Такая прогрессивная ассимиляція лежитъ въ основѣ развитія всѣхъ учрежденій и языка, и въ значительной степени содѣйствуетъ образованію миѳовъ, связывая между собою преданія различныхъ группъ (что, между прочимъ, подтверждается и первобытною исторіей арабовъ) и создавая, такимъ образомъ, общіе миѳы, самаго разнообразнаго характера.

Нельзя однако съ точностью опредѣлить перехода изъ одной соціальной группы въ другую, большихъ размѣровъ. Мы не можемъ сказать, касаясь того или другого пункта въ исторіи, что съ этого именно момента исчезаетъ организація клана и возникаетъ городская община. Мы не можемъ отрицать существованія клановыхъ ассоціацій въ такія времена, когда главныя выдающіяся черты, характеризующія жизнь кланова, уже исчезли; часто именно только потому, что остаются такіе пережитки, обязанные своимъ существованіемъ неравномѣрному прогрессу различныхъ частей общества, мы и можемъ изучить прошлое этого общества. Мы не можемъ провести рѣзкой черты, ограничивающей идеи клана и отрицать существованіе этихъ идей тамъ, гдѣ онѣ не подходятъ подъ наше абстрактное опредѣленіе. Причина такой кажущейся неточности заключается въ отсутствіи рѣзко выраженныхъ границъ между соціальными явленіями въ дѣйствительности и въ видѣ абстракціи, на бумагѣ. Юристъ затруднится, конечно, съ точностью опредѣлить римскую семью—«familia» и въ особенности указать моментъ исчезновенія характерныхъ чертъ этой соціальной единицы. Экономистъ, несмотря на массу статистическихъ данныхъ, имѣющихся къ его услугамъ, не въ состояніи

провести вполнѣ опредѣленную черту между капиталистическими и рабочими группами, если не прибѣгнетъ къ широкому обобщенію, такъ какъ въ обыденной жизни отдѣльныя группы совершенно незамѣтно переходятъ одна въ другую. Нельзя также указать съ точностью времени, когда англійскіе капиталисты, ландлорды или рабочіе настолько освободились отъ средневѣковыхъ стѣсненій, что вполнѣ отвѣчали идеальному представленію о той или другой группѣ. Ни одинъ компетентный человѣкъ не станетъ отрицать, что ученые соціологи всегда составляютъ идеальныя опредѣленія соціальныхъ явленій, которымъ далеко не всегда отвѣчаютъ конкретные факты соціальной жизни, не укладывающіеся въ такія строго опредѣленныя рамки. Еслибъ мы не знали этого, то намъ пришлось бы съ отчаяніемъ остановиться передъ тою обширною движущеюся массой, которую мы именуемъ «соціальною жизнью», и отказаться отъ всякихъ попытокъ понять и объяснить ее. Отыскиваніе мельчайшихъ отличій въ соціальной классификаціи и мельчайшихъ чертъ, опредѣляющихъ ту или другую эпоху въ соціальной эволюціи, въ сущности совершенно безплодная работа. При этомъ обыкновенно понятія объ индивидуальной жизни переносятся незамѣтнымъ образомъ на жизнь цѣлой группы и отъ соціальныхъ классификацій требуютъ такихъ же опредѣленныхъ чертъ, какими отличаются между собою отдѣльные индивиды и ихъ дѣятельность, не взирая на то, что главную сущность соціальныхъ классификацій составляетъ ихъ независимость отъ такихъ опредѣленныхъ моментовъ, какъ рожденіе и смерть, ставящихъ жизнь отдѣльныхъ индивидовъ въ совершенно опредѣленныя границы.

Однако мы не должны смущаться тѣмъ, что «кланъ» представляетъ такой же абстрактный терминъ, какъ и всякая другая соціальная классификація и что мы не можемъ съ точностью указать момента его появленія и конца. Но мы должны знать тѣ главные факты соціальной жизни, которые обобщаются въ этомъ абстрактномъ терминѣ, ту обширную область исторіи человѣчества, въ которой жизнь клана играла такую выдающуюся роль, и убѣдиться въ томъ, что эта форма соціальной организаціи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и подъ различными именами представляетъ наиболѣе древнюю изъ всѣхъ формъ, извѣстныхъ въ исторіи.

Значеніе, которое придается клану современной соціологіей, зависитъ отчасти отъ характера современнаго мышленія, отчасти отъ изслѣдованій, открывшихъ идеи клана, факты, относящіеся къ жизни клановъ, въ основѣ всѣхъ политическихъ и правовыхъ учрежденій, религіозныхъ доктринъ и нравственныхъ принциповъ. Наука, работая одновременно въ различныхъ областяхъ и наблюдая глазами Аргуса за богатой жатвой, собранной въ разныхъ мѣстахъ, умѣетъ находить корни соціальнаго мышленія, рѣчи и дѣятельности. Такимъ образомъ и въ корняхъ нашей литературы мы съ полнымъ правомъ можемъ надѣяться найти тѣ же самыя идеи клана. Но что такое «кланъ»? Мы уже раньше говорили, что не всѣ кланы одинаковы; но все-таки каждый кланъ представляетъ группу, созданную не ради какихъ-нибудь опредѣленныхъ цѣлей, искусственнымъ образомъ, и подчиняющуюся извѣстнымъ опредѣленнымъ правиламъ,—въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ отпечатаны и выставлены въ клубахъ,—члены которыхъ однако соединены такими тѣсными узами общаго мышленія и чувствъ, въ сравненіи съ которыми даже самыя глубокія чувства христіанскаго общенія могутъ показаться искусственными. Эта тѣсная связь образуется общимъ

родствомъ, общими предками; она не составляетъ результата размышленій и не исходитъ отъ сердца, но образуетъ центръ соціальной жизни; общее родство представляется столь же реальнымъ, какъ будто бы его можно было осязать въ образѣ общаго предка, который былъ или по крайней мѣрѣ считается родоначальникомъ данной соціальной группы и чье воображаемое присутствіе освящаетъ собою каждое общее празднество, кого стараются умилостивить въ случаѣ какого-либо общаго бѣдствія. Въ лоно этого общаго предка долженъ съ теченіемъ времени вернуться каждый изъ умершихъ членовъ клана, вмѣстѣ со всѣми прочими, давно уже отошедшими къ праотцамъ. Эти узы крови такъ же реальны и такъ же прочны, какъ будто они составляютъ какую-нибудь опредѣленную доктрину или были бы занесены въ какой-нибудь кодексъ; кровное родство было центральной идеей, вокругъ которой сосредочивалась вся жизнь клана и тѣмъ центральнымъ пунктомъ, куда устремлялись всѣ чувства его членовъ.

Это общее родство выражалось также весьма различными внѣшними признаками, религіозными обрядами, обязывающими каждаго изъ членовъ соблюдать культъ предковъ, также какъ и всю общину. Такимъ же связующимъ звеномъ служило и взаимное обязательство защиты и мести. Браки, заключаемые только въ предѣлахъ клана, и другія формы жизни клана, заставляютъ предположить, что нѣкогда всѣ члены общины, называемой кланомъ, жили подъ одной кровлей и не только совершали вмѣстѣ всѣ свои священные обряды, но даже имѣли общую трапезу. Въ числѣ признаковъ, наиболѣе явственно указывающихъ на идею общаго родства въ кланахъ, надо поставить общинное владѣніе землей у осѣдлыхъ клановъ, изученное съ большимъ терпѣніемъ и тщательностью нашими современными учеными. Эту характерную черту осѣдлыхъ клановъ подтверждаютъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Лавеле и сэръ Генри Мэнъ, множествомъ примѣровъ, взятыхъ изъ всѣхъ частей земного шара, Индіи и Россіи, Германіи и аграрныхъ общинъ у кельтовъ и арабовъ. Однако такое общинное землевладѣніе не всегда служило признакомъ существованія клана и связывалось иной разъ съ желаніемъ извлечь какъ можно больше выгодъ изъ земли, посредствомъ коллективной обработки; тѣмъ не менѣе, все-таки на общую земельную собственность слѣдуетъ смотрѣть, какъ на самую обычную и наиболѣе характерную черту жизни клана.

Но внутренній духъ такихъ общинъ представляетъ еще большій интересъ для изслѣдователя, нежели внѣшніе признаки ихъ существованія. Тѣсная соціальная связь, существовавшая между членами клана, выражалась въ особенности рѣзко въ ихъ понятіяхъ о справедливости, совершенно идущихъ въ разрѣзъ съ понятіями цивилизованныхъ народовъ. Индивидуальная отвѣтственность, умыселъ не играли никакой роли въ этихъ понятіяхъ, признавалась только корпоративная отвѣтственность. Вѣра въ наслѣдственность грѣха, неизбѣжность наказанія и отсутствіе вѣры въ *личную* награду или наказаніе въ будущей жизни, составляютъ выдающіяся черты нравственнаго кодекса клана и легко можно убѣдиться, что они являются лишь безсознательнымъ логическимъ результатомъ идей корпоративной отвѣтственности. Если какой-нибудь изъ членовъ клана совершилъ преступленіе, то весь кланъ несетъ на себѣ отвѣтственность до тѣхъ поръ, пока вина не будетъ искуплена и каждый изъ членовъ клана можетъ понести наказаніе за грѣхъ, содѣянный другимъ.

Первобытная соціальная группа, называемая кланомъ, не могла не

вліять весьма значительнымъ образомъ на начала литературы. Такъ часто встрѣчающееся въ первобытной арабской и саксонской поэзіи чувство кровавой мести беретъ свое начало въ жизни клановъ, также какъ и чувство долга по отношенію къ своимъ кровныхъ роднымъ, проникающее всю первобытную поэзію, даже такую, которая народилась при дворѣ владѣльца и среди его свиты, а не въ самомъ кланѣ. Однако, не слѣдуетъ искать въ литературѣ какой-нибудь страны точнаго отраженія жизни клана во всей ея чистотѣ. Въ чисто первобытномъ кланѣ жизнь заключена была въ очень узкія рамки и эти узкія рамки не допускали такого развитія мысли, языка и дѣятельности, какое необходимо для созданія литературы. Пока сліяніе отдѣльныхъ клановъ не вызвало развитія болѣе широкихъ симпатій и не проложило пути для религіозной централизаціи, въ сопровожденіи обрядовъ и пѣнія священныхъ гимновъ и пока барды, снискивавшіе себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ, не нашли покровителей въ начальникахъ, возвысившихся надъ остальною группой благодаря войнѣ и собственности,—до тѣхъ поръ существовало слишкомъ мало матеріала для литераторовъ. Когда же соціальный прогрессъ достигъ этой точки, то дальнѣйшее развитіе литературы стало уже совершаться по двумъ различнымъ направленіямъ; одно изъ нихъ выражается въ древнееврейской, другое же въ первобытной греческой поэзіи. Древнееврейская литература перешла въ руки духовенства; но первобытная греческая поэзія — это пѣснь бардовъ, обладающихъ мѣстною независимостью. Въ первой преобладаетъ соціальный и наслѣдственный духъ клановъ, во второй отражаются характерныя индивидуальныя черты и качества предводителей. Но, безъ сомнѣнія между этими первобытными формами литературы существуетъ тѣсная связь; развитіе индивидуальнаго характера литературы, разлагая жизнь клана, замѣнило прежнія узы общаго родства чувствомъ общей преданности къ своему вождю. Мы увидимъ далѣе, какъ выразилась эта связь между общинною и феодальною жизнью и литературой.

Глава V.

Первобытныя хоровыя пѣсни.

Если судить по тому подчиненному положенію, которое занимаетъ народъ (демосъ) въ поэмахъ Гомера, немногимъ отличающемуся отъ положенія настоящихъ невольниковъ,—если сравнить его съ положеніемъ вождей и королей, то трудно представить себѣ, конечно, чтобы въ Греціи, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, пѣсни не были исключительнымъ произведеніемъ придворныхъ бардовъ, въ родѣ Демодока и не слагались только съ цѣлью восхваленія такихъ героевъ королевской крови, каковы Ахиллъ и Улиссъ. Однако, родственныя чувства, существовавшія, какъ это можно видѣть изъ поэмъ Гомера, между различными греческими племенами и городами, а также распространеніе героическихъ и божественныхъ миѳовъ и легендъ эпическаго характера, указываетъ, что, помимо Иліады и Одиссеи, должна была существовать мѣстная поэзія, выражавшая мѣстныя чувства и симпатіи, задолго до того времени, когда руки одного или многихъ геніальныхъ мастеровъ создали изъ нея греческій эпосъ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ достигъ нашей эпохи. Изображеніе соціальной жизни въ поэмахъ Гомера указываетъ, что люди уже тогда давно оставили за

собою обособленность и исключительность, свойственную жизни клана. Потеря равенства, существовавшаго въ кланѣ, вознаградилась развитіемъ болѣе широкихъ симпатій и художественнаго чувства подъ покровительствомъ вождей и королей. Соціальная жизнь, описанная въ поэмахъ Гомера, замѣчательно похожа на жизнь средневѣковыхъ владѣльцевъ, за исключеніемъ того различія, которое внесла въ эту жизнь идея всемірной религіи и всемірной имперіи. Средневѣковое духовенство было посредникомъ между подданными владѣльца и Богомъ, между тѣмъ какъ народъ (демосъ) у Гомера ставилъ своихъ жрецовъ почти наравнѣ съ богами. Средневѣковые трубадуры пользовались покровительствомъ владѣльцевъ, странствуя отъ одного замка къ другому, и такимъ же покровительствомъ пользовались и гомеровскіе пѣвцы во время своихъ странствованій. Но какъ средневѣковая, такъ и гомеровская поэзія, носятъ уже совершенно личный характеръ и далеко оставили за собою общинную жизнь и пѣсни клановъ. Однако не слѣдуетъ заключать изъ этого, что настоящей родиной пѣсни были княжескіе дворы и что трубадуры, также какъ и греческіе барды, были родоначальниками первобытнаго пѣнія.

Критики греческой литературы давно уже различаютъ дорійскую лирическую поэзію отъ эоловой лирики; первая предназначалась для хоровъ въ сопровожденіи танцевъ и музыки, вторая—для декламаціи подъ аккомпаниментъ какого-нибудь струннаго инструмента въ родѣ лиры. Первый родъ поэзіи носилъ весьма часто общественный или религіозный характеръ и касался преимущественно темъ, представляющихъ общій интересъ; между тѣмъ какъ второй предпочиталъ воспѣвать мысли и чувства отдѣльныхъ индивидовъ. Однако все же нельзя провести рѣзкой границы между той и другой поэзіей и иногда, напримѣръ, Лесбійскія пѣсни выполнялись хоромъ, но разница между обоими родами поэзіи все-таки достаточно велика, и въ особенности велика разница между соціальными условіями, отражающимися въ той и другой поэзіи. Хоровыя пѣсни дорійцевъ напоминаютъ, также какъ и общинныя учрежденія дорійскихъ городовъ, о доисторическихъ соціальныхъ группахъ, члены которыхъ были связаны узами родства и все у нихъ было общимъ. Въ другихъ литературахъ, напримѣръ, въ средневѣковой французской эпической поэзіи, давно уже вышедшей изъ первобытнаго періода, мы находимъ такія же черты, заставляющія раздѣлять ее на поэзію, насящую общій, безличный характеръ и поэзію индивидуальную, личную. Первая распѣвалась или произносилась нараспѣвъ монотоннымъ образомъ, тогда какъ вторая требовала непремѣнно художественнаго исполненія.

Представимъ себѣ теперь, что мы находимся между дакотами въ сѣверной Америкѣ и присутствуемъ на священномъ празднествѣ одного изъ клановъ—«Клана гигантовъ». Пиршество устраивается въ честь «Ха-о-ка-ха»—«великана». Въ вигвамѣ, гдѣ происходитъ празднество, вокругъ огня, надъ которымъ повѣшены котлы, полные мяса, танцуютъ и поютъ индѣйцы. На нихъ нѣтъ другого одѣянія, кромѣ нѣсколькихъ полосъ изъ бересты, опоясывающихъ бедра, и коническаго головного убора, также изъ бересты, на которомъ нарисована молнія. Во время танцевъ и пѣнія индѣйцы опускаютъ голыя руки въ кипящіе котлы и, вытащивъ оттуда куски горячаго мяса, съѣдаютъ его, твердо вѣря, что божество, въ честь котораго они танцуютъ и поютъ, защититъ ихъ отъ всякой боли. Ясно, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ же случаяхъ. слова хоровой пѣсни имѣютъ

второстепенное значеніе и весь смыслъ заключается въ волшебномъ символическомъ значеніи танцевъ и сопровождающихъ ихъ жестовъ. То же самое мы можемъ наблюдать и у другихъ народовъ, гдѣ хоровыя пѣсни имѣютъ символическое значеніе и жестикуляція и танцы играютъ гораздо большую роль, нежели слова пѣсни.

Пѣсни военныя, свадебныя и погребальные гимны, гимны, воспѣвающіе домашнія божества, пѣсни, распѣваемыя на весенникъ и осенникъ празднествахъ—вотъ и всѣ роды поэзіи клановъ. Но отголосокъ этого первобытнаго хороваго пѣнія можно найти въ позднѣйшей гораздо болѣе утонченной индивидуальной поэзіи. Какъ въ первобытной поэзіи грековъ, такъ и въ древнееврейской, индѣйской и китайской литературахъ начало музыки и поэзіи, повидимому, совпадаютъ и развитіе этой послѣдней до извѣстной степени тѣсно связано съ развитіемъ религіознаго ритуала. Въ древней греческой, еврейской, а также китайской и индѣйской музыкѣ, можно найти не мало признаковъ, указывающихъ, что кланы или союзы бардовъ—музыкантовъ, большею частью носившіе священный характеръ, были главными творцами первобытной поэзіи; безъ нихъ древніе танцы, сопровождаемые пѣніемъ, врядъ ли достигли бы такого развитія.

Рядомъ съ символическими танцами американскихъ индійцевъ слѣдуетъ помѣстить подобное же выраженіе символизма, наблюдаемое въ китайской жизни. Также какъ и санскритское назнаніе драмы (nataka) въ сущности означало танецъ, такъ и первобытныя китайскія драматическія представленія состояли, повидимому, изъ танцевъ, сопровождавшихся мимическими тѣлодвиженіями и тѣсно связанныхъ съ религіей. По словамъ Базена (Théâtre Chinois), большинство китайскихъ танцевъ имѣли символическій характеръ; танцы изображали трудъ хлѣбопашца, радости, приносимыя жатвой, труды воиновъ и радости мира. Танцующіе носили щиты, военные топоры и знамена и другія принадлежности различныхъ религіозныхъ церемоній. Однако древнія китайскія пантомимы, также какъ и грубые фарсы древняго Рима, мало-по-малу, не взирая на свое религіозное происхожденіе, сдѣлались настолько неприличными, что въ концѣ концовъ пришлось закономъ запретить ихъ представленія.

Греки, также какъ индѣйцы и китайцы, изображали въ танцахъ событія и битвы, и соединеніе символическихъ танцевъ съ хоровымъ пѣніемъ въ самомъ началѣ возникновенія греческой литературы доказывается многими примѣрами, указывающими на тѣсную связь, существовавшую между пѣніемъ, инструментальной музыкой, танцами и мимикой въ древней Греціи. У древнихъ евреевъ мы находимъ то же самое. Первобытная древне-еврейская поэзія, также какъ и греческая, выразилась въ формѣ хоровой лирики. Но танецъ съ пѣніемъ занималъ даже, повидимому, болѣе выдающееся мѣсто въ древне-еврейской, нежели въ греческой литературѣ, точно также какъ племя или кланъ явственнѣе выражался въ древне-еврейской, нежели въ греческой жизни. Со временъ племеннаго и мѣстнаго культа и до возникновенія религіи Іеговы, простершей свою сѣнь надъ всѣми древними и мѣстными ассоціаціями и традиціями, танецъ съ пѣніемъ игралъ роль священнаго хорового гимна Израиля. Такъ, во времена племеннаго федерализма, когда устраивались празднества въ честь Іеговы, происходившія изъ года въ годъ, городскія дѣвушки исполняли «танецъ танцовъ», и долго спустя, когда культъ Іеговы получилъ уже организацію и централизовался, его приверженцы приглашались «прослав-

лять въ танцахъ имя Іеговы». Пѣніе играло такую важную роль въ народномъ культѣ и традиціяхъ, что нетолько древне-еврейская хроника права ссылается на народныя пѣсни, какъ на древнѣйшіе источники исторіи племенъ, но обученіе пѣнію вмѣнялось въ обязательство законами духовенства. Древній политеистическій культъ, съ которымъ культъ Іеговы велъ такую долгую борьбу, также включалъ въ свой ритуалъ хоровой танецъ. Такимъ образомъ, разсматривая хоровыя пѣсни мира и войны, какъ первобытные источники каждой литературы, мы можемъ придти къ общему выводу, что всякая литература начинается пѣсней, но, разумѣется, эта пѣснь совершенно непохожа на то, что мы привыкли понимать подъ этимъ словомъ, съ точки зрѣнія современнаго искусства. Этотъ древній гимнъ ни по духу, ни по формѣ, ничего общаго не имѣетъ съ хоровымъ пѣніемъ, введеннымъ въ наши религіозные обряды. Въ первобытной пѣснѣ слова, танецъ, музыка и жестикуляція сливались въ одно цѣлое, для котораго нельзя подыскать названія въ языкѣ народовъ, далеко отошедшихъ отъ первоначалъ соціальной жизни. Такая странная комбинація мимики и музыки, танцевъ и словъ удовлетворяла различнымъ цѣлямъ. То это были магическія заклинанія, то военные, свадебные, погребальные гимны. Въ нѣкоторыхъ преобладали жесты, въ другихъ грубая музыка или припѣвъ какихъ-нибудь простыхъ словъ. Но надо имѣть постоянно въ виду, что всѣ эти элементы были смѣшаны вмѣстѣ и что, отдѣливъ слова отъ музыки, жестовъ и танца, мы не въ состояніи понять истиннаго значенія такого первобытнаго гимна. Оттого-то и нельзя прилагать къ этимъ образцамъ первобытнаго творчества нашихъ современныхъ понятій о поэзіи и прозѣ. Танцы и жестикуляція давно уже лишились у насъ священнаго значенія и мы отдѣлили ихъ отъ мимическаго дѣйствія въ драмѣ. Кромѣ того, слова въ нашихъ поэтическихъ произведеніяхъ существуютъ отдѣльно отъ музыки и танцевъ, поэзія отъ декламаціи и отъ аккомпанимента, т.-е. музыки и танцевъ, а проза отъ ритмическихъ формъ. Современная поэзія не соединяется уже ни съ танцами, ни съ мелодіей, которые были необходимы для удержанія стиховъ въ памяти лишь въ тѣ времена, когда письменность была неизвѣстна; теперь стихи дѣйствуютъ на чувство гармоніи въ душѣ читателей при посредствѣ печатныхъ буквъ. Привыкнувъ къ художественнымъ понятіямъ, опирающимся на такія условія, которыя были совершенно невозможны въ первобытной соціальной жизни, мы не обладаемъ ни словами, ни даже достаточною силою воображенія въ большинствѣ случаевъ, чтобы перенестись за предѣлы нашихъ литературныхъ условій къ первобытнымъ источникамъ литературнаго развитія.

Процессъ постепеннаго дифференцированія литературы вызвалъ не мало перемѣнъ, незамѣтно наступавшихъ вездѣ въ теченіе процесса соціальнаго развитія, и носившихъ вполнѣ реальный характеръ, не смотря на то, что ихъ нельзя выразить хронологическими данными. Раздѣленіе дѣйствія, танцевъ и музыкальнаго аккомпанимента отъ словъ пѣсни явилось результатомъ цѣлаго ряда такихъ перемѣнъ въ соціальной жизни. Еще большія перемѣны произошли, когда было изобрѣтено искусство писанія. Это вызвало еще болѣе рѣзкое отдѣленіе музыки и жестикуляцій, которыя нѣкогда служили такимъ важнымъ подспорьемъ для памяти,—отъ самихъ стиховъ, и направило такимъ образомъ вниманіе творцовъ литературы на изученіе ритмичности стиха, независимо отъ музыки и декламаціи. Въ концѣ концовъ появленіе прозы, какъ совершенно отдѣльнаго рода литературы, въ началѣ еще придержи-

вавшейся древнихъ ритмическихъ образцовъ (напр., ритмическая проза Корана), но затѣмъ, мало-по-малу, превратившейся въ настоящее отраженіе частныхъ и общественныхъ интересовъ, рѣчей и философскихъ споровъ, постепенно привело насъ на путь отдѣленія науки отъ литературы, къ чему, повидимому, стремятся теперь наиболѣе цивилизованныя общества. Ясно, что сословіе первобытныхъ пѣсенниковъ должно было претерпѣть большія перемѣны въ теченіе этой эволюціи литературныхъ формъ. Ясно также, что первобытная литературная культура, должна была исчезнуть съ распаденіемъ клановъ на составныя части или семьи и съ дальнѣйшимъ развитіемъ личной свободы, переходящей уже за узкія рамки такой семьи. Но прежде чѣмъ перейти къ этому процессу индивидуализаціи или эволюціи литературныхъ формъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о другой сторонѣ литературы клановъ,—той, въ которой отразилась личность членовъ клана, насколько это допускали общинныя чувства.

Глава VI.

Индивидуальная поэзія клановъ.

Если мы примемъ за образецъ индивидуальной поэзіи греческую лирическую поэзію, въ которой преобладаютъ личныя жалобы на приближающуюся старость, сожалѣнія о пролетѣвшей юности, о золотыхъ грезахъ дѣтства, поэтическая грусть и личныя воспоминанія о людяхъ и предметахъ, которыхъ больше не придется видѣть, и рѣчахъ, которыхъ не придется больше слышать, то, разумѣется, съ этой точки зрѣнія поэзія клановъ не можетъ быть названа «индивидуальной». Хотя жизненный кругозоръ поэтовъ клана, также какъ и греческихъ лириковъ, ограничивался земнымъ существованіемъ, но глубокое чувство родственной связи съ цѣлою группой, не оставляло мѣста въ душѣ членовъ клана какимъ бы то ни было личнымъ сожалѣніямъ. Въ ихъ глазахъ имѣло цѣну только то, что относилось къ цѣлой группѣ и что имѣло значеніе для ея существованія, которое должно было быть безконечнымъ, и идея такого вѣчнаго существованія группы заступала мѣсто идеи личнаго безсмертія, появившейся гораздо позднѣе. Поэтамъ клана, проникнутымъ духомъ и идеями жизни клановъ, совершенно было неизвѣстно то чувство индивидуальной тоски, которое характеризуетъ греческихъ лириковъ, или современной меланхоліи, вызванной неудовлетворенностью личныхъ желаній и надеждъ, которая преобладаетъ въ произведеніяхъ современныхъ поэтовъ и гораздо чаще составляетъ результатъ неудовлетвореннаго безграничнаго честолюбія, нежели какихъ-либо иныхъ причинъ духовнаго свойства. Поэты клана налагали отпечатокъ общинныхъ чувствъ на все, къ чему прикасались. Такой поэтъ никогда не углублялся въ самого себя, въ свои личныя чувства и ощущенія, и тэмою его поэзіи служилъ не онъ самъ, а группа его родичей, къ которой онъ принадлежалъ. Если онъ и воспѣвалъ подвиги какого-нибудь героя, то его восхваленія распространялись на всю группу и, слѣдовательно, его поэтическіе образы были изображеніемъ людей въ группахъ, а не отдѣльныхъ индивидовъ. Поэтому-то въ кланѣ и нельзя найти индивидуальной поэзіи съ современной точки зрѣнія, но такая поэзія все-таки была, хотя и носила совершенно другой характеръ. Чувства и ощущенія разсматривались въ ней не какъ спеціальная принадлежность того или другого индивида, а какъ видимое

проявленіе той связи, которая соединяетъ членовъ клана въ общемъ объективномъ существованіи. Вслѣдствіе этого всѣ чувства клана, ненависть и привязанность, обладаютъ такою силою и напряженностью, какой никогда не могутъ достигнуть никакія страсти въ индивидуализированной жизни, и этимъ объясняется необыкновенная жизненность изображенія этихъ чувствъ въ поэзіи клановъ, обладающей въ этомъ отношеніи большею яркостью, нежели поэзія, служащая отраженіемъ чисто индивидуальныхъ чувствъ.

Эта «объективность» первобытной личности и соціальныя условія, на которыя она указываетъ, объясняютъ вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ два совершенно противоположныхъ взгляда ученыхъ на развитіе цивилизаціи и литературы. «Варвары,—говоритъ Гизо,—внесли въ современную жизнь чувство личной независимости и преданности человѣка человѣку». «Прогрессъ общества, — говоритъ сэръ Генри Мэнъ,—подвигался постепенно, переходя отъ общинныхъ ограниченій къ свободѣ личности». Однако кажущееся противорѣчіе этихъ двухъ взглядовъ исчезаетъ при болѣе внимательномъ изученіи жизни клана. Личная независимость, о которой говоритъ Гизо, составляетъ, въ сущности, результатъ равенства всѣхъ членовъ общины. Каждый изъ членовъ клана независимъ, сливаясь со своею группою во единое цѣлое; онъ независимъ не какъ человѣкъ, а какъ членъ этой группы. Съ другой стороны личная независимость, о которой говоритъ Мэнъ, какъ о позднѣйшемъ результатѣ медленной и успѣшной эволюціи, ставитъ каждаго индивида отдѣльно отъ группы и родственныхъ узъ, такъ что каждый индивидъ въ группѣ занимаетъ уже совершенно изолированное положеніе, которое первобытный соціализмъ считалъ бы величайшимъ бѣдствіемъ для человѣка.

Но помимо хоровыхъ пѣсенъ и танцевъ клана и всякаго рода общинныхъ гимновъ въ поэзіи клана все-таки можно найти личныя черты, хотя онѣ и служатъ преимущественно отраженіемъ чувствъ и отношеній членовъ клана къ ихъ группѣ. Самоотверженіе и преданность дѣлу клана, безусловное возмездіе за пролитую кровь своихъ родичей, абсолютная справедливость при распредѣленіи добычи и собственности, приверженность обычаямъ и преданіямъ—вотъ качества, характеризующія членовъ клана и въ особенности проявляющіяся тамъ, гдѣ условія климата и почвы допускали наиболѣе широкое развитіе личной свободы въ предѣлахъ, совмѣстимыхъ съ условіями жизни клана. Такія условія, напримѣръ, существовали у арабовъ въ пустынѣ, такъ какъ, переносясь постоянно съ мѣста на мѣсто на своемъ конѣ или верблюдѣ, арабъ могъ давать большій просторъ своимъ личнымъ чувствамъ, нежели жители осѣдлой общины и поэтому-то въ арабской поэзіи можно найти лучшіе образцы индивидуальной поэзіи клановъ.

Марзуки въ своемъ предисловіи къ комментаріямъ поэмъ «Муффадала», названныхъ такъ по имени Аль Муффадала, собравшаго ихъ и составившаго изъ нихъ антологію около 160 года арабскаго лѣтосчисленія, говоритъ, что наибольшая часть древней арабской поэзіи обязана своимъ происхожденіемъ племеннымъ войнамъ, такъ какъ поэзія всего больше развивалась во время войны и походовъ. Образцы такой поэзіи можно найти въ сборникѣ «Hamaseh» (отвага), представляющемъ также антологію, первая часть которой заключаетъ въ себѣ стихи, воспѣвающіе мужество и отвагу. Составленная около 220 года арабскаго лѣтосчисленія Абу Таммамомъ, эта антологія заключаетъ въ себѣ нѣсколько короткихъ стиховъ и отрывковъ изъ болѣе длинныхъ

одъ. Арабскій текстъ этой антологіи, сопровождаемый латинскимъ переводомъ, былъ опубликованъ Фрейтагомъ въ Боннѣ, въ 1851 году.

Въ одной изъ поэмъ этой антологіи можно найти, быть можетъ лучшій образецъ поэзіи кроваваго возмездія. Ляйялль (I. Lyall), помѣстившій переводъ этой поэмы въ стихахъ, напоминающихъ арабскіе стихи, въ «Journal of the Asiatic Society of Bengal» за 1877, не рѣшился однако довести подражаніе арабскому стихосложенію до повторенія одной и той же риѳмы въ продолженіи всей поэмы; англійскій языкъ, впрочемъ, не допускаетъ такого повторенія, но даже если бы оно и было возможно, то такое повтореніе звуковъ въ англійскихъ стихахъ непремѣнно должно было бы производить комическое впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, въ основѣ всѣхъ подобныхъ попытокъ точнаго воспроизведенія арабскихъ формъ поэзіи на англійскомъ языкѣ лежитъ ложный взглядъ на поэтическія формы, какъ на нѣчто, не зависящее отъ структуры языка. Гете, напримѣръ, перевелъ арабскую поэму въ своемъ «West-Oestliches Divan» на нѣмецкій языкъ съ латинскаго перевода Шульмена, но, хотя арабскіе стихи легче было бы воспроизвести на нѣмецкомъ языкѣ, нежели на англійскомъ, онъ все-таки воздержался отъ этого.

Преобладаніе общинныхъ чувствъ у арабовъ придаетъ кровавому возмездію характеръ матеріальнаго бремени, которое долженъ нести каждый изъ членовъ группы. Тутъ нѣтъ ни голоса крови, взывающаго изъ могилы, ни призрака, требующаго отмщенія, такъ какъ убитый арабъ составляетъ лишь центральную фигуру группы, вокругъ которой сосредоточиваются его родичи, несущіе на себѣ долгъ возмездія, получающаго такимъ образомъ вполнѣ реальное значеніе. Понятія о чести у предводителей арабскихъ кланов, не могли быть вполнѣ тожественными съ понятіями о чести средневѣковыхъ рыцарей, хотя въ литературѣ часто сравниваютъ тѣхъ и другихъ, называя Антара—арабскимъ Баяромъ и арабовъ до Магомета—предшественниками средневѣкового рыцарства. Впрочемъ, во всемъ этомъ есть своя доля правды. Нѣтъ сомнѣнія, что арабы въ Испаніи и во времена крестовыхъ походовъ зачастую могли служить образцами рыцарскихъ чувствъ и поведенія для европейскихъ рыцарей. Но слѣдуетъ помнить, что древнія клановыя чувства арабовъ претерпѣли большія измѣненія во время магометанскаго завоеванія и военной организаціи, вызванной побѣдами. Мало-по-малу узы, соединявшія всѣхъ членовъ клана между собою, замѣнились чувствами преданности къ общему вождю. Еслибъ не это постепенное ослабленіе узъ и расширеніе сферы арабскихъ чувствъ, вызванное нашествіемъ завоевателей, то трудно себѣ представить, какимъ образомъ водвореніе ислама, какъ общей вѣры, могло бы преодолѣть племенныя антипатіи, съ которыми исламу пришлось долго и упорно бороться. Но въ арабскихъ поэмахъ кроваваго возмездія воспѣваются чувства, гораздо болѣе древнія, когда соціальную связь составляло клановое родство, а не военная служба, національность или общая религія. Именно военная организація для цѣлей завоеванія, почти вездѣ содѣйствовала разрушенію прежнихъ общинныхъ узъ, создавъ различія въ видѣ чиновъ, положенія и собственности и обращая зачастую членовъ клана въ крѣпостныхъ, причемъ прежнее чувство родственной связи между членами клана замѣнилось чисто матеріальными узами, основанными на собственной выгодѣ и близкомъ сосѣдствѣ.

Общинный характеръ арабскихъ понятій о чести не имѣетъ, слѣ-

довательно, ничего общаго съ тѣми оковами, которыя налагаетъ на человѣка военная служба, и поэзія кроваваго возмездія лучше всего подтверждаетъ это различіе. Кровавая месть, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, встрѣчается во всей первобытной поэзіи и даже тогда, когда духъ клана почти совсѣмъ исчезъ и чувства клана уже не вдохновляютъ больше поэтовъ, и, слѣдовательно, поэзія удалилась отъ своихъ первобытныхъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе въ ней все-таки слышатся порою отголоски древнихъ звуковъ, точно эхо дикихъ лѣсовъ, пустынь и охотничьихъ привалов, внезапно доносящееся на улицы цивилизованнаго города. Такимъ отголоскомъ, напримѣръ, являются слова Аякса въ Иліадѣ, проникнутыя духомъ кровавой мести. То же самое можно найти и въ выраженіяхъ чувства христіанскихъ обществъ въ поэмѣ Беовульфа, въ которой древнія чувства клана вырываются наружу совершенно неожиданно, представляя какую-то странную смѣсь спиритуалистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній.

Къ поэмамъ кроваваго возмездія близко примыкаютъ «пѣсни смерти» членовъ клана. Тутъ также членамъ клана представляется полная возможность выражать свои личныя чувства, не стоящія въ противорѣчіи съ обязанностями по отношенію къ своему клану. Но кромѣ этихъ пѣсенъ клана, дошедшихъ до насъ и пропитанныхъ запахомъ крови, существуютъ еще и другія древнія арабскія поэмы, въ которыхъ личный характеръ выражается менѣе явственно. Такъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Moallagah» поэтъ изображаетъ великодушіе одного изъ членовъ клана, напоминающее Антара, но, тѣмъ не менѣе, это великодушіе отличается отъ средневѣковаго рыцарства, такъ какъ оно проникнуто общиннымъ духомъ болѣе, нежели личнымъ чувствомъ. Въ сущности это великодушіе проявляется цѣлою группой, скорѣе нежели отдѣльнымъ индивидомъ, цѣлымъ собраніемъ одинаково благородныхъ родичей, образующихъ братство, а не одиночнымъ рыцаремъ. Но было бы ошибочно думать, что въ первобытной арабской поэзіи не заключается никакихъ указаній на личныя распри съ кланомъ и что самоотверженная преданность клану, никогда не терпѣла никакого ущерба отъ сознанія несправедливости, жертвою которой сдѣлался одинъ изъ членовъ клана. Въ «Hamaseh» можно найти образчики такого личнаго столкновенія съ кланомъ, причемъ предметомъ спора оказывается защита личной собственности и нежеланіе членовъ клана помочь одному изъ своихъ.

Викторъ Гюго въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ Кромвелю говоритъ: «Поэзія раздѣляется на три періода, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ извѣстной эпохѣ соціальнаго развитія: ода, эпосъ и драма. Лирическая поэзія характеризуетъ первобытную эпоху, эпосъ—древнія времена, а драматическая поэзія принадлежитъ современной эпохѣ. Оды воспѣваютъ вѣчность, эпическія поэмы—историческія событія, драма же изображаетъ жизнь, какъ она есть. Характерною чертою первыхъ служитъ наивность, вторыхъ — простота и третьихъ — истина. Странствующіе пѣвцы указываютъ переходъ отъ лирическихъ къ эпическимъ поэтамъ, а появленіе романсовъ отмѣчаетъ переходную ступень отъ эпоса къ драмѣ. Историки появляются во второй эпохѣ, хроникеры и критики—въ третьей. Дѣйствующія лица одъ—это колоссы, Адамъ, Каинъ, Ной; въ эпической поэзіи фигурируютъ гиганты—Ахиллесъ, Орестъ и др., въ драмѣ мы видимъ передъ собою людей—Гамлетъ, Отелло, Макбетъ. Жизнь, изображаемая въ одахъ, носитъ идеальный характеръ, въ эпической поэзіи—грандіозный, въ дра-

мѣ—реальный. Короче говоря, эта тройная поэзія происходитъ изъ трехъ источниковъ: Библіи, Гомера и Шекспира. Таковы различныя формы, въ которыя облекалась мысль въ различныя эры человѣческой и соціальной эволюціи. Эти три періода поэзіи соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ человѣческой жизни: юности, возмужалости и старости. Изслѣдуйте любую литературу или всѣ литературы вмѣстѣ, и вы вездѣ найдете, что лирическая поэзія предшествуетъ эпической поэзіи, а эпическая—драмѣ.» Однако, Викторъ Гюго тутъ явно впадаетъ въ заблужденіе, предполагая, что «лирика» изображаетъ одни и тѣ же факты и идеи, составляютъ ли они продуктъ жизни клана, города, націи или всемірной имперіи. Викторъ Гюго, повидимому, придерживается воззрѣній Платона, что личный характеръ не зависитъ отъ различныхъ стадій соціальной эволюціи и онѣ не оказываютъ на него существеннаго вліянія. Съ другой стороны Гюго, склоненъ также, повидимому, признать справедливой старинную религіозную и политическую теорію о постепенномъ упадкѣ человѣческой расы, которая въ началѣ состояла изъ полубоговъ и героевъ, но затѣмъ, мало-по-малу, раса начала мельчать, колоссы превратились въ гигантовъ, Титаны въ Нимвродовъ и въ концѣ концовъ человѣческая раса сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ мы ее видимъ. Но главный источникъ заблужденій Виктора Гюго заключается въ томъ, что онъ признаетъ существованіе индивидуальной свободы, объективной и субъективной, при такихъ соціальныхъ условіяхъ, которыя, вслѣдствіе общинныхъ ограниченій мысли, чувствъ и дѣятельности, ставили личность въ узкія рамки, не допуская развитія свободнаго индивидуализма и иного сознанія личности, кромѣ чисто матеріальнаго. Теорія Гюго въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ теорію Карлейля о культѣ геровъ. Ни Гюго, ни Карлейль, повидимому, не замѣтили глубокаго различія, существующаго между объективными понятіями о личности въ первобытномъ обществѣ и высоко развитымъ индивидуализмомъ позднѣйшихъ эпохъ. Не трудно доказать, что значеніе словъ: лирика, эпосъ и драма измѣнялось соотвѣтственно различнымъ періодамъ соціальной исторіи Греціи и, слѣдовательно, даже въ той самой странѣ, въ которой онѣ народились, понятія эти не имѣли постояннаго и опредѣленнаго смысла, въ устахъ же европейскихъ народовъ эти выраженія постоянно измѣняли свое значеніе. Во всякомъ случаѣ, обобщая такимъ образомъ понятія о лирикѣ, мы игнорируемъ то важное обстоятельство, что ни индивидуализмъ современнаго лирическаго автора, ни человѣческій характеръ и чувства, воспѣваемыя имъ, не укладываются въ узкія рамки первобытной жизни, той самой, которую Викторъ Гюго и многіе другіе причисляютъ къ лирическому періоду. Лирика современной жизни видитъ и изображаетъ всѣ предметы въ мысляхъ и чувствахъ отдѣльной личности, сознаніе же общаго тяготѣющаго надъ людьми вѣчнаго и необъяснимаго рока, служитъ связью между этою личностью и всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Лирика же первобытной жизни видитъ и изображаетъ всѣ предметы въ мысляхъ и чувствахъ небольшой группы людей, тѣсно связанныхъ между собою узами взаимныхъ обязательствъ, но эта связь носитъ вполнѣ реальный характеръ, какого не имѣетъ связь современной личности съ остальнымъ человѣчествомъ. Отсюда ясно, что современный европейскій критицизмъ совершенно ложно понимаетъ духъ первобытной литературы. Въ нашей современной европейской жизни индивидуальный характеръ такъ долго находился на первомъ планѣ и индивидуализированныя чувства и страсти присоединялись

къ литературному искусству и критицизму, нашему собственному или унаслѣдованному нами отъ Аѳинъ и Рима, что только очень недавно, и лишь подъ вліяніемъ новаго разцвѣта корпоративной жизни, мы, наконецъ, вспомнили, что личность въ первобытныя времена рѣзко отличалась отъ личности въ цивилизованныхъ общинахъ. Притомъ же мы очень долго довольствовались тѣмъ, что относили соціальные источники литературы къ періоду, лишь незначительно предшествовавшему феодальнымъ временамъ, и развитіе литературы въ значительной степени ставили въ зависимость отъ процвѣтанія королевскихъ дворовъ или городскихъ республикъ, какія существовали въ Греціи и Италіи. Только немногіе ученые, не раздѣлявшіе ходячихъ взглядовъ на литературу, старались проникнуть за предѣлы этихъ извѣстныхъ формъ соціальной жизни и выдѣлить изъ нихъ другія понятія о личности, совершенно непохожія на тѣ, какія господствовали при дворахъ феодальныхъ владѣльцевъ и въ городахъ и являлись результатомъ замковой и придворной жизни. Эти ученые старались объяснить пережитки первобытныхъ типовъ соціальной и индивидуальной жизни, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ организаціяхъ, но тутъ они естественно должны были наталкиваться на очень большія затрудненія, такъ какъ не легко прослѣдить всѣ историческія измѣненія человѣческой личности, и даже творцы исторической науки испытывали подобныя же затрудненія, когда имъ приходилось отрекаться отъ общепринятыхъ понятій о личности, чтобы признать вѣрность историческаго факта, заключающагося въ томъ, что различные типы личностей появлялись и исчезали вмѣстѣ съ различными стадіями соціальной эволюціи. Соціальныя перемѣны, переходъ отъ общинной къ личной жизни, не могли не отражаться и на творцахъ литературы, и однимъ изъ главныхъ литературныхъ послѣдствій распаденія жизни клана было появленіе авторства въ литературѣ. До тѣхъ поръ, пока танцы, музыка и мимика составляли нераздѣльную часть литературы, не могло быть и рѣчи объ авторскихъ правахъ на какое бы то ни было литературное произведеніе, и еще долго спустя послѣ того, какъ касты духовенства создали родъ религіозной литературы, состоящей изъ гимновъ и религіозныхъ постановленій,—понятіе о литературной собственности было практически неизвѣстно. Мы уже приводили раньше примѣры общиннаго авторства и упоминали о пережиткахъ этого авторства, дошедшихъ до насъ. Преобладаніе стихотворной формы въ первобытной литературѣ тѣсно связано съ общиннымъ пѣніемъ гимновъ и составляетъ общее явленіе, постепенное же развитіе прозы, сопровождающее развитіе личной свободы, получило особенно широкое распространеніе, когда было изобрѣтено искусство письма, благодаря которому память уже больше не нуждалась въ такомъ подспорьѣ, какое составляли для нея созвучія риѳмъ и стиха. Безъ сомнѣнія, это изобрѣтеніе не могло пройти безслѣдно для первобытныхъ пѣсенниковъ, такъ какъ введеніе письма понизило значеніе декламаціи, съ аккомпаниментомъ музыки или безъ нея, и положеніе пѣвцовъ отъ этого должно было измѣниться. Притомъ въ Англіи, напримѣръ, на это положеніе повліяло также развитіе и укрѣпленіе централизаціи власти, потому что во времена Елизаветы, въ самый періодъ расцвѣта культуры въ ея царствованіи, уличные и странствующіе пѣвцы были поставлены наравнѣ съ бродягами и нищими. Такъ понизилось, слѣдовательно, значеніе ихъ въ глазахъ общества елизаветинской эпохи!

Глава VII.

Кланъ и природа.

Хотя Александръ Гумбольдтъ и другіе послѣ него замѣтили уже вліяніе, которое оказывали великія политическія организаціи въ родѣ римской имперіи и др. на понятія человѣка о физической природѣ, тѣмъ не менѣе никому изъ авторовъ не приходило въ голову прослѣдить, какія формы принимаетъ природа въ глазахъ человѣка подъ вліяніемъ разнообразныхъ и все болѣе и болѣе расширяющихся формъ соціальной организаціи. Монтескье, которому мы обязаны основаніемъ истиннаго историческаго изслѣдованія въ Европѣ, все-таки слишкомъ исключительно разсматривалъ соціальную жизнь, какъ производное физическихъ силъ, климата, почвы, распространенія и характера береговой линіи и т. п. Но хотя физическія условія мѣстности сильно вліяютъ на коммерческую и политическую жизнь, на философское и художественное развитіе, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что формы соціальной жизни, несмотря на свою зависимость отъ физическихъ причинъ, все-таки вырабатываютъ извѣстные спеціальные взгляды на природу, и чувство природы, развивающееся у человѣка, находится въ значительной степени въ зависимости отъ соціальной организаціи и въ особенности отъ клана.

Мы должны тщательно различать двѣ формы первобытной соціальной жизни, доступныя нашему изученію: кланъ и дворъ предводителя или вождя—и двѣ формы поэзіи: общинную поэзію древнихъ евреевъ или арабовъ и героическія пѣсни гомеровскихъ «aoidoi», или саксонскихъ «Scôps». Природа представляется совершенно иначе членамъ деревенской общины и домашней челяди владѣльца. Для перваго природа отожествляется съ хорошею или дурною жатвой; она или щедро разсыпаетъ свои дары или, напротивъ, скупится и обижаетъ человѣка, давая плохой урожай плодовъ и хлѣба. Однимъ словомъ: вся община живетъ въ тѣсномъ и постоянномъ общеніи съ природой и поэтому естественно переноситъ на нее свои понятія о земледѣльческой жизни. Но для домашней челяди и вассаловъ владѣльца природа уже не представляетъ такого непосредственнаго интереса; въ ихъ глазахъ гораздо большее значеніе имѣетъ какой-нибудь предокъ, отъ котораго ведетъ свое божественное происхожденіе ихъ предводитель или вождь, или храбрыя дѣянія и подвиги, которыми гордится онъ самъ и его приближенные. Эпическіе пѣвцы могутъ, конечно, облекать своихъ героевъ въ одѣянія божества природы, но тѣмъ не менѣе даже сквозь эти одѣянія все-таки виднѣется сіяніе ореола славы, окружающаго вождя. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ община клана подпадаетъ подъ власть вождей,—что почти всегда наблюдалась тамъ, гдѣ отсутствовала централизація духовной власти — силы природы отступали на второй планъ передъ божествами или полубогами и героями, связь которыхъ съ физическою природой затемнялась аристократическими идеями. Но тамъ, гдѣ община болѣе или менѣе долгое время сохраняла свою самобытность, не подпадая подъ власть вождей, тамъ поэзія природы оставалась въ чистомъ видѣ и не облекалась въ человѣческіе образы.

Въ Греціи временъ Гомера и въ Англіи временъ саксонцевъ развитіе соціальныхъ единицъ главнымъ образомъ совершалось подъ вліяніемъ индивидуальныхъ военныхъ предпріятій вождей. Въ первобытномъ же Израилѣ или Аравіи до Магомета развитіе соціальныхъ

единицъ пошло по другому пути и совершалось подъ вліяніемъ слія-нія союзныхъ клановъ. Поэтому-то въ поэзіи Израиля и Аравіи природа играетъ гораздо болѣе выдающуюся роль, нежели въ поэзіи древней Греціи и Англіи. Взглядъ на природу также совершенно иной. Въ глазахъ древнихъ евреевъ и арабовъ природа представляется «великой и нераздѣльной» и всѣ соціальныя различія въ сравненіи съ нею ничто иное, какъ «пыль, которая легко вздымается и также легко упадаетъ на землю». Но въ глазахъ грековъ и саксонцевъ природа представляетъ необыкновенное разнообразіе. Взглядъ на природу и отношеніе къ ней мѣняются сообразно съ мѣстностью и соціальными условіями, точно также мѣняются и чувства къ ней людей. То же тамое наблюдается и въ индійской поэзіи. Въ этой поэзіи природа занимаетъ преобладающее мѣсто, но не потому, что поэзія эта служитъ отраженіемъ роскошной природы Индіи, а вслѣдствіе того, что условія человѣческой жизни сложились въ Индіи такимъ образомъ, что вызвали преобладаніе со-ціальнаго фактора надъ индивидуальнымъ, такъ что община всегда была самымъ стойкимъ изъ всѣхъ учрежденій индійской жизни. Индій-ская, какъ и древнееврейская литература переполнена такими изобра-женіями природы, которыя указываютъ на преобладаніе соціальнаго чувства; индивидуализированная же природа Ѳеокрита или Уордсуорта совершенно неизвѣстна индѣйской поэзіи.

Чтобы объяснить себѣ точку зрѣнія клана на природу, надо имѣть въ виду, что въ тѣ времена еще не существовало такого понятія о личности, какое образовалось позднѣе и характеризуетъ современную эпоху. Сознаніе личности было еще недостаточно развито у человѣка и разница между общимъ понятіемъ и индивидуальнымъ названіемъ не выражалась такъ рѣзко, какъ теперь, поэтому-то первобытный че-ловѣкъ примѣнялъ къ явленіямъ природы такіе же точно термины, какіе служили ему для выраженія понятій, относящихся къ человѣче-ской жизни и дѣятельности. Но дѣлалъ онъ это вовсе не изъ желанія отожествить явленія физической природы съ явленіями человѣческой жизни. Смѣшеніе понятій о человѣческомъ существованіи и физической природѣ зависѣло преимущественно отъ смѣшенія личнаго и соціаль-наго существованія, характеризующаго первобытныя эпохи. И то, и другое вызывалось особенностями первобытнаго мышленія, не дѣлав-шаго различія между личнымъ и коллективнымъ существованіемъ и его субъективными и объективными, абстрактными и конкретными формами. Источникъ такого смѣшенія понятій надо искать въ самой организа-ціи первобытной соціальной жизни.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ разсматривать созданіе миѳовъ, какъ спеціальную функцію эпохи клановъ. Отношенія организаціи клана къ миѳамъ одинаково ясно выступаютъ, какъ въ соціальныхъ, такъ и физическихъ формахъ созданія миѳовъ. Выраженіе «миѳъ», не имѣвшее, повидимому, постояннаго и опредѣленнаго значенія у древнихъ грековъ, употребляется теперь для обозначенія такихъ продуктовъ воображенія, въ которыхъ безсознательнымъ образомъ отражаются понятія о внѣш-ней природѣ. Истинными творцами миѳовъ были тѣ узкія рамки, въ которыхъ вращалась мысль и дѣятельность первобытнаго человѣка; съ расширеніемъ же рамокъ индивидуальной и соціальной жизни и умствен-наго кругозора человѣка, миѳы блѣднѣли и разрушались. Но миѳъ, заключающій въ себѣ грубое усиліе объяснить какой-нибудь изъ эле-ментовъ физической природы или формы животной жизни или какой-нибудь соціальный обычай, только тогда получаетъ значеніе миѳа, когда

является возможность сравненій и когда замѣчаются противорѣчія и бросается въ глаза обветшалость прежнихъ вѣрованій и необходимость поправокъ. Такимъ образомъ легко объясняется соціальная форма миѳовъ, созданныхъ кланами. Образованіе миѳовъ постоянно сопровождало сліяніе клановъ и превращеніе ихъ въ федераціи или націи, такъ какъ въ основу этого ставили обыкновенно преданія объ общихъ предкахъ. Именно это обстоятельство и было всегда причиной, что начало каждой національной исторіи заслоняется массою миѳовъ, соціальное и физическое происхожденіе которыхъ теряется во мглѣ, и наука до сихъ поръ сдѣлала очень мало для разсѣянія этой мглы и раскрытія источниковъ образованія миѳовъ.

Итакъ, эпоха клановъ можетъ быть названа великою эпохою миѳовъ, какъ соціальныхъ, такъ и физическихъ. Но въ этихъ послѣднихъ физическая природа вовсе не воплощается въ личность въ современномъ смыслѣ этого слова и въ то же время она не предстовляется безличною величиной. Въ позднѣйшія эпохи уже начинаетъ преобладать индивидуальный взглядъ на природу, а еще позднѣе природа становится абстрактнымъ понятіемъ и въ такой формѣ появляется въ позднѣйшей литературѣ.

Глава VIII.

Группа городскихъ республикъ.

Справедливо было замѣчено, что «краткій разцвѣтъ золотого вѣка Перикла» такъ ослѣпляетъ своимъ яркимъ блескомъ нашихъ современныхъ критиковъ, что они отожествляютъ духъ этой эпохи, крайне недолговѣчный, съ духомъ всей греческой расы вообще. Однако, нельзя ставить это заблужденіе только на счетъ современнымъ критикамъ. Въ періодъ полнаго расцвѣта своихъ умственныхъ силъ аѳиняне невольно должны были сбросить съ себя оковы прежняго мышленія и, окруживъ ореоломъ чудеснаго прошлую исторію Эллады, они стремились обобщить и распространить свои собственныя идеи насчетъ другихъ греческихъ государствъ и общества, менѣе развитаго, чѣмъ ихъ собственное, а также насчетъ идей первобытной жизни и клана. Литературнымъ примѣромъ этого можетъ служить поэтика Аристотеля, основою для которой послужили драматическія зрѣлища и судебныя пренія въ Аѳинахъ, доставлявшія Аристотелю живые образы, которые потомъ его философія облекала въ идеальныя формы. Аѳины, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть названы типомъ городской республики, а аѳинская литература—идеаломъ такой городской литературы; привычка говорить о «греческой литературѣ» или «греческой націи» затемняетъ истинную природу соціальной и политической эволюціи, благодаря которой мы имѣемъ мастерскія произведенія аѳинской мысли и искусства. Унаслѣдовавъ поэтическія сокровища изъ временъ господства тирановъ и гомеровскихъ королей и заимствовавъ лирическія пѣсни, народившіяся въ атмосферѣ дворцовъ этихъ тирановъ и вождей, аѳинская литература глубоко запустила свои корни въ мѣстную жизнь доисторической Эллады. Цьѣты и плоды аѳинскаго творчества и фантазіи возрасли на такой почвѣ, въ образованіи которой принимала участіе каждая частица Греціи, смотря по степени и важности своей культуры. Подъ дѣйствіемъ этихъ вліяній аѳинскій духъ развивался въ двухъ направленіяхъ, глубоко отразившихся на литературномъ развитіи—въ

направленіи эволюціи индивидуальнаго характера и развитія и распространенія соціальной жизни. Аѳины, воплотивъ въ себѣ все прошлое греческой жизни, достигли такого развитія индивидуализма, какой до тѣхъ поръ не былъ извѣстенъ грекамъ, и въ то же время расширили границы соціальныхъ симпатій, что было совершенно немыслимо въ первобытныя времена, когда греческія общины жили изолированною жизнью. Изъ описаній Ѳукидида можно видѣть, какъ выросли Аѳины, образовавшись изъ сліянія изолированныхъ деревенскихъ общинъ. Во времена македонскаго владычества прежняя политическая гегемонія Аѳинъ замѣнилась интеллектуальной, напоминающей централизацію западныхъ цивилизацій, и съ той поры Аѳины не были свергнуты съ занимаемаго ими мѣста. Прогрессъ Аѳинъ выразился въ краткомъ переходѣ отъ изоляціи и исключительности жизни клана къ міровому владычеству интеллекта. Двойная связь, соединяющая Аѳины, съ одной стороны, съ узко-изолированнымъ прошлымъ, и съ другой—съ широкимъ будущимъ, охватывающимъ цѣлый міръ, дѣлаетъ Аѳины типомъ городской республики съ точки зрѣнія соціальнаго и индивидуальнаго развитія.

Этотъ типическій характеръ аѳинской республики выступаетъ особенно рѣзко, если сравнить ее съ римскою республикой. Римъ, какъ и Аѳины, глубоко пустилъ корни въ эпоху клана и эта эпоха оставила на римскомъ характерѣ слѣды, гораздо болѣе замѣтные, чѣмъ на характерѣ аѳинянъ. Начиная отъ эпохи XII таблицъ и до окончательнаго ослабленія узъ «Patria Potestas», въ римской жизни господствовалъ въ большей или меньшей степени духъ клана, выражавшійся, большею частью, въ предѣлахъ римской семьи. Этотъ консерватизмъ, составлявшій характерную черту древняго Рима, помѣшалъ Риму выработать свой собственный типъ литературнаго развитія. Примиреніе римлянъ, принадлежащихъ къ клану, съ такими, за которыми не стоитъ кланъ, произошло слишкомъ поздно и поэтому не могло дать начало римской литературѣ, которая бы составила общую собственность патриціевъ и плебеевъ. Борьба патриціевъ и плебеевъ, т. е. борьба людей, принадлежащихъ къ клану, съ такими, которые къ нему не принадлежатъ, но добиваются равныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, помѣшала образованію римскаго единства, пока, наконецъ, городская республика не превратилась въ метрополію могущественной муниципальной имперіи, которая должна была заимствовать извнѣ свое интеллектуальное развитіе. Не такъ было въ Аѳинахъ. Тамъ республика не распадалась на родовитыхъ и не родовитыхъ гражданъ (plebs gentem non habet), но и не расширяла своихъ предѣловъ, раздѣляясь внутреннимъ образомъ и превращаясь въ метрополію муниципальной имперіи. Аѳины не подвергались никакимъ стѣсненіямъ, такъ какъ не составляли части никакой всемірной имперіи; свобода мысли въ Аѳинахъ не была ограничена никакою всемірною религіей, а свобода искусства не была подавлена необходимостью подражать извѣстнымъ образцамъ, такъ часто вызывающею разочарованіе и стѣсняющею свободное развитіе молодыхъ талантовъ. Пожаръ Александрійской библіотеки не былъ однако такою громадною потерею для цивилизаціи, какъ это нѣкоторые думаютъ, такъ какъ сохраненіе такой обширной коллекціи древнихъ писаній, до такой степени поглотило бы вниманіе нашихъ современниковъ и отняло бы у нихъ столько времени, что это несомнѣнно должно было бы отразиться на оригинальномъ творчествѣ и вызвать его упадокъ. Было бы интересно прослѣдить, насколько въ самомъ дѣлѣ существованіе такихъ образцовъ литературы, которые считалось не-

возможнымъ превзойти и съ которыми даже трудно было сравняться путемъ подражанія, повліяло на то, что итальянскій геній преимущественно выразился въ области скульптуры и живописи, а не въ области литературы.

Такимъ образомъ Аѳины представляютъ такой типъ городской республики, которая отличается внутреннимъ единеніемъ и можетъ свободно развиваться, не стѣсняемая никакими наслѣдіями прошлаго и не увлекаемая въ сторону никакими связями съ какими-нибудь болѣе широкими союзами, имѣющими политическій или религіозный характеръ. Но возникаетъ вопросъ, представляетъ ли городская республика, какъ форма соціальной жизни, настолько частое явленіе, что ее можно считать ступенью соціальной эволюціи? Пожалуй, можно сказать, что Аѳины, Римъ и Флоренція представляютъ не только весьма различные типы городскихъ республикъ, но въ то же время эти республики ничто иное, какъ изолированныя явленія, не обладающія никакими общими характерными чертами, которыя дали бы право причислить ихъ къ опредѣленнымъ соціальнымъ организмамъ.

Обращая наши взоры на востокъ и въ особенности на цивилизацію Индіи, мы должны откровенно признать, что на земномъ шарѣ существуетъ много большихъ пространствъ, на которыя городская жизнь не оказала никакого вліянія, равносильнаго тому, которое имѣли муниципальныя системы Греціи и Рима и націи, выросшія на ихъ развалинахъ. Но если Римъ сразу превратился изъ городской республики въ міровую имперію, даже не успѣвъ вырости въ націю, то соціальная эволюція востока, повидимому, совершила такой же скачекъ и перешла отъ деревенской общины къ міровой имперіи, не остановившись на стадіи развитія изолированныхъ городскихъ республикъ. Однако широкое значеніе, которое имѣла для западной цивилизаціи городская республика, заставляетъ отвести ей выдающееся мѣсто въ соціальной эволюціи. Что же касается трудности опредѣленія точнаго значенія термина «городская республика», то на это можно возразить, что трудность эта очень преувеличивается и что въ такомъ случаѣ всѣ опредѣленія въ соціальной наукѣ одинаково страдаютъ неточностью. Безъ сомнѣнія, мы должны остерегаться отводить отдѣльное мѣсто «городу» въ соціальной классификаціи, такъ какъ это дѣйствительно неопредѣленный терминъ и одинаково можетъ быть приложимъ къ древнееврейскимъ городамъ, представляющимъ подобіе клана, гдѣ всѣ жители были «сыны и дочери» города,—къ такимъ городамъ съ широко развитою муниципальною жизнью, какъ Аѳины и Римъ, гдѣ идея общаго родства постепенно отошла на задній планъ, и, наконецъ, къ привилегированнымъ городамъ Франціи, Англіи, Испаніи и Германіи, гдѣ узы общаго родства уже совсѣмъ исчезли и вмѣсто нихъ возникли отношенія между индивидами и мѣстною администраціею и центральною королевскою или императорскою властью. Но, употребляя терминъ «городская республика», мы избѣгаемъ такой путаницы понятій и имѣемъ въ виду обратить вниманіе на тотъ фактъ, что «городъ», занимающій такое выдающееся мѣсто въ соціальной исторіи, стоитъ совершенно отдѣльно отъ деревенской общины или привилегированнаго города и представляетъ самостоятельную соціальную единицу, образовавшуюся изъ клановъ и деревень. Путемъ дальнѣйшаго распространенія такой городъ можетъ даже превратиться въ имперію современемъ, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки будетъ рѣзко отличаться какъ отъ деревенской общины, такъ и отъ имперіи.

Во всякомъ случаѣ, мы не должны забывать, что наши соціальные классы не могутъ быть рѣзко разграничены, такъ какъ формы соціальной жизни незамѣтно переходятъ одна въ другую и никакой кланъ не можетъ быть заключенъ въ строго опредѣленныя рамки и представлять такую же опредѣленную единицу, какъ индивидуальное существо. Значеніе городской республики, также какъ и клана, заслоняется тѣмъ обстоятельствомъ, что физическія и соціальныя условія весьма рѣдко слагались такимъ образомъ, чтобы оказывать вліяніе на развитіе языка и литературы, носившей на себѣ явные слѣды общины, заключенной въ узкія рамки. Также надо имѣть въ виду, что городская республика представляла зачастую лишь переходную стадію отъ мѣстнаго ограниченія племенъ и клановъ къ централизаціи національной жизни и нѣкоторыя изъ соціальныхъ группъ лишь временно останавливались на этой стадіи, между тѣмъ какъ другія, по разнымъ причинамъ, признавали въ ней свой соціальный идеалъ.

Глава IX.

Пережитки клана въ городской республикѣ.

Если мы займемся изслѣдованіемъ вопроса, съ какого рода литературнымъ запасомъ начали аѳиняне свою карьеру литературнаго творчества, то увидимъ, что свои поэтическія формы, эпическія, лирическія и ямбы, аѳиняне заимствовали въ значительной степени отъ восточныхъ и родственныхъ имъ іоническихъ племенъ. Въ литературномъ капиталѣ, которымъ они были обязаны этому же самому источнику, можно распознать присутствіе прозы, облеченной въ поэтическое одѣяніе и послужившей однимъ изъ форменныхъ элементовъ будущей аѳинской литературы. Восточно-іонійская проза существовала въ началѣ V-го столѣтія до Р. Х. въ двухъ формахъ, повѣствовательной и философской. Въ тѣ времена Милетъ былъ греческимъ интеллектуальнымъ центромъ, значительно отличавшимся отъ Аѳинъ, какъ своими соціальными, такъ и физическими условіями и по всей вѣроятности, еслибъ онъ не былъ разрушенъ, то въ немъ развилась бы литература и по формѣ, и по духу совсѣмъ другая, нежели въ Аѳинахъ. Но гораздо болѣе важнымъ вопросомъ будетъ слѣдующій: съ какимъ запасомъ идей вступали аѳиняне на путь литературнаго творчества? Изслѣдуя этотъ вопросъ, мы наталкиваемся на пережитки эпохи клановъ и деревенской общины. Отъ этой послѣдней аѳиняне заимствовали свои идеи о наслѣдственномъ грѣхѣ и эти идеи никогда не были ими отвергнуты такъ рѣзко, какъ это наблюдается въ древнееврейской книгѣ пророка Іезекіиля. Замѣчательно также, что эти идеи выступаютъ въ аѳинской литературѣ еще ярче, нежели въ гомеровскихъ поэмахъ, гдѣ говорится уже о личной отвѣтственности и объ изгнаніи преступника изъ его общины, пока родственники убитаго имъ не примутъ выкупа — «виры» (Wehrgeld) и такимъ образомъ не будетъ искуплено преступленіе. Но въ аѳинской драмѣ, появившейся гораздо позднѣе, наслѣдственность преступленія выступаетъ на первый планъ и указываетъ, что какого бы прогресса ни достигла Грецiя въ соціальномъ и интеллектуальномъ отношеніи въ различныхъ своихъ частяхъ и подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ и физическихъ условій, все-таки клановый духъ древней аѳинской драмы сохранилъ достаточную силу даже во дни Софокла и давалъ себя

чувствовать во всѣхъ аѳинскихъ драматическихъ представленіяхъ, основанныхъ на идеѣ отвѣтственности общины. Эта идея служила центромъ этическихъ понятій въ драмѣ и даже тогда, когда индивидуализмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи достигъ уже достаточнаго развитія подъ вліяніемъ господства королей или тирановъ, аѳиняне все-таки настолько еще сохраняли свой первобытный общинный духъ, что онъ проявлялся во всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ аѳинской литературы. Въ этомъ пережиткѣ общинной нравственности заключается, между прочимъ, объясненіе страннаго факта въ исторіи развитія аѳинской литературы: внезапнаго взрыва и быстраго упадка аттическаго генія.

Послѣ того, какъ правленіе тирановъ и успѣшное сопротивленіе персидскому нашествію доставило Аѳинамъ соціальное единство и упрочило ихъ гегемонію надъ государствами, достигшими даже болѣе высокаго развитія цивилизаціи, Аѳины подверглись наплыву новыхъ идей, доселѣ неизвѣстныхъ въ Аттикѣ. Такимъ образомъ, древнія аѳинскія понятія и чувства должны были столкнуться съ индивидуализмомъ, давно уже развившимся въ другихъ частяхъ Греціи, въ особенности среди восточныхъ іонійцевъ. Матеріальный прогрессъ Аѳинъ и ихъ обогащеніе, явившіеся послѣдствіемъ персидскихъ войнъ и обнаружившіеся всего сильнѣе во времена администраціи Перикла, допускали гораздо больше широкое развитіе личной независимости и большую свободу преній, чѣмъ какая существовала у первобытныхъ аѳинянъ. Въ этомъ столкновеніи старыхъ и новыхъ идей заключается главный источникъ аѳинскаго генія. Но если насъ спросятъ, отчего этотъ блескъ творческой силы былъ такимъ эфемернымъ и такъ скоро померкъ подъ вліяніемъ словесныхъ споровъ и педантизма, то мы отвѣтимъ, что причины этого упадка слѣдуетъ искать въ быстромъ разрушеніи древней общинной нравственности подъ натискомъ греческаго индивидуализма, положившимъ конецъ поединку, происходившему между эгоистическимъ и альтруистическимъ мышленіямъ. Однако, именно этому столкновенію двухъ міровоззрѣній міровая исторія и обязана блестящими проблесками аѳинскаго генія, освѣтившими ея страницы.

Индивидуализація аѳинскаго интеллекта и воображенія послужила причиной односторонности позднѣйшей культуры аттическаго генія. По замѣчанію Мюллера, традиціонныя правила аѳинской нравственности подверглись при началѣ пелопонезской войны тщательному изслѣдованію и пересмотру со стороны чужестранной расы учителей, происходившихъ преимущественно изъ колоній запада и востока. Легко понять, что первобытная этика клана, подвергнутая такому пересмотру и сравненію, вслѣдствіе расширенія кругозора аѳинянъ, обнаружила свою несостоятельность во многихъ направленіяхъ и у аѳинянъ пробудилось сознаніе недостатковъ ихъ прежнихъ вѣрованій. Сократовскій методъ служитъ однимъ изъ проявленій такого сознанія, а платоновскій универсализмъ можетъ служить догматическимъ отвѣтомъ на затрудненія, возникшія вслѣдствіе пробужденія подобнаго сознанія. Можно было предвидѣть, конечно, что первобытныя доктрины объ общей карѣ и наслѣдственномъ грѣхѣ не долго продержатся среди народа, привыкшаго къ публичному обсужденію всевозможныхъ сложныхъ проблемъ, касающихся личнаго умысла и скрытыхъ намѣреній. Простыя правила древней нравственности не могли сохраниться въ силѣ послѣ того, какъ постепенно ослабѣли узы общаго родства, усту-

павшія требованіямъ личныхъ интересовъ, и умъ аѳинянъ изощрялся, благодаря софистическимъ спорамъ и сравненію учрежденій и идей прочихъ греческихъ государствъ или же анализу своего собственнаго субъективнаго мышленія. Во всякомъ случаѣ, старыя идеи и вѣрованія были расшатаны, и старанія людей, подобныхъ Аристофану, осмѣять новыя понятія, являются лишь трагикомическими усиліями вдохнуть новую жизнь въ отжившія уже правила древней морали и безуспѣшными попытками задержать стремленія аѳинянъ найти отвѣты на тѣ вопросы, которые приковывали къ себѣ ихъ вниманіе, и разрѣшить проблемы, порожденныя измѣнившимися соціальными условіями.

Но рядомъ съ понятіями о наслѣдственномъ грѣхѣ и наказаніи, которыя можно разсматривать какъ положительные слѣды, оставленные первобытною эпохою клана на аѳинской мысли, слѣдуетъ еще упомянуть о такихъ остаткахъ этой эпохи, которыя находятся въ связи съ упадкомъ аѳинской нравственности. Такою отрицательною стороною аѳинской жизни явилось отсутствіе какой бы то ни было глубокой вѣры въ личную награду или наказаніе въ будущемъ. Значительный прогрессъ въ развитіи этихъ идей достигнутъ былъ лишь въ промежутокъ между эпохою Одиссея и Пиндара. Въ политической жизни Аѳинъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ аѳинской музы въ теченіе долгаго времени давали себя чувствовать факты и чувства, заимствованныя изъ быта клановъ, и пока люди вѣрили въ наслѣдственность грѣха и отвѣтственность за него цѣлой группы, до тѣхъ поръ не было нравственной потребности въ идеѣ о личномъ наказаніи и вознагражденіи въ загробной жизни, и аѳиняне довольствовались только спорами, напоминающими тѣ споры о научныхъ основахъ нравственности, какіе не прекращаются и до сихъ поръ.

Въ то время, какъ духъ клана господствовалъ въ аѳинской трагедіи, составляя этическія основы этой трагедіи, а столкновеніе пережитковъ клана съ возрастающимъ индивидуализмомъ Аѳинъ содѣйствовало появленію великихъ произведеній аѳинской философіи, духъ клана вызвалъ въ Римѣ совершенно иныя послѣдствія и иначе отразился на римскомъ характерѣ и литературѣ. Жизнь клана сохранилась и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще больше утвердилась въ предѣлахъ римской «familia», не оставлявшей большой свободы для литературнаго и философскаго прогресса мысли. Тамъ, гдѣ дѣти были «sub potestate», женщины — «in perpetua tutela», жены — «sub manu viri» — тамъ на личную независимость и индивидуальную свободу должны были быть наложены путы общинныхъ ограниченій. До тѣхъ поръ, пока въ римской жизни господствовала въ соціальномъ отношеніи римская «familia», а въ политическомъ — патриціанскіе роды, не могло существовать благопріятныхъ условій для развитія какой бы то ни было другой литературы, кромѣ литературы священныхъ гимновъ и сборниковъ религіозныхъ правилъ, въ родѣ тѣхъ, которые въ такомъ большомъ количествѣ составлялись кастами духовенства на востокѣ. Если бы элементы, не принадлежащіе къ клану, не были достаточно сильными въ Римѣ, то врядъ-ли могла бы произойти перемѣна системы политической и соціальной, и Римъ не могъ бы возвыситься надъ уровнемъ воззрѣній, господствовавшихъ въ восточныхъ олигархіяхъ, созданныхъ духовенствомъ. Хотя столкновеніе между плебеями и патриціями и не вызвало такого внезапнаго подъема умственныхъ силъ, какой наблюдался въ Аѳинахъ, тѣмъ не менѣе оно спасло «вѣчный городъ» отъ той судьбы, которая постигла Аѳины,

давъ могучій толчокъ развитію политической жизни, выразившейся въ организаціи публичнаго судопроизводства и всякаго рода собраній, подъ вліяніемъ которыхъ римская проза и юриспруденція постоянно прогрессировали, совершенно иначе, чѣмъ это было въ Аѳинахъ, гдѣ необыкновенно быстрый и внезапный ростъ аѳинскаго генія смѣнился столь же внезапнымъ и быстрымъ упадкомъ.

Но Римъ нуждался во внѣшней помощи для развитія своей литературы. Моммзенъ справедливо замѣтилъ, что кульминаціонный пунктъ римскаго развитія былъ достигнутъ безъ литературы, и этотъ фактъ объясняется двумя условіями: во-первыхъ, суровой системой семьи, не допускавшей даже у взрослыхъ членовъ индивидуализаціи мысли и дѣятельности, и, во-вторыхъ, смертельною ненавистью, существовавшею между полноправными гражданами и лишеннымъ клана пролетаріатомъ, препятствовавшею политическому объединенію народныхъ классовъ, которое могло бы дать начало народной пѣснѣ. Распря между патриціями и плебеями, хотя и содѣйствовала уничтоженію обособленности аристократическаго класса, тѣмъ не менѣе она замедлила, а быть можетъ, даже помѣшала возникновенію народной римской литературы. Это отсутствіе литературы въ древнемъ Римѣ считалось характернымъ для латинской расы, однако истинное объясненіе этого явленія слѣдуетъ искать въ причинахъ, вліявшихъ на общій характеръ мужчинъ и женщинъ древняго Рима. Рѣзкая разница, существовавшая между положеніемъ патриціевъ и плебеевъ, чужестранцевъ и рабовъ и суровый консерватизмъ клана были первоначальными причинами, мѣшавшими развитію фантазіи. Римскіе суды сдѣлались источникомъ европейской юриспруденціи, но отсутствіе общихъ симпатій, которыя [illegible] были бы доступны, какъ патриціямъ, такъ и плебеямъ, мѣшало образованію соціальныхъ идеаловъ, которые именно и нужны для литературы.

Произведенія римской литературы до половины третьяго столѣтія до Р. Х. указываютъ на весьма скудный запасъ матеріала и идей. Ни одинъ изъ римлянъ не создалъ ничего подобнаго гекзаметрамъ, ямбамъ и элегіямъ грековъ; грубыя риѳмы Сатурна были, повидимому, единственною извѣстною въ Римѣ стихотворною формой. Хроники, написанныя въ самой простѣйшей формѣ, и законы, не сопровождавшіеся ни примѣчаніями, ни комментаріями, представляли, повидимому, единственные образцы древней латинской прозы. Трудно также допустить, чтобы въ Римѣ существовали когда-либо народныя баллады, такъ какъ Римъ не обладалъ для этого нужнымъ матеріаломъ, т. е. миѳами. Это отсутствіе миѳовъ приписывалось самому характеру древней римской религіи; но въ древней соціальной жизни Рима можно открыть гораздо болѣе глубокія причины такого отсутствія героической миѳологіи. Римскія преданія о дѣяніяхъ предковъ до такой степени были тѣсно переплетены съ различными политическими дѣлами и союзами, что ихъ нельзя было вложить въ прекрасныя поэтическія формы греческихъ миѳовъ, и эти послѣдніе, конечно, никогда бы не достигли такого совершенства въ эстетическомъ отношеніи, еслибъ они были такъ тѣсно связаны съ предметами обыденной жизни.

Такимъ образомъ духъ клана въ Аѳинахъ и Римѣ весьма различно вліялъ на начала аѳинской и римской литературы. Въ Аѳинахъ онъ былъ недостаточно силенъ, чтобы заставить городъ оставаться раздѣленнымъ на враждебные лагери, но все-таки онъ настолько сохранился, чтобы служить основою традиціонной нравственности. Онъ за-

стр.

14. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Изъ деревень.—Крестьянское общество попеченія о народномъ образованіи.—Сельскіе учителя въ Тульской губ.—Курьезный проектъ.—Странникъ Антоній. 7
15. МОЯ ДУМСКАЯ ПРАКТИКА. (Очеркъ изъ быта рабочаго населенія въ Петербургѣ). Женщины-врача **М. И. Покровской.** 17
16. **За границей.** Эмиль Зола передъ судомъ присяжныхъ.—Булувайо.—Политическій клубъ въ Парижѣ.—Миссъ Вилляръ—апостолъ трезвости. 28
17. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Review of Reviews».—«Fortnightly Review».—«Cosmopolis». 35
18. ШКОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. **В. Францова.** 37
19. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О жизни и смерти. (Нѣкоторые взгляды и гипотезы послѣднихъ 15 лѣтъ). **В. Г.** 45
20. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ. **Астрономія:** 1) Полное солнечное затменіе. 2) Оптическое доказательство отсутствія на Марсѣ морей. **Физика:** 1) Какіе цвѣта лучше видны на далекомъ разстояніи. 2) Выстрѣлы въ озерахъ. **Геологія:** 1) Рельефъ земной коры. 2) Новое ископаемое. 3) Доисторическая битва. **Біологія:** 1) Благодѣтельная роль мухъ, комаровъ и москитовъ въ уничтоженіи вредныхъ микробовъ. 2) Температура тѣла у низшихъ млекопитающихъ животныхъ. 3) Замерзаніе растеній и вліяніе крайне низкихъ температуръ на сѣмена. 4) Оригинальныя гнѣзда. 5) Періодическое выпаденіе зубовъ у нѣкоторыхъ рыбъ. 6) Измѣненіе окраски рыбъ во время сна. 7) Сонливость и ея микробы. **В. Агафонова** 57
21. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Русскія и переводныя книги. Беллетристика.—Исторія литературы.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 63
22. ИЗЪ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ. Великобританскій лордъ и естественный человѣкъ. **Ив. Иванова.** 84
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 104

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ОВОДЪ (Gadfly). Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. М-ссъ **Е. Войничъ.** Переводъ съ англійскаго **З. Венгеровой.** . 51
25. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА. **Гутчисона Маколея Познетта.** Переводъ съ англійскаго **Э. Пименовой** 41

„МІРЪ БОЖІЙ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб. Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

14 DAY USE
RETUR[illegible] DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT
RENEWALS ONLY—TEL. NO [illegible]S
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

MAR 12 1970 87
REC[illegible]
APR 3 1970
UCLA
INTERLIBRARY LOAN
JUL 8 1981 RECEIVED BY
AUG 12 ENT'D
CIRCULATION DEPT.
NOV 04 1991
AUTO DISC OCT 24 '91
SEP 09 1993
AUTO DISC CIRC SEP 08 '93

NOV 26 1996
REC. CIRC. DEC 10 19[illegible]

LD21A–60m-6,'69
(J9096s10)476–A-32
General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C038498453